Н.П. Фетискин, В.В. Козлов

ТРУДНЫЕ ДЕТИ

Институт консультирования и системных решений
Москва
2018

УДК 159.92
ББК 88.59
Ф-451

Фетискин Н.П., Козлов В.В. Трудные дети. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2018. – 544 с.

Рецензенты:
Петренко В.Ф., доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН
Клейберг Ю.А., доктор психологических наук, профессор

Все права защищены.
Любая перепечатка издания является нарушением авторских прав и преследуется по закону.
Опубликовано по соглашению с автором.

В книге впервые предпринята попытка системного рассмотрения типологий девиантного поведения в структуре межпоколенного взаимодействия родителей, детей и прародителей. Системное рассмотрение проявлений родительско-детской девиантности в рамках одной работы представляет возможность получить целостную картину генезиса и типологий девиантности в интерактивном родительско-детском пространстве. Основное внимание в данной работе сосредоточено на системном обобщении наиболее известных типологий семьи, родительства, материнства, отцовства, прародительства, диагностике ролевых позиций в разноуровневой структуре родительства и сложных процессах детско-родительского взаимодействия. В процессе обобщения публикаций прошедшего столетия (1914–2015 гг.) представлены типологии детей с отклоняющимся поведением. Системно-типологический подход к исследованию созидательных и девиантных потенциалов в институте межпоколенного родительства, несмотря на динамичность происходящих в нем трансформаций, позволяет выделить созидательные и девиантные потенциалы в структуре родительства и типологической мозаичности отклоняющегося поведения в детско-молодежной среде.

Книга адресована специалистам, студентам, магистрантам, аспирантам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами повышения качества семьи, родительства и воспитание нового, более жизнеспособного и счастливого поколения.

ISBN 978-5-91160-093-8

© Н. П.Фетискин., 2017
© Козлов В.В., 2017
© Институт консультирования и системных решений, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8
СЛОВО ОБ УШЕДШЕМ ДРУГЕ 12
РАЗДЕЛ I. ТИПОЛОГИИ СЕМЬИ,
РОДИТЕЛЬСТВА И ПРАРОДИТЕЛЬСТВА:
СОЗИДАТЕЛЬНЫЕ И ДЕВИАНТНЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ 16
ГЛАВА 1. ТИПОЛОГИИ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 17
1.1. Типологические критерии дифференциации семей 18
1.2. Основные характеристики
традиционных и девиантных семей 19
ГЛАВА 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСТВА 29
2.1. Психологическая сущность родительства 29
2.2. Психологическая структура родительства 34
ГЛАВА 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСТВА 48
3.1. Психологические представления о материнстве 48
3.2. Материнство как социально-психологический феномен 50
3.3. Типологии продуктивного и девиантного материнства 52
3.4. Психологические предпосылки формирования
продуктивного и девиантного материнства 63
3.5. Структурные компоненты и уровни психологической
готовности к материнству 69
ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ ОТЦОВСТВА 71
4.1. Феноменологические основы отцовства 71
4.2. Психологический статус и генезис
полимодальных типов отцовства 75
4.3. Юношеские представления об отцовстве 80
4.4. Конструктивные и девиантные типологии отцовства 83
4.5. Современные тенденции развития отцовства 87
4.6. Феномены необычного отцовства и отцовской незрелости ... 89
4.7. Психологические предпосылки готовности к отцовству 92
ГЛАВА 5. МЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
И ЦЕННОСТИ ПРАРОДИТЕЛЬСТВА 95
5.1. Специфика социально-психологических представлений
о прародительстве и детско-родительского взаимовосприятия ... 95

5.2. Психологический портрет прародительского возраста 100
5.3. Функционально-ролевая значимость прародителей
в созидательной жизнедеятельности детей и внуков 107
5.4. Типологии гармонично-созидательного
и девиантного прародительства 110
РАЗДЕЛ II. ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ
С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ 115
ГЛАВА 1. АМБИВАЛЕНТНАЯ ДЕВИАНТНО-РОЛЕВАЯ
ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ В СИСТЕМЕ РОДИТЕЛЬСТВА 117
1.1. Деструктивно-родительская типологизация детей
в перинатальный период 117
1.2. Девиантно-родительская типологизация детей
в постнатальный период 121
1.3. Девиантно-псевдопозитивная родительская
типологизация детей 122
ГЛАВА 2. ДЕВИАНТНО-АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ 133
2.1. Дети-акцентуалы демонстративного типа 135
2.2. Дети-акцентуалы депрессивно-дистимического типа 147
2.3. Дети-акцентуалы возбудимого типа 157
2.4. Дети-акцентуалы гипертимного типа 158
2.5. Дети-акцентуалы застревающего типа 160
2.6. Дети-акцентуалы эмотивно-лабильного типа 174
2.7. Дети-акцентуалы педантичного типа 177
ГЛАВА 3. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ
С ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ ... 181
3.1. Дети с дефицитарностью внимания 181
3.2. Когнитивно-ригидные и инфантильные дети 184
ГЛАВА 4. ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ С ДЕВИАЦИЯМИ
В ДВИГАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ 192
4.1. Девиантно-гиперактивные дети 192
4.2. Девиантно-гипомоторные дети 198
4.3. Девиации детей с моторно-соматическими комплексами 200
ГЛАВА 5. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПЫ АУТИЧНЫХ ДЕТЕЙ 206
5.1. Поведенческие девиации аутичных детей 207
5.2. Одинокие дети 211
5.3. Поведенческие девиации стеснительных детей 213
5.4. Поведенческие девиации детей-интровертов 214
ГЛАВА 6. ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ С АНОРМАТИВНЫМ
И АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ 216

6.1. Специфические проявления агрессивности в структуре детской девиантности ... 217
6.2. Типы агрессивных детей ... 221
6.3. Детские типы суицидального поведения ... 223
6.4. Делинквентные типы детского поведения ... 227
6.5. Типология детей с химической аддиктивностью ... 231
6.5.1. Дети-алкоаддикты ... 232
6.5.2. Пиво-аддиктивные дети ... 234
6.5.3. Дети нарко-аддикты ... 235
6.5.4. Дети токсикоманы ... 239
6.5.5. Никотино-аддиктивные дети ... 240
6.5.6. Спайс-аддиктивные дети ... 245
ГЛАВА 7. ТИПОЛОГИИ ДЕВИАНТНЫХ ДЕТСКО-МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР И ОБЪЕДИНЕНИЙ ... 248
7.1. Спортивно-фанатские субкультуры ... 249
7.2. Детские неформальные субкультуры эпатажной самодеятельности ... 250
7.3. Неформальные детские объединения культурной самодеятельности ... 255
7.4. Дети субкультур ухода от реального мира ... 261
7.5. Криминально-экстремистские субкультуры ... 267
7.6. Неформальные объединения политической самодеятельности ... 273
7.7. Новомодные неформальные детские объединения и субкультуры ... 274
ГЛАВА 8. ДЕВИАЦИИ ДЕТЕЙ ТЕХНОФЕТИША ... 280
8.1. Девиации детей-гаджетоманов ... 280
8.2. Девиации детей хай-тека ... 284
ГЛАВА 9. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ КИБЕРВИРТУАЛЬНЫХ ДЕТЕЙ ... 287
9.1. Компьютерно-аддиктивные дети ... 287
9.2 Телеаддиктивные дети ... 288
9.3. Мобильнико-аддиктивные дети ... 296
9.4. Sms –аддиктивные дети ... 299
9.5. Плееро аддиктивные дети ... 302
9.6. Дети кибергеймеры ... 303
ГЛАВА 10. ТИПОЛОГИИ ДЕТСКОЙ КУМИРО-АДДИКТИВНОСТИ ... 307
10.1. Девиантные проявления детского гаррипоттеризма ... 310
10.2 Девиации детско-молодежной гламуромании ... 312
ГЛАВА 11. ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ ДЕВИАНТНО-АЛИМЕНТАРНОЙ АДДИКТИВНОСТИ ... 315

11.1. Девиации детей «малоежек» и «многоежек» 315
11.2. Девиации детей-сладкоежек 319
11.3. Девиации детей-голодоманов (анорексиманов) 321
ГЛАВА 12. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ
С ПОЛЯРНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ СТАТУСАМИ 325
12.1. Девиации Vip-детей 325
12.2. Девиации детей с синдромом «ребенка новых русских» 326
12.3. Девиации детей с синдромом «старорусского ребенка» 327
ГЛАВА 13. ТИПОЛОГИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ
ОДАРЕННЫХ (УЛЬТРАСОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ) 329
13.1. Специфические девиации одаренных детей 329
13.2. Девиации детей многозадачности 334
13.3. Девиации «детей-индиго» 337
13.4. Девиации детей-билингвистов 342
13.5. Девиации «медиадетей» 345
13.6. Девиации детей с социально-опережающим развитием 350
13.7. Девиации детей-фантазеров и мечтателей 352
ГЛАВА 14. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ «ИСКУССТВЕННЫХ ДЕТЕЙ» ... 355
14.1. Девиации «пробирочных» детей 355
14.2. Девиации «суррогатных» детей 358
14.3. Девиации детей однополых семей 359
РАЗДЕЛ III. МЕТОДЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ТИПОВ РОДИТЕЛЬСТВА
И ДЕВИАЦИЙ В РОДИТЕЛЬСКО–ДЕТСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ... 362
ГЛАВА 1. КВАЛИМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ И ДЕВИАЦИЙ В СИСТЕМЕ РОДИТЕЛЬСТВА 363
1.1. Самооценка метафорических типов материнства 363
1.2. Описательные характеристики поведенческих типов материнства .. 368
1.3. Эмоциональные типы материнства 369
1.4. Специфические особенности девиантного материнства 370
1.5. Квалиметрическая оценка типов отцовства 371
1.6. Метафорические типологии современного отцовства 373
1.7. Психологические особенности «мерцающего родительства» ... 374
1.8. Квалиметрическая оценка типов прародительства 375
1.9. Метафорические типы прародительства 377
1.10. Экспертная оценка типов прародительского
отношения к внукам 378
ГЛАВА 2. МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ДЕВИАНТНЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ К ДЕТЯМ 381

2.1. Ролевая типологизация детей в системе родительства 381
2.2. Типологическая самооценка родительских отношений 388
2.3. Экспресс-самооценка типов родительского отношения к детям ... 391
2.4. Самооценка воспитательного родительского потенциала ... 394
2.5. Родительская оценка потенциальных способностей и одаренности ребенка 396
ГЛАВА 3. МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ И ДЕВИАНТНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ В РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ 401
3.1. Самооценка родительского отношения к ребенку 401
3.2. Оценка родительско-детского взаимодействия 407
3.2.1. Родительский вариант **407**
3.2.2. Оценка детско-родительского взаимодействия **412**
3.2.3. Подростковый вариант **412**
3.2.4. Уровневая оценка психологической защищенности в семье .. **417**
3.2.5. Биографический опросник **418**
3.2.6. Диагностика стратегий взаимодействия родителей с детьми .. **433**
3.2.6.1. Оценка взаимодействия подростков с родителями **436**
3.2.6.2. Оценка взаимодействия родителей с подростками **439**
3.6.2.3. Оценка взаимодействия родителей с дошкольниками и младшими школьниками **441**
3.7. Подростковая оценка поведенческих отношений с родителями ... 446
3.8. Самооценка образа отца разновозрастными подростками .. 452
3.9. Диагностика эмоциональных отношений в семье 455
3.10. Методика изучения структуры родительских отношений ... 460
3.11. Шкала родительской озабоченности (ШРО) 465
3.12. Интегральная оценка детско-родительских отношений (Методика «Родительское сочинение») 468
3.13. Самооценка поведенческих проявлений у детей с синдромами насилия 483
3.14. Ретроспективная оценка методов родительского насилия ... 485
3.15. Методика оценки родительского отношения к детям (РОД) ... 493
3.16. Методика «Анализ семейного воспитания» 500
3.16.1. Текст методики АСВ для родителей детей в возрасте 3–10 лет ... **503**
3.16.2. Текст методики АСВ для родителей подростков и юношей в возрасте от 11 лет до 21 года **508**
3.16.3. Оценка удовлетворенности ролью родителя **532**
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 535
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 537

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории психолого-педагогических и гуманитарных наук проблемы семьи, родительства, особенности детского поведения занимают одно из приоритетных мест. Накопленный огромный теоретический и эмпирический материал в виде феноменов и оригинальных работ, раскрывающих разнообразные аспекты семьи, отцовства, материнства, родительства и детско-родительских отношений, подтверждает сказанное. Несмотря на это, типологический подход к рассмотрению данных феноменов до сих пор как в отечественной, так и зарубежной практике используется чаще всего либо в контекстном, либо фрагментарном плане. Основное же внимание в большинстве работ, как правило, уделяется сущностным явлениям на уровне феноменологии, генезиса, психотехнологического сопровождения и др. Однако хорошо известно и то, что венцом любых исследований является выделение референтных свойств, качеств, критериев, которые в своей совокупности составляют типологическую основу родительства. Образующие типологию доминирующие качества личности прокладывают избирательный путь к ее внутреннему миру и продуктивному межпоколенному семейному взаимодействию.

Предлагаемая читателю книга представляет собой первую попытку системного рассмотрения типологий девиантного поведения в структуре родительства и межпоколенного взаимодействия родителей, детей и прародителей. Системное рассмотрение родительско-детской девиантности в отличие от традиционных направлений, изолировано исследующих детские девиации в отрыве от родительских, представляет возможность получить целостную картину генезиса и типологий девиантности в интерактивном родительско-детском пространстве.

Исходя из этого основное внимание в данной работе сосредоточено на системном обобщении наиболее известных типологий семьи, родительства, материнства, отцовства, прародительства, диагностике ролевых позиций в разноуровневой структуре родительства и сложных процессах детско-родительского взаимодействия.

Следуя этой логике, работа включает три раздела: первый раздел «Типологии семьи, родительства и прародительства: созидательные и девиантные потенциалы» содержит 5 глав, посвященных типологиям семьи, психологической структуре и типологиям родительства, специ-

альным типологиям материнства, отцовства и прародительства. В первой главе «Типологии семей в современном мире» показаны психологические критерии типологической дифференциации современной семьи. Выделенные признаки классификации семей позволяют объективно характеризовать их типологическое многообразие. Среди них особый интерес представляют характеристики таких семей, как межнациональная, гостевая семья, гетерогенная, смешанная и инфертильная и др. Во второй главе «Психологические основания родительства» изложены сущностные основы и структура родительства. Должное внимание в данной главе отведено таким аспектам, как психологические составляющие родительства, ценностные ориентации, родительские установки, отношения, позиции, типы воспитания ребенка и др. Третья глава «Психологические особенности материнства» посвящена психологии материнства. Главное внимание в этой главе обращено на понимание материнства как сложного феномена и его особенностей. Особого внимания заслуживают девиантный, суррогатный, детоцентрированный типы и условия формирования полимодального материнства. Своеобразным ключом к пониманию полярных типов материнства служит обоснование истоков формирования продуктивного и девиантного материнства. В четвертой главе «Психологическая сущность и воспитательный потенциал отцовства» предпринята попытка обобщения психологической сущности и воспитательных потенциалов отцовства. В соответствии с этим в доступной форме раскрыты феноменология и этиология отцовства. Показаны юношеские представления об отцовстве и современные тенденции проявлений этого важнейшего мужского статуса. Для настоящих и будущих родителей немаловажный интерес представят вопросы, связанные с типологиями отцовства, отцовской незрелостью и психологической готовностью к отцовству. Учитывая, что родительство не ограничивается только отцовством и материнством, но и включенностью в эту систему прародителей, то есть бабушек и дедушек. Некоторые из их значимых характеристик приведены в пятой главе «Ментальные характеристики и ценности прародительства». В этой связи в данной главе отражены такие их важные особенности, как взаимовосприятие межпоколенных семейных отношений в системе: прародители–родители–дети–внуки. Выделена функционально-ролевая значимость прародителей в актуализации созидательной жизнедеятельности своих детей (родителей) и внуков. Приведенный психологический портрет прародительского возраста расширяет онтогенетические представления о динамической структуре межпоколенного института родительства.

Второй раздел «Типологии детей с отклоняющимся поведением» является самым объемным как в количественном, так и содержательном

плане. Мотивом его создания послужило заметное омоложение и расширение диапазона разноуровневых детских девиаций и дефицит научно-методических и фундаментальных работ, дающих общее представление о психологической природе и методах профилактики девиантного поведения. Учитывая интенсивность социальных трансформаций, расширение сферы виртуальных коммуникаций, ослабление развивающих воздействий ведущих институтов воспитания современного детства, а также актуализацию новых ценностей и детского эгоцентризма, особую значимость приобретают вопросы, связанные с изучением типов девиантных новообразований, механизмов, и причины их возникновения. Данные предпосылки расширения типологического диапазона девиаций дополнялись повышенным уровнем социального сиротства, детской безнадзорности, роста болезней зависимости и суицидальной опасности. С этой целью в книге обобщен достаточно обширный материал, отраженный в публикациях XX–XXI веков (1914–2015 гг.), начинающийся с работ Ф. Шольца, К. Леонгарда, П.Ф. Лесгафта и заканчивающиися современной типологизацией детей, отражённых в работах А. Баркан, Р. Байярд, Т.Н. Джумагуловой, В.Н. Дружинина, Ю.А. Захаровой, Р. Зазо, И.И. Иванец, В. Леви, А. Левчено, М. Лейни, И.Е. Луьяновой, Э. Мазлиш, О. Маховской, Е.И. Николаевой, Р.В. Овчаровой, И.Н. Пятницкой, М. Селигман, Н.Я. Семаго, Е.А. Сергеенко, Э. Фуллера, Е.И. Холостовой, О.Ю. Чирковой, В.Б. Шапарь и др.

Следуя этому, в четырнадцати главах данного раздела рассматриваются различные типы девиантного поведения, связанные с акцентуациями характера, познавательно-деятельностными ограничениями и нарушениями в двигательной сфере. Заслуживают внимания и девиации, типичные для аутичных детей. Должное место в работе отведено и детским девиациям, относящимся к различным видам химической зависимости (алкогольной, наркотической, никотиновой, токсикомании, спайс-аддиктивности и др.). Указанные аддиктивно-девиантные типы дополняются детскими девиациями, свойственными различным детско-молодежным субкультурам. В типологической структуре детско-молодежной зависимости существенное место занимают девиации технофетиша, хай-тека, коммуникативной виртуализации, кумироаддиктивности и пищевой зависимости. Исходя из различий в материальном обеспечении современных детей, в работе выделены девиации, характерные для Yip-детей и детей с синдромом «старорусского ребенка». Заслуживают специального внимания и девиации одаренных или «новомодных детей», включая девиации «пробирочных детей».

Содержание третьего раздела «Методы психодиагностики типов родительства и девиаций в родительско-детском взаимодействии» на-

правлено на психодиагностическое обеспечение повышения качества родительства и межпоколенного родительско-детского взаимодействия. Основу раздела составляют три главы, посвященные квалиметрической оценке типов родительства (Глава 1) «Квалиметрическая оценка психологических особенностей и девиаций в системе родительства». В главе 1 дана оценка детских типов и родительских отношений к детям. Приведены методики, ориентированные на изучение типов материнства, отцовства и прародительства. В этой главе рассмотрены факторы типологизации детей родителями в перинатальный и постнатальный периоды, а также обусловленные гиперболизированной мотивацией, деструктивной стигмацией, родительскими отношениями, воспитательным потенциалом родителей. В (Главе 2) «Методы оценки девиантных родительских отношений к детям» приведены метафорические особенности и типологические характеристики материнства, отцовства и прародительства. Предложены квалиметрические методики оценки всех субъектов родительства. Истоки родительской типологизации детей в перинатальный и постнатальный периоды, наряду с методиками оценки типов родительских отношений к детям, воспитательного родительского потенциала и диагностики детских способностей отражены в главе 2.

Третья глава «Методы диагностики созидательных и девиантных потенциалов в родительско-детском взаимодействии» ориентирована на выявление полимодальных особенностей, стратегий и стилей, проявляемых в процессе деятельностного и воспитательного взаимодействия родителей и детей, как в продуктивных, так и девиантных формах проявляемых в стигмации, насилии, гипо- и гиперопёки. В целом материалы этой работы впервые в системно-обобщённом виде дают целостное представление о сложном межпоколенном институте родительства и методах диагностики психологических особенностей родительства и полимодальном взаимодействии его членов. Несмотря на динамичность изменений в иерархической структуре родительства, многие из указанных феноменов не потеряют своего интереса для всех тех, кому значимы проблемы семьи, условия формирования гармоничного родительства, а, следовательно, воспитания нового поколения, способного к сохранению ментально-корневых семейных ценностей, традиций и успешной самореализации в условиях сложных вызовов современной реальности.

Фетискин Николай Петрович,
доктор психологических наук, профессор,
лауреат Премии Правительства Российской Федерации
в области образования

СЛОВО ОБ УШЕДШЕМ ДРУГЕ

(Памяти Н.П.Фетискина)

«На рассохшейся скамейке - Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса»
Иосиф Бродский

В жизни все очень близко: и радость и печаль, восторг и слезы, рождение и смерть… Николай Петрович Фетискин был удивительно жизнерадостным, жизнелюбивым и жизнестойким человеком, любящим и ценящим жизнь во всех ее проявлениях… Как говорил классик, ничто человеческое ему было не чуждо, был он земным и очень добрым человеком. Любому занятию он отдавался со страстью, с присущими ему энтузиазмом и увлечением. Никогда и ничего не делал для «галочки», если брался за что-то, то был перфекционистом. Был целеустремлен и упрям: если решение было принято, остановить его не могло ничто – это была стихия. Общая психология приучила нас к тому, что «чистые» типы бывают редко. Сам он был воплощением холерика в самом «чистом» виде. В пору нашего знакомства он прибыл в Ярославль из Ленинграда, был учеником Е.П.Ильина, молодым кандидатом биологических наук. Близость Н.П.Фетискина к биологии и психофизиологии навевали мысли об очевидной похожести его на великого И.П.Павлова. Конечно, в этом отношении главную роль играли увлеченность, порывистость и страстность его натуры, а также рыцарская преданность науке. Последнее очень подкупало.

В жизни все рядом… Всего год назад мы с нашим общим с Николаем Петровичем другом В.В.Козловым сочиняли текст к славному юбилею: Н.П.Фетискину 2 января 2017 года исполнялось 75 лет. Он был молод душой, здоров, силен, динамичен и подвижен… Та статья называлась «Гимн психологу» и выражала восхищение личностью и деятельностью этого человека… Таким он оставался до последнего дня, таким он и останется в нашей памяти.

Николай Петрович Фетискин (1942-2017) родился 2 января 1942 года в Тамбовской области. С детства Николай тянулся к знаниям, любил читать, хотя его мать устремлений сына не разделяла, была против его учебы, поскольку видела в нем помощника по хозяйству. Но тяга к знаниям победила, Н.П. Фетискин покинул родительский дом. Служил в погранвойсках в Хабаровске, впоследствии окончил два вуза: педагогический в Хабаровске, а высшее образование по психоло-

гии получил в ЛГУ. Питерский университет считал своей alma mater, при каждом удобном случае туда наведывался… В ЛГУ у Е.П.Ильина окончил и аспирантуру. В кандидатской диссертации он изучал монотонию. Молодым кандидатом наук прибыл в Ярославль.

Годы в Ярославле были насыщенными. На его плечи выпала большая нагрузка, надо было разрабатывать новые курсы, в том числе такие сложные как психология личности. Большая общественная нагрузка – он был секретарем партбюро факультета, а, значит, приходилось проводить «линию партии», осуществляя цензуру стенной печати, самодеятельности и студенческого театра. Не все получалось гладко, но это был бесценный опыт. В Ярославском государственном университете проработал до 1979 года. Эти годы работы на психологическом факультете Ярославского государственного университета были крайне важными для становления ученого. В Ярославском университете Н.П.Фетискин работал на кафедре психологии, которой руководил замечательный ученый-психолог и педагог Николай Павлович Ерастов. Ярославская школа психологии, которая складывалась тогда в университете, была представлена именами Н.П.Ерастова, В.Д.Шадрикова, М.С.Роговина, Ю.К.Корнилова. Фирменным знаком психологии в Ярославле было стремление использовать психологическое знание для решения практических задач.

По семейным обстоятельствам в 1979 Николай Петрович переехал в Кострому, где стал работать на кафедре психологии у Л.И.Уманского, известного отечественного психолога. Вся дальнейшая судьба и деятельность Н.П.Фетискина связана с Костромой. В Костромском государственном университете Н.П.Фетискин заведует кафедрой психологии. Кафедрой с прекрасными традициями, которые были заложены Л.И.Уманским. Н.П.Фетискин достойный преемник: при его руководстве рост и качественные положительные изменения продолжаются. Кафедра широко известна и авторитетна в психологических кругах. Регулярными стали научные и научно-практические конференции, проводимые кафедрой. Симпозиумы, конгрессы и конференции по проблемам личности и общества, ставшие ежегодными (1998-2016) неизменно привлекали ученых и собирали представительную аудиторию. К этому нужно добавить, что Николай Петрович являлся одним из организаторов и ведущих многих крупных Международных форумов в России и за рубежом. Костромская конференция 2017 года была запланирована на 15-16 декабря… Провести ее Н.П.Фетискин не успел…

В Костроме Н.П.Фетискин получил широчайшее признание: стал Заслуженным деятелем науки, Лауреатом премии Правительства в области образования, его авторитет и известность в России и за ее пределами были огромны. Он был председателем докторского совета, вице-президентом МАПН, действительным членом Международной академии психологических наук, академиком ряда отраслевых академий.

Н.П.Фетискин был востребован, его приглашали прочитать лекции за рубежом, он издал огромное количество научных работ, в том числе

и за пределами страны. Справедливости ради надо сказать, что не все всегда было гладко. Бездумное реформаторство в образовании привело к тому, что Николай Петрович лишился кафедры, которой заведовал несколько десятилетий и ее развитию отдал столько сил. Как человек самолюбивый он это остро переживал, но никто и никогда не слышал от него жалоб или сетований. Он стойко переносил невзгоды, никогда не жаловался на судьбу или дурное начальство…

Мы уже упоминали, что наша дружба с Николаем Петровичем продолжалась более 40 лет… Это много, но, как оказывается, недостаточно, чтобы выразить чувства… Жизнь оказалась коротка…

Остается сделать несколько штрихов для будущего портрета ученого, педагога и организатора.

Любовь к знаниям. Про детские годы уже вспоминали. Приезжая в Питер, Москву, Ярославль первым делом направлялся в книжные магазины, следил за новинками, собрал уникальную научную библиотеку, огромный научный архив, представляющий огромную ценность. На любом заседании Диссертационного совета неизменно можно было видеть Н.П.Фетискина, делающего выписки из диссертаций.

Потрясающая любознательность. Вопросы от Фетискина сыпались гроздьями, ему всегда хотелось докопаться до сути… Вот и на последнем Конгрессе в октябре 2017 года в Ясных Зорях вопросов выступающим было много.

Николай Петрович был настоящим ученым. Это очень редкая порода, человек, целиком преданный науке… В его жизни было два периода. На первом он представлял собой классического ученого, занятого изучением одной проблемы. Двадцать лет он исследовал состояние монотонии и был, наверное, единственным человеком, знавшим об этом предмете все. При этом он становился «на горло» собственной песне, блокируя занятия тем, что было для него «просто» интересно. Зато на втором он дал волю своим интересам – широта и разнообразие его изысканий потрясали. Это был феерический этап высочайшей продуктивности… Исследования Фетискина идут в самых разных направлениях: социальная, педагогическая, организационная психология, педагогика высшей школы, юридическая психология. Вероятно, это стремление восполнить узкую направленность исследований по монотонии – занятия девиантологией и специальной психологией, психологией спорта, методологией психологической науки, гендерной психологией, экспериментальной психологией. Причем все, что делается Фетискиным, делается с огромным увлечением, он стремится «дойти до самой сути».

Николай Петрович был замечательным учителем. Внимательным, понимающим, поддерживающим, вдохновляющим. Скольких людей он поддержал, благословил на научные исследования.

Он был замечательным учеником, хранил верность Е.П.Ильину, В.В.Новикову, Л.И.Уманскому… Заботился о сохранении памяти об учителях…

Он был замечательным, заботливым отцом, мужем, заботился о близких.

Мог все сделать для друзей, умел и любил дружить. Это редкий дар, нам всегда будет не хватать внимания и заботы Н.П. Он считал, что дружба - понятие «круглосуточное»…

Он был замечательным человеком. Он интересовался людьми, был открыт и доброжелателен. Всегда на его лице была обаятельная улыбка, искреннее расположение к собеседнику. Каждого надо выслушать, каждому дать слово. Он был непревзойденным тамадой, который и в праздник объединял людей в сообщество, «строил коллектив».

Он очень любил свой Дом в Слесарном переулке, постоянно благоустраивал «усадьбу», делая ее все более удобной и комфортной для жизни… Жизнь оказалась слишком коротка…

Он обладал кипучей энергией. Невозможно было представить, что она иссякнет. Она и не иссякла: он ушел на взлете, на полуслове… Наш долг, долг коллег и друзей, продолжить Дело Николая Петровича…

Николай Петрович был безудержным оптимистом, всегда полным планов. Всегда говорил: «Все будет хорошо!»… Он любил строчку из стихотворения В.С.Высоцкого:

«- Ах!- скажут,- что вы, вы еще не жили! Вам надо только-только начинать...»…

И он начинал…
«В который раз сначала,
покуда в жилах кровь, в ушах покуда шум».
Шум времени закончился, наступает вечность…
Дальше - тишина…
The rest is silence…

И – самое последнее. Строчки из стихотворения, вынесенные в эпиграф… Конечно же, я погорячился. Не растут в наших широтах лавры, пинии и кипарисы – нет их в Костроме… И вместо Понта там течет Волга, и в нее впадает Костромка... Совсем недалеко от гостеприимного Дома в Слесарном переулке, возле Ипатьевского монастыря. И скамейка у заботливого хозяина перед Домом точно не рассохшаяся. И – вообще – не стал бы Н.П. читать Старшего Плиния ни при каких обстоятельствах, наверняка предпочел бы что-то более актуальное и приземленное. А вот дрозды там точно есть. И если кипарис заменить на тополь, томик Плиния на книгу Е.П.Ильина, сходство значимо увеличивается… Похоже становится на ту картину, которую поэтический гений обозначил двумя бессмертными строками… Уход в Вечность. Впечатление такое, что хозяин только что отошел на минуту… Но он уже не вернется никогда… Никогда, потому что он уже в Вечности…

Он будет жить в нашей благодарной памяти – памяти всех тех, кому довелось быть знакомым с этим добрым, открытым, светлым, теплым и лучезарным человеком…

В.В. Козлов, В.А.Мазилов, Ярославль

РАЗДЕЛ I.

ТИПОЛОГИИ СЕМЬИ, РОДИТЕЛЬСТВА И ПРАРОДИТЕЛЬСТВА: СОЗИДАТЕЛЬНЫЕ И ДЕВИАНТНЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ

Данный раздел работы нацелен на системно-комплексное рассмотрение психологических основ современной семьи, родительства и прародительства. Типологический подход к анализу родительско-детских отношений, впервые представленных в рамках одной работы, создает целостное представление о специфики и динамики межпоколенных статусно-ролевых позиций, стилей и установок в родительско-детском взаимодействии, неизменно ориентированного на повышение качества семьи, воспитания более жизнеспособного и гармонично развитого нового поколения.

В соответствии с этим структура данного раздела включает пять глав, содержащих основные характеристики и полимодальные типологии современной семьи (Глава 1), структуры родительства (Глава 2). В последующих главах отражены психологические особенности и типологии материнства (Глава 3), феноменологические основы отцовства (Глава 4). Должное место в данном разделе отведено психологии прародительства, включающей рассмотрение функционально-ролевой значимости, психологических особенностей и типологий прародительства (Глава 5). Выделенные акценты на девиантных типологиях родительства, на наш взгляд, позволяют осмыслить их генезис и активизировать поиск в предупреждении и оказании психологической помощи родителям и прародителям с выраженными симптомами девиантности.

ГЛАВА 1. ТИПОЛОГИИ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Во втором десятилетии XXI века кризисные явления в институте семьи достигают своего апогея, актуализируясь в виде таких вопросов, как, например: «А нужна ли человеку семья?», «Разве не проще прожить одному в это смутное время?», «Стоит ли ради семьи жертвовать своей карьерой и свободой?» и др.

Однако, по социологическим данным, многострадальная семья среди ведущих человеческих ценностей всегда располагается в первой тройке. Конечно, семья нужна! – считают современные психологи. Никакая головокружительная карьера ее не заменит. Если у человека есть крепкая семья, он имеет хороший иммунитет к любым невзгодам. Подзабыли мы слова Льва Николаевича Толстого: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». А классик психологии Эриксон способностью создать к тридцатилетнему рубежу собственную семью даже измеряет жизненную состоятельность личности.

Не менее важным вопросом XXI века является и вопрос: какой станет семья в XXI веке? Результаты наблюдения и социологических исследований убедительно свидетельствуют не только о многообразии семей, но и возрастании их многообразия по половозрастным, социально-демографическим, психологическим и др. факторам. Например, есть ранние браки, и кто-то женится в 19–20 лет. Такие семьи распространены в основном в небольших городах. В мегаполисах возраст молодоженов более зрелый. Увеличивается количество гражданских браков и встречающихся семей, т. е. семей, где супруги, состоя в зарегистрированном браке, не ведут общее хозяйство, а встречаются по выходным. Есть дистантные семьи, живущие врозь. Например, когда жена с детьми остается в родном городке, а муж по полгода зарабатывает деньги в Москве. Все чаще современная семья становится бикарьерной, т. е. нацеленной на работу обоих супругов, а дети оставляются на бабушек, наемных нянь или детские учреждения.

Всякие браки имеют право на жизнь. Вопрос лишь в том, как их сохранить счастливыми. Для этого нужен большой труд. Мало только хотеть, надо еще знать, уметь и действовать, действовать. Предположим, девушка мечтает о муже-лидере и не догадывается, что самой же потом придется

перед ним «маршировать» и «стоять навытяжку». Мягкий, спокойный мужчина в некоторых ситуациях становится тормозом. Кому-то со спокойным слишком скучно. Бывают еще яркие, артистичные натуры, перепады настроения которых, однако, иногда весьма утомительны. Идеала нет! Нужно превращать недостатки в достоинства! Дефекты – в эффекты.

А вот браки по огромной любви, к сожалению, часто обречены. Более перспективны браки комплементарные, заключаемые по принципу: «у меня толстый кошелек, у тебя ноги от ушей» или «у меня интеллект, у тебя – красота неземная».

1.1. Типологические критерии дифференциации семей

Учитывая значимость данной проблемы для психологов, социальных педагогов и работников образования, нами предпринята попытка создания обобщенной классификации современных семей. Актуальность такой попытки подтверждается тем, что различные типы (категории) семей по-разному проявляют себя в тех или иных сферах семейных отношений. По-своему изменяются они под воздействием многообразных факторов семейного бытия.

Систематизирующие признаки в классификации семей необходимы для изучения психолого-педагогических процессов, отличающих типы (категории) семей. Классификацию их осуществляют по следующим признакам:

– по количеству детей: бездетная, одно-, мало-, многодетная семья (наиболее распространена малодетная с двумя детьми – до 46% от общего числа, однодетная – 35, бездетная – 16, многодетная – более 2;

– по составу: неполная, простая или нуклеарная, сложная (из нескольких поколений); большая; материнская; семья повторного брака;

– по структуре: одна брачная пара с детьми или без детей, с одним из родителей супругов и другими родственниками; с двумя и более брачными парами (с детьми или без них), с одним из родителей супругов и других родственников или без них; с матерью (отцом) и детьми, с одним из родителей и другими родственниками;

– по семейному стажу: молодожены; молодая семья; ждущая ребенка; семья среднего супружеского возраста; старшего возраста; пожилые супружеские пары (наиболее распространена семья среднего супружеского возраста с детьми школьного возраста, каждая третья — это молодая семья или семья, ждущая ребенка);

– по однородности социального состава: в зависимости от национальной принадлежности, уровня образования, соответствия профессий и т.д.

(социально-гомогенные – однородные и гетерогенные – неоднородные семьи); более половины семей относятся к числу социально-гомогенных;

– по качеству жизнедеятельности семьи: благополучная; устойчивая; неблагополучная; педагогически слабая; нестабильная; дезорганизованная; проблемная и другие (объектами социальной работы являются временно и хронически проблемные семьи, а также кризисные);

– по особым условиям семейной жизни: студенческая; «дистантная» и внебрачная семьи (75% семей, относящихся к этой категории, являются «дистантными»; в них из-за частых и порой продолжительных командировок, гастролей, дежурства одного или обоих супругов нарушается нормальное функционирование семьи);

– по структуре лидерства в семье: эгалитарные (демократические), традиционные и авторитарные;

– по семейному быту, укладу;

– по географическому признаку: городская; сельская, проживающая в труднодоступных районах, закрытых городках;

– по потребительскому поведению («физиологического», «интеллектуального», промежуточного типов потребления);

– по характеру проведения досуга: открытые и закрытые (ориентированные на домашний досуг):

– по социальной мобильности: реактивные, средней активности и активные;

– по степени кооперации совместной деятельности: традиционные, коллективистские и индивидуалистические.

– по состоянию здоровья: здоровая; невротическая; виктимогенная; психологически благополучная.

В области социальной работы с семьями системообразующим признаком является характер протекающих психолого-педагогических явлений и процессов.

Психолого-педагогические особенности различных категорий семей исследованы и изучены профессором В.С. Торохтий, выделившим приоритетные сферы оказания им социальной, психолого-педагогической помощи и поддержки.

1.2. Основные характеристики традиционных и девиантных семей

Молодая семья. Для стабильности молодой семьи опасны два кризисных периода: первичная супружеская адаптация и адаптация к появлению первого ребенка. Приоритетной сферой внимания социаль-

ного работника в молодой семье могут быть представления супругов о способах самореализации; репродуктивные установки; круг общения; тип взаимоотношений; лидерство, устройство быта, отдыха и др.

Бездетная или инфертильная семья. В нашей стране около 16% бездетных семей (во всем мире их не более 30%). Обычно бездетными бывают поздние браки (всего 1% всех семей не хотят иметь детей). Социально-психологические опросы показывают, что дело чаще не в нежелании супругов иметь детей, а в невозможности их содержать.

Многодетная семья. Она отличается большой сплоченностью, разводы в таких семьях довольно редки и происходят в основном из-за несостоятельности мужей в материальном обеспечении и воспитании детей, невыполнении семейно-бытовых обязанностей. В этих семьях складывается разновозрастный детский коллектив, берущий на себя многие хозяйственные заботы, во взаимоотношениях проявляется уважительное отношение к старшим, их лидерству по возрасту.

Каждая четвертая многодетная семья – неблагополучная. Социологические исследования.

Малодетная семья. К ним относят семьи с 1–2 детьми. Иногда выделяют однодетные семьи. В таких семьях есть благоприятные возможности формирования у детей (и родителей) положительных социально-психологических качеств, адекватных полоролевых типов поведения, ответственности за свои действия и поступки.

Сложная семья. Семей из нескольких поколений (из двух и более брачных пар) становится все меньше. Чаще встречаются такие ее разновидности, как один или оба родителя кого-либо из супругов, супружеская пара и молодая семья. При этом удельный вес молодых пар, проживающих в таких семьях, составляет 75—80%, а число семей среднего возраста в сложных семьях не превышает 20%.

Однако в сложной семье не все так однозначно: много разнообразных проблем таит в себе межпоколенное общение, выбор целесообразных способов воспитания ребенка, ведение домашнего хозяйства и т.п. Нередко проблемы такой этиологии переходят на область супружеских взаимоотношений и создают условия для распада молодой семьи.

Сложная семья – это многоуровневый, многоцелевой и разновозрастный коллектив близких людей, тем не менее возможны противоречия во взаимоотношениях кого-либо из супругов и родителей. В такой семье являются нормой высказывания типа: «Мой муж очень хороший», «Моя жена самая лучшая». В благополучных семьях недостатки обладают свойством обращаться в достоинства: «Он не жадный, а бережливый», «Он не зануда, а заботливый, пунктуальный».

Неблагополучная семья. Такие семьи не способны противостоять воздействию дестабилизирующих вне- и внутрисемейных факторов. К ним относятся: смешанные (как правило) и внебрачные, неполные семьи, проблемные, конфликтные, кризисные, невротические, педагогически слабые, дезорганизованные. В таких семьях чаще преобладает культ личных, эгоистичных интересов, сосредоточенность каждого из членов семьи на себе.

Социально-психологические цели неблагополучной семьи обычно сводятся к индивидуальному самоутверждению, достижению собственных эгоистических потребностей, в том числе в избранной сфере деятельности и в будущем своих детей.

Психологическая обстановка в таких семьях способствует появлению «трудных» детей (до 90% их имеют отклонения от нормы в поведении).

Проблемы неблагополучных семей самые разнообразные: трудности супружеских взаимоотношений; противоречия во взаимоотношениях родителей и детей, подростков; разногласия во взглядах на воспитание детей и роли в этом каждого из родителей; гипертрофированные потребности одного или обоих супругов и др. Все это и многое другое создает условия для хронического неблагополучия, семья балансирует на грани распада. Поэтому для социальной работы неблагополучные семьи являются основным объектом.

Смешанная семья или семья повторного брака. Выделяют три типа таких семей:

– женщина с детьми выходит замуж за мужчину без детей, семья состоит из жены, детей жены, мужа и бывшего мужа жены;

– мужчина с детьми женится на женщине без детей: в состав семьи входят муж, дети мужа, жена и бывшая жена мужа;

– оба – и мужчина, и женщина, – заключая брак, имеют детей от предыдущих партнеров: семья состоит из жены, детей жены, бывшего мужа жены, мужа, детей мужа и бывшей жены мужа.

Весьма редко эти люди живут вместе под одной крышей, но в жизни друг друга в той или иной степени присутствуют. Смешанная семья живет и развивается благополучно при условии, если каждый ее член важен и нужен. Многие люди пытаются жить так, будто прежних, разорванных связей не существовало. Но так не бывает: все эти люди в той или иной степени влияют на жизнь семьи. Проблемы возникают тогда, когда они утрачивают общий язык, ссорятся или считают друг друга врагами.

У каждого члена семьи повторного брака была прошлая жизнь, и многое из того, что происходит с ним сегодня, имеет свои корни в

прошлом. У них остаются прежние друзья и контакты, в число старых связей входят: свекор и свекровь, тесть и теща, бабушки и дедушки, другие родственники.

Внебрачная семья («конкубинат»). Это существующий длительное время юридически не оформленный союз мужчины и женщины с детьми или без них, а также добрачные устойчивые и продолжительные семейные отношения молодых людей, что может привести к заключению брака или возникновению материнской семьи – внебрачной.

Возраст матерей при внебрачных рождениях имеет два пиковых значения – до 20 и 30–35 лет. Первый отражает снижение возраста начала половой жизни, рост добрачных беременностей, второй – во многом осознанное материнство при отказе от регистрации брачных отношений как со стороны мужчин, так и со стороны женщин.

Социально-психологические цели внебрачной семьи: достижение чувства облегчения и разрешение возникших проблем межличностного общения с противоположным полом; стабильность отношений; стремление «пожить в свое удовольствие» и испытать романтику свободной любви.

Предметно-практическая деятельность такой семьи по содержанию ограниченна, хотя периодически не отличается от обычной семьи. В ней доминируют досуговые формы, а благоустройство носит эпизодический характер, наполнение семейного бюджета нестабильно.

Для семьи присущ замкнутый характер жизнедеятельности. Круг общения ограничен и как бы раздвоен – у каждого свои, устойчивые связи и контакты между их близкими отсутствуют. В этом случае микроокружение «супруга» более открыто для общения. Если решаются основные вопросы жизнедеятельности семьи, то со временем начинает сказываться дискомфорт отношений и статуса каждого из партнеров. Возможен рост общей нервно-эмоциональной напряженности и распад союза.

Неполная семья. Образуется после развода супругов, овдовения, при рождении ребенка женщиной вне брака («материнская» семья) либо при официальном усыновлении (удочерении) ребенка одинокими мужчиной или женщиной.

В подавляющем большинстве (94%) – это материнские семьи без отца; одного ребенка имели в своем составе 69% неполных семей, двух – 25, трех и более – 6%.

Социально-психологические цели неполной семьи: приобретение чувства защищенности и надежности в системе общественных отношений; формирование полноценного во всех отношениях ребенка и достижение им жизненных высот, развитого чувства взаимопомощи

среди членов семьи; установление взаимопонимания между родителем и ребенком, детьми; оберегание ребенка от воздействия негативных явлений, обусловленных разводом супругов.

«Материнская» семья. Это разновидность неполной семьи, когда женщина рождает (усыновляет) ребенка, не состоя в браке. Основными факторами, оказывающими воздействие на психологию семьи, являются: наличие второго родителя и характер отношений с ним, отношение родителей матери к внебрачному ребенку и самой матери к нему.

Более 78% матерей-одиночек характеризуют свое материальное положение как неудовлетворительное, 20% из них не получают пособия, около 60% не имеют отдельного жилья, а 20% вынуждены жить в общежитии. Почти 30% таких женщин испытывают на себе негативное отношение со стороны своих родственников и сотрудников, из-за чего имеют место конфликты на работе. Нередки случаи отказов матерей-одиночек от ребенка. В целом по России 35% женщин-отказниц рожают в результате внебрачных связей (более 50% отказниц в возрасте до 25 лет, около 30% – 30–50 лет и 8% – несовершеннолетние). Причем до 70% отказниц ведут асоциальный образ жизни и злоупотребляют алкоголем, половина из них жестоко обращаются со своими детьми.

Неполная семья как следствие развода. На каждую 1000 зарегистрированных браков, как свидетельствуют данные Госкомстата, приходится 665,5 развода. В настоящее время 38% браков распадаются еще до истечения первых пяти лет супружеской жизни. На одну разводящуюся пару среднее число детей составляет 0,88. В целом по России за год число детей, оставшихся без одного из родителей в результате развода, составляет 588,1 тыс., в то время как число ежегодных рождений составляет 1 325 тыс. человек.

Развод и распад семьи травмируют психику ребенка, из-за этого нередко нарушаются взаимоотношения матери и ребенка. Успеваемость таких детей в школе ниже, чем детей из полных семей, они сравнительно мало читают, большую часть времени проводят вне дома. Около половины правонарушителей среди несовершеннолетних живут в неполных семьях. Многие психологи считают, что разводы передаются по наследству: ребенок, выросший в неполной семье, усваивает негативные черты поведения и манеры отношения к противоположному полу. Впоследствии он не может сохранить свою семью.

Неполная семья, возникшая в результате овдовения. Потеря спутника жизни переживается часто как катастрофа, человек на некоторое время теряет всякий смысл жизни, что болезненно сказывается на ребенке. Его круг общения постепенно ограничивается рамками микроокружения родителя. Абсолютизируется прежняя жизнь, обо-

жествляется умерший супруг или супруга, и все живущие надолго блекнут перед этими стереотипами. Восстановление социальной активности членов такой семьи своими силами довольно затруднительно.

Неполная семья при официальном усыновлении (удочерении).

Характерной особенностью такой семьи является повышенный интерес к жизни как следствие альтруистской направленности родителя. Среди женщин, длительное время стремившихся приобрести, таким образом, ребенка, может развиться ряд психогенных отклонений типа «чрезмерная опека» или «фобия утраты» ребенка. Однако скоро на смену им приходят устойчивые родительские чувства.

Дистантная семья. Жизнь в ней проходит для каждого из супругов отдельно из-за специфики профессии одного или обоих брачных партнеров (моряки, полярники, геологи, нефтяники, военные, артисты, спортсмены, бортпроводники поездов дальнего следования и др.). Число таких семей достигает 4–6% от общего количества.

Социально-психологические цели дистантных семей сосредоточены на обретении чувства стабильности и целостности семьи; устранении тягостного состояния расставания и ожидания встречи; стремлении заняться воспитанием ребенка и поднять свой авторитет в его глазах; исключить возможные расхождения жизненных установок и ценностных ориентаций супругов и детей. В таких семьях возникают проблемы воспитания и развития детей, поскольку этим занимается один из супругов (чаще мать). Среди супругов нередки споры о методах воспитания детей и причинах их девиантного поведения, если оно наличествует.

Разнородная семья (социально-гетерогенная). В ней супруги имеют разный уровень образования и профессиональной ориентации. Количество таких семей достигает 38% и имеет тенденцию к увеличению. В таких браках взаимоотношениям супругов присуща конфликтность: нет общих интересов, взглядов, установок, нет единства мировоззрения. Повышенный нервно-эмоциональный фон члены семьи принимают за норму.

Каждый из супругов имеет свое микроокружение, интересы которого пересекаются редко. Взаимоотношения родителей и молодых часто натянуты из-за авторитарного типа общения и его педагогической направленности. К интегрирующим условиям таких семей можно отнести создание интеллектуально однородного микроокружения; сохранение личного достоинства супругов и равенства их социальных ролей.

Межнациональная семья. Такие семьи возникают преимущественно в нестандартных обстоятельствах, на их формирование значительное влияние оказывают этнографические особенности социума. Это

наиболее тревожный тип семей с повышенным нервно-эмоциональным фоном взаимоотношений. Если успешно преодолены первые годы семейной жизни, то эти браки обычно становятся устойчивыми, так как создавались по любви.

Социально-психологические цели межнациональной семьи состоят в достижении социально-психологической (национально-психологической) совместимости супругов; интеграции лучших традиций, культуры различных наций в личных качествах детей; обретении чувства гармонии и комфортности жизнедеятельности в национальном социуме; развитии способности взаимозащиты супругов в своей национальной среде.

Актуальными для социальной работы проблемами межнациональной семьи являются: совместимость национальных, религиозных ценностей и установок; отношение супругов к традициям, нравам и обычаям нации своего избранника (избранницы); приобщение детей к национальной культуре, двуязычие детей; взаимоотношения супругов с национальным микроокружением партнера; выбор детьми национальной принадлежности одного из родителей и др.

Как видим, разновидность и тип семьи имеют присущую ей психолого-педагогическую характеристику. Причем каждая семья в процессе своей жизнедеятельности неизбежно видоизменяет свое место в классификации семей, а следовательно, изменяются и параметры ее психолого-педагогического обеспечения.

Некоторые авторы семейную дифференциацию увязывают как с функциональными, так и психологическими критериями. В этом случае характеристики семей включают показатели конфликтности или гармоничности отношений родителей к детям, родительской асоциальности, готовности родителей к сохранению семьи, сохранности детей в семье. С учетом этих критериев выделяются следующие типы семей:

Благополучная семья характеризуется здоровыми взаимоотношениями между родителями и детьми, предполагающими уважительное и бережное отношение друг к другу. Благополучная семья определяется не отсутствием в ее жизнеустройстве проблем, а консолидацией в их решении. При этом признаются и решаются все имеющиеся проблемы как в целом семьи, так и отдельных ее членов. В благополучной семье поощряется не только свобода мыслей, чувств, творчества, но, что самое важное, – ответственность. Ее членов отличает эмоциональная и физическая близость. **Благополучная семья** – это семья, выработавшая свою «персональную среду», позволяющую ей позитивно развиваться и растить детей, вследствие чего имеющие место в такой семье конфликты не приводят к тяжелым последствиям. Благополучную семью отличают

собственные традиции, ритуалы, что разнообразит жизнь семьи, улучшает психологический климат, настраивает ее членов на «семейное долголетие».

Конфликтная семья определяется тем, что отношения между родителями и детьми нестабильны, вследствие чего члены семьи не способны последовательно, аргументированно противостоять деструктивным влияниям социума. В этих семьях есть основание говорить об эгоистичности ее членов по отношению друг к другу и преобладании личных интересов и ориентации перед семейными. Своеобразен стиль общения между членами семьи – невыдержанность, стихийность реакций. В отдельных случаях есть основание говорить о психологической несовместимости членов таких семей. Проблемы в этих семьях связаны с разногласиями во взглядах на воспитание детей, с противоречиями в точках зрения на позицию материального обеспечения семьи или ее отдельных членов, получения образования и др.

Кризисная семья находится в ситуации, требующей немедленного и экстренного вмешательства извне (психическое расстройство родителей, аффективное состояние: запой, агрессия и т. д.), так как сама семья, в большинстве случаев пребывая в состоянии стресса, не может стабилизировать создавшееся положение и принять решение.

Круг общения такой семьи ограничен, что затрудняет получение информации о положении дел в семье. Эмоциональная близость членов семей отсутствует, создавшаяся ситуация сопровождается периодическим уходом детей из семьи на непродолжительное время. Следствием этого довольно часто выступает поспешное и потому не всегда оправданное решение о лишении родителей (или одного из них) родительских прав, ребенка – семьи, хотя, как показывает практика, в большинстве случаев есть все основания к принятию действенных мер (лечение родителей, временный вывод ребенка из семьи).

Функционально несостоятельная семья – семья, не выполняющая или значительно сократившая выполнение основных своих семейных функций. К ним мы в первую очередь относим те, которые имеют непосредственное отношение к взаимодействию родителей и детей, а именно:

- функция жизнеобеспечения (в т.ч. принятая в большинстве классификаций хозяйственно-бытовая функция) – удовлетворение жизненноважных потребностей членов семьи (в первую очередь не имеющих возможности удовлетворять их самостоятельно) – в пропитании, одежде, в предоставлении крова, обеспечении физической безопасности, в сохранении здоровья, в создании условий для сна, отдыха и бодрствования и др.

- Воспитательная функция (в т.ч. принятые в большинстве классификаций функции первичного социального контроля и духовного общения) – формирование личности ребенка, развитие его интеллекта, способностей, умений, навыков и интересов, передача накопленного обществом социального опыта; нравственное и эстетическое развитие; содействие укреплению здоровья и выработке навыков санитарно-гигиенической культуры; обеспечение выполнения социальных норм; удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, духовном обогащении.
- Эмоциональная функция – удовлетворение потребностей в принятии, симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите. Данная функция обеспечивает эмоциональную стабильность, активно содействует сохранению психического здоровья.

Степень нарушения функционирования семьи может варьировать – от сохранности или незначительных нарушений отдельных сторон жизнедеятельности семьи до частичного и значительного нарушения.

Вследствие невыполнения взрослыми членами семей своих обязанностей в функционально несостоятельной семье назревают конфликты во взаимоотношениях родителей (либо одного родителя) и детей. Функциональную несостоятельность семьи обусловливает не только отсутствие навыков воспитывать, взаимодействовать с детьми, но и социальная несостоятельность родителей (или одного из них), которая формирует у взрослых членов такой семьи чувство неудовлетворенности, нарушающее психологический климат семьи, ослабляющее ее воспитательный потенциал. Подобная ситуация достаточно часто сопровождается на начальном периоде несистематическими уходами ребенка из семьи (сначала – к друзьям, затем – в приютившие его группы на вокзалах, в подворотнях, подвалах) на краткое время, а затем продолжительными. Именно в этих семьях наибольший процент беспризорных детей и детей-беглецов. Практика работы с семьями позволяет отметить, что и в функционально несостоятельных, и в кризисных семьях родители могут быть уже лишены или только находятся на стадии лишения их родительских прав.

Асоциальная семья. Пребывание детей в асоциальной семье опасно для их жизни и здоровья. Проблемы этих семей, как показывают исследования, носят хронический характер и связаны с аморальным образом жизни: алкоголизмом, проституцией, психическими расстройствами. Родителей из этих семей отличает низкий образовательный уровень, асоциальные и антиобщественные взгляды. Характеризуя

данную группу, целесообразно отметить, что социально-педагогическая поддержка такой семьи в большей степени относится к детям и связана с организацией защиты прав ребенка, между тем как работа с взрослыми членами семей в основном касается правоохранительных органов, системы исполнения наказаний.

Гражданские или «гостевые» семьи. Для начала XXI века наиболее характерными тенденциями развития семьи являются гражданские («гостевые») браки, независимость супругов и их автономность, нежелание вступления в брак или нежелание юридического оформления отношений даже при наличии совместных детей, снижение ценности ребенка в браке и как следствие – ранние уходы детей из семьи.

ГЛАВА 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСТВА

2.1. Психологическая сущность родительства

Общеизвестно, что в семейной психологии особое место принадлежит не столько отдельным феноменам материнства и отцовства, сколько родительству и его разноплановым психологическим составляющим. Так, в работе Шнейдер Л.Б. (2000) показана картина того, какой должна быть любящая мать (любящий отец) и каким образом она (он) может проявлять свою любовь по отношению к ребенку. Как правило, мать представлена заботливой, нежной, мягкой, так как эти качества способствуют вынашиванию, выращиванию потомства. Отец представлен защитником семейства, физически сильным, готовым к бою, так как женщина уязвима и нуждается в защите.

А.Я. Варга, А.С. Спиваковская и Л.Б. Шнейдер первыми в отечественной психологии стали исследовать механизм феномена родительской любви, в которую всегда включен творческий акт, элемент импровизации. Родительская любовь индивидуальна, она сложна, изменчива и противоречива. В ней нет абсолютной нормы, как и нет определения идеала любящего родителя. Родители могут совершать ошибки, сомневаться в своих чувствах к ребенку, наказывать его, а не только заботиться, приносить радость, удовлетворять все потребности ребенка, отмечает Р. В. Овчарова (2006).

Различные особенности материнства и отцовства отражены в работах И.С. Кона, Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкого, В.И. Степановского, А.К. Осницкого, В.Н. Дружинина, Лидерса, А.В. Варги и др. Попытка же интегративного подхода к родительству и выделение данного феномена в отдельное направление отечественной психологии была удачно реализована Р.В. Овчаровой (2003, 2006). В своих работах автор рассматривает психологию родительства как системное явление, раскрывая генезис формирования родительства и психологические технологии сопровождения родительства. По мнению Р.В. Овчаровой

(2006), родительство (материнство и отцовство) является базовым жизненным предназначением, важным состоянием и значительной социально-психологической функцией каждого человека. Качество проявлений родительства, его социально-психологические и педагогические последствия имеют непреходящее значение. Характер родительства отражается на уровне развития детей, обеспечивает личное счастье человека и его бессмертие. Можно утверждать, что будущее общества определяется сегодняшним состоянием родительства. Как отмечают Т.В. Лодкина и Е.Л. Тихомирова (2003), стиль семейного воспитания во многом зависит от личностных качеств отцов и матерей, их представлений о жизни и является своего рода реализацией личностей родителей.

Родительство, по определению Р.В. Овчаровой, – это социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства. Как надындивидуальное целое родительство неотъемлемо включает обоих супругов, решивших дать начало новой жизни, и, конечно, самого ребенка. В этой связи автор справедливо отмечает, что неверно говорить о том, что родительство является суммой двух слагаемых – материнства и отцовства. Если бы в действительности это было так, не было бы смысла употреблять в речи дублирующие друг друга понятия.

Характеризуя родительство как многогранный феномен, Р.В. Овчарова рассматривает его на двух уровнях: и как сложную комплексную структуру индивида, и как надындивидуальное целое, которое, как правило, является совокупным, то есть включает двух человек, решивших дать начало новой жизни. Таким образом, чтобы развести значение понятий «родительство», «материнство» и «отцовство», необходимо выделить категорию родительства как надындивидуально целостное, выходящее за рамки индивида, в то время как материнство и отцовство касаются, прежде всего, отдельной личности.

Следует отметить относительную самостоятельность рассматриваемых понятий. Понятия «материнство», «отцовство» могут использоваться независимо от контекста понятия родительства, то есть не подразумевая стоящего за ними надындивидуального понятия. В то же время «родительство», как надындивидуальное понятие, подразумевает пересечение с понятиями «материнство» и «отцовство», которые являются феноменами, касающимися индивида. То есть надындивидуальное понятие включает отдельные грани феноменов, присущих индивидам, которых объединяет надындивидуальное понятие.

Кроме того, феномен родительства, как полагает Р.В. Овчарова, одновременно предстает в нескольких планах, разные стороны которых раскрывают сложную структуру его организации. Анализ и описание родительства должны охватывать все планы презентации феномена. Прежде всего, это план индивидуально-личностных особенностей женщины либо мужчины, влияющих на родительство. Следующий план охватывает обоих супругов в единстве их ценностных ориентаций, родительских позиций, чувств и т. д., то есть анализируется родительство по отношению к семейной системе. Третий план фиксирует родительство во взаимосвязи с родительскими семьями. Наконец, четвертый план раскрывает родительство по отношению к системе общества.

Помимо дифференциации вышеуказанных базовых понятий, Р.В. Овчарова, рассматривая родительство как надындивидуальное целое, увязывает и содержательно наполняет его сущность такими категориями, как ответственность, доверие и готовность.

Ответственность упоминается в числе первых в ряду ассоциаций, вызываемых словом «родительство». Ответственность связана с определенной тревогой, беспокойством за судьбу ребенка, его здоровье, душевное и духовное развитие. Ответственность определяет направленность поведения родителя: либо предупредить возможные болезни, несчастья, либо облегчить переживания, страдания.

Ответственность направлена на максимизацию благополучия ребенка и сведение к минимуму неприятных, травмирующих моментов. Зачастую ответственность может перерастать в гиперопеку, сверхтревожность. Таким родителям сложно принять взросление ребенка, передать ответственность за его жизненный путь ему самому.

Чувство ответственности по отношению к будущему или уже рожденному ребенку у обоих супругов появляется далеко не всегда синхронно.

Можно говорить о том, что мужчины и женщины в понятие ответственности вкладывают разное содержание. Для мужчины ответственность по отношению к ребенку, семье – это прежде всего материальное обеспечение, то есть создание материальных благ, физического комфорта семьи. Для женщины ответственность заключается в создании благоприятной атмосферы в доме, душевного комфорта; не зря говорят о том, что женщина – это хранительница очага. Как правило, чувство ответственности раньше появляется у женщины, так как она значительно больше времени проводит с ребенком, чем мужчина, к тому же нередко женщины сознательно устраняют мужчину от общения с малышом, не доверяя ему «хрупкую жизнь».

Второй категорией, тесно связанной с понятием родительства, является доверие. Мы уже говорили о том, что понятие «родительство» включает непременно двух человек – отца и мать. В связи с этим осознание себя родителями, принятие родительской роли предполагает наличие представлений и ожиданий не только по отношению к ребенку, но и к супругу. Принятию решения о рождении ребенка предшествует осмысление доверия по отношению к своему реальному или предполагаемому супругу. Как правило, ответственность не принимается безоговорочно одним из супругов, а тем или иным образом разделяется между супругами (Р.В. Овчарова, 2003).

Доверие означает приближенное знание возможных вариантов поведения супруга, возможных поступков, знание (реальное или мнимое) его системы ценностей, способов проведения досуга и т. д., а также сопоставление этого когнитивного компонента со своими предпочтениями и ожиданиями.

По мнению Р.В. Овчаровой, доверие включает два основных элемента: предвидение (прогноз) и сопоставление со своими ожиданиями и идеалами. Доверие к супругу (супруге) означает, что большинство предполагаемых вариантов поведения в различных жизненных ситуациях устраивают супруга. Кроме того, оно предполагает, что в любой ситуации один из супругов может рассчитывать на поддержку и помощь другого.

Третьей составляющей родительства является готовность стать родителем. Процесс принятия решения стать родителями включает два момента:

1) оценка собственной готовности стать родителем, то есть готовность раз и навсегда принять на себя ответственность за жизнь и благополучие другого человека – ребенка;

2) оценка готовности своего партнера в браке. С нашей точки зрения, переход от брачных отношений к семье – высшая степень доверия своему супругу.

Среди базовых ролевых стратегий реализации родительства выделяют, как правило, следующие две стратегии:

1) восприятие родительской роли как ограничения (временного или постоянного) для самореализации;

2) восприятие родительской роли, то есть рождения ребенка, как новой возможности для самореализации.

Любое событие, в том числе принятие родительской роли, может быть рассмотрено как с позитивной, так и с негативной точки зрения. Если родительская роль воспринимается как ограничение, то постепенно произойдет принятие данной роли, но реализовываться она будет

не в полной мере, а с определенными ограничениями для развития ребенка и себя как родителя.

Рано или поздно такая субъективная оценка приведет к дисгармонии в детско-родительских отношениях и в семье в целом.

Наиболее оптимальной для ребенка, родителей и семьи в целом является вторая стратегия. Ее реализация создает наиболее благоприятные условия для развития личности ребенка, когда происходит соразвитие, сотрудничество, сотворчество родителей и ребенка. В связи с тем, что появление ребенка открывает новые возможности для родителей, появление ребенка дает новый толчок для развития семейных отношений (Р.В. Овчарова, 2003).

Продуктивность родительства во многом актуализируется феноменом готовности к родительству, т.е. психологической готовностью к отцовству и материнству.

Готовность к родительству, по мнению О.Г. Прохоровой (2005), определяется не только физиологическими, но и нравственными факторами, степенью личностной зрелости будущих отца и матери. Обеспечивая естественную атмосферу внутрисемейных отношений, умножая воспитательное влияние на ребенка, отец и мать создают необходимые условия для его нормального развития, готовят к общению с представителями мужского и женского пола. Родителю важно знать, что отсутствие наглядного образа взаимоотношений мужа и жены порождает риск того, что у детей сформируются искаженные взгляды на брак и семью, а это помешает в будущем становлению их собственной семьи.

Личностная зрелость родителей включает три компонента:

– когнитивный – представление о себе как ответственном человеке, о ребенке как равноправном члене семьи, о процессе воспитания как развитии, а не исправлении недостатков;

– поведенческий – деятельность родителя по уходу и материальному обеспечению ребенка, навыки сотрудничества с ним (умение чувственно общаться с ним, понимать ответную реакцию ребенка, сотрудничать с ним);

– эмоциональный – безоценочное, безусловное принятие ребенка, демонстрация ему, что он дорог, нужен, важен, выражение недовольства отдельными его действиями, но не ребенком в целом. (О.Г. Прохорова, 2005. – С. 142–143).

Проявления готовности к родительству (становление родительского отношения, родительской любви, авторитета и честолюбия родительских позиций, доверия в воспитании ребенка и др.) отражены в психологической структуре родительства и специальных разделах, посвященных психологии отцовства и материнства.

2. 2. Психологическая структура родительства

Родительство как психологическое явление является сложной структурой, которая может быть рассмотрена с точки зрения системного, комплексного и феноменологического подходов.

Развитая форма родительства характеризуется относительной устойчивостью и стабильностью и реализуется в согласованности представлений супругов о родительстве, комплементарности динамических проявлений родительства.

По предположению Р.В. Овчаровой, в развитой форме родительство включает:

- ценностные ориентации супругов (семейные ценности);
- родительские установки и ожидания;
- родительское отношение;
- родительские чувства;
- родительские позиции;
- родительскую ответственность;
- стиль семейного воспитания.

Рассмотрим краткие характеристики этих структурных составляющих родительства.

Ценностные ориентации. Опираясь на их специфику в трактовке М. Рокича, можно отметить, что автор под ценностями понимает либо убеждение индивида в преимуществах каких-либо целей, определенного смысла существования по сравнению с другими целями, либо убеждение индивида в преимуществах определенных типов поведения по сравнению с другими типами. Известно, что ценности характеризуются следующими признаками:

1) общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико;

2) все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени;

3) ценности организованы в системы;

4) истоки ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности;

5) влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения.

Ценности всегда занимают определенное место в отношениях людей, принимающих эти ценности в качестве предельных оснований своих мыслей и действий.

В этом контексте семья рассматривается как среда, где происходит выработка и принятие ценностей молодым поколением. Родители показывают влияние на формирование иерархии ценностей у детей не только как к эмоционально близким людям, но и как гармонично социализирующимся субъектам. Ценностные ориентации объединяют людей в семью и создают перспективу ее развития. Они определяют цели порождения и пути воспитания детей в семье (В.Н. Дружинин, 2000). Исследователи вводят также понятие «сходство семейных ценностей», которое трактуется как социально-психологическое качество, отражающее совпадение, ориентационное единство взглядов, отношений членов семьи к общечеловеческим нормам, правилам, принципам формирования, развития и функционирования семьи как малой социальной группы (В.С. Торохтий, 2001 – С.8).

Таким образом, можно говорить о том, что ценности семьи являются мощным интегрирующим фактором для семейной системы – как на уровне взаимодействия супругов друг с другом, так и на уровне взаимодействия родителей с детьми.

Динамику семьи и родительства в целом определяют следующие разновидности ценностных ориентаций:

Когнитивная составляющая ценностных ориентаций супругов характеризуется тем, что информация в ней находится на уровне убеждений. Это, прежде всего, убеждения в приоритетности каких-либо целей, типов и форм поведения, а также убеждения в приоритетности каких-либо объектов в некоторой иерархии.

Эмоциональная составляющая характеризуется однонаправленностью эмоций по отношению к той или иной ценностной ориентации. Эмоциональный аспект реализуется в эмоциональной окраске и оценочном отношении к наблюдаемому. Именно эмоциональный аспект, определяющий переживания и чувства человека, показывает значимость той или иной ценности, является своеобразным маркером определения приоритетов.

Поведенческая составляющая может быть как рациональной, так и иррациональной; главное в ней – направленность: на реализацию ценностной ориентации, достижение значимой цели, защиту той или иной субъективной ценности и т. д.

Основная особенность семейных ценностей, их существенное отличие от других компонентов родительства заключается в том, что все три составляющие представляют собой сплав эмоций, чувств, убеждений и поведенческих проявлений, то есть связь составляющих друг с другом очень прочна и воздействие на одну из них сразу отражается на остальных.

Родительские установки и ожидания являются еще одной составляющей феномена родительства. Родительские установки представляют собой многообразную готовность к выполнению родительских отношений, включающих репродуктивный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Родительские ожидания тесно связаны с родительскими установками; они предполагают право ожидать от других признания их ролевой позиции родителей, соответствующего поведения окружающих, согласованного с их ролью, а также вести себя соответственно ожиданиям окружающих. По мнению Р.В. Овчаровой, родительские установки и ожидания включают три уровня презентации:

- «мы – родители» (репродуктивные установки супругов в аспекте их отношений);
- «мы – родители нашего ребенка» (установки в детско-родительских отношениях);
- «это – наш ребенок» (установки и ожидания в отношении ребенка/детей).

Первый уровень представленности установок характеризуется, прежде всего, наличием репродуктивной установки и ее особенностями. В основе возникновения репродуктивной установки «лежит потребность в детях как особое психологическое состояние индивида» (Дружинин В.Н., 2000 – С. 270).

Потребность в детях – это «устойчивое социально-психологическое образование в личности, обусловленное, во-первых, устремлением иметь типичное для данного общества число детей в семье; во-вторых, чадолюбием, то есть глубоко усвоенными установками по отношению к детям вообще. Репродуктивная установка представляет собой, прежде всего, нормы относительно числа детей в семье» (А.И. Антонов, 1973 – С. 62).

На формирование потребности в детях и, соответственно, на фор-мирование репродуктивной установки оказывает влияние целый ряд условий: образ жизни семьи, распространенные в обществе и особенно среди ближайшего окружения типичные нормы, касающиеся количества детей; образ жизни родительской семьи и количество детей в ней; установки каждого из супругов на количество и пол детей, на детей как помощников и опору в старости, на продолжение своего рода, семьи, фамилии, на самореализацию в детях и т. д. (Л.И. Савинов, 1996).

В этой связи большинство авторов выделяют три составляющие репродуктивной установки:

1) поведенческий элемент установки, выраженный реальным репродуктивным поведением и планируемым репродуктивным поведением;

2) эмоционально-оценочный аспект, представляющий собой совокупность взглядов, суждений, позиций человека в отношении численности собственной семьи;

3) когнитивный элемент установки, относящийся к тем сторонам суждений и поведения, которые обусловлены наличием определенных знаний об объекте, по отношению к которым проявляется установка. (В.В. Бойко, 1988; Р.В. Овчарова, 2003).

Обобщая специфические особенности первого уровня родительских установок «мы – родители» и ожиданий супругов, можно отметить их репродуктивную направленность, определяющую реальное и желаемое количество детей, а также субъективную удовлетворенность браком. Второй уровень – «мы – родители нашего ребенка» – касается установок и ожиданий в детско-родительских отношениях и реализуется в стиле семейного воспитания. Сюда входят установки супругов, обусловленные их воспитательными предпочтениями, взглядами на родительскую роль, предпочтениями той или иной системы наказаний и поощрений, гибкостью в общении (смена позиции ведущего и ведомого), взглядами на инициативность ребенка и т. п. Третий уровень – «это наш ребенок» – касается установок и ожиданий в отношении ребенка/детей и находит свое выражение в родительском отношении. Этот уровень родительских установок связан с формированием образа самого ребенка, созданного родителями, и тесно связан с удовлетворенностью родительской ролью. Именно на этом уровне происходит постоянное сопоставление (осознанное или неосознанное) идеального образа ребенка с объективной реальностью. Результат такого сопоставления выражается в родительском отношении, влияет на него (Р.В. Овчарова, 2003).

Следующей подструктурой родительства является родительское отношение, являющееся многомерным образованием, в структуре которого выделяются четыре образующих (А.Я. Варга, 1986):

1) интегральное принятие или отвержение ребенка;

2) межличностная дистанция («симбиоз»);

3) формы и направления контроля (авторитарная гиперсоциализация);

4) социальная желательность поведения.

Каждая из этих образующих представляет собой сочетание в различных соотношениях эмоциональной, когнитивной и поведенческой компонентов.

Существуют, по крайней мере, четыре типа родительских отношений, отличающихся доминированием одной или нескольких образующих (А.Я. Варга, 1986):

- принимающе-авторитарное отношение, которое характеризуется тем, что родители принимают ребенка и одобряют его, но требуют социальных успехов;
- отвергающее с явлениями инфантилизации, характеризующееся тем, что родители эмоционально отвергают ребенка, низко ценят его индивидуально-личностные качества, приписывают ему социально неодобряемые черты и дурные наклонности, а также видят его более младшим по возрасту;
- симбиотическое отношение характеризуется наличием симбиотических тенденций в общении с ребенком, гиперопекой;
- симбиотически-авторитарное отличается от предыдущего типа наличием гиперконтроля.

Несмотря на относительную устойчивость, родительское отношение может изменяться, приобретать те или иные черты под воздействием различных событий. В целом содержание родительского отношения противоречиво и амбивалентно, так как «в нем сосуществуют в различной пропорции противоположные элементы эмоционально-ценностного отношения», когнитивной и поведенческой составляющих (А.С. Спиваковская, 2000 – С. 149). Их содержательная основа раскрыта ниже.

Когнитивная составляющая содержит представления о различных способах и формах взаимодействия с ребенком, знания и представления о целевом аспекте этих взаимоотношений, а также убеждения в приоритетности тех направлений взаимодействия с ребенком, которые реализуют родители.

Эмоциональная составляющая включает оценки и суждения о различных типах родительского отношения, а также доминирующий эмоциональный фон, сопровождающий поведенческие проявления родительского отношения.

Поведенческая составляющая представляет собой формы и способы поддержания контакта с ребенком, формы контроля, воспитание взаимоотношениями путем определения дистанции общения.

Таким образом, стиль взаимодействия родителей с ребенком оказывается не просто средством поддержания контакта с ним, но и своеобразным методом воспитания – воспитания взаимоотношениями, поскольку эти взаимоотношения относительно устойчивы (С.В. Ковалев, 1988).

Родительские чувства эмоционально окрашивают родительское отношение. Они представляют собой особую группу чувств, выделяющуюся среди других эмоциональных связей. Их специфика заключается в том, что забота родителей необходима для поддержания самой жизни ребенка. А потребность в родительской любви является жизненно не-

обходимой для маленького ребенка. Любовь каждого родителя – источник и гарантия эмоционального благополучия человека, поддержания физического и психического здоровья (А.С. Спиваковская, 1998).

Родительские чувства, в частности родительская любовь, не являются врожденным свойством человека (Д.В. Винникотт, 1995, А.С. Спиваковская, 2000). Родительская любовь как высшее проявление родительских чувств формируется в течение жизни человека. Путь этого формирования часто оказывается сложным и противоречивым, внутренне конфликтным. Это глубокое и осмысленное чувство. «Любить ребенка – значит уметь строить с ним контакт, видеть изменения в его развитии, доверять ребенку, учиться принимать его таким, каков он есть. Любовь к ребенку созидает не только личность маленького человека, она способна преобразовывать и совершенствовать личность отца и матери, обогащать их духовный мир» (Г.Г. Филиппова, 2001 – С.8).

Содержание, наполненность родительских чувств, как и родительского отношения, зачастую амбивалентно и противоречиво. Помимо родительской любви, в зависимости от ситуации родительские чувства могут содержать раздраженность, усталость, чувство вины и т. д. (Д. В. Винникотт, 1995).

Несмотря на изначальную эмоциональную окрашенность родительских чувств, этот структурный компонент родительства, как и все остальные, содержит три составляющие: эмоциональную, когнитивную и поведенческую.

Когнитивная составляющая проявляется на двух уровнях:

- социально одобряемые знания и представления о том, что родители должны любить своих детей;
- знания и представления о том образе ребенка (идеальном и/или реальном), который вызывает весь спектр родительских чувств, связан с третьим уровнем родительских установок и ожиданий. Представления о родительской любви различны и зависят от структуры собственной семьи.

Сравнительное исследование, проведенное М.В. Братчиковой (2001) на примере полных и неполных семей, подтверждает сказанное. Так, например, представления о родительской любви у женщин, воспитывающихся в неполных семьях, менее связаны с ответственностью и контролем, чем у мужчин. Для них более характерны безответственность и свобода. Мужчина, воспитанный в неполной семье, чаще берет на себя ответственность и контроль над другими членами семьи. А женщина, как слабое существо, находится под контролем своей матери или отца. У мужчин, воспитанных одним родителем, представления

о родительской любви больше связаны с чадолюбием, а у женщин – с человеколюбием.

Молодые люди из полных семей чаще указывают на позитивные родительские представления: уважение к детям, принятие их такими, какие они есть. В неполных семьях они больше указывают либо на отрицательные представления, либо на гипертрофированные родительские чувства.

Эмоциональная составляющая родительской любви представлена всей гаммой чувств и доминирующим эмоциональным фоном, сопровождающим оценки образа ребенка, своего супруга и себя как родителя.

Поведенческая составляющая тесно связана с родительским отношением и родительской позицией, выражается именно в них. С нашей точки зрения, поведенческая составляющая может быть как конгруэнтной, так и неконгруэнтной по отношению к эмоциональной составляющей.

Родительские позиции – еще один компонент родительства. А.С. Спиваковская (1981) дает такое определение этого термина: «...реальная направленность, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с детьми».

По мнению Архиреевой (1990), родительские позиции реализуются в поведении отца и матери в том или ином типе воспитания, то есть в тех или иных способах воздействия и характере обращения с ребенком.

С точки зрения А.С. Спиваковской, родительские позиции проявляются во взаимодействии с ребенком и представляют собой переплетение осознаваемых и неосознаваемых мотивов. Как совокупность установок родительские позиции существуют в трех планах: эмоциональном, когнитивном и поведенческом. Характеристика позиций может быть дана в следующих критериях (А.С. Спиваковская, 2000).

- Адекватность – степень ориентировки родителей в восприятии индивидуальных особенностей ребенка, его развития, соотношения качеств, объективно присущих ребенку, и качеств, видимых и осознаваемых родителями. Адекватность позиции родителей проявляется в степени и знаке искажений восприятия образа ребенка. Таким образом, параметр адекватности описывает когнитивную составляющую взаимодействия родителей с ребенком.
- Динамичность – степень подвижности родительских позиций, способность изменять способы и формы взаимодействия с ребенком. Динамичность может проявляться:

– в восприятии ребенка: создание изменяемого портрета ребенка либо оперирование раз и навсегда созданным статичным портретом;

– в степени гибкости форм и методов взаимодействия в связи с возрастными изменениями ребенка;

– в степени изменчивости воздействия на ребенка в соответствии с различными ситуациями, в связи со сменой условий взаимодействия.

Таким образом, параметр динамичности описывает когнитивный и поведенческий компоненты родительских позиций.

- Прогностичность – способность родителей к экстраполяции, предвидению перспектив дальнейшего развития ребенка и построению дальнейшего взаимодействия с ним.

Прогностическая позиция определяет как глубину восприятия ребенка родителями, то есть описывает когнитивный компонент родительской позиции, так и особые формы взаимодействия с детьми, то есть поведенческий компонент родительской позиции.

Эмоциональный компонент проявляется по всем трем параметрам родительской позиции (адекватность, динамичность, прогностичность). Он выражается в эмоциональной окраске образа ребенка, в преобладании того или иного эмоционального фона во взаимодействии родители – дети.

В реальной практике родительские позиции, как правило, проявляются слитно, за исключением случаев доминирования какой-либо одной из них. Так, когнитивная составляющая включает представления о реальном и идеальном образе ребенка, о существующих позициях родителя, о своей родительской позиции. Эмоциональная составляющая представляет собой доминирующий эмоциональный фон, суждения и оценки реального образа ребенка, своих родительских позиций и взаимодействия родители – дети. Поведенческая составляющая содержит коммуникативные позиции родителей, прогностический аспект (планирование) дальнейшего взаимодействия с ребенком.

Типичная родительская позиция – это позиция «над», «сверху». Взрослый обладает силой, опытом, независимостью. Ребенок же, наоборот, физически слаб, неопытен, полностью зависим. Идеальный вариант родительской позиции, к которой должны стремиться супруги, – равенство позиций. Оно означает признание активной роли ребенка в процессе его воспитания (А.С. Спиваковская, 2000).

Родительская ответственность, как составляющая родительства, относится к числу наиболее сложных понятий в психологии личности и социальной психологии и рассматривается либо как склонность сле-

дования социальным нормам (К. Муздыбаев), либо как психическое состояние, установка в виде беспокойства и тревоги (А.П. Расплигаев, Е.А. Якуба), либо как ответственность родителей за воспитание детей и за судьбы престарелых родителей (Л.И. Грядунова), либо как ответственность за семью в целом, за возложение родителями на себя ответственности за судьбу ребенка перед своей совестью и перед обществом (В.В. Бойко, 1988).

Родительская ответственность как явление по своей природе дуальна: это ответственность и перед социумом, и перед безличной природой (своей совестью). Ответственность, как и остальные компоненты структуры родительства, имеет несколько составляющих. Когнитивная составляющая включает представления об ответственном и безответственном поведении родителя, о распределении ответственности между супругами в других семьях и в своей семье. Эмоциональная составляющая распространяется на отношения к распределению ответственности в семье, эмоциональные переживания, связанные с этим, и оценку себя как родителя с точки зрения ответственности. И, наконец, поведенческая составляющая касается контроля своего поведения и происходящих событий, характеризуется занимаемой ролью в семье. Кроме того, особенностью ответственности является временная характеристика – ответственность может быть направлена в прошлое, локализоваться в настоящем и ориентироваться на будущее, то есть включать элемент предвидения (Р.В. Овчарова, 2003).

Стиль семейного воспитания. Стиль взаимодействия родителей и ребенка является наиболее очевидным, доступным для внешнего наблюдения. Он является своеобразной квинтэссенцией остальных структурных компонентов – ценностных ориентаций супругов, родительских установок и ожиданий, родительского отношения, родительских чувств, родительских позиций, родительской ответственности.

Исследователи стиля семейного воспитания, взаимодействия придерживаются разных подходов к анализу этого вопроса. Э.Г. Эйдемиллер выделил основные характеристики типов воспитания ребенка:

- степень гиперпротекции;
- удовлетворенность потребностей;
- требования, предъявляемые к ребенку;
- санкции, накладываемые на него;
- воспитательная неуверенность родителей.

На основе этих характеристик дается формальное описание стилей воспитания: потворствующая гиперпротекция, доминирующая

гиперпротекция, эмоциональное отвержение, повышенная моральная ответственность, гипопротекция.

Э. Роу исследовал такие характеристики взаимодействия, как эмоциональное приятие – неприятие, наличие – отсутствие контроля, стимулирование – не стимулирование активности ребенка.

Е.Т. Соколова акцентирует внимание на отношениях матери и ребенка (не обоих родителей) и выделяет следующие стили воспитания:

1. Сотрудничество: в общении поддерживающие высказывания преобладают над отклоняющимися. Мать побуждает ребенка к активности; общению свойственны взаимная уступчивость, гибкость.

2. Изоляция: совместные решения в семье не принимаются; ребенок изолируется и не хочет делиться своим внутренним миром с родителями.

3. Соперничество: общение характеризуется противостоянием, критикой, что является следствием реализации потребности в самоутверждении и симбиотической привязанности.

4. Псевдосотрудничество: партнеры проявляют эгоцентризм, мотивация совместных решений не деловая, а игровая. Рассматривая различные подходы к анализу стилей взаимодействия с ребенком, можно также проследить наличие трех составляющих: эмоциональной, когнитивной и поведенческой.

Так, фундаментальным основанием когнитивной составляющей являются ценности родителей, которые детерминируют не только данную составляющую стиля воспитания, но и направленность личности родителя, в том числе и все его поведение.

В целом когнитивный компонент – это осознание родителями родственной связи с детьми, представление о себе как о родителе, представления об идеальном родителе, образ супруга (-и) как родителя общего ребенка, знание родительских функций, образ ребенка.

Основанием эмоциональной составляющей служит проявление родительских позиций, чувства к брачному партнеру, отношение к распределению ответственности и ролей в семье, оценка себя как родителя в целом. Эмоциональный компонент отражает субъективное ощущение себя как родителя, родительские чувства, отношение к ребенку, отношение к себе как к родителю, отношение к супругу как к родителю общего ребенка.

Поведенческий компонент родительства включает все компоненты: родительское отношение, установки и ожидания, родительские чувства, позиции, реализация семейных ценностей и позиция ответственности.

Интегральная структура родительства (по Р.В. Овчаровой)

Компонент	Когнитивный аспект	Эмоциональный аспект	Поведенческий аспект
Семейные ценности	Убеждения в приоритетности каких-либо целей, типов и форм поведения; убеждения в приоритетности каких- либо объектов в рамках некоторой иерархии	Эмоциональная окраска и оценочное отношение к наблюдаемому, демонстрирующее значимость той или иной ценностной ориентации	Направленность личности родителя и направленность поведения: на реализацию или защиту ценностной ориентации, достижение значимой цели и т. д.
Родительские, установки и ожидания	Знания и представления о репродуктивной норме общества, о распределении родительских ролей, идеальном и реальном образе ребенка	Взгляды, суждения, оценки, а также доминирующий эмоциональный фон в реализации родительских установок и ожиданий	Реальное репродуктивное поведение взаимоотношения супругов, родительское отношение, родительские позиции
Родительское отношение	Знания и представления о способах и формах взаимодействия с ребенком, их целевом аспекте, убеждения в приоритетности направлений взаимодействия, которые реализуют родители	Оценки и суждения относительно различных типов родительского отношения, доминирующий, эмоциональный фон, сопровождающий поведенческие проявления родительского отношения	Формы и способы поддержания контакта с ребенком, формы контроля, воспитание взаимоотношениями
Родительские чувства	Знания и представления о необходимости родительской любви, об идеальном и реальном образе ребенка	Вся гамма чувств, доминирующий эмоциональный фон сопровождающий оценки образа ребенка, своего супруга и себя как родителя	Родительское отношение, родительские позиции

Родительские позиции	Представления о реальном и идеальном образе ребенка, о существующих родительских позициях, о своей родительской позиции	Доминирующий эмоциональный фон, суждения и оценки реального образа ребенка, своей родительской позиции и взаимодействия родители–дети	Коммуникативные родительские позиции, прогностический аспект (планирование) дальнейшего взаимодействия с ребенком
Ответственность родителя	Представления об ответственном и безответственном поведении родителей, о распределении ответственности между супругами в других семьях и в своей семье	Оценочное отношение к распределению ответственности в семье, эмоциональные переживания, связанные с этим, и оценка себя как родителя с точки зрения ответственности	Контроль своего поведения и семейной ситуации; занимаемая роль в семье с точки зрения ответственности
Стиль семейного воспитания	Родительские установки и ожидания в отношении образа ребенка и роли супруга в воспитании; представления о способах взаимодействия с ребенком в обществе и в своей семье; ценностные ориентации родителей	Родительские чувства, эмоциональный фон общения с ребенком, чувства по отношению отношение к распределению ответственности и ролей в семье; оценка себя как родителя	Воспитательный аспект форм и способов взаимодействия с ребенком

Поведенческий компонент – это умения, навыки и деятельность родителя по уходу, материальному обеспечению, воспитанию и обучению ребенка, взаимоотношения с супругом (-ой) как с родителем общего ребенка, стиль семейного воспитания.

Анализируя компонентную структуру родительства, следует отметить:

1) Все компоненты имеют три составляющие (когнитивную, эмоциональную и поведенческую), которые являются критериями реализации компонентов родительства.

2) Компоненты родительства связаны друг с другом в единую структуру посредством пересечения составляющих элементов (когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов).

3) Квинтэссенцией, суммарным выражением всех компонентов, наиболее доступным для наблюдения, является стиль семейного воспитания (Р.В. Овчарова, 2003).

Из результатов теоретического анализа, представленных в таблице, следует, что родительство является сложной динамической структурой, которая в развитой форме включает родительские ценности, установки и ожидания, родительское отношение, родительские чувства, родительские позиции, родительскую ответственность, стиль семейного воспитания. Связь компонентов между собой осуществляется через пересечение элементов их составляющих: когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов, которые являются критериями реализации этих компонентов (Р.В. Овчарова, 2003).

Родительство – это личностное отношение и воспитательное воздействие родителей на детей, обусловленное семейными ценностями, знаниями родителей о том, как воспитывать детей, и умением строить с ними взаимоотношения. Родительство обусловлено готовностью и способностью взрослых людей реализовать родительские права и обязанности, которые определяются требованиями общества и культурными традициями. Быть родителем – значит, прежде всего, удовлетворять основные потребности ребенка, заботиться о его благополучии, здоровье и счастье.

Счастливое родительство возможно в условиях триединого отношения «супружество – родительство – родство». Крепкие супружеские отношения составляют основу счастливого родительства, которое скрепляет семейные узы кровным родством.

Супружество, в отличие от родительства, – это личностное взаимодействие мужа и жены, основанное на взаимных обязательствах, регулируемых социокультурными нормами. Развитие супружеских отношений определяется личностными и социальными особенностями супругов, такими как: возраст; темперамент и особенности характера; религиозность; социальное положение; профессия; культура (общая и педагогическая).

С течением времени эти характеристики у супругов изменяются, следовательно, должны изменяться и отношения между ними, вырабатываться новые, соответствующие новому социальному статусу, накопленному опыту и т. д.

В завершение данного раздела необходимо выделить базовые характеристики структурных компонентов родительства: ценности и

ожидания, родительские чувства, родительская позиция, родительские отношения, родительская ответственность.

Семейные ценности представляют собой значимые для семьи материальные, социальные, духовные объекты, характеризующие жизнедеятельность родителей и детей. В качестве семейных ценностей выступают передающиеся от матери к дочери свадебные украшения, от отца к сыну – семейные истории, традиции собираться всей семьей на семейные праздники, национальные и религиозные традиции.

Родительские ожидания – система требований родителей к нормам действий, поведения, отношений и чувств детей. Родительские ожидания выступают как неформальные нормы, упорядочивающие жизнь семьи по неписаным правилам, традициям.

Родительская позиция – это устойчивая система отношений человека к себе как родителю, проявляющаяся в последовательном, осознанном поведении: в защите интересов детей, поддержке их взросления, удовлетворении потребностей. Родительская позиция формируется на основе не только любви к детям, но и осознанной стратегии их воспитания, сочетающей в себе любовь, терпение и строгость, последовательность в воспитательном влиянии на детей.

Родительские отношения строятся на понимании внутреннего мира ребенка, принятии всех его особенностей и признании прав ребенка быть личностью со своими интересами, стремлениями, жизненными приоритетами. Уважение к ребенку независимо от его возраста – это основной показатель сложившихся родительских отношений.

Родительские чувства – значимая группа чувств, занимающая особое место в жизни человека, Содержание родительских чувств, как и родительского отношения, также амбивалентно и противоречиво и реализуется, прежде всего, в родительском отношении и родительских позициях.

Родительская ответственность за жизнь, здоровье и счастье своих детей представляет собой внешний и внутренний контроль и самоконтроль за выполнением обязанностей по воспитанию и удовлетворению потребностей детей. Родительская ответственность регулируется морально-этическими и правовыми нормами общества.

Семейные традиции – это правила, нормы поведения и общения членов семьи, сложившиеся на основе длительного опыта семейной жизни и передающиеся от поколения к поколению, соблюдение которых стало потребностью каждого члена семьи.

ГЛАВА 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСТВА

3.1. Психологические представления о материнстве

Общеизвестно, что влияние матери на формирование и развитие ребенка трудно переоценить, привязанность младенцев к матери становится решающим фактором в развитии любознательности, социальных качеств, независимости, компетентности (Дж. Андерсон, М. Эйнсворт). В последующем развитии ребенка роль матери, несмотря на ее видоизменение, не утрачивает своей значимости. В этой связи феномен материнства рассматривается с различных подходов, включая культурно-исторические, психофизиологические и психологические аспекты. Учитывая полисистемность феномена материнства в данном разделе работы, рассматриваются лишь сущностные особенности, составляющие основу материнства. Их рассмотрение дано ниже.

Материнство, по словам Т. Флоренской, – предназначение женщины, являющейся главным источником стремления женщины стать матерью. В этой связи, несмотря на многообразие представлений о материнстве, понятие «мать» у всех народов означает начало чего-либо, жизнь и дом. Недаром мы говорим «мать-земля», «мать-природа», «мать-планета». Все они дают нам жизнь, все они нас поддерживают и питают, все они наш «дом».

Образ матери – один из самых глубинных образов человеческой психики. Он находил и продолжает находить свое отражение на протяжении всей истории человечества. Одним из первых способов осмысления этого образа стала Богиня-мать.

Богиня-мать – главное женское божество в большинстве мифологий мира. Как правило, она соотносится с землей и – более широко – с женским творческим началом в природе. Самые ранние свидетельства о почитании Богини-матери – верхнепалеолитические «Венеры» – статуэтки женщин с подчеркнутыми половыми признаками, явно культового назначения; женские изображения этого типа найдены и на неолитиче-

ских стоянках. Более поздние представления о Богине-матери связаны в первую очередь с представлениями об изначальной божественной паре, прародителях вселенной и населяющих ее существ.

Но есть и другой аспект материнства, олицетворяющий собой власть, с чем связано появление матриархата в истории развития человечества. И если на смену матриархату в общественных отношениях пришел патриархат, то в семье и по сию пору в хозяйственно-бытовой жизни, воспитании детей первенство осталось за женщиной-матерью.

Поэтому вопрос о семейном лидерстве или формальном главенстве достаточно точно отражен в народном творчестве в виде известных изречений, поговорок типа: «Без мужа, что без головы; без жены, что без ума» или: «Муж – голова, а жена шея: куда повернется, туда и голова смотрит». Характеризуя лидерскую роль материнства, О.Г. Прохорова замечает, что традиция отводит матери роль хранительницы нравственного закона, определяющего единство семейного коллектива: «Весь мир в семье от матери». На матери лежала и лежит основная ответственность за нравственные качества и судьбы детей. И это отражено в народной мудрости: «Какова матка, таковы и детки. Яблоко от яблони недалеко катится».

Важный элемент комплекса «материнства» – блокирование агрессии, насилия, конфликтного поведения. По бытовавшим раньше среди женщин поверьям, ссоры, брань, сквернословие матери во время беременности может стать причиной разного рода психических и физических нарушений у ее ребенка (немоты, заикания, слабоумия, заячьей губы, волчьей пасти и др.). Да и нынешняя медицина советует женщинам избегать любых конфликтов, ссор в период беременности. Подготовка к материнству включает в себя усвоение комплекса поведенческих норм, блокирующих любые проявления насилия и агрессии по отношению как к людям, так и к животным. По поверьям, материнская брань, а тем более проклятье в адрес своих детей становится причиной их болезни, гибели (О.Г. Прохорова, 2005 – С. 133).

В народных верованиях присутствует убеждение, что мать способна блокировать любую опасность. Провожая сына на войну, мать давала ему оберег – платок, еще какую-нибудь вещь, которая сохранит его от сабли, пули и любого зла. Талисманами на войне нередко служили предметы, несущие символику «материнства»: богородичные иконки и молитвы, атрибуты и напоминания родов (высушенные фрагменты околоплодного пузыря – «рубашки», последа), предметы с отверстием, символизирующие символы «женского плодоносящего начала».

В состав комплекса «материнства» (норм и представлений, обычаев и ритуалов, связанных со статусом матери) входили запреты на испуг, определенные поступки, эмоциональные состояния.

На Русском Севере беременная боялась в сенокос разрезать косой в траве мелкое животное (мышь, лягушку, кролика): схватишься руками за лицо – у ребенка будут красные пятна на лице, за живот – на животике. Считалось, если мать испугается волка, то ребенок родится с волчьей шерстью на лице и некоторых участках тела, с волчьей пастью. Поэтому во время беременности старались не трогать животных – собак, кошек, коров, свиней, куриц и прочих (такие запреты отмечены повсеместно).

За время беременности женщина должна освоить и продемонстрировать определенные навыки эмоционального самоконтроля. Спокойствие – важная составляющая традиционного образа матери, а несдержанность, утрата контроля над собой могут отразиться на формировании плода, его развитии (О.Г. Прохорова, 2005 – С. 134–135).

3.2. Материнство как социально-психологический феномен

В широком смысле понятие «материнство» – сложный феномен, имеющий физиологические механизмы, эволюционную историю, культурные и индивидуальные особенности (Л.Б. Шнейдер, 2005). С позиций данного подхода материнство может быть охарактеризовано как конкретно-культурный «путь к модели» материнства, которое само по себе есть инструмент, созданный природой и обществом для «производства» ребенка как представителя своего вида и своей культуры (Л.Б. Шнейдер, 2005. – С. 487).

По мнению данного автора, в каждой культуре есть целый институт материнства, который в качестве составной части включает в себя способы воспитания женщины как матери. Эти способы рассчитаны на то, что часть содержаний своих функций мать будет осознавать, а часть – нет. Соответственно в общественном сознании также не все функции матери полностью осознаются. Часть из них представлена в форме поверий, примет, суеверий и т.п. и была рассмотрена выше.

В узком же смысле «материнство» – сознание женщиной родственной связи с детьми. В этом контексте материнство как психосоциальный феномен изучается в двух основных направлениях: как обеспечение развития ребенка и как часть личностной сферы женщины (Л.Б. Шнейдер, Р.В. Овчарова, О.Г. Прохорова). Этот подход к материнству достаточно полно отражен в перинатальной психологии, занимающейся проблемами беременности, родов, послеродового периода.

Характеризуя материнство как социально-психологический феномен, необходимо отметить, что в обществе постоянно происходят изменения модели материнства и детства, соответствующие изменению в самих общественных отношениях. Изменяется и отношение женщины к своей роли матери. В современных условиях эти изменения настолько стремительны, что имеющийся «путь к модели» материнства, складывающийся в общественной практике в течение десятков тысяч лет, не успевает измениться соответствующим образом (Л.Б. Шнейдер, 2005).

Данное положение подтверждается Э. Бадингер (1989), утверждавшей, что «женщина становится лучшей или худшей матерью в зависимости от того, ценится или же обесценивается в обществе материнство».

В наши дни материнство, как отмечает Л.Б. Шнейдер (2005), занимает незначительное место в иерархии ценностей женщины. Заметное возрастание стремления к высокому профессиональному статусу и карьере, повышенная тяга к благосостоянию и высокому уровню потребления препятствуют родительству. Зачастую женщина сегодня не хочет становиться матерью. Нет, называться женой – пожалуйста, а вот дальше – увольте.

Налицо новая модель личности, не обеспеченная соответствующей моделью материнства. Может, это как раз то, к чему мы стремились – к всесторонне развитой личности. Усугубляет положение разрыв межпоколенных связей, потеря традиционных способов передачи опыта и оформления материнско-детского взаимодействия. Женщина на пороге материнства оказывается неосведомленной об элементарных особенностях развития ребенка и своих функциях в уходе за ним и общении. Кроме того, уменьшение количества детей в семье ведет к тому, что часто первый младенец, с которым встречается мать, – это ее собственный ребенок (Л.Б. Шнейдер, 2005. – С. 487–488).

Изучение психологических особенностей материнства проходило в двух направлениях. Первое направление осуществлялось в русле психоанализа (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон и др.) и ориентировалось на определение роли матери в образовании ранних личностных структур. Среди практических проблем особое место отводилось детям с нарушенным психическим развитием (А. Фрейд, М. Кляйне, Д. Винникотт и др.). В отечественной психологии предпочтение отдавалось исследованию материнского отношения к родительским позициям, детско-родительскому взаимодействию (В.И. Гарбузов, Э.Г. Эйдемиллер, Л.Б. Шнейдер, А.С. Спиваковская, А.Я. Варга, А.Д. Кошелева, В.И. Перегуда, И.Ю. Ильина, Р.В. Овчарова и др.). Как мы уже отмечали выше, самостоятельным направлением выступает перинатальная психология. Что же касается второго направления

психологии материнства, то необходимо отметить, что оно посвящено различным аспектам материнско-детского взаимодействия. При этом поведение матери рассматривается как источник развития ребенка – как субъекта познавательной активности, общения, самосознания. Следуя этому, в последующем разделе дается краткое рассмотрение этого аспекта.

3.3. Типологии продуктивного и девиантного материнства

Несмотря на малоизученность данного аспекта, некоторыми авторами сделаны попытки выделения различных типов материнства (О.В. Краснова, А.И. Захаров, И.Ю. Шилов, А.С. Спиваковская, О.Г. Прохорова и др.). Обобщая имеющиеся типологии, можно выделить несколько критериев их дифференциации. Первым критерием такой типологизации может служить типология материнства по знаку направленности или по модальности. На наш взгляд, данная типология может включать конструктивно-нормативную модель материнства (модель «хорошей» матери) и деструктивно-девиантную модель материнства.

Как известно, проблема «хорошей матери» в разные исторические времена у разных народов решалась по-своему, поэтому не существует однозначного ответа на вопрос: «Какая мать лучше?». Над этой проблемой работали и работают многие ученые разных направлений. Объединяет их убеждение, что детско-родительские отношения в первые месяцы и годы жизни ребенка имеют чрезвычайно важное значение для его дальнейшего развития и психического здоровья (О.Г. Прохорова, 2005). В вопросе о том, что такое «хорошая мать», мнения разных людей расходятся. Одни считают, что хорошая мама должна быть доброй и ласковой, другие уверены, что хорошая мать должна быть строгой и требовательной, третьи думают, что материнская любовь должна сочетать в себе и нежность, и строгость. Однако встречаются и те, кто считает, что мать вообще не может быть хорошим воспитателем, поэтому ребенка с самого рождения должно «воспитывать государство». Вместе с тем наряду с эталоном «хорошей матери» существует и сценарий «идеальная мама», имеющий в нашей стране широкое распространение, потому что опирается на конвенциональные нормы и чувства и поддерживается и контролируется обществом (социальными службами, общественными организациями, культурными традициями) (А.А. Реан, 2010).

Воплощением этого типа материнства служат следующие типические особенности матерей:

«Супермама» – стремится развивать умственные способности ребенка, старается научить его чему-нибудь новому, однако счастливо избегает крайностей. Она любит своего ребенка таким, каков он есть. Называя окружающие предметы, например: «Это мяч», она расширяет произносимое ребенком предложение, вводя новое слово, например: «Это красный мяч», или подсказывая связанные с ним понятия. Такой маме удается сохранить необходимое равновесие между занятиями, которые происходят по ее инициативе, и самостоятельными делами ребенка.

«Супермать» – это живой пример идеальной матери. Непоколебимая, уверенная в себе и никогда ни на что не жалующаяся, эта мать встает с петухами и ложится спать позже всех. Ее день заполнен одинаково как хозяйственной, так и домашней работой. Смелая и веселая, она умеет быть одновременно хорошей матерью и прекрасной женой. Ведя деловой разговор, она в состоянии одновременно позвонить домой, чтобы узнать, «как там ваш малыш». Не сдаваясь надвигающейся старости, умеет принимать активное участие в жизни своих уже довольно взрослых детей, не забывая, конечно, и про себя. Кроме того, она является не только супер, но и вечной матерью. При этом ее муж не может быть никем другим, как только суперотцом.

Помимо данных характеристик, есть попытки рассмотрения материнства с позиций компетентностного подхода. Так, по мнению О.Г. Прохоровой (2005), уровень материнской компетентности в воспитании ребенка после его рождения определяется не только умением матери осуществлять правильный уход – соблюдать правила гигиены, следить за здоровьем младенца, удовлетворять потребности в пище, тепле, но и знанием психологических потребностей ребенка и способностью удовлетворять их.

Что же касается деструктивного материнства, то целесообразно выделить следующие два типа (Н.П. Фетискин, 2012).

1. Девиантный тип материнства, относящийся к матерям:

а) отказывающихся от своих детей, или матерям-отказникам. Данный тип несостоявшихся матерей, по мнению D. Pines, объясняется тем, что для некоторых женщин беременность завершается отказом от ребенка или другими формами отклоняющегося материнского поведения. Она объединяет в единый комплекс такие черты, как инфантилизм, повышенную потребность в любви, связанную с чувством обделенности вниманием и заботой в детстве, сексуальную неразборчивость, эгоцентризм. В фантазиях такие женщины сами дети, поэто-

му у них нет желания беременеть. Если даже и хотят, то им трудно окружить ребенка заботой и любовью, потому что им самим кажется, что они недостаточно получили эту любовь. У них могут проявляться сильные садистские черты на их сексуальных партнеров, и если они становятся матерями, то это сказывается на их привыкании к ребенку и на их агрессивных проявлениях, особенно к мальчику;

б) проявляющих жестокое обращение к детям в форме открытого пренебрежения и насилия. В этом случае девиантное материнство рассматривается как отклоняющееся поведение матери, проявляющееся в эмоциональном и физическом отвержении ребенка, выраженное в различных формах (гипоопека, авторитаризм, гиперопека, физическое и психическое насилие, отказ от ребенка), оказывающее большое влияние на формирование дефицита в психическом и физическом развитии ребенка (Р.В. Овчарова, 2003). Оба подтипа девиантного материнства служат причинами снижения эмоционального благополучия ребенка и отклонений в его оптимальном психическом развитии.

2. Прагматико-«товарный» тип материнства, включающий:

а) суррогатно-прагматический тип материнства, превращающий детей в подобие товара, создавая ситуацию, когда богатые люди смогут нанимать женщин для вынашивания своих потомков; при этом материнство становится договорной прибыльной работой. Существуют также опасения, что некоторых суррогатных матерей может психологически травмировать необходимость отдать «своего» ребенка.

Сторонники суррогатного материнства считают его благом, позволяющим решить проблемы бездетных семей, в которых жена не способна зачать или выносить плод. Это единственный способ получить ребенка, который будет генетически «своим» для мужа. По их мнению, это не коммерциализация деторождения, а глубоко человечный акт. Они утверждают, что женщина, добровольно решившая стать суррогатной матерью, получает за выполнение этой роли достаточную материальную компенсацию, а также моральное удовлетворение от приносимой обществу пользы.

Есть и еще одна проблема: ребенок может унаследовать от суррогатной матери генетические дефекты (за исключением тех случаев, когда в ее матку имплантируют оплодотворенную in vitro яйцеклетку от той самой женщины, вместо которой для вынашивания плода нанята она) (О.Г. Прохорова, 2005);

б) насильственно-прагматический тип материнства, ориентированный на использование детей в качестве противоправного объекта родительского бизнеса, инициирующий своих детей к занятиям проституцией, распространени. наркотиков, воровству;

в) проективно-прагматический тип материнства, выражающийся в переносе нереализованных материально-ориентированных идеалов или ожиданий матери на своих детей. Речь идет о карьерных, спортивных, музыкальных, творческих, бытовых видах деятельности, нацеленных на реальное или отдаленное зарабатывание детьми денег.

Следует отметить, что данный тип может быть не только связан с типом материнства, но и института родительства в целом.

Другие типы материнства, представленные в литературе (О.В. Кранова, И.Ю. Захаров, И.Ю. Шилов и др.) в описательной или метафорической форме, объединены нами в два интегральных дето- и эгоцентрированного типа материнства (Н.П. Фетискин, 2012). Разновидностями первого являются:

1. Детоцентрированный развивающий тип материнства, включающий в себя следующие разновидности типов материнства.

Спокойная уравновешенная мама все знает о своем ребенке, чутко реагирует на его поведение, вовремя приходит на помощь, заботливо растит в атмосфере благожелательности и добра.

Спокойная, уравновешенная мама может служить своеобразным эталоном материнства. Она – как часовой на боевом посту: всегда все знает о своем ребенке и вовремя придет ему на помощь. Причем так чутко и заботливо, с такой быстротой раскрутит весь клубок проблем ребенка, что многие из близких родственников еще даже не успеют догадаться о том, что этот клубок был. Но самое важное то, что ребенок растет и расцветает в атмосфере благожелательности и доброты.

К данному типу, на наш взгляд, следует отнести и типы материнства, выделенные Г.Г. Филипповой и сформулированные нами как типы **конгруэнтно-развивающего** материнского сопровождения (Н.П. Фетискин). К этому типу относятся:

а) развивающе-опережающий тип материнства. Характерен для матерей, ориентирующихся на достижения в развитии ребенка, ее поведение стимулирует ребенка проявлять больше активности. Если ребенок не производит действий, ожидаемых матерью, она повторяет и видоизменяет свое поведение, добиваясь ожидаемых результатов и радуясь им. Такое поведение матери описывается как поддерживающее, стимулирующее активность ребенка и рассматривается в отечественной психологии как ориентация матери на зону ближайшего развития;

б) развивающий возрастно-конгруэнтный тип материнства. По мнению Г.Г. Филипповой, в этом случае мать достаточно отзывчива к ребенку, но ее поведение является как бы фиксирующим его достижения в развитии. В благоприятных условиях она осваивает новые формы

взаимодействия и эмоционального реагирования вслед за появлением новых особенностей поведения ребенка, но не предвосхищает их.

2. Детоцентрированный авторитарно-гиперсоциализирующий и опекающий тип материнства, проявляемый в следующих метафорических типах.

– Уверенная и властная мама твердо знает, чего хочет от ребенка; она спланировала его жизнь еще до рождения. От своих планов такая мама не отходит ни на йоту. Выращивая и воспитывая ребенка по сконструированной модели, мама подавляет его, гасит стремление к самостоятельности, в результате он не становится жизнестойким.

– Тревожная мама вся во власти своих опасений по поводу здоровья ребенка, во всем видит угрозу его благополучию, ее мнительность нагнетает атмосферу в семье, лишает покоя всех ее членов.

– «Мать-курица» – это знающая и заботливая, не боящаяся использовать свой авторитет как для погашения семейных стычек, так и для того, чтобы поставить кого бы то ни было на место. Ее девиз – лучше предупредить, чем лечить. Вот почему она, не колеблясь, раздает советы направо и налево, и как бы там ни было – они всегда мудрые. Если и бывает, что кто-то ее не слушает, у нее хватает благородства без иронии принять горячие извинения. Не стоит бояться, что, когда дети вырастут, из-за ее желания заботиться о них она может быть отвергнута.

– «Мама-деспот» – ребенок с утра до вечера занят исполнением ее приказов и распоряжений. Она вечно недовольна успехами своего чада, желает видеть в нем вундеркинда.

– «Мама-педант» – дом прекрасно организован, у ребенка есть все, чего душа желает, однако он одинок и большую часть времени проводит наедине с собой. Налицо отсутствие взаимопонимания между такой мамой и ее ребенком, который, кстати, несмотря на обилие игрушек, остается довольно-таки заурядным.

– «Мать-липучка» – это тип матерей, не позволяющих ребенку ни на минуту расслабляться, готовых поручать ему даже самые нелепые дела.

Их не терзают сомнения о причинении своим детям боли, при полном убеждении, что они делают для детей только хорошее. Они не дают детям самим сделать выбор и советуют им делать то, что кажется правильным им самим, не забывая без конца повторять: «Это для вашего же блага». Но их желание вечного покровительства может помешать детям достигнуть того, чего они хотят. Попытайтесь дать им шанс избавиться от вашего всеобъемлющего чувства заботы.

– «Царевна Несмеяна». Главная задача такой мамы – не избаловать ребенка. Уже с пеленок «Несмеяна» воспитывает своего ребенка лишь нотациями, выискивая в нем сплошные недостатки. Она всегда

принципиальна и бездушно правильна; и в этой атмосфере правильности ребенок постепенно начинает чахнуть.

– «Снежная королева». По-королевски непреклонна и недоступна. При общении с ребенком соблюдает определенную дистанцию. Ее удел – править и повелевать, ребенок обычно «замерзает» рядом с ней.

– «Унтер Пришибеев». Сравнима только с генералом в юбке. Ребенок для нее – солдатик, живущий по одним приказам. Неподчинение – ремень. В семье царит дух казарменности и жестокости.

– «Наседка». Ребенок у нее на привязи, самостоятельно не может решиться сделать даже шаг. Мать этот шаг предвидит, чтобы пройти рядом, убрав все «камешки».

3. Детоцентрированный воспитательно-дефицитарный тип материнства. Его основу составляют следующие разновидности матерей.

– Неадекватный тип. При таком типе динамика эмоционального поведения матери не соответствует динамике развития ребенка. В этом случае положительная реакция на ребенка в эмоционально-личностном общении может смениться на игнорирующий тип или даже осуждающий (раздражение) на попытки ребенка включить мать во взаимодействие с предметами в совместно-разделенной деятельности и т. п. (Филиппова Г. Г., 2002).

– «Почти мама» – любит свое дитя и принимает его таким, каким оно есть. Но ее поведение бессистемно и хаотично, и она не в состоянии удовлетворить потребность своего ребенка. Ей не хватает способностей влиять на умственное развитие своего сына или дочери. Такой тип матерей обычно пассивно ждет проявления инициативы со стороны ребенка, но когда так происходит, не понимает ее мотивов.

– «Мать-интеллектуалка». Для нее воспитание ребенка связано с большими неприятностями, и для того, чтобы оно протекало нормально, требуется солидная доза теории. Именно этого им хватает. Они любят превращать свой обеденный стол в место для семинара, созванного для специального рассмотрения вопросов воспитания ребенка, и каждого, кто сидит за ним, они буквально заставляют «конспектировать» все сказанное. В такой ситуации приглашенные не мечтают ни о чем так сильно, как о том, чтобы поскорее уйти. Тем не менее они все-таки должны придерживаться ее советов насчет диеты. Слишком занятые, они забывают про эмоциональную сторону жизни своих детей и их личные проблемы.

4. Детоцентрированное материнство гиперпотворствующего типа.

«Мать-импрессарио». Такие матери считают, что лучше их детей никого на свете нет. Бесконечно расхваливая их бесчисленные таланты, они заставляют бледнеть других матерей от зависти. Только они спо-

собны так искусно преобразить реальность и еще больше приукрасить правду. Их стойкость, мужественность и нежность одержимы одним желанием: оценить по достоинству способности своих детей, пробуя их в различных областях, заставляя их участвовать в небольших торжествах (которые они сами же и организуют), расставленных как ловушки для других матерей, и зная наперед, что их дети не смогут там проявить себя лучше другого ребенка. Они не боятся сделать из своих чад честолюбивых выскочек.

Вторым интегральным типом материнства является эгоцентрированный неконгруэнтный тип материнства. К данному типу нами были отнесены следующие метафорические типы матерей.

– «Тоскливая мама» всем недовольна, она во власти мыслей о себе, своем будущем; в ребенке она видит обузу, преграду на пути к возможному счастью. Вывод ясен: ребенку с мамой не повезло.

– «Замученная мама» считает свои повседневные обязанности столь тягостными, что не выделяет времени для детей, которыми обычно занимаются старшие братья и сестры или они «занимаются» сами собой в запущенном донельзя доме. Обычно это многодетные матери, не имеющие достаточных средств на содержание семьи.

– «Спящая красавица». Она всю жизнь продолжает ждать так и не встретившегося принца. Как правило, отец ребенка – совсем не принц. Поэтому такая мать живет в плену своих фантазий и грез, не замечая рядом своего ребенка, его потребностей и желаний. Он для нее – просто живая игрушка, которая внезапно может надоесть.

– «Мать-кукушка». Этому типу матерей приятнее выйти в свет, побывать на вечеринке и поужинать в ресторане с друзьями, нежели смотреть за своими детьми. Действительно, воспитание детей может нанести непоправимый ущерб их свободе и нарушению привычного уклада жизни. Они представляют собой полную противоположность ангела-хранителя. Доверяя свое чадо гувернантке, они постепенно забывают о своей роли родителя, утверждаясь в мысли, что казаться в его, чадиных глазах, матерью-курицей совершенно излишне. Оказывая услуги другим, они не забывают при этом попросить чего-нибудь для себя. Они никогда не чувствуют угрызения совести, игнорируя проблемы и просьбы своих детей.

Разновидностями эгоцентрированного материнства гипопротекционного типа могут служить типы, выделенные И.В. Павловым (2012). Это – «мама-робот» и «мама-погода».

– «Мамы-роботы» – мамы запрограммированы одинаково реагировать на поступки своих детей. Так, в один прекрасный момент у них запускается такая «мамская» программа: «Я тебя родила, воспитала,

все лучшее тебе отдавала, а ты со мной как поступаешь?! Даже стакан воды на старости лет не подашь!»

Программа под названием «Стакан воды на старости лет» запускается у «мамы-робота» чаще всего.

Если ей грубить и раздраженно отвечать – она обычно заводится еще больше, и тогда у нее одновременно запускается десяток «мамских» программ, вроде «Стакана воды», «Ты меня до гроба доведешь» и «Всю жизнь на тебя потратила, а ты такой-сякой». Если встать и уйти – «мама-робот» непременно последует за тобой и не успокоится, пока не выскажет все, что задумала. Наверное, лучше всего в такой ситуации терпеливо выждать, пока у «мамы-робота» не закончится заряд или не сядут батарейки. Обычно после этого она успокаивается и вновь превращается в обычную маму.

Интерпретируя поведение этого типа материнства, автор отмечает, что в этот момент «вряд ли она думает так всерьез. Просто бедной и уставшей маме иногда хочется вообразить себя несчастной и брошенной, чтобы ее непременно пожалели и извинились за нанесенные ей обиды. Такие уж мамы капризные создания, и ничего с ними нельзя поделать».

– Тип «мама-погода», по И.В. Павлову, – «натура противоречивая и непредсказуемая». Любая мама этого типа похожа на: ... погоду! Как и погода, мама может меняться моментально, и предсказать ее иногда совершенно невозможно. То она как лето – такая добрая, светящаяся и жизнерадостная, готовая дарить любовь и теплоту. То вдруг неожиданно мама меняется и становится занудливой осенью, а иной раз и того хуже – настоящей зимней пургой и обрушивает на твою голову целый град упреков и обвинений. Вот тогда аж мороз по коже пробирает, когда слушаешь ее. Хотя не всегда перемены эти бывают неожиданными.

Конечно, все мамы разные. У кого-то мама – это почти вечное лето. С такой мамой жить хорошо и легко. А у кого-то другого мама больше похожа на осень или даже на зиму. Если твоя мама всегда похожа на лето, тебе очень повезло, но такие мамы – большая редкость. А если твоя мама чаще осень или зима, поверь, это еще не конец света. В такие моменты просто лучше не нарываться, а дождаться потепления в маминой душе. Эти характеристики «мам» позволяют сделать вывод о том, что с «мамой-летом» и «мамой-весной» куда легче разговаривать, чем с «мамой-осенью» или «мамой-зимой». Ну а с «мамой-роботом» вообще бессмысленно говорить. Ее надо просто выслушать и не делать резких движений (И.В. Павлов, 2012. – С. 7–8).

В заключение данного раздела необходимо отметить, что выделенные типы и поведенческие особенности материнства представляют собой

всего лишь крайние случаи. Каждый из них иначе формирует личность и характер своего ребенка, и даже тогда, когда мы показываем предпочтительность детоцентрированного материнского типа, мы не можем полностью судить о продуктивности его влияния на развитие ребенка. Так, «супермама» воспитывает малыша практичным, сообразительным, охотно решающим новые проблемы. Ребенок «мамы-деспота» бывает эрудированным и честолюбивым, однако эмоциональная незрелость делает его робким или даже инфантильным. Другие типы матерей («деспот», «унтер Пришибеев», «снежная королева», «наседка», «курица», «липучка»). «Ваяя ребенка по идеальной модели, как отмечает О.Г. Прохорова, мама подавляет его, стирает его неповторимость, гасит стремление к самостоятельности, тем паче – к инициативе.

Иную картину детского развития мы наблюдаем у матерей эгоцентрированного типа. Так, «замученная мама» воспитывает ребенка интеллектуально неразвитым, не умеющим себя вести в нетипичной ситуации. Это тип маленького плаксы, часто грустного и потухшего. «Почти мама» хорошо выполняет свои обязанности только в первые месяцы жизни ребенка, когда же появляется вопрос развития его умственных способностей (примерно к 14 месяцам жизни), она не в силах справиться с новой, сложной для нее задачей. И если ребенок «супермамы» продолжает хорошо развиваться, то ребенок «почти мамы» задерживается в развитии.

Обобщая выделенные типологии материнства, нетрудно заметить, что многие современные матери не обладают достаточным уровнем компетентности в сфере воспитания маленького ребенка, следствием чего является девиантное материнство.

Эти изъяны в институте современного материнства объясняются целым рядом обстоятельств. Прежде всего это связано с тем, что в наши дни материнство, как полагает Л.Б. Шнейдер, оттесняется иными ценностями: профессиональными, поиском материального благополучия, гедонизма и индивидуализма. Современное материнство отличает повышенное стремление к высокому профессиональному статусу и карьере. Вследствие этого повышенная тяга к благосостоянию и высокому уровню потребления не только препятствует родительству, но и создает условия для новой модели в структуре родительства – некомпетентного материнства. Данная модель характеризуется тем, что женщина на пороге материнства, по мнению Л.Б. Шнейдер, оказывается неосведомленной об элементарных особенностях развития ребенка и своих функциях в уходе за ним и общении. Особенно это касается недостаточности в эмоциональных переживаниях, неготовности к возникновению материнских чувств.

Такое положение материнства усугубляется ослаблением межпоколенных связей, утратой традиционных способов передачи опыта и оформления материнско-детского взаимодействия. В то же время подготовка к материнству, как замечает Л.Б. Шнейдер, теперь не ограничивается ведением беременности и сведениями об уходе за ребенком и кормлении. В нее входят развитие эмоциональной сферы, интуиции, освоение способов общения с ребенком до рождения и последующих стадиях детского развития.

Суррогатное материнство. Данный феномен можно рассматривать двояко. С одной стороны. это символ научного прогресса, а с другой – термин «суррогатное» значит «неполноценное». Да и о каком полноценном чувстве вообще может идти речь, если, как справедливо указывает А. Баркан, загнанная в тиски нужды женщина пытается вырваться из них благодаря вынашиванию для более обеспеченной женщины ребенка. Истоки такого материнства имеют давнее происхождение и относятся еще к временам Авраама, и первой суррогатной матерью на нашей планете, согласно Библии, была служанка бездетной жены Авраама Сары – египтянка Агарь, родившая патриарху его первенца – сына Исмаила, которого приняла на свои колени Сара. А по законам того времени это означало, что ребенок ее. Но когда Бог через 14 лет после этого послал ей собственного сына Исаака, разразилась драма, последствия которой коснулись и наших дней, несмотря на то что прошло уже около двух тысяч лет.

После случая с Агарью в библейские времена так называемое сегодня «суррогатное материнство» (когда используется яйцеклетка самой суррогатной матери, оплодотворяющаяся спермой биологического отца) применялось неоднократно и в другие эпохи, и дети, рожденные таким образом, считались законными наследниками родителей, пошедших на подобную процедуру. Но это были единичные случаи узаконенной измены ради продолжения рода и появления потомства.

В XXI веке, благодаря гестанционному, или полному суррогатному, материнству, заключающемуся в экстракорпоральном оплодотворении, такое суррогатное материнство набирает высокие темпы. При таком оплодотворении суррогатная мать не является донором яйцеклетки, как было в прежние времена, а вынашивает эмбрион биологических родителей, который подсаживается в ее матку и выполняет своеобразную роль инкубатора. Суррогатная мать вынашивает чужого ребенка, с которым после его появления на свет предстоит расстаться.

Но и в этом случае суррогатная мать – это не просто неодушевленная вещь и, конечно же, не инкубатор. Она прежде всего женщина, беременная женщина со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вынашивая чужого ребенка, суррогатная мать (супермама) расплачивается своим здоровьем. И не только во время беременности, но и в процессе родов, исход которых тоже не всегда предсказуем.

Кроме того, психологическая защита женщины, вынашивающей чужого малыша, проявляется в виде бесчувствия, которое может передаться «по наследству» ребенку, ведь только «снежные королевы» способны расстаться с «частичкой себя», живущей в унисон с мамой-не мамой целых десять лунных месяцев. А если не будет вынужденного бесчувствия, начнутся драмы суррогатного материнства, и особенно когда нанятая сурмама – и в самом деле генетическая мать новорожденного. Так что, словом, работа сурмамы, по мнению А. Баркан, – это супертяжелый и суперизнуряющий труд, труд с угрозой для жизни. И если в нем главное все-таки – альтруизм, альтруизм из самых высоких и гуманных человеческих побуждений, то сегодня такая он редкость, что уже входить начал в предания, проявляясь лишь только в единичных и неординарных случаях – среди родственников и друзей. В основном это бизнес, коммерция и рутинная купля-продажа, но... не вещи, а чьей-то души... Души с телом в придачу, причем не от «хорошей» жизни как «покупателя», так и «продавца». (А. Баркан, 2010. С. 560).

Услугами сурмам пользуются матери и отцы одиночки и семьи людей с нетрадиционной половой ориентацией.

Рекордсменкой среди сурмам по количеству выношенных жизнеспособных чужих детей на сегодняшний день является жительница Великобритании Кэрол Хорлок, родившая шесть девочек и троих мальчиков, причем почти на бескорыстной основе.

Эти примеры можно продолжить. Однако ясно одно – дети от суррогатных матерей ходят и живут рядом с нами. Но программа суррогатного материнства осуществляется при соблюдении большей конфиденциальности, чем программа искусственного оплодотворения,

Сразу после рождения сурмама должна отвергнуть своего кровного малыша, не успев привязаться к нему, хотя бы ради вознаграждения по контракту, а это – предательство. Сознание такой матери раздвоено из-за ее странного статуса не матери и не жены, а законной соучастницы вынужденной измены, матери, носящей под своим сердцем собственного ребенка, собственного, но не своего. И поэтому девять месяцев ожидания для такой женщины превращаются в своеобразную копилку противоречивых, в основном негативных чувств, раздирающих душу, и особенно в тех случаях, если генетический отец ребенка, с которым ей пришлось пережить «контрактную» близость, пусть даже и виртуальную, а не реальную, близость – в пробирке, чем-то ей приглянулся или стал вдруг объектом эротических снов и фантазий (А. Баркан, 2010. – С. 561).

А пока у поколения суррогатных детей уже начали появляться свои собственные дети. Но до сих пор не смолкают дискуссии типа «этично это или не этично» и надо ли посвящать такого ребенка в тайну своего рождения. И до сих пор сторонники суррогатного материнства убеждены, что такие дети должны буквально купаться в родительской любви, потому что любовь, прошедшая через препятствия, гораздо устойчивее и сильнее легко дающейся любви, а родители суррогатных детей преодолевали препятствия. Критерием объективности этих дискуссий могут служить данные зарубежных исследований, показывающие, что подрастающие суррогатные дети, посвященные в тайну своего рождения, лишь только в 25% случаев желают встретиться со своей суррогатной матерью. В то же время можно найти только единичных матерей, за исключением случаев, когда они вынашивали чужих детей из-за родственных или дружественных чувств, согласных на контакты со своими «бывшими» детьми (А. Баркан, 2010. – С. 564).

3.4. Психологические предпосылки формирования продуктивного и девиантного материнства

Стремление к материнству нельзя сводить ни к биологическому влечению, ни к следованию социокультурным нормам. Материнство, по словам Т. Флоренской, является духовной потребностью женщины. Однако способность женщины «быть достаточно хорошей матерью», как и любая способность, не появляется в готовом виде. По мнению Д. Винникотт, способность к материнству формируется на основе ее опыта взаимодействия с собственной матерью, в игре, во взаимодействии с маленькими детьми в детстве, а также в процессе собственной беременности и материнства. «Мать не может научиться тому, что от нее требуется, ни из книг, ни от патронажных сестер, ни от докторов. Ее наука – это собственный опыт младенчества. Кроме того, она наблюдает, как другие родители ухаживают за детьми и, возможно, сама ухаживала за младшими сестрами или братьями, и – что очень важно – она многому научилась в раннем детстве, играя в «дочки-матери» (Д. Винникотт, 1998. – С. 47).

Это положение находит подтверждение и у Д. Рафаэль-Леф, утверждающего, что женщина начинает становиться матерью с раннего детства. В Китае существует поговорка, что девочка не станет хорошей матерью, если не будет любить своего будущего ребенка с

детства. Как отмечают многие исследователи, самыми решающими считаются отношения с собственной матерью и семейная модель материнства (Г.Г. Филиппова, Л.Б. Шнейдер, М.Ю. Колпакова, А.И. Захаров, В.И. Брутман, А.А. Северный, С.Н. Еникополов и др.). Большое значение в становлении материнства имеет история жизни женщины, ее семейное, социальное положения, личностные качества, связь с особенностями развития ребенка. В этой связи Г.Г. Филиппова (1999) выделяет два уровня развития материнства. С эволюционной точки зрения материнство – вариант родительской сферы поведения (как составной части репродуктивной сферы), присущего женскому полу. Исключительность материнского поведения на высших эволюционных стадиях развития позволяет выделить материнство в самостоятельную материнскую потребностно-мотивационную сферу поведения. Ее эволюционным назначением является обеспечение матерью адекватной заботы о потомстве, что и является материнскими функциями. В поведении матери ее функции выражаются в эмоциональных реакциях на ребенка, выполнении операций по уходу и общению с ним.

На субъективном уровне для самой матери выполнение ее материнских функций достигается за счет наличия у нее соответствующих потребностей. Базовой потребностью для материнской сферы является потребность в эмоциональном контакте с ребенком. К базовым условиям формирования материнства большинство исследователей (Г.Г. Филиппова, Л.Б. Шнейдер, Р.В. Овчарова и др.) относят **родительскую семью**. Общеизвестно, что именно семья является первичным и необходимым условием формирования материнства. Сказанное подтверждается тем, что большинство матерей, отказавшихся от своих детей, воспитывались в нестабильных семьях и с раннего детства имели негативный опыт межличностных взаимоотношений.

Личность многих «женщин, не готовых к эффективному материнству», формировалась в своеобразной субкультуре агрессии (R.J. Gelles), часть из них в детстве страдали от холодного отношения со стороны своих родителей, унижающего достоинство, угнетения, в большинстве семей дочерей «воспитывали» грубостью, криком, а часто и побоями, т. е. находились в неблагополучной психотравмирующей среде (М.Ю. Колпакова, 1999, В.И. Брутман, 1994). Данными авторами отчетливо продемонстрировано и крайне отрицательное влияние низкого материального достатка, культурного уровня воспитывающей семьи на формирование ролевых основ личности девочки, что в итоге негативно сказывается на качестве ее будущего материнства (R. Goldston, V.C. Mcloyd, L. Wilson).

В. Лосева и А. Луньков (1998) приводят типичные установки, которые будущая мать может усвоить от своих родителей: «Прежде, чем заводить детей, надо прочно стоять на ногах в материальном и профессиональном отношении»; «Ты сама еще ребенок; как же ты можешь воспитывать детей?»; «Ты – эгоистка, а мать должна уметь жертвовать всем ради детей»; «Не торопись заводить детей. Поживи в свое удовольствие»... Разумеется, все описанные директивы даются родителями своим дочерям с благими намерениями, не с целью нанести им вред, однако они негативно влияют на установку желания иметь детей.

Взаимодействие с собственной матерью. Этот этап начинается с внутриутробного периода развития и продолжается практически всю жизнь женщины. Наиболее значимым является младенческий и ранний возраст, так как этот период жизни сам по себе является сензитивным для формирования базовых основ личности и отношения к миру (Эриксон).

Целый ряд авторов отмечают, что матери, не имеющие опыта подлинной близости с собственной матерью, пережившие в детстве отталкивающие отношения с нею, и в своей жизни воплощали подобную модель отношений с другими. Для таких матерей характерен внутренний конфликт любви-ненависти, в основе которого лежит стремление к глубоким эмоциональным отношениям с другими и неспособность их выстроить, желание любви и неспособность любить. Исследование M. Main, R. Goldwyn подтвердило наличие у отвергаемого ребенка тенденции стать отвергающим родителем. Авторы выявили связь между представлением о своей матери и отвержением собственного ребенка, опосредованным специфическими искажениями когнитивных процессов. Наблюдается защитное искажение памяти у отвергавшихся в детстве матерей (Л.Б. Шнейдер, 2005. – С. 497).

По мнению автора, качество материнско-дочерних связей и его влияние на материнскую сферу женщины определяется, помимо привязанности, стилем их эмоционального общения, участием матери в эмоциональной жизни дочери, причем важным считается изменение такого участия со стороны матери в соответствии с возрастными изменениями эмоциональной сферы дочери.

Игровая деятельность. Игровая деятельность интерпретируется в разных психологических подходах, в зависимости от взглядов на роль игры в развитии личности (проигрывание личностных конфликтов в психоанализе, развивающая функция игры в отечественной психологии и т. п.). Так, в сюжетно-ролевых играх в «дочки-матери» и в «семью» происходит конкретизация и развитие некоторых компонентов материнской сферы. Первоначально возникают сюжетно-изобразительные

действия (кормление куклы, укачивание), а затем принятие на себя роли матери. Играя, девочка «примеривает» к себе разные «образы себя», реализует свое желание побыть матерью, естественно, что при этом жизнь матери мифологизируется.

С этой точки зрения сюжетно-ролевая игра в «дочки-матери» не может быть заменена режиссерской, например, с «Барби». В.В. Абраменкова (1998) называет куклу Барби секс-символом, благодаря которой, по ее мнению, архетип материнства незаметно подменился архетипом блуда. Значение, которое придавалось кукле в народной педагогике, свидетельствует об осознании связи игры в куклы с развитием материнства. В России кукла передавалась от матери к дочери, специально изготовлялась для дочери. Куклу наряжали к празднику, вывозили в гости, на смотринах невесты она служила доказательством готовности девушки к роли хозяйки и матери. Эти традиции помогали сохранять и поддерживать культурную и семейную модели материнства. В современном обществе на этом этапе развития полноценной замены усмотреть не удается (Н.Н. Богомолова, 1977, В.В. Абраменкова, 1998, Л.Б. Шнейдер, 2005. – С. 501).

Няньчание. В психологии отмечается важность для женщины опыта взаимодействия с младенцами в детском возрасте. Результатом такого опыта является, помимо освоения некоторых навыков обращения с ребенком, появление к нему интереса и положительно-эмоционального отношения. К сожалению, особенности взаимоотношения с младенцами, содержание субъективного опыта и его роль в развитии материнской сферы недостаточно изучены (Г.Г. Филиппова, 1999). В этапе няньчания можно выделить два периода. Первый характеризуется налаживанием эмоционально-личностного общения и совместных игр с младенцами первого полугодия, а второй – осуществлением элементов заботы и ухода за младенцами второго полугодия и детьми раннего возраста. Последовательность этих периодов позволяет «наложить» необходимость заботы на уже имеющееся эмоциональное отношение, а соответствующую возрастным особенностям старших детей потребность в распределении материнских функций – удовлетворить в сюжетно-ролевой игре и участии во взрослой деятельности, без форсирования ответственности за жизнь и здоровье малыша (Л.Б. Шнейдер, 2005. – С. 504).

Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер. При адекватной заполненности этапа няньчания впечатления от контакта с ребенком в тактильной сфере, которые по соматическому компоненту во многом совпадают с таковыми в половой, по мнению Л.Б. Шнейдер, «закрепляются» на ситуации взаимодей-

ствия с ребенком как объектом материнской сферы. В результате возникновение в послеродовом периоде новых впечатлений от контакта с ребенком, а также при грудном кормлении интерпретируется не как ощущения, связанные с половой сферой, а как принадлежащие к материнской. Ребенок, который является уже реальным объектом материнской сферы, служит медиатором, определяет смысл ситуации, ведущие эмоции и характер возникновения ситуативных, обеспечивающих эмоциональное обусловливание новых впечатлений.

Взаимодействие с собственным ребенком. Этот этап является необыкновенно сложным для развития всех блоков материнской сферы. В нем можно выделить несколько самостоятельных периодов. Часть из них (беременность, роды, период грудного вскармливания) обеспечена эволюционными психофизиологическими, в том числе и гормональными механизмами регуляции.

В актуальном материнстве выделяются стадия принятия решения о сохранении беременности, период беременности до шевеления плода, период после шевеления, роды, послеродовой период. Относительно развития материнской сферы поведения Г.Г. Филиппова выделяет девять периодов:

1. Идентификация беременности. Этот период в большинстве случаев начинается и заканчивается еще до возникновения первых изменений в физическом состоянии женщины и непосредственно связан с осознанием факта беременности.

2. До начала ощущений шевеления. Этот период физиологически характеризуется появлением симптоматики беременности, неприятными физическими ощущениями, изменениями в эмоциональном состоянии. Для него характерна тревожность, резкая смена настроений, появляется раздражительность, снижается общая активность.

3. Появление и стабилизация ощущения шевеления ребенка. Первые ощущения шевеления ребенка создают волнующее ощущение сопричастности, желание быть вместе с ребенком. Этот период является наиболее благоприятным относительно физического и эмоционального самочувствия матери.

4. Седьмой и восьмой месяцы беременности. Третий триместр беременности как с медицинской, так и с психологической точки зрения считается достаточно сложным. У женщины несколько ухудшается самочувствие, она быстрее устает, затрудняется двигательная активность, часто ухудшается сон. Отмечается некоторое повышение тревожности, страхов родов, беспокойство по поводу послеродового периода. Наряду с этим ощутимо снижается интерес ко всему, не связанному с ребенком. Повышается активность, связанная с подготовкой к родам

и послеродовому периоду. К концу этого периода возникает чувство, которое можно выразить словами «скорей бы уж все закончилось», но одни его интерпретируют как нетерпение увидеть ребенка, а другие – как избавление от неудобств беременности.

5. Предродовой. Физиологически этот период является очень важным. Происходят изменения в тканях, костной системе, обеспеченные гормональным фоном и способствующие гибкости и эластичности костно-мышечной системы. Одновременно идет накопление энергетических запасов организма для родов и послеродового периода.

У матери снижается страх перед родами и способность сконцентрироваться только на одном – взаимодействии с ребенком.

6. Роды и послеродовой период. В этот период происходит встреча с ребенком, что обеспечивает возможность изменений в содержаниях материнской сферы, в первую очередь во взаимодействии ценности ребенка с «внедряющимися» из других сфер. Происходит замыкание эволюционно ожидаемых условий для матери и ребенка, способствующих образованию эмоциональной взаимосвязи.

7. Новорожденность. Период новорожденности во всех культурах выделяется и оформляется многочисленными правилами, обрядами, поверьями и т. д. Мать и ребенок всегда более или менее строго изолируются от внешнего мира и контактов с другими людьми (М. Мид). Помимо гигиенического значения, в этом заложен глубокий психологический смысл. Обеспечивается концентрация всей жизни матери на ребенке и своих переживаниях, создаются условия, способствующие приданию всем ее переживаниям положительно-эмоционального значения и закреплению личностной ценности для нее этого периода жизни.

8. Совместно-разделенная деятельность матери с ребенком. В этом периоде у матери уже есть определенный стиль эмоционального сопровождения взаимодействия с ребенком. Происходит дальнейшее развитие ее переживаний и поведения в ситуациях, где требуются ее функции как объекта привязанности и участия в деятельности ребенка в качестве эмоционального санкционера успешности достижения целей. При благоприятных условиях само развитие ребенка обеспечивает перевод интереса матери с переживаний от контакта с ним на удовольствие от результатов его активности.

9. Возникновение интереса к ребенку как личности. Первое полугодие второго года для ребенка считается сензитивным для изменения формы привязанности. Это связано с необходимостью нового отношения матери к его активности, сочетанию обеспечения безопасности и самостоятельности. Излишняя тревожность и ограничение

активности ребенка ведут к тому, что его вера в надежность мира и защиту матери может поколебаться. Нечувствительность матери к проблемам ребенка, возникающим в связи с расширением его взаимодействия с миром, когда он вынужден сам справляться со своими страхами и фрустрациями, способствует развитию избегающей привязанности (Л.Б. Шнейдер, 2005. – С. 512).

3.5. Структурные компоненты и уровни психологической готовности к материнству

Психологическая готовность к материнству рассматривается как специфическое личностное образование, стержневой образующей которого является субъект-субъектная ориентация по отношению к еще не родившемуся ребенку (С.Ю. Мещерякова, 1999).

Основными составляющими структуры психологической готовности к материнству являются:

1. Особенности коммуникативного опыта, полученного в детстве. О характере раннего коммуникативного опыта, полученного будущей матерью в общении с близкими взрослыми, можно судить по аффективным следам, оставленным в ее первых воспоминаниях о себе и родителях, об их стиле воспитания, своих привязанностях. Важным является опыт, приобретаемый в играх с куклами, в «дочки-матери», о характере которого можно судить по воспоминаниям о любимых игрушках, по предпочтению детей того или иного возраста.

2. Переживания женщин о беременности, в том числе отношение к еще не родившемуся ребенку. Наиболее важными факторами, говорящими о характере переживания женщиной своей беременности, являются желанность – нежеланность ребенка и особенности протекания беременности. Наиболее благоприятны для будущего материнского поведения желанность ребенка, наличие субъектного отношения матери к еще не родившемуся ребенку, которое проявляется в любви к нему, мысленной или вербальной адресованности, стремлении интерпретировать движения плода как акты общения.

3. Ориентация на стратегию воспитания и ухода за младенцем.

Установки женщины на стратегию воспитания свидетельствуют о преобладании субъектного или объектного отношения к ребенку. Здесь учитывается то, как она собирается ухаживать за ним, следовать ли строгому режиму, предлагать ли соску и т. д., то есть ее стремление

ориентироваться на потребности ребенка или руководствоваться собственными представлениями о том, что ему необходимо (Р.В. Овчарова, 2003. – С. 123–124).

Уровни психологической готовности к материнству. Результаты исследования С.Ю. Мещеряковой позволили выделить следующие три уровня готовности к материнству:

1.Низкий уровень готовности к материнству (23% от всей выборки) характеризуется наличием колебаний в принятии решения иметь ребенка, негативных ощущений и переживаний в период беременности. Эти женщины скупо и формально отвечали на вопросы, касающиеся их отношения к не родившемуся ребенку (многие не переживали чувства общности с ним, не придумывали имя, не представляли себе малыша). Они преимущественно ориентировались на соблюдение жесткого режима, были сторонницами «строгого» воспитания. Такие матери чаще указывали на отсутствие в детстве привязанности к собственной матери и строгое отношение родителей, редко играли с куклами; отдавали предпочтение детям старше трех лет.

2. Высокий уровень наблюдался у 27% испытуемых. Эти женщины не испытывали колебаний в принятии решения иметь ребенка, радовались, узнав о беременности. Они отмечали преобладание положительных ощущений и переживаний в период беременности, охотно и развернуто отвечали на вопросы, касающиеся их отношения к своему ребенку (разговаривали с ним, прислушивались к шевелению, реагировали на него какими-либо действиями). Ориентировались на соблюдение мягкого режима (кормить по потребности ребенка, чаще брать его на руки и т. п.). Все они имели в детстве благоприятный коммуникативный опыт: испытывали привязанность к матери, ласковое отношение собственных родителей, любили играть с куклами. Все отметили, что любят детей младенческого возраста.

3. Средний уровень составили 50% матерей; их ответы были частично сходны с ответами в первой группе и частично – во второй. У них наблюдалась противоречивая установка на воспитание (они не собирались часто брать ребенка на руки, не были сторонницами кормления по часам и т. д.). Половина из этой группы отметила отсутствие привязанности к матери, их ранний коммуникативный опыт был неоднозначным. Треть группы отдавала предпочтение играм в «дочки-матери», половина отмечала, что любит детей до года, остальные – постарше.

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЦОВСТВА

4.1. Феноменологические основы отцовства

Отцовство, по определению Р.В. Овчаровой (2006), – это интегральное психологическое образование личности отца, включающее осознание родственной связи с детьми и чувства, испытываемые к своим детям, принятие и исполнение родительской роли, а также чувства, способствующие самореализации, самоутверждению и саморазвитию личности отца.

Учитывая эти составляющие отцовства, в ряде работ отмечается, что быть отцом в наше время труднее, чем прежде. Врожденного права на главенство в семье, наследственного авторитета в настоящее время отец уже не имеет. Врожденный авторитет отца может быть замещен авторитетом приобретенным, который определяется всем поведением в семье, заботой о ней. Но и тогда этот авторитет будет не господствующим, а равным авторитету матери (Хрестоматия, 1986. – С. 161). В этом суть современной семьи.

Тем не менее отцовское воспитание отца не менее важно, чем материнское. Во многих семьях есть немалый отцовский воспитательный потенциал, который часто, к сожалению, не используется. Для сына отец — образец, поведение которого он сознательно или неосознанно копирует. Перенятое в раннем детстве нередко остается на всю жизнь, в значительной мере определяя достойное или недостойное поведение будущего мужчины. Отец помогает мальчику развить в себе истинно мужские черты характера: смелость, выдержку, великодушие и т.д. (В.А. Прокофьева, О.В. Клопова, 2009).

Положительную роль отцов различные авторы связывают с тем, что:

– отцы играют заметную роль в формировании своего ребенка в ситуациях, когда ему не ясно, как вести себя в данный момент;

– отцы, которые чутко реагируют на сигналы ребенка и скорее становятся значимыми фигурами в детском мире, скорее проявляют себя как действенные посредники социализации;

– когда ребенок становится старше, отец превращается для него в важную ролевую модель;

– отец может выступать в роли защитника успехов ребенка (Т.В. Андреева, 2007 – С. 168).

Отрицательное влияние мужского воспитания объясняется чрезмерной авторитарностью или осторожностью отца, что на ребенке сказывается одинаково губительно (И.С. Кон, 2005. – С. 5).

Отечественные педагоги и психологи постоянно подчеркивают значение отца в семейной социализации. Отмечалось, например, что в воспитании сына отцу принадлежит особая роль. Значимость личности отца, прежде всего, в том, что для сына он представляет эталон мужчины (Ю.В. Борисенко, 2006. – С. 123–130). Образцы поведения отца, копируемые ребенком, формируют нравственный облик, способы поведения мальчика. От отца он перенимает мужественные черты, учится мужскому достоинству, рыцарству (Т.В. Андреева, 2007. – С. 170).

Любовь отца условна, что является важнейшим фактором морального развития ребенка. Происходит это потому, что отцы придают большее значение самостоятельности, предоставляя детям отвечать за свои действия, и с большим уважением, чем матери, относятся к проявлению у детей независимости.

Психологи отмечают, что одним из важнейших условий, обеспечивающих влияние отца на ребенка, на их будущую взаимную привязанность, является как можно более раннее начало их общения. Известно, что младенцы, отцы которых разговаривали с ними еще до рождения, раньше других начинают выделять пап из окружающих, чаще останавливают на них свой взгляд. Максимально ранний контакт ребенка с отцом, особенно в первые два-три дня после рождения (или даже в первые часы), когда в мозг новорожденного «впечатываются» первые внешние события, звуки, прикосновения, производит на обоих неизгладимое впечатление, многократно усиливая их будущую привязанность друг к другу (Л.Б. Шнейдер, 2005. – С. 111).

Если отец не занимался с сыном в младенчестве, позднее будет очень трудно наверстать упущенное.

М. Мид (1998) отмечает, что наличие отца имеет важнейшее значение для развития ребенка с момента рождения: он является первым внешним объектом для ребенка и играет роль модели при ранней идентификации. Отцы поощряют процесс отделения ребенка от матери, ускоряя тем самым процесс социализации. Отсутствие отца в семье

или невыполнение им своих обязанностей приводит к появлению у ребенка психопатологии.

По мнению И. Лангмейера, З. Матейчека (1984), роль отца представляет собой определенный пример поведения, источник уверенности и авторитета. Отец – это олицетворение дисциплины и порядка. Ребенок, растущий без отцовского авторитета, как правило, недисциплинирован, асоциален, агрессивен в отношении взрослых и детей. «Отец – наиболее естественный источник познаний о мире, труде и технике, он способствует ориентировке на будущую профессию и создает социально полезные цели и идеалы».

Лишь отец способен сформировать у ребенка способность к инициативе и противостоянию групповому давлению. Чем больше ребенок привязан к матери (по сравнению с отцом), тем менее активно он может противостоять агрессии окружающих. Чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже самооценка ребенка, тем меньше он придает значение духовным и социальным ценностям по сравнению с материальными и индивидуалистическими.

Личные качества отца, в число которых входит и любовь к своим детям, оказывают значительное влияние на развитие ребенка. Любовь отца дает ребенку ощущение особого эмоционально-психологического благополучия, которое не может в полной мере обеспечить одинокая женщина-мать. Любовь отца учит сына и дочь тому, как может проявляться любовь мужчины к детям, к жене и к окружающим (Р.В. Овчарова, 2006. – С. 158).

Как отмечает Э. Берн, для ребенка ценны теплые отношения с отцом: «Ребенок, воспитанный в присутствии нежного мужчины, в зрелом возрасте будет обращаться с людьми лучше, чем мальчик, выросший без отца. Такой мальчик может впоследствии компенсировать свои потери, но у него будет невыгодным старт» (Э. Берн, 1992).

Общеизвестно, что взаимоотношения ребенка с отцом не столь интенсивны, как с матерью, так как отец не играет той всеохраняющей, всезащищающей и вселюбящей роли, которая принадлежит матери.

Как правило, отец лишь воплощает условную любовь, т. е. отец любит ребенка больше всего потому, что тот живет в соответствии с его ожиданиями. Отец воплощает абстракцию: совесть, долг, закон (Э. Фромм, 2001). Однако, как отмечает Д.С. Акивис, любящий отец нередко более эффективный воспитатель, чем женщина. Отец меньше опекает детей, предоставляет им больше самостоятельности, воспитывая в ребенке самодисциплину. Отцовская любовь обеспечивает пример родительского поведения детей в будущем, формирование жизненной позиции вообще и полоролевых позиций в частности.

Позитивные отношения с отцом связаны с такими качествами у детей, как неторопливость, сдержанность, эмоциональная уравновешенность, безмятежность, спокойствие, оптимизм, высокий самоконтроль, хорошее понимание социальных нормативов, более успешное овладение требованиями окружающей среды (Л.Л. Баландина, 2002).

Придерживаясь позитивной позиции на роль отцовства в личностном становлении ребенка, утверждающей, что: ни один ребенок не должен приходить в этот мир без мужчины – единственного мужчины, принимающего на себя социальную роль отца, воспитателя и защитника, мужчины-посредника между ребенком и окружающим миром; для полноты социального статуса ребенку необходим отец, точно так же, как и мать, очень важно учитывать и позитивное влияние ребенка на отца. Так, по утверждению Дж. Гилдера (1992), брак и отцовство – это первоочередные механизмы, формирующие мужскую значимость. Отцовство отводит мужчин от насилия, управляя их агрессивными наклонностями и привязывая поведение к фундаментальным целям общества – преимущественно к защите семьи и ее обеспечению.

К числу других позитивных особенностей влияния детей на ролевую отцовскую самоактуализацию можно отнести следующие: отцовство является необходимым условием полноценного развития личности. Следуя известной мудрости: «ребенок – отец мужчины», И.С. Кон в своей известной книге «Мальчик – отец мужчины» (2010) убедительно раскрыл ее сущность.

Д.С. Акивис также считает, что только в соприкосновении с ребенком полностью созревают мужские черты личности – потребность и способность защищать, принимать на себя ответственность, энергия, душевная сила. Если у женщины материнская любовь проявляется благодаря первичной материнской заботе, то у мужчин забота о ребенке является продуктом родительской любви, поэтому переживание отцовской любви приводит к развитию таких качеств, как исполнительность и ответственность.

Отцовство формирует основу самого насущного требования общества – социализации мужчин, связывая их обязательствами со своими детьми. Это обязательство является наиболее важным, решающим общественным фактором в общем благосостоянии детей, которое в свою очередь определяет будущее этого общества. Во-первых, оно обеспечивает родительскую защиту в физическом смысле. Во-вторых, оно дает ребенку финансовый и прочие материальные источники. В-третьих, оно обеспечивает детей «передачей культуры», осуществлять которую отец определенно способен. Родительский вклад также дает детям ежедневную «подпитку»: пищей, игрой, сказкой на ночь и т. д. (Д. Блэнкенхорн, 1995).

Потребность в отцовстве предопределяет поведение отца в направлении защиты и заботы о жене и детях. Еще не появившийся, ожидаемый или новорожденный ребенок уже дает отцу возможность почувствовать наличие «отцовского инстинкта», ощутить себя защитником, продемонстрировать родительскую любовь и привязанность.

4.2. Психологический статус и генезис полимодальных типов отцовства

Отцовство в современном праве означает удостоверенный факт происхождения ребенка от конкретного мужчины. Отцовство может быть установлено генетически или признано по совместному заявлению отца и матери в незарегистрированном браке. Выделяют родного, неродного (отчима), названного отца.

Отцовство – это совокупность биологических, правовых и воспитательных функций, выполняемых мужчиной по отношению к своим детям. Отец является носителем социальных образцов мужского поведения, что важно для воспитания мальчиков.

Понимание роли отца полярно менялось и в разные исторические эпохи: от его полного отстранения от воспитания до максимальной вовлеченности в этот процесс при изолировании ребенка от матери (Б.И. Кочубей, 1993, Б.Н. Дружинин, 1996; И.С. Кон, 2006; Cabrera N. и др., 2002). Изменение социокультурной ситуации в обществе способствовало трансформации позиции отца в семье, что вызывало новые проблемы, которые, в свою очередь, требовали осмысления.

Ниже статус отца рассмотрен в контексте культур, западной, латинской, восточной и евразийской цивилизации, имея в виду российскую культуру. Следуя этой логике, рассмотрим статус отца в динамике западной культуры.

Во времена классической Греции отец обладал большой властью над детьми; по афинским законам он даже мог продать сына, хотя его власть все же ограничивалась семейной общиной: например, он мог применять к сыну телесное наказание, только если оно не переходило в членовредительство (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 2008). Функции матери состояли лишь в том, чтобы присматривать за «семенами», посеянными и находящимися во владении отца, как описано в эсхиловской «Орестее» (Etchegoyen A., 2002).

В XVIII – XIX вв., как и во времена Древней Греции, отцы рассматривались как генераторы жизни, а матери – только как ее инкубаторы (Pleck E., 2004).

В римской традиции власть отца над детьми проистекала из власти мужа над женой. Отец пользовался правом изгнания сына лишь в случае возбуждения против него уголовного преследования. Кроме того, отец имел право владения всем, что приобретали дети. Он мог отвергать своих детей при рождении или продавать их в рабство (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 2008).

Существенное влияние на позицию отца в обществе оказало христианство и, особенно, **протестантская Реформация**. Она не только окончательно **утвердила отцовский авторитет**, но и стимулировала отцов проявлять больше ответственности и вовлеченности в воспитание ребенка. Отец стал главным моральным наставником семьи и символическим представителем Бога на земле (Pleck E., 2004; В.Н. Дружинин, 1996).

Однако в начале XX в. в Европе начали происходить существенные социальные изменения, которые привели к ослаблению отцовской власти и влияния.

Отрицание отца вылилось в формирование экстремистских движений, причем юноши считали, что мать открыто или тайно стоит на их стороне, а отца рассматривали как врага.

По мнению некоторых культурологов и психологов, одной из причин прихода Гитлера к власти в Германии могла стать потеря авторитета отцов в глазах их сыновей (В.Н. Дружинин, 1996).

Однако уже на новом витке развития западное общество опять обратилось к отцу. В современной западноевропейской нуклеарной семье матери и отцы проводят намного больше времени вместе, чем в прошлом, и их роли гораздо меньше дифференцированы (Caberra N. и др., 2002; Lamb M., Lewis C., 2004). Поощряется активное участие мужчины в уходе за ребенком; отцы посещают дородовые занятия, присутствуют при родах. Во многих странах они стали получать отпуск по уходу за родившимся ребенком продолжительностью от двух дней (Испания) до трех недель (Франция), хотя эти мужчины и не всегда желают им воспользоваться (O'Brien M., 2004; Cabrera N. и др., 2002).

Несколько иначе развивалось отношение к отцовскому статусу в Новом Свете (Pleck E., 2004). Уже в XVII в. отцы из Новой Англии могли проявлять чуткость и заботу к своим детям, о чем свидетельствуют данные дошедших до нашего времени дневников, которые вели некоторые отцы. Американская революция изменила представления об отце и характере его отношений с детьми: была отвергнута идея тирании патриархального отца, он стал восприниматься более эмоционально теплым в отношениях.

В 1920-е гг. американского отца призывали стать «антиподом» против усилившейся материнской гиперопеки, увеличить время, про-

водимое им с детьми. Задачей отцов было «принятие решений, авторитетные поступки, обучение сыновей правде жизни и их защита от гомосексуальности» (Pleck E., 2004, с. 40).

Вторая мировая война привела к существенному увеличению делинквентности подростков того времени, что связывалось с отсутствием дома отцов, ушедших на войну. В начале 1950-х гг. был отмечен резкий рост гипермаскулинности американских юношей, что связывалось с защитой против бессознательной феминной идентификации, а среди девушек отмечался рост делинквентного поведения как следствие недостатка отцовского участия. От отца требовалось теперь помочь сыну стать мужчиной, а дочери – обрести свою женственность. (О.Г. Калина, А.Б. Холмогорова, 2011).

Позже, с ростом феминистского движения, от отца требовали быть включенным в воспитание ребенка и иметь равные права и обязанности с женщиной. Причем он должен был проявлять и физическую заботу о ребенке, связанную с уходом за ним, присутствовать при родах и т.п. Появился даже термин «новый отец». В 1980-е гг. образ нового отца стал активно транслироваться в США через телевизионную рекламу. С большей частотой именно отцы, а не матери показывались держащими ребенка на руках или везущими коляску. Однако исследователи заключили, что мужчины на самом деле изменились в меньшей степени по сравнению с созданным СМИ образом нового отца и набор типичных отцовских обязанностей остался прежним (Pleck E., 2004).

Статус отца в латинской, восточной и мусульманской культуре. Существует устойчивый стереотип отца латинской культуры как удаленного, избегающего близости, поглощенного дисциплиной, наводящего страх на своих детей (Cabrera N., Coll C., 2004). Как отмечают исследователи, ключевым в стереотипе латинского отца является представление о его «мачизме». «Мачо» – это агрессивный, тиранический хозяин при тихой, покорной жене. По сравнению с белыми отцами отцы, принадлежащие к латинской культуре, в большей степени контролируют своих детей, чаще общаются с ними. Согласно Н. Кабрера, для латинских отцов важны семейная близость, уважение и подчинение их авторитету со стороны детей. А за негативными сторонами отцов-мачо скрываются позитивные качества защитника и добытчика (Cabrera N., Coll C., 2004).

В восточных странах отец долгое время занимал центральное положение в семье и обществе (Shwalb D.и др., 2004; Yang J., 2000; И.С. Кон, 2006). До недавних пор он считался там беспрекословным авторитетом. В Японии отец являлся главой традиционной семейной системы, социальным, моральным, экономическим лидером. Его значе-

ние и положение подчеркивает японская пословица: «Землетрясение, гром, огонь и отец» (Shwalb D. и др., 2004).

Похожая ситуация наблюдалась в Китае и Корее. В корейском обществе, основанном на конфуцианских идеалах, отец был патриархом и имел абсолютную власть над женой и детьми (Shwalb D.и др., 2004; Yang J., 2000). Однако, как отмечает Д. Швальб, в настоящее время в восточных странах наблюдается изменение отношения к позиции отца в семье: отцовское превосходство стало уменьшаться во второй половине XIX в., а во второй половине XX в., особенно после Второй мировой войны, отцы были уравнены в положении со своими женами (Shwalb D.и др., 2004). Они перестали быть непререкаемыми авторитетами, начали больше времени проводить со своими дочерьми, что раньше было совершенно не характерно для восточной традиции.

Однако сопоставление социального давления на отца, в контексте проявления отцовской активности в отношении с ребенком, на Западе больше, чем на Востоке (О.Г. Калина, А.Б. Холмогорова, 2011). По мнению М. Маркса, «на Западе пары распадаются, на Востоке они остаются вместе, но супруги ведут отдельную жизнь. Однако результат один и тот же – ребенок остается в близких отношениях с матерью, из которых отец исключен» (Marks M., 2002, с. 94).

Статус отца в исламской культуре. В исламских странах позиция отца в семье традиционно является ведущей и во многом авторитарной, а сам ислам более, чем другие религии, воспринимался как царство мужского духа. В исламской семье дети всегда принадлежат мужчине. Хотя мать и обладает правом опекать своего ребенка до определенного возраста, но в положенный срок ребенок возвращается отцу. До последнего времени существовало всего лишь одно эмпирическое исследование роли отца в современной мусульманской семье: Т. Пелс изучала семьи марокканских эмигрантов, живущих в Голландии (Pels T., 2000). Она отмечает, что мужчины в таких семьях испытывают серьезное влияние западной культуры и вынуждены отказываться от традиционных для ислама ценностей, разделяя со своими женами уход за ребенком (О.Г.Калина, А.Б. Холмогорова, 2011).

Статус отца в российской культуре. Позиция отца в России, начиная с «Домостроя», была патриархальной (В.Н. Дружинин, 1996). Он воплощал собой власть, принимал все решения относительно каждого члена семьи, отличался строгостью в воспитании, наказывал, порой не входя во все обстоятельства дела. Отец вмешивался в вопросы воспитания ребенка не ранее 7–8 летнего возраста. (О.Е. Кошелева, 2000). Часто отсутствующего главу семьи заменяла его жена, «большуха»,

которой были вынуждены подчиняться младшие мужчины в семье (В.А. Брокгауз,И.А. Ефрон, 2008).

Отношение к фигуре отца в русском обществе нашло свое отражение в отечественной художественной литературе XIX в. Среди героев произведений можно выделить два образа отца: пьяницу, дебошира, жестокого тирана, с одной стороны, и безвольного, неспособного защитить от женской тирании, боящегося жены, отстраненного игрока-кутилу, проматывающего семейные деньги, все воспитание переложившего на надорванную жену – с другой. Примером последнего может послужить персонаж романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», в котором муж представлялся в роли шута. Он, по мнению автора, «вел жизнь праздную и бездельную, чаще всего запирался у себя в кабинете, подражал пению скворцов, петухов и т. д. и занимался сочинением так называемых «вольных стихов». Супружеские же отношения были пропитаны ненавистью. Муж называл жену «ведьмою» и «чертом», жена называла мужа – «ветряною мельницей» и «бесструнной балалайкой».

Как отмечает А.Ф. Усков, история России полна примеров убийства отца (монголо-татарское иго, реформы Никона, Петра, революция). Попытка заглушения тревоги от отцеубийства приводит к «террору и паранойе». «Правда, которой больше всего боятся и которую больше всего извращают, – правда об отце: об убитом, отвергнутом, оболганном отце, его законе и порядке.

Типичный образ русской семьи: суровая, асексуальная мать-лошадь, которой нужны только работа и дети, и слабый, безвольный отец-алкоголик, который, когда не пьет, воюет на очередной войне» (А.Ф. Усков, 2000, с. 61).

Впервые годы советского периода мужчина был лишен возможности обеспечивать семью и нести за нее ответственность.

Как отмечает В.Н. Дружинин, роль отца приняло на себя тоталитарное государство, а его значение как главного агента социализации в семье было тем самым сведено на нет. В итоге оказалось, что подростки хотели быть больше похожими на мать, а не на отца, который был устранен за пределы семейных отношений (В.Н. Дружинин, 1996). В этой связи Ю. Е. Алешина и А. С. Волович отмечают, что в нашей стране мальчик имеет относительно мало возможностей для собственно маскулинных проявлений, так как взрослые (прежде всего женщины) относятся к ним достаточно амбивалентно, мужские способы реакции на обиду или не предлагаются родителями, или обесцениваются ими (Ю.Е. Алешина, А.С. Волович, 1991).

Амбивалентный феномен «удобных мальчиков», характеризующихся внешней поведенческой благопристойностью с одной стороны и внутренними чувствами вины, стыда, страха и ненависти – с другой, подтверждает возрастающую тенденцию мужской феминизации. С «удобными мальчиками», с точки зрения женщин, все нормально.

Ведь все их ожидания и отношение к мальчикам зачастую опекающее и подавляющее: не бегай, а то упадешь, учись хорошо, будь прилежным, не дерись, не вертись, безальтернативны (О.Г. Калина, 2008).

Сравнение стереотипного образа российского отца с образом отца западной культуры показывает, что между ними существует ряд общих черт: возвеличивание и обесценивание отца наблюдалось в различных культурах и эпохах, не только в России происходили кровопролитные, отцеубийственные революции и не только в России женщина «брала верх» над мужчиной. Однако, как отмечает И.С. Кон, «гендерный порядок и стереотипы маскулинности в России всегда были противоречивыми».

Обобщая сказанное, можно отметить, что как в западном, так и в восточном обществах наблюдаются колебания в отношении к отцу: от полного подчинения его воле до игнорирования и пренебрежения им. В современном мире существует тенденция ко все большему включению отца в уход и заботу о ребенке. Его роль больше не сводится исключительно к материальному обеспечению семьи и патриархальному главенству. Наоборот, от него требуется проявление эмоциональной включенности и заинтересованности в отношениях с детьми (О.Г. Калина, А.Б. Холмогорова, 2011).

4.3. Юношеские представления об отцовстве

Формирование психологической готовности и полноценной реализации функций отцовства во многом обусловлено представлениями мужчин и супругов об идеальном отцовстве и других его типах.

Представления об отцовстве, как отмечает Р.В. Овчарова (2006), в значительной мере формируются под воздействием отношения к отцу в родительской семье, к родительской семье в целом, отношений между родителями, смысложизненных ориентаций юношей. В благополучных случаях складывается представление о себе как добром, доверяющем ребенку отце.

Представления юношей об идеальном отце

Юноши 19–20 лет	%	Юноши 20 – 25 лет	%
Уважающий	70	Сотрудничающий с детьми	89
Гордящийся детьми	53	Ответственный	77
Любящий	53	Воспитывающий	73
Добрый	49	Обучающий	68
Готовый к родительству	48	Любящий	68
Благоразумный	35	Помогающий	66
Интересующийся детьми	33	Уважающий	54
Счастливый	30	Интересующийся детьми	53
Радостный	30	Отдохнувший	48
Ответственный	31	Слушающий	47
Не стыдящийся за детей	24	Прощающий, одобряющий	34
Справедливый	22	Готовый к родительству	33
Спокойный	20	Благоразумный	29
Прощающий	17	Не стыдящийся за детей	22
		Спокойный	18
		Справедливый	15

В целом на формирование представлений об отцовстве оказывают влияние отношение к отцу, взаимоотношения в семье, жизненные смыслы родителей и родительское влияние.

Из данных, представленных в таблице (Р.В. Овчарова, 2006), следует, что отцовство в возрасте 19–20 лет представлено больше когнитивно-эмоциональным подходом, позицией стороннего наблюдателя. Более важным аспектом представляется получение эмоционального удовлетворения от отцовства.

В старшем возрасте представление об отцовстве характеризуется функциональным подходом: активность во взаимодействии с ребенком, предполагает влияние и помощь. Отцовство для них – более близкая цель.

Характеризуя представления юношей из неполных семей об отцовстве, Р.В. Овчарова указывает на их связь с родительским отношением к миру, взаимоотношениями отца и матери, отношением к родителям, лицам противоположного пола, семье и сфере семейной жизни как ценности. При позитивном отношении родителей к окружающему миру такие юноши представляют себя в качестве отца демократичным; при

негативном отношении к отцу и матери – жестоким, нонконформным, подозрительным и недружелюбным.

Негативные отношения с отцом, отсутствие отцовской поддержки усиливают тенденцию юношей к самоутверждению, в том числе и в родительской сфере через усиление авторитарности. Ориентация юношей из неполных семей на самоутверждение (собственный престиж, высокое материальное положение, сферу общественной профессиональной жизни) связана с представлением о себе как отце независимом, неальтруистичном, недружелюбном (Р.В. Овчарова, 2006. – С. 164).

Представления об отцовстве юношей из полных и неполных семей

Представления об отцовстве юношей из полных семей	%	Представления об отцовстве юношей из неполных семей	%
Сильный	71	Уважающий	69
Сотрудничающий	62	Гордящийся детьми	51
Ответственный	53	Любящий	50
Уважающий	48	Добрый	47
Гордящийся детьми	41	Готовый к родительству	41
Помогающий	25	Благоразумный	36
Обучающий	23	Интересующийся детьми	33
Счастливый	21	Счастливый	29
Радостный	18	Радостный	26
Отдохнувший	18	Ответственный	20
		Не стыдящийся детей	19
		Справедливый	17
		Спокойный	17
		Прощающий	16

Из этого следует, что представления юношей об отцовстве из полных и неполных семей, выявленные Р.В. Овчаровой (2006), имеют существенные различия. Юноши, выросшие в семье без отца, в основном отрицательно относятся к матери и отсутствующему отцу. Это влияет на их взгляды, а образ отца представлен такими качествами, как недоверие к людям, повышенная тревожность, стремление к самоутверждению, это эгоистичный человек, ставящий свои интересы превыше всего, стремящийся к самореализации в сферах профессиональной и образования, при этом придающий большое значение семье как основе в жизни

«Юноши из полной семьи положительно относятся и к матери, и к отцу. Отношения в семьях благополучны, юноши представляют

отца как личность, для которой имеют большое значение все аспекты человеческих взаимоотношений, стремящуюся реализовать себя во всех жизненных сферах. Для него главное – это благополучие семьи, решению проблем которой отдается много сил и времени, что ведет к заинтересованности в профессиональной деятельности, которая гарантирует материальное благополучие. Это авторитетный лидер, упорный и настойчивый, настроенный к окружающим положительным образом.

При некоторой схожести представлений об идеальном отце имеется существенная разница в расстановке акцентов. В представлении молодых людей из полных семей отец – это сильная и ответственная личность, которая уважает детей, способна сотрудничать с ними, помогать и обучать.

Юноши из неполных семей считают, что отец должен гордиться своими детьми, быть любящим, добрым, интересоваться ими, уметь прощать. Он должен быть готовым к родительству, быть справедливым и благоразумным человеком. Он не должен стыдиться своих детей» (Р.В. Овчарова, 2006. – С. 168–169).

4.4. Конструктивные и девиантные типологии отцовства

Критерии типологизации отцовства многообразны. Это и традиции родительского воспитания, влияние образования, окружения, отношение к ребенку и даже воспитательные фобии, маскулинные представления об отце как идеальном мужчине и др.

На формирование отцовской позиции, ее реализации и коррекции на мужчину влияет его ближайшее окружение (друзья, знакомые, родственники). Их мнения и взгляды способны изменять динамику и логику внутрисемейных отношений через изменение взглядов и позиций супруга, его новое понимание роли отца.

Результаты экспериментального исследования представлений об отцовстве юношей 19 – 25 лет позволили выделить девять типов представлений (Р.В. Овчарова, В.И. Вязовченко, 2003):

- «ответственный отец» – это тип отца, основным качеством которого является ответственность. Ответственность – это осознанная необходимость выполнения принятых обязательств, она равнозначна чувству долга, характерному для зрелой личности;
- «обучающий отец» – это отец, способный быть готовым к родительству и уметь обучать ребенка. Готовность к родительству предполагает способность взять ответственность за воспитание всесторонне развитой личности;

- «сотрудничающий отец» – это тип отца, ответственного и готового к родительству, обучающего и любящего; он обладает практичностью и бескорыстен. Отец готов интересоваться детьми, уважать их, сотрудничать с ними и при этом быть всегда в хорошем настроении;
- «доминирующий отец» – это тип отца, представляющего собой личность, которая гордится ребенком. Иногда такой отец может кричать на ребенка и при этом не боится извиниться перед ребенком, если не прав;
- «честолюбивый отец» – это тип отца, уважающий детей, готов интересоваться детьми и гордиться ими;
- «доверяющий отец» – это тип отца, характеризующий его следующим образом: доверяющий, любящий и уважающий детей, готовый к родительству, не боящийся извиниться, всегда помогающий и обучающий;
- «альтруистичный отец» – это тип отца, которому свойственно быть любящим, прощающим, не боящимся извиниться, ответственным и воспитывающим;
- «властный отец» – это тип отца, обладающего качествами сильного, строгого, благоразумного, практичного родителя. Он может быть справедливым и прощающим, уважающим детей. В то же время он иногда кричит, но не боится извиниться. Он часто хвалит ребенка, опекает его, всегда отдохнувший и слушающий ребенка;
- «воспитывающий отец» – это тип отца, о котором говорят как сильном, благоразумном, практичном и ответственном, доверяющем детям, всегда понимающем и уважающем детей. Он всегда счастливый, радостный, добрый, доволен детьми. Являясь опытным родителем, он в то же время может чего-то не знать и открыт для совершенства.

Таким образом, у современных юношей 19–25 лет, которым предстоит стать родителями, можно выделить 9 типов представлений об отцовстве: ответственное и честолюбивое, обучающее и воспитывающее, сотрудничающее и доминирующее, доверяющее, альтруистичное и властное.

Помимо указанных типов отцовства, существует и ряд других типологий отцов, рассматриваемых в биполярном или метафорическом контексте. Биполярная типология, как правило, сводится к выделению идеального и проблемного отцовства.

Идеальный отец относится к детям как к равным и принимает активное участие в их воспитании. Распространенной ошибкой многих

отцов является излишний авторитаризм или отгороженность от семьи, детей. Интересны, но не бесспорны появившиеся тенденции равного участия матери и отца в воспитании детей, начиная с младенческого возраста. Участие отца в родах и активный уход за ребенком в раннем возрасте, конечно, укрепляют отношения внутри семьи, но вынашивает, рожает и кормит грудью ребенка мать, поэтому влияние отца будет усиливаться с возрастом детей. Образцы поведения отца формируют нравственный облик ребенка, и особенно это важно для мальчика, который воспринимает и создает для себя эталонный образ «настоящего мужчины». Проблемные отцы создают сложности в социальном становлении своих сыновей, у детей повышается агрессивность, они теряют адаптивность и гибкость в решении личных и социальных проблем. В дальнейшем сложно будет стать отцом тому, кто не был для отца сыном (И.С. Кон).

В зависимости от отношения к ребенку выделяют определенные «типы» отцов, назовем их:

– «папа-мама» – по-матерински заботливый папа, он берет на себя все функции мамы: искупает, накормит, уложит спать;

– «мама-папа» – отец, который главную заботу видит в том, чтобы получше угодить чаду; он безропотно тянет родительскую ношу: заботлив, нежен, без перепадов настроения; ребенку все разрешается, все прощается, и он может превратиться в маленького деспота;

– «Карабас-Барабас» – отец-пугало, злой, жестокий, признающий всегда и во всем лишь «ежовые рукавицы»; в семье царит страх, загоняющий душу ребенка в лабиринт тупикового бездорожья;

– «крепкий орешек» – непреклонный тип папы, признающий лишь правила без исключения, никогда не идущий на компромисс, не облегчающий участь ребенка, когда он сам не прав;

– «попрыгунья-стрекоза» – папа, живущий в семье, но не чувствующий себя отцом; его идеал – свободная жизнь, без ответственности за судьбы близких людей, семья для него – тяжелая ноша, ребенок – обуза, предмет заботы жены (что хотела, то получила!), при первой возможности этот тип превращается в приходящего папу;

– «добрый молодец», «рубаха-парень» – с ним интересно, легко, весело, он любому бросится на помощь, но при этом забудет о собственной жене, семье; ребенок живет в атмосфере ссор и конфликтов, в душе сочувствуя папе, но не в силах ничего изменить;

– «ни рыба, ни мясо», подкаблучник – не имеет своего голоса в семье, во всем вторит жене, даже если она не права; опасаясь ее гнева, в трудные для ребенка моменты он не осмеливается перейти на его сторону, поддержать.

Типы отцовства в представлениях юношей по Р.В. Овчаровой (2006)

Данная типология включает следующие девять типов:

- «ответственный отец» – испытуемые, вошедшие в первый кластер, считают, что основным качеством отца является ответственность. Ответственность – это осознанная необходимость выполнения принятых обязательств, она равнозначна чувству долга.
  Взять на себя ответственность может зрелая личность;
- «обучающий отец» – во второй кластер объединились молодые люди, которые считают, что отец должен быть готовым к родительству и уметь обучать ребенка. Готовность к родительству предполагает способность взять ответственность за воспитание всесторонне развитой личности;
- «сотрудничающий отец» – молодые люди, которые объединились в третий кластер, полагают, что отец должен быть ответственным и готовым к родительству, обучающим и любящим; он обладает практичностью и бескорыстен. Отец должен интересоваться детьми, уважать их, сотрудничать с ними и при этом быть всегда в хорошем настроении;
- «доминирующий отец» – в четвертый кластер объединились молодые люди, считающие, что отец – это сильная личность, которая должна гордиться ребенком, иногда отец может кричать на ребенка и при этом не боится извиниться перед ребенком, если не прав;
- «честолюбивый отец» – пятый кластер объединился по параметрам: уважающий детей, должен интересоваться детьми и гордиться ими;
- «доверяющий отец» – параметры, по которым объединение произошло в шестой кластер, характеризуют отца следующим образом: доверяющий, любящий и уважающий детей, готовый к родительству, не боящийся извиниться, всегда помогающий и обучающий;
- «альтруистичный отец» – седьмой кластер объединил молодых людей, представляющих отца любящим, прощающим, не боящимся извиниться, ответственным и воспитывающим;
- «властный отец» – испытуемые, попавшие в восьмой кластер, характеризуют отца как сильного, строгого, благоразумного, практичного. Отец должен быть справедливым и прощающим, уважающим детей, в то же время он иногда кричит, но не боится извиниться. Он часто хвалит ребенка, опекает его, всегда отдохнувший и слушающий ребенка;
- «воспитывающий отец» – девятый кластер объединил молодых людей с представлениями об отце как сильном, благоразумном, практичном и ответственном, доверяющем детям, всегда понимающем

и уважающем детей. Он всегда счастливый, радостный, добрый, доволен детьми. Отец должен быть воспитывающим, опытным родителем, но в то же время может чего-то не знать.

Таким образом, у современных юношей 19 – 25 лет, которым предстоит стать родителями, можно выделить 9 типов представлений об отцовстве: ответственное и честолюбивое, обучающее и воспитывающее, сотрудничающее и доминирующее, доверяющее, альтруистичное и властное.

4.5. Современные тенденции развития отцовства

Некоторые авторы называют отцовство «самым творческим, сложным, захватывающим, пугающим, всепоглощающим, обогащающим, опустошительным опытом в жизни мужчины» (Pruett, 1987. – С. 282).

Интерес к отцовству стал появляться после публикаций, посвященных изучению привязанности младенцев к родителям и пересмотру феномена «материнская депривация». С конца XX века возникло понимание того, что, полностью сосредотачиваясь на матерях, ученые упускают из виду более широкий контекст, в котором растут дети. До этого роль отца в развитии ребенка и функционировании семьи недооценивалась. Падение интереса к роли отца отчасти объяснимо влиянием теорий Фрейда (1936), утверждавшего, что важнейшее влияние на развитие ребенка в младенчестве оказывает мать. Bowlby (1951) подкрепил это убеждение, предположив, что роль отца в развитии ребенка вторична по сравнению с ролью матери. Вплоть до 1970-х годов фигура отца в семье оставалась в тени фигуры матери.

Традиционно мужчинам в обществе приписывалась инструментальная роль, женщинам – экспрессивная. Инструментальная роль включает в себя способность разрешать проблемы, независимость, рациональное мышление, не эмоциональность (Darling & Baxter, 1996; Parsons, 1951). Экспрессивная роль, напротив, предполагает внимание к чувствам и эмоциям.

Последнее десятилетие отмечено значительными изменениями в этой области. Эту эволюцию можно проиллюстрировать на примере переизданий знаменитого руководства Бенджамина Спока по уходу за детьми (Hornby, 1988). В издании 1946 года Спок подчеркивал, что отцы должны предоставлять матерям материальную поддержку. В издании 1957 г. предположил, что отцы могут помогать матерям в

уходе за ребенком, хотя и на вторых ролях. В книге 1985 года (Spock & Rothenberg) утверждал, что отец несет равную с матерью ответственность за развитие ребенка. Еще одним свидетельством возрастания важности отцов стало увеличение числа публикаций об отцах в последние годы (Darling & Baxter, 1996; Hornby, 1988; Houser & Seligman, 1991; May, 1991; D.J. Meyer, 1995).

Повышение интереса к отцам произошло по нескольким причинам (Hornby, 1988; Pruett, 1987). С повышением числа работающих матерей возрос интерес к другим членам семьи, берущим на себя заботу о ребенке, — одним из которых, естественно, является отец. Сокращение рабочей недели означало, что у многих отцов появилось больше времени для общения с семьей. Далее, изменения в законах об опекунстве привели к увеличению числа отцов-одиночек, получающих опеку над ребенком. Традиционные тендерные роли смягчились, и ассоциирование женщины – с материнством и заботой о детях, а мужчины – с зарабатыванием средств на пропитание стало не столь жестким. Наконец, недостаток информации об отцах и отцовстве поощряет исследователей, особенно мужчин, изучать эту семейную роль с самых разных точек зрения.

Характеризуя ролевые позиции отцов на разных стадиях детского развития, следует особо остановиться на одном из мифов об отцовстве, утверждающем, что для отца ребенок начинает относительно интересным лишь после трехлетнего возраста. Однако, согласно данным Lamb (1983); D.J. Meyer, Vadasy, Fewell & Shell (1985); Lamb & Meyer (1991), эмоциональный контакт с младенцем характерен не только для матерей – отцы также инстинктивно умеют общаться с младенцами и ухаживать за ними. Более того, отцы интересуются своими новорожденными детьми и хотят проводить с ними больше времени. В сущности, в период младенчества отец проявляет не меньшую чувствительность к настроению и самочувствию ребенка, чем мать.

Другие исследования, перечисленные этими авторами, открывают нам некоторые различия в поведении отцов и матерей, возникающие вскоре после рождения ребенка. Матери больше времени посвящают уходу за ребенком – отцы предпочитают с ним играть. Отцы держатся с детьми более активно и спонтанно, не боятся подбрасывать их в воздух, вообще предпочитают физические игры, в отличие от матерей, которые чаще играют с детьми в ладушки, прятки и т.п. Однако отцы, как и матери, в своих играх приспособляются к уровню развития ребенка, что доказывает равную чувствительность отцов и матерей к развитию младенца. Эти общие наблюдения показывают, что отец вполне способен заботиться о маленьком ребенке и полноценно общаться с ним.

4.6. Феномены необычного отцовства и отцовской незрелости

Особый интерес представляет проблема отношения отцов к детям с нарушенным психологическим или соматическим здоровьем. Сразу отметим, что дать убедительный ответ на эту проблему не представляется возможным по целому ряду обстоятельств. Прежде всего, это связано с тем, что отцам детей с нарушениями посвящено довольно скромное число исследований (Marsh, 1993). В связи с этим наши возможности делать предположения сильно ограничены. К тому же имеющиеся исследования оставляют желать лучшего (Lamb & Meyer, 1991). Во-первых, очень немногие из них основаны на непосредственных наблюдениях. Часто заключения ученых основываются на сообщениях матерей о реакциях отцов. Во-вторых, некоторые исследования методологически порочны: часто исследователи почти не описывают используемые процедуры и не конкретизируют виды нарушений, представленные в работе. В-третьих, исследования сосредоточены на реакции на диагноз и на первоначальной адаптации, в то время как взаимодействие отцов с подростками и взрослыми детьми остается почти неизученным. Наконец, имеет место непропорциональный интерес к отцам детей с умственной отсталостью, в то время как отцы детей с другими нарушениями развития остаются в тени.

Характеризуя отцов, имеющих детей с ограниченными возможностями, необходимо обратить внимание на два аспекта такого типа отцовства – это реагирование отцов на известие о нарушениях у ребенка и их последующие состояния и формы поведения. Обращаясь к исследованиям, Lamb & Meyer (1991) отметил, что отцы и матери с самого начала по-разному реагируют на известие о нарушениях у ребенка. Отцы, как правило, реагируют менее эмоционально и задают вопросы о долгосрочных последствиях нарушений; матери проявляют более эмоциональную реакцию и выражают боязнь не справиться с бременем забот о ребенке. Иными словами, отцы воспринимают известие о нарушениях у ребенка как инструментальный кризис, матери – как экспрессивный кризис. Однако, несмотря на эту общую тенденцию, можно встретить отцов, для которых главной проблемой являются повседневные последствия нарушений, и матерей, беспокоящихся о том, сколько денег уйдет на больного ребенка.

Анализируя эмоциональные переживания отцов детей с психосоматическими нарушениями, заметим, что, например, отцы детей с умственной отсталостью чаще угнетены, страдают от заниженной

самооценки и испытывают неуверенность в своей отцовской роли, чем отцы здоровых детей. Кроме того, они получают от своих детей меньше радости, чем отцы из контрольной группы. Однако более позднее исследование показало, что отцы проявляют меньше симптомов эмоционального расстройства, более высокую самооценку и больший самоконтроль, чем матери (Goldberg, Marcovitch, Mac Gregor & Lojkasek, 1986). Подобная тенденция, возможно, показывает на большую адаптивность таких отцов, вследствие их индивидуальных характеристик и психозащитных механизмов отрицания, вытеснения и подавления неприятных, травматических эмоций. По мнению Д. Майера, эмоциональные проблемы отца могут маскироваться его стремлением вести себя стоически и контролировать свои эмоции (D.J. Meyer и др., 1985). Некоторым мужчинам трудно выражать горе и печаль, поскольку выражение этих чувств часто воспринимается как признак слабости. В то время как мать младенца испытывает шок и депрессию, отец может подавлять собственные чувства, считая, что выражать их будет «не по-мужски» или что он должен быть сильным, чтобы поддерживать жену. Некоторые отцы подавляют свои чувства, считая их открытое выражение немужественным; другие стоически реагируют на волнение матери, желая сохранить в семье некий эмоциональный баланс.

Подобные поведенческие тенденции отцов были обнаружены и в работах Норнби, изучавшего адаптивность, функционирование в браке, социальную поддержку, уровень стресса и личностные качества у отцов детей с синдромом Дауна (Hornby (1995a, 1995b).

Результаты исследования Hornby показали следующее:

– Отцы одинаково хорошо адаптируются к сыновьям и дочерям.

– Адаптация отцов не связана с тяжестью нарушений у детей.

– Стресс, испытываемый отцами, не связан с возрастом детей.

– Адаптация отцов связана не с объективным уровнем получаемой ими социальной поддержки, но с их удовлетворенностью этой поддержкой.

– Адаптация отцов тесно связана с уровнем их невротичности.

– Стресс, испытываемый отцами, обратно пропорционален уровню их образования и субъективно оцениваемому финансовому соответствию, однако не социальному положению.

– Большинство отцов не испытывают депрессии или серьезных личностных проблем.

– Отцы не испытывают серьезных проблем в браке и не более склонны к разводу, чем мужское население в целом.

В заключение своей работы Hornby (1995a) пишет: «Очевидно, исследование отцов детей с синдромом Дауна дает нам совершенно

иную картину, чем та, что до сих пор отображалась в литературе. Быть может, утверждения о таких отцах, разделявшиеся всеми предыдущими исследователями, представляли собой лишь распространенные заблуждения». Созвучные суждения мы находим и у Смита. Автор указывает, что, «будучи отцами детей с нарушениями, эти мужчины испытывают различные и весьма сильные эмоции, которые они не готовы ни осознать, ни выразить. Например, многие чувствуют раздражение на врачей, сообщивших диагноз, полагая, что эти доктора разговаривали с ними чересчур коротко и черство. Далее, отцы обнаруживают свою зависимость от суждений специалистов. Они тяжело переживают эту зависимость, поскольку перестают чувствовать себя хозяевами собственной жизни и компетентными родителями. Мужчины растут и воспитываются как «деятели», способные активно противостоять любой проблеме. Пассивность перед лицом кризиса угрожает мужчинам, которые с детства учились быть «сильными», не показывать слабость (главным образом, подавляя свои эмоции) и успешно справляться с любыми трудностями. Возможно, самое ужасное для отца состоит в том, что он не может просто «исправить» нарушения ребенка, – и к переживаниям по поводу этой ситуации добавляется то, что он считает себя не вправе эти переживания выражать» (Smith, 1981, с. 12). Однако чтобы лучше понять реакции и поведение отцов особых детей, несомненно, нужны дальнейшие масштабные и комплексные исследования.

Одним из таких важных аспектов может служить изучение феномена отцовской зрелости, являющегося своеобразным синонимом материнской готовности. Рассмотренные явления особого или необычного отцовства (по Д. Майеру) требуют актуализации отцовской зрелости. В этой связи проявления отцовской незрелости, приведенные в работе В.Б. Шнейдер, подтверждают значимость этого аспекта.

Проявление незрелого отцовства выражается в чувствах беспомощности родителей и вины за отцовскую несостоятельность, неуверенности в своей родительской позиции, неуверенности в себе как мужчине, отсутствии опыта близких отношений с ребенком и нарушенности супружеских отношений. Как отмечает Р.Б. Шнейдер, у таких отцов внутренняя мягкость и неуверенность маскируется военной выправкой, суровостью и дисциплиной. Стиль воспитания – авторитарный, суровый, строгий, хотя супруга считает его слишком мягким и требует еще большей жесткости в обращении с сыном, при этом чаще сама исполняет роль карающей руки.

Родителей с раннего возраста детей преследует страх, что приемыши покатятся по плохой дорожке из-за плохой наследственности. Поэтому они осуществляют сверхстрогий контроль над поведением.

Ничего не прощается, даже малейшая ложь клеймится позором и ребенку предрекается плохое будущее. У родителей нет ни малейшего представления о том, что думают, чувствуют их дети. Об этом даже некогда задуматься, поскольку надо все время проверять, как бы чего не вышло. От детей ждут только плохого: «Ну, я же говорил, опять он соврал».

Сын действительно может покатиться, если махнуть на него рукой. Пока его сдерживает некоторый страх наказания. Отец искренне страдает из-за сына. Пусть он не умел воспитывать, но ведь следить все время, ругать, стыдить, мучиться из-за его вранья, воровства тоже тяжело, требует нервов, времени. Сына никогда не хвалили, не проявляли нежностей, его либо ругали за недостатки и плохое поведение, либо в лучшем случае не трогали (А.А. Бодалев, В.В. Столин, 1989. – С. 188).

4.7. Психологические предпосылки готовности к отцовству

При рассмотрении данного феномена очень важно учитывать тот факт, что отцовство и материнство проистекает из репродуктивной биологии, их соотношение нельзя понять вне связи с половым диморфизмом. Сопоставление готовности к отцовству и материнству показывает, что женщина обычно более подготовлена к появлению ребенка; вынашивая, рожая, выкармливая ребенка, она генетически и гормонально предрасположена к материнским чувствам. В худшем положении оказывается будущий отец. Для него не существует периода естественной подготовки (как у женщины к исходу беременности), ребенок появляется неожиданно и часто воспринимается как приложение к жене (Р.В. Овчарова, 2006).

Наблюдение за поведением родителей по отношению к новорожденным, как отмечает Р.В. Овчарова, показывает, что, хотя психофизиологические реакции мужчин и женщин на младенцев весьма сходны, их поведенческие реакции различны: женщина тянется к ребенку, стремится приласкать его, тогда как мужчина отстраняется и часто испытывает при тесном контакте с младенцем эмоциональный дискомфорт. Подобные различия наблюдаются даже в тех семьях, в которых отцы полностью разделяют все заботы по уходу за ребенком. Чрезвычайно интересные результаты получены в ходе наблюдений за взаимодействием матерей и отцов с грудными детьми. Мать, даже играя с ребенком, старается, прежде всего, успокоить его; материнская игра – своего рода продолжение и форма ухода за ребенком. Напротив,

отец и вообще мужчина предпочитают силовые игры и действия, развивающие собственную активность ребенка.

Помимо указанного влияния полового диморфизма на генезис и стиль отцовства, существенное место в этом процессе принадлежит различным социокультурным факторам. По мнению И.С. Кона (2000), социальные характеристики отцовской роли очерчены значительно неопределеннее, чем материнской. Нормативная неопределенность отцовской роли по сравнению с материнской ролью является результатом того, что:

а) отцовские функции биологически объективно менее значимы, их труднее конкретизировать;

б) исторически они институциализируются гораздо позднее;

в) распределение материнских и отцовских функций базируется на более общей полоролевой дифференциации и имеет как социальные, так и биологические предпосылки.

На формирование отцовской позиции, ее реализации и коррекции на мужчину влияет его ближайшее окружение (друзья, знакомые, родственники). Их мнения и взгляды способны изменять динамику и логику внутрисемейных отношений через изменение взглядов и позиций супруга, его новое понимание роли отца.

Некоторые психологи (В. Йонен и др.) считают, что поведением, мнениями и взглядами мужчин управляют различные фобии, они боятся оказаться несостоятельными во многих областях: профессиональной, сексуальной, семейной, имущественно-финансовой и др. Они опасаются подчиненного положения, конкуренции, собственных неблаговидных поступков, беспомощности, одиночества, т.е. боятся, что в них перестанут нуждаться.

С точки зрения фобий проблемы отцовства представляются системой комплексов, от которых мужчина хочет защититься. В мальчика, будущего отца, закладывается множество социальных и индивидуальных стереотипов окружающих его людей, с которыми ему как человеку, а не как «настоящему мужчине» предстоит справиться.

Формирование психологической готовности к отцовству во многом обусловлено представлениями об идеальном отцовстве и его типах.

Чаще всего это проявляется в неумении мужчины взять на себя ответственность за психическое и физическое состояние матери, особенно в период беременности и первый год жизни ребенка, когда это более всего необходимо. Молодой муж иногда просто не может понять, почему спокойная и тактичная жена в первые месяцы беременности стала вспыльчивой и раздражительной или почему она, просидев дома с ребенком и «ничего не делая», жалуется на усталость.

На развитие психологической готовности к отцовству оказывают и сторонники, объявляющие отцовство обыденным и ненужным, в агрессивной же формулировке – первоисточником социального зла (Т. Гоббс, 1968).

В заключение отметим, что психологическая готовность к отцовству, как указывает Р.В. Овчарова (2006), определяется сформированностью:

– всех аспектов личности, предполагающих выполнение возложенных обязанностей и принятых обязательств;

– представлений об отцовстве, т. е. знаний функций отца в семье и его роли в воспитании ребенка;

– оценки собственной готовности стать отцом, т. е. готовности принять на себя ответственность за жизнь и благополучие другого человека, ребенка.

На психологическую готовность к отцовству оказывают влияние и такие факторы, как возраст, наличие или отсутствие отца в семье и реальные отношения в родительской семье. Представление о том, что отец нужен для того, чтобы ребенок появился на свет, глубоко ошибочно.

Переход к нормальной модели семьи, а следовательно, и отцовству в России произойдет только тогда, когда наряду с равенством прав ответственность за воспитание и содержание детей ляжет на отца при сохранении за матерью и за детьми других семейных обязанностей. Однако в современной российской семье женщина хочет (и вынуждена силой обстоятельств) править безраздельно. Мужчина не в состоянии обеспечить семью, нести за нее ответственность и, следовательно, быть образцом для подражания. В то же время следует помнить и о том, что ребенку нужен отец в той же мере, как и отцу нужен ребенок. По мнению В.И. Захарова, «тем, кто не были сыном отца, трудно стать отцом сына» (Андреева Т.В., 2007. – С. 171). Таким образом, проблема готовности и реализации отцовской миссии может рассматриваться на уровне системы: «отец – ребенок – отец».

ГЛАВА 5. МЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЦЕННОСТИ ПРАРОДИТЕЛЬСТВА

5.1. Специфика социально-психологических представлений о прародительстве и детско-родительского взаимовосприятия

Не будет преувеличением сказать, что XXI век необычайно увеличил и тем самым возвеличил два периода в жизни человека: детство и старость.

Люди долго недооценивали значение детства для последующего развития личности. Однако, если многим аспектам детства в последнее время уделяется огромное внимание, то периоды второй стадии зрелости и старости до сих пор особым вниманием исследователей не были избалованы.

Характеризуя лингвистические особенности прародителей, отметим, что в английском, французском, немецком языках нет слова, аналогичного нашему, – «бабушка». Там она зовется «большой мамой», т. е. обозначена ее функция, ее главенствующее положение в семье. Как видите, в данном определении отсутствует эмоциональная окраска, отношение к той, что является мамой мамы и папы.

Русское слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «ушк» вроде бы, напротив, умаляя масштабы ее фигуры и значимости, одновременно поднимает ее на пьедестал любви. Не случайно в словаре Даля у этого слова 12 вариаций, таких же уютно-ласковых, и лишь одно – «бабка» – угловато-грубое.

Какими же они рисуются придирчивому и ревнивому взору нынешних юных и уже взрослых детей, современные бабушки и дедушки, и какие есть на самом деле?

По сказкам, по народным преданиям бабушка – это ветхозаветная старушка, тихонькая и неутомимая, как мышка, снующая по

дому, всем угождающая и ничего не требующая взамен, мастерица стряпать и ткать, шить и вязать, искусная сказительница былей и небывальщин, сочинительница ласковых колыбельных, подмога детям и утеха внукам, добрая совесть и свет дома. А дед – само собой – всевед, борода седая, глаз с хитрым прищуром, тоже неугомонный умелец и домашний философ.

Однако подобные идеальные образы и в прошлом-то не на каждом шагу встречались. Живые натуры и характеры всегда сложней идеализированных представлений. Даже нежно любимая бабушка Алеши Пешкова мало похожа на иконописный лик. А дед Каширин – прямо-таки злой гном. Видимо, народная мудрость, создавая сказочные типажи, отобрала все самое-самое важное, необходимое для лучшего исполнения этих ролей (Т.М. Афанасьева, 1988).

В целом же представления прародителей и детей друг о друге в настоящее время редко совпадают и отличаются лишь односторонней объективностью и эмпатичностью со стороны прародителей к детям. Так, по мнению Т.М. Афанасьевой, если переживания юной души и муки расцветающего тела взрослые понимают и стараются облегчить, помня себя в этом возрасте, то о возрастных особенностях пожилых молодые, как правило, ничего не знают, оттого и не сочувствуют. Порой считают, что просто у «стариков» портится нрав.

Как и любой возраст, старость вызывает разные эмоции. Вы помните, как писал о ней молодой Гоголь в поэме «Мертвые души»: «...все может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости...» Всем известны слова о страшной беспощадности старости, которая, по мнению молодого писателя, хуже самой смерти (Т.М. Афанасьева, 1988. – С. 189).

Несколько иные представления о старости, а следовательно, и прародительства, мы находим у В.В. Вересаева, высказывающегося на этот счет: «Все мы растем в презрении к старости и в ужасе перед нею. Но если бы я тогда знал,– а кто это в молодости знает? – если бы я сам тогда знал, какою нестрашною, какою радостною и благодатною может быть эта грозная старость!..

Вспоминаю скомканную тревожность юности, воющие муки самолюбия, буйно набухающие на душе болезненные наросты, темно бушующие, унижающие тело страсти, безглазое метание в гуще обступающих вопросов, непонимание себя, неумение подступить к жизни...

А теперь каким-то крепким щитом прикрылась душа, не так уж легко ранят ее наружные беды, обиды, удары по самолюбию, в руках как будто надежный компас; не страшна обступившая чаща; зорче стали духовные глаза, в душе – ясность, твердость и благодарность к жизни.

...Да, может быть, если бы знала молодость, какая возможна озаренная, поднимающая дух старость,– может быть, она бы менее беззаботно «прожигала» себя... Промотать все силы – и потом прийти к мутноглазой старости, харкающей, задыхающейся, с брезгливо отвисшей губой и темным лицом. И говорить юности: «Старость – это страшная, проклятая пора человеческой жизни».

Подобные суждения можно встретить у многих мудрых старцев, которые вошли в эту долгую, гораздо более продолжительную, чем юность, часть жизни, не промотав достояние, отпущенное природой и окультуренное воспитанием: тело, ум, сердце человеческое. Говорят, старость – это возмездие. Пожалуй, о доброй старости можно сказать: она – награда за честно, разумно и сердечно прожитые годы. По мнению Т.М. Афанасьевой (1988), современные молодые люди безоглядно именуют своих родителей стариками и считают, что те себя уже исчерпали, изжили все желания и интересы, кроме одного: как бы получше устроить свое потомство, пестовать и агукать внучат. Многие молодожены не желают вникать в то, что превращают в дедушек и бабушек моложавых мужчин и женщин, полных творческих замыслов и иногда честолюбивых мечтаний.

Немало конфликтов возникает в новообразовавшихся семьях именно из-за непонимания состояния «стариков», особенностей их возрастной психологии.

– Бабушка, ты чего пляшешь? Бабушкам плясать не положено! – стыдила внучка свою сорокапятилетнюю бабусю, которая смотрелась совсем еще молодой, привлекательной женщиной и, действительно, забыв про свой «чин», лихо отплясывала модный танец на семейном торжестве.

– Ишь, наши старики – туда же, про любовь запели! – иронизируют молодые супруги, видя в острой чувствительности, в кокетстве бабушек и в галантности дедушек чуть ли не забвение моральных норм, нечто неприличное (Т.М. Афанасьева, 1988. – С. 191).

Выше мы уже отмечали, что очень часто молодые бабушки и выглядят как старшие сестры своих взрослых дочерей. Фигуры спортивные, подтянутые, косметика, одежда ничем не отличается от молодежной. И это объяснимо: бабушки сплошь и рядом трудятся вместе с молодежью, и никто для них не делает скидки «на возраст», на их солидное положение. Наряду с этим, в последнее время появились женщины, которые не спешат облачиться в бабушкин чепец и даже стесняются этого звания. Оглянитесь на их возраст и самочувствие в жизни – и все станет ясно. Бабушками становятся в 35 и в 40, а дальше – до рекордного срока земного существования. Поэтому одинаково справедливы

слова о том, что современной бабушке ничто женское не чуждо, в том числе любовные переживания, желание повеселиться, принарядиться. Правильно и то, что ей могут быть присущи возрастные, старческие недостатки. Оба суждения правомерны, но лишь с точной оговоркой, что они относятся к разным категориям бабушек (Т.М. Афанасьева, 1988).

А про дедушек и говорить нечего. Они и прежде, и тем более теперь не хотели и не хотят уступать пальму первенства никому. ...Главный водораздел, который определяет типы бабушек и дедушек, проходит между работающими и пенсионерами. Это часто даже важней, чем возрастные различия. При всем блестящем внешнем антураже положение работающих «стариков» сложнее, едва ли не самое напряженное, нежели у других членов семьи. Это объясняется тем, что родители к этому сроку достигают вершины профессионального мастерства. Соответственно самые высокие заработки в семье часто бывают у них. Отсюда при появлении в доме маленького существа, требующего заботы и ухода, молодая мама часто даже речи не заводит о том, чтобы бабушка осталась с внучкой или внуком дома, а она пойдет работать. Это не оправдывается общесемейными интересами. И денежные потери будут большими, и деловые, и престижные. И наконец, старшей маме необходимо заработать себе пенсию, обеспечить существование на то долгое время, когда она сядет дома.

Так что частенько юные мамы нынче шьют и вяжут, рассказывают сказки и снуют по дому. А многим бабушкам некогда этим заняться.

Правда, немалая часть бабушек и дедушек живет и действует как раз в рамках традиционных правил. У них с годами дом занимает все большую часть времени и сил. С работы они не знают иной дороги, кроме как за внучатами в школу, в садик или ясли, а потом на каток или в зоопарк. И сидя у телевизора, в программах прежде всего ищут «малышовые» передачи.

Можно ли считать такой образ жизни ущербным? Вряд ли; каждому – свое. Просто наше время предоставляет возможность выбора поведения, не навязывая жесткие нормативы и обязательность (Т.М. Афанасьева, 1988. – С. 192).

Учитывая, что ментальность и язык отражают специфику родительско-детских отношений, нельзя не заметить отличие российского родительско-детского взаимодействия от западноевропейского и американского, характеризуемого отстраненностью старшего поколения от взрослых детей и внуков. Эта тенденция подтверждается в теориях разъединения, субкультуры и возрастной стратификации. Сторонники первой теории (Э. Камина и У. Генри), обследовав большую группу людей в возрасте от 50 до 90 лет, пришли к выводу, что

«старение есть неизбежное взаимное отдаление или разъединение, приводящее к снижению взаимодействия между стареющей личностью и другими личностями в той же социальной системе», разъединение старика и общества происходит по принципу однополюсных зарядов: старый человек отходит от общества, а оно, в свою очередь, отталкивает его от себя. Господствующим мотивом отношений становится взаимное отчуждение и дистанцирование. Старый человек придерживается установки: «Я вам не нужен, но и вы не трогайте меня». Общество ему вторит: «Вы не интересуетесь нами, мы – вами». Но, освобождаясь от трудовой деятельности, от различных ответственных социальных ролей, старые люди начинают чувствовать себя свободнее (эту теорию еще называют «теорией освобождения»): над ними уже не тяготеет груз обязанностей и необходимость участвовать в жизни общества.

В западной социологической литературе эта теория вызвала основательную критику и несостоятельность. В качестве альтернативы этой теории предложена теория активности.

Суть ее состоит в предположении, что люди сохраняют в старости потребности и желания, характерные для их среднего возраста. Они упорно сопротивляются всяким попыткам вытолкнуть их из общества. Чтобы «не потерять лицо» и сохранить психологическое равновесие, личность после ухода на пенсию стремится найти себя на каком-нибудь новом поприще. Что же касается теории субкультуры, то, по мнению А. Роуза, люди старших возрастных групп образуют особую культуру, отличную от других возрастных групп. Так, например, люди пенсионного возраста заводят новых друзей, сохраняя по возможности прежних, проникаются чувством принадлежности к определенной группе с характерными для этого возраста нормами морали, поведения, общения, традициями, духовными ценностями, обретают психологическую устойчивость (Ю.П. Платонов). Характеризуя третью теорию возрастной дифференциации, необходимо отметить, что отнесение людей к тому или другому поколению, к той или иной возрастной группе может иметь формальный и неформальный характер. Так, возраст 18 лет формально означает совершеннолетие, достижение мужчиной 60, женщиной – 55 лет связано с назначением пенсии по старости и переходом в старшую возрастную группу, хотя в ряде стран пенсионный возраст начинается для мужчин и женщин с 65 лет и старше.

Неформальные возрастные нормы определены не так четко. Эти нормы нигде не записаны, но незамужнюю девушку, чей возраст приблизился к 30 годам, начинают потихоньку именовать «старой девой», а у мужчин возраст «старого холостяка» наступает несколько позже. Существует как бы «социальное расписание»: когда выходить замуж,

заводить детей, становиться дедушкой или бабушкой. Социальные стереотипы довлеют над людьми и обязывают их принимать те правила поведения, которые установлены для каждой возрастной группы.

В этой связи некоторыми социологами введены даже специальные коэффициенты и термины. Так, Н. Смелзер ввел коэффициенты зависимости пожилых (65 лет и выше) и молодых (до 18 лет), причем первый коэффициент имеет явную тенденцию к повышению, а второй, напротив, к снижению. Увеличивается уровень комфорта, но потребность стариков в посторонней помощи не только не исчезает, но и имеет тенденцию к росту. Американский социолог Р. Батлер ввел в научный оборот специальный термин «эйджеизм» (от английского слова «возраст»). Согласно точке зрения Батлера, эйджеизм отражает глубоко укоренившееся среди молодежи и людей среднего возраста неприятие старости – они проявляют личностное отвращение и неприязнь к старению, болезням, нетрудоспособности и испытывают страх беспомощности, «бесполезности» и «смерти». Смелзер утверждает, что эйджеизм особенно силен в США, где всегда ценились мастерство, сила, молодость и энергия. Противоположное отношение к старикам наблюдается в Европе и Японии.

5.2. Психологический портрет прародительского возраста

По мнению Ю.П. Платонова, взгляд на старость с позиций молодости можно назвать геронтофобией. С древних времен старые люди воспринимались как причастные тайнам: достаточно вспомнить завораживающих и пугающих колдуний в сказках всех народов мира. Впоследствии старики представлялись молодым как воплощение самовластья, напоминание о грядущей немощи и, наконец, обуза.

Старость как веха собственной жизни устрашает болезнями, зависимостью, скукой, женщин – потерей привлекательности, россиян – бедностью. Большинству людей свойственно оттягивать символический рубеж старости – выход на пенсию, за которым следует подмена прежней социальной активности жизнью семьи (если таковая есть) и отчасти политической жизнью. Погружение пожилого человека в жизнь семьи не всегда благо. Абсолютно разные системы ценностей поколений обостряют вековую геронтофобию.

Как указывает Ю.П. Платонов , «психологически усталый, неудовлетворенный прожитым, сформировавшийся как личность в атмосфере четких политических ценностей, российский пенсионер зачастую

несет в семью не сердечность и мягкость, а раздражительность и нетерпимость. Потеря статуса кормильца порой выливается в неосознанное желание сохранить авторитет в семье любыми средствами – от попыток психологического подавления прочих членов семьи до истерического поведения. Таким образом, вместо того чтобы выступать в освященной веками роли мудрого советчика и гасителя конфликтов, пожилой человек нередко становится на позицию ребенка и создает в семье дополнительный очаг напряжения, в сущности, аналогичный тому, что стихийно складывается в общественной жизни» (Ю.П. Платонов, 2010. – С. 168).

Прародительский возраст нередко протекает на фоне специфических фрустраций, депрессий, стрессов. Так, для ребенка фрустрация – это «хотел, мечтал, но не дали, не разрешили, не пустили». Для старика – «мог, но не сделал», «сделал, но не получилось» или «получилось, но совсем не то». Происходит переоценка ценностей: былые достижения и успехи заносятся в разряд неудач и ошибок, старые друзья признаются старыми обманщиками. Надежды мальчишки рушатся на время, а старика – навсегда, поэтому старость превращается в тризну жизненных надежд. В этом отличие детской и стариковской фрустрации.

Для состояния депрессии характерны уныние, пессимизм, разочарование в себе и близких, легко возникающая раздражительность, плаксивость, нерешительность, быстрая утомляемость, снижение аппетита или, напротив, тяга к обжорству, мысли о суициде, попытки его осуществления и сам суицид.

Что же касается стресса, то у нашего пенсионера стресс, как отмечает Ю.П. Платонов, может возникнуть от звучания слов «пенсия», «квартирная плата», «ограбление» и множества других. Участники войны, если они действительно участвовали в боевых операциях, не любят возвращаться к воспоминаниям об этом времени, смотреть фильмы о войне. Они инстинктивно боятся стресса, так как длительный стресс усугубляет и стимулирует прогрессивное развитие уже имеющихся хронических заболеваний, ишемическая болезнь сердца может обернуться инфарктом миокарда. Замечено, что вдовы и вдовцы в течение первых двух месяцев после потери супруга часто заболевают той же болезнью, от которой скончался супруг. Женщины, ухаживающие до конца за немощными престарелыми родителями, видимо, от перенесенных стрессов теряют иммунитет и легко поддаются простудным и инфекционным заболеваниям (Ю.П. Платонов, 2010).

Однако самый серьезный, самый длительный и самый разрушительный стресс вызывают несбывшиеся надежды. Общеизвестно, что жизнь кончается значительно раньше физической смерти человека,

если он перестает радоваться дню сегодняшнему и верить в завтрашний. Примером сказанного может служить великий писатель Л.Н. Толстой. Состоятельный помещик, отец многодетного семейства, Лев Толстой мучительно искал ответ на вопрос о своем предназначении. Эти поиски длились не день-два, а несколько лет и с той или иной интенсивностью продолжались до конца жизни. Он писал в «Исповеди»: «Вопросы не ждут, надо сейчас ответить; если не ответишь, нельзя жить. А ответа нет». Биограф Толстого В. А. Жданов так описывает душевное состояние Льва Николаевича: «Наступили страшные годы. То, что и раньше временами посещало Толстого, приводило его в безнадежное уныние, но потом быстро рассеивалось, превратилось теперь в непрерывный мучительный крик». Сам Толстой пишет в это же время одному из друзей: «Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныние. Отчаяние в своих силах. Что мне суждено судьбой, не знаю, но доживать жизнь без уважения к ней – мучительно. Думать даже – и к тому нет энергии. Или совсем худо, или сон перед хорошим периодом работы». Он угадал – это был сон перед хорошей работой.

Если отвлечься от авторитета великой личности, можно заключить, что Толстой страдал от типичного фрустрационного стресса, не только вызвавшего глубокую депрессию, но и расстроившего завидно крепкое здоровье. Преодоление этого состояния дало возможность прожить писателю еще три десятка лет и познать новые радости жизни.

Завершая психологический экскурс о представлениях образа прародителей, отметим, что в так называемых традиционных обществах образ человека старшего поколения был тесно связан с категорией жизненного опыта, его постепенного накопления и передачи молодым. Обычаи, традиции, преемственность, наследие – все эти механизмы общественного бытия предполагают уважение к предкам и высокий авторитет старших. Однако характер отношений между поколениями не остается неизменным. Особенно эти изменения характерны для первых десятилетий XXI века, характеризуемых стремительными темпами общественных перемен. Вследствие этого, знания и опыт старших часто не могут найти применения, а иногда становятся даже вредными в силу совершенно изменившихся условий, обстоятельств, законов. Человек, скорее, вынужден учитывать мнения ученых, ориентироваться на взгляды и поведение современников; и дети, и взрослые учатся у сверстников и даже более того – взрослые учатся у своих детей. Авторитет старших уже не может служить главной опорой для молодых.

Россиянин пожилого возраста, наш современник, весьма озабочен жизнью и судьбой детей и внуков, считает их проблемы собственными. Высказывания людей старшего поколения свидетельствуют о

том, что они вовлечены в проблемы близких, часто соотносят цели и планы своей жизни с событиями более молодых («хочу помочь в уходе за внуками», «хочу накопить денег на обучение внука», «дожить до свадьбы внучки»).

И это может быть расценено как благоприятный факт. При анализе и характеристике собственной Я-концепции пожилого человека нередко можно встретить описания детей и внуков, рассказы об их жизни, акцентирование внимания на их успехах и достижениях. Такая ориентация сохраняет перспективу личностного развития, способствует осознанию ценности своего Я. Переориентация на внутрисемейные отношения является закономерным этапом психической жизни пожилого человека (И.Ф. Шахматов, 1996). Организация семейного быта, выбор формы повседневной занятости составляют на этом этапе основное содержание жизни. Процессы интериоризации, заключающиеся в замыкании на интересах узкого социального пространства (семьи), могут выступать одним из механизмов адаптации пожилого человека к современной ситуации (О.В. Краснова, 2000).

Создавая жизненный сценарий у своих детей и внуков, прародители способствуют, по Э. Берну, бессознательному принятию ребенком предписывающего «образа» будущей взрослой жизни – судьбы «победителя» или «побежденного», «неудачника» (речь идет о сценарий «победитель» в конкретном варианте «Мой сын будет врачом»).

Очень важно, считает Берн, что именно знает человек о своих прародителях и прапрародителях, какие испытывает чувства по отношению к ним. Уже незамысловатая реплика или рассказ о предках могут свидетельствовать о характере «сценарных предписаний», которым следует человек. «Мои предки были ирландскими королями» – эта фраза может быть произнесена торжественно и церемонно, а может с иронией («Я такой же пьяница, как один из них»); и за каждым суждением при анализе вскрывается некое истолкование значимого прошлого.

Чувства по отношению к предкам варьируют:

– гордость за выдающихся предков без какой-либо надежды на то, чтобы превзойти их достижения;

– идеализация (романтическая или парадоксальная, ориентирующаяся на одну, своеобразно выхваченную, черту – «бодрая старушка»);

– соперничество.

В целом к прародителям испытывают более интенсивные чувства, чем к родителям: «к прародителям относятся с благоговением или ужасом, тогда как родители вызывают восхищение или страх» (Э. Берн, 1989. – С. 195).

Психологическое «наследие» прародителей, как утверждает Н. Пезешкиан, оказывается далеко небезразличным фактором в генезисе идентичности. Прародительские концепции берут начало в критических переживаниях, в религиозных и философских идеях, укореняются, усваиваются детьми и снова передаются следующему поколению детей. Примеры семейных концепций: «Что скажут люди», или «Аккуратность – половина жизни», «Ничего не дается легко». «Верность до смерти», «Достижения, честность, бережливость» и т.п. Частично они осознаются и формулируются носителем в сжатой форме в виде любимых поговорок, наказов детям, комментариев к ситуациям: «Будь верным и честным, но покажи, на что ты способен» или «У нас все должно быть, как в лучших домах». Большей же частью они остаются неосознанными, воздействуют не явно (Е.Г. Силяева, 2002).

Поэтому одним из важнейших принципов позитивной семейной психотерапии Н. Пезешкиана является принцип установления связи между семейной традицией, идентичностью и проблемами человека. Построение «концептуального семейного древа» рассматривается как эффективное средство выявления значимых тем и постановки задач в терапии, в которую вовлекаются несколько поколений (родители, бабушки, дедушки, а иногда и прабабушки, прадедушки).

Кроме этого, в традиционных обществах жизненно важную роль играет формирование родительской позиции. При появлении внуков у прародителей происходит перестройка поведения: бабушки нередко отказываются от привычных способов времяпровождения, дедушки считают своим долгом содержать семью, и их деятельность посвящена в основном этому. И именно паттерны поведения прародителей способствуют становлению родительской позиции.

Прародители-мужчины становятся носителями духовного начала. Например, аксакалы в Средней Азии с определенного возраста начинают даже иначе одеваться и больше времени посвящать религиозному служению. Женщины в пожилом возрасте становятся социальными организаторами, помогают структурировать жизнь более молодых людей. Однако в современном обществе пожилые люди потеряли свое патриархальное назначение геронтократа как «успокоителя» и «организатора», поэтому жизненно важно восстановить культурные роли пожилых людей. Значимость данного положения, по мнению Ю.П. Платонова, заключается в том, что пожилым людям свойственно обладать многими качествами, схожими с представителями других поколений, но у пожилых есть одно, которого нет и не может быть у других, – мудрость жизни, знаний, ценностей.

Именно мудрость, свойственная пожившему достаточно долго на этой земле человеку, может явиться мощнейшим стимулом и факто-

ром развития общества. А в обществе пожилых эта индивидуальная мудрость, возведенная в коллективную, возрастает многократно, придав социальному развитию новые качественные характеристики. Ведь мудрость – это не только экономика, но и политика, этика, нравственность. Тогда, пожалуй, станут действительной реальностью слова древнеримского политического деятеля и философа Марка Туллия Цицерона о том, что мощь человеческого разума сможет победить стареющую плоть.

Творческой старости сопутствует чувство равновесия и духовной гармонии. Для этого состояния характерны склонность к прощению, благожелательность, мягкость, понимание, доброта. «Постареть можно только ради того, чтобы стать более мягким, добрым. Я не вижу ни одной ошибки, которую сам бы не мог совершить», – писал И.В. Гёте. Выражением таких настроений является также спокойный отказ от прежних мечтаний и стремлений, согласие с природой и с самим собой.

Отношение мирового сообщества к новой модели старости и роли пожилых людей в обществе нашло отражение в принципах Генеральной Ассамблеи ООН в 1991г., резолюция 46/91. С учетом более поздних дополнений 18 принципов собраны в пять групп: независимость, участие, уход, реализация внутреннего потенциала, достоинство.

Принципы группы **«независимость»** подразумевают, что пожилые люди должны иметь доступ к основным благам и обслуживанию, возможность работать или заниматься другими видами приносящей доход деятельности; участвовать в определении сроков прекращения трудовой деятельности; сохранять возможность участия в программах образования и профессиональной подготовки; жить в безопасных условиях с учетом личных наклонностей и изменяющегося состояния; получать содействие в проживании в домашних условиях до тех пор, пока это возможно.

Принципы группы **«участие»** отражают вопросы вовлеченности пожилых людей в жизнь общества и активного участия в разработке и осуществлении затрагивающей их благосостояние политики, возможность создавать движения или ассоциации лиц пожилого возраста.

Принципы группы **«уход»** затрагивают проблемы обеспеченности уходом и защитой со стороны семьи и общины; доступа к медицинскому обслуживанию в целях поддержания или восстановления оптимального уровня физического, психического и эмоционального благосостояния и предупреждения заболеваний; доступа к социальным и правовым услугам; возможности пользоваться услугами попечительских учреждений, правами человека и основными свободами в любом социальном учреждении, включая полное уважение достоинства, убеждений, нужд

и личной жизни, а также права принимать решения в отношении ухода и качества жизни.

Принципы группы **«реализация внутреннего потенциала»** призывают к тому, чтобы пожилые люди имели возможности для всесторонней реализации своего потенциала, доступа к общественным ценностям в области образования, культуры, духовной жизни и отдыха.

Принципы группы **«достоинство»** затрагивают вопросы недопущения эксплуатации, физического или психологического насилия в отношении пожилых людей, обеспечения права на справедливое обращение независимо от возраста, пола, расовой или этнической принадлежности, инвалидности или иного статуса, а также независимо от их экономического вклада.

В заключение необходимо подчеркнуть, что представление о старости меняется вместе с возрастом исследуемых. Наиболее негативно оно у молодых людей, но по мере их приближения к старости представление о ней «улучшается». Оказывается, что многие старые люди отказываются от прежних интересов и действий не из-за недостатка сил на их выполнение, а из-за боязни показаться смешными. Это еще одно доказательство, подтверждающее тезис, что для поведения стариков решающее значение имеют взгляды, господствующие в данном обществе, а не биологические факторы. С этой точки зрения по-разному видится положение старых людей в различных условиях (Ю.П. Платонов, 2010).

Выражением такой регрессивной модели старости стала теория неучастия. Сторонники этой теории утверждали, что старый человек любит известные формы изоляции и сам уменьшает число контактов с другими людьми; что, чувствуя себя достаточно защищенным, он избегает общественной активности, а если и выражает желание показаться нужным и полезным, то к такому поведению его склоняет страх.

Эти утверждения содержат методологические ошибки. Такие формы поведения старых людей, как разрыв общественных контактов и спад активности, – следствие действий, которые по отношению к старым людям предпринимает общество, а не выражение внутренних тенденций старости. Общественные стереотипы постоянно отождествляют старость с отстранением человека от выполняемой им социальной роли, с исключением его из сферы активной деятельности. У ряда людей это может стать причиной усиления активности в тех сферах, которые еще остались (например, в семейной жизни), с целью компенсации потерь в других областях деятельности. Но у большинства старых людей утрата социально значимой роли равнозначна упадку активности: исчезают задачи и цели, на которые можно было бы направить свою деятельность (Ю.П. Платонов).

Выше мы уже указывали на несостоятельность теории неучастия. Доводы Ю.П. Платонова о взаимосвязи активности и удовлетворенности, а также продуктивной адаптивности к пенсионному возрасту со способностью к переключению на новые формы занятости, включая самореализацию в семейной жизнедеятельности, убедительно противоречат этой теории.

5.3. Функционально-ролевая значимость прародителей в созидательной жизнедеятельности детей и внуков

Анализ имеющейся литературы по семьеведению свидетельствует о том, что большая часть существующей литературы сосредоточена на нуклеарной семье, а о дедушках и бабушках в ней почти не упоминается. Говорить о семье, не упоминая о ее прародителях, значит игнорировать важный аспект ее текущей жизни (М. Селигман, Р. Дарминг, 2009).

Как известно, звание бабушки или дедушки придает человеку особый статус. Дедушки и бабушки – свидетели появления на свет нового поколения: наблюдение за тем, как внуки развиваются и успешно выполняют все новые роли, наполняет их гордостью. В каком-то смысле внуки составляют для дедушек и бабушек «продолжение жизни». Желание оставить в мире какой-то материальный след выражается в рождении внука.

Некоторые исследования показывают, что влияние предыдущих поколений весьма важно для понимания динамики нуклеарной семьи (Bowen, 1978). Другие отмечают, что взаимоотношения бабушек/дедушек и внуков предоставляют уникальные возможности для развития ребенка (Baranowski, 1982).

Традиционный взгляд на роль дедушки/бабушки как властного патриарха/матриарха, контролирующего семью, постепенно уступает место более позитивному взгляду. В наше время роли дедушек и бабушек ассоциируются не столько с властью, сколько с теплом, свободой, удовольствием без ответственности (Wilcoxon, 1987).

Прежнее представление о властных дедушках и бабушках, вмешивающихся в жизнь своих детей, уступает место мнению о бабушках и дедушках как о помощниках родителей, источниках поддержки для них и заботы о внуках. Наконец, что важнее всего, на бабушек

и дедушек оказывает влияние то, что происходит в нуклеарной семье, – и сами они, в свою очередь, влияют на других членов семьи (М. Селигман, Р. Дорлинг, 2009).

Обобщая прародительские роли, можно отметить, что современные роли дедушек и бабушек весьма многомерны и позитивны. Исходя из работ А.С. Спиваковской, Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса, Р.В. Овчаровой, Л.Б. Шнейдера, М. Селигман, Р. Дарлинг и др., нами были выделены следующие инструментальные прародительские роли (Н.П. Фетискин, 2012):

– Социогенетическая социализирующая, обеспечивающая связь родителей и внуков с культурным и семейным прошлым. Большинство из вышеуказанных авторов отмечают особую роль прародителей (бабушек и дедушек) в процессе социализации ребенка в семье. Прежде всего, они являются хранителями семейных традиций, семейной истории, что оказывает позитивное влияние на формирование ценностной системы подростка. Кроме того, старшее поколение семьи помогает подросткам лучше понять собственных родителей, посмотреть на них с другой точки зрения. Наконец, во взаимоотношениях с пожилыми членами семьи дети учатся «помогающему поведению», отзывчивости к другим людям, чувствуя зависимость бабушек и дедушек от уважения и заботливого отношения детей и внуков, их потребность в признании авторитета.

– Парадигмально-воспитательная роль, представляющая собой «эталонную» модель ролевого поведения дедушек и бабушек, примерность восприятия пожилого возраста.

– Наставническая роль дедушек и бабушек в виде мудрых советников, носителей большого жизненного опыта.

– Развивающая «магическая» роль прародителей представляет их как интересных сказочников, рассказчиков мудрых историй, пробуждающих воображение и творческое мышление у внуков.

– Помогающая роль прародителей выражается в психологической поддержке семьи в трудные, переходные, кризисные периоды. Эта роль проявляется в снижении тревожности, стрессов средствами «открытых» взаимоотношений с родственниками. Каждая успешная попытка изменить к лучшему частоту и качество эмоциональных контактов между родственниками улучшает уровень приспособленности и снижает симптомы тревоги в нуклеарной семье (Bowen, 1978, с. 537–538).

– Компенсирующая роль: уход за внуками, опекунство. Функционально данная роль проявляется в том, что в последние годы бабушки и дедушки в некоторых случаях берут на себя ответственность за заботу о детях. Это связано, прежде всего, с увеличением числа неполных семей. Часто дедушка или бабушка присматривают

за ребенком, пока одинокий родитель работает или учится. Кроме того, дедушки и бабушки могут брать на себя заботу о внуках в случаях, когда родители внуков – наркоманы, слишком молоды, виновны в дурном обращении или насилии над детьми, разведены, не имеют работы или, наконец, в случае смерти родителей (Davis, 1995; Downey, 1995; Woodworth, 1994). Некоторые из таких бабушек и дедушек становятся «вторыми родителями» здоровых детей, другие же получают под свою опеку хронически больных детей или детей, имеющих нарушения развития (М. Селигман, Р. Дарлинг, 2009).

Подобная роль прародителей наблюдается и в ситуациях развода родителей. Дедушки и бабушки принимают на себя роль родителей.

– Стабилизирующая роль: ободрение, привнесение уверенности в будущем, конструктивность участия в разрешении трудных жизненных ситуаций, актуализации родительских способностей в противостоянии кризисам, социальным вызовам и др. Значимость этой роли подтверждается тем, что участие дедушек и бабушек в жизни нуклеарной семьи может быть велико и разнообразно. Некоторые специалисты считают старшее поколение ценным источником ресурсов для их внуков и семьи в целом (Vadasy, Fewell, Meyer & Greenberg, 1985). Благодаря своему опыту, бабушки и дедушки могут дать много ценных советов по уходу за ребенком, обеспечить доступ к общественным ресурсам, поделиться стратегиями поведения, помогавшими им справляться с кризисами в прошлом. Кроме того, обладая большим количеством свободного времени, они могут помогать в домашних делах, покупках, уходе за ребенком – любая помощь такого типа родителям необходима. В некоторых местах трудно или невозможно найти приходящую няню, так что поддержка старшего поколения оказывается неоценимой. Далее, благодаря своим связям дедушки и бабушки могут обеспечить родителям доступ к услугам, предоставляемым местной социальной сферой. Например, через церковный приход, к которому принадлежат дедушка или бабушка, родители могут найти няню, бесплатно получить специальное оборудование или другие виды помощи. Наконец, как уже отмечалось выше, в результате развода, алкоголизма, наркомании или жестокого обращения с детьми некоторые дедушки и бабушки принимают на себя роль «родителей» особых детей (Simpson, 1996, М. Селигман, Р. Дарлинг, 2009).

Таким образом, дедушки и бабушки могут быть источником эмоциональной поддержки и инструментальной помощи; однако, как отмечено выше, могут и утяжелять семейный кризис, если отказываются признавать ребенка или оказывать помощь.

Ролевая деструктивность прародителей нередко проявляется на уровне межличностных отношений в системах «теща–зять» и «све-

кровь–невестка», но и на уровне различной включенности подходов к воспитанию внуков. Общеизвестно, что родителей и их взрослых детей и внуков могут связывать сложные и противоречивые отношения, нередко определяющие психологический климат в семье. Так, например, одностороннее доминирование в семье матери, а тем более бабушки по материнской линии становится фактором повышения вероятности невротических нарушений у детей (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, 2000).

5.4. Типологии гармонично-созидательного и девиантного прародительства

Изучение психологических особенностей прародителей трудно представить без попыток их типологизации, позволяющей раскрыть не только их содержательную направленность, но и показать воспитательные возможности тех или иных прародительских типов не только с целью определения их продуктивности, но и возможностей оказания эффективной психолого-педагогической помощи дедушкам и бабушкам в их ролевой самореализации.

Анализ отечественной и зарубежной литературы (А.С. Спиваковская, Р.В. Овчарова, О.В. Краснова, Н.А. Москвичева, Е.Г. Силяева, П. Робертсон и др.) позволил разработать нам критериальную основу для обобщения прародительских типологий (Н.П. Фетискин, 2012).

Одним из первых критериев типологизации прародителей является критерий представлений прародителей о своей ролевой миссии. По данным П. Робертсон, дополнительная роль бабушек и дедушек в большинстве случаев приносит глубокое удовлетворение людям среднего возраста. Это деятельность по воспитанию нового поколения, но свободная от многих обязанностей и напряженных конфликтов, характерных для детско-родительских отношений. Автор выделяет такие типы бабушек:

- гармоничные – сочетают высокие идеальные представления о роли бабушки и реальную сильную вовлеченность в жизнь внуков;
- далекие – имеют заниженные социальные и личностные представления о социальной роли бабушек и занимают обособленную позицию по отношению к проблемам внуков;
- символические – высокий социально-нормативный образ бабушки при неразвернутости реальных взаимоотношений с внуками;

- индивидуальные – акцентированы личностные аспекты поведения.

Типологизация прародителей по критерию выполнения внутрисемейной роли существенно отличается от первой типологии и, по данным О.В. Красновой (2000), включает следующие типы прародительства:

- формальные – строят отношения в соответствии с социальными предписаниями о роли старшего в семье;
- суррогатные родители – берут на себя ответственность и заботу о внуках;
- источник семейной мудрости – осуществляют связь с семейными корнями;
- затейники – организуют отдых и досуг внуков;
- отстраненные – редко включены в реальную жизнедеятельность семьи детей и внуков.

Типологизация прародителей по критерию функционального назначения, являющегося доминирующей идеей для самого прародителя. На основе опроса прародителей П. Робертсон выделила следующие их функциональные типы:

– Присутствие – как символ стабильности, как интегрирующий центр, как сдерживающий фактор при угрозе распада семьи.

– Семейная «национальная гвардия» – призваны быть рядом в трудный момент, оказать поддержку в кризисной ситуации.

– Арбитры – согласование семейных ценностей, разрешение внутрисемейных конфликтов.

– Сохранение семейной истории – ощущение преемственности и единства семьи.

Референтным критерием типологизации прародительства может служить динамичность или этапность освоения ролевого прародительского статуса, требующего от дедушек и бабушек выработки новой конструктивной личностной позиции. В зависимости от этапности освоения ролевого прародительского статуса О.В. Красновой и Н.Л. Москвичевой были выделены следующие типы:

«Молодая бабушка» (первый этап) – начинается для женщины в возрасте 47–51 года. Как правило, она продолжает активно трудиться, однако берет на себя долговременные обязанности по уходу и/или помощи в уходе за внуком по мере сил и возможностей. «Старая бабушка» – наступает после того, как внуку исполняется 10–11 лет, а бабушке, соответственно, 58–62 года. Если она имеет нескольких внуков, то часто остается в группе «молодых» до тех пор, пока младшему из детей не

исполнится 10–11 лет. Для этой стадии характерно иное, более равноправное общение бабушки с внуками. Если «молодую» бабушку больше волнует здоровье ребенка, то у «старой» появляются тревоги и опасения в отношении его образования, выбора будущей профессии, друзей, любимых, будущего в целом. На этом этапе уже не имеет особого значения, от кого внуки – от дочери или сына. «Старая» бабушка больше, чем «молодая», заинтересована в сохранении семейных традиций, ценностей и в этом видит свою основную роль в семье. Этап **«пожилой женщины»** или «старой женщины» начинается после достижения внуками 18-летнего возраста, когда у взрослых детей и выросших внуков появляются обязанности по отношению к старшим членам семьи, которые теперь в связи с ухудшением здоровья сами нуждаются в помощи и уходе. На этой стадии происходит «переворот» ролей, выражающийся в изменении баланса независимости и автономии членов семьи.

Важным критерием типологизации прародителей выступает адекватность ролевого отклонения прародителей к своей роли, являющейся своеобразной типологией девиантного ролевого поведения прародителей.

Как правило, приобретение новой внутрисемейной роли (роли бабушки или дедушки) сопровождается существенной перестройкой сложившейся иерархии отношений, поиском гармонии возникшей социальной роли и уже имеющихся ролей (у женщин – роли жены, мамы, свекрови или тещи), которые часто противоречат друг другу. В связи с этим некоторые авторы (Н.Л. Москвичева, 2010, Ф. Райс, 2000) выделяют два наиболее часто встречающихся типа отклонения во взаимоотношениях бабушек, дедушек и внуков. **1. Незрелость, неготовность прародителей** к новой внутрисемейной роли, которая может выражаться в том, что они вообще отказываются от новой позиции («ребенок ваш», «нам тоже никто не помогал») либо, напротив, захватывают, узурпируют родительскую роль, лишая ее молодых родителей. Нередко они начинают претендовать на чрезмерно активную роль в воспитании детей, донимают их нравоучениями, попытками постоянно контролировать их (даже против воли родителей), что становится источником постоянных конфликтов в семье. **2. Тип чрезмерного потворства и сверхопеки**. Прародители данного типа чрезмерно балуют и защищают внуков, подрывая тем самым основы семейной дисциплины и побуждая в конечном счете к непослушанию и проявлению различных отклонений или девиаций в их поведении.

Разновидностью ролевых девиантных типов прародительского отношения могут служить следующие два типа бабушек, не нашедших, по мнению А.С. Спиваковской (2000), удачного сочетания ролей:

- «Бабушка-жертва» воспринимает роль бабушки как центральную для себя, взваливает на свои плечи груз хозяйственно-бытовых и воспитательных забот, отказавшись от профессиональной деятельности, ощутимо ограничив дружеские контакты и досуг. Сделав заботы о семье, детях и внуках смыслом своего существования, она периодически испытывает противоречивые чувства, включающие недовольство близкими, обиду за недостаточную благодарность с их стороны. Характерная позиция внуков такой бабушки – любовь к ней и вместе с тем зависимость, привычка к опеке и контролю.
- «Бабушка-соперница» – ориентирована на соперничество с дочерью или невесткой в том, чтобы быть лучшей, более успешной «матерью» внуку. В этом случае бабушка сосредоточена на поиске ошибок и промахов родителей ребенка, а все успехи в воспитании приписывает себе. Внуки улавливают конфликтность взаимоотношений членов семьи и либо винят себя за это, либо прагматически используют противоречия позиций взрослых.

Не менее значимым критерием психологизации прародителей выступает степень их включенности или отстраненности от функциональных обязанностей. Основываясь на результатах опросного исследования представлений бабушек о воспитании внуков, о системе поощрений и наказаний внуков, о надеждах на будущее; о помощи детям в воспитании внуков и др., О.В. Краснова (2000) выделила три основных типа бабушек – «обычная», «активная» и «далекая».

«Обычные» бабушки принимают участие в воспитании внуков. Однако под воспитанием чаще всего подразумевается помощь в бытовом уходе за ребенком (приготовление обедов, гуляние и т.д.). Согласно проведенному опросу, каждая вторая бабушка относится к типу «обычной». Она вместе с внуками смотрит телевизионные передачи, читает им, гуляет с детьми. Но в приготовлении уроков, культурном просвещении внуков такая бабушка участвует лишь изредка. «Обычные» бабушки поощряют внуков: хвалят, обнимают, покупают сладости и т. п. Но все эти поощрения делаются обычно или «просто так», или «за хорошее поведение». Если возникает необходимость наказания, бабушки отказываются от общения с ребенком и немного ругают его.

Для «активных», «увлеченных» бабушек характерна высокая степень вовлеченности в досуг и проблемы своих младших членов семьи. Они заботятся о внуках, балуют их, помогают делать уроки, играют, ходят в театры и на выставки, что требует дополнительных, в сравнении с «обычными» бабушками, моральных и физических усилий. «Увлеченные» бабушки чаще отмечают и поддерживают у внуков про-

явления доброты и сочувствия. Они чувствительны к моментам, когда внукам требуется поддержка. В качестве наказания за «вранье, лень, грубость» бабушки ругают внучат, запрещают им смотреть телевизор или ходить в гости, т.е. проявляют большую активность в наказаниях и считают, что имеют на это право.

- «Далекие», «отстраненные» бабушки затрачивают на внуков гораздо меньше времени. Их внуки с рождения воспитывались или только родителями, или с помощью старшего поколения «с другой стороны». Таким образом, бабушки «отстраненного» типа не имели каких-либо обязанностей по отношению к внукам. В высказываниях «отстраненных» бабушек часто встречаются противоречия. Такая бабушка, например, считает, что ее главная роль в семье – воспитание внуков, но подразумевает под этим только чтение и прогулки на свежем воздухе. Нередко, заявляя о том, что она имеет обязанности по отношению к внуку, «далекая» бабушка видится с ним один-два раза в году, а единственным видом их совместной деятельности становятся телефонные разговоры.

В заключение отметим, что оптимальное поведение бабушек и дедушек состоит в осознании ими своей собственной особой роли. Прародители понимают ценность внуков, появление которых означает новый этап их жизненного пути, повышение общественного престижа, удлинение жизненной перспективы, появление новых источников удовлетворенности жизнью. Наряду с оказанием некоторой бытовой и материальной помощи бабушки и дедушки выступают в роли связующего звена между прошлым и настоящим семьи, передают традиции и проверенные ценности, окружают внуков безусловной любовью (Н.Л. Москвичева, 2010).

РАЗДЕЛ II.

ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ

Данный раздел работы является самым объемным, как в количественном, так и содержательном плане. Мотивом его создания послужило заметное омоложение и расширение диапазона разноуровневых детских девиаций и дефицит научно-методических и фундаментальных работ, дающих общее представление о психологической природе и методах профилактики девиантного поведения. Учитывая интенсивность социальных трансформаций, расширение сферы виртуальных коммуникаций, ослабление развивающих воздействий ведущих институтов воспитания современного детства, а также актуализацию новых ценностей и эгоцентризм, особую значимость приобретают вопросы, связанные с изучением типов девиантных новообразований, механизмов и причины их возникновения. Данные предпосылки латентных девиаций дополнялись повышенным уровнем социального сиротства, детской безнадзорности, роста болезней зависимости и суицидальной опасности. С этой целью в монографии обобщен достаточно обширный материал, отраженный в публикациях XX–XXI веков (1914–2015 гг.), начинающийся с работ Ф. Шольца, К. Леонгарда, П.Ф. Лесгафта и заканчивающийся современной типологизацией детей,отражённых в работах А. Баркан, Р. Байярд, Т.Н. Джумагуловой, Ю.А. Захаровой, Р. Зазо, И.И. Иванец, В. Леви, А. Левчено, М. Лейни, Э. Мазлиш, О. Маховской, Е.И. Николаевой, И.Н. Пятницкой, М. Селигман, Н.Я. Семаго, Е.А. Сергеенко, Э. Фуллера, О.Ю. Чирковой, В.Б. Шапарь и др.

Следуя этому, в четырнадцати главах данного раздела рассматриваются различные типы девиантного поведения, связанные с акцентуациями характера, познавательно-деятельностными ограничениями и нарушениями в двигательной сфере. Заслуживают внимания

и девиации, типичные для аутичных детей. Должное место в работе отведено и детским девиациям, относящимся к различным видам химической зависимости (алкогольной, наркотической, никотиновой, токсикомании, спайс-аддиктивности и др.). Указанные аддиктивно-девиантные типы дополняются детскими девиациями свойственных различным детско-молодежным субкультурам. В типологической структуре детско-молодежной зависимости существенное место занимают девиации технофетиша, хай-тека, коммуникативной виртуализации, кумироаддиктивности и пищевой зависимости. Исходя из различий в материальном обеспечении современных детей в работе выделены девиации, характерные для Yip-детей и детей с синдромом «старорусского ребенка». Заслуживают специального внимания и девиации одаренных или «новомодных детей», включая девиации «пробирочных детей».

ГЛАВА 1. АМБИВАЛЕНТНАЯ ДЕВИАНТНО-РОЛЕВАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ В СИСТЕМЕ РОДИТЕЛЬСТВА

Специфические ролевые типологии детей складываются на разных этапах родительства или материнства: от беременности до более поздних возрастных стадий развития ребенка. Вследствие этого целесообразно подразделять типологию детей в пределах перинатального и постнатального периодов. Следуя этой логике, в данном разделе приведены психологические особенности детских типов, широко используемых в литературе, посвященной семейной проблематике.

1.1. Деструктивно-родительская типологизация детей в перинатальный период

Как ни покажется странным, представительство детских типов в этот период весьма внушительно. В большей мере его составляют нежеланные дети.

Как правило, «нежеланные дети в противовес желанным уже с самого рождения физически слабые, с плохим аппетитом, часто и подолгу болеют; у них значительно выше риск развития нарушений поведения, патологических привычек и пристрастий, самоубийств и смертности в целом». Исходя из этого, А. И. Захаров (1998) выделяет типы случайного, вынужденного, преждевременного, несоответствующего по полу лишнего и «промежуточного» ребенка.

Случайным, т. е. не ожидаемым в данное время, оказывается ребенок у слишком молодых, не озабоченных рождением детей родителей или, наоборот, в семьях, где есть один или два ребенка и нет конкретного желания иметь других детей, впрочем, и нет отрицательного отношения к уже возникшей беременности.

Вынужденный ребенок тоже появляется случайно, когда его еще не ждали, возможно, до заключения брака. Тогда факт беременности и становится обязательной, нередко вынужденной причиной брака.

Преждевременные дети в принципе желанные, но появляются раньше времени, когда родители еще не готовы психологически. Восполнять недостающие чувства к ребенку приходится по мере его роста.

Нежеланный по полу ребенок тоже имеет проблемы в развитии, вызванные неадекватным воспитанием со стороны родителей. К мальчику относятся как к девочке, больше опекают, ограничивают самостоятельность и активность, не развивают специфические формы общения со сверстниками того же пола. Девочку, наоборот, больше стимулируют, нацеливают на успех и наказывают при непослушании. Нежеланными по полу оказываются как первые, так и вторые дети в семье. Все же в более чистом виде нежеланность по полу может чаще встречаться у единственных или первых (старших) детей, в то время как про вторых (младших) лучше говорить как о лишних по полу детях. (Л.Б. Шнейдер, 2006).

Основанием данных типов является эмоциональное неприятие детей и обусловлено либо нежеланностью, преждевременностью беременности, либо несоответствием пола ожиданиям родителей. Интегративным проявлением нежеланного перинатального типа являются нелюбимые дети. Их краткая характеристика приведена ниже.

«Нелюбимые дети». «Нелюбимый ребенок» относится к типу детей, родившихся случайно, вынужденно и нежеланно. Общеизвестно, что даже старты зачатия у всех детей разные. У долгожданных детей разные сценарии, преисполненные любовью, а у нежеланных детей, являющихся побочным продуктом секса, – совершенно другие.

Нелюбимый ребенок, еще не родившись, уже знает прекрасно о стрессе. Он познал его в матке, вбирая в себя чувства матери или отца.

По мнению ряда исследователей, еще не родившийся ребенок чувствует, что он будет не того пола, который нужен родителям. Что же ждет такого ребенка, если мама не оставит его в роддоме и «пригласит» к себе домой?

Как правило, сразу после рождения нелюбимые дети находятся в состоянии материнской депривации. Большинство матерей нелюбимых детей признаются в случайности своей беременности, что рождение ребенка помешало ей сделать карьеру, обрести счастье, что отец оставил ее после родов, бросил из-за него – сын орал словно резаный, не давал ему спать, раздражая все время. А теперь раздражает он отчима, ее нового мужа, как когда-то отца. В ответ на просьбу педиатра о том, что болеющий ребенок жаждет материнской любви, ощущая себя не-

любимым, что в ее силах ему наконец подарить это счастье волшебного чувства. Для него оно словно живая вода...

Но в ответ мама упорно молчала, удивленно смотря на доктора, очевидно пытаясь понять, почему он так пылко и рьяно защищал ребенка, защищал ее же ребенка перед нею самой. А потом откровенно сказала: «Не смогу подарить. Не люблю. И не буду любить никогда. Он же копия своего папы. А отца его я ненавижу. Он испортил мне жизнь. Понимаете... жизнь...» (А. Баркан, 2010. – С. 580). В эмпатическом восприятии нелюбимого ребенка А. Баркан представляет его как «ребенок с заплаканным сердцем... и с душой, где накрапывает вечный дождь... Нелюбимый ребенок... что может быть горше твоих горьких слез и страданий, твоей горькой судьбы... Ты не просто ведь лишь нелюбимый, ты... ты... нежеланный, ну а значит, незваный, ненужный и лишний в своей же семье, посетивший ее вопреки нежеланию самых близких тебе на планете людей и, скорее всего, своей собственной мамы».

Нелюбимый ребенок – это путь в нелюбимого взрослого. И вся жизнь твоя – из сплошных грез о том, что ты все-таки кому-то нужен, и погоня за призраком чьей-то любви. Но погоня твоя безуспешна, потому что ты просто не знаешь, что ищешь, что такое любовь, для тебя ж она только мираж. Чтоб мираж превратился в реальность, ее надо попробовать. Но как и где? Как попробуешь то, что тебе недоступно, то, чего ты не можешь достать, то, чего вокруг нет... То, чего еще не было.

Нелюбимый ребенок – ребенок с заплаканным сердцем, из которого слезы ты будешь потом выжимать, как из губки, всю свою нелюбимую жизнь, унижая порой сам себя.

Нелюбимый ребенок – ребенок, в душе у которого моросят постоянно дожди. Нелюбовь – не ярлык, а клеймо на всю жизнь на душе и на сердце такого ребенка. Эта жизнь с рубцом своего невезения, с непрощенным прощением своих обид. Это жизнь, когда ты смиряешься с ней, не смирившись.

Это жизнь, когда ты повержен и сломлен уже в самом начале пути, еще даже не сделав сам свой первый шаг, ведь вошел ты в нее без шагов, а спустился на землю с каких-то высот, облаками которых была твоя мама. И вдруг, вдруг оказался ненужным ей здесь.

Первый импринтинг твой – импринтинг нелюбви. Это понял ты сразу, заглянув ей в глаза. Ты смотрел на нее, а она отвернулась?! Испугалась, что ты все поймешь.

Но ты понял и так, ты... почувствовал это... еще даже когда не родился. А сейчас лишний раз убедился, что все это действительно так. И теперь это чувство все время с тобой, твоя жизнь – одна полутень, ты не видел еще солнечной стороны, солнечного сияния глаз

своей мамы. И тебе не хватает все время долгожданного места под солнцем любви.

Хотя, видимо, все-таки главное в том, что не брошен в роддоме, живешь, как и другие. Что накормлен, обут и одет. Но все это лишь для тебя как авансцена. В закулисье – сплошная душевная боль. И ты можешь ее передать по наследству, как тебе передали ее, будто бы эстафету семьи. Но зачем? Для чего? Почему и откуда? (А. Баркан, 2010. – С. 581–582). Нелюбимый ребенок, как замечает А. Баркан, «чувствует фальшь всех материнских имитаций, различает, какая деревня потемкинская. Так что вряд ли мы можем его обмануть. Себя легче. И многие мамы накидывают на себя балахон материнства вместо бального платья. Но под балахоном больше места, чтоб спрятать там чувство вины за свою нелюбовь, за его нежеланность, нежеланность, в которой виновата сама. Эти чувства толкают загладить вину и пустить пыль в глаза в это непосвященным — дорогие игрушки, дорогая одежда с малолетства уже даже от кутюрье, все, все, все самое потребительски ценное... все, все, все... кроме чувства любви.

Но чувство вины порождает агрессию, без конца провоцирующую конфликты в семье. В общем, замкнутый круг, где когда-то началом была нежеланность, а потом нелюбовь, та, которую вряд ли ты скроешь под гримом любви.

И опять нелюбимый малыш чувствует эту фальшь, несмотря на заботу и осуществление всевозможных соблазнов. Бесконечные Ваши «нельзя» и «не надо», неприятие шалостей и баловства – показателей нормы развития детства, критика всех его неумелых умений даже и без физического наказания все равно открывают ребенку глаза, хотя, в общем, что же здесь особого. Этот малыш знает, когда Вы к нему равнодушны, безразличны, не зная при этом, как он может заставить Вас вновь обратить на себя хоть на время внимание, понимая, что это почти невозможно, но на шалости и баловство – обратят» (А. Баркан, 2010. – С. 583).

«И вот именно чувство ненужности с первых дней появления такого ребенка на свет, очевидно, является главной «ценностью» его мироощущения.

И так целую жизнь, нелюбимый ребенок, доживая до старости, не сумеет понять, что же такое тепло, если даже бросает поленья в камин... Он живет, не живя, существуя, даже делая вид, что, мол, жизнь удалась, что добился всего, чего очень хотел, даже больше, назло всевозможным превратностям своей страшной судьбы. Да, действительно может добиться назло... Но душа-то его кровоточит...

А другой вариант несостоявшихся жизней нелюбимых детей в основном криминальный. Если б только Вы знали, как хочется мстить,

беспощадно, жестоко, всю жизнь... за то, что с рождения перед тобой всегда было лишь «разбитое» жизнью «корыто» без надежды на золоторыбкость» (А. Баркан, 2010. – С.584).

В заключение отметим, что и желанный ребенок не гарантирован, что всегда будет в доме желанным, любимым ребенком. Например, появление младшего ребенка или долгожданного ребенка другого пола может существенно изменить его ролевую позицию, появление в семье другого ребенка, его братика или сестрички, как замечает А. Баркан, является сильнейшим стрессом для первенца. Детонация очень и очень болезненна для кумира семьи первенца. И, страдая от ревности, бывший дает волю своим бесконечным фантазиям, лишний раз, убеждаясь, что стал нелюбимым. И особенно если к тому же родители своим необдуманным жестом, грубым словом показывают первенцу, в самом деле, свое неприятие его в данный момент, даже из-за усталости от бессонных ночей и проблем с малышом, он навряд ли проглотит потом эту обиду и за целую жизнь, мучаясь оттого, что когда-то его Вы предали.

Подтверждением сказанного может стать переполненное горечью открытие М. Цветаевой о том, что «Я у своей матери старшая дочь, но любимая – не я. Мною она гордится, вторую любит!».

«Не эта ли, не эта ль нелюбовь,– по мнению А. Баркан, – заставила Цветаеву когда-то метаться от одной земной любви к другой, ища пристанище своей измученной душе в безумных поцелуях и сумасшедше гениальных строчках, рожденных манией любви, которая все время ускользала, когда, казалось, уже была рядом с ней.

Не эта ль нелюбовь ее навеки, как Прометея к скале, приковала к «тому единственному, кого она не могла предать, ради другой земной любви и страсти?» Не эта ль нелюбовь ее, в конце концов, и погубила, ведь компенсацию ей она так и не нашла.

«Я у своей матери старшая дочь, но любимая – не я...». И это... оказалось на всю жизнь, и даже после жизни» (А. Баркан, 2010. – С. 592).

1.2. Девиантно-родительская типологизация детей в постнатальный период

В постнатальный период ролевые типы детей во многом определяются так же, как и в перинатальный (дородовый период) позитивным (симпатией, уважением, близостью) или негативным отношением

(антипатией, пренебрежением, отстраненностью), стилем воспитания, характером родительских отношений, типом семьи и др. Характеризуя ролевые позиции детей в гармоничных и дисгармоничных семьях, необходимо отметить их общую природу происхождения, заключающуюся в гипербализации неадекватной как положительной, так и отрицательной мотивации родителей (А.С. Спиваковская, 2000). В этой связи целесообразно выделить две группы детских ролевых типологий, различающихся по модальности родительских отношений.

1.3. Девиантно-псевдопозитивная родительская типологизация детей

В случаях гиперболизированной позитивной родительской мотивации ребенок может выполнять следующие роли:

«Любимчик» (по выражению Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса – «расширение сферы родительских чувств»). Чрезмерная концентрация на ребенке возникает чаще всего тогда, когда супружеские отношения почему-либо не удовлетворяют родителей (несоответствие характеров, эмоциональная холодность и т. д.) или отсутствуют (развод, смерть одного из супругов). Нередко при этом мать или (реже) отец, сами не осознавая, хотят, чтобы ребенок удовлетворил хотя бы отчасти потребности во взаимной исключительной привязанности, которые в гармоничной семье удовлетворяются в психологических отношениях супругов. Появляется стремление отдать ребенку (как правило, противоположного пола) «все чувства, «всю любовь». Нередко мать отказывается от повторного замужества, карьеры. В подростковом возрасте у родителей возникает страх перед самостоятельностью детей, желание удержать их. Характерны заявления матери о том, что ей никто не нужен, кроме сына, и многочисленные придирки к его подругам. Обычно родители при этом не осознают побудительных мотивов своего поведения (Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В., 2000, – С.– 524).

«Кумир семьи» – это ребенок, привыкший быть в центре внимания, его желания, просьбы беспрекословно выполняются, им восхищаются, а в результате, повзрослев, он не в состоянии правильно оценить свои возможности, преодолеть свой эгоцентризм.

«Вундеркинд», «надежда семьи». В основе роли лежит стремление родителей замещающим образом удовлетворить собственные неудовлетворенные потребности (например, проблемы с карьерным ростом, неудачный брак, ощущение собственной неполноценности и т,д.) и желание компенсировать это через идентификацию с ребенком.

В этом случае к ребенку предъявляются чрезмерно завышенные требования, а отношение к нему ставится в сильную зависимость от его успехов в спорте, в искусстве и т. д.

Нормальный ребенок. Нормальный тип ребенка, представляемый в идеале, отличается полной гармонией между умственным и физическим развитием. Сохраняя полную восприимчивость ко всему окружающему, ребенок нормального типа приучается рассуждать над полученными впечатлениями, постепенно и последовательно развивает свои умственные и физические способности, привыкает достигать всего необходимого собственными силами и по возможности участием в деятельности той среды, в которой он растет. Он активен, присматривается к нуждам окружающих, не ставит свои требования выше требований других и в особенности товарищей. Не прибегает к насильственным мерам. Разумные воздействия, направленные на него, достигают цели. Нормальный тип соединяет в себе все хорошие качества добродушного и угнетенного типов (П.Ф. Лесгафт).

Эту группу детей дополняет и ряд других детских типов («идеальный ребенок», «дочь – принцесса»), охарактеризованных в разделе акцентуированных детей.

«Бэби», «маленький ребенок» («предпочтение в ребенке детских качеств»). Даже повзрослевший воспринимается семьей только как ребенок, от которого ничего не зависит. Родители стараются игнорировать взросление детей, сохранить у них такие детские качества, как непосредственность, наивность, игривость, Одновременно снижается уровень требований к ребенку и стимулируется развитие психологического инфантилизма. Нередко родители открыто признают, что маленькие дети им нравятся больше, а с большими уже не так интересно. Такое отношение может быть обусловлено боязнью родителей переходить на новую стадию жизненного цикла, семейных взаимоотношений, неуверенностью в своих воспитательных возможностях (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, 2000).

«Баловень судьбы» или «избалованный ребенок». К этой категории избалованных детей относят тех, которым разрешено буквально все. Если родители отказывают таким детям в исполнении их желания, те отвечают вспышкой раздражения и начинают манипулировать родителями, устраивая им провокации (ломая вещи, угрожая побегом). Зачастую такие дети измеряют свою собственную значимость количеством полученных ими вещей. Получение какой-то вещи является для них показателем любви и признанием их весомого положения. Поскольку такие дети были воспитаны только «получать», когда родители отказывают им в чем-то, они могут переживать это как

угрозу их последующим взаимоотношениям. Это дети категории «дай мне!», то есть те, которые каждого встречают со словами: «А что ты мне принес?» (Б. Бернис, Г. Гарольд, В. Макоби, 2008).

«Вседозволенный ребенок» – это дети, выросшие в атмосфере вседозволенности. Такие дети обычно заставляют работать на себя всех своих домашних. Они разбрасывают вещи по всему дому; они пишут каракули на стенах или мебели; они приходят и уходят тогда, когда им захочется, не принимая во внимание время завтрака, обеда, ужина и т. д. Родители делают все, чтобы ни в коем случае не вызвать у ребенка чувства неудовлетворенности. У таких детей часто появляется ощущение, что им дано право получать все, что им захочется. Они могут затевать драку, когда им скучно, единственной ее целью служит желание развеяться и разогнать скуку.

Характеризуя роли вседозволенного ребенка, Б. Бернис, В. Макоби отмечают, что в отличие от избалованных детей вседозволенному ребенку родители не всегда дают те материальные вещи, которые он пожелал, но ему позволяют поступать так, как ему хочется, совершенно при этом не принимая во внимание то, как эти действия скажутся на других. Зачастую это делается под влиянием идеи, что очень важно дать ребенку возможность «выразить» себя, не испытывая при этом чувства разочарования.

«Пай-мальчик» или «застенчивый» ребенок, которого не слышно. Застенчивый ребенок, по мнению А. Баркан, это идеал: он робок, тих и удивительно послушен, безмолвен, словно тень, ни в чем Вам не перечит, похож на пластилин, который можно мять, как хочешь и когда захочешь, чтоб что-то вылепить или разрушить то, что было. Такой ребенок не устроит Вам истерику, в гостях не станет вождем краснокожих, а просто будет правильным «пай-мальчиком», своей воспитанностью потрясая всех вокруг.

Уже в три года он способен управлять собою и не выплескивать эмоции наружу. И кризис возраста трех лет проходит для него почти бескризисно.

Характеризуя подобных детей, А. Баркан отмечает, что такой ребенок – часть комфорта для родителей и удивительно удобен Вам: он есть... и в то же время его нет... вернее, нет тех атрибутов детства, которые лишают Вас покоя и создают Вам разные проблемы. Такой ребенок просто беспроблемен. Он словно Божий дар, в виде «небесной манны»...

И, наслаждаясь этой «манной», Вы вряд ли хоть когда-нибудь задумались над тем, за что Вам выпало такое, за что Вам в жизни повезло. И если это так удобно Вам, удобно ли все это для ребенка?

Застенчивый ребенок не шалун, не хулиган и не проказник... К тому же в играх он – не нападающая сторона. Пожалуй, он обычно вообще избегает игры, боясь, что что-то сделает не так.

Оценки сверстников ему не безразличны. Они, скорее всего, для него важнее, чем оценки мамы с папой, поэтому малыш не может перед сверстниками упасть в грязь лицом, особенно тогда, когда он в чем-то уступает им. Но если даже и не уступает, а делает намного лучше, чем другие и собирается все это показать, внезапно чей-то голос изнутри вдруг начинает вдалбливать ему: «Не смей; не надо, вдруг не получится, вдруг сделаешь не так, все будут над тобой смеяться и злословить, ты снова станешь хуже всех… Не смей, не надо...».

И вместо того чтобы сделать шаг вперед, ребенок просто отступает и отступает без предела (А. Баркан, 2010. – С. 114).

Характеризуя застенчивых детей, следует различать ситуативную и личностную, глубинную застенчивость. Первый тип застенчивости присущ большинству из нас. И если малыш смутился в адекватной ситуации, то это лишний раз указывает на его воспитанность.

Чаще всего эта «смущенность» присуща малышу, когда он вдруг из микроклимата семьи впервые вышел «в Мир» и удивился... что в этом «Мире» есть другие люди, которые похожи на него и в то же время совсем не похожи. Понравится ли он им или нет? Враждебны они к нему или не враждебны?

Эти проявления застенчивости не являются следствием родительского воспитания, когда родители не «заставляют» своего ребенка быть застенчивым, не проектируют эту черту в модели его жизни и не подыскивают роли для него в семье, базирующиеся на застенчивости.

Второй тип застенчивости проявляется в том, что ребенок постоянно пуглив, как лань, нем, словно рыба, и послушен, как слуга; когда он по любому поводу краснеет, смущенно отводя глаза, замирая; когда в присутствии других все почему-то вдруг внезапно валится из его рук и он уже не может делать то, что делал; когда он заикается на людях… или несет сплошную чушь без остановки, способный на любые непредвиденные глупости, тогда все это уже можно будет отнести к симптомам прогрессирующей или нарастающей застенчивости.

Данный тип детской застенчивости является результатом оранжерейного семейного климата, в котором создаются все условия для процветания застенчивости, она подобна сорняку, который невозможно вырвать – так он живуч и так неувядаем. И если мы, в конце концов, и в самом деле не вырвем с корнем все-таки его, он «засорит» жизнь ребенка и в дальнейшем, даже тогда, когда он станет взрослым и превратится сам вдруг неожиданно для всех в застенчивую маму или

же в застенчивого папу. А у застенчивых родителей, как правило, застенчивые дети. Бытует даже мнение, что будто бы застенчивость наследственна. Но до сих пор не найден ген застенчивости, и думается, что он вряд ли будет найден (А. Баркан, 2010. – С. 116).

Более пагубные последствия для формирования личности ребенка имеют роли негативного плана, с помощью которых не только фиксируется низкая ценность ребенка в семье, но и деформируется система отношений личности, составляющая ядро характера.

Многие из приведенных ниже негативных детских ролей носят обыденный эмоционально-экспрессивный характер. К числу таких детских ролевых типов относят следующие типы:

«Ужасный ребенок» – это ребенок, вынуждаемый играть эту роль в силу ожиданий старших членов семьи или ближайшего окружения. Кроме слова «ужасный», как отмечает А. Баркан, (2010), его не называют никак, а если даже пытались дать какое-то другое определение, он с готовностью сам напоминал – кем является на самом деле, принимая, очевидно, слово «ужасный» за верх похвалы его достоинств. Данный ребенок воспринимается в семье как субъект, создающий лишь хлопоты и напряженные ситуации. Он непослушен, своеволен, лишен чувства долга и даже злонамерен, поскольку многие его поступки можно рассматривать как действия назло взрослым. Все в семье только и делают, что приводят его к порядку бесконечными выговорами и наказаниями. Все это было бы понятно, когда вел так себя ребенок во время кризиса трех лет, его негативизм, упрямство еще хоть как-то можно было даже научно объяснить. Но чем объяснить его поведение сейчас, когда этот кризис позади, когда он стал взрослее и умнее. В данный момент ему нравится не столько возражать, сколько нарушать нормы этики общества. Ему нравится быть «ужасным ребенком» и оправдывать это понятие.

Он при всех может грязной рукой схватить хлеб со стола, гостям что-то сказать непристойное, пойти в театр одетым, как бомж, наступить «невзначай» Вам на ногу, не сказав «извините», и курить с малолетства специально, назло, демонстрируя это другим.

В общем, справиться с ним невозможно. Он особого сорта, но не первого. В нем есть «брак». Но откуда же и почему? Ведь родился почти совершенством.

Впоследствии «ужасный ребенок» кажется еще более ужасным, обретая роль «мучителя».

«Мучитель семьи» – это ребенок оправдывает свою роль. В силу определенных причин природного и социального характера его психический склад представляет немалые трудности для воспитания. Однако

не всегда дело заключается в самом ребенке. За приписыванием ему данной роли может скрываться ситуация мнимого сотрудничества в семье, из плохого поведения ребенка делается своего рода внутрисемейный «фетиш», парадоксальным образом сплачивающий эмоционально разобщенных людей. Порой попытка навязать ребенку роль «мучителя», как отмечает В.М. Целуйко, связана с внутрисемейным соперничеством: перелагая друг на друга вину за «распущенность» ребенка, взрослые сознательно добиваются самоутверждения в семье. Подобный ход кого-либо из старших может служить также средством самоустранения от заботы о ребенке («Вы его распустили – вы за него и отвечайте!»), либо средством изоляции в семье кого-то из ее членов. Например, таким путем может оправдаться изоляция бабушки или отца ребенка, так как они попустительствуют его капризам. Возможны случаи, когда приписывание ребенку роли «ужасного» является способом изолировать от семьи самого ребенка. Наиболее вероятен подобный вариант в семьях, где есть ребенок от первого брака и рождается второй, на котором концентрируются все нежные чувства взрослых. Старший ребенок не может не реагировать на это обидой и ревностью: он начинает ощущать себя ненужным и нелюбимым. Чувства эти постепенно и незаметно накапливаются в душе ребенка. Потом какой-то один факт, в результате которого он наиболее ярко ощущает свою незначимость в семье, вдруг вызывает сильную, казалось бы, не соответствующую ситуации эмоциональную реакцию ребенка – реакцию протеста (непослушание, капризы, действия «назло»). Такими реакциями ребенок пытается вернуть себе утраченное внимание взрослых и заставить их заниматься им. Взрослые, однако, используют эти реакции для того, чтобы объявить ребенка «ужасным» и тем самым оправдать в собственных глазах его изоляцию. Его «плохость», «испорченность» для родителей и окружающих становится очевидной, он все больше теряет доверие и родительскую теплоту (В.М. Целуйко, 2007. – С. 97).

Большинству родителей таких детей, как полагает А. Баркан, в самом деле, почти всегда неизвестно – что случилось и в чем их вина? За что выпала им эта доля? Просто стыдно уже отвечать на звонки и смотреть в глаза людям, то и дело пытающимся обвинить их ребенка в антисоциальных поступках, почти ставших нормой его жизни сегодня.

Но если еще родителям хоть как-то приходится «мириться» с создавшимся положением, касавшимся их ребенка, для постороннего он просто невыносим и является нарушителем их спокойствия.

Мало того, что для него нормы этики просто пустой звук, так он еще и демонстрирует это, хотя психика в норме и нет предпосылок «вытворять» ему это. Очень трудный ребенок и неуправляемый. С ним не

справиться даже сейчас, а что будет потом, когда станет подростком? Тогда будет расцвет странных качеств ребенка, приводящих родителей в шок каждый день (А. Баркан, 2010. – С. 457).

Но что, собственно, делает Ваш ребенок, недостойное человека? Чем выводит он Вас и других? Почему уже лопнуло Ваше терпение?

Да только лишь потому, что сто раз объясняя ребенку, что такое хорошо и плохо, он как будто бы назло Вам в обществе людей выбирает именно то, что плохо, доводя Вас временами чуть ли не до белого каления. Лучше бы вообще Вы не внушали ему эти нормы. Мог додуматься и сам, смотря на других. А сейчас он выясняет с помощью их свое отношение с родителями, делая все наоборот. Будто бы учили Вы его ходить вверх ногами и жить «наизнанку». И теперь живет он «шиворот-навыворот», отрицая общепринятые взгляды, хотя сам еще лишь несмышленыш.

Возмущать, раздражать все вокруг, по мнению А. Баркан, – это его часть. Это красная тряпка в корриде его отношений с другими, а особенно с мамой и папой.

К сожалению, со временем быть «ужасным» ребенком или семейным «мучителем» у детей с синдромом «негативного самопредъявления» становится их существенной необходимостью, чуть ли не основной чертой характера, а реакция посторонних на все их «забавы» превращается в своеобразный чернозем, дающий прорасти росткам этой черты. Осуждая такие поступки, Вы тем самым провоцируете их (А. Баркан, 2010. – С. 458).

Объяснение данной роли ребенка отдельные авторы (А.Л. Венгер, А. Баркан) связывают с проявлением синдрома «негативного самопредъявления», при котором ребенок привлекает к себе Ваше внимание не «изысканной» вежливостью, а нарушением правил общественного поведения и социальных норм. Причем все это происходит умышленно, а не стихийно, раздражая всех тех, кто его окружает. И, по-видимому, это невольное раздражение – именно то, чего он добивается.

Никаких существенных и оправдывающих подобное поведение причин у Вашего ребенка в данный момент нет. Он здоров, совершенно здоров, если не принимать во внимание это жуткое поведение. Причиной такого поведения может служить расцвет не только самосознания нигилиста, но и, по мнению А.Л. Венгера, появившийся синдром «демонстративного нигилизма». Такой подросток будет шокировать окружающих не только вызывающей внешностью с петушиным гребнем из клока волос, но и гипердемонстрацией своих вредных привычек – от курения до алкоголизма. Причем это вовсе не будет означать, что он действительно наслаждается сигаретами и вином.

Главное – показать, что недозволенное другим ему дозволено, вопреки нареканиям родителей и учителей. Находясь в центре внимания детей и взрослых, благодаря своему экстравагантному поведению и экстравагантной внешности, ребенок или подросток по-своему утверждает себя как личность, свое особое «Я». И будь он даже «семи пядей во лбу», этого никто не заметит, потому что его эпатажные проявления – главное, что создает о нем общественное мнение.

Однако, если синдром «негативного самопредъявления» или синдром «демонстративного нигилизма» – не проявление какого-то заболевания, то возникает вопрос: почему он проявился именно у Вашего ребенка, а не у детей соседки? Отвечая на этот вопрос, А. Баркан отмечает: «Да потому, что скорее всего Ваша соседка любит своих детей безоценочной, искренней любовью, уделяя им массу внимания каждый день и без «важного» повода. Ну и Вы, очевидно, так заняты, что ребенок Ваш на заднем плане. И «семь пядей во лбу» его Вам безразличны.

Но зато когда он привлекает внимание окружающих своей этой лихой нестандартностью, отрицанием всех и всего, Вы невольно ему уделяете тоже «негативное» свое внимание, от упреков до более действенных мер.

Пусть упреки, ремень… не имеет значения. Цель достигнута – Вы обратили внимание на него, нелюбимого, по его мнению, заменимого всеми и всем. Значит, все-таки он Вам, хотя б таким, нужен. И его нигилизм не напрасен. Быть «ужасным» ребенком не так уж плохо, когда холоден в доме очаг» (А. Баркан, 2010. – С. 456).

Для «ужасного ребенка», или «мучителя», важнее всего, по мнению А. Баркан, быть в центре внимания. А какого – ему безразлично. Он лишь прочно усвоил, что этого внимания ему легче добиться своей «нестандартностью» или неблаговидностью многих поступков, чем шаблонами норм нашей этики. А освоив все это, и выбрал свой путь, антипуть для нас с Вами, но не для него.

В то же время детский нигилизм может быть и реакцией протеста на конфликты в семье и ссоры родителей, на неудавшиеся взаимоотношения со сверстниками (А. Баркан, 2010. – С. 458).

Ролевой тип ребенка «козел отпущения». Роль «козла отпущения» заключается в том, что ребенок служит громоотводом для разрядки эмоций родителей, испытывающих конфликтные, фрустрирующие переживания в семье или вне ее. В основе этой роли также лежит механизм замещения, позволяющий адресовать негативные эмоции лицу, не способному дать отпор. Ребенок же очень часто является самым беззащитным членом семьи.

Ребенок в роли семейного «козла отпущения». Для всех членов семьи однозначно плох, а это дает им возможность разряжать на нем свое раздражение, возникающее вследствие неудовлетворенности браком или недовольства друг другом. Ребенок становится в таких случаях самым удобным объектом для выражения накопившегося негодования. Во-первых, он не даст сдачи. Во-вторых, всегда можно найти повод для выплескивания на ребенка своей агрессии: то он недостаточно опрятен, то сделал что-то наперекор, а то и вовсе не так смотрит, т. е. объект для разрядки психического напряжения без особого труда находится всегда.

Постоянно ощущая недовольство со стороны родителей, ребенок постепенно начинает осмысливать себя как «плохого, ни на что не способного», как человека, «достойного всяческих порицаний». Следует заметить, что общей для детей в положении «козла отпущения» является только низкая самооценка, а приспосабливается к данной структуре межличностных отношений каждый по-своему. Одни принимают роль «серой мышки» («забитого»): они начинают бояться наказаний за любое свое высказывание и любой поступок, а поэтому стараются как можно меньше попадаться на глаза родителям. Такие дети оставляют впечатление замкнутых в себе, «загнанных» детей, которые с большим недоверием и ожиданием наказания смотрят на окружающих. Стремятся быть незаметными (В.М. Целуйко, 2007. – С. 98).

Роль «путающегося под ногами». Ребенок чувствует, что всем мешает и вызывает у домашних одно раздражение. Такие дети развивают в себе способность противостоять нападкам родителей, ведут себя по отношению к ним все более агрессивно, становясь со временем неудобным «объектом» для эмоциональной разрядки. Чувствуя себя эмоционально отвергнутым, такой ребенок своим поведением бросает вызов семье. Закрепившееся в его сознании чувство гнева, желание бросить вызов окружающим постоянно затрудняют его адаптацию не только в семье, но и за ее пределами; могут привести к отклонениям в поведении. Иногда родители спохватываются и, пытаясь наверстать упущенное, усиленно взывают к совести ребенка, надеясь, что он сам в душе будет корить себя за всякий неблаговидный поступок. К сожалению, их увещевания ни к чему хорошему не приводят: он привык к тому, что за любую ошибку или шалость его неизбежно сурово наказывают, а поэтому совесть его приучается бездействовать. К чему наказывать самого себя, если тебя и так накажут? Вместо укоров совести, на которые рассчитывают родители, ребенок в этой ситуации чувствует лишь обиду и подспудную жажду мщения. В других же случаях, видя опасность своих выходок (наказание будет слишком жестоким), он рано приучается хитрить, сваливать свою

вину на других детей либо на взрослых, искать поддержку у одного из членов семьи, чтобы спастись от притеснений другого. Так за ним закрепляется роль «маленького хитреца» (разновидность роли «ужасного ребенка») (В.М. Целуйко, 2007. – С. 99).

Роль «Золушки» формируется в обстановке эмоциональной отверженности, безразличия, холодности. Ребенок чувствует, что отец или мать его не любят, тяготятся им, хотя посторонним может казаться, что родители достаточно внимательны и добры к нему. «Нет ничего хуже притворства доброты, – писал Л. Толстой, – притворство доброты отталкивает больше, чем откровенная злоба». Ребенок переживает особенно сильно, если кого-то другого из членов семьи любят больше. Такая ситуация способствует появлению неврозов, чрезмерной чувствительности к невзгодам или озлобленности детей. Независимо от своего поведения, ребенок не получает одобрения, зато замечаются все его недочеты, и на него постоянно, чаще всего незаслуженно, сыплется град замечаний и упреков, а нередко – и физических наказаний. В данном случае присутствует явное или скрытое эмоциональное отторжение ребенка другими членами семьи. Из него откровенно делают прислугу в доме, а все лучшее, включая поощрения, принадлежит в семье другим детям или взрослым, как отмечает В.М. Целуйко.

Ребенка в роли «Золушки», как правило, не любят, ему это постоянно показывают, и на этот счет у него нет никаких иллюзий. Он реагирует на эту горькую истину по-разному: замыкается, уходит в мир фантазий и мечтаний о сказочном разрешении собственных проблем, пытается вызвать к себе жалость, угождает родителям, чтобы они его наконец-то полюбили, старается обратить на себя внимание (иногда – хорошей учебой, порой – хулиганством), ожесточается, мстит родителям за презрение к нему.

Ребенок, вынужденно оказавшийся в семье в ситуации «Золушки», становится неуверенным в себе, завистливым и несамостоятельным. Став взрослым, он может так и не избавиться от данного склада характера, остается тревожно-мнительным, старательным, безответственным и привязчивым. Ему свойственна мучительная неуверенность в себе, связанная со стремлением проверять и перепроверять каждое свое действие (именно этого от него требовали в детстве старшие). Из-за неуверенности в себе такой человек мучительно застенчив и испытывает немалые трудности в контактах, что не позволяет ему сполна раскрыть свои способности в жизни. В свое время Н. Г. Чернышевский писал, что ребенок, который переносит меньше оскорблений, вырастает человеком, более осознающим свое достоинство. Это вовсе не означает, что проступки детей надо игнорировать. Нет, каждый ребенок должен

знать, что любой его неблаговидный поступок осуждается, но сам он при этом остается для родителей любимым. В последнее время психологи все чаще говорят о том, что если ребенка не любили в детстве, то он может вырасти холодным, а иногда и жестоким человеком, неспособным на теплые чувства.

Роль «хулигана». Это ребенок, представляемый родителями как «неисправимый», «трудный» и т. п. В основе этой роли часто лежит «проекция на подростка собственных нежелательных качеств». Родитель видит в подростке черты характера, свойственные самому себе, но не желает их признавать. Это могут быть, например: агрессивность, склонность к лени, неряшливость, влечение к алкоголю, негативизм, несдержанность. Ведя борьбу с этими реальными или мнимыми качествами подростка, родитель (чаще отец) извлекает из нее эмоциональную выгоду для себя. Такие родители много и охотно говорят о своей непримиримой и постоянной борьбе с отрицательными чертами и слабостями подростков, о наказаниях. В то же время в их высказываниях сквозит неверие в действенность этой борьбы, так как ребенок «по натуре» такой.

ГЛАВА 2. ДЕВИАНТНО-АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ

Акцентуации характера (лат: accentus и англ. chara cter accentuation – ударение) – введенное К. Леонгардом понятие, означающее чрезмерную выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющую крайние варианты нормы, граничащие с психопатиями.

К. Леонгард определяет акцентуации характера как крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий, при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим.

Акцентуация характера, по Личко, – это чрезмерное усиление отдельных черт характера, при котором наблюдаются не выходящие за пределы нормы отклонения в психологии и поведении человека, граничащие с патологией.

При незначительной степени эти черты остаются незаметными для окружающих. Но если они достигают определенной силы, то накладывают свой отпечаток на личность, проявляются как акцент характера, отпечаток своеобразия (акцентуация характера). Акцентуированные личности готовы как к социально-положительному, так и к социально-отрицательному развитию.

В зависимости от степени выраженности было выделено две степени акцентуации характера: явная и скрытая (А. Личко, А. Александров).

Явная акцентуация относится к крайним вариантам нормы. Она отличается наличием довольно постоянных черт определенного типа характера. Особенности характера часто заостряются в подростковом возрасте. При повзрослении они остаются достаточно выраженными, но компенсируются и обычно не мешают адаптации.

Скрытая акцентуация относится к обычным вариантам нормы. В привычных условиях черты определенного типа характера выражены слабо или не проявляются совсем. Даже при продолжительном наблюдении трудно бывает составить четкое представление об определенном

типе характера. Однако черты этого типа могут ярко, порой неожиданно, выявиться под влиянием тех ситуаций и психических травм, которые предъявляют повышенные требования к «месту наименьшего сопротивления».

Возникновение акцентуированных или заостренных черт личности можно объяснить определенными жизненными обстоятельствами, воспитанием и отчасти природой, которая поставила своеобразный акцент на отдельных свойствах организма, при умеренном проявлении других.

Как указывает К. Леонгард, акцентуированными лицами следовало бы называть только тех людей, которые до такой степени отклоняются от средней нормы, что даже при отсутствии внешне неблагоприятных условий испытывают трудности в приспособлении к жизни. Вместе с тем не при всякой незначительной особенности человека следует говорить об отклонении его от средней нормы. Но даже если мы достаточно широко очертим то, что называется средним или не бросающимся в глаза, останется большое число людей, которых следует называть акцентуированными личностями. Симптомами акцентуированности характера служат стабильность, тотальность и дезадаптивность их проявлений. Вследствие этого типы акцентуации характера, выделенные К. Леонгардом и А. Е. Личко, проявляются у детей неодинаково: у одних они выражены в меру, у других некоторые из этих свойств значительно обострены. Учитывая сказанное, типологизация детских характерологических акцентуаций осуществлялась с учетом явных проявлений симптомов акцентуированности, присутствующих в типологических характеристиках детей, выделенных целым рядом таких известных авторов, как Ф. Шольц, П.Ф. Лесгафт, Э. Фуллер, А. Баркан, О. Маховская и др.

Следуя этой логике, на основе анализа описательных характеристик детских типов были выделены типы явных характерологических детских акцентуаций, представленных в указанных авторских типологиях детей. Вместе с тем в ходе типологизации детей по явным проявлениям акцентуаций мы нередко испытывали затруднения при отнесении тех или иных характерологических особенностей детей к определенному акцентуированному типу либо в силу наличия в одном типе нескольких доминирующих акцентуаций, либо наличия скрытых акцентуаций, противоречащих явным акцентуированным проявлениям. Исходя из этого, представленная нами типологизация детей по характерологическим акцентуациям не лишена погрешностей, требующих дополнительного осмысления. Ниже приведены обобщенные типологии детских акцентуаций.

2.1. Дети-акцентуалы демонстративного типа

Центральной особенностью демонстративной личности является потребность и постоянное стремление произвести впечатление, привлечь к себе внимание, быть в центре. Это проявляется в тщеславном, часто нарочитом, поведении, в частности, в таких чертах, как самовосхваление, восприятие и преподнесение себя как центрального персонажа любой ситуации. Значительная доля того, что такой ребенок говорит о себе, часто оказывается плодом его фантазии или же значительно приукрашенным изложением событий.

Главными особенностями при демонстративной акцентуации являются: жажда внимания к собственной персоне, эгоцентризм, желание выделяться, быть в центре внимания. Эта особенность обусловливает как само поведение демонстративного акцентуанта, так и особенности психолого-педагогического взаимодействия с ним. Они склонны к вытеснению из сознания неприятных фактов и событий, собственных ошибок и недостатков, что проявляется в лживости, фантазировании, притворстве. Характерны также авантюристичность, тщеславие. При неудовлетворенной потребности в признании может происходить «бегство в болезнь». Проявляется в раннем детстве в виде страстного желания быть в центре внимания (участвуют в художественной самодеятельности). Хорошо адаптируются. В подростковом возрасте желание быть в центре внимания усиливается, что может найти выражение в асоциальном поведении. Поскольку не умеют занять себя сами – выражено стремление к группированию, но в компаниях не задерживаются. Обеспокоены своим внешним видом и здоровьем. Больше говорят, чем делают. Характерна поверхностность как чувств, так и мышления. Теплых чувств, любви, как правило, не испытывают вследствие крайней эгоистичности своей натуры. Носят яркие одежды.

Стрессором для демонстративного акцентуала может служить подчеркнутое игнорирование такой личности, отношение к ней по принципу: «Ты ничем не выделяешься на общем фоне» является исключительно сильной мерой воздействия. Реакция на такую позицию может быть самой разнообразной: от гиперактуализации демонстративной потребности до аффективного взрыва, в форме демонстративной делинквентности и даже демонстративного суицида. Потребность привлечь к себе внимание, не находя удовлетворения, может привести в конечном счете к попытке самоубийства или к словесным угрозам его совершения. Что же касается делинквентности, то возможным мотивом

противоправного поведения действительно может стать желание привлечь к себе внимание, если оно не находит иного выхода. Впрочем, чаще всего эта проблема решается через фантазирование, педалирование собственных криминальных наклонностей.

Демонстративным детям свойственна озабоченность впечатлением, производимым на окружающих. Одна из главных черт занимает «актерство» в общении и самовыражении. Дети этого типа эгоистичны и хвастливы. При встрече с трудностями эмоциональный задор у них теряется. При невозможности произвести внешний эффект нередко обвиняют окружающих. Во взаимодействии с другими людьми могут быть довольно конфликтны.

Ребенок – «кривляка» постоянно паясничает, кривляется, строит рожицы. Свое хорошее настроение Ваш ребенок пытается передать и другим, особенно маме и папе. Ведь ему, как никому другому, известно, какими добрыми, ласковыми и нежными становятся родители, когда им весело и хорошо.

Что он вытворяет, когда рядом с ним кто-то вдруг из родных загрустит, не опишешь словами. Это зрелище надо увидеть. Корчит рожицы и пародирует всех, попугайничает или же обезьянничает, заставляя от шуток своих хохотать, даже когда тебе не до смеха.

По мнению А. Баркан (2010), баловство этого ребенка – родник радости, главной предтечи ощущения счастья. Как чист он, как чисты его помыслы, если, даже кривляясь, он, пародируя, заставляет смеяться над самим собой других.

Да, всплеск радости шалуна, по его мнению, должен окатить нечто подобным и других. Ему хочется разделить эту радость со всеми, особенно с близкими людьми. А радости у здорового ребенка, растущего в благоприятной семье, неиссякаемы – это и поцелуй, и похвала родителей, и новая игрушка, и поход в гости, и солнечное утро, и солнечный день.

Желание поднять настроение своих близких или просто знакомых людей растет на дрожжах детской непосредственности ребенка. И, чувствуя, что это нравится другим, а не только ему, что это хорошо, а не плохо, он придумывает все новые и новые веселящие трюки, совершенствуя свою клоунаду ради блага родных.

Анализируя поведение детей-«кривляк», очень важно выявить истоки этой роли. В одном случае, – как отмечает А. Баркан, – такой ребенок любит смеяться и сам вызывать улыбку, обладая врожденным чувством юмора. Кстати, одной из общепризнанных черт талантливого ребенка и является это чувство юмора. Поэтому тонко чувствующему юмор вундеркинду легко «заразить» им и свое окружение.

В другом случае эту роль вынужденно выполняет другой ребенок, превращаясь в классе в паяца, только бы стать немного «своим», чтобы как-то задобрить «судей», чтоб «понравиться» всем, быть «на равных». Он придумал «прокрустово ложе» стандартности для своей нестандартности, чтобы как-то выжить в нашем мире, где чтят во всем «норму». Подобную роль могут выполнять и дети, отстающие по каким-то умениям от своих сверстников. И наконец, шутовство и паясничанье только ради причины для смеха – это и возрастная особенность младших дошкольников, характеризующая их «бьющую через край» эмоциональность, коллекционирующую поводы для захлебывания от веселья как способа самоутверждения в роли эмоциональной актуализации своего статуса в семье после появления младшего брата или сестры. В таком случае кривлянье и шутовство – это не только повод показать себя не чужим, но и выход наружу и отражение внутреннего дискомфорта ребенка. А что смех его грустен – известно лишь только ему. И играть роль шута для него – компенсация за утраченную почему-то или так и не познанную им любовь безгранично любимых им мамы и папы» (А. Баркан, 2010. – С. 478).

В то же время надо иметь в виду и то, что кривлянье и паясничанье, как указывает А. Баркан, может стать также чертой характера не только из-за врожденного чувства юмора, но из-за особенностей воспитания ребенка в условиях семьи. Так, воспитывая малыша как кумира, позволяя ему самые умопомрачительные выходки и одобряя любую его дурашливость, любые пародии на всех и всякого, невзирая на авторитеты, родителям кажется все это нормой, достойной для внедрения в жизнь. И, живя по привычке, сам ребенок переносит подобную норму в свое будущее, создавая в дальнейшем проблемы не только себе, но и многим его окружающим людям. Речь идет о том, что взрослеющий ребенок может поневоле в течение жизни оставаться в роли паяца, шута, клоуна, разбрасывая брызги веселья на фоне своей несостоятельности. Родителям очень важно иметь в виду и ряд таких моментов, как:

– паясничанье и шутовство, если нет таких серьезных причин, – это завуалированное проявление скрытого актерского дара, склонность к подобной деятельности и эмоциональному лидерству;

– паясничанье и кривлянье часто свойственны детям с заниженной самооценкой. А цирк в доме или в гостях – крик о помощи! Только Вы его вряд ли хотите услышать;

– передразнивание физических недостатков какого-то человека;

– отсутствия у ребенка-«кривляки» чувства сострадательности, эмпатии и толерантности.

В заключение хочется пожелать современным родителям перенять опыт Пифагора как высокого ценителя смеха и в своей родительской практике не раздражаться по поводу шалостей и баловства, а смеяться с детьми над самими собой, начиная свой день так, как принято было в школе ученого, с импровизированных слов: «Что я сделал, чтобы мой ребенок смеялся? Чего я не успел для этого сделать? Что осталось еще предпринять, чтобы мой ребенок наслаждался весельем и радостью?..»

Дети – обворожители. Главная цель демонстративного ребенка – заставить окружающих людей как можно дольше любоваться его достоинствами – истинными или мнимыми, воздвигнувшими его на пьедестал. Обычно у таких детей – особый дар обворожительности, благодаря которому ребенок способен вызывать симпатию к себе, особенно у воспитателей или учителей, пленяя их своею обходительностью.

Такие дети перед теми, от кого зависят, по мнению А. Баркан, невольно превращаются в хамелеонов, играя роли паинек и потрясая своею вежливостью и дисциплинированностью. Им ничего не стоит даже «отречься от себя» при первой же необходимости, лишь только б «услужить» тому, кто в данный момент нужен. Порядочность их «потрясает».

Одним из заметных достоинств таких детей является их артистизм. А сценой для «демонстрации» себя может быть окружение ребенка, в центре внимания которого всегда хочется быть для удовлетворения почти гипертрофированной потребности во внимании к собственной особе. Но как достичь такого внимания – они «режиссируют» сами: от манерничанья и кривлянья до превращения себя в «пай-мальчиков» и «идеальных» детей. Главное – быть не такими, как все. Но быть такими, чтоб другим это было заметно, чтоб они вызывали повышенный интерес остальных к своей личности, чтоб всегда выделялись среди равных и лишь бы были в центре круга. Особое внимание демонстративные дети уделяют одежде. Их одежда, как отмечает А. Баркан, должна отличаться от одежды ровесников, пускай будет почти папуасская, но единственная в своем роде. Они сами придумывают «воланы» и «бантики», подбирают цвета ярче, чем попугайные, или же превращаются в «мрачную тучу» в ясный, солнечный день, выезжая на дачу. Девочки этого типа способны как взрослые подобрать к платью новый аксессуар такой, что, наверное, сам бы Юдашкин захотел брать уроки их мастерства.

А для этого девочка все свободное время наряжается, делает «фокусы» с волосами, репетирует даже улыбки... Только б нравиться… только бы нравиться... безразлично кому, и быть в центре внимания. Всем гостям говорит небылицы о себе, веря в них и других, заставляя

в них верить. Где бахвальство, где правда – никак не поймешь. Лишь бы ею восхищались. Остальное – не важно. (А. Баркан, 2010. – С. 430). Демонстративные дети выбирают игрушки, каких нет у других, даже если они их не интересуют. Важно, чтобы их видели сверстники.

Если что-то читают, так только лишь то, чем возможно кичиться в среде остальных.

Они готовы даже выдумать себе какую-то болезнь, лишь только б это мнимое заболевание удерживало их в центре внимания.

Главный смысл их жизни, как и содержание ее, – это оценка их другими, которых надо им «обворожить» неповторимой уникальностью своей, замешанной на дрожжах хвастовства, Демонстративным детям все равно, ругаете Вы или поощряете их. Ведь главное не в этом, а во внимании к ним. Катастрофой для них является только одно – лишение внимания, отсутствие аудитории и зрителей. Все остальное – исправимо.

Стремление к «непохожести», подчеркивание своих «преимуществ» может происходить у них за счет обесценивания преимуществ другого ребенка, превращенного в невольного конкурента или соперника.

В отличие от обидчивых детей демонстративный ребенок не сторонится конкурентов, а, напротив, привлекает к себе их внимание, нередко являясь заводилой в играх, не обладая особыми качествами лидеров, но даже этим подчеркивая свою успешность общения со сверстниками.

Ожидание успеха над конкурентами – своеобразный озон их утверждения себя в обществе, реабилитация их ненасытного самомнения, бальзам для самолюбивого «Я». Поэтому, когда им не везет, на помощь призываются скрытые защитные фантазии, граничащие с ложью, лишь только б обратить на себя чье-то внимание.

Но, как справедливо замечает А. Баркан, видеть вокруг только конкурентов – вряд ли посильный груз для нервной системы малыша. И полный жажды восхищения такой ребенок живет все время в атмосфере зависти, тревоги, конкуренции, невольно ожидая в каждом встречном найти соперника, затмившего его. И чтобы его не «затмили», он стремится еще ярче демонстрировать свою демонстративность, хотя бы став «вороной в павлиньих перьях», если нет своих (А. Баркан, 2010. – С. 435).

Дети – нарциссы («испорченные стервы»). Матери после двух мальчишек дочка казалась маленьким чудом. Мать была просто очарована дочкой, делая для нее то, чего ей самой и во сне не снилось: золотые локоны, нежная кожа, ласковый нрав. Мать была просто очарована и неустанно повторяла: «Ты – моя драгоценность, мой ангел, маленькая принцесса».

Но мне пришлось понять, что принцессам не место в реальной жизни. Они живут в сказках. А в жизни жить рядом с принцессой – тяжкий труд.

Мать это поняла, когда дочь, войдя в ее комнату, сказала: «Причеши мне волосы. И на этот раз все сделай правильно!» Последующие наблюдения матери за дочерью показали, как ведет себя дочь.

Она всегда получала то, что хотела. Она всегда командовала. Если приказ не приносил результатов, она переходила к истерикам и слезам. Этот ребенок получал все от всех – от братьев, отца, бабушки с дедушкой, друзей, но ничего не давал взамен. В лучшем случае можно было рассчитывать на улыбку.

Скоро мать обнаружила, что, когда дочь не получает желаемое, она не стесняется в выражениях. Она могла услышать в свой адрес все, что угодно – от «глупая» и «злая», до «ты не настоящая мать!». Иногда она даже добавляла: «Я тебя больше не люблю!» И тогда мать неожиданно все это поняла. Ее маленькая принцесса – испорченная «стерва». Труднее всего пришлось отцу, который говорил ей об этом, но та никогда его не слушала. Более того, когда он пытался как-то воздействовать на дочь, она вмешивалась. Для этой девочки не было авторитетов!

Как-то раз мать запретила ей смотреть телевизор, пока она не сделает домашнее задание. Дочь назвала маму злой и сказала, что ненавидит ее. А однажды умотанную ее школьными заботами мать «принцесса» назвала «злой ведьмой» лишь потому, что та не захотела идти с ней через целый квартал за конфетами. «Принцесса» так привыкла требовать и получать, что не умела говорить иначе. Теперь матери предстоит показать другие материнские возможности, чтобы из «стервы» сделать настоящую принцессу и дочь (Ф. Фабер, Э. Мазлиш, 2012. С. 115).

Болтливый ребенок. Помимо дислексии (отставание в речевом развитии), в детской среде нередко встречается и чрезмерная говорливость (вербализм). Она выражается в том, что ребенок не только говорит быстро и нечетко – это-то нормально для начальной неразвитой речи, а в том, что он не реагирует на ответные реакции, не слушает, что ему отвечают, о чем просят. То, о чем он говорит, может не иметь никакого отношения к тому, что он делает, и к тому, что находится в поле зрения. Такое впечатление, что речевой поток сам по себе, а жизнь сама по себе.

«Болтливый» ребенок не устает говорить, хотя любой взрослый через пару часов непрерывного говорения почувствовал бы усталость и желание побыть в покое. Данный феномен находит четкое отражение в следующих выражениях: «Мой ребенок говорит без умолку,

просто птица-говорун!», «От него голова гудит. Даже во сне бормочет», «Разве это прилично, вмешиваться в разговор взрослых?», «Она рано заговорила, но я начала жалеть об этом». Особенно говорливы дети актеров, радиожурналистов, несколько реже – дети педагогов. Говоря о непродуктивности и неадекватности вербализма, следует иметь в виду ряд закономерностей в развитии речевых способностей. Так, в 1–2 года ребенок переживает первый вербальный бум. В это время он начинает активно усваивать слова, учится распознавать предметы и запоминать их названия, а к 2 годам уже говорит простыми предложениями. Развивается синтетическая функция коры головного мозга. В 3–4 года дети, научившись говорить развернутыми предложениями, могут играть самостоятельно в сказку, озвучивая ее «по-взрослому», не всегда понимая, что они говорят. Этот этап в развитии речи называется аутичной речью. Ребенок разговаривает с воображаемыми собеседниками, и его не интересуют их мнения и реакции.

Как правило, ребенок говорит в основном «от себя», без учета позиций других персонажей. В этот возрастной период дети начинают запоминать стихи, заучивая ритм, слова, интонации, и читают их так, будто сами придумали.

В 5–6 лет дети начинают замечать и различать эмоциональную тональность и манеры словесных выражений. Дети легко копируют словесные высказывания и речевые штампы взрослых с должным эмоциональным акцентом. Речевая активность детей этого возраста реализуется в сюжетно-ролевых играх. В ходе складывания слов в предложения и распевая их на разные лады, обращаясь к разным людям, дети изучают речь. Объектом их подражания могут стать не только сказочные персонажи, но и манеры поведения родителей и героев телеперсонажей.

Экскурс, проделанный в стадиальность речевого развития, не случаен, т.к. показывает нормативные проявления речевой активности ребенка.

В этой связи возникает вопрос о причинах зашкаливающей говорливости, «болтливости» или детского вербализма. Безусловно, как у любого феномена, кроется множество причин. Одной из них может служить опережающее развитие левого полушария, отвечающего за речевые способности. Другими причинами детской «болтливости» могут быть причины психологические: личностные особенности, пережитая травма и латентный стресс, богатое воображение, желание копировать другого, дисинхрония в развитии и временный всплеск речевой активности, аутичная речь во время ролевой игры, особенность речевой среды, в которой растет ребенок (актерская, педагогическая и др.).

Отвечая на вопрос, «Почему дети все время говорят?» – О. Маховская (2012) выделяет следующие причины:

– Они говорят, во-первых, потому что им это нравится. Детям (и взрослым!) нравится делать то, что у них получается. Кроме того, они заметили уже, как радуются родители детской способности рассказывать что-нибудь длинное.

– Способ привлечь внимание к себе. Услышав голос ребенка, родители бросают свои дела и мчатся к нему. Речь позволяет находиться в контакте со взрослыми.

– Дети, окруженные избыточным вниманием и сверхопекой. Окруженные воспитателями, они получают дополнительные возможности потренировать речевые навыки.

– Ассиметричное развитие полушарий, опережение речевых центров. Главная сопутствующая проблема вербализма – слабые и неустойчивые смысловые связи, отставание в развитии мышления. Ребенок может повторить и запомнить слова и целые тексты, за которыми не стоит никаких образов, межпредметных связей и осмысленных отношений.

В психиатрии людей, у которых за богатой речью скрывается низкий интеллект, называли зло, но метко – «салонными олигофренами».

– Воздействие стрессов, страхов и родительской депривации. «Болтливость» может сообщать о том, что ребенок встревожен, у него нарушено чувство защищенности и активизирована потребность в любви. Если родители люди сдержанные, целеустремленные, не тратят лишних слов и действий друг на друга, не проявляют нежности и любви ни к ребенку, ни друг к другу, ребенок растет в психологической изоляции.

– Излишне насыщенная речевая среда. Как уже отмечалось выше, дети актеров, журналистов, педагогов любят выступать, понимая, что речь – это их «фишка», преимущество перед другими детьми. Этот фактор может дополняться и постоянно включенным телевизором.

– Низкая воспитанность ребенка. «Болтливый» ребенок – чаще всего плохо воспитанный ребенок, не знающий, что взрослых перебивать нельзя. Более того, он не понимает, почему он говорит и никто не обращает на него внимания (О. Маховская, 2012. – С. 80–81).

В заключение выделим два момента: 1. «Болтливость» или активное говорение детей не является общением, т.к. ребенок не учитывает запросов и намерений собеседника. 2. Детская болтливость – это проявление возбудимости или стресса, требующих использования всех средств, способных успокоить ребенка.

Хвастливый ребенок. Дети хвастаются потому, что все виды человеческих отношений пронизаны соревновательностью и сопостав-

лениями. Некоторые родители удивляются поведению своего ребенка: «Он все время хвастается, иногда ни к селу ни к городу начинает вслух стихи читать, ждет похвал, кланяется...», «Меня расстраивает, что ребенок рассказывает в саду все, что происходит в семье. Откуда у него это бахвальство? Мы – довольно скромные люди!», «Он все время что-то сочиняет: то он на Луну летал, то с аквалангом плавал. Мюнхгаузен!» (О. Маховская). В этих случаях важно знать, что, хвастаясь, дети обмениваются информацией, фантазиями, наблюдениями, оценками: «А у моей мамы… А мой папа говорит…». Вроде ничего страшного, но ребенок делает это так часто и настойчиво, что дети раздражаются. Ведь у них тоже хорошие мамы и папы.

По мнению О. Маховской (2012), такие дети нередко «пиарят» свою семью как самую счастливую, чувствуя ответственность и вину за родительские ссоры. Ребенок бывает единственным по-настоящему заинтересованным лицом, спасающим родительскую семью. В психотерапии такая роль ребенка в семье обозначается как «талисман». Талисман изо всех сил изображает радость и счастье с почти языческой верой в то, что, как мы себя ведем, таких духов и вызываем.

Хвастовство ребенка иногда подстегивается родительскими амбициями. Например, отец считает, что его ребенок станет олимпийским чемпионом, возлагая непомерные надежды на сына на фоне растущих результатов сына и неудач сестры. Ребенок вынужден отвечать на родительские запросы в форме хвастовства, когда они стали выше реальных возможностей. В ситуации родительского давления ребенок вынужден как-то выкручиваться. Хвастливое вранье, в подлинность которого верит ослепленный своими амбициями родитель, – спасательный круг для ребенка. Если проблема не разрешается в реальности, она разрешается в детских фантазиях. Сделав ребенка заложником своих амбиций, родители вдруг обнаруживают, что ребенок врал или приукрашивал реальность, драма выходит на новый уровень: «Мы растим лгуна и мошенника!» Если это так, то ведь именно родители перекладывают свою вину на ошибки ребенка. Среди множества причин детского хвастовства выделим некоторые из них:

- дефицитарность похвалы и внимания к ребенку;
- желание ребенка нравиться другим людям;
- маскировка личных проблем;
- подражание взрослым людям;
- преувеличение своих достоинств;
- чтобы чего-то выпросить, т.е. манипуляция желаниями других;
- способ протеста против заниженной оценки взрослых.

Ребенок-ломака. Общеизвестно, что почти любой здоровый ребенок склонен к шуткам и веселью, он охотно представляет кого-нибудь или что-нибудь, тонко подмечает слабости и особенности других и охотно подражает. Если все эти качества соединены вместе, то мы имеем перед собой маленького актера, доставляющего нам удовольствие всевозможными более или менее удачными шутками. Он важно представляет взрослого, увеселяет своих товарищей, подражая знаменитым артистам или просто кривляясь и гримасничая, он невероятно комично коверкает слова и выдумывает другие штуки. Все это считают также комичным. Как всякий непосредственный комизм, так и непритязательный и наивный комизм раннего детского возраста, приблизительно от 3-го до 6-го года, самый забавный.

Но, по мнению Ф. Шольца, сознательный намеренный комизм может доставлять большое удовольствие при условии, если он не высмеивает никого, если он действительно забавен и если он не исключает возможности быть серьезным, где это нужно. Если эти условия не выполнены, если остроты плоски и неинтересны, то мы называем ребенка, у которого такая манера становится постоянной привычкой, уже не забавным, а ломакой, кривлякой или шутом.

Дети-ломаки не только несносны в общежитии, но они рискуют также отставать в школе от своих сверстников, так как они несерьезно относятся к своим урокам, превращают их в предмет своих пошлых шуток и насмешек (Ф. Шольц, 1914. – С. 83).

Родители должны не только воздерживаться от поощрения дурного комика похвалами или одобрением, а напротив, явным безучастием постепенно свести его талант на нет.

Сквернословные дети. «Сквернословный грубиян». Это в основном представитель дошкольного возраста, говорящий плохо, с ошибками, некоторым из них не даются слова с буквой «р», а уже обзывают «дулой», «коловой», «мигелой» и др.

Дети этого возраста удивляют своих родителей, произнося: «А ты, мамочка, большая дуля», объяснив ей, что школьницы так говорят. Значит, «дула» – хорошее слово. А слово «мигера», заимствованное от старшего брата, обозначает в представлении четырехлетнего мальчика не только маму, но и всех тетей. Или запрещенное в семье слово «блин» воспринимается восьмилетним мальчиком иначе: «Но это, блин, было такое прикольное слово», – с восторгом пытается объяснить мальчик. По мнению А. Баркан, «в четырехлетнем возрасте впервые услышанные ребенком от старших детей или взрослых эмоционально окрашенные, даже с негативным оттенком слова производят на него настоящий фурор. Ведь ребенок еще просто не знает истинного значения этого

слова, однако интуитивно чувствует, что оно необычно, потому что производит очень странный эффект на других. На него реагирует каждый по-своему: кто-то злится, а кто-то смеется. Нет людей, кто бы не обратил на него никакого внимания, словно это волшебное слово. Все другие слова не такие. Говори хоть сто раз слово «кот» или «стул» – все вокруг безразличны. Мама эти слова не заметит. А на «дулу» – не может сдержаться и пытается все объяснить.

И постепенно Ваш подрастающий малыш, заинтересованный подобным явлением, открывает для себя все новые и новые пласты слов, подобные «дуре», не затрачивая для этого особых усилий. Ведь если даже такие слова не принято произносить в его семье, их вдоволь можно услышать на улице и во дворе. «Воспитателями» дошкольников могут быть и старшие дети, а также родители и значимые посторонние взрослые» (А. Баркан, 2010. – С. 464).

А пойдя в школу и научившись читать, ребенок уже может стать просто асом в познании ненормативной лексики, познакомившись с ней не только в газетах или журналах, но и в художественных произведениях.

В последние годы усиленно популяризируют рутинную брань даже мультфильмы, не говоря уже о телепередачах для старших детей, в которых довольно часто ведутся агрессивные разговоры между родителями и детьми, словно они враги на поле сражения, а не близкие люди.

Практически все герои мультфильмов беседуют друг с другом на повышенных тонах, создавая ребенку наглядную модель для подражания и внедрения в жизнь. Все это расширяет активный словарь бранных слов ребенка, доводя родителей до ярости. Некоторые родители ради искоренения словарного «мусора» готовы выполнять все капризы и прихоти ребенка, не всегда совершенно невинные. А он это прекрасно уже понимает.

И маленький манипулятор лишь продолжает интуитивно выделять из потока слышимых им слов и выражений именно эти, так легко выводящие Вас из равновесия. И единственное, что оправдывает маленького ребенка, так это то, что он, к примеру, не считает, что слово «дура» может Вас оскорбить.

Манипулируя подобными словами, дети постепенно усваивают, что таким образом можно утвердить свое превосходство над другими, видя, как подчас теряются родители после их «выступлений» в присутствии посторонних людей.

Иногда грубые бранные слова служат для детей своеобразной отдушиной напряжения, как выход отрицательных эмоций. А постоянных источников напряжения в детстве не так уж и мало, начиная от чувства

ревности к братьям и сестрам и кончая отношениями с любимыми воспитателями или учителями. Да и сами родители нередко дают повод для выхода накопившегося раздражения в форме сквернословия и бранных слов. По мнению А. Баркан (2010), нецензурная лексика иногда – это признак состояния бессилия ребенка. А подобное состояние бессилия завуалировано могут вызывать всевозможные события в жизни детей: от невозможности принести вред более сильному сопернику, провоцирующему драки, до приклейки ребенку ярлыков в виде прозвищ, на которые брань является достойным ответом. Иногда нецензурная лексика ребенка – это своеобразный протест против недостатка внимания к нему родителей. Во всяком случае, он так считает (А. Баркан, 2010. – С. 464).

В связи с этим, полагает А. Баркан, прежде чем нападать на ребенка – задумайтесь: с чем это связано? И не стоит закатывать ему истерики. Ведь тогда он уже, безусловно, поймет, что способен так вывести Вас из себя. И при первой возможности, мстя Вам за что-то, с удовольствием вновь повторит, предвкушая награду за его страдания Вашей бурной реакцией на происходящее. Верной родительской позицией будет не усвоение ребенком установки «нельзя», а признание ценности родительского мнения относительно бранных, не нормативно-грубых слов (А. Баркан, 2010. – С. 467).

Честолюбивые дети. Этот тип детей отличает сильно развитое ощущение превосходства – главный момент, под влиянием которого совершаются все его действия. Отсюда гордость, самоуверенность и постоянное стремление первенствовать и властвовать над другими. Скромные занятия, не ведущие к отличиям, не привлекают детей этого типа. Для них деятельность возможна лишь при надежде на внешний успех.

Дети и юноши, принадлежащие к честолюбивому типу, решительны, чувствуют сильно и легко увлекаются всем, что содействует их прославлению или унижению противников, не признающих их достоинств и преимуществ. Их идеал – сила, могущество и власть. Мало-помалу они сосредоточивают все свои усилия только на том деле, с помощью которого думают отличиться, забывают все и всех вокруг себя и, развившись в полный тип, уже не останавливаются ни перед какими средствами для достижения своей цели.

Условия для развития честолюбивого типа могут быть различны, но нетрудно заметить в них и общие черты – это постоянное стремление ребенка к соревнованиям либо словесным, либо материальным поощрениям (П.Ф. Лесгафт).

Лицемерные дети. Ребенок лицемерного типа повторяет то, что видит, всегда старается более легким способом достигнуть личных

выгод и избегнуть деятельности более трудной, то есть связанной с трудом и усердием. Легко усваивает только то, что сильнее на него влияет, в особенности все внешние проявления окружающих. Способ его деятельности всегда бывает практически-опытный: такие дети стараются хитростью и лаской обойти все затруднения, не особенно огорчаясь неудачам. Отношение к истине только внешнее, заучены одни общие нравственные правила и шаблоны. На учителей производит впечатление хорошего, скромного ребенка. Сверстники его не любят, мало-помалу этот ребенок все более отдаляется от своего класса, оставаясь чаще всего любимцем учителя. В школе часто случаются пропажи мелких вещей, которые также часто находятся у этого любимца. Ни к кому и ни к чему не привязан, охотно меняет свои связи и условия жизни, так как в новой обстановке и среди новых людей опять пользуется новыми выгодами и делается на время любимым ребенком.

Развитию такого типа более всего способствуют: ложь и лицемерие со стороны старших, окружающих ребенка, чисто практическое направление домашней жизни, постоянный мелкий расчет и стремление к беззаботному образу жизни, частое оставление детей без всякого присмотра и внимания (П.Ф. Лесгафт).

2.2. Дети-акцентуалы депрессивно-дистимического типа

Дети этого типа являются антиподом гипертимического. Дистимики обычно сконцентрированы на мрачных, печальных сторонах жизни. Это проявляется во всем: и в поведении, и в общении, и в особенностях восприятия жизни, событий и других людей (социально-перцептивные особенности). Обычно эти дети по натуре серьезны. Активность, а тем более гиперактивность им совершенно несвойственны. Данный тип детей характеризуется пониженным настроением, фиксацией на мрачных сторонах жизни, идеомоторной заторможенностью, склонностью к депрессиям. Проявления депрессии: «уход в себя», склонность к аутоагрессии, в частности суициду, драке. Часто в состоянии сниженного настроения ищут объект, чтобы «разрядиться». С трудом уживаются в детском коллективе. Работу любят выполнять в одиночку. В подростковом возрасте все черты заостряются. Злобны. Истеричны. Плохое настроение может держаться до двух дней. Провоцируют драки, скандалы. Эпизодическая склонность к алкоголю и к психоактивным веществам. Взрослея, у них в остаточной степени сохраняется педантизм, консерватизм, тугоподвижность

интеллектуальных процессов. Исходя из этого, ведущими стресс-факторами для них выступают: необходимость общаться с группой, «быть на виду», все виды деятельности, заставляющие проявлять повышенный уровень активности, смена обстановки, появление в семье второго ребенка, ревность.

С учетом недостатков в характере детей, по Ф. Шольцу (1914), в эту группу были включены следующие детские типы:

печальный ребенок, равнодушный ребенок, глупый ребенок, ленивый ребенок, неуклюжий ребенок, депрессивный ребенок (А. Баркан), ребенок-неудачник (Ф. Фабер), равнодушный ребенок (О. Маховская).

Равнодушный ребенок. В последнее время равнодушие детей стало ассоциироваться с такими расхожими синонимами, как «отмороженность», «пофигизм», «отвязанность». «Отвязанные» дети не привязаны ни к чему и ни к кому. Они пытаются ничего не брать в голову, отказываться от обременительных проблем и контактов. Многие родители испытывают бессилие в воспитании таких детей и выражают его примерно в таких формах: «Какой-то он отмороженный, что ни говори – как об стенку горох!», «Дети стали равнодушными, ничем не проймешь. Ничто их не волнует!», «Если ребенку прямо не сказать, чтобы он подошел и покачал коляску с братиком, он будет играть, а тот хоть лопни от крика...», «Что мы такого сделали, что он нас не любит? Не скучает, никогда не обнимет...» (О. Маховская, 2012. – С. 12).

Проявления детского равнодушия различны. Например, одни родители сокрушаются от того: «Меня вызывают в школу, а тебе что, все равно?»; «Посмотри, как я страдаю. Тебе не жалко маму?»; «Мне страшно: ты растешь тупым и черствым!»; «Разве ты не видишь, как мне больно?!»; «Я в отчаянии: очевидно, что с тобой что-то не так. Ты тупой. Иначе ты бы тоже расплакался. Хотя бы от страха быть наказанным». Ребенок, видя слезы матери и выслушав ее причитания и жалобы на то, что ей стыдно, что у нее такой тупой сын, надел наушники и врубил музыку, спокойно и невозмутимо (О. Маховская, 2012. – С. 13).

В другом случае родители недоумевают от детского равнодушия при дарении им очередного подарка. Родительские возмущения примерно однотипны в своих словесных выражениях: «Мы тебе все покупаем. А ты даже спасибо не говоришь»; «Неужели тебе все равно?! Другие дети прыгают до потолка!»

Некоторые родители к детскому равнодушию относят и такие поведенческие проявления детей, которые противоречат идеалам родителей, выражаемых в следующих возмущениях: «Можешь хоть раз сделать так, как я прошу? Это же нетрудно. Поразительное упрямство!»; «Я измучилась с тобой, неужели ты навсегда останешься

таким?!»; «Да ты всегда делаешь не так, как я. Ты совсем на меня не похож» (О. Маховская, 2012. – С. 24).

В первом случае детское равнодушие является фоном внутренней жизни, а внешние родительские стремления «достучаться до совести» навевают лишь скуку. По мнению О. Маховской, отсутствие эмоций станет для ребенка идеальным состоянием. И дети учатся нейтрализовать ситуации – уходя в свою комнату, надевая наушники, «отрубаясь» психологически: вроде он здесь, а на самом деле его нет (О. Маховская, 2012. – С. 24).

Во втором случае проявление детского равнодушия обусловлено родительской избалованностью, т.е. проблемой «принцесс», а равнодушие является следствием психического пресыщения от хороших впечатлений.

В последнем случае детское равнодушие является результатом рассогласованности родительско-детского темпераментов.

В указанном примере мы имеем дело с «равнодушным» темпераментом ребенка. Так случилось, что у активных родителей родился, как указывает О. Маховская, «не их», «чужой» ребенок – тихий, задумчивый, вялый, мечтательный. И дело даже не в том, что они его «забили», не дают развиваться. Просто от рождения у него такой темперамент. Такие дети могут долго не говорить, не участвовать в играх, никакой инициативы они не проявляют, не стремятся поделиться своими впечатлениями, их трудно растормошить – смехом, игрой, песней. Такой ребенок постоянно обманывает ожидания родителей, разочаровывает их и «подводит». Родители часто сами реагируют как дети: «Я, конечно, хотел ребенка, но не такого!» Как будто ребенок – игрушка из магазина.

Но ведь и ребенку трудновато с родителями, которые его все время теребят. Его самая большая мечта – чтобы родители оставили его в покое, ушли в гости или занялись чем-то своим. Как одни устают от спокойного созерцания, чтения, игры в шахматы, так другие – от общения, спешки и громких звуков (О. Маховская, 2012. – С. 23).

Характеризуя детское равнодушие, Ф. Шольц (1914) отмечает, что оно нередко выражается в форме притупленности чувств. Ребенок безучастен и равнодушен ко всему. Свое и чужое горе его мало трогает, его радость – это в лучшем случае тупое минутное удовольствие. Наблюдается также и совершенное отсутствие детской веселости, и это явление, если только оно не есть временный симптом какой-нибудь физической болезни, так неестественно, что по этому одному признаку уже можно заключить о тяжелом предрасположении к душевной болезни.

У безразличных детей всегда мало развито чувство своей личности. Они ни к чему не стремятся, в них нет никакого честолюбия,

невинное тщеславие не заставляет их краснеть. Поэтому они также нечувствительны к порицанию и наказаниям. Для них безразлично, успевают ли они в школе или остаются в том же классе еще на один год, получают ли они хорошие или дурные отметки, довольны ли ими родители и учителя или нет. Все это, конечно, только в известной степени. Совершенно равнодушных детей нет.

Такие дети, с которыми очень трудно совладать, в которых долго нужно копаться, пока доберешься до живого места, называются толстокожими. Но толстокожие дети обыкновенно всегда вместе с тем и ленивые дети.

Наибольшее значение имеет детское равнодушие в области морали.

Сострадание или сочувствие к радости другого занимают мало места в детском сердце. У равнодушных от природы детей эти склонности зачастую отсутствуют совсем или находятся в зачаточном состоянии. Такие дети просто не способны выработать этические понятия и в более позднем возрасте. Для них это есть и будут слова, которые они выслушивают с уважением, но много о них не думают. Самое большое, что у них есть – это сознание позволенного и запрещенного.

Если к этому отсутствию склонности к добру и красоте, как указывает Ф. Шольц, присоединятся еще извращенные стремления, что при живых желаниях детской души почти всегда будет иметь место, то тип маленького грешника готов. Такие дети лгут и обманывают, крадут, поджигают, мучают животных и т.д. Когда они становятся взрослыми, от внешних условий жизни зависит их дальнейшее будущее. Или из них выходят черствые эгоисты и прагматики, могущие преуспевать в жизни, или они вступают на путь преступления (Ф. Шольц, 1914. – С. 50).

Общими же предпосылками детского равнодушия служат:

- разлуки с близким человеком или ближайшим окружением. При разлуках дети грустят, скучают, плохо едят и спят, ждут, когда «она придет». Но скучать ребенок может и по пропавшему котенку, по потерянной игрушке. Такое равнодушие сродни депрессии.
- Апатия, обусловленная пресыщенностью и удовлетворенностью детских фантазий. По мнению О. Маховской (2012), эта причина является самой распространенной в пространстве детского равнодушия.
- Слабость желаний и детская скрытность могут быть следствием «равнодушного» темперамента, каким является флегматический темперамент.
- Неоформленность детских желаний и неумение ребенка сообщать о своих чувствах другим людям способствует проявлению эффекта «маугли». Им страдают дети, выросшие в одиночку, в безопасных «вольерах» иногда весьма фешенебельных пентхаусов.

- Излишне формализовано-жесткое обращение с детьми, сопряженное с контролем эмоций и желаниями ребенка. По мнению О. Маховской (2012), не понимая причин родительской агрессии или недовольства, ребенок старается вести себя тише воды, ниже травы.

В заключение необходимо отметить, что равнодушный ребенок далеко не лишен чувственной восприимчивости. Говоря о таких детях, следует иметь в виду лишь то, что это дети, характеризующиеся либо пониженной выраженностью эмоциональной сферы, либо чувственной сферой, находящейся в стадии внутриличностного и, как правило, небезконфликтного саморазвития.

Ребенок-плакса. Такой ребенок не похож на других мальчиков его возраста. Он такой незрелый. К восьми годам он же должен научиться справляться со своим настроением, верно? По мнению Ф. Фабер и Э. Мазлиш (2012), он страдает из-за всего на свете – из-за серьезных проблем и мелочей. Это ненормально. Сломанный карандаш, поцарапанный палец, умершая кошка – он на все реагирует одинаково. Он практически постоянно ведет себя как беспомощный малыш! Он очень чувствительный – его легко расстроить. Но это не определяет его характер.

Сплошные хныканья бытуют по любым поводам, например: не купленные обложки для книг, трудные домашние задания и боязнь получить за их невыполнение двойку, устаревающий компьютер, несвоевременный приход родителей и неутоленный аппетит и т.д. В ответ невыдержанные родители от беспомощности кричат: «Заткнись! Заткнись! Замолчи! Твой голос сводит меня с ума!»

Депрессивный ребенок. В отношении детской депрессии существует несколько мифов. Один из них заключается в том, что депрессия – это удел взрослых, а другой – в детстве не может быть причин для депрессий. Однако данные современных исследований показывают, что депрессия встречается не только у лиц со взрослой психикой и сформированным «эго», но, как замечает А. Баркан (2010), и у грудных младенцев. Однако прежде чем говорить о возрастных проявлениях депрессии, целесообразно остановиться на сущности самого понятия «депрессия» и его симптомах.

Понятие «депрессия» произошло от латинского слова depressio – подавление, угнетение. И действительно, под депрессией мы понимаем обычно состояние сильной тоски и глубокой печали, затяжную тревогу, грусть, скуку и даже пронзившую вдруг безысходность. В последние годы депрессия и ее эквиваленты настолько стали распространенными, что эту болезнь начали называть «психическим насморком». На сегодняшний

день, только по официальным данным, на нашей планете 120 миллионов людей страдает явной депрессией. И эта цифра прогрессивно растет.

Вместе с тем большинство людей, подверженных депрессии, воспринимают свои стойкие изменения настроения – и беспричинное уныние, и бесконечную хандру – за серость будней, за все, что угодно, вплоть до адекватной нормы на всевозможные стрессо-гены, за все – кроме нее. Подобные установки родителей с легкостью переносятся и на детей. Оправданием таких установок служат всем известные суждения, что наши адекватные негативные переживания носят кратковременный, быстропроходящий характер и депрессия, как диагноз, тут ни при чем.

Возражать такому мнению в ситуациях кратковременного изменения настроения действительно трудно, но когда речь идет о долговременных проявлениях уныния, безнадежной тоске и печали, то тут диагноз депрессии очень своевременен.

В этой связи имеет смысл рассмотреть наиболее важные симптомы детской депрессии. Значимость данного аспекта заключается в том, что диагностика депрессии маскируется различными эквивалентами. К числу таких скрытых депрессивных эквивалентов относят частые боли в животе, принимаемые за гастриты и язву, холангиты и холециститы, всевозможные дискинезии желчевыводящих путей, а иногда за аппендицит. Гипертимной маской депрессии выступает необъяснимое повышение температуры, а маской депрессивно обусловленной школьной неуспеваемости могут выступать обвинения в лени и недобросовестности ребенка. Учитывая сложность диагностики депрессии ребенка, даже на профессиональном уровне, возникает вопрос, а существуют какие-либо объективные критерии и симптомы, позволяющие ее фиксацию? По мнению А. Баркан, к таким симптомам необходимо отнести частые смены настроения, поведения и жизненных установок, а также физические изменения в состоянии здоровья, проявляемые в виде быстрой утомляемости, ухудшении аппетита и сна. В некоторых случаях бессоннице сопутствует синдром «беспокойных ног», мешающий заснуть, так как ребенок никак не может найти себе удобное положение для сна, не зная, как лучше приспособить для этого ноги, являющиеся одним из эквивалентов депрессии.

Антиподом этих депрессивных симптомов может служить повышенный аппетит в сочетании с избыточной сонливостью.

В некоторых случаях у депрессивного ребенка могут проявляться головные боли, периодическая тошнота и боли в желудке на фоне таких пессимистических настроений, как апатия, уныние, грусть, печаль, тоска и др. Наряду с пассивно-отрицательными состояниями, детская депрессия может протекать и на фоне таких активно отрицательных

состояний, как, например, раздражительность, гнев, ярость. По мнению З. Фрейда, депрессия – это неосознанная ярость, гнев, обращенный вовнутрь, реакция на свою беспомощность.

На поведенческом уровне детская депрессия может выражаться в повышенном беспокойстве и тревожности, замороженности действий, замедленности речи, разрыве отношений со сверстниками.

На личностном уровне детская депрессивность отражается на снижении самооценки, веры в свои возможности и перспективы. Депрессивным детям свойственна самообвинительная направленность мышления, связанная с труднопреодолимыми учебными и жизнедеятельностными проблемами. Нередко дети, «застревая» на переживаниях безысходности и невозможности самостоятельно «выкарабкаться» из жизненной проблемы, впадают в состояния навязчивых фантазий или депрессивного «синдрома патологического фантазирования».

Апогеем депрессивных переживаний служит появление суицидальных мыслей. В целом депрессивный ребенок, по мнению А. Баркан, – своеобразная мина замедленного действия. И «сюрпризы» его поведения непредсказуемы: от самого страшного – суицидальных попыток до тяги к различным зависимостям – наркотической и алкогольной (А. Баркан, 2010. – С. 298). Одним из значимых вопросов, как уже отмечалось выше, является вопрос о возрастных проявлениях депрессии, т.е. детская депрессия – это миф или это привилегия только взрослых людей? Не менее важным проблемным вопросом является миф об отсутствии причин для возникновения депрессии в детстве. По мнению исследователей, поставленные вопросы относятся не столько к мифам, сколько к обыденной реальности. По мнению А. Баркан, разновидности депрессии могут переживаться не только людьми со зрелой психикой, но и грудными младенцами, когда после вынужденного отнятия его матерью от груди и прекращения грудного кормления вместо соприкосновения с теплой и мягкой грудью – символа материнской защиты – он теперь вынужден «наслаждаться» этой жесткой резиновой соской и бездушной стеклянной бутылкой. Депривированно-депрессивный малыш вдруг начинает беспричинно капризничать, плохо кушать и спать, тосковать, терять в весе. У него могут даже меняться рефлексы, появляются признаки временной остановки в развитии.

У трехмесячного ребенка депрессия может быть следствием безразличного или раздражительного лица матери. Безразлично-раздражительные материнские лица расстраивают младенцев значительно сильнее, чем отсутствие матерей возле них. У ребенка дошкольного возраста под влиянием детской депрессии может даже меняться осанка, став похожей на старческую.

Он беспричинно тревожен, капризничает, беспокойно спит и апатичен к еде.

У детей младшего школьного возраста депрессия проявляется не только в бесконечных жалобах на плохое здоровье, но заметных изменениях в поведении. Он становится замкнутым и раздражительным, не желает общаться с друзьями, играть, постоянно рассеян, стал хуже учиться, потерял ко всему интерес, объясняя все это тем, что ему скучно.

В подростковом возрасте проявления депрессии, пожалуй, достигают своего максимума. Помимо двойственности переживания новообразования «взрослости», как сильнейшего источника депрессии, подростковая депрессия усиливается дисморфофобией (неудовлетворенностью своим телесным образом), ранним небезопасным сексуальным опытом. В большей степени это свойственно мальчикам.

У девочек-подростков увеличивается риск появления депрессии после полового созревания. Чаще всего это объясняется тем, что в отличие от мальчиков девочки более пессимистично относятся к своему половому созреванию, а также к статусу сегодняшней женщины в обществе.

В целом депрессивные проявления становятся прямо пропорциональными возрасту, т.е. чем старше ребенок, тем легче обнаружить у него признаки депрессии (амбивалентные настроения – пессимистические-агрессивные), поведенческие (избыточно послушные и бунтарские), аддиктивные (тяга к курению, алкоголю, наркотикам) и др. Среди основных причин детской депрессии, помимо дефицита родительской любви и внимания, семейного климата, необходимо отнести генетическую предрасположенность (по П. Шофиелду, 21% людей имеет генотип предрасположенности к депрессии), «недоношенность» детей, хронические заболевания, одиночество, ощущение роли «нелюбимого ребенка», депрессивность родителей, школьные стрессы, конфликты с учителями, боязнь плохих оценок и получение их, контрольные работы и тесты, разборы плохого поведения в классе, коммуникативные трудности с одноклассниками, низкостатусные роли.

Грустный ребенок. Грусть, с одной стороны, – это нормальная человеческая эмоция умеренной силы, а с другой – это сложная эмоция. Она может быть ситуативной и установочной, естественной и искусственной.

Грусть – все-таки реакция на отсутствие значимого другого. Если ребенок грустит и молчит, значит, он уже понимает невозвратимость потери. Если мама уехала в другой город, значит, он понимает, что вернется она не скоро, а вот сейчас так хочется ее обнять и прижаться к ней!

Поэтому, как замечает О. Маховская, грустить, скучать по близкому человеку – значит находиться с ним в важной связи, чувствовать ее уникальность. Однако из ответа наблюдения следует, что есть более грустные и более веселые дети, не случайно отдельные родители отмечают:

«У меня ребенок пессимист. Я – абсолютный оптимист, и где же наследственность?», «Ослик Иа – наш ближайший родственник. Ребенок все время грустит», «Иногда у моей дочки такое выражение лица, что сердце лопается от жалости», «Что за манера все время ныть и жаловаться...», «Моя дочка маленького роста, вот и жалуется на подруг, которые с нею скоро совсем перестанут играть» (О. Маховская, 2012. – С. 209).

Из приведенных высказываний следует, что в жизни ребенка существует много поводов для грусти.

Считается, что чем выше интеллект ребенка, тем более он склонен к грусти. Да уж: во многом знании многая печаль... Однако известно и то, что дети с ярко выраженным отставанием в развитии тоже редко веселятся. Веселыми и оптимистичными бывают только «середняки», нормальные дети.

Поводом для грусти может стать не только потеря или высокий интеллект, но ряд ситуаций, на которые независимо от темперамента дети будут реагировать негативно. Например, как указывает О. Маховская, дети умеют изображать грусть, чтобы обратить внимание на свои потребности. Если мама спросит: «Почему ты такая грустная?» – можно ответить: «Потому что я хочу мороженого...» или: «Нет, конфетка не поможет... Может, вафелька?» Сладости, игры действительно поднимают настроение детям, как и нам – плитка шоколада и приятное общение (О. Маховская, 2012. – С. 211).

Среди повседневных проявлений детской грусти следует отметить случаи «проводов» в детский садик (ребенок может плакать до прихода родителей), и тогда, когда родители уходят внезапно, ребенок может выдать целую гамму эмоций – от истерик до шокового оцепенения.

Детская грусть проявляется и в случаях дефицитарности родительской любви, эмоциональной теплоты и внимания. Этот «дефицит» дети восполняют жалобами на «бо-бо», имитациями болезни, просьбами о помощи, чтобы получить заветное внимание и другие психологические бонусы.

Но жалобы ребенка чаще всего – это просьба не помочь, а пожалеть. Ребенок начинает «давить на жалость», когда ему не хватает любви, и он не знает, что сделать для того, чтобы его любили. Если прием действует, он может закрепиться, и тогда ребенок «заводит шарманку», как только мама появляется в дверном проеме (О. Маховская, 2012. – С. 218).

Проявления детской грусти наблюдаются и в ситуациях предметной депривации. Как известно, мягкие игрушки и игрушки в целом являются объектом детской привязанности, выполняя важную функцию психологической защиты. Например, мягкие игрушки, к которым приятно прикасаться, с ними уютно в постели, служат мягкой подушкой, снимают тревожность и заменяют человеческое тепло. Поэтому не всегда уместны такие родительские угрозы, как, например: «Если я расскажу в школе, что ты плачешь по кукле, они тебя засмеют!»

Приведенные проявления детской «грустности» позволяют сделать ряд обобщений:

1. Ситуативная грусть может являться следствием:

- эмоционального истощения – когда речь идет о расставании, психологической потере папы или мамы (например, после развода родителей), любимой бабушки или друга, с которым родители по каким-то причинам запретили играть, то астения усугубляется депрессией, чувством глубокой тоски и отчаяния из-за невозможности что-то изменить;
- болезненной привязанности к родителям, игрушкам, ближайшему окружению. Поэтому даже веселый ребенок при внезапном расставании с ними погружается в грусть;
- недостатка любви, эмоционального типа и внимания со стороны родителей. Дети грустят, скучая по родителям;
- ипохондрию ребенок может и позаимствовать, если кто-то из родных постоянно стонет и жалуется. Он живет на одной эмоциональной волне с родителями;
- артистической имитации грусти;
- грусть проявляется в неустойчивости и реактивности психики ребенка. Смех, веселье ребенка нередко сменяется грустью или плачем.

2. Устойчивая, чаще внешняя грусть является следствием:

- меланхолического темперамента. По мнению О. Маховской, грустят меланхолики, вечно обращенные внутрь себя. Их готовность к худшему – своего рода защитная реакция. Роль жертвы позволяет рассчитывать на покровительство сильных. Но самое желанное состояние меланхолика – покой, уединенность и грезы (О. Маховская, 2012. – С. 223);
- высокого интеллекта. Считается, чем выше интеллект ребенка, тем более он склонен к грусти (О. Маховская, 2012. С. 210);
- резкого отставания психического развития. Дети с ярко выраженным отставанием в развитии редко веселятся (О. Маховская, 2012. – С. 210).

2.3. Дети-акцентуалы возбудимого типа

Таким детям свойственна повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями. Раздражительны, постоянно избегают трудностей, часто впадают в гнев и ярость. Угрюмы на вид, в разговоре обсуждают только то, что лежит на поверхности, отвечают скупо. Склонны к эпилепсии, которая проявляется в злобно-тоскливом настроении, вязкости мышления, конфликтности. Самый распространенный тип среди различных вариантов детей с асоциальным поведением. Непостоянство всего: увлечений, настроения. Склонность к группированию. Высокий уровень подвижности. В подростковом периоде затягивается процесс социализации. Подростки с данной акцентуацией – основа (масса) всех группировок. Основное увлечение – получение информации, которая не требует осмысления. Собственных убеждений нет, поэтому легко поддаются влиянию. Склонность к бродяжничеству. Стремятся к удовольствиям «здесь и сейчас» и без каких-либо затрат (духовных, эмоциональных, материальных) с их стороны. Употребляют алкоголь и наркотики для получения удовольствия. Рано развивается половая сфера. Взаимоотношения непрочные, неглубокие. Манера общения и поведения в значительной мере зависит не от логики, не от рационального осмыслении своих поступков, а обусловлена порывом, влечением, инстинктом или неконтролируемыми побуждениями. В области социального взаимодействия для представителей этого типа характерна крайне низкая терпимость, что может расцениваться и как отсутствие терпимости вообще.

Эта группа акцентуалов, с учетом характерологических недостатков, представленных Ф. Шольцем (1914), включает следующие детские типы:

Дети-«конкуренты». У детей-«конкурентов» невероятный дух. Дай им волю, как указывает Э. Фуллер, они завоюют весь мир. А уж ваш дом они определенно постараются завоевать. Битва с короткими передышками может длиться годами. Временами у вас будет появляться чувство, что вы никогда раньше не сражались так долго... ради такой малости. Любое взаимодействие с ним потенциально может превратиться в источник борьбы.

Эти дети любят похвастаться и не выносят поражений. Прийти вторым для них равносильно полному поражению. В споре они не просто будут стоять на своем, они лягут на свое. Они яростны в экстремальных ситуациях, а фраза «навредить себе, чтобы еще больше

навредить другим» будто специально для них писана. Их потребность победить любой ценой означает одно – они не задумываются о последствиях своих действий (Э. Фуллер, 2010. – С. 62–63).

«Бесстрашные» дети. Представители данного типа – искатели приключений, они любят трудности.

Около пятнадцати процентов таких детей не знают страха, их мало беспокоит собственная безопасность и безопасность окружающих людей. «Бесстрашных» детей без особого труда можно отличить от сверстников тем, что они часто прихрамывают, ходят в повязках и с пластырями, так как царапины, порезы и синяки – совершенно обычное для них дело.

Обычно «бесстрашным» не присуще предупреждать заранее о своих проделках. Едва ли вы услышите от них: «Подожди, я посмотрю, как далеко могу доехать на перилах». Нет, это импульсивные дети, они сразу делают, что задумали. В дальнейшем они делают успешную карьеру там, где есть выход их бесстрашной натуре. Из них получаются прекрасные каскадеры и спортсмены-экстремалы, а также пожарные, полицейские и шоферы «скорой помощи».

2.4. Дети-акцентуалы гипертимного типа

Заметной особенностью детей гипертимического типа личности является постоянное (или частое) пребывание в приподнятом настроении, даже при отсутствии каких-либо внешних причин для этого. Приподнятое настроение сочетается с высокой активностью, жаждой деятельности. Для гипертимов характерны общительность, повышенная словоохотливость. Они смотрят на жизнь оптимистически, не теряя этого качества и при возникновении препятствий. Трудности часто преодолевают без особого труда, в силу органично присущей им активности и деятельности. Важнейшими особенностями гипертимов являются их большая подвижность, активность, склонность к озорству, неугомонность, общительность, болтливость. В учебном процессе все это проявляется в виде неусидчивости и недисциплинированности. Поведение гипертимов очень часто вызывает недовольство и резкую реакцию педагогов. Недовольство может перерастать в устойчиво негативное отношение педагога к такому учащемуся. В сфере взаимодействия гипертимов отличает недостаточное осознание дистанции между собой и старшими (по положению или по возрасту). Крайней формой негативного отношения к учащемуся может быть тотальное неприятие его поведения и игнорирование причин такого поведения.

В детстве склонны к озорству, шалостям. Внимание неустойчивое. В школе учатся неровно. В подростковом возрасте склонны к группированию. В группе занимают позицию лидера. Но группы меняют часто, вместе с увлечениями. Слабое место – дисциплина. Асоциальны, так как любят риск и удовольствия. Как правило, нет близких друзей, но много приятелей. Более раннее сексуальное созревание по сравнению с другими типами. В случаях дезадаптации легко коррегируются, если вовремя обращают внимание. Приятны в общении. Низкая предрасположенность к психическим заболеваниям.

Состояние стресса испытывают в условиях жестко регламентированного режима, ограничениях активности и вынужденном выполнении неинтересных заданий.

Ниже приведены психологические характеристики детей, свойственных данному типу, выделенных Э. Фуллером (2010).

Дети-посредники. Как правило, «посредники» хитры и склонны к озорству. Они предпримут попытку взять ситуацию под свой контроль, сопротивляясь наставлениям и требованиям. Они способны увлечь других своими шутками и проказами – им это здорово удается. Но беда в том, что они не понимают, когда пора остановиться. Общее для всех «посредников» кроется в том, что они используют отвлечение внимания для выхода из невыгодной для них ситуации. В этом они очень продуктивны.

Дети-«посредники» сообразительны и ловки. Они оставят вас далеко позади себя, если вы ослабите внимание. У вас два козыря, а у них три. У вас три – у них четыре, и так далее. У этого характера долгая история, начиная от Тома Сойера и Геккельбери Финна до Барта Симпсона. И любой из них, окажись сейчас в школе, скорее всего, проходил бы курс серьезной коррекции (Э. Фуллер, 2010. – С. 46).

Дети-«манипуляторы». Это такие дети, которые ловко обводят взрослых вокруг пальца, очаровывая их. Они подавляют и контролируют других людей. В некоторых случаях они позволяют себе хулиганские выходки по отношению к другим детям, зато очень достоверно изображают из себя «очаровашек» перед взрослыми. Иными словами, «манипуляторы» – кто угодно, но только не ангелы. Различие полов не имеет значения –«манипуляторами» могут быть как мальчики, так и девочки.

Дети-«манипуляторы» могут быть необыкновенно милыми, когда собираются родственники. И даже при этом они обычно больше знают о своих правах, чем об обязанностях.

Важно помнить, что поведение «манипуляторов» способно полярно меняться при различном окружении.

Для родителей неприятно осознавать, что их «золотой ребенок», такой обходительный и добрый со взрослыми, может превращаться в диктатора, когда дело доходит до игр со сверстниками. Когда дети-«манипуляторы» ссорятся с друзьями, это для них излюбленная тактика.

Когда происходят конфликты с родителями, «манипуляторы» прекрасно знают, на какие кнопки нажимать. Они могут вести себя провокационно и оскорбительно, обзывая родителей глупыми.

«Манипуляторы» – это дети, которым не только требуется быть в центре внимания, но и быть самыми лучшими, амбициозными и целеустремленными.

2.5. Дети-акцентуалы застревающего типа

Главными особенностями этого типа являются застревание аффекта, высокая устойчивость и длительность эмоционального отклика, обидчивость. Застревающий тип личности отличается высокой устойчивостью аффекта, длительностью эмоционального отклика. Окружающие часто характеризуют их как злопамятных и мстительных людей. К этому есть основания: переживание аффекта часто сочетается с фантазированием, вынашиванием плана мести обидчику. Болезненная обидчивость этих людей, как правило, хорошо заметна. Их также можно назвать чувствительными и легкоуязвимыми, хотя и в сочетании с вышесказанным. Данному детскому типу свойственны чрезмерная стойкость душевного волнения, страсти в сочетании со склонностью к формированию сверхценных идей. В подростковом возрасте повышаются характерные для них с детства подозрительность, обидчивость, стойкость к отрицательным переживаниям. По мере взросления несколько сглаживается неприятие чужого мнения и конфликтности, но стремление к доминированию над другими остается на всю жизнь. Аккуратны, целеустремлены, самолюбивы, прилагают значительные волевые усилия в достижении поставленных целей, стремятся к авторитету и власти. Стрессовые состояния переживают в ситуациях, в которых под сомнение ставится их компетентность и авторитет. В связи с этим необходимо учитывать, что даже совершенно случайная несправедливость или поспешно нанесенная обида может быть причиной длительной потери личного контакта между подростком и педагогом. Потеря контакта и концентрация на обиде влекут за собой, как правило, не только проблемы в личных взаимоотношениях, но сказываются и на отношении к предмету, на успеваемости.

В целом основная черта этого типа – чрезмерная стойкость аффекта со склонностью к формированию сверхценных идей.

Следуя этому, к данному типу нами были отнесены дети, выделяющиеся следующими характерологическими особенностями, выделенные в оценочно-типологической и метафорической форме отечественных и зарубежных исследователей семьи.

Жадный ребенок. Основу жадности составляют человеческие потребности в форме желаний. Например, грудной младенец требует материнской груди, когда он тянется к блестящему предмету, находящемуся перед его глазами, то это как элементарнейшая и простейшая форма желания. Когда ребенок становится старше, желание все иметь у него еще очень сильно. Так, двухлетние и трехлетние дети тянутся ко всему, что есть у них перед глазами, они хотят брать все и кричат, когда им этого не позволяют. Несмотря на это, мы их не назовем жадными.

С 3,5 лет у ребенка появляется чувство собственности, которое родители у него активно формируют. Среди свойств предметов и вещей указывается и принадлежность – «мой», «твой». У ребенка есть своя кроватка, своя посуда, своя одежда. И есть свои любимые игрушки, которыми он неохотно делится – так они ему нравятся.

В это время дети начинают собирать мелкие красивые предметы – пуговицы, стеклышки, фантики, прячут и демонстрируют свое «богатство». В копилочки складываются монетки. Некоторые родители по этому поводу, как отмечает О. Маховская, явно недоумевают: «У нас в семье все есть. Мы не нуждаемся. Почему она так дрожит над своими игрушками?», «Я боюсь, что детская жадность перерастет потом в стяжательство. А я бизнесмен и знаю, что сквалыжничество губит дело!», «Моя дочка не дает даже прикоснуться к своим игрушкам – начинается истерика!».

Многие дети к числу жадных людей начинают относить и обжор, и толстяков, и злых персонажей, готовых отобрать все самое интересное у других. Однако, несмотря на то что хотя дети четко различают «плохих» и «хороших», в реальной жизни сами они, как указывает О. Маховская, могут вести себя с пристрастием стяжателей. Эксперименты показали, что дети, раздавая друзьям игрушки, самые красивые оставляют себе. Иногда из 5 игрушек ребенок с трудом расстается с одной-двумя. И лишь только в 8–10 лет (с опережением у девочек) дети учатся справедливо разрешать бытовые конфликты, аргументируя свой выбор. Современная ситуация отягощена тем, что родители сами бывают одержимы приобретательством, шопоголизмом, коллекционированием особых предметов, модных вещей, окружая их ореолом почитания (О. Маховская, 2012. – С. 49–50).

Жадность – один из самых тяжких пороков. Но детям до 9–10 лет очень трудно предъявить такую претензию. Если они и жадничают, то, как отмечает О. Маховская, неосознанно. У них нет преднамеренной цели обидеть другого человека, обделить его чем-то. А за приписываемой им жадностью скрывается нечто другое. В первые годы жизни дети испытывают интерес к предметам и людям, еще не осознавая границ своего «я». Малыш тянет в рот то, что его интересует, потому что тактильные впечатления, собственные телесные переживания пока самые яркие и важные. Все, до чего ребенок может дотянуться и что может взять в руки, – его первые достижения.

О жадности можно говорить только тогда, когда четырехлетний ребенок уже настолько подрос, что в нем развились уже побуждения, а вместе с этим и борьба между ними. Затем о жадности можно говорить, когда желаемые ребенком предметы излишни или сами по себе, или в большом количестве – и далее, когда ребенок снова и снова хочет их иметь при каждом подходящем случае. Но простая жадность, хотя она не всегда приятна, все же не содержит желания причинить вред ближнему человеку.

Жадность ребенка простирается, конечно, только на предметы, лежащие в сфере его интересов, т. е. на еду, игрушки и наряды. Чаще всего она проявляется у детей в форме любви к лакомствам. Она не всегда так мила и забавна, как в примере Ф. Шольца с четырехлетним мальчиком, который, думая, что его никто не видит, взобрался на стул, чтобы стащить из сахарницы кусочек сахару. На дворе в это время была гроза, и как раз в этот момент ударил сильный гром. Карл с испугом отдергивает руку от сахарницы и со взором, полным упрека, говорит, поднимая головку кверху: «Но, милый Боженька, из-за кусочка сахара такой гром!» Любовь к лакомствам – недостаток, который со временем превращается в известное гурманство. Орган вкуса приспособляется постепенно к своим более высоким задачам. Особенное пристрастие к сладостям обнаруживают, как известно, девочки-подростки (Ф. Шольц, 1914. – С. 85).

Любовь к лакомствам, по Ф. Шольцу, легко превращается при здоровом желудке в обжорство. Нет ничего противнее вида такого жадного ребенка, сидящего за столом и большими глазами заранее пожирающего все, что на столе. Противно смотреть, как он накладывает себе полные доверху тарелки и беспрерывно ест и жует, пока хватает сил. Самая скверная сторона в любви к сладостям, что она представляет собой скрытый грех и ведет к утаиванью и маленьким кражам. Ребенок-лакомка редко вполне честен; он приучается к скрытности и хитрости, лжи или, по крайней мере, утаиванью.

Жадность к игрушкам и другим вещам не выливается в такую прочную форму, как любовь к сладостям, так как желание обладать предметом часто исчезает уже вместе с удалением предмета.

Жадность проявляется иногда так же, как страсть к выигрыванию при игре. Поэтому детям не надо давать играть никогда на деньги или нужно стараться устраивать эти игры так, чтобы все выигрывали (Ф. Шольц, 1914. – С. 86).

Разновидностью жадности является скупость. Скупость – это преувеличенная с детства привязанность к приобретенному, причем ребенок считается только с собственными, а не с чужими интересами. Скупой ребенок дает скорее испортиться своим фруктам или сладостям, чем решится отдать что-нибудь другому. Противоположностью жадности и скупости являются щедрые дети. Они охотно дарят, чтобы доставить другим удовольствие.

Дети-прокрастинаторы. Прокрастинация (от лат. pro – вместо, впереди и crastinus – завтрашний) означает склонность к постоянному откладыванию «на потом» неприятных дел и поэтому нередко воспринимается как проявление лени.

Конечно, каждый человек, как отмечает Е.П. Ильин, хотя бы раз в жизни отказывался от быстрых действий и откладывал их, особенно когда надо было делать что-либо под принуждением, или под давлением обстоятельств, или же когда были сомнения в нужности и полезности задуманного. Но при прокрастинации человек медлит даже тогда, когда на 100% уверен в необходимости действий. И у него нет никаких сомнений в том, что это нужно, полезно, необходимо и задуманное должно было быть сделано «еще вчера». Но он сознательно откладывает намеченное дело, несмотря на то что это повлечет за собой определенные проблемы и осложнения.

То есть у человека имеются желание и четкое видение конкретных шагов к цели, но он все равно сидит и ждет у моря погоды. При этом он может выполнять малые и незначительные дела, которым придает большую значимость, чем действительно важному (Е.П. Ильин, 2001. – С. 174).

По данным психологов, устойчивая прокрастинация имеется у 15–25% людей. Причем, как показано в лонгитюдном исследовании, за последние 25 лет уровень прокрастинации у населения повысился (Kachgal et al., 2001).

Прокрастинация объясняется наличием у человека ряда субъективных причин: нерешительности, страха неудачи и неодобрения со стороны окружающих, неуверенности в себе, перфекционизма. В связи с этим выделяют напряженных прокрастинаторов. Однако имеются

и расслабленные прокрастинаторы, соответствующие житейскому пониманию лени. Они сосредоточиваются на выполнении таких дел, которые доставляют удовольствие «здесь и сейчас».

Н. Милграм с соавторами (Milgram et a1., 1993) первоначально выделили пять видов прокрастинации:

1) ежедневная (бытовая), т. е. откладывание домашних дел, которые должны выполняться регулярно;

2) прокрастинация в принятии решений (в том числе незначительных);

3) невротическая, т. е. откладывание жизненно важных решений, таких как выбор профессии или создание семьи;

4) компульсивная, при которой у человека сочетаются два вида прокрастинации – поведенческая и в принятии решений;

5) академическая, т. е. откладывание выполнения учебных заданий, подготовки к экзаменам и т. д.

Позже Милграм и Тенне (Milgram, Tenne, 2000) объединили эти виды в два: откладывание выполнения заданий и откладывание принятия решений.

Выделяют также прокрастинацию, связанную со стремлением избежать неприятного дела и с получением острых переживаний в условиях дефицита времени. В связи с этим выделяют два типа прокрастинаторов – пассивных и активных (Hsin Chun Chu, Nam Choi, 2005; Nam Choi, Moran, 2009).

Активный прокрастинатор стремится к нагнетанию напряжения. Откладывание дел «до последнего» создает остроту момента, связанного с крайней близостью срока завершения работы. Когда времени для окончания работы остается мало, человек переживает мобилизацию сил, полную концентрацию, повышение активности психических процессов. По сути, это приводит к штурмовщине, а если это касается подготовки студентов к экзаменам, часто, как показано в одном исследовании, заканчивается провалом. Поэтому не всякая мобилизация приводит к успеху: человеку может не хватить времени на выполнение задания.

Имеется несколько подходов к объяснению причин этого явления. Одно объяснение прокрастинации дается в теории снижения напряжения. Заниженная самооценка, неуверенность в себе, опыт прошлых неудач в выполнении данной работы вызывают у человека тревогу, страх, особенно если результаты деятельности будут оцениваться, да еще публично. Поэтому человек стремится избежать напряжения, связанного с выполнением деятельности, которая ему неприятна, неинтересна или чрезмерно сложна и «тянет время» (Baumeister, 1997; Milgram et al., 1995; Seneca1 et a1., 1997). Человек приступает к вы-

полнению задания только тогда, когда страх перед последствиями невыполнения задания перевесит страх неудачного его выполнения. (Е.П. Ильин, 2011. – С. 176). Среди причин прокрастинации следует выделить следующие личностные особенности: наличие страха неудачи и стремление к ее избеганию, боязнь успеха и перспективы стать объектом всеобщего внимания (застенчивость), нежелание выделиться и вызвать зависть у других (Burka, Yuen, 2008).

Процесс преодоления прокрастинации можно условно разделить на три основных блока: 1) всесторонний анализ проявлений, источников и последствий прокрастинации у ребенка, выявление основных предпосылок, имеющих решающее значение для появления желания отложить выполнение дела; 2) работа с представлениями прокрастинатора о своих способностях и успешности, с его самооценкой и уровнем притязаний; 3) формирование у ребенка навыков адекватного распределения времени, постановки и достижения целей, умения трезво оценивать сложность задания, усилия, требующиеся для его выполнения, и т. п. (Е.П. Ильин, 2011. – С. 177). С возрастом прокрастинации снижаются (O′ Donoghue, Rabin,1999), что, предполагают, связано с выработкой каких-то ее ограничителей.

«Обидчивый ребенок» отличается от других детей, как полагает А. Баркан, тем, что «его бесконечные обиды на взрослых и сверстников чаще всего на самом деле не стоят выеденного яйца. Поведение «обидевших» его людей просто не соответствует его ожиданиям, которые он завышает сам, не имея для этого почвы и достаточно веских причин, да к тому же не может на это взглянуть трезвым взглядом. Ну, хотя бы, к примеру, никто не заметил, что его по-другому подстригли. Ну, а раз не заметили, значит, всем на него наплевать. Он здесь лишний, ненужный. Его игнорируют. И ребенок так сам подливает себе масло в огонь, распаляя свое воображение и действительно веря в придуманное. Его «Я» – уязвленное и ущемленное, хотя он сам довел его до такого, обвиняя при этом других. Но другим, а особенно детям, в самом деле неважно, что он подстрижен. Если б в стрижке его было бы сверхъестественное, ну хотя бы стояли волосы дыбом. А подстригли почти как прическа у всех, так чему же тогда восторгаться.

В подобных случаях говорят о неадекватных обидах, потому что ребенок обвиняет других не в действительно имеющих место обидах, а в своих «взглядах» на них, источниками которых являются его собственные «авторские» ожидания, не оправданные источниками обиды». (А. Баркан, 2010. – С. 421).

Так, мать обидчивого ребенка отмечает, что ее сын обижается по мелочам. То не так посмотрела на него, то сказала что-то грубым голо-

сом. А сейчас не ладит с детьми в классе. Ему кажется – все игнорируют его. Игнорируют в семь лет, что будет дальше? Следует отметить, что обида свойственна не только детям дошкольного и младшего школьного возраста, но и детям младенческого возраста. Например, уже в пять месяцев младенец может ощущать чувство обиды, а в десять она постоянно вместе с ним при любом недовольстве. Обидчивые дети, как правило, очень чувствительны к оценке их «совершенства» другими людьми. Причем их удовлетворяет только восхищение ими, и даже любое безоценочное отношение к такому ребенку – уже источник бесконечных раздумий о собственном несовершенстве. И любой человек, наводящий их на подобные размышления, по их мнению, не замечает или же с пренебрежением относится к ним.

Безусловно, на этой почве у обидчивого ребенка возникают различные комплексы, что-то вроде комплексов «непризнанного гения», потому что эти комплексы появляются на фоне достаточно высокой самооценки. Ведь ребенок знает себе цену! Но другие почему-то этого не понимают.

Подобные проявления обидчивости ребенка можно отнести к разряду неадекватных. А вот ситуации, связанные с выражением ребенку чувства презрения, пренебрежения, неуважения и игнорирования со стороны значимых для него людей (родителей, воспитателей, учителей, сверстников), которым он искренне доверял и был уверен, что они ценят общение с ним, – тогда обида действительно адекватна, так как имеется и адекватный повод для нее.

А значимыми для дошкольника и младшего школьника людьми являются, прежде всего, родители и сверстники и, безусловно, воспитатели и учителя.

Но если «неуважительное» отношение к себе взрослых ребенок еще чем-то, но может все-таки оправдать, игнорирование его ровесниками – очень сильная душевная боль. Вообще, ощущение себя отверженным из-за того-то или этого – прямой путь к всевозможным комплексам и комплексу неполноценности.

По мнению А. Баркан, пространство обид для детей дошкольного и младшего школьного возраста довольно обширно, в котором обидой пытаются все время защищать, как на дуэли, свое униженное, ущемленное и паникующее «Я».

К числу таких ситуаций относятся: любые ситуации со стороны значимых для него взрослых людей, когда они сравнивают ребенка с каким-нибудь другим ребенком и в пользу этого другого ребенка.

Демонстративное проявление любви родителей на глазах ребенка к его брату или сестре, позабыв о любви к нему.

Поддержка родителями чужого, несправедливого мнения о нем вместо попытки защитить. Невыполненные обещания родителей и сверстников, осуществления которых ребенок ждал.

Несправедливое обвинение в том, чего не было или было неправильно понято.

«Предательство» друзей, позабывших его пригласить в свою игру, на день рождения, совместные прогулки.

Приклеивание ярлыков в виде обидных прозвищ и дразнилок.

В общем, даже адекватных причин для обиды ребенка, исходя из особенностей его нервно-психического развития и темперамента, достаточно много, и каждую ситуационную причину для каждого конкретного ребенка практически не перечислишь (А. Баркан, 2010. – С. 422).

В целом обидчивого ребенка характеризует то, что он все отзывы о себе воспринимает в своих особых кривых зеркалах и нередко сам провоцирует конфликты. А удачно спровоцировав их, демонстрирует обиду. Причем эта демонстрация ее невольно превращается в потребность и становится одной из самых характерных черт подобного ребенка. Он теперь не просто обижается, а так, чтобы видели другие и сочувствовали бы ему, вызывая чувство вины у обидчика, хоть обидчик вряд ли понимает, в чем он провинился и в чем виноват. Но лишь только обвинив кого-то, чтобы этим оправдать себя, он берет реванш, не понимая, что победа – пиррова, а основания все для обиды – мнимые.

Но тем не менее переоценка собственного «Я» и взятие «реванша» невольно превращается в стиль жизни, выходит на передний план. И эти мнимые обиды-провокаторы без всякой жалости обычно разрушают все доверительные отношения ребенка с ровесниками или близкими людьми. Вследствие этого обидчивый ребенок томится в гордом одиночестве, уверенный в том, что как всегда прав, что его недооценили остальные. Вокруг него лишь конкуренты и соперники, которые участвуют с ним в кастинге, какое место им завоевать под солнцем.

По мнению А. Баркан (2010), обида – это «реакция» на жизнь и на умение общаться, тест на любовь к себе. Чем больше ценит себя Ваш ребенок, тем проще ему найти повод для обиды. Вместе с тем необходимо отметить и то, что обидой дети в состоянии «воспитывать» родителей намеками, как надо лучше с ними обращаться. Ведь плач ребенка в ответ на обиду, когда в этом виновны мама с папой, обычно вызывает у родителей чувство вины, давая повод для раскаяния и пересмотра своих воспитательных воздействий. Так что обидчивый ребенок способен «проповедовать» в семье свой кодекс воспитания и справедливости. (А. Баркан, 2010. – С. 425).

Завистливый ребенок. Как известно, основой зависти, независимо от возраста, служат не столько различия между людьми, сколько сравнительные оценки человека относительно других людей, превосходящих его по самым различным признакам (внешности, материальным возможностям, способностям, удачливости и др.). Зависть возникает и тогда, когда желаемая цель уже достигнута другим человеком, а у него даже малейшие подступы к ней отсутствуют – счастливчики как раз и являются объектом зависти. У детей чувство зависти проявляется более явно.

Как замечает О. Маховская, «Ему нужно только то, что у соседского мальчика! Все время клянчит купить такую же машинку», «Моя дочка смотрит в магазине, что берут другим детям, и себе того же просит. Это зависть?», «Мой сын крутится у Петровых, а потом с восторгом рассказывает, чем они там занимались. Чему там завидовать? Нищета!..» (О. Маховская, 2012. – С. 227).

У ребенка завистливость появляется в тех случаях, когда ни одно из его желаний не может быть выполнено самостоятельно, без помощи родителей. Более того, родители сами обостряют это чувство, напоминая детям об ограниченности их возможностей: «Нет денег», «Нет времени», «Нет того, что ты хочешь», «То, что ты хочешь, невозможно».

Детская зависть носит малоосознанный характер. Поэтому их желания имеют наглядно-образную природу, т.е., как отмечает О. Маховская, что увидят, о том и мечтают. А увидеть многие вещи они могут только в руках других людей. А значит, маленькие дети как бы обречены завидовать, и они могут застрять на этом перекрестке, не видя выхода. Если, конечно, мы им не поможем (О. Маховская, 2012. – С. 228).

Зависть, по мнению Ф. Шольца, есть чувство неудовольствия, порожденное тем обстоятельством, что другой обладает вещами, которые ты сам хотел бы иметь, и оно в то же время связано с чувством антипатии к этому другому. Зависть также имеет много различных ступеней. Если сочувствие радости, а именно сочувствие и радость счастью другого, к которому человек сам стремился, есть проявление альтруизма, то отсутствие этих чувств, к чему всегда примешивается в то же время огорчение от собственной неудачи, можно назвать уже преддверием зависти.

На этой ступени стоит большинство людей. Говоря о детской зависти, следует отметить такую ее особенность, как слабость и непродолжительность ее проявлений по сравнению со взрослыми.

То, что мы у детей называем завистью, есть часто только сильное проявление жадности. Ребенок может кричать и плакать, когда он

видит у другого ребенка игрушку, которую он сам хотел бы иметь. Но он скоро успокаивается и не сохраняет в своем сердце никакого злого чувства по отношению к своему более счастливому сверстнику. Завистливая жадность может вылиться у ребенка в воровство, даже в открытый грабеж. Но быстрому действию не предшествует долгое, полное ненависти обдумывание его. Однако уже в подростковом возрасте (12–13 лет), когда развиваются отношения симпатии и антипатии, мы можем встретить настоящую эгоистическую зависть со всеми ее отвратительными придатками, такими как ненависть, доносы, коварные преследования и скрытая злоба (Ф. Шольц, 1914. – С. 93).

В подростково-юношеском возрасте зависть имеет многоступенчатую или многоуровневую выраженность. В этой связи Ф. Шольц выделил следующие ступени зависти.

Первой ступенью является зависть к обладателю таких вещей, о которых завидующий раньше и не мечтал, но которые все же ему хотелось бы иметь. И на этой ступени также стоит бесчисленное количество людей. Но пока дело ограничивается только огорчением от того, что мы сами не получили этих сокровищ, которым мы завидуем, богатства, положения и т. п., или от того, что мы сами не пережили этого особенно счастливого случая, который выпал на долю других, это еще не имеет особенно важного значения, хотя и не есть показатель особенно высоко развитой нравственности. Это просто ревность, приходящая и уходящая скоро. Только тогда, когда она связывается с антипатией к счастливцу, с желанием ему вредить, мы имеем перед собой настоящую зависть.

Вторая ступень характеризуется тем, что человек завидует и ненавидит другого из-за его личных преимуществ. Зачастую такую зависть возбуждают внешние преимущества, такие как красота, ловкость, умелость, но еще чаще умственные и духовные. Плохо приходится тогда счастливцу, если только он не находится вне сферы власти своего завистника. Горе подчиненному, который умнее своего начальника и который недостаточно ловко и тщательно умеет это скрывать! Горе выдающемуся ученому, который возбудил гнев и зависть коллеги или иногда целой клики!

Третья ступень завистливости не ограничивается чувствами ненависти, а она проявляется на деле в форме интриг, клеветы и подлостей всякого рода. Зависть скрывается часто под улыбающейся и благожелательной миной. «Что скажут ваши завистники?» – спросил некто у господина, только что получившего высокое назначение. «Я только что хотел вас спросить об этом», – был, во всяком случае, не совсем вежливый ответ. Из всех страстей человеческих, как отмечает Ф. Шольц, зависть есть самая низкая и трудноискоренимая, потому что она тесно

связана со всеми дурными инстинктами. Один пастор высказал очень верную и глубокую мысль: «Бог не может наказать завистника ничем лучше, как посадив его в рай. Там радости праведников превратят для него рай в ад». Лучшим доказательством того, что зависть вытекает из самой природы человека и не вызывается разницей в положении, богатстве и личных преимуществах, является то обстоятельство, что и богатый завидует бедному, а счастливец – несчастному. Всегда есть нечто такое, что хотелось бы иметь самому, даже из того, что есть у бедняка (Ф. Шольц, 1914. – С. 93).

Зависть – очень сильный мотив, почти непреодолимый в детском возрасте. Условиями ее возникновения чаще всего выступают:

– Труднореализуемые желания, выступающие в форме завистливо-подражательного поведения. По мнению О. Маховской, приписывая негативный смысл зависти, останавливая детей, порицая и даже наказывая их, мы блокируем их лучшие порывы, мешаем развиваться (О. Маховская, 2012. – С. 240).

– Соревновательные отношения. Соотнося свои достижения с достижениями других, ребенок в случаях проигрыша нередко испытывает чувство зависти по отношению к победителю.

– Неадекватно завышенные уровни самооценки и признаний. Дети, обладающие высоким уровнем притязаний и самооценки, как правило, подвержены зависти к сверстникам, опережающих их в чем-либо или обладающих тем предметным наполнением, которого нет у данного типа детей. Следует помнить, что такие дети не завидуют всему подряд, а тому, что находится за пределами обыденности жизнедеятельности.

Зловредный ребенок. Зловредный ребенок – это антипод равнодушного ребенка. В то время как последний ничего не чувствует или обнаруживает притупленность чувств, первый проявляет радость, даже слишком большую, но не там, где следует, например, при неудачах других людей. В этой связи Ф. Шольц показал деструктивную иерархичность злорадства.

Наиболее распространенной формой злорадства является радость, которую дети испытывают при крушении планов своих врагов,она человечна и извинительна по крайней мере постольку, поскольку на земле существует такой порядок, что есть друзья и враги. Эта радость будет тем чище, чем безупречнее мы чувствуем себя в каждом данном случае, чем меньше мы при этом действительно думаем о зле, которое другой перенес, и чем больше мы при этом помогаем, насколько возможно исправить его. Ведь в таких случаях, как отмечает Ф. Шольц, меньше думаешь о своих врагах, чем о самом себе, и здесь радость есть

в своей основе не что иное, как приятное чувство собственной безопасности и покоя (Ф. Шольц, 1914. – С.53).

Уже ступенью ниже, по мнению автора, стоит радость о том, что другой человек не получил того, к чему ты сам стремился. Если, например, при поисках места или в любви удача на вашей стороне, то радость собственной победы заглушает мысль о страдании другого. Это – радость эгоистическая, она мешает проявлению сочувствия к другим. «Как мне жаль моего соперника!» – это восклицание вы, наверное, не часто услышите. У многих людей примешивается к этому еще тщеславие и самомнение. Иной думает при этом: «Уж, наверно, я и умнее, и лучше, и красивее, и приятнее – иначе я не победил бы своих соперников». Но если человек сам побежден, то он при этом мало думает о неудачах других, а занят только своим горем и находит разве только утешение в мысли, что у него есть товарищи по несчастью. Все это, конечно, мало соответствует возвышенным этическим требованиям, но это еще не есть настоящее злорадство (Ф. Шольц, 1914. – С. 53).

Более деструктивной бывает злорадство, основанное на ненависти. Но и оно, как утверждает Ф. Шольц, не совсем лишено моральной основы. В глубине души тогда, может быть и полусознательно, шевелится мысль, что перенесенная противником неудача может послужить ему в пользу, т. е., что он может исправиться и переменить в желательном для нас направлении свое отношение к нам. Также, смотря по обстоятельствам, может явиться предположение, что перенесенная неудача отняла у нашего противника возможность вредить нам. Здесь, таким образом, к злорадству примешиваются личные чувства, которые можно оправдать и которые поэтому смягчают его (Ф. Шольц, 1914. – С. 54).

Более глубоким является злорадство, основанное на зависти. Злорадство на данном уровне может проявляться, например, если, как указывает Ф. Шольц, мы при виде счастья другого завидуем ему, то мы будем также радоваться его несчастью. Оба эти чувства (хоть и непозволительные) – проявления собственного Я. Зависть есть чувство боли, злорадство – чувство удовлетворенности, но оба эти чувства возникли и относятся к одному предмету – именно к обстоятельствам другого. Но злорадство из зависти стоит ниже, чем злорадство из ненависти, потому что зависть сама ниже ненависти. Ненависть может проявляться честно и открыто, зависть же всегда скрывает в себе какую-нибудь заднюю мысль. Ненависть может прощать, зависть – никогда. Эти два рода злорадства чаще всего встречаются в жизни (Ф. Шольц, 1914. – С. 54).

Высшим уровнем злорадства с точки зрения деструктивности и самым низшим среди человеческих качеств является, по Ф. Шольцу, чистое злорадство. Эгоизм, ненависть и зависть можно понять, они

имеют свои пробудительные причины и объяснимы с точки зрения человеческой природы. Но этого нет в чистом злорадстве. Оно представляет собой не смешанную ни с какими посторонними интересами радость при неудачах и страданиях других людей. Мучения других людей превращаются в их душе в радость. Но как может происходить подобное превращение – необъяснимо.

Чистое злорадство вообще не очень часто встречается, и потому оно и у детей, к счастью, редко. Обыкновенная же форма злорадства из ненависти и зависти встречается как у детей, так и у взрослых. Практически она проявляется, главным образом, как склонность к жестокости и к мучительству животных. Мы еще позднее возвратимся к этому вопросу.

Дети-«спорщики». «Спорщики», несомненно, выдающиеся личности, как дети, так и взрослые. Энергичные в том, чтобы докопаться до сути, они не отступят, пока не добьются своего. Но при этом они не умеют взаимодействовать с другими людьми.

Эти дети ревниво следят за справедливостью, или, говоря иначе, за равновесием правильного и неправильного. Иногда, как отмечает Э. Фуллер, вам даже кажется, что комиссия по правам человека находится прямо у вас в доме. Например, если вы попросите ребенка-«спорщика» навести порядок в комнате, они посмотрят на вас обиженно-ошеломленным взглядом, а потом спросят: «Почему я?»

«Спорщики», будь то мужчины или женщины, обычно экономят на чувствах. Вы – в числе тех, на кого они не расточают эмоций.

С выбором профессии для них всё просто – они обречены на успех в юриспруденции и адвокатуре. Это очень решительные и говорливые дети, которые умело пользуются языком – ну просто разят наповал!

К несчастью, «спорщики» часто не могут подстроиться под собственные эмоции. Они способны негодовать или быть несправедливыми, но под этим часто скрывается неуверенность в том, что они достаточно хорошие, что их любят (Э. Фуллер, 2010. – С. 55–60).

«Пассивные упрямцы». Дети такого типа порой бывают очень чувствительными. Они могут отступить или даже дистанцироваться от жизни ради того, чтобы не узнать поражения, в этом они похожи на «конкурентов».

Эти дети, кажется, руководствуются надеждой, что все разрешится само собой, без их участия. Им нравится быть незамеченными, они добровольно соглашаются на второстепенные, пассивные роли. «Пассивные упрямцы» рассеянны, скрытны и неорганизованы. Они не привыкли торопиться, предпочитая двигаться по жизни не спеша.

«Пассивные упрямцы» невозмутимы, зато их родители наливаются гневом. При обращенном к ним вопросе они рассеянно посмотрят на вас.

Например, если вы спросите что-то похожее на «Почему ты не сделал домашнюю работу?». В ответ вы услышите: «Домашнюю работу? Какую домашнюю работу? Никто не просил меня делать уроки».

«Пассивные упрямцы» внешне очень спокойны, но личина часто бывает обманчивой. Для них характерно не только прятаться от жизни, но и скрывать чувства, их обуревающие. Может показаться, что окружающий мир их не трогает. В быту они нередко теряют свои вещи, не принимают во внимание информацию, которую до них пытаются донести, все копят в себе. С ними трудно иметь дело. Родители таких детей часто ловят себя на том, что умоляют своего отпрыска: «Просто поговори со мной, скажи, что происходит». Но ответа удостаиваются немногие (Э. Фуллер, 2010. – С. 76–78).

Непослушный ребенок. Данный тип детей, как отмечает О. Маховская, включает целую галерею портретов и характеров детей: веселый непоседа, агрессивный борец, унылый тихоня, избалованная любимица. Чтобы такие дети вели себя «нормально», родителям приходится прилагать усилия: сдерживать, контролировать, повторять, отказывать, наказывать и предупреждать. И в этом все дело: нам не хочется напрягаться, воспитывая детей. Было бы удобней, чтобы ребенок был управляем, как игрушка с пультом (О. Маховская).

Непослушных детей отличает комплекс поведенческих, эмоциональных и познавательных особенностей. Первое, что их отличает, – это несформированность произвольного внимания и словесной памяти. Поэтому они не всегда слышат, когда к ним обращаются взрослые. Они забывают завязать шнурки по дороге в школу, рискуя упасть. Даже если говорить строго и громко, они могут невозмутимо заниматься своим. Авторитеты на них не действуют. Никогда на их лице не увидишь ни сильных эмоций, ни страха, ни радости, только блеск или равнодушие. Вместе с тем данных детей отличает повышенный интеллект, высокая способность к запоминанию последовательности операции. Они не терпят заниматься рутиной, но зато, по мнению О. Маховской (2012), могут часами корпеть над сложной задачей, такой, которая и родителям не всегда по плечу. Объективно они стремятся занять «особое» положение, что раздражает членов семьи и противоречит принципу равенства Они не реагируют на повышение тона, если видят, что ситуация не стоит нервов и родители просто пытаются «давить». Стоит начать: «Если ты…» («…сейчас же не бросишь... …и на этот раз не послушаешься...»), как ребенок выключается: «Началось...» Примерно то же наблюдается в семьях, в которых родители пытаются

воспитывать детей, используя инструменты психологического давления, однообразные морали или команды вроде «Пойди!», «Принеси!». Дети чувствуют, что их недооценивают, считают глупыми, напоминают, что родители сами не следуют своим же правилам, т. е. «дерзят и «издеваются» (О. Маховская, 2012. – С. 138).

Этим детям достается от родителей за несобранность, «непутевость», невнимательность и др., так как у них пока не сформировано произвольное внимание и вербальная память, но они запоминают последовательность операций. Дети данного типа могут не слушать, т. е. не выполнять требования, просто потому, что не в состоянии запомнить и понять инструкцию. Характеризуя детей «непослушного» типа, О. Маховская (2012) выделяет ряд их характеристик, выделенных родителями: «Поведение моего сына вполне описывает пословица «А Васька слушает да ест!», «До него не достучишься, или он не запоминает, или протестует. Нет, чтобы сразу сделать и жить потом спокойно. Все нервы вымотает», «У меня гиперактивный ребенок. В одно ухо влетает, в другое вылетает!», «Мы ее избаловали, и она просто не привыкла прилагать усилия!» (О. Маховская, 2012. – С. 138).

Обобщая характеристики детей данного типа, О. Маховская (2012) выделяет следующие их особенности:

- Они нас слушают, но то, что они слышат, им непонятно.
- Они не хотят, чтобы с ними повелительно разговаривали, поэтому отказываются играть в игру «слушай своего папочку, иначе будет худо!».
- Они могут имитировать послушание.
- Они не будут слушать откровенных оскорблений и унижений.
- Они не будут слушать – и делать! – то, что мы говорим, если, желая «надавить на психику», вы слишком его испугали.
- Послушание – это стиль поведения детей со слабой нервной системой.

2.6. Дети-акцентуалы эмотивно-лабильного типа

Главными особенностями эмотивной личности являются высокая чувствительность и глубокие реакции в области тонких эмоций. Характерны мягкосердечие, доброта, задушевность, эмоциональная отзывчивость, высокоразвитая эмпатия. Все эти особенности, как правило, хорошо видны и постоянно проявляются во внешних реакциях личности в различных ситуациях. Характерной особенностью является повышенная слезливость (как принято говорить, «глаза на мокром месте»).

Они наиболее чувствительны к тому, что «их не понимают», остро реагируют на различные оплошности в поведении педагога.

Фальшь, а тем более безразличие и черствость эмотивные личности чувствуют чрезвычайно тонко и быстро реагируют на подобные изменения поведения. Эмотивные дети очень рано проявляют пугливость, боязливость, особенно боятся некоторых животных. Чрезмерно привязаны к близким. Любят компанию, но боязнь быть обиженными толкает их на дружбу с младшими. В подростковом возрасте проявляют высокое чувство ответственности, требовательности к себе. В морально-этическом плане рано становятся зрелыми личностями. Не склонны к группированию. Реакции эмансипации проявляются во внешней браваде, «жестах» (чаще в отношении близкого круга). Взрослые склонны к неврастении, поскольку ставят себе очень высокую планку, которая часто превышает их реальные возможности.

Добродушный ребенок. Эмотивно-добродушный тип детей, по П.Ф. Лесгафту, характеризуется аналитической деятельностью: ребенок привык рассуждать над каждым новым явлением и, постепенно развиваясь, приучается мыслить более отвлеченным образом. При недостатке знаний мыслительная деятельность принимает характер фантазии. Лицам, принадлежащим к данному типу, прежде всего, интересна личность человека, анализ собственных проявлений и отношение этих проявлений к своим действиям и ко всему окружающему. Поэтому их деятельность всегда отличается большой самостоятельностью и правдивостью. Деятельность поддерживается, пока есть умственный интерес или взятое на себя обязательство. Недостаток добродушного типа – несоответствие между умственным и физическим трудом, то есть преобладание первого.

Всякое принуждение к занятиям и несправедливость или произвол неминуемо отталкивают ребенка этого типа от дела и содействуют апатичному и безучастному отношению к работе. Любовь к ближнему, защита слабого, простое и правдивое отношение к окружающим – отличительные качества лиц эмотивно-добродушного типа.

Главные характеристики этого типа:

– наблюдательность, привычка размышлять над явлениями окружающей среды, чтобы выяснить их причинную связь, их значение, внутренний смысл;

– мягкость, правдивость, прямота и простота в действиях и отношениях к окружающим.

Чувствительный и жалостливый ребенок. Чувствительность ребенка имеет множество проявлений. В отличие от «толстокожих» детей их отличает повышенная чувствительность к словесным и несловесным родительским воздействиям (интонация и высота речевых

обращений, мимика, жесты и др.). Они легко расстраиваются, даже от легких неприятных намеков. Про таких детей говорят, что у них смех и плач живут рядом. Быстрая смена настроений и чувств, переход переживаний и представлений из одной крайности в другую являются важными индикаторами чувствительности ребенка, обусловленными слабой нервной системой. Указанные проявления подробно изложены в работах И.П. Павлова и Б.М. Теплова.

В подростковом возрасте чувствительность проявляется в форме смены романтических настроений и аффективно-бурных порывов. Иногда подросток без явной причины погружается в печаль, а после этого он готов на любую выходку.

Чувствительность в сочетании с мечтательностью свойственна обоим полам и витает на уровне бесплотных грез. Герои прочитанных книг и фильмов создают у них преувеличенное мнение о себе и юношескую жажду подвигов.

По мнению Ф. Шольца, детская чувствительность сродни жалостливости. Она заключается в том, что боль и горе, хотя и воспринимаются правильно, вызывают все же чувство удовлетворения, т.е. удовольствия.

Жалостливые дети упиваются горем, ищут поэтому горестных впечатлений, а когда это невозможно и нет внешних поводов, воображают себя хоть в своей фантазии в горестном положении. Этим жалостливый, сострадательный ребенок некоторым образом похож на чувствительного ребенка, у которого мы также видели склонность упиваться чувством обиды от перенесенной им мнимой несправедливости. Но он отличается от последнего тем, что у него нет в душе ни обиды, ни гнева, а переносимое им действительное или только воображаемое горе он считает вполне заслуженным и радуется ему. Соответственно, с этим и поведение терпеливого ребенка в противоположность бушеванию или надутости чувствительного ребенка – серьезное, краткое, сдержанное и, насколько это возможно для ребенка, облечено известным достоинством. Однако, как замечает Ф. Шольц, эта любовь к страданиям есть склонность, совершенно несвойственная детской душе, открытой всегда для радостей и веселья. Поэтому она не представляет ничего хорошего. Зачастую дети, несущие в себе неизвестное, глубоко скрытое горе, носящиеся без всякого основания с мыслью о своей близкой смерти, трогательно прощаются со своими близкими. У жалостливого ребенка мы имеем, таким образом, дело скорее с временным недостатком. Но так как он оканчивается иногда смертью, то мы должны причислить его к числу отклонений, переходящих в настоящую болезнь (Ф. Щольц, 1914. – С. 52). Указанные суицидальные симптомы у жалостливых требуют не столько педагогических средств, сколько медико-психологической реабилитации.

2.7. Дети-акцентуалы педантичного типа

Хорошо заметными внешними проявлениями этого типа является повышенная аккуратность, тяга к порядку, бережливость, расчетливость, нерешительность и осторожность. Прежде чем что-либо сделать, долго и тщательно все обдумывают. Очевидно, за внешней педантичностью стоят нежелание и неспособность к быстрым переменам, к принятию ответственности. Эти люди без нужды не меняют место работы, лишь в самых крайних случаях.

Часто страдают под бременем ответственности. Всегда сомневаются, мнительны, подозрительны, озабочены собственным здоровьем. Обычно неразговорчивы, тихи, легко смущаются и краснеют, долго переживают неудачу. Предпочитают логику, рационализм, систематизацию в ущерб интуиции, чувствам. Любят анализировать свои мысли, чувства и поступки, что порой приводит к неадекватному восприятию реальности, мешает устанавливать теплые отношения с противоположным полом. Склонны к ипохондрии (чрезмерному вниманию к своему здоровью, страху перед неизлечимыми болезнями). Характерно подчинение нормам, требованиям, боязнь нового, морализаторство. Стресс испытывают в случаях, если попадают в делинквентную среду или возникает необходимость изменения жизненных стереотипов. Согласно содержанию детских характерологических типов, по Ф. Шольцу, нами в эту группу были отнесены следующие типы детей.

Противоположностью неряшливого ребенка является педантичный ребенок. Педантичный ребенок с самых малых лет любит во всем порядок; его эстетические наклонности, поскольку они выражаются в любви к симметрии, развиваются уже очень рано. Подобно взрослым, есть также дети, которым неприятна асимметрия в вещах, долженствующих быть расположенными в известном порядке. Ребенку неприятно видеть висящую криво картину, неправильный узор на ковре, криво прибитую вывеску и т. п. Это переносится затем и на расположение предметов в пространстве вообще, и ребенок не хочет видеть беспорядка вокруг себя. Это, несомненно, очень похвальные качества, которые только в своей преувеличенной форме являются недостатками и вызывают насмешки.

Есть дети, которые перед сном самым аккуратным образом складывают свою одежду и кладут ее на место, так что они в темноте могут найти каждую вещь, но которые затем на утро выходят из себя, если ботинки их перепутаны, например, правый стоит слева или наоборот, или если они, не дай бог, обращены носками к кровати. Свои книги

они не только ставят в одно определенное место, но стараются, чтобы в одном ряду были все тома одинаковой высоты, чтобы ни одна книжка не выступала своим корешком над другой даже на один сантиметр. Проявлением акцентуированного детского педантизма является пример Ф. Шольца, в котором один из его школьных приятелей имел скверную привычку на прогулке плевать в промежуток между каждыми двумя деревьями. Он должен был это делать в силу непреодолимого желания каждый раз пробовать, попадет ли он как раз в середину. Это уже, как отмечает автор, приближается к болезни (Ф. Шольц, 1914. – С. 76).

Бережливый ребенок. Детская бережливость чаще всего проявляется в форме собирательства, коллекционирования. Бережливый ребенок, по Ф. Шольцу, направляет свое внимание на определенные предметы и старается собрать их возможно больше. В очень раннем детстве наклонность к собиранию еще очень мало упорядочена. Есть дети, у которых по возвращении с прогулки все карманы набиты камнями и цветками, у других – растениями и насекомыми или которые, будучи немного старше, не успокаиваются до тех пор, пока их ботаническая сумка не полна доверху всякой, большей частью совершенно бесполезной чепухой. Этот род собирания есть также форма жадности. Маленький собиратель похож на ворону в басне, которая крадет предметы не для того, чтобы пользоваться ими, а только чтобы иметь их. В более зрелые детские годы эта наклонность к собиранию направляется на более полезные предметы: собираются коллекции бабочек, минералов, почтовых марок, монет, автографов; известно, что любовь к коллекционированию есть качество не только детское, оно встречается также часто и у взрослых. Она есть не только продукт естественного стремления к личному обладанию, но еще гораздо больше – интеллектуального интереса к известным научным и художественным предметам, во всяком случае, в довольно ограниченной области (Ф. Шольц, 1914. – С. 87).

Бережливость ребенка проявляется не только в банкротстве, но и уходе за предметами, вещами и аккуратности и бережном отношении к ним.

«Идеально воспитанный ребенок». Дети данного типа отличаются от других, прежде всего, своей гипервоспитанностью. А воспитанность – это не просто бесконечные «спасибо» и «пожалуйста», но и следование общепринятым стандартам нормы своего времени. В школе он сидит за первой партой перед столом учительницы, умудряясь на протяжении всего урока ни разу не шелохнуться, если для этого не было повода. Он не бегает на переменах, как остальные. Он всегда говорит

только – «да», если его о чем-то просили. Характеризуя идеального ребенка, А. Баркан отмечает, что «он с готовностью выполняет все задания и тесты, не задавая лишних вопросов, как его одноклассники. От него не услышишь громкого слова, кроме тихих, учтивых – «спасибо», «пожалуйста». А рисунки его относительно школы могли только лишь быть иллюстрацией, самой благоприятной из всех нами выведенных типов такой адаптации.

Он был для всех в классе удобным: бесконфликтным, спокойным, покорным и учительнице заменял маленькую ручную болонку, преданную до невероятности, понимающую с полуслова, узнающую все по глазам» (А. Баркан, 2010. – С. 445).

Однако родители редко задумываются о психологической «стоимости» поведения идеального ребенка. Подтверждением сказанного могут служить убедительные суждения А. Баркан о том, что ноша елейно-приторной величавости идеального ребенка, сделавшей его «образцовым», нередко настолько тяжела, что он в состоянии «нести» ее только при общении с незнакомыми или значащими для него неродными людьми. Дома же чаще всего ребенок эту ношу готов сбросить с плеч, превратившись из признанного вокруг всеми «пай-мальчика» в дерзкое, грубое существо. Правда, это бывает тогда, когда дома его «идеальность» родителям приелась настолько, что они перестали обращать на все это внимание. А раз родители безразличны к его «достижениям», значит, и незачем их ему демонстрировать

Примером «стоимости» и пресыщения от «идеального» поведения может служить скрытое наблюдение матери идеального ребенка, подозревавшей его в порче домашнего паласа. Вот что увидела мать после возвращения сына из школы:

«Вбежав в комнату, на ходу сказав «спасибо» их соседке, помогавшей ему открыть двери, мальчик, бросив портфель, начал, словно безумный, носиться по комнате, прыгая словно мячик, выкрикивая непонятные звуки. А потом, подбежав к письменному столу и схватив ножик для резки бумаги, он вонзил его, словно кинжал, в распластавшийся на полу серый палас и при этом кричал еще: «Так тебе, так тебе», будто бы мстил паласу, как человеку. Оказалось, палас был козлом отпущения за его идеальность на людях» (А. Баркан, 2010. – С. 446). Резюмируя, можно отметить, что «идеальный» ребенок – это плод воображения взрослых.

Идеальные ожидания появляются у большинства родителей еще до появления их младенцев на свет, а после рождения малышей служат основой для всех корригирующих родительских актов ради «прекрасного» будущего их детей. «Прекрасного», по мнению их родителей, а не по мнению самих детей.

Кроме того, у некоторых родителей идеальность ребенка, помимо стандартов социальной идеальности, включает собственные эталоны идеальных ожиданий – от внешней привлекательности до суперспособностей и моральных устоев. Неправомерность такого гиперболизированного подхода к «проектированию» идеального ребенка можно подтвердить доводами А. Баркан. Суть одного из них заключается в том, что за определенную сумму в Америке любой родитель может найти такого идеального донора, чтобы был у ребенка подходящий цвет глаз, рост и все... все... вплоть до уровня интеллекта. И при этом Вы сможете осуществить все без участия мужа. Да и нужен ли он, если речь идет об идеальном ребенке? Однако даже «идеальная» сперма, как отмечает А. Баркан, приводит к рождению совершенно реальных детей. И чем больше особенности и характеристики реального ребенка не совпадают с виртуальным идеальным образом его в Вашей голове, тем больше проблем у родителей и их детей, проблем в их взаимоотношениях и взаимодействиях. Поэтому родителям не следует идеализировать свое представление об «идеальном» ребенке. А воспитывая его «идеальным», надо вырастить его не только комфортным и беспроблемным для себя и близкого окружения, но и учитывать интересы самого ребенка, особенности его характера и интеллекта.

Ребенок не должен быть примером «всегда и во всем» в выполнении родительских требований потому, что он просто не может всегда и во всем соответствовать им. Поэтому, как справедливо полагает А. Баркан, «родительские ожидания должны быть реальными, предназначенными для реальных детей и соответствовать известной мудрости о том, что в воспитании идеальности тоже должна быть мера» (А. Баркан, 2010. – С. 449).

ГЛАВА 3. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ С ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ

По мнению Ф. Шольца (1914), к детскому характеру надо относить не только поступки, чувства и желания, но и деятельность интеллекта. Следуя этой логике, Ф. Шольц выделил оценочную типологию детей, связанную с повышенным и пониженным уровнем интеллекта и познавательных процессов, составляющих основу когнитивных потенциалов человека. Рассмотрение этих когнитивных детских типов познавательных возможностей и деятельностной активности дается в оценочной терминологии Ф. Шольца, П.Ф. Лесгафта и ряда отечественных исследователей.

3.1. Дети с дефицитарностью внимания

Рассеянный ребенок. Общеизвестно, что рассеянность является не только детским недостаткам, а встречается во всяком возрасте.

Конечно, не все относится к рассеянности, что связывают обычно с данным понятием. Анекдотическая рассеянность ученых, о которой мы знаем столько забавных историй, вовсе не есть отвлечение, а, наоборот, слишком глубокая сосредоточенность на одном пункте, на одном внутреннем представлении; здесь страдает восприятие внешнего мира и отношение к ежедневным потребностям.

У ребенка мы, конечно, встречаем рассеянность гораздо чаще, чем у взрослого. Руководящая мысль течения представления здесь еще бедна содержанием, в короткое время исчерпывается и легко уступает место другой. Внешние чувственные впечатления часто вторгаются сюда, как нечто новое и непривычное, сюда присоединяются, наконец, собственные мысли и воспроизведения памяти, потому что детский аппарат

представлений вообще слабее, менее устойчив и легче возбудим, чем более вышколенный аппарат взрослого человека.

Рассеянность также проявляется в различной степени, начиная от порожденного отвлечением мыслей простого невнимания и кончая рассеянными поступками. Не менее часто мы встречаем также у детей глубокую сосредоточенность представлений на одном пункте, с которой мы уже познакомились при ученой рассеянности и которую обыкновенно смешивают с настоящей рассеянностью. Есть дети, которые, по мнению Ф. Шольца, будучи заняты одной какой-нибудь мыслью, могут целыми минутами сидеть неподвижно, устремивши глаза в одну точку, причем, конечно, мысль скоро улетучивается, а остается одно оцепенение. Или мы находим детей, погруженных в созерцание какого-нибудь предмета, который притягивает их к себе с магической силой и не дает проявляться никакой другой мысли или чувству. Это, конечно, должно быть что-нибудь необыкновенное и интересное. Ребенок может целыми часами следить мысленно за вожаком медведей, за шарманщиком, за шайкой цыган и при этом, как во сне, забыть весь мир. На этой склонности пленяться выходящими из ряда обыденного вещами, людьми или даже только представлениями основано то обстоятельство, что ребенка легко *соблазнить*. Глазение в одну точку есть также сосредоточенность, за которой следует отсутствие мысли (Ф. Шольц, 1914. – С. 60).

Рассеянность в действии узнается раньше всего по его неуверенности. Ребенок хватает не то, что ему нужно, вертит вещи в руках и неправильно пользуется ими. Он плохо читает, делает ошибки и описки при писании. Если рассеянные действия поспешно следуют одно за другим, то такого ребенка, по мнению Ф. Шольца, называют бестолковым (Ф. Шольц, 1914. – С. 60).

Среди причин детской рассеянности чаще всего относят неосознанность цели, непонимание смысла, отсутствие интереса к заданиям. Особенно выполняемых под давлением взрослых. К числу причин детской рассеянности относится и переутомление, особенно у болезненных детей.

Любопытный и скрытный ребенок. Любопытство, по утверждению Ф. Шольца, является скорее недостатком взрослых, чем детей. Но оно встречается также и в детском возрасте. Любопытство, подобно любознательности, является также признаком ребенка, возбужденного, жаждущего нового материала, мира представлений, но отличается от любознательности тем, что ее конечная цель направлена не на полезные и поучительные, а на пустые и ненужные вещи. Это в то же время чистое, бескорыстное любопытство, которое стремится к новому только потому, что оно ново. Оно проявляется в беготне по улице, в подбегании

к окну, когда что-нибудь случается, в глазении и ротозействе и часто в совершенно бессмысленных вопросах: как? где? почему?

Это еще совершенно невинная форма. Серьезное любопытство, по Ф. Шольцу, становится тогда, когда оно связывается с личными интересами. Ребенок хочет знать, что о нем говорят, или он замечает, что на семейном совете говорят о важных и серьезных вещах, и начинает следить и подслушивать. Этот род любопытства должен быть безусловно причислен к недостаткам, потому что он вносит в душу ребенка нечто чуждое ей, любовь к секретничанью. Любопытные люди сами охотно пускаются в разговоры о вещах, которые, по их предположению, должны бы быть любопытными и для других. Отсюда – секретничанье и важничанье перед другими детьми, хвастовство зачастую только притворным обладанием какой-нибудь особенно интересной новостью, которую они иногда даже пускают в оборот, продавая ее за что-нибудь товарищам. «Если ты мне дашь яблоко, я скажу тебе, что я знаю», – часто слышим мы от 10–12-летнего мальчика. При этом ребенок, желая подогреть покупателя, делает вид, что он знает нечто такое, что особенно интересно и лично касается любопытного собеседника. Но секретничанье часто является источником лжи, да оно собственно само по себе и есть ложь, так как имеет целью убедить других в том, что дело обстоит иначе, чем раньше (Ф. Шольц, 1914. – С. 74).

Причинами детского любопытства, как правило, служат отсутствие доверия к родителям и их пример секретничанья.

Поверхностный ребенок. Поверхностный ребенок отличается от рассеянного, как полагает Ф. Шольц, тем, что его нельзя совсем отвлечь от нити его мыслей; он обнаруживает только смену мыслей и представлений. Это проявляется зачастую уже в разговоре, но еще чаще все-таки в письменных работах.

Все, что ребенок делает, носит необыкновенно спешный характер, как будто бы дело было только в том, чтобы возможно скорее все кончить. Ум не дает себе времени и труда продумать порядком представление или воспринять что-нибудь до конца. Поверхностный ребенок видит все наполовину, едва слышит, что ему говорят, мысли его, как говорится, уже в другом месте.

Кроме ошибок и невнимания, поверхностный ребенок зачастую узнается уже по своей подвижности. Ребенок, у которого поток мыслей быстро превращается в действие, очень подвижен и порхает, как бабочка с цветка на цветок. Его интересы, соответственно бессознательному представлению, постоянно меняются; то он берется за одно, то за другое, но никогда, будь это даже только в игре, он ничем долго не занимается. Таких детей называют непостоянными (Ф. Шольц, 1914. – С. 61).

По мнению Ф. Шольца (1914), поверхностность поведения проявляется у избалованных детей, которые стремятся как можно скорее перейти от работы к игре. Такие дети бывают обыкновенно поверхностны в работе и довольно постоянны в игре.

3.2. Когнитивно-ригидные и инфантильные дети

Гиперригидный ребенок («глупый ребенок», по Ф. Шольцу).

Среди базовых особенностей детей данного типа Ф. Шольц обращает внимание на то, что такой ребенок, несмотря на все усилия и прилежание, не успевает в занятиях или успевает очень медленно, так что он отстает от своих сверстников, которому очень трудно объяснить что-нибудь и который всегда делает одни и те же ошибки. Также в своем поведении и отношении к школе он не похож на других детей. Ребенок не весел и легко раздражается и брюзжит. Иногда он упирается, как норовистая лошадь, на одном месте, и тогда его нельзя сдвинуть с места ни уговорами, а еще менее побоями. Но особенно жалко становится такого ребенка, когда он поднимает на вас несколько затуманенный, огорченный взгляд, как бы желая им сказать: «Помоги же мне, устрани препятствие, чтобы я мог полететь, как другие дети!» Такого ребенка мы называем тупым (Ф. Шольц, 1914. – С. 56).

Среди причин детской «тупости» или детей с задержкой психического развития Ф. Шольц относит следующие особенности:

- Замедленность по скорости и ограниченность по содержанию мысленных процессов. Такие дети, по Ф. Шольцу, зачастую хорошо учатся в младших классах, но совершенно не успевают в старших. Этот род глупости называют также тупостью понимания (Ф. Шольц, 1914. – С. 54).
- Ограниченность процессов и свойств восприятия. На наш взгляд, в содержание данного ограничения Ф. Шольц в большей мере вкладывал не особенности восприятия, а свойства внимания и оперативной памяти, т.е. то, что входит в синдром дефицита внимания (СДВГ).

По мнению Ф. Шольца, «способность восприятия слишком слаба для того, чтобы действительно воспринять сейчас же и удержать предложенный материал. Ребенок мало на что способен. Нужны сначала многие повторные попытки, чтобы прийти к цели. Новое представление должно, так сказать, вбиваться в голову с большой затратой сил.

Старая педагогика называла этот прием характерным словом – вдалбливанием в голову.

Глубоко трогают слова одного семилетнего страдальца, сказанные своему строгому отцу: «Милый папа, бей меня, я этого не понял». Автор указывает, что ребенок страдает слабостью памяти. Но это зло часто является в меньшей мере природной глупостью, чем симптомом и последствием рассеянности» (Ф. Шольц, 1914. – С. 56).

Автор полагает, что основу данной детской «глупости» составляет зловещая триада: глупость, равнодушие и самомнение, порождающее нахальство в форме грубости, амбициозности и назидательной тональности.

Другой разновидностью «детской глупости» Ф. Шольц считает осознание ребенком своего ничтожества, проявляемого в повышенной робости и неуверенности. «Это тень всегда «забитого» существа. Ребенок чувствует себя всегда так, словно его побили или наказали, хотя бы этого и не было на самом деле; ему кажется, что он заслужил наказание, он сам не знает хорошо, чем, но ему это говорит его внутреннее чувство» (Ф. Шольц, 1914. – С. 57).

Указывая на слабоумие детей данного типа, Ф. Шольц вместе с тем указывает и на то, что слабоумие «не то же самое, что слабоумие в собственно медицинском значении этого слова, имеющее патологическое основание. Глупость отличается от такого патологического слабоумия тем, что при ней другая область, а именно область моральных наклонностей, совершенно не задета» (Ф. Шольц, 1914. – С. 57).

Кроме того, как замечает Ф. Шольц, «нужно также указать на то, что в той ограниченной области, которая доступна глупым детям, они в большинстве случаев умны, ловки и хитры. Они духовно близоруки, и подобно всем близоруким, они видят лежащие в их поле зрения предметы зорче, чем другие люди. Или они смотрят на мир как бы через узкое отверстие, но тогда они тем яснее видят и то немногое, что есть перед ними. Тогда по праву говорят о «глупом лукавстве» (Ф. Шольц, 1914. – С. 57).

Наряду с этим Ф. Шольц указывает на то, что детская глупость, несмотря на свою «прирожденность», является лишь частичным проявлением в какой-либо области, а также ее обусловленность неготовностью обычной школы к обучению таких детей.

Всякий учитель, как полагает Ф. Шольц, знает, да и ежедневный опыт показывает это, что есть ученики, неспособные только к определенным наукам, между тем как в других областях они учатся не только удовлетворительно, но иногда даже отлично. Так, есть ученики, очень способные к языкам и приводящие в отчаяние своего учи-

теля математики, потому что они не способны решить самой простой арифметической и геометрической задачи – и наоборот (Ф. Шольц, 1914. – С. 57). Это положение автор подтверждает признанием того, что «детская тупость» является недостатком, который можно устранить или, по крайней мере, улучшить. Из тупых и неспособных учеников зачастую выходили известные и видные люди. Так, например, известно, что Александр Гумбольдт был в детстве далеко не способным и не умным ребенком. Но недостаточно еще, конечно, быть глупым, чтобы стать затем Гумбольдтом (Ф. Шольц, 1914. – С. 58).

Неграмотный ребенок. Неграмотность ребенка чаще всего ассоциируется не столько с математической культурой, сколько с навыками чтения и письма. Всем известно, что образование и чтение требуют усилий, однако, если у детей не сформировано произвольное внимание и запоминание, им трудно читать самостоятельно. Одним из мотивов чтения может стать страх наказания за отказ или неумение делать то, что ожидают родители. Эффект вполне предсказуем: ребенок будет стремиться «закосить» от непосильного или постылого занятия при первой же возможности и, вполне возможно, возненавидит чтение. А если в семье требовательные, прагматичные, холодные отношения и члены семьи оцениваются по «рабочим» характеристикам, ребенка остается только пожалеть. Поэтому нередки такие высказывания родителей, как, например, «Мои сын совершенно не читает, Он вырастет неучем!..», «Как заставить его взять книжку и думать?», «Почему они не читают? Раньше было стыдно не читать», «Я всегда читала детям, когда они были маленькими, но так и не приучила их к самостоятельному чтению», «Он любит комиксы и всякую ерунду, но серьезными книгами его не увлечь».

К тому же, как замечает О. Маховская, частенько взрослые шантажируют ребенка и суждениями вроде «в твоем возрасте все давно читают», и бедному ничего не остается, как принять эти слова на веру, признав, что он, возможно, «вырастет настоящим идиотом» (О. Маховская, 2012. – С. 126).

Однако, учитывая, что меняется язык общения, что дети учатся одновременно читать и писать (печатать) на клавиатуре, а также, что обычное чтение перестало удовлетворять детскую потребность в фантазировании, создается не совсем верное представление о грамотности современных детей. Выдумывать новые миры раньше было привилегией и писателей – теперь их поставляют телевидение и Интернет.

Учитывая сказанное, О. Маховская предполагает, что общий объем прочитанных текстов и не меньше, чем в старые времена, но очевидно,

что читают сегодня в основном не книги, а электронные тексты форматов. У этого равнодушия к книгам есть оборотная сторона: дети видят, что родители не умеют пользоваться компьютером и не проявляют интереса к виртуальным мирам.

Компьютерная коммуникация предполагает не только пассивное чтение текстов, но и их постоянное производство. Навыкам правописания, аккуратности и каллиграфии противопоставляется скорость печатания, адресность, жанровое соответствие написанных текстов. Устная речь во многом вытесняется письменной. Это свидетельствует и о том, что дети не стали менее любопытны, они стали, безусловно, менее подконтрольны. Поэтому, если мы хотим говорить с детьми на их языке, нам придется осваивать компьютер или не делать вид, что он нам не очень-то и нужен (О. Маховская, 2012. – С. 126).

Мягко-забитый ребенок. Ребенок данного типа, по П.Ф. Лесгафту, отличается отрицательными качествами как в умственном, так и в нравственном отношении. Он способен выполнять указания, однако при этом плохо повторяет (имитирует) то, что видит и слышит. У него нет ни наблюдательности, ни знаний, ни нравственных понятий. Без руководства он теряется и совершенно не в состоянии действовать. Появляющееся у него упрямство имеет более характер инертного, пассивного состояния, из которого он не решается выйти. Дети мягко-забитого типа труднее всего поддаются обучению, с возрастом у них развивается только узкая, эгоистическая практичность и расчетливость, и они совершенно безучастно и даже бездушно относятся ко всему окружающему.

Среди причин, содействующих развитию данного типа, П.Ф. Лесгафт указывает на предупреждение всякой самостоятельной деятельности ребенка, уничтожение любой инициативы со стороны ребенка, отсутствие и «заботливое устранение» условий для развития умственной деятельности. Такой ребенок никогда ничего не делал сам; ему говорили, что делать, куда идти, когда гулять, когда спать, поэтому у него полностью отсутствует самостоятельность. Умственную деятельность ничем не поддерживали, на его вопросы ему чаще всего отвечали, чтобы он не шумел и не рассуждал, был умником и вел себя прилично. Ему остается только подражать тому, кто на него влияет. Лица мягко-забитого типа совершенно негодны к какой-либо серьезной деятельности.

Угнетенный ребенок. Угнетенный тип ребенка, по П.Ф. Лесгафту, отличается от добродушного преобладанием в силу необходимости физического труда над умственной деятельностью и в особенности недостаточным стремлением к отвлеченному мышлению и философским рассуждениям. Лица этого типа настолько привыкли к труду и лишениям, что сами очень мало ценят свой труд и всегда отличаются большой

скромностью, терпением и терпимостью ко всему окружающему. Им свойственны правдивость, простота проявлений и скромность. Как отмечает О.Г. Прохорова, нам кажется, что в настоящее время, то есть в начале XXI в., такой тип неактуален, это скорее подросток послевоенных лет (а также тип дореволюционного крестьянского ребенка, воспитанного в христианских понятиях). Вместо скромности мы скорее наблюдаем зависть, вместо трудолюбия – ожидание помощи от всех и агрессивность, если ее нет (О.Г. Прохорова, 2007. – С. 136).

Ленивые дети. Лень в психологическом словаре для родителей (1996) определяется как немотивированное уклонение ребенка от поручений. Там же говорится о ленивых детях, которые «не выполняют доступных их возрасту действий самообслуживания, не помогают родителям по хозяйству и т. п. В школьном возрасте лень проявляется в пассивном отношении к учебе, когда ребенок выполнению учебных заданий предпочитает игры, прогулки или даже бесцельное времяпрепровождение. В дальнейшем он стремится уклониться от трудовой деятельности, так как он не привык трудиться и считает любую работу неприятным занятием».

Детская лень проявляется, прежде всего, в отсутствии интереса к выполнению умственной деятельности. Ребенка, например, совершенно не интересуют ни новые факты, ни новые задания. Если на него не действуют при этом ни похвала, ни порицание, ни пример старших братьев, если ребенок сам не в состоянии проникнуться сознанием необходимости усвоить этот учебный материал, то он в самом лучшем случае относится к нему равнодушно, если только учитель не найдет необходимый стимул. Немаловажной причиной детской лености является тот преобладающий интерес, который ребенок проявляет к другим занятиям, а именно к игре. Ребенок не может оторваться от игры и спешит, возможно, скорее вернуться к ней, поскольку она интереснее сухих слов и чисел и не требует никакого умственного напряжения. Здесь лень проявляется большей частью в форме поверхностности. Точное разделение часов учения и игры победит здесь лень вместе с поверхностностью.

Кроме того, лень является также следствием затрудненности и усталости мышления. Ребенок неохотно работает, потому что умственная работа его утомляет. Здесь также могут быть различные возможные причины. Во-первых, здесь может играть роль физическая вялость, выражающаяся в лени мышления.

Лень, т.е. утомляемость мышления, может быть также следствием ослабления интеллекта, либо врожденного, либо наступившего после болезни, а потому и временного.

Затруднения мышления могут быть, наконец, последствием недостаточного упражнения и избалованности. В этом пункте семья грешит гораздо больше, чем школа, и именно непозволительной манерой помогать ребенку при приготовлении им школьных уроков. Ведь ясно, что ребенок, которого освобождают от труда самому искать и думать, никогда не научится сам напрягать свой ум. Он боится всякого самостоятельного напряжения ума и становится все менее самостоятелен. Ему, таким образом, математически прививается лень. Такие дети пробиваются, так сказать, ложью целыми годами через младшие классы, к последующим ступеням образования (Ф. Шольц, 1914. – С. 63).

Важно отметить, что в этих толкованиях лени можно выделить два аспекта: как мотивационное состояние и как свойство личности (любовь к безделью, наклонность к праздности, тунеядству). Так, например, Д. А. Богданова (2005) выявила, что подростки двояко относятся к лени: одни считают ее символом свободы и умиротворенного счастья, другие – искушением, слабостью, приводящим к гибели личности, а третьи – повседневной неизбежностью, не требующей ни вмешательств, ни поощрений. Для ряда подростков лень – это способ расслабления, омрачаемый муками совести.

Характеризуя особенности ленивых детей, Н. Боровская (2007) обнаружила у них следующие особенности: низкая самооценка настойчивости; выраженное стремление к избеганию неудачи; низкая саморегуляция в учебной деятельности; слабая нервная система; преобладание торможения по внутреннему балансу (последняя типологическая особенность свидетельствует о слабо выраженной потребности в активности); более низкая учебная мотивация (направленность на знания и отметку). Соответственно для неленивых более характерны: высокая самооценка настойчивости; высокий мотив достижения; высокая саморегуляция в учебной деятельности; большая сила нервной системы; преобладание возбуждения по внутреннему балансу (что свидетельствует о высокой потребности в активности); более высокая учебная мотивация (направленность на знания и отметку) и мотивация успеха. По мнению Е.П. Ильина (2011), эти данные показывают, что так называемая лень зависит и от мотивации, и от «силы воли», которые определяются наличием таких природных задатков, как сильная или слабая нервная система, преобладанием возбуждения или торможения по внутреннему балансу (выраженностью потребности в активности). Вместе с тем Е.П. Ильин (2011) пытается предостеречь учителей и родителей от ложного понимания лени. Нельзя считать ленью нежелание ребенка учиться, если это связано с возникновением какой-либо болезни. Часты случаи, когда родители и учителя побуждают длительно болевшего ребенка побыстрее ликвидировать свое отставание в учебе. Они

не понимают того, что организм ребенка ослаблен болезнью, ему трудны сразу большие нагрузки, нужно время для полного восстановления сил. Напротив, отставание такого ребенка в учебе взрослые нередко ложно связывают с развившейся от безделья ленью.

Нередко ленивыми считают детей, стремящихся больше бывать на улице и чаще общаться со сверстниками, не учитывая их длительное нахождение в помещении и нехватку свежего воздуха и движений. Таким образом, не удовлетворялась важнейшая потребность людей в физической активности. Поэтому указанное поведение детей следует считать вполне обоснованным и справедливым. К тому же дефицит общения со сверстниками тоже крайне неблагоприятно влияет на психику школьников, особенно подростков. Ведь у последних общение является ведущей деятельностью.

Мы не можем также считать ленивым ребенка, не знающего, зачем, почему и как ему надо заниматься каким-либо делом. Например, многие школьники уклоняются от систематического выполнения поручений родителей по дому. Это часто происходит потому, что школьники не понимают, почему именно они должны что-либо делать в семье. И считают эти поручения капризом взрослых, ненужным бременем, отвлекающим их от интересных дел. У младших школьников мы чаще имеем дело не с ленью, а с неорганизованностью.

В силу этого среди родителей и учителей распространено мнение, что отсутствие настойчивости вызвано малой активностью ученика, его ленью. Это утверждение верно только относительно части ненастойчивых учащихся. Среди этой категории лиц много и активных, деятельных учащихся, но избегающих под разными предлогами трудной и продолжительной работы. Такие школьники напоминают попрыгунью-Стрекозу из басни И.А. Крылова, которая «лето целое пропела». Это люди с легким характером, нередко приятные в общении, но не обязательные.

Однако отмечается немало школьников исполнительных и прилежных, но отступающих перед возникающими или только кажущимися трудностями, т. е. склонных к фрустрации. Они привыкли выполнять учебные задания с наскока, а встретившись с затруднениями, легко впадают в панику, высказывают неверие в свои силы. (Степанов В. Г. 1997. – С. 154–156, 180–181).

Ребенок-неудачник. Такой ребенок совершенно не уверен в собственных силах. Ему кажется, что он ничего не может сделать хорошо, он считает себя бесполезной посредственностью – он неважно учится, у него нет успехов в спорте. Он, ссутулившись, бродит по дому… А это выражение побитой собаки на его лице! Порой кажется, что он нарочно строит из себя плаксу!

Даже когда с ним происходит что-то хорошее, он находит способ не получить от этого удовольствия.

Дети данного типа допускают излишние ошибки при изучении чего-либо. Навыки формируются у них далеко не сразу. В силу этого многие из них совершают очень большое число проб хаотически. Если им не помочь критически отнестись к своим попыткам, навык не сформируется. Родители таких детей с горечью замечают: «Он все время в стороне, не играет с другими. Как бы он не вырос лузером!..», «У других детей легко получается то, что у моего не получится ни за что...», «Боюсь, он вырастет таким же лузером, как его отец…Звёзд с неба не хватает. Никаких талантов!» Родительские установки типа: «Не мучься, видно, это не твое!», «С таким количеством ошибок лучше было и не браться за дело. Посмотри, как неряшливо ты работал!» – дополнительно усиливают неудачливость своих детей. Таким образом, из этого следует, что даже самые благонамеренные родители пагубно влияют на самооценку ребенка. Например, нередко можно из уст родителей слышать: «Нашим высоким семейным ожиданиям, увы, состояться не суждено. Он просто не может хорошо учиться. Он действительно ненадежный человек. Он слишком беззаботный». Продолжение этой установки проявилось в воздействии матери на сына, потерявшего пиджак. Мать решила, что ее долг – указать ему на беззаботное отношение к личному имуществу. Она перечислила все, что мальчик потерял за год – ключи, блокнот, ручки... В конце концов, мальчик уставился в пол и пробормотал: «Я настоящий лузер». Такая реакция сына удивила женщину. Она хотела, чтобы он стал более ответственным. Вместо этого она добилась обратного. С того дня ее сын вообще перестал о чем-то думать. Он стал «лузером» – и оправдывал свою репутацию. По мнению Ф. Фабер и Э. Мазлиш (2012), благонамеренные родители пагубно влияют на самооценку ребенка, подтверждая это положение примером из взаимоотношений одной из ее клиенток со своим отцом. Он называл ее Ленивкой, мисс Неуклюжесть и Большероткой. Он всегда «просто шутил». Но девочке было не смешно. Даже став взрослой, она не смогла забыть его слов. Она и сейчас считает себя ленивой, неуклюжей и болтливой.

В связи с этим возникает проблема, возможно ли помочь ребенку из ненадежного стать надежным, из посредственного ученика – отличником, из беззаботного превратиться в серьезного и вдумчивого? Ответ на эту проблему может быть положительным лишь в том случае, как верно отмечает О. Маховская, если родители будут учитывать то, что гадкий утенок станет лебедем, если ему хоть кто-то однажды намекнет, объявит, убедит в его прекрасной будущности (О. Маховская, 2012. – С. 118).

ГЛАВА 4. ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ С ДЕВИАЦИЯМИ В ДВИГАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

В данном разделе работы представлены типы детей с различными двигательными особенностями, создающие трудности и неудобства как для педагогов, родителей, так и для самих детей.

Исходя из работ Е.П. Ильина и Н.П. Фетискина, следует, что нервные процессы возбуждения и торможения в двигательной сфере могут находиться либо в сбалансированном, уравновешенном состоянии, либо характеризоваться преобладанием возбуждения (избыточной двигательной активностью), либо торможения (пониженной двигательной активностью (Е.П. Ильин, 2001. – С. 127). Следуя этому, в работе приведены детские типы, описанные известными авторами, проявляющиеся в разбалансированности или уравновешенности нервных процессов в двигательной сфере. Небезынтересны и типы детей с двигательной асимметрией (леворукостью) и комплексами физической неполноценности.

4.1. Девиантно-гиперактивные дети

Беспокойный ребенок. Детей, обладающих этим качеством, Ф. Шольц (1914) называет живыми. Недостатком это качество становится только тогда, когда оно проявляется в преувеличенной форме. Есть дети, которые совершенно не умеют спокойно сидеть, ворочают во все стороны голову, жестикулируют, двигаются взад и вперед на своем месте. Они достаточно знакомы каждому учителю.

Подвижность беспокойного ребенка в большинстве случаев проявляется во всем организме. Если ею страдают только отдельные группы мышц, то это большей частью конечности. Руки и ноги находятся в беспрерывном, непроизвольном движении. И произвольные, желанные движения выполняются тогда многими детьми не твердо, кратко и уверенно, а беспокойно, бросаясь и вертясь во все стороны, неуклюже. Такие дети называются также вертлявыми. Если эта подвижность и

беспокойство распространяются на лицевые мускулы, то это проявляется в кривляньях и гримасах лица. К нему могут присоединиться также подергивание других мышечных групп и судороги органа речи. Двигательная гиперактивность проявляется в физической агрессивности, драчливости. В некоторых случаях «двигательное беспокойство» может выражаться в расстройстве влечений в форме таких специфических двигательных привычек, действий, как, например: яктация (раскачивание головой или всем туловищем), онихофагия (обкусывание или жевание ногтей), сосание пальца, ковыряние в носу, манерные щелчки пальцем, накручивание волос и др. (В.Д. Менделевич, 2005. – С. 128). Кроме того, двигательная гиперактивность проявляется в физической агрессивности, драчливости. По мнению Ф. Шольца, болтливость многих детей также является следствием избыточной, беспокойной подвижности мышц. Такое состояние не только приближается к болезни, оно само представляет собою болезнь (Ф. Шольц, 1914. – С. 78).

Двигательно-расторможенный ребенок. Повышенная двигательная расторможенность ребенка выражается, с одной стороны, в избыточной двигательной активности, а с другой стороны, в ее недостаточной регуляции. В этом случае двигательная расторможенность как нарушенное поведение имеет много схожего с другими видами отклоняющегося развития. Но на настоящий момент существуют критерии выделения группы нарушений, в которых гиперкинетический синдром представляет главную проблему. По мнению специалистов, в основе двигательной расторможенности могут лежать самые разные причины: органические, психические, социальные. Однако большинство расценивают их как результат проблем органического, неврологического характера (Н.Я. Семаго, О.Ю. Чиркова, 2011. – С. 132).

На наш взгляд, привычное сочетание гиперактивности и дефицита внимания не совсем правомерно. Очевидно, дефицит внимания в большей мере соотносится с двигательной расторможенностью и является следствием регуляторной недостаточности – недостаточности удержания функций программирования и контроля вследствие дисбаланса нервных процессов в моторных центрах. Скорее всего, это связано с чрезмерным преобладанием возбуждения в моторной сфере (Е.П. Ильин, Н.П. Фетискин, 1972). В этом случае для моторной активности гиперактивного двигательно-расторможенного ребенка, как отмечают Н.Я. Семаго и О.Ю. Чиркова, характерны суетливость, хаотичные, нецеленаправленные перемещения в пространстве. Ребенок производит множество разнообразных движений, находясь на одном месте: все время меняет позу, двигает руками, ногами, туловищем. Эти движения иногда имеют вид навязчивых привычек.

Нередко наблюдаются быстрые непроизвольные движения (тики): моргания, подергивания угла рта, покашливание и т.п. Постоянную позу ребенок сохраняет с большим трудом.

Наиболее мощный растормаживающий фактор – эмоциональное возбуждение (в общении с детьми, в любой ситуации ожидания и т.п.). Ребенок начинает отвечать, не дослушав вопроса, с трудом дожидается своей очереди, прерывает в разговоре взрослых и других детей, «прилипает» к окружающим.

В школе дети с такими трудностями недолго способны сохранять активное внимание (обычно до 15–20 минут). Они, как правило, не демонстрируют грубых нарушений поведения на уроках, но постоянно вертятся, болтают с соседями, совершают разнообразные движения. Большие трудности вызывают необходимость дослушать задание – ребенок пытается угадать либо, не дожидаясь разрешения, выкрикивает ответ. При выполнении домашних заданий отвлекается, с трудом сидит на месте (Н.Я. Семаго, О.Ю. Чиркова, 2011. – С. 157). Моторно-расторможенные с признаками гиперактивности, как правило, жизнерадостны, инициативны, деятельны, часто фонтанируют идеями и прожектами, но за редким исключением не могут доводить дело до конца. Импульсивность часто сочетается с некоторой навязчивостью в общении. Такие дети постоянно пристают к взрослым с просьбами и вопросами. Для них непереносима ситуация ожидания.

Активно стремятся к лидерству, при этом занимают лидирующие позиции преимущественно среди более младших детей, да и там удерживаются недолго. Со сверстниками чаще всего конфликтны. Обладают особой способностью вызывать раздражение у окружающих. Очень часто неряшливы, неаккуратны, неразборчивы в отношениях.

Для таких детей характерна повышенная травматичность: они натыкаются на предметы, «считают углы», спотыкаются на ровном месте, задевают и роняют все вокруг себя. Они часто производят впечатление драчливых, агрессивных вследствие своей конфликтности, импульсивности и неуклюжести, но при этом не злобны и очень переживают из-за возникших конфликтов (Н.Я. Семаго, О.Ю. Чиркова, 2011. – С. 158).

Гиперактивный ребенок («сорвиголова»). Такой ребенок трудно управляем. Сколько ни говори – делает все по-своему, как всегда, не слушая родителей, доводя их до отчаяния. И теперь они тоже стали изгоями, превратили в него себя сами, потому что им стыдно перед другими, перед теми родителями, кто сумел «правильно» воспитать своего малыша. Их родительской жизни теперь уже не позавидуешь. Она вдруг в тупике лабиринта Минотавра. И единственный выход, если выход вообще только есть, – найти нужного специалиста для

определения и методов психологической помощи. Диагнозом подобного поведения ребенка оказывается синдром дефицита внимания, или же сокращенно СДВ. Причем часто подобный синдром протекает на фоне гиперактивности, – синдрома дефицита внимания с гиперактивностью, или же сокращенно СДВГ. Данного ребенка, по описанию А. Баркан, характеризуют следующие поведенческие особенности: постоянная отвлекаемость дошкольника или школьника и попытки гнаться за двумя зайцами одновременно, чтобы поймать третьего зайца. Таким детям практически невозможно надолго сосредоточиться на чем-то одном без той сверхмотивации для сверхсосредоточенности, о которой уже говорилось выше.

Высидеть на уроке, не ерзая, не крутясь, не вертясь, для такого ребенка – сверхзадача. Он и так постоянно старается, чтоб не быть то и дело мишенью для стрел воспитания. Но избыток энергии, накопленный в нем, оттесняет внимание на задний план. Чтобы сбросить избыток, надо «действовать». И он «действует» будто бы стереотипно и действительно вряд ли сознательно, напевая, присвистывая, задрав ноги на парту, разминаясь и строя всем рожицы, веселя остальных детей в классе, позабыв о задании, превратив урок в цирк. Кто похвалит за это его?

А он часто не слышит даже Ваши упреки, погрузившись весь в грезы своей новой идеи. А идеи толпятся в его голове, тормозя или перебивая друг друга. И чтоб взяться за новое дело, надо бросить, конечно же, старое, пусть оно еще и не окончено. Ну а если и старое нравится, можно делать и то и другое – в этом как раз и есть главное преимущество у такого ребенка, его «юлийцезаризм».

У него нереальное ощущение времени – ему трудно планировать что-то заранее, ну хотя бы на завтрашний день. Время – нечто внезапное. А то, что внезапно, – это непредсказуемо, это хаос в душе, перемена стратегии действия. И ребенок «меняется» вместе со стратегией. Очевидно, с такого, как он, Бомарше списал Фигаро. Да, он – «Фигаро здесь», да, он – «Фигаро там», в самом деле. Он всегда в состоянии заведенной юлы, в бесконечном движении, хотя мчится по кругу.

Как правило, такие дети не «лезут за словом в карман» и подобные «комментарии» их способны шокировать непосвященных. От его «невыносимости» страдают, казалось бы, все, кроме него. Но это только так кажется. По-своему страдает и он, не зная, как приспособиться к требованиям окружающих, постепенно зацикливаясь на том, что он хуже других детей в группе или классе – он не может сдержаться, спокойно сидеть, даже слушать учителя, у него только одни проблемы... И планка самооценки ребенка опускается вниз,

погружая его в тину самообвинения. Ну, конечно же, он, безусловно; «плохой». О «плохом» поведении его все говорят. Он – царь хаоса и беспорядка. Он по-своему в чем-то ущербный – не способен к учебе, как все остальные, хотя часто и опережает их в знаниях. Ему трудно на чем-то долго сосредоточиться. Набивает нередко даже сам себе «шишки», хотя их набивают ему и другие. И в такие моменты полноценный ребенок обрастает, бичуя себя, всевозможными комплексами неполноценности; расчищая пути для их предпосылок, предпосылок, которые есть в самом деле (А. Баркан, 2010).

Данный «супермен», на уроке способный своим поведением довести учителя «до белого каления», уязвимее многих ровесников, хотя чаще всего кажется всем «сорвиголовой». Кажется потому, что его неуемная энергия жаждет риска – риска гонок и скачек вплоть до криминального риска.

Такие подростки чаще, чем остальные, действительно склонны к антисоциальному поведению, а также подвержены наркомании и алкоголизму. Кроме того, им еще и присущи многочисленные зависимости: от компьютерной зависимости до азартных игр. Однако это вовсе не связано с их «несносным» характером, а немаловажную роль во всем этом, скорее всего, играет генетическая аномалия, приводящая к дефициту ощущения удовольствия. Этим детям свойственна гиперчувствительность ко многим явлениям окружающей жизни. Иногда такого ребенка вообще называют «принцессой на горошине». Создавая, как правило, шум вокруг себя, он нередко чувствителен сам к различным шумам, к резким звукам и громкому голосу. Эти дети довольно чувствительны к перемене погоды – к холоду и жаре, ко всему, что им может мешать – вплоть до ярлыков на одежде. У них часто бывает аллергия на травы и даже цветы, не говоря уже о животных. Этим детям свойственны сыпи, экзема, псориаз. У ребенка с СДВГ очень часто нарушен сон. Вследствие этого у таких детей в учебной деятельности выявляются проблемы с выражением своих мыслей, когда они пишут – дисфагия; большие трудности с чтением – дислексия; сложности со счетом и выполнением математических заданий – дискалькуляция. Короче говоря, со всем тем, что так важно познать в начальной школе. Из-за этих проблем такой ребенок очень часто становится отстающим, не сумевшим выполнить школьную программу. И это тоже повод для самобичевания такого ученика.

Однако, несмотря на то что эти дети «сводят с ума» своих родителей и учителей, они, как правило, творчески одарены и имеют богатое творческое воображение. Их фантазия и интуиция – это путь к озарению. Они с детства исследуют жизнь, оттого так разбросаны их интересы.

Чтобы что-то понять – это надо попробовать, это надо ощупать, это надо прочувствовать... И тогда ты увидишь сразу корень, а ветки и листья и так на поверхности.

И проблема такого ребенка в том, что его самореализация не такая, как нам бы хотелось, не подходит под наши стандарты. И поэтому, чтоб ему выжить среди нас, мы пытаемся как-то его тоже все-таки «стандартизировать». Но их образ жизни «и познавательный стиль существенно отличаются от обычных или нормативных детей» (А. Баркан, 2010. – С. 620, 624, 625).

Проявления данного синдрома у детей обусловлено целым рядом причин: генетической аномалией, связанной с дефицитом удовольствия, побуждающей детей к поиску новизны и отвлечениям от будничных рутинных занятий; врожденностью по линии отца; невысокой активностью мозговых структур, управляющих вниманием; неблагоприятным протеканием беременности, связанной с зависимостью матери от вредных привычек (курение, алкоголь, наркотизм); родовыми травмами, приводящими к минимальной мозговой дисфункции. Данный синдром корректируется как на биохимическом уровне с помощью питолина в США и амитрипилина в России, так и психотерапевтическом и психологическом уровнях. Синдром СДВГ проявляется у детей, родившихся с весом до 2 кг и 40% детей – до 4-х летнего возраста. По мере взросления этот синдром исчезает у половины из них.

Гиперактивный продуктивно-деятельностный ребенок. Гиперактивность как прямой перевод англоязычного термина hyperactivitu – «слишком/чрезмерно активный». По мнению Н.Я. Семаго, далеко не всегда является особенностью, нарушающей адаптацию и существование ребенка в социуме. Гиперактивность может трактоваться двояко. В одном случае она может характеризоваться как чрезмерная активность, содержащая элементы двигательной расторможенности, а в другом случае гиперактивность абсолютно целенаправленно регулируема и продуктивна. Ряд авторов отмечают, что такой ребенок не хаотичен в своих действиях, а планомерно и достаточно быстро движется к своей цели. Этот ребенок может даже браться за несколько дел одновременно, но при этом большинство из них доводит до конца. Например, 6,5-летняя девочка одновременно играет в куклы и делает уроки, соотнося оба эти действия и доводя их до логического конца. Оба действия в результате оказываются законченными: и уроки сделаны, и куклы «поели». В этом случае имеются целенаправленность, наличие программы конкретной деятельности и контроля ее выполнения, а также результативность и продуктивность. Другое дело, что деятельность может быть и не одна, и взрослому со

стороны трудно понять, как ребенку удается делать все одновременно. Именно такой вариант поведения можно назвать истинно гиперактивным, в котором повышенная двигательная активность сочетается с произвольной регуляцией, целенаправленностью и деятельностной продуктивностью (Н.Я. Семаго, О.Ю. Чиркова, 2011. – С. 131).

4.2. Девиантно-гипомоторные дети

Двигательно-заторможенный ребенок. Ребенка данного типа отличает значительная вялость, пассивность, заторможенность, инертность, низкий уровень психической активности в целом (в редких случаях уровень психической активности бывает достаточным, а у некоторых детей достигает полной аспонтанности). Моторная неловкость ребенка (как в общей, так и в мелкой моторике) выражена в необычных движениях рук, походке, однообразных манипулятивных действиях, раскачивании, слабой координации. Этим детям характерен низкий темп деятельности, выраженная инертность, вялость, а также склонность к реакциям тормозимого типа: замыкание в себе, прекращение какой-либо деятельности. Как правило, дети имеют низкую пресыщаемость, способны длительное время выполнять одно и то же простое действие. Общий уровень психической активности и психического тонуса снижен. На фоне выраженного снижения психической активности часто возникают стереотипные манипуляции, стереотипная деятельность. Регуляторные функции этих детей сформированы недостаточно, но обычно лучше, чем при аффективно-возбудимом варианте тотального недоразвития. В большей степени страдают высшие формы произвольной регуляции (программирование деятельности, самоконтроль), чем ее базовые компоненты. Специфической особенностью является и то, что дети мало пресыщаются однообразной, стереотипной деятельностью. Трудно включить ребенка в какую-либо деятельность, но трудно и «выключить» из нее. Быстрое переключение может вызвать у него затруднения и протест. Развитие познавательной деятельности у таких детей наряду с общими характеристиками, свойственными группе в целом, отягощается инертностью и тугоподвижностью и высокой тормозимостью всех психических процессов, усугубляется и трудностями коммуникативного характера (Н.Я. Семаго, О.Ю. Чиркова, 2011. – С. 130).

Ленивый ребенок. Лень в Психологическом словаре для родителей (1996) определяется как немотивированное уклонение ребенка от поручений. Там же говорится о ленивых детях, которые «не выполняют доступных их возрасту действий самообслуживания, не помогают

родителям по хозяйству и т. п. В школьном возрасте лень проявляется в пассивном отношении к учебе, когда ребенок выполнению учебных заданий предпочитает игры, прогулки или даже бесцельное времяпрепровождение. В дальнейшем он стремится уклониться от трудовой деятельности, так как не привык трудиться и считает любую работу неприятным занятием».

Важно отметить, что в этих определениях лени можно выделить два аспекта: как мотивационное состояние и как свойство личности (любовь к безделью, наклонность к праздности, тунеядству).

Вместе с тем сами подростки неоднозначно относятся к лени: одни считают ее символом свободы и умиротворенного счастья, другие – искушением, слабостью, приводящим к гибели личности, а третьи – повседневной неизбежностью, не требующей ни вмешательств, ни поощрений. Для ряда подростков лень – это способ расслабления, омрачаемый муками совести.

Говоря о детской лени, очень важно предостеречь учителей и родителей от ложного понимания лени. Нельзя считать ленью нежелание ребенка учиться, если это связано с возникновением какой-либо болезни. Часты случаи, когда родители и учителя побуждают длительно болевшего ребенка побыстрее ликвидировать свое отставание в учебе. Они не понимают того, что организм ребенка ослаблен болезнью, ему трудны сразу большие нагрузки, нужно время для полного восстановления сил. Напротив, отставание такого ребенка в учебе взрослые нередко ложно связывают с развившейся от безделья ленью (Е.П. Ильин, 2011). Нередко ленивыми считают детей, стремящихся больше бывать на улице и чаще общаться со сверстниками, не учитывая их длительное нахождение в помещении и нехватку свежего воздуха и движений. Таким образом, не удовлетворялась важнейшая потребность людей в физической активности. Поэтому указанное поведение детей следует считать вполне обоснованным и справедливым. К тому же дефицит общения со сверстниками тоже крайне неблагоприятно влияет на психику школьников, особенно подростков. Ведь у последних общение является ведущей деятельностью.

Мы не можем также считать ленивым ребенка, не знающего, зачем, почему и как ему надо заниматься каким-либо делом. Например, многие школьники уклоняются от систематического выполнения поручений родителей по дому. Это часто происходит, потому что школьники не понимают, почему именно они должны что-либо делать в семье. И считают эти поручения капризом взрослых, ненужным бременем, отвлекающим их от интересных дел. У младших школьников мы чаще имеем дело не с ленью, а с неорганизованностью.

Однако отмечается немало школьников исполнительных и прилежных, но отступающих перед возникающими или только кажущимися трудностями, т. е. склонных к фрустрации. Они привыкли выполнять учебные задания с наскока, а встретившись с затруднениями, легко впадают в панику, высказывают неверие в свои силы (В.Г. Степанов, 1997. – С. 154–156, 180–181).

Характеризуя ленивых детей, некоторые авторы в их личной структуре выделяют следующие особенности: низкая самооценка настойчивости; выраженное стремление к избеганию неудачи; низкая саморегуляция в учебной деятельности; слабая нервная система; преобладание торможения по внутреннему балансу (последняя типологическая особенность свидетельствует о слабо выраженной потребности в активности); более низкая учебная мотивация (направленность на знания и отметку). Соответственно для неленивых более характерны: высокая самооценка настойчивости; большая сила нервной системы; преобладание возбуждения по внутреннему балансу (что свидетельствует о высокой потребности в активности); более высокая учебная мотивация.

Направленность на знания и отметку и мотивация успеха (Н. Боровская, Е.П. Ильин).

4.3. Девиации детей с моторно-соматическими комплексами

Неуклюжий ребенок. Под неуклюжестью Ф. Шольц понимает неловкость в движениях, происходящих от того, что мускулатура недостаточно подчиняется воле. Она выражается в том, что произвольные движения туловища и конечностей хотя и выполняются, но не гладко и округленно, они задерживаются побочными движениями, а также недостаточно или неуместно употребленной силой и потому не вполне достигают намеченной цели. Неуклюжесть часто смешивают со смущением, потому что и стесняющийся ребенок также неуклюже держит себя и также не вполне владеет своими мускулами, а значит, и движениями. Но там эта слабость является последствием представления, охватившего душу ребенка; она проявляется только временно и исчезает вместе с вызвавшим ее поводом. Неуклюжее же дитя страдает врожденным, всегда и при всех обстоятельствах присущим ему недостатком (Ф. Шольц, 1914. – С. 80).

Старые хирурги разделяли своих учеников на таких, которые ловко владеют обеими руками, затем на таких, которые ловко владеют только

одной рукой, и наконец, на таких, у которых нет ловкости ни в одной руке. Говоря о детской неуклюжести, отметим, что ее следует относить только к тем детям, которые недостаточно ловки в своих движениях, нужных им в обыденной, повседневной их жизни, или которые оказываются неспособными к развитию в себе ловкости, когда они учатся или вообще стремятся к этому.

Недостаточное владение своими мускулами при ходьбе, танцах, плавании и др. может распространяться также на органы речи. Назовем здесь раньше всего такой широко распространенный недостаток, как заикание. Последнее возникает у человека, впрочем, очень часто на почве комплекса речевой неуверенности. По мнению Ф. Шольца, управление мышцами – это часть самообладания. Кто владеет своими движениями и выражением лица, тот легче будет также господином своих чувств и страстей (Ф. Шольц, 1914. – С. 80).

Дети-дисморфофобы. Комплекс дисморфобического поведения базируется на ложной убежденности подростка (чаще девушки) в наличии у нее физических недостатков. Дисморфофобия является болезненной убежденностью в наличии мнимого физического недостатка, наиболее часто проявляющегося в подростковом и юношеском возрасте. Это заболевание носит название «дисморфофобия». При заболевании дисморфофобией юноши и девушки, считающие, что у них, например, слишком длинный нос или деформирована какая-либо часть тела, начинают избегать общества, перестают посещать занятия и т.д.

Такие подростки уверены, что выглядят некрасиво, не эстетично, непривлекательно и даже отталкивающе и уродливо. Их психическое состояние характеризуется комплексом неполноценности, сопровождается идеями ущербности. В поведении это выражается в резком ограничении круга общения, замкнутости, аутизации, склонности рассматривать и анализировать свою внешность («симптом зеркала»), стремлении кардинально исправить мнимый физический недостаток. Если девушка убеждена, что часть ее лица (нос, щеки, уши, зубы, веки, губы, подбородок и др.) или вся фигура являются «уродливыми», «обезображивающими», отталкивающими от нее сверстников, то возможен выбор хирургического исправления «дефекта», настойчивое обращение к врачам за помощью. Другой вариант борьбы с «физическим недостатком» (чаще связанным с убеждением в полноте) – комплекс физических упражнений или изменение пищевого поведения (отказ от пищи, использование особых диет). Убежденность в физических недостатках собственного тела подростка может носить как сверхценный, так и бредовый характер. Не случайно некоторые родители в качестве подарков дарят детям деньги на пластические операции.

Эти дети либо избегают фотографирования, либо, напротив, приносят врачу свою фотографию («симптом фотографии»), убеждая его, что нуждаются в хирургической косметической операции. «Означение» больными своих мнимых недостатков может вначале привести к оскудению межличностных отношений, а затем влечет за собой деперсонализацию – резкие расстройства самосознания, распад образа «Я», а также потерю ориентации в окружающей действительности. В случае дисморфофобии страдает не только характер, но и самосознание личности. Неудачная шутка окружающих в этот период может вызвать фиксацию на «мнимом недостатке», превратить его в «знак», который начнет определять выбор поведения девушки или юноши, привести к оскудению отношений, а вслед за этим к расстройствам самосознания вплоть до утраты «Я». Синдром дисморфофобии показателен в том плане, что он демонстрирует влияние ставших «знаками» мнимых физических нарушений на формирование характера личности (А.Г. Асмолов, В.Д. Менделевич, М.В. Коркина).

Леворукий ребенок. Так повелось, что с понятием «левый» мы связываем нечто негативное, плохое.

В английском языке это слово означает также «скверный, зловещий», в итальянском – «дефективный», во французском – «нечестный, неуклюжий». Биография «комплекса леворукости» имеет свою долгую и печальную историю. Так, пренебрежительное отношение к леворуким связывают с фразой, прописанной в Священном Писании, по какую сторону от Господа окажутся грешники во время Страшного суда. (Грешники – «по ошуюю» – «по левую», а праведники – «по одесную» – «по правую»). Как замечает А. Баркан, левшам в прежние времена оставалось лишь только следовать формуле «или – или»: или стать таким, как все другие, не выделяясь из ровной шеренги своих современников, по их образу и подобию, или же подвергаться кострам инквизиций людских суеверий (А. Баркан, 2010. – С. 491).

И это было действительно так: во всяком случае, в Средние века в Европе. Ведь до сих пор главная версия сожжения Жанны д'Арк – это ее «ведьмовство», потому что она была леворукой, а левая рука считалась «плохой», «рукой дьявола» и только правая «хорошей». Так что левшам нередко и в самом деле приходилось расплачиваться за свою непохожесть собственной жизнью (А. Баркан, 2010. – С. 495). Праворукие постоянно подчеркивали «ущербность» левшей, а Петр Первый даже издал закон, по которому запрещалось свидетельствовать в суде кривым, рыжим и... леворуким.

Но тем не менее этот комплекс имелся и есть, подогреваясь такой наукой, как криминалистика, которая в первые годы после рождения утверждала, что леворукость свидетельствует о преступ-

ных наклонностях человека. Однако, несмотря на то что с 1985 г. запрещена экзекуция переучивания левши в правшу, многие учителя начальных классов ищут поводы «усовершенствования» личности леворуких учеников, вряд ли даже догадываясь, что по-своему пытаются внедрить в жизнь принципы дискредитирующей давно себя догматической педагогики, а родители также извергают бесконечные упреки и обвинения по поводу своих нерадивых чад, постоянно позорящих их при общении с другими людьми, жалуясь на то, что в жизни им не повезло.

И все-таки чем же отличается леворукий ребенок от других, обычных детей? Ребенок «правополушарный» – левша – намного отличается от своих сверстников, и не только затянувшимся упрямством. Обычно это особо художественно одаренные и очень эмоциональные дети. Они уже с трех лет намного лучше других детей рисуют и лепят из глины или пластилина. Все отмечают их большие музыкальные способности, для них нередок абсолютный слух. Фантазии их сказочны и необычны. Ассоциациям предела нет. Мышление их образно. В них – искры творчества. По современным данным, среди левшей приблизительно 20–25% талантливых людей, в то время как у правшей эта цифра практически не превышает 5%. Такие гении-титаны, как Леонардо да Винчи и Микеланджело, тоже были левшами, не говоря уже о многих других знаменитостях. Ребенок-левша при благоприятных условиях жизни, благодаря своей интуиции и экстрасенсорной чувствительности, обладает прогностическим даром. Эти дети придают большое значение содержанию, а не форме, создавая вокруг себя «творческий» беспорядок. Но в целом они общительные и контактные. Из них могут получиться прекрасные лидеры (А. Баркан, 2010.). Такой ребенок непосредствен, доверчив, легко попадает под влияние сиюминутных чувств и настроений, плаксив, капризен и подвержен ярости и гневу, настойчив в осуществлении желаний. Ему труднее, чем другим, до школы овладеть чтением и письмом, а в первом классе это может стать вообще камнем преткновения, несмотря на то что у детей-левшей довольно часто хорошая память.

Поступление в школу для такого ребенка – это тяжелый психоэмоциональный стресс со всеми вытекающими отсюда последствиями. Леворукие дети, как правило, входят в группу адаптационного риска. На испытываемый ими хронический декстрастресс, или стресс праворукости, накладывается еще и высокая степень нервно-эмоционального напряжения, сопровождающего первые недели, а иногда и месяцы течения адаптационного процесса впервые поступившего в школу ребенка и отражающегося на всех органах и системах детского организма, а особенно на уровне поведения.

В отличие от правшей, у леворукого ребенка происходит своеобразная суммация негативных процессов этих двух, как бы параллельно испытываемых им, стрессов, как от адаптации к незнакомым условиям нового детского коллектива, так и от давящей на него обстановки агрессивной праворукой действительности, и особенно если первоклассник подвергается экзекуции переучивания и искусственного превращения левши в правшу.

Ребенок ощущает свою беспомощность и несостоятельность, замыкаясь в себе или же становясь агрессивным, совсем не догадываясь, что он из сословия «Левшей» Н. С. Лескова, способный подковать даже блоху, что вряд ли дано праворукому, и что он по многим параметрам может нередко вообще превзойти остальных. Однако в жизни «дефектная» непохожесть чаще всего становится причиной перманентного падения его самооценки.

Определив некоторые психические и поведенческие особенности леворуких детей, необходимо коснуться природы этого феномена. В психологической литературе как «праворукость», так и «леворукость» объясняются тем, что существует перекрест нервных путей, протянувшихся от конечностей к полушариям мозга. Причем при доминировании левого полушария ведущей, как правило, является правая рука, при доминировании правого полушария – левая. В связи с этим левое полушарие отвечает за речь и абстрактное мышление, правое – за музыкальное и художественное творчество, образное мышление. В левом полушарии информация обрабатывается последовательно, небольшими порциями, в правом происходит обработка больших объемов информации. Левое полушарие вырабатывает понятия и суждения, хранит все рациональное. Правое полушарие оперирует образами и другими невербальными сигналами. При доминировании левого полушария испытывается счастье и наслаждение, при доминировании правого – страх и печаль. Эти различия можно продолжать без предела, но главное, что даже относительное доминирование какого-либо из полушарий обусловливает психологические особенности людей. Толчками для превращения у детей одного из правых полушарий в левое является начало овладения речью и первое осознание ребенком самого себя. Поэтому после кризиса трех лет и начинают вырисовываться различия между «правшами» и «левшами», вернее, «праворукими» и «леворукими» детьми.

Говоря о левшах, надо помнить, что помимо леворуких детей встречаются и левоногие дети, а также левоухие и даже левоглазые, у которых левая половина тела обладает наибольшей чувствительностью. Однако в нашем сознании хрестоматийный образ ребенка-левши –

все-таки это образ именно леворукого ребенка. На сегодняшний день в мире более семисот миллионов левшей. Неужели они, в самом деле, лишь «продукт» аномалии? Сейчас практически на каждые 4–5 правшей приходится 1 левша. Среди причин прогрессирующего прироста леворуких детей ученые рассматривают как генетические, так и внешне обусловленные факторы. Статистические данные свидетельствуют о том, что у родителей-левшей рождаются более чем в 50% случаев леворукие дети, а если только один из родителей левша, этот процент резко падает, составляя приблизительно 16,7%. В сравнительном аспекте – у родителей-правшей процент рождения леворуких детей приблизительно равен 6,3%. Имеющиеся же «теории правого сдвига» опираются на еще не открытый ген праворукости, предполагая, что леворукость является просто случайным вариантом. Однако, по мнению А. Баркан, эта теория не принимает в счет компенсаторную леворукость, формирующуюся под влиянием внешних факторов, в основном связанных со всевозможными отклонениями в течении беременности и родов. По данным шведских ученых, этот феномен связан с частыми ультразвуковыми исследованиями будущих матерей во время второй половины беременности. А если это действительно так, то в связи с появлением еще более прогрессивных методов ультразвукового исследования плода – объемного трехмерного УЗИ – этот феномен будет лишь учащаться и нарастать. К сказанному следует добавить, что леворукость проявляется у ребенка бессознательно, и он не может без насилия над собой «переучиваться» в правшу (А. Баркан, 2010. – С. 495).

ГЛАВА 5. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПЫ АУТИЧНЫХ ДЕТЕЙ

Аутизация общества в XXI веке приобретает характер своеобразной «эпидемии». Так, например, только в последние десятилетия количество аутистов увеличилось почти в десять раз, причем в одной лишь Америке прирост таких людей за это же время составил 273%, так что проблемы аутичных детей – это уже и проблемы XXI века (А. Баркан, 2009. – С. 192).

Аутизм (от греческого auto – сам) – термин ввел швейцарский психиатр и психолог Э. Блейлер (1911) для обозначения крайних форм нарушения контактов, ухода от реальности в мир собственных переживаний, где аутистическое мышление подчинено аффективным потребностям, его произвольная организация нарушена. Аутизм – психическое состояние, которое характеризуется поглощенностью собой и почти полным отстранением от внешнего мира, погруженностью в фантазии. Мышление при аутизме не подчиняется требованиям объективной действительности и не соответствует ей. Аутизм может быть не только чертой характера интроверта, но и симптомом психического заболевания, в особенности при шизофрении.

Детский аутизм в патологических проявлениях относится к числу редких явлений. В нормативно допустимых границах характеризуется отгороженностью от других людей нарушениями речи или ее недостаточной коммуникативностью (обычно, например, эхолалии), эксцентричным поведением, включающим повторяющиеся движения, аутодеструктивные действия. Аутистическое мышление контролируется лишь собственными желаниями и стремлениями индивида безотносительно к внешним факторам реального мира, что более или менее эквивалентно фантазиям.

В неклиническом смысле аутизм употребляется для обозначения индивидуальных особенностей человека, состоящих в повышенной ориентации на внутренние переживания и в большей зависимости мысли от аффективных тенденций (по сравнению со среднестатистической нормой) – при сохранности произвольности все это находится в границах нормы.

Детский аутизм – это целый комплекс психических расстройств, характеризующихся в основном тем, что ребенок отстраняется от контактов с окружающей действительностью и живет в своем мире, в мире собственных переживаний, поражая всех своей неприспособленностью и неполноценностью восприятия мира. Детский диапазон аутизма весьма обширен. Одним из его крайних полюсов являются практически здоровые дети с симптомами повышенной чувствительности, ранимости, беззащитности, патологической зависимости от взрослых и неукоснительного следования заветам «правильного» поведения. Другой полюс детского аутизма представляют дети, полностью отрешенные от окружающей их действительности. По мнению А. Баркан это самая тяжелая группа детского аутизма. Такой ребенок встречается один на тысячу детей. Промежуточный аутизм характеризуется тем, что входящие в него дети постоянно отвергают происходящее, склонны к консерватизму и делают только то, что им нравится (А. Баркан, 2009. – С. 193).

Исходя из такой дифференциации детского аутизма, нами приведены некоторые типы аутичных детей, представленные в работах А. Баркан, О. Маховской, М. Лэйни.

5.1. Поведенческие девиации аутичных детей

«Аутичный ребенок» является носителем целого комплекса психических расстройств, характеризующихся в основном тем, что ребенок отстраняется от контактов с окружающей действительностью и живет в своем мире, в мире собственных переживаний. Причем многие дети уже в раннем возрасте так нестандартны, что, кроме всеобщего удивления, а порою и восхищения их совершенно фантастическими дарами, не вызывают у взрослых никаких других чувств. Или же поражают всех своей неприспособленностью и неполноценностью восприятия мира.

Характеризуя аутичного ребенка, А. Баркан показывает, что «такой ребенок знает наизусть десятки сказок и столько же, наверное, стихотворений. Когда он слушает пластинки для детей, его вообще ничем нельзя отвлечь. Он повторяет из них фразы и слова. Малыш довольно рано начал говорить, намного раньше своих сверстников. Вначале – говорить, потом – ходить. Но удивительное все-таки не в этом, а в том, что первыми словами его были не столь привычные нам «мама», «папа», а романтичные «поэзия» и «роза». Да, да, «поэзия» и

«роза». Конечно же, он этими словами буквально всех ошеломил, даже врачей и педагогов. И с этих пор его считают вундеркиндом.

Малыш и фразы стал употреблять до года, особенно пришедшие из сказок. Он и сейчас нередко говорит цитатами, как взрослый. На днях сказал уставшей за день бабушке: «Не плачь, Принцесса на горошине, ты без труда не вытащишь и рыбку из пруда» – и попросил разгневанного папу: «Баранкин, будь же человеком!», а брата обозвал внезапно «Котом в сапогах», потребовав, чтобы он больше не трогал «Спящую красавицу» (то есть сестру). А тетю, тетю чуть не довел до инфаркта, назвав ее при посторонних «Тетушка Зубная боль». Он и знакомым тоже всем приклеил ярлыки: от Красной Шапочки до Гулливера. Никто не может догадаться о том, что взбредет в голову ему в любой момент. Он и себя обычно называет как-то странно, не «я», а, как цари, «мы», словом, во втором и даже в третьем лице. Его любимое занятие – придумывание особых, новых слов, которые не могут понять остальные, настолько они временами у него оторваны от окружающей действительности, как будто бы ребенок наслаждается не смыслом, а звуком их и музыкальным ритмом. Он даже произносит все по-разному: то убыстряя темп, то замедляя, переставляя слоги или же «глотая» их» (А. Баркан, 2010. – С. 600). «Для посторонних – он особенный и необыкновенный: сам изучил план города, освоив, как пользоваться им. Имеет хобби: коллекционирует открытки с разными пейзажами, хотя его специально этому никто не обучал. И вряд ли сможет обучить. Малыш не терпит, чтобы кто-то вмешивался в его жизнь и давал ему советы. Он до всего доходит сам и очень недоволен, когда ему хотят помочь или вообще все сделать за него. Аутичные дети имеют постоянные проблемы с учителем, ведь они могут «ляпнуть» такое, от чего встанут волосы дыбом даже у педагогов, подрывая своими высказываниями монументы их авторитетов.

Им действительно очень легко подорвать чей-то авторитет, если дело касается области, где они знатоки. А у этих детей почти всегда наблюдаются узкие, но интенсивные всевозможные интересы. И конечно, когда интерес связан с областью каких-то знаний, ну, к примеру, хотя б в математике, то ребенок способен спорить даже с учителем и нередко быть правым в разных спорных вопросах. А какому учителю это понравится? Проще просто приклеить ярлык, что ребенок проблемный и трудный, социально отторгнуть, а дальше – что будет. Говоря об особых интересах ребенка, надо помнить про то, что характер их часто навязчивый, и ребенок на них концентрируется как на самом существенном в жизни. Эти своеобразные «хобби» могут быть необычны настолько, что способны всех лишь удивлять, – от познания в древней алхимии

до коллекционирования значков. Правда, хобби имеют не только они. И обычный ребенок их может иметь. Все отличие в том, что обычный ребенок по-обычному к хобби относится, аутичный же ищет все корни, которые в состоянии хобби его «подкормить», дать всю «влагу» и вырастить нечто из области фантастической нашей реальности.

Если он увлечен вдруг алхимией, ждите поиска философского камня, который он все же найдет.

Если он увлечен математикой, то действительно не позавидуешь в школе его учителям математики.

Сам Аспергер, в честь которого назван синдром аутизма, называл даже маленьких своих больных не иначе как профессорами, так обширны и так глубоки были знания их в областях интересов.

У таких детей может быть феноменальная память, но отличных успехов они добиваются редко, исключение – это любимый предмет. Про такого ребенка педагог говорит, что он умный, но слишком ленивый.

По мнению исследователей, практически каждый десятый аутист обладает какими-нибудь необычными способностями. Однако истинно гениальные саванты встречаются очень редко. И гениальность не тождественна аутизму.

Нередки случаи, когда у аутичных детей вообще очень низок коэффициент интеллекта. И даже при этом в какой-то одной узкой области знаний они довольно часто способны нас удивить» (А. Баркан, 2010. – С. 607, 611).

«Однако, удивляя всех своими обширными знаниями и удивительными способностями в какой-нибудь одной деятельности, не всегда доступной и взрослому человеку, эти дети с синдромом Аспергера совершенно беспомощны в обыденной жизни. Иногда завязать им шнурок на ботинке тяжелее, чем решить задачу.

Их беспомощность и непрактичность – постоянные поводы для язвительных шуток в их адрес, подрывающих коммуникабельность.

Ему не интересен ровесник, привлекает не он, а все то, что в руках у ребенка, с которым играет: от гвоздя до машинки. Для него просто важен объект, человек не имеет значения.

Так что и создать естественные человеческие коммуникативные связи ему, конечно же, не под силу.

Социальные трудности связаны также с тем, что такой ребенок интуитивно не ощущает, как надо вести ему себя со своим собеседником в данный момент. К сожалению, им руководит так называемая «слепота разума», потому что ему не понять всевозможную витиеватость всех мыслей другого, подтекст и недомолвки, намеки, нюансы, оттенки...

Он не чувствует языка тела другого, языка мимики, взглядов, выражения лица, с трудом переносит прикосновения, шум и чувствительность к запахам.

У них есть свой набор разных стереотипов: от верчения пальцами до движений всем телом. А родителям трудно понять – почему их ребенок все время ходит только на цыпочках или прыгает без передышки.

То же самое в речи – он или молчит, или же исполняет роль попугая. При синдроме Аспергера всех поражает странность речи такого ребенка – он в три года уже может так все рассказывать, словно просто цитирует Вам наизусть главы самых тяжелых учебников. А придумать какое-то новое слово для него только лишь развлечение. И язык у него необычен, так же как и тон голоса. Но, сказав пару слов, он, как правило, прерывает беседу, торопясь неизвестно куда.

Ритуалы, рутинные действия повседневности этих детей раздражают, делают агрессивными, злят.

Если же что-то вдруг им понравится, пускай самый обычный предмет, их привязанность к нему способна граничить просто с одержимостью.

И еще их особенность – подверженность страхам, которые они сами пытаются искоренить, вырабатывая для себя ряд запретов и самоограничений.

Он всегда понимает все только буквально. И со всей своей прямолинейностью говорит без зазрения совести правду-матку тому, с кем общается, не пытаясь задуматься, как это все отзовется в дальнейшем на нем.

И, конечно же, все отзывается – в бесконечных насмешках над ним, унижениях, неприятии и отторжении.

Сверстники издеваются часто над ним, оскорбляя, навешивая ярлыки. В общем, он превращается в жертву, изгоя, испытав на себе школьный боулинг – вариант дедовщины. И в ответ – замыкается снова в себе, не поняв, что причина всего – лишь он сам.

Так что и создать естественные человеческие коммуникативные связи ему, конечно же, не под силу. И если в раннем возрасте это еще как-то может компенсироваться чем-то другим, то по мере взросления ребенка и поступления его в детские коллективы – сад и особенно в школу – неумение общаться со сверстниками и взрослыми людьми становится одной из самых существенных проблем в его жизни.

Взаимное непонимание между детьми-аутистами и ровесниками их, но не аутистами, создает трудности в социальных контактах и адаптации к школе. Эти трудности обусловлены и тем, что в аутичном ребенке, будто бы в коктейле, действительно смешалось воедино очень многое, казалось бы, несовместимое на первый взгляд: застенчивость и агрессивность, капризность и невозмутимое спокойствие, талантли-

вость и просто тупость. Причем не знаешь, в каком виде он предстанет перед Вами в следующий миг. Ну, словом, маленький хамелеончик в доме. Попробуй уследи, какой он примет цвет.

Однако родителям, прежде всего, надо помнить и об одной из самых популярных теорий нашего времени, времени, когда теплое общение с ребенком заменяют нам посиделки перед телевизором и компьютером, «теории эмоциональной холодности родителей».

И если даже генетические теории и более правомерны, эмоциональная холодность родителей всегда будет провокационным фактором в развитии этого синдрома, своеобразного зеркального отблеска этой эмоциональной холодности.

Говоря о косвенной причастности нашего компьютеризованного общества к развитию синдрома раннего аутизма, нельзя не отметить, что многие из аутичных детей как будто бы рождены для работы на компьютере, имея прекрасные способности к программированию» (А. Баркан, 2010. – С. 611, 614).

5.2. Одинокие дети

Некоторые родители недоумевают от того, что у их детей нет друзей, и большой проблемой даже оказывается, кого из сверстников пригласить на день рождения своего ребенка. Наблюдая за поведением своего дитя, они вопрошающе восклицают: «Какой-то он странный, может играть тихо в углу и ни о чем не попросит», «У дочки нет подруг...», «Боюсь, он вырастет одиночкой и будет несчастен», «Он все время жалуется, что его никто не любит и не хочет с ним играть...» (О. Маховская, 2012. – С. 174). Однако следует иметь в виду, что не все дети страдают, когда остаются одни, без родителей. Напротив, оставшись один, ребенок может почувствовать не страх и отчаяние, а радость свободы, предчувствие праздника и прилив сил.

Такое переживание одиночества свойственно большинству детей, не знающих родительской депривации и живущих в условиях насыщенного эмоционального общения в семье. И совсем другое дело одиночество детей, испытывающих эмоциональный голод в детско-родительских отношениях. При хронической детской депривации и продолжительном одиночестве они не только переживают целую гамму неприятных эмоций: отчаяние, страх, обиду… но и становятся невротичными одиночками, аутистами, сторонящимися любых контактов, прячущих свой внутренний мир от других людей. В этой связи родители обеспокоены тем, что ребенок все время с кем-то разговаривает,

бубнит. Даже когда родители рядом, он не обращает на них внимания и продолжает диалог с представляемым лицом. Такие «разговоры» расстраивают родителей, потому что слишком напоминают им то, что они сами говорят своему сыну: нет времени, занят, в другой раз и т.д.

В ответ на возмущение родителей: «Почему ты разговариваешь с придуманным существом, когда я рядом? Это странно!» – ребенок спокойно отвечает: «А какая разница? Ведь вы точно так же заняты, как он, только еще больше! С ним я могу поговорить всегда, когда захочу». На этой стадии аутичной речи или ощущения с самим собой дети начинают играть с виртуальными персонажами. Они могут разыгрывать сказку самостоятельно, при отсутствии реального собеседника. Психологический комплекс сироты у ребенка может возникать и при живых родителях, находящихся в состоянии развода или целиком поглощенных своими проблемами. Развитию детского комплекса одиночества могут сопутствовать следующие факторы:

- дефицитарность родительской любви и поддержки, потребности в тактильном контакте;
- родительские манипуляции в виде ухода от выполнения обещаний, обмана и лжи;
- распад родительской семьи.

По мнению О. Маховской, как бы ни заверяли ребенка в том, что «все хорошо», он не может не чувствовать, как обеднел его мир, как мало стало любви и тепла. «Как будто свет выключили во всем мире», – вспоминают уже выросшие брошенные дети. Но скучать ребенок может и по бабушке, и по няне, и по старшему брату, уехавшему в другой город. Любой человек, который питает и поддерживает детские фантазии, может стать для ребенка сверхзначимым, а его потеря – настоящим горем (О. Маховская, 2012. – С. 188).

- Отверженность ребенка со стороны сверстников.
- Несформированность позитивного опыта общения с другими людьми. Отрицательные стереотипы и недружелюбие родителей обрекают ребенка на агрессивное одиночество.
- Свойства темперамента (замкнутость, низкая пластичность). Этим детям интересен не столько мир людей, сколько мир предметов. Внешне нелюдимый, но дружелюбный ребенок может часами рассматривать картинки в детской энциклопедии, строить крепость, рисовать и не чувствовать себя одиноким.

В заключение отметим, что одиночество как сложное состояние бывает двух типов: социальное одиночество, связанное с несформированностью

контактов и связей с другими людьми, и психологическое одиночество, обусловленное бедностью детско-родительских отношений или чувством лишения, потери связи ребенка с матерью и окружающим миром.

Переживание одиночества определяет контраст между идеальной связью (мама всегда рядом) и реальной (маму можно обнять только утром и вечером). Иногда психологическое одиночество называют «потерянным раем детства». Оно с нами постоянно как тоска по идеальному миру, и именно оно оставляет на нашей личности след особости, исключительности (О. Маховская, 2012. – С. 175).

5.3. Поведенческие девиации стеснительных детей

Стеснительные дети очень недоверчивы к мнению других. Прямые призывы что-то делать, «как все», их смущают. Они расцветают там, где их по-настоящему любят и понимают. Они оберегают свои желания, а не торопятся исполнять чужие.

Стеснительный ребенок – это наблюдатель, исследователь. То, что он не торопится включиться в игру со всеми, не значит, что его не интересуют игры и дети. Но он должен вначале изучить, а потом действовать.

Стеснительные дети не могут объяснить свое поведение – так же, как не могут поменять свою конституцию, рост, пол... Стеснительный ребенок очень ревниво относится к своему личному пространству и чужие инициативы воспринимает как попытки агрессии и вмешательства, даже если это происходит из добрых побуждений. Точно так они ожидают, что и другие люди поведут себя непримиримо, если нарушить их нормы.

Они не любят новой одежды, потому что трудно к ней привыкают. Стеснительный ребенок чувствует, что в обновке он привлечет внимание других, а этого ему хотелось бы меньше всего. Другое дело, когда обновка «состаривается» и становится родной. Шумные ситуации и сильные стимулы пугают их, они вынуждены искать ниши укрытия, даже от родителей, активно наседающих на своих застенчивых чад в таких привычных формах, как, например: «Это же так просто, давай, не бойся! Что тут такого?» А малыш при этом думает примерно так: «Ага, ты большой, тебе хорошо. Неужели ты не видишь, что я еще маленький?»

Стеснительным, чувствительным детям нужно время, чтобы приспособиться к новой ситуации. Из-за своей тревожности они не любят новых или неопределенных условий. Им недостаточно, чтобы рядом был родитель, им нужно присмотреться. Родители таких детей недоумевают и ищут психологической помощи от чувства родительской беспомощности

и беспокойства за судьбы своих детей, отраженных в палитре следующих выражений: «У меня застенчивый ребенок, видимо, задержка в развитии», «Моя дочка тихоня, очень пугливая, ей будет трудно в жизни», «Боюсь, у нас растет маменькин сынок. Без меня никуда...», «Как выступать, у ребенка почти обморок. Как же он будет в школе отвечать?», «Дома ребенок как ребенок, но стоит появиться кому-то из чужих, замирает, набычивается, молчит и ждет, пока не уйдут» (О. Маховская, 2012. – С. 246).

К числу основных причин стеснительности и застенчивости в психологии принято относить следующие ее предпосылки:

– неуверенность в себе;

– тревожность в форме ранимости, легкой возбудимости, нерешительной, обусловленной меланхолическим темпераментом;

– фиксированность поведения на неудачном опыте, избегании ситуаций, связанных с неприятностями;

– отсутствие должного социального опыта;

– недооценка, критика, резкая критика детских ошибок со стороны взрослых.

5.4. Поведенческие девиации детей-интровертов

Интроверсия (от лат. intro– внутрь + vertere – направлять, поворачивать) – ориентация личности внутрь себя. Интроверт погружен в свой внутренний мир мыслей и переживаний, избегает социальных контактов, проявляет тенденцию уйти от реальности. Термин «интроверт» предложил К. Юнг. Интроверсия – комплексное свойство личности, стандартно описываемое как склонность избегать социальных контактов (некоммуникабельность, необщительность), стремление к уединению, ориентация не на внешний, а на внутренний мир (чувств, мыслей, образов). Крайние степени интроверсии характерны для аутизма. К комплексу черт интроверта относят также стремление к точности, педантичности, планированию своих действий; нерешительность, осторожность; ответственность. Согласно типологии Г. Айзенка, интроверт – типичный интроверт – это спокойный, застенчивый, интровертивный человек, склонный к самоанализу. Сдержан и отдален от всех, кроме близких друзей. Планирует и обдумывает свои действия заранее, не доверяет внезапным побуждениям, серьезно относится к принятию решений, любит во всем порядок. Контролирует свои чувства, его нелегко вывести из себя. Обладает пессимистичностью, высоко ценит нравственные нормы.

Психические свойства интроверта составляют основу меланхолического и флегматического темперамента. Интровертивный портрет меланхолика, по Г. Айзенку, представляет собой следующий комплекс интровертированных качеств: необщительный, тихий, сдержанный, ригидный (инертный), пессимистический, легко расстраивающийся, тревожный, склонный к рассуждениям.

Подобные интровертированные свойства встречаются и у представителей флегматического темперамента: молчаливый или немногословный, пассивный, инертный, спокойный, медлительный, ровный, осмотрительный.

Склонность к интроверсии – это врожденное психодинамическое свойство, обусловленное наследственностью ребенка. Интроверты обычно предпочитают получать внешние раздражения в небольших дозах, с которыми они могут легко справиться; экстраверт, наоборот, постоянно нуждается в действии и в возбуждающих внешних раздражителях. Интроверт углубляется в изучение предмета. Интроверту часто нужно время, чтобы «переварить» свои эмоции, прежде чем отреагировать на ситуацию (М. Лэйни, 2014).

В нашем обществе на одного интроверта приходится три экстраверта. Следует учитывать и то, что некоторые интроверты обладают сильно выраженной интроверсией; у других это свойство выражено меньше.

Дети-интроверты не склонны расширять круг своих знакомых и быстро сходиться с людьми, быстро покидать места скопления людей, наслаждаться собственным обществом и находить удовольствие в покое. Интроверты не любят изображать заводилу и душу в компании. Даже на шумной вечеринке они остаются самими собой. В общении они предпочитают письменные или телефонные формы. Интроверты, в силу богатства внутреннего мира и ранимости от необдуманных словесных воздействий, отличаются внимательностью и вежливостью, соблюдением манер, этикета и традиций. Спокойствие, рационализм, выдержанность и хорошие манеры отличают интровертов с юных лет. Обладая самодостаточностью, они в дружбе отдают предпочтение отношениям, а не личной выгоде.

Если ребенок интроверт, то это вовсе не значит, что он не может связать двух слов или не умеет выступать перед аудиторией. Поэтому мифы об интровертах, связанные с застенчивостью, недружелюбностью, безразличием к людям, полной погруженностью в себя, по мнению М. Лэйни (2014), либо преувеличены, либо беспочвенны. По утверждению автора, дети-интроверты обладают богатой внутренней жизнью, любят учиться, нестандартно мыслить, прирожденные собеседники, удивительно скромны, склонны к здоровым привычкам, умеют дружить. В целом интроверты – это творческие личности и хорошие граждане (М. Лэйни, 2014. – С. 83–98).

ГЛАВА 6. ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ С АНОРМАТИВНЫМ И АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Термин «девиантное поведение» представляет собой кальку с латинского языка – deviation, что в буквальном переводе означает «отклоняющийся от дороги». В отечественной психологии девиантное или отклоняющееся поведение (от лат. deviant – отклонение) определяется как система поступков, преднамеренных непосредственных или опосредованных действий, противоречащих принятым в обществе правовым, нравственным нормам и нормам психического здоровья (Е.В. Змановская, В.Д. Менделевич и др.).

Учитывая многообразие детских девиаций и информационную односторонность их содержания, следует говорить о том, что до сих пор нет единых подходов к их классификации. Многие авторы ограничиваются рассмотрением детских девиаций на уровне бытовых, юридических, педагогических, клинических и других проявлений. Многозначность и неопределенность подходов к типологизации детских девиаций широко распространена в исследовательской практике. Так, например, в ряде известных работ предметом исследования выступали: «трудный подросток» (В.Г. Степанов, Д.И. Фельдштейн); «аномальные дети» (С.А. Беличева); «дети, нуждающиеся в специальной заботе» (Л. Кошч); дети «группы риска» (И.А. Невский); ребенок с нарушениями в аффективной сфере (К.С. Лебединская); педагогически запущенные дети (В.Г. Баженов, Е.А. Горшкова, Г.П. Давыдов).

В некоторых работах отклоняющееся поведение детей рассматривается как «ненормальное, «делинквентное», «девиантное», «аддиктивное», «противоправное», «преступное, криминальное» поведение несовершеннолетних. В зависимости от степени нарушения социальных, нравственных и психологических норм рассматривается поведение, характерное «трудному ребенку», «педагогически запущенному школьнику», несовершеннолетним «алкоголику, наркоману и токсикоману», «правонарушителю и преступнику» (В.Г. Баженов, В.П. Баженова и др.).

Исходя из многозначности существующих подходов к типологизации детских девиаций, в данной работе приведены девиации, свя-

занные с проявлением агрессивности, суицидального, аддиктивного и делинквентного поведения, а также сверхценными психопатологическими увлечениями. Следует отметить, что при выделении детских типов девиантного поведения мы руководствовались двумя положениями:

1. Девиация – это граница между нормой и патологией, крайний вариант нормы (В.Д. Менделевич), а девиант – это ребенок, который не просто одноразово, случайно отклонился от поведенческой нормы, а постоянно демонстрирует преднамеренные нарушения социальных норм (В.Г. Баженов).

2. В данном разделе работы приведены ограниченные типы детских девиаций, которые относительно четко выделены и охарактеризованы различными авторами в XX и XXI веках. Некоторые детские девиации приведены ниже.

6.1. Специфические проявления агрессивности в структуре детской девиантности

Отечественные девиантологи (Е.В. Змановская, В.Д. Менделевич, Ю.А. Клейберг и др.) среди подростковых девиаций особое место отводят агрессивному поведению детей. По мнению авторов, агрессивное поведение проявляется в реальном стремлении или фантазировании, с целью подчинения себе других людей или доминирования над ними, соответственно имеет две формы – латентную (скрытую) и явную.

Термин «агрессия» (от лат. aggression – нападение) означает индивидуальное или коллективное поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда либо даже на уничтожение другого человека или группы.

Агрессия может проявляться в прямой форме, когда человек с агрессивным поведением не склонен скрывать это от окружающих. Он непосредственно и открыто вступает в конфронтацию с кем-либо из окружения, высказывает в его сторону угрозы или совершает агрессивные действия. В косвенной форме агрессия скрывается под неприязнью, ехидством, сарказмом или иронией и таким образом оказывает давление на жертву.

Существуют следующие виды агрессивных действий (Басс, Дарки):

1) физическая агрессия (нападение);

2) косвенная агрессия (злобные сплетни, шутки, взрывы ярости, выражающиеся в крике, топанье ногами и т.д.);

3) склонность к раздражению (готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении);

4) негативизм (оппозиционная манера поведения от пассивного сопротивления до активной борьбы);

5) обида (зависть и ненависть к окружающим за их действительные или вымышленные поступки);

6) подозрительность в диапазоне от недоверия и осторожности до убеждения, что все другие люди приносят вред или планируют его;

7) вербальная агрессия (выражение негативных чувств как через форму – ссора, крик, визг, так и через содержание словесных ответов – угроза, проклятия, ругань).

Различные виды агрессивных действий могут быть обусловлены различными факторами и входить в структуру разных типов девиантного поведения. Наиболее яркий вид – физическая агрессия в виде нападения на жертву.

Агрессия (и агрессоры) всегда оценивается резко отрицательно, как выражение антигуманизма, насилия, культа грубой силы. В то же время имеются случаи, когда об агрессивных действиях говорят как об энергично наступательных и дают им положительную оценку. Это обычно делается, если речь идет о спортивных состязаниях: отсутствие у команды спортивной «злости» или агрессивности оценивается как существенный недостаток.

Подобную функцию выполняет и детская агрессивность, порождаемая беззащитностью, отсутствием должного социального опыта и многочисленными страхами ребенка. Однако «положительная агрессия» является, скорее, исключением, имеющим место в узко специальной сфере. Ведущими признаками агрессивного поведения можно считать такие его проявления, как:

– выраженное стремление к доминированию над людьми и использованию их в своих целях;

– тенденция к разрушению;

– направленность на причинение вреда окружающим людям;

– склонность к насилию (причинение боли).

Обобщая все перечисленные признаки, можно говорить о том, что агрессивное поведение личности подразумевает любые действия с выраженным мотивом доминирования, «нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» (Р. Бэронц, 1997. – С. 26). Таким образом, термин «агрессия» используется в основном для обозначения большого разнообразия физических или вербальных действий индивида или группы, включающих нападение, нанесение вреда, враждебность по отношению к каким-либо людям или предметам.

Наряду с общим понятием «агрессия» существует и другое понятие – **агрессивность** (от фр. Agressif – агрессивный), определяемое как устойчивая черта личности, проявляющаяся в готовности к агрессивному поведению. Выражается в стремлении к наступательным или насильственным действиям, направленным на нанесение ущерба или на уничтожение объекта наступления. Среди основных же форм агрессивности помимо враждебности выделяют: инструментальную агрессивность, которая отличается тем, что цель действия субъекта, проявляющего агрессию, нейтральна, агрессивность используется лишь как средство достижения этой цели; реактивную агрессивность, возникающую как реакция субъекта на фрустрацию и сопровождающуюся эмоциональными состояниями гнева, враждебности, ненависти и пр.; альтруистическую агрессивность, характеризующуюся тем, что агрессивные действия направлены на защиту других. Пример – материнская агрессия.

Проявления инструментальной агрессивности скорее всего сигнализируют о потребности в помощи и привлечении внимания к своей проблеме, а проявления враждебности и реактивной агрессивности – о детской холодности, как следствие неразвитости эмоциональной сферы.

В этой связи некоторые родители сокрушаются: «Он стал бить кошку так, что мы его еле оттянули. А бедное животное отдали родственникам, подальше от греха!», «Мне сказали в школе, что дочь собрала какую-то банду и они избивают, дразнят и портят вещи скромным девочкам. Не могу поверить. Я ее этому не учила!», «Мой сын изгой, он не играет в компьютерные игры, и это повод для жестоких насмешек!».

Самое глубокое проявление эмоциональной холодности – потеря тактильной чувствительности. Дети иногда щипают себя или бьют чем-то по ладони, чтобы почувствовать себя. Отсутствие связи с миром переживается болезненно и в детстве. Жестокость детей, по мнению О. Маховской, – это оборотная сторона и закономерный результат нашего равнодушия к их чувствам. Кто-то делает это агрессивно, открыто. Кто-то спокойно, но настойчиво, показывая, что никакая жалоба ребенка не заставит дрогнуть сердце родителя. И тогда ребенок логично заключает, что миру вокруг нет дела до него, его никто не любит (О. Маховская, 2012. – С. 87).

Указанные проявления агрессивности свидетельствуют о ее явных и латентных формах, проявляющихся в следующих агрессивных разновидностях, выделенных Э. Фроммом (1994).

- Игровое насилие, которое используется в качестве демонстрации своей силы и ловкости при минимальном деструктивном компоненте и является наименее патологической формой агрессии.

- Реактивное насилие, которое проявляется при защите жизни, чести, имущества, свободы и т.д. Этот тип насилия стоит на службе жизни и его конечной целью является сохранение, а не разрушение.
- Враждебность, возникающая из зависти и ревности.
- Мстительное насилие. Отличается от реактивного тем, что не является функцией защиты. Мотив мести обратно пропорционален силе и продуктивности группы.
- Деструктивность, мотивированная потрясением веры. Возникает в результате нарушения отношений между родителями и детьми.
- Компенсаторное насилие. Служит социально не реализовавшемуся человеку в качестве замены продуктивной деятельности.
- Садизм. Трактуется Э. Фроммом как побуждение полностью и абсолютно поставить под свой контроль любое живое существо. При этом желание причинить боль не является существенным и определяющим. Психологическая суть садизма заключается в том, чтобы заставить человека страдать, принудить его терпеть страдания, лишить его возможности защититься или уйти от ситуации страдания; испытывать радость и удовольствие от полного господства над другим человеком.
- Архаическая жажда крови. Отражает связь человека и природы – убийство из пристрастия и страха собственного развития, очеловечивания.

С учетом указанных форм и типов агрессивного поведения, определенных А. Бассом (1976), выделены следующие виды деструктивно-агрессивного поведения подростков:

- Одиночный агрессивный тип нарушения поведения. У подростков данного типа имеет место также доминирование агрессивного поведения в физическом или вербальном плане. Преимущественно оно направлено против взрослых и родственников. Такие подростки склонны к враждебности, словесной брани, наглости, непокорности и негативизму по отношению к взрослым, постоянной лжи, прогулам и вандализму. Подростки с этим типом нарушений обычно даже не стараются скрыть свое антисоциальное поведение. Они часто рано начинают вовлекаться в сексуальные отношения, употреблять табак, алкоголь и наркотики. Агрессивное антисоциальное поведение может носить форму хулиганства, физической агрессии и жестокости по отношению к сверстникам. Основной отличительной особенностью данного вида агрессивного поведения является одиночный, а не групповой характер деятельности.
- Групповой агрессивный тип нарушений поведения. Характерной доминирующей особенностью является агрессивное поведение,

проявляющееся в основном в виде групповой активности в компании сверстников обычно вне дома. Оно включает прогулы, деструктивные акты вандализма, серьезную физическую агрессию или выпады против других. Прогулы, воровство, а также довольно незначительные правонарушения и антисоциальные поступки – скорее правило, чем исключение.

Важной и постоянной динамической характеристикой такого поведения является значительное влияние группы сверстников на поступки подростков и их чрезвычайная потребность в зависимости, выражающаяся в необходимости быть членом группы. Поэтому подростки с такими нарушениями обычно дружат со сверстниками. Они часто обнаруживают интерес к благополучию своих друзей или членов своей группы и не склонны обвинять их или доносить на них (А.Ю. Егоров, С.А. Игумнов, 2010).

Агрессивные подростки характеризуются следующими психологическими особенностями: боязнь социального неодобрения, раздражительность, подозрительность, предрассудки, склонность испытывать чувство стыда вместо вины, эгоцентризм, культ силы, положительное отношение к агрессии (Е.В. Змановская, 2003. – С. 89).

6.2. Типы агрессивных детей

Жестокий ребенок. Жестокий ребенок – видоизменение злого. Злые дети, по утверждению Ф. Шольца, конечно, всегда вместе с тем и жестокие дети, но это не всегда бывает наоборот. Самая частая форма, в которой проявляется жестокость, – это мучительство животных, которое вместе с тем есть и один из первых ее признаков, требующих внимания. Когда трехлетний ребенок мучит дождевого червя или гусеницу, отрывает крылья у бабочки или ножки у мухи, то нельзя говорить, что это – недомыслие. Ребенок чувствует что-то при этом, а именно – удовольствие. Но мы должны подчеркнуть здесь, что не всякий поступок, проявляющийся внешним образом, такой, как мучительство животных, является результатом наследственной жестокости.

Часто это только подражание или шалость, когда дети травят кошку или визжащую собаку и долго не оставляют их в покое, иногда играют роль также любопытство и скука и неудовлетворенная жажда деятельности, иногда любознательность, которая хочет посмотреть, что будет. Ребенку хочется увидеть, как будет выглядеть кошка без хвоста, собака без ушей; это смешит его, но он не думает в это время о страданиях животного. Или здесь могут играть роль извращенные, привитые

ложным воспитанием представления об отвратительности некоторых животных, таких как черепахи, змеи, летучие мыши. Ребенок думает тогда, что он совершает похвальный акт справедливости, когда сам является палачом и мучает и убивает пойманного преступника. Но мучительство животных по врожденной жестокости есть тяжелая форма вырождения детской души, которая должна считаться угрожающей для дальнейшего развития ребенка. По мнению Ф. Шольца, люди, которые находят удовлетворение в обидах и преследовании своих ближних, в своем детстве мучили животных (Ф. Шольц, 1914. – С. 95).

Из сказанного следует, что жестокость – это чрезмерная агрессия, сочетающаяся с холодным рассудком. Одно дело проявлять агрессивную реакцию, когда ребенок глубоко задет или обижен, и совсем другое дело, когда ребенок не выдает никакого внутреннего беспокойства, а холодно и спокойно совершает раз за разом опасные для здоровья других поступки, наносит обиды; это пугает, обескураживает и просто повергает в отчаяние родителей, которые вложили в него столько тепла и надежд.

Злостно-забитый ребенок (по П.Ф. Лесгафту). Дети злостно-забитого типа отличаются ожесточенностью и подозрительностью, самолюбием и резкими рефлекторными проявлениями. Сознательная деятельность более всего сосредоточена на личной защите.

После наказаний такой ребенок может истязать животных, наносить прямой вред воспитателям, после продолжительного спокойного напряжения (на уроке) такие дети с криками выскакивают из класса, бросаясь на все, что встречается на пути. Проявления этого типа совершенно одинаковы как у мальчика, так и у девочки; цинизм их выступает в одинаковой степени.

Ребенок данного типа приучен к сильным впечатлениям мерами, связанными с оскорблением личности, поэтому постоянно стремится к перемене впечатлений и сильным возбуждениям. Эти возбуждения выводят его из той апатии, в которую он попал под влиянием принудительных мер. Правдивость его условная, поскольку он не постесняется сказать и поступить не согласно с правдой, если это будет иметь отношение к ненавистному для него человеку, а также подозрительному, а таким может быть для него каждое новое лицо. Со сверстниками то сдержан, то агрессивен. К занятиям совершенно равнодушен, подчиняется только самым любимым требованиям.

Причины, содействующие проявлению и развитию данного типа в семье: запрещение рассуждать; применение различных насильственных мер для принуждения ребенка; распространенность несправедливых и произвольных требований, связанных с угнетением и оскорблением человеческого достоинства ребенка.

Дети агрессивного моббинга. Последние годы межличностные отношения подростков все чаще характеризуются таким явлением, как моббинг. Этимология слова восходит к английскому «mob» и означает «окружить толпой, нападать». Само понятие «моббинг» в возрастную и педагогическую психологию пришло из зоопсихологии. И с самого начала имелись в виду межличностные отношения школьников, которые отличались нередкими в школьной среде издевательствами над беззащитными и слабыми соучениками. Моббинг – это регулярное и целенаправленное анонимное нанесение морального, материального или даже физического вреда одноклассникам в стенах и на территории школы. Моббинговая ситуация обязательно содержит в себе элементы насилия и агрессии в школе.

Формы проявления моббинга разнообразны. Арсенал включает от безобидных, на первый взгляд, иронии, шуток, интриг, обвинений, домыслов до откровенных оскорблений, сплетен, унижений, силовых угроз, организованного психологического террора, травли «жертвы» (В.Г. Баженов, В.П. Баженова, 2011. – С. 65).

Гебоидно-агрессивные дети. Гебоидное поведение характеризуется дезорганизацией деятельности подростка, выраженным инфантильным эгоцентризмом, гротескным стремлением к самоутверждению с грубой оппозицией к окружающим, полным игнорированием нравственных правил и ценностей, жестокостью, выраженностью садистических наклонностей, отсутствием жалости, сострадания – «моральным дальтонизмом» (С.А. Суханов), склонностью к импульсивной агрессии, отсутствием чувства долга, ответственности, интереса к продуктивной положительной деятельности при усиленном патологическом интересе ко всему, что связано с насилием, убийствами, издевательствами, кровавыми расправами, террористическими актами (В.А. Гурьева, В.Я. Семке, В.Я. Гиндикин). Кроме того, типичными для гебоидного поведения считаются расторможенность влечений, примитивная гедонистическая мотивация своих поступков, стремление к немедленной реализации своих побуждений. Подобная форма девиантного поведения встречается только при психопатологическом типе, чаще в структуре шизофренического спектра расстройств (В.Д. Менделевич, 2005. – С. 205).

6.3. Детские типы суицидального поведения

Суицидальное поведение – осознанные действия, направляемые представлениями о лишении себя жизни, включающие в себя суици-

дальные действия (попытки и завершение суицида) и суицидальные проявления (мысли, представления, переживания).

Суицидальное поведение у подростков является следствием неприятия ситуации как в семье, так и в отношениях со сверстниками. Атмосфера равнодушия, ненависти, несправедливости создает ощущение потерянности и одиночества. Чувство вины, невозможность выполнения предъявляемых требований со стороны родителей и педагогов, низкая самооценка также являются предпосылками к суициду.

Суицид в подростковом возрасте от взрослого отличается большей спонтанностью и низким процентом летального исхода.

Основной мотив – наказание. Виновный может быть прямо указан в посмертной записке или на него указывают косвенно (самоубийство совершается в его присутствии или рядом с его местом жительства, работы). Как правило, акту совершения самоубийства предшествуют ярко созданные в воображении картины раскаяния обидчиков. Однако у подростков нет в сознании связи между своим поступком и смертью. 89% опрошенных свидетельствуют о том, что у них не было желания умереть, у них было желание уйти.

Существует многообразие форм суицидального поведения: самоубийства – истинные суициды, а также попытки самоубийства – незавершенные суициды. В некоторых случаях суицид рассматривается как намеренное самоубийство и парасуицид как акт намеренного самоповреждения без смертельного исхода. По мнению А.Е. Личко (1983), суицидальное поведение у подростков бывает демонстративным, аффективным и истинным. Е. Шир различает: преднамеренное суицидальное поведение, неодолимое, амбивалентное, импульсивное и демонстративное (1984. – С. 128).

Э. Дюркгейм (1994) делил самоубийства на виды в зависимости от особенностей социальных связей индивида. «Анемическое» самоубийство происходит в результате тяжелых разногласий между личностью и окружающей ее средой. «Фаталистическое» самоубийство имеет место в случае личных трагедий, например смерти близких, потери работоспособности, несчастной любви. «Альтруистическое» самоубийство совершается ради других людей или во имя высокой цели. Наконец, «эгоистическое» самоубийство является уходом от неблагоприятных ситуаций – конфликтов, неприемлемых требований.

Суицидальное поведение – понятие широкое и помимо суицида включает в себя разные формы:

- суицидальные мысли – мысли о смерти, суициде или серьезном самоповреждении;
- суицидальные тенденции включают суицидальные мысли и суицидальные побуждения (позывы к самоубийству);

- парасуицид (суицидальные попытки – попытки нанести повреждения самому себе или совершить самоубийство, не закончившиеся летально);
- абортивный суицид (суицидальная попытка) – истинное самоубийство по каким-то обстоятельствам (субъективным или объективным), остановившееся перед завершающим действием и не окончившееся смертью;
- завершенный суицид.

Суицидальные мысли отнюдь не редкое явление в нашей обыденной жизни. От 15 до 35% лиц молодого возраста имеют опыт переживания суицидальных мыслей (Levy, Deykin, 1989, Miotto et al., 2003). Суицидальные мысли подразделяются на:

- Пассивные – носят недифференцированный характер и не связаны с формированием суицидального плана. Их иногда называют суицидальные фантазии.
- Активные – связаны с активным намерением убить себя. Обдумывание подходящего способа суицида, места и времени акта суицида. По существу – это «репетиция» самоубийства.
- Хронические суицидальные тенденции – это суицидальные мысли, продолжающиеся более 12 месяцев.

Суицидальные тенденции в своем развитии проходят несколько этапов:

– мировоззренческий этап, который заключается в знании о суициде как о возможном способе решения проблем;

– этап пассивных мыслей, когда у человека возникает «согласие» на собственную смерть;

– активный этап, когда происходит формирование плана суицида.

На основе обобщения видов и форм суицидального поведения была создана типология суицидов, включающая следующие три основных типа:

Истинный суицид направляется желанием умереть, не бывает спонтанным, хотя иногда и выглядит довольно неожиданным. Такому суициду всегда предшествует угнетенное настроение, депрессивное состояние или просто мысли об уходе из жизни. Причем окружающие такого состояния человека могут не замечать. Другой особенностью истинного суицида являются размышления и переживания по поводу смысла жизни.

Демонстративный суицид не связан с желанием умереть, а является способом обратить внимание на свои проблемы, позвать на помощь, вести диалог. Это может быть и попытка своеобразного шантажа. Смертельный исход в данном случае является следствием роковой случайности.

Скрытый суицид (косвенное самоубийство) – вид суицидального поведения, не отвечающий его признакам в строгом смысле, но имеющий ту же направленность и результат. Это действия, сопровождающиеся высокой вероятностью летального исхода. В большей степени это поведение нацелено на риск, на игру со смертью, чем на уход из жизни. Такие люди выбирают не открытый уход из жизни «по собственному желанию», а так называемое суицидально обусловленное поведение. Это и рискованная езда на автомобиле, и занятия экстремальными видами спорта или опасным бизнесом, и добровольные поездки в горячие точки, и употребление сильных наркотиков, и самоизоляция.

Психологические особенности суицидентов. А.Г. Абрумова, Е.М. Вроно (1985), исследуя личностные особенности подростков с суицидальным поведением, показали, что для большинства из них характерна импульсивность, проявляющаяся в неспособности подростка сколько-нибудь продолжительное время обдумывать принятые решения, предусмотреть последствия совершаемого поступка и смоделировать свое поведение таким образом, чтобы не пострадали самолюбие и собственные интересы.

Всем подросткам-суицидентам, по данным авторов, была свойственна некоторая эксплозивность и эмоциональная неустойчивость, чем и объяснилось большое количество конфликтных ситуаций, нередко заканчивавшихся суицидальными действиями.

Большинство подростков, совершивших суицидальные действия, отличались повышенной внушаемостью, которая проявлялась в выраженной способности к сопереживанию и сочувствию, переносу встречающихся в литературе и кино коллизий на себя, быстром «вживании» в образ, в возможности испытывать в этих несуществующих ситуациях истинные эмоциональные потрясения, а также в некоторой несамостоятельности мышления, зависимости от мнения окружающих, стремлении строить свое поведение по образу и подобию героев книг, кинофильмов и т.п.

Ц.П. Короленко, А.Л. Галин (1978, 1990) выделяют следующие психологические особенности суицидентов: преобладание формально-логического типа мышления, усиление аффективной сферы и недостаточность активного воображения.

Недостаточно развитое воображение делает фрустрацию неожиданной, затрудняет возможность прогнозировать последствия своих действий, снижает психологические защитные механизмы и делает суицидальную попытку более вероятной.

Н.В. Конанчук, В.К. Мягер (1983) выделяют три основных свойства, характеризующих личность суицидента: повышенная напряженность

потребностей, выражающаяся в необходимости непременного достижения поставленной цели; повышенная потребность в эмоциональной близости, зависимости от любимого человека, когда собственное Я растворяется и воспринимается лишь в паре: «я – она» («я – он»), а вся жизнь строится на сверхзначимых отношениях; низкая способность личности к образованию любого рода компенсаторных механизмов, неумение ослабить фрустрацию.

В целом для суицидента в большей степени характерны: невыносимость страданий, поиск выхода из ситуации, переживание безнадежности ситуации и собственной беспомощности, аутоагрессия, амбивалентное отношение личности к суициду, искажение воспринимаемой реальности – зацикленность на проблеме, «туннельное зрение». Все это приводит к сужению выбора до бегства в «суицид». При этом суицидальное поведение, как правило, соответствует общему стилю жизни и личностным установкам.

6.4. Делинквентные типы детского поведения

Делинквентное поведение (лат. delinguens – проступок, провинность), определяется как противоправное поведение личности –действия конкретной личности, отклоняющиеся от установленных в данном обществе и в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях. Личность, проявляющая противозаконное поведение, квалифицируется как делинквентная личность (делинквент), а сами действия – деликтами.

В педагогической литературе делинквентное поведение включает различные проступки, провинности, систематические прогулы школьных занятий, нарушение общественных норм поведения, но в силу незначительности проступков не влечет уголовного наказания, включая дромоманию.

Дети-дромоманы. Дромомания – склонность к бродяжничеству – неудержимое стремление к странствиям – рассматривается психиатрами как один из вариантов расстройства контроля над импульсивными побуждениями, но истинная дромомания встречается редко.

Причины побегов из дома весьма разнообразные. Как правило, совершаются из чувства протеста на какое-либо оскорбление внутри семьи или школе, моральное или /и физическое насилие. Могут быть вызваны пролонгированной неблагоприятной ситуацией внутри семьи,

например, отец алкоголик. В данном случае толчком к побегу станет некое событие, сыгравшее роль «последней капли», например, очередной запой родителя. Провоцирующим моментом также может оказаться страх наказания за какой-либо проступок. Но побег может быть совершен и из романтических побуждений. «Лакмусовой бумажкой», проявляющей истинную причину побега, будет служить то, насколько охотно подросток дает о себе сведения и стремится к возвращению домой. Если следствием побега была психологическая травма, то все сведения о себе тщательно скрывают, предпочитая оказаться в приюте, чем вернуться под родительский кров.

Однако чаще всего делинквентный тип поведения рассматривается как мелкий хулиганский проступок, который в крайних своих проявлениях представляет собой уголовно наказуемое деяние.

От криминальных действий отличается незначительностью проступка. Его можно охарактеризовать как действие, намерение которого были невинны. Ниже приведены некоторые типы детского делинквентного поведения, представленные в работах Ф. Шольца, Л.С. Ватовой, В.Д. Менделевич, А.В. Гоголевой.

Дети-вандалы. Вандализм, по Л.С. Ватовой, – неочевидный вид преступности, так как часто остается не найден субъект преступления. Вандальные действия совершаются чаще в вечернее или ночное время, при отсутствии свидетелей или после их отвлечения. Важную роль играет их быстрота.

Детский вандализм является следствием: гнева из-за неспособности достигнуть чего-либо, скуки – из-за желания развлечься, проверки социальных норм и авторитета взрослых, переживания удовольствия от разрушительных процессов, стремления привлечь внимание и способа самоутверждения.

Наиболее часто акты вандализма можно наблюдать во время матчей на стадионах или на улицах города после них. Росписи на заборах, гаражах, школах уже перестали удивлять прохожих, к ним привыкли, а «граффити» стал «приемлемым» для общества, разбитые окна в электропоездах тоже не считаются новостью.

В зависимости от мотивов выделяют следующие типы вандализма:

Вандализм как способ разрушения. Основной мотив разрушения составляет материальная выгода. Эта форма вандализма – по сути, разновидность кражи. Снимаются дверные ручки, мемориальные доски, детали приборов и устройств. Широко распространена эта разновидность вандализма на кладбищах, когда крадут цветы, венки, золото надписей.

Вандализм как мщение. Разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление. Особенность этой разновидности состоит в том, что

разрушение имущества представляет собой отлаженный ответ на действие противной стороны и совершается анонимно. Такая форма мщения привлекательна тем, что эмоционально эффективна, но позволяет избежать личного столкновения.

Вандализм как игра. Это распространенная разновидность детского и подросткового вандализма. Разрушение рассматривается как возможность поднять статус в группе сверстников за счет проявления силы, ловкости, смелости. Такое времяпрепровождение часто имеет характер соревнования.

Злобный вандализм. Представляет собой акты, вызванные чувствами враждебности, зависти, неприязни к другим людям и удовольствия от причиненного вреда.

Особенностями других типов вандализма – тактического и идеологического в первом случае служат, например, уничтожение товаров или продуктов ради недопущения снижения цен, а целями идеологического типа вандализма выступает символическое преследование социальных и политических планов в виде разрушения памятников архитектуры, церквей, соборов, монастырей и др.

В заключение отметим, что вандализм как отклоняющееся поведение следует дифференцировать на девиантный, связанный с отклонением от принятых в обществе норм (в данном случае это тип вандализма – как игра), и делинквентный (от лат. delinguens «совершающий поступок» и английского – «провинность», или криминальный, преступный). Этому виду вандализма соответствуют остальные типы вандализма.

Недобросовестный и вороватый ребенок. Детская недобросовестность, как отмечает Ф. Шольц, проявляется не только в избегании довести дело как следует, качественном выполнении задания, признании своих ошибок и др., но и детских играх. Недобросовестный ребенок, по мнению Ф. Шольца, старается победить противника при игре в мяч или крокет, потихоньку ставя шар на лучшее место или придвигая себе при игре в карты со спокойной совестью лучшие карты. Это в большинстве случаев еще простое, невинное поддразнивание противника. В действительности такие поступки происходят часто не столько от желания выиграть, сколько от радости, испытываемой в душе от сознания, что удалось перехитрить противника. Это ведет впоследствии к еще большей недобросовестности, приучает не уважать права других, открыто обманывать других, заниматься мошенничеством.

Детские кражи, по мнению Ф. Шольца, вытекают также из весьма различных источников. Иногда здесь играет роль только жадность. Ребенку хочется иметь определенную вещь, и он ее попросту берет. Он

берет себе кусок пирога, яблоко, хотя и знает, что это ему не позволено и что вещь принадлежит не ему. Это – простейшая форма, которую мы чаще всего встречаем у лакомок. Серьезнее обстоит дело, когда другие предметы возбуждают жадность ребенка, когда мальчик, например, крадет из коллекции своего товарища самую красивую бабочку или крадет у него приглянувшийся ему перочинный нож (Ф. Шольц, 1914. – С. 89).

Нередко у таких детей нечестный поступок не всегда вытекает из алчности, а по неразумению и неопытности. Иногда дети крадут без всякой причины, когда не играет роли ни одно из вышеописанных обстоятельств. Такой прецедент воровства может быть следствием асоциальных привычек, отсутствием интереса к украденным предметам. Он крадет только затем, чтобы украсть, без осознания наказания за свои поступки. У подростков имеют случаи клептомании. Патологическое воровство раньше всего можно узнать по бесцельности и бессмысленности всего поступка. У клептоманов периодически возникает неугасимое желание к краже. Причем мотив кражи в виде получения материальной выгоды отсутствует. Удовольствие, получаемое от самого процесса, близко по своим ощущениям к сексу. В перерывах между эпизодами воровства могут испытывать чувство вины, тревогу, раскаяние, но это не предупреждает рецидив.

Малолетняя проституция. Термин «проституция» происходит от латинского слова prostitution – осквернение, обесчещенное. Общими признаками проституции служат: род занятий – удовлетворение сексуальных потребностей клиентов; характер занятий – систематический промысел в форме половых связей с разными лицами, без чувственного влечения и направленный на удовлетворение половой страсти клиента в любой форме; мотив занятий – заранее согласованное вознаграждение в виде денег или материальных ценностей, которые являются основным или дополнительным источником существования проститутки.

В этой связи непременно возникает вопрос о мотивах детской проституции. Ряд авторов связывает их с низким уровнем материального благополучия. Так, например, по мнению М.А. Галагузовой, дети, порой не совсем осознавая, на что они идут, готовы оказывать различные сексуальные услуги, сниматься в порнофильмах ради оплаты своего «труда», причем не всегда деньгами. Это могут быть продукты питания, вещи, спиртные напитки и сигареты. Случается, когда полуголодный ребенок соглашается на предложение «добрых» дяди или тети только потому, что за него говорит его голодный желудок. В качестве мотива может выступать стремление к самоутверждению, любопытство, желание выглядеть взрослым, а также влияние больших доз алкоголя или наркотиков. Итог один: сломанные судьбы и покалеченные души, поскольку взрослый, ку-

пивший «дешевый товар», не всегда легко хочет с ним расставаться, либо же, совершив надругательства над ребенком и боясь быть разоблаченным, запугивает и шантажирует его в различной форме. В ряде случаев фактов детской проституции можно было бы избежать, если ребенку вовремя оказать необходимую помощь (М.А. Галагузова, 2002. – С. 52).

Ребенок, оказавшийся в сфере проституции, как считает М.А. Галагузова, проходит ряд этапов, превращающих «нормальное» поведение в девиантное.

На первом этапе ребенок приобретает статус человека низшего ранга с искаженным представлением о моральных и нравственных нормах.

На втором этапе постигаются определенные сексуальные знания и умения как теоретического, так и практического характера.

Третий этап формирует в детском сознании убежденность в том, что естественных половых отношений по любви между мужчиной и женщиной не существует.

Четвертый этап закрепляет в сознании ребенка негативное отношение общества к занятию проституцией, вследствие чего молодой человек ощущает себя человеком второго сорта.

Однако внешне молодые люди, занимающиеся проституцией, представляют собой довольно уверенную публику. Но есть и оборотная сторона их жизни – это постоянный страх, страх за собственную жизнь и жизнь близких людей, страх подвергаться жестокому насилию со стороны бандитов, садистов, мазохистов, страх раскрытия тайны получаемых доходов. Это лишь часть тех страхов, которые постоянно сопровождают данную категорию молодежи. Пытаясь уйти от этих кошмаров, вставшие на путь проституции начинают употреблять алкоголь или наркотики, поэтому финал может быть довольно печальным: скамья подсудимых, жизнь на улице, самоубийство, жертва преступления. Поэтому, как отмечает М.А. Галагузова, у детей необходимо выработать установку на неприятие так называемой легкой жизни, чтобы они сумели самостоятельно найти выход из сложившейся ситуации, причем не в занятии проституцией, будь то способ материально поддержать себя или свою семью либо доказать другим свою «взрослость» (М.А. Галагузова, 2002. – С. 52).

6.5. Типология детей с химической аддиктивностью

Аддиктивное поведение (от англ. addiction – пагубная привычка, порочная склонность) – одна из форм отклоняющегося, девиантного поведения, которое отличается степенью сформированности стремле-

ния личности к уходу от реальности. Такой уход начинает осознанно осуществляться школьником в результате искусственного изменения своего психического состояния. Наиболее распространен прием разнообразных по силе воздействия психоактивных веществ (ПАВ). Их употребление требует постоянной фиксации внимания школьников на специфических видах деятельности, обеспечивающих регулярное приобретение ПАВ и условий получения «кайфа» – желаемого психического состояния забытья, затуманенного сознания, галлюцинаций и т.п.

Данную типологию детей представляют типы детей с различными зависимостями от химических зависимостей – ПАВ. Следуя этому, в параграфе представлены психологические особенности некоторых типов, связанных с химической аддиктивностью, – это дети: наркоманы, алкоголики, токсикоманы, никотиновые и спайс-аддикты.

6.5.1. Дети-алкоаддикты

Говоря об алкоголизме, многие авторы рассматривают его как хроническую болезнь, развивающуюся вследствие длительного злоупотребления спиртными напитками, а пьянство – как чрезмерное употребление алкоголя, не обязательно рассматриваемое в рамках хронического алкоголизма (В.Д. Менделевич, А.В. Гоголева и др.).

Исследования последних лет показывают, что к употреблению алкоголя в некоторых регионах страны молодые люди прибегают с 7–10 лет. Признавая истину о том, что потребность в алкоголе прямо не входит в число естественных жизненных потребностей, как, например, необходимость в кислороде или пище, сам по себе алкоголь изначально не имеет притягательной силы для человека. Б.С. Братусь объясняет живучесть этой потребности тем, что общество, во-первых, производит данный продукт и, во-вторых, «производит» и «воспроизводит» обычаи, формы, привычки и предрассудки, связанные с его потреблением. Примером тому могут служить мифы, которые сопровождают процесс употребления алкоголя. Обычно действию алкоголя приписывают эйфорический, психотерапевтический, стимулирующий и другие эффекты. Действительно, постепенное усвоение алкогольных обычаев начинается задолго до того, как у человека возникает собственно потребность в алкоголе, задолго даже до первого знакомства с самим алкоголем, его вкусом и действием. Уже маленький ребенок, сидящий за праздничным столом, ждет, что ему в рюмку нальют сладкой воды, «детского вина», и он под одобрительный гул гостей потянется чокаться со всеми, вновь и вновь наблюдая и подсознательно усваивая при этом ритуал винопития. Почти всегда первое употребление алкоголя (обыч-

но в 10–12 лет за праздничным домашним столом либо в компании друзей) воспринимается субъективно плохо. Дети отмечают «горький вкус водки», жжение во рту, головокружение, тошноту и в ряде случаев даже рвоту. После такого знакомства большинство из них некоторое время избегают алкоголя. Однако неприятные ощущения со временем забываются, и снова возникают ситуации, которые провоцируют ребенка на употребление алкоголя.

Живя во взрослом мире, ребенок пытается разобраться в притягательности и значимости алкоголя в жизнедеятельности окружающих его людей. В одном случае он видит, что прием алкоголя связан с жаждой удовольствия, стремлением к чувственным наслаждениям, с эпикурейскими наклонностями (гедонистический мотив), в другом – алкоголь употребляется с целью смягчить состояние эмоциональной напряженности, тревоги, избавиться от беспокойства, подавленности, страхов, неуверенности, «отключиться» от горьких воспоминаний, навязчивых опасений, тревожных предчувствий (атарактический мотив). В третьем случае он наблюдает, что алкоголь употребляется в качестве допинга для того, чтобы поднять тонус, стимулировать воображение и творческую деятельность, улучшить работоспособность (мотив гиперактивации). В четвертом случае употребление алкоголя взрослыми связано с повышенной подчиняемостью, неспособностью человека противостоять натиску пьющих, оградить себя от негативных влияний, с нежеланием отвечать за свои действия. Ими овладевает стадное чувство «быть как все, не выделяться, не быть белой вороной» (субмиссивный мотив), в пятом случае употребление алкоголя чаще всего увязывается с традиционными поводами (праздники, банные дни, банкеты, деловые встречи и др.) – традиционный мотив.

В некоторых случаях употребление алкоголя связано с желанием привлечь к себе внимание окружающих утонченным знанием редких напитков, особых рецептов коктейлей, изысканностью ритуалов выпивки, стремлением почувствовать принадлежность к высшему свету, к золотой молодежи, сочетаемой со знанием ритуалов и оригинальных тостов (псевдокультуральный мотив).

В подростково-девиантных группах преобладает иная мотивация употребления алкогольных напитков. Ее основу, по В.Ф. Пирожкову (1998), составляют:

- Употребление алкоголя из любопытства. Часть подростков, удовлетворив свое любопытство, больше никогда алкоголь не употребляет. У других же состояние алкогольного опьянения приобретает личностный смысл – выпивка становится средством самоутверждения. Такие алкогольные эксцессы носят групповой

характер, должны иметь аудиторию, в глазах которой необходимо самоутвердиться (свою группу, других сверстников или взрослых). Для этого в целях самоутверждения они используют пьяный кураж, хулиганство, демонстрацию силы, совершение актов вандализма, драки, поножовщину.

- Склонность к получению кайфа. Эту группу подростков представляют так называемые любители кайфа, а также алкогольные эстеты. У данной группы употребление спиртного входит в традиционные ритуалы в качестве досуга, у которых социальная, групповая зависимость дополняется психологической зависимостью. Первые пьют, чтобы испытать алкогольную эйфорию, а вторые подкрепляют употребление алкоголя своими теориями: что и как предпочтительней пить, чтобы получить удовольствие и наслаждение. Алкогольным эстетам свойственно вовлечение в пьянство девушек, их спаивание, организацию притонов, совершение актов изнасилований.
- Особое место в подростковой алкоаддикции занимает героико-бравадная мотивация. Суть этой героической бравады – стремление «всех перепить». Такое смыслообразующее стремление к алкоголю («выпью пол-литра и не пьянею», «моя норма – поллитровка» и др.) способствует быстрому перерастанию социальной (групповой) и психологической зависимости в физическую и ведет к деградации личности.

Большинству девиантно-аддиктивным подросткам свойственны возбудимость, агрессивность, сексуальные извращения, заостренность характерологических черт, депрессивные реакции, нарушение социальной адаптации, узость интересов, асоциальные тенденции, циничность, эмоциональная холодность, утрата привязанности к семье и т.д. Для целей криминологического исследования следует особо отметить такие черты подростков-алкоголиков, как подозрительность, недоверчивость, повышенная мнительность, необоснованная ревность, готовность к болезненной фиксации ошибочных утверждений. В мотивационной сфере алкоголь становится ведущим мотивом поведения, а у несовершеннолетних подростков-делинквентов срабатывает своеобразный механизм, а именно: потребность в алкоголе – корыстное преступление – алкогольное опьянение (В.Ф. Пирожков, 1997).

6.5.2. Пиво-аддиктивные дети

Сегодня стало обыденным явлением увидеть подростка с бутылкой или банкой пива. Это обусловлено мифом о том, что пиво является слабоалкогольным напитком, не наносящим никакого вреда здоро-

вью подростков. Однако такой взгляд является катастрофическим заблуждением. В пиве действительно не очень много спирта. Но это совершенно не значит, что данный напиток для детского организма безобиден. Он тоже является алкогольным, а следовательно, вызывает привыкание. Недаром в последнее время все чаще и чаще медики говорят о так называемом детском пивном алкоголизме. Кроме того, хмельной напиток очень плохо влияет на печень и сердце. Эти органы претерпевают перерождение и начинают плохо функционировать. Учитывая все это, ни в коем случае нельзя относиться к пиву как к лимонаду. Детям нельзя поглощать его ежедневно литрами. Такое бездумье очень быстро скажется на здоровье детей и подростков, подобно влиянию алкоголя.

6.5.3. Дети нарко-аддикты

Наркомания (от греч. оцепенение, сон, безумие, страсть, влечение) – заболевание, вызванное употреблением психоактивных веществ – наркотиков, характеризующееся явлениями психической и физической зависимости, настоятельной потребностью в повторном многократном употреблении психоактивных средств, принимающее форму непреодолимого влечения.

Психоактивные вещества, обусловливающие детскую наркозависимость, включают:

Опиаты, наркотики, обладающие седативным, «замораживающим» действием; **методон – сильный синтетический наркотик опийной группы**. Последствиями употребления опиатов служат: огромный риск заражения СПИДом и гепатитом из-за использования общих шприцев; поражение печени из-за низкого качества наркотиков – в них остается уксусный ангидрид, который используют при приготовлении наркотика; сильное снижение иммунитета как следствие, подверженность инфекционным заболеваниям, заболеванием вен, разрушение зубов из-за нарушения кальциевого обмена; импотенция, снижение уровня интеллекта.

Очень велика опасность передозировки с тяжелыми последствиями вплоть до смерти. Марихуана и гашиш – **препараты конопли и каннабиноиды**. Действие этих наркотиков наступает через 10–30 минут после курения и может продолжаться несколько часов. Прием небольшой дозы приводит к возникновению приятных ощущений, расслабленности, удовлетворенности. Это состояние может сопровождаться обостренным восприятием цвета, звуков, повышенной чувствительностью к свету из-за сильного расширения зрачков. При приеме большой

дозы наблюдается заторможенность, вялость, сбивчивая речь у одних может сочетаться со вспышками эмоций, агрессивностью, немотивированными действиями у других. Поведение становится неадекватным. Иногда могут возникнуть галлюцинации. **Амфетамины –** наркотики, обладающие психостимулирующим, возбуждающим действием. К этой группе относятся синтетические вещества, содержащие соединения амфетамина. В большинстве случаев вводятся внутривенно. Эти наркотики получаются из лекарственных препаратов, содержащих эфедрин (солутан, эфедрина гидрохлорид). В природе эфедрин содержится в растении «эфедра». **Экстази** – общее название группы синтетических наркотиков-стимуляторов (MDMA – «Адам», MEDA – «Ева» и др.). У некоторых из них присутствует галлюциногенный эффект. Действие этого наркотика в течение 3–6 часов, проявляется в форме повышения тонуса организма, физической силы, выносливости к экстремальным нагрузкам и эмоциональным нагрузкам. После этого искусственного «разгона» наблюдается состояние апатии, сильной усталости, сонливости. На восстановление организма требуется несколько дней.

Длительное употребление приводит к дистрофии внутренних органов. Препарат влияет на генетический код и будущее потомство. Истощение психики приводит к тяжелейшим депрессиям, вплоть до самоубийства.

В настоящий момент среди школьников среднего возраста сформировалась достаточно обширная группа потенциальных потребителей экстази – они уже находятся на стадии социальной зависимости от наркотика и ждут возможности включиться в процесс его употребления. Это является частью молодежной субкультуры. **Галлюциногены**. ЛСД – синтетический наркотик, вызывающий необратимые изменения в структуре головного мозга, возникают психические нарушения различной степени тяжести, вплоть до полного распада личности. Даже однократный прием ЛСД может привести к изменению генетического кода и необратимо повредить головной мозг.

К признакам детского наркотического опьянения относят: **неожиданные изменения направленности интересов**, связанные с появлением новых друзей и внеклассных занятий; **странные особенности поведения**: периодическая и без видимых причин чрезмерная возбужденность или заторможенность, агрессивность или пассивность, колебания настроения; **изменения внешнего облика**: явная неряшливость, непонятный запах одежды, волос, кожи лица, рук, изо рта, суженные зрачки, мало реагирующие на изменение освещенности. **Появление у подростков различных предметов –** упаковки от таблеток, ампулы, кусочки фольги, чайная ложечка в его вещах или чужие чайные ложечки

в доме, обычно с закопченной внешней стороной, а также носимые с собой предметы, которые могут быть использованы в качестве жгута (резинка, провод, пояс, ремень и т.д.), кусочки каких-то растений. **Появление лекарственной заинтересованности подростков**: исчезновение из домашней аптечки некоторых препаратов (димедрол, тазепам и т.д.), а также в речи ребенка появление новых специфических слов.

Среди базовых причин детской наркомании выделено три обобщенных личностно-психологических источника приобщения подростков к наркотикам и алкоголю: стресс, внушаемость, любопытство. По результатам исследования, 32% подростков прибегают к наркотику как к способу избегания стрессов, 28% подростков впервые пробуют наркотики (без особого на то желания) под влиянием авторитетных для них лиц, то есть в результате стороннего внушения, 39,5% пробуют наркотики из любопытства.

Существующая медицинская классификация стадий развития наркомании основана на анализе проявления различных форм зависимости – социальной, психической и физической.

О социальной зависимости говорят тогда, когда ребенок еще не начал употребление наркотиков, но вращается в среде употребляющих, принимает их стиль поведения, отношение к наркотикам и внешние атрибуты группы. Он внутренне готов сам начать употребление. Часто к такой группе можно принадлежать, только исповедуя ее принципы и подчиняясь ее правилам. Желание не быть отторгнутым может быть столь сильным, что заслоняет привычные представления, изменяет поведение. Неотъемлемое условие этой стадии заболевания – наличие группы (которая может формироваться даже вокруг одного употребляющего наркотики).

После начала употребления наркотиков у подростка быстро формируется психическая зависимость. Она проявляется в том, что человек стремится вновь вернуть состояние, которое может быть очень сильным, или, находясь под воздействием наркотиков, отвлечься от неприятных переживаний и отрицательных эмоций.

В зависимости от вида наркотика его воздействие на детей может проявляться по-разному. Стремление избежать психологического и эмоционального дискомфорта столь сильно, что ребенок не в силах отказаться от дальнейшего употребления. На этой стадии заболевания ему уже необходима помощь специалистов – психологов и врачей и поддержка близких людей, особенно родителей.

При более продолжительном употреблении наркотиков формируется физическая зависимость, вследствие чего наркотик включается в процесс обмена веществ. В этом случае при прекращении приема наблюдается состояние физического дискомфорта различной степени

тяжести – от легкого недомогания до тяжелых проявлений абстинентного синдрома. Конкретные его симптомы зависят от вида наркотика и от особенностей организма человека. Такому больному необходима серьезная медицинская помощь.

Следует отметить, что только 3–5% наркоманов могут стать полноценными членами общества после медико-социальной реабилитации, т.е. общество, не занимающееся изучением и решением проблем, связанных с распространением и употреблением наркотиков, становится на путь самовырождения.

Характеризуя личностные особенности наркоманов, целесообразно говорить о психологических особенностях личности в период наркотической неподверженности и период наркозависимости. В этой связи некоторые исследователи, говоря о «донаркотической» личности наркомана, выделяют следующие черты личности молодых людей, которые могут, хотя и не обязательно, стать причиной наркомании: эмоциональная незрелость, неполноценная психосоциальная организация, садистские и мазохистские проявления, агрессивность и нетерпимость, слабые адаптационные способности, склонность к регрессивному поведению, неспособность к межличностному общению с партнером и т.д.

В более поздние периоды наркотической зависимости, вследствие нравов и привычек наркоманов, первичная личность начинает изменяться. Внутренние конфликты обостряются, а слабая психическая адаптация становится все более очевидной. Последствия хронического употребления наркотиков приводят к усилению пассивности и лени, безразличию к своему внешнему виду, бесплодному фантазированию и невозможности принятия решения, а также абсолютной неспособности более длительного усилия (А.В. Гоголева, 2003. – С.66).

По способу употребления наркотиков различают два основных типа наркоманов – сикерс (англ. Seekers – искатели) и хэдс (англ. Heads – головы). Эти термины, заимствованные из англо-американского жаргона, не имеют точного дословного смысла и синонимов. Как правило, сикерсы – это люди, которые в поисках истины проводят эксперименты с наркотиками и их эффектами, сравнивая их. Находят новый смысл человеческого бытия. Они не употребляют наркотики постоянно, а только эпизодически, а в перерывах анализируют пережитые впечатления. По натуре они преимущественно люди импульсивные, склонные к самоанализу, пытливые. Их интерес к наркотикам, как правило, не усиливается и после окончания школы может исчезнуть полностью.

Хэдсы проявляют серьезные отклонения личности (депрессия, нарциссизм, неуверенность, тревожность) и принимают самые разнообразные наркотики, в больших количествах и гораздо чаще.

Этот тип наркоманов характеризуется серьезными нарушениями поведенческих реакций, как это бывает при эндогенных психозах и мозговых травмах, но не связанных с шизофреническим психозом или с последствиями травматического повреждения мозга и являющийся, скорее всего, следствием социально-психологической дезадаптации (С.А. Кулаков, 2000).

6.5.4. Дети-токсикоманы

Токсикомания – заболевание, проявляющееся в виде психической, а иногда физической зависимости от веществ, не включенных в официальный список наркотиков. Суть токсикомании заключается во вдыхании одурманивающих веществ. Первые нюхатели (снифферы) клея и бензина появились в США и Европе в 60-годы XX века.

В настоящее время злоупотребляют ингалянтами (клеи, ацетон и пр.) даже дети 6–8 дет, поскольку эти вещества можно приобрести в любом хозяйственном магазине. Мода на различные токсические вещества и способы их вдыхания постоянно меняется. Токсикоманы используют полиэтиленовые или пластиковые пакеты, в которые вливается или кладется вата, тряпка, смоченная летучим веществом. Пакеты надевают на голову, кладут за пазуху, погружают лицо, а руками плотно прижимают края пакета к лицу. Используют трубки, выбривают часть волосяного покрова на затылке и прикладывают смоченные раствором вату (тряпку) и пр.

Среди токсических веществ используются ингалянты: техническая и бытовая химия (бензин, ацетон, клей, пятновыводитель, растворители нитрокрасок). Опьянение парами бензина наступает в течение 5–10 минут. В зависимости от вида токсических веществ и способов употребления различают следующие типы токсикоманов: а) аппликаторщик – употребляют ТВ (токсические вещества), накладывая смоченный тампон с ТВ на затылочную часть головы (чаще ацетон); б) нюхач – подросток, «балдеющий» при помощи вдыхания различных летучих веществ (клеев, лаков, растворителей и т.п.); в) колесник (таблетка) – глотает психотропные лекарственные вещества как «тормозящие» психическую деятельность (транквилизаторы), так и активизирующие ее (эфиросодержащие препараты); г) ширевой – подросток, «севший на иглу», который вводит в вену токсические вещества, не относящиеся к типу наркотиков (например, настой табака).

Употребление токсических веществ часто происходит в общественном месте. Подростки сидят группами на скамейке во дворе, в школьном туалете, иногда даже в классе на уроке, молчаливые и застывшие.

Они начинают прогуливать занятия, хуже учиться, более утомляемы, раздражительны, плаксивы. Признаки распознавания употребления токсических веществ: • наличие запаха от одежды; пузырьков, целлофановых пакетов, ношение ваты в носу, смоченной токсической жидкостью; • наличие выбритого затылка, наколки на руке; • наличие сыпи вокруг рта и носа, раздражение век и глаз. В тех случаях, когда подросток выбривает затылок, кожа в месте прикладывания ваты (тряпки) покрасневшая и раздраженная; • внешний вид неопрятный, видны следы клея; • стремление к группированию и уединению в перерывах между занятиями; • нарушение сна, аппетита, повышенная утомляемость; подросток пропускает школьные занятия, не готовит домашние задания, теряет интерес к учению, почти не бывает дома; становится грубым, раздражительным, на вопросы учителей и родителей огрызается. Если пытаться отобрать у них ингалянт или прервать процесс вдыхания, подростки могут даже подраться с родителями. Бывают случаи воровства: уносят ценные домашние вещи, крадут у одноклассников, чтобы раздобыть деньги. Мотивы употребления токсических веществ, совпадают с типологией алкоголизма у подростков: из любопытства; бравада своей смелостью; стремление самоутвердиться в среде себе подобных; групповая сопричастность за компанию; получить «кайф» – расслабиться; желание развлечься; желание уйти от трудных жизненных проблем; снять психологический барьер перед совершением других форм асоциального и криминального поведения (групповой секс, преступления и т.п.) – (В.Ф. Пирожков, 1998). Сформированная зависимость, помимо разрушительного влияния на интеллект, разрушает личность в целом.

6.5.5. Никотино-аддиктивные дети

Общеизвестно, что табак, наряду с алкоголем, – самое распространенное средство получения удовольствия. Во всем мире табакокурение имеет тенденцию к росту. Армия курильщиков заметно молодеет и пополняется в основном за счет детей и подростков в возрасте 9–12 лет.

Никотин (как и алкоголь) относится к бытовым наркотикам, в силу чего продажа табака разрешена государством, он доступен по цене приобретения и продается 24 часа в сутки на каждом углу. Никотин – быстродействующий наркотик, и уровень его содержания в крови падает примерно вдвое в течение 30 минут и примерно до четырех раз через час после выкуривания сигареты. Это объясняет, почему, в среднем, курильщики выкуривают двадцать сигарет в день. Как только сигарета выкурена, начинается быстрое выведение никотина из организма, и

человек начинает испытывать муки отвыкания. Никотин является смолоподобной жидкостью с неприятным запахом и жгучим вкусом. При курении табака никотин проникает с дымом в дыхательные пути, всасываясь слизистыми оболочками, оказывает сначала возбуждающее (состояние приятного расслабления, релаксации), а затем, при применении больших доз, парализующее действие.

Никотин, вызывающий зависимость, содержится в листьях табачно-травянистых растений в концентрации от 1 до 9%. При курении никотин быстро всасывается в слизистую оболочку рта, проникает в легкие. В течение нескольких секунд никотин достигает соответствующих рецепторов в мозгу, высвобождается стимулирующее вещество норадреналин (информационный пакет «Drugbox»). Однако в XVI веке, когда табак был завезен в Европу, данных о его вредном воздействии на организм человека не было. Сегодня известно более чем 60 тысяч современных исследований в области табакокурения, доказывающих связь между курением и раком легких, заболеваниями сердечно-сосудистой системы, отклонениями в развитии плода. Подавляющее большинство случаев заболевания раком ротовой полости, губ, глотки, гортани, поджелудочной железы и многих других органов связаны с табакокурением. Табак вызывает больше заболеваний и смертных случаев, чем алкоголизм и наркотики вместе взятые. По оценке Всемирной организации здравоохранения, табак стал глобальным убийцей №1.

Не случайно, что самый знаменитый курильщик мира Вейн Мак Ларен, рекламировавший сигареты «Мальборо», умер от рака легких. Такая же участь постигла и Харри Хоканссона (реклама сигарет «Принц»), способствовавшего приобщению к курению тысяч шведских подростков. Велик риск возникновения спазмов сосудов, тромбоза и нарушения кровообращения, в особо тяжелых случаях дело доходит до ампутации конечностей, увеличивается риск заболевания диабетом.

Коварство табакокурения заключается в том, что тяжкие последствия развиваются постепенно и незаметно для самого курильщика. Ведь для того, чтобы заболеть раком легкого, нужно курить 10–15 лет, ишемической болезнью сердца – 5–8 лет и т.д. Это подтверждает, что риск возникновения заболеваний связан как с количеством выкуренных сигарет, так и с продолжительностью курения. Тем не менее понятие безопасной сигареты или безопасного уровня курения не существует. При этом одни курильщики спохватываются при появлении кашля, одышки, слабости в ногах, болях в сердце, другие только тогда, когда врачи ставят им диагноз.

Вред от курения определяется вдыханием дыма, состоящего более чем из 3500 веществ, образующихся при сгорании табака (никотин,

угарный газ, аммиак, синильная кислота, сажа и т.д.). Эти вещества обладают прямой токсичностью или выраженными канцерогенными свойствами. Поэтому зажженная сигарета – своего рода химический завод. Ученые обнаружили, что табачный дым содержит 4700 веществ, из них 43 являются канцерогенными. Многие из этих веществ категорически запрещены даже при борьбе с вредителями, однако допускаются в табачных изделиях, которые формально относятся к пищевым продуктам (Информационный пакет «Drugbox»).

Табакокурение – это хроническая интоксикация организма. Никотин, содержащийся в табаке, относится к классу наркотических соединений. Он не вызывает состояния эйфории, свойственного другим наркотическим веществам, но обладает всеми физическими и психическими свойствами привыкания, как у наркотиков. Однако самое грустное то, что наслаждение, получаемое курильщиком от сигареты, это, прежде всего, удовольствие, вызванное попыткой вернуться к состоянию покоя, порядка и уверенности, которое его тело испытывало до того, как он стал зависимым от никотина.

В этой связи до сих пор остается до конца не разрешенным вопрос о магнетической притягательности табакокурения в детско-подростковой среде. Почему неутихающие доводы о вреде курения с лихвой перекрываются мифами и убеждениями курильщиков в том, что курение стимулирует их мыслительную деятельность, облегчает общение, помогает утром быстрее проснуться, а вечером заснуть? Следуя «курительному романтизму», многие подростки не мыслят себе отдых с друзьями без алкоголя и сигареты. Курильщик встает и ложится с сигаретой, не расставаясь, как с любовницей, с ней ни на минуту. Если он встает ночью, то тут же обязательно закуривает. Такое романтизированное представление о табаке, используемого американскими аборигенами в религиозных церемониях, и поклонение богу табака, дополненное высказываниями Жана Нико (завезшего табак в 1560 году с американского континента в Европу) о лечебных свойствах табака, парадоксально превалируют над его негативными последствиями в менталитете курильщиков до сих пор. О позитивном эффекте табакокурения подтверждается в целом ряде работ. Так, например, имеют место утверждения о том, что никотин считается эффективным и доступным способом борьбы со стрессом, который помогает курильщику легко обрести контроль над собой и своими эмоциями. Никотин одновременно успокаивает и бодрит. К несчастью, никотин вызывает не менее сильную зависимость, чем героин или кокаин (Информационный пакет «Drugbox», с. 10).

В этой связи возникает и такой немаловажный вопрос, что же побуждает современных мальчиков и девочек прибегнуть к табакокуре-

нию? Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает, что мотивы приобщения подростков к курению довольно многочисленны и многообразны. Прежде всего, это такие психологические факторы, как: любопытство, потребность в экспериментировании, вызов, потребность казаться сильным, «досрочно» взрослым. Следует помнить и то, что подростки разного пола начинают курить исходя из неодинаковых побуждений. Доминирующим мотивом курения девочек является снижение веса, успокоение нервов, презентация своего нового имиджа. Мальчики хотят казаться взрослее, увереннее, независимее (Горанская С.В., 1999).

Влияние сверстниц на девочек бывает столь сильным, что, начав курить, девочки бросают курить реже, чем мальчики. Часто подростки начинают курить, желая компенсировать этим отставание от своих сверстников в учебе, не вовлеченность во внеклассную работу или удовлетворяя другие эгоистические интересы. Девочки делают это, чтобы выразить свой протест и продемонстрировать независимость (Райс Ф., 2000).

Чувство своей недостаточной маскулинности может побудить подростка начать курить или пить, что повышает его самоуважение как «крепкого парня» (И.С. Кон, 1989, С – 254). Такое самоуважение является потребностью подростка, вызванной необходимостью установления первых гетеросоциальных эмоциональных контактов. В 13–14 лет девочки и мальчики начинают проявлять интерес друг к другу. Для подростка дразнить девочку (способ привлечения внимания на предыдущем этапе развития) теперь является неприемлемым, поскольку теперь начинает цениться «крутость» – уверенность в себе, уравновешенность и хладнокровие, умение поддержать разговор (Райс Ф., 2000).

В генезисе никотиновой аддиктивности, по мнению А.Ю. Акопова (2008), немаловажная роль принадлежит и моторному компоненту. Вдыханию сигаретного дыма предшествуют ритуалы доставания сигареты, манипуляции с ней, прикуривание, мимические и пантомимические позиции представляют собой своеобразный эмоционально-моторный сценарий. Эти акты послужили основанием у А.Ю. Акопова для аналогии курения с атавизмом сосательного рефлекса, а сигарету – как соску взрослого (А.Ю. Акопов, 2008. – С. 125). У никотиновых аддиктов моторные акты складываются в автоматизированную, неконтролируемую сознанием ритуальную цепочку из десятков отдельных действий. У каждого курильщика свои поведенческие ритуалы, выполняющие функции катализаторов удовольствия и психологического комфорта.

Среди причин, побуждающих подростков к табакокурению, существенное место занимают социальные факторы: окружение, пример родителей, старших братьев и сестер, давление сверстников, пример зна-

чимых лиц (преподавателей, актеров и пр.). Многочисленные примеры свидетельствуют, что курящие подростки в большинстве своем из семей курящих родителей. К основным мотивам курения подростки относят желание успокоиться и просто привычку. Основными местами приобщения к курению, как ни парадоксально, является школа, особенно во время проведения различных досуговых мероприятий. В некоторых школах учителя уже прекратили проведение профилактических мероприятий и борьбу с табакокурением. В результате количество курящих в школах увеличивается (А.В. Гоголева, 2003. – С. 93). Эти примеры свидетельствуют о том, что одним из распространенных психологических механизмов никотиновой аддиктивности является подражание. Его основу составляет подражание своим курящим родителям и другим взрослым. Возрастает вероятность курения подростками, если курят их отцы и старшие братья. Пример взрослых постоянно у них перед глазами. Подражание взрослым и одобрение сверстников способствуют приобщению подростков к курению. Кроме того, некоторые подростки начинают курить из-за давления сверстников, несмотря на то что их семьи являются противниками табакокурения. В среде сверстников срабатывает механизм взаимного подражания. Дети из малообеспеченных семей начинают курить раньше, чем дети из семей среднего класса, главным образом для того, чтобы приобрести больший вес в глазах сверстников (Райс Ф., 2000). Должное место в формировании никотиновой аддиктивности принадлежит и физиологическим факторам, включающим воздействие эффекта никотина оксида углерода и длительность фазы экспериментирования (Горанская С.В., 1999).

В случае употребления табака (а также алкоголя или наркотиков) первый опыт детей и подростков часто оказывается неприятным. Первые опыты курения сопровождаются головокружением, головной болью. Продолжение опыта курения обычно вызывает лишь негативные реакции отторжения, отвращения к наркотику (головокружение, кашель до слез, рвота и т.д.). И только затем постепенно формируется привычка (нужда), переходящая в зависимость.

Никотиновый голод вызывает у курильщика нервозность, беспокойство, головокружение, усталость, потоотделение, судороги, дрожание конечностей, усиленное сердцебиение и другие симптомы воздержания от никотина. Наконец, доза потребления никотина постепенно возрастает, а в ее отсутствии поведение становится безрассудным. Многие из тех, кто бросил курить, вновь возвращаются к вредной привычке. (Ф. Райс, 2000. – С. 602–603).

И наконец, третий вопрос, требующий объяснения, заключается в том, что существуют ли личностные особенности, способствующие

формированию никотиновой аддиктивности? Ответом на данный вопрос служат исследования ряда авторов, изучивших личностные предпосылки никотиновой зависимости путем сопоставления личностных особенностей курильщиков с проявлениями психических расстройств. Их исследование показало, что никотиновым аддиктам свойственны: угнетенность настроения, депрессия, избегание отрицательных эффектов, включая страх и раздражительность у женщин. Увеличение интенсивности их курения было связано с отрицательными эмоциями печали, гнева и отвращения (S. Carton, 1992). У мужчин была обнаружена связь курения с повышением уровня двигательной и умственной активности. Отмечалась положительная связь между депрессией и интенсивностью курения (Aneshensel et al., Hughes et al., 1986).

Склонность и рецедивность никотиновой аддиктивности обусловлена и некоторыми социально-демографическими характеристиками, ситуационными факторами, а также нестойкой мотивацией к воздержанию от курения. Никотиновая аддиктивность в большей мере свойственна лицам с поведенческим типом А, низкими показателями социально-психологической адаптации, интрапсихического контроля, самоуважения. Экстравертированным, невротичным (тревожным) труднее бросить курить. Среди социально-демографических характеристик никотиновых аддиктов следует выделить «помолодевший» возраст (дети 9–12 лет) курильщиков, низкий уровень образования, тяжелый физический труд, низкую заработную плату (а соответственно и годовой доход), пассивное проведение досуга, беспечное отношение к состоянию своего здоровья и отрицательное отношение к физической культуре. Несмотря на эти данные, ряд авторов отрицает специфическую для курильщиков структуру личности, отмечая, что заядлые курильщики раздражительны, вспыльчивы, нетерпимы, ранимы, склонны к реакциям подавленности.

6.5.6. Спайс-аддиктивные дети

Курительные смеси различного типа являются нововведением в детской наркоманской среде. Они очень легкодоступны, дешевы и просты в употреблении. В связи с этим под влияние этого наркотика очень быстро попадают подростки. Смеси обычно расфасованы в пакеты, содержащие по 3 грамма смеси. Считается, что доступными для большинства молодых людей курительные смеси делает их низкая цена.

Травяные курительные смеси – это смеси, обладающие психоактивным действием, аналогичным действию марихуаны. Курительные смеси делятся на две группы. К первой группе относятся смеси, состоящие из натуральных растений. Травы перемешиваются между собой в опреде-

ленных пропорциях и дают так называемый «эффект употребления». (Шалфей предсказателей, голубой лотос, малая гавайская древовидная роза). Вторая группа курительных миксов – это смеси трав, обработанных лабораторно изготовленными химическими веществами (синтетическими каннабиноидами). Обнаруженный в составе курительных смесей синтетический каннабиноид JWH 018 в пять раз сильнее марихуаны. Наибольшую известность в России имеют курительные смеси: SpiceSilver, SpiceGold, SpiceDiamond, SpiceTropicalSynergy, SpiceArcticSynergy и др.

Алкоголь, даже пиво, потенцирует действие наркотика. Человек дуреет, у него отключается вестибулярный аппарат, он теряет пространственную и временную ориентацию, у него напрочь отшибает память. У подростков такое встречается часто. Происходят различные расстройства восприятия – бывали случаи, когда подростки выходили с восьмого этажа в окно «погулять» либо прыгали со стула в так называемую «воду», срывали с себя одежду и бегали голышом по морозу. Возможны беспричинные смех и плач. Ни один из употребляющих курительные смеси не считает себя наркоманом – самокритика отсутствует. У них затруднено мышление, кроме того – они общаются только с себе подобными и поэтому убеждены, что курят все. Приверженца спайса преследуют ночные кошмары и ужасы наяву, без причин возникает депрессия, преследует усталость, обостряются прочие болезни, наблюдается ухудшение состояния волос, кожи, зубов и костей. Это происходит вследствие того, что капилляры мозга сужаются, поэтому кровь не может снабжать мозг кислородом, в итоге клетки мозга умирают. При систематическом употреблении спайсов происходит токсическое поражение головного мозга, снижается умственная деятельность, работоспособность, ухудшается память. Антон КАА в воспоминаниях на интернет-форуме спайс-аддиктов (http:// forum-monar.ru) отмечает: «Более или менее серьезные проблемы начинаются после частого употребления (более 3 раз в день). Это граница, после которой начинается «кайфожорство». Убиваешься каждые полчаса (если не чаще) и тебе реально по фигу, сколько ты ее куришь. Главное – всегда быть в этом состоянии. С этого момента ты понимаешь, что подсел. Спать без нее не реально, просыпаешься каждые полтора часа (а то и чаще), чтобы вкурить и уснуть снова. Если у тебя она ночью вдруг заканчивается, то ты больше не уснешь. Можно даже не стараться. На еду в итоге даже смотреть не можешь. В жизни все абсолютно перестает тебя интересовать. Только Спайс! Неврозы без наркоты, апатия и депрессии. Поэтому, прежде чем попробовать спайс, надо серьезно задуматься, а надо ли… начинать?»

Одной из причин первой пробы спайса является неверие подростков в пугающие последствия спайсов со стороны взрослых. Поэтому, если дети

дошкольного и младшего школьного возраста еще могут впечатляться пугающей информацией о последствиях алкоголизма, наркомании и табакокурения, то подростки обладают возрастным негативизмом и протестными реакциями, когда любое «нет» перерастает в «да» под влиянием желания противостоять ограничениям; приобрели «иммунитет от пугалок» со стороны взрослых, поскольку получали от них в раннем детстве угрозы от «бабаек» до «никогда больше не пойдешь на улицу», которые не сбывались; не верят информации, получаемой от взрослых, которая часто подается в категоричной форме («все наркоманы быстро умирают» – а у подростка есть знакомый, который является наркоманом уже 14 лет, и рок-звезды не стесняются говорить в интервью, что «это было, но я соскочил»; «курение смертельно» – а подросток видит вокруг сотни курильщиков, которых трудно принять за самоубийц; «алкоголь исключительно вреден» – в Интернете ребенок находит информацию о пользе красного вина и пр.). Таким образом, у подростков появляется мнение, что взрослые преувеличивают, что взгляды взрослых устарели, не соответствуют действительности и т.д. Кроме того, у подростков еще недостаточно сформирована личностная ценность здоровья. Подростки далеко не всегда осознают значимость здоровья как обязательного условия достижения жизненного успеха, самореализации и прогнозирования возможных спайс-последствий для своего здоровья. Родителям и педагогам необходимо знать и учитывать в своей практике следующие симптомы употребления спайсов, зависящих от дозы, продолжительности, стадий спайсового опьяняющего состояния: расширенный или (реже) суженный зрачок; мутный либо покрасневший белок глаз (поэтому употребляющие носят с собой «Визин» и другие глазные капли); повышенная двигательно-эмоциональная активность; повышенный аппетит; сухость во рту; бледность; галлюцинации, кошмарные видения; агрессия; учащенное сердцебиение; неспособность сосредоточиться; нарушение восприятия; бесконтрольный смех; полная потеря контакта с окружающим миром; отсутствие способности ориентироваться в пространстве; потеря самоконтроля; нарушение координации; дефект речи (заторможенность, эффект вытянутой магнитофонной пленки); заторможенность мышления; неподвижность, застывание в одной позе при полном молчании (если сильно обкурился, минут на 20–30).

Возможно, подсказать о приеме курительных миксов смогут следующие находки: фольгированные пакеты или пакеты из плотного целлофана со следами порошка и травяной пыли; явные признаки опьянения без запаха алкоголя; общение на тематических форумах по употреблению спайсов; наличие дома «ложек» из фольги или нагревательных ламп.

ГЛАВА 7. ТИПОЛОГИИ ДЕВИАНТНЫХ ДЕТСКО-МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР И ОБЪЕДИНЕНИЙ

Неформалами в 80–90-е годы называли представителей различных молодежных объединений, возникших в противопоставление официальным или формальным организациям (пионерским и комсомольским). В середине 80-х годов к «неформалам» относили различные неофициальные, самодеятельные сообщества молодых людей – группы социальной инициативы, клубы по интересам и неорганизованные подростковые сообщества.

Первоначально слово «неформал» носило ярко выраженную негативную, презрительную окраску и не являлось самоназванием представителей субкультур, мало отличающихся от неформальных объединений. Детско-молодежные субкультуры представляют собой часть общей культуры, занимающей подчиненное место, но обладающей относительной автономией, ибо ее основные культурные ценности передаются изустно, из «поколения в поколение» сверстников. Содержание детских субкультур составляют особенности поведения, сознания и деятельности и социокультурные инварианты, зафиксированные в детском языке, мышлении, игровых действиях, фольклоре.

Детско-молодежные субкультуры, образованные в результате половозрастного расслоения общества, уже на ранних ступенях социогенеза выполняют важнейшие функции социализации детско-подростковых групп. Поэтому не случайно в психолого-педагогическом сообществе существует мнение, что современный ребенок воспитывается не только в семье и школе, но и субкультурах, число которых далеко перевалило за первую полусотню.

В настоящее время термин «неформалы» часто употребляется в качестве самоназвания представителями различных субкультур. Важнейшими признаками субкультуры неформальных молодежных организаций и групп являются ее тайный и скрытый характер, отрицательное отношение к правилам, требованиям, законам, наличие определенных атрибутов, символов, условностей, обязательных для выполнения всеми носителями субкультуры. Проявление субкультуры

чаще всего наблюдается в неформальном общении подростков, которые объединяются в небольшие группы. Связанные круговой порукой и различными атрибутами субкультуры, неформальные группы стремятся сохранить в тайне «законы» и «правила» от «посторонних», не входящих в их объединение. В этих группах существование субкультуры обнаруживается по отдельным внешним проявлениям (кличкам, татуировкам, распространенности жаргона, аксессуаров на одежде, «блатным» манерам и т.д.). (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 238).

По своей направленности детско-молодежные субкультуры дифференцируются по следующим направлениям.

7.1. Спортивно-фанатские субкультуры

Это неформальное молодежное движение зародилось в Англии в конце 1950-х годов XX века. Во многом благодаря английскому влиянию на трибунах отечественных стадионов стали звучать футбольные песни, речевки и сленг, но, что еще более важно, вместе с ними пришла и хулиганская ментальность, отличающая английский «околофутбол». Одним из основных последствий английского влияния стал резкий рост насилия среди болельщиков. Современный российский «околофутбол», по мнению ряда авторов, можно назвать сформировавшимся социальным явлением с ярко выраженными чертами английского стиля поддержки клуба как на домашних, так и на гостевых поединках. Среду банды (на сленге – «фирмы») имеют практически все клубы российского национального футбольного первенства вплоть до команд второй лиги. В среде российских хулиганов очень сильны идеи русского национализма (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 242). Цель спортивного фанатства, по утверждению указанных выше авторов, – эмоциональная разрядка в процессе «боления» на матчах и послематчевых шествий, стремление выделиться из окружающей микросреды, продемонстрировать с помощью стилизованной одежды – шарфов, шапочек, эмблем, значков, знамен – свою принадлежность к любимой команде. При этом спорт, спортивные мероприятия для подростков оказываются лишь поводом к совместным действиям. Часто послематчевые шествия заканчиваются драками с фанатами другой команды, разгромами магазинов. Приведение вагонов трамваев и троллейбусов в совершенно непотребный вид – это «фирменный» знак фанатов. Массовые драки спортивных фанатов прямо на стадионе во время матча становятся привычным явлением (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 242).

7.2. Детские неформальные субкультуры эпатажной самодеятельности

В ее основе – вызов сложившимся нормам, канонам, правилам как в наиболее простых областях жизни – одежда, прическа, так и более сложных – искусство, наука. Целью объединения подростков в такие группы служит подтверждение принадлежности к элитарной группе и претензии на образование «новой элиты».

Для современных подростков внешний эпатаж часто единственно доступная (по уровню развития, психологическому складу, социальным и финансовым возможностям) форма заявления о себе, самоутверждение собственного существования, попытка найти адекватную среду общения.

Наиболее характерным проявлением неформальной эпатажной субкультуры являются панки.

Дети-панки. «Панк» – так раньше называли на уличном жаргоне проституток и заключенных «шестерок». Позже слово вошло в основной лексикон и сегодня употребляется в значении «грязь», «гнилье», «отбросы». Движение панков зародилось в Англии в семидесятых годах XX века. Главный лозунг панков – «Нет будущего!». Философия панков – философия «потерянного поколения», простая до предела: в свинарнике лучше и самим быть свиньями. Они окончательно решили, что изменить мир к лучшему нельзя, и поэтому на жизни и карьере в старом понимании этого слова был поставлен крест. По политическим пристрастиям панки считаются анархистами. Отсюда их основной символ – стилизованная буква «А».

Стандартной панковской прической считается «ирокез» – полоска длинных вертикально стоящих волос на стриженой голове. Панки предпочитают рваную, грязную одежду. Панки – самые заядлые тусовщики. Без них не обходится ни один сейшн, даже если панк-группы там не играют. Еще это большие «специалисты» по выпивке, наркотикам, дракам – видимо, от безделья.

О посвящении в панки ходят легенды. В одних компаниях «новобранец» должен откушать на помойке со всей братией, в других – посидеть какое-то время в мусорном баке, закидываемый объедками.

В нашу страну панковская субкультура проникла в конце 70-х. Одними из первых панков были известные питерские рок-музыканты Андрей Панов («Свин») и Виктор Цой.

Образ жизни панка направлен на эпатаж публики любыми средствами. Внешний вид панка призван вызывать отвращение, раздра-

жение и негодование окружающих. Прическа – длинный «петушиный» гребень – «ирокез» от затылка до лба, оканчивающийся большим чубом. Волосы с боков сбриты до гребня. Используются сцепленные булавками различных размеров цепочки, пронизывающие мягкие ткани лица, хрящ и мочки ушных раковин. Распространены значки, символизирующие крайнее неуважение к окружающим: с изображением открытого рта с высунутым языком, кукиша, сексуальных символов и др.

Словарный запас, сленг панков вычурно груб и унизителен. Например, панкующих девушек называют «жабами». Клички панков: Свинья, Крыса, Гной, Свищ и т.п. Собираясь вместе по 10–20 человек, панки совершают демонстративно-непристойные эпатажные акции. Ритуалы насыщены активной пантомимой, непристойными позами. При встрече характерен жест: в сторону собеседника направлять кулак с двумя выпрямленными пальцами (указательным и мизинцем). Демонстрируется крайнее неуважение к девушкам. Открыто пропагандируется физическая сторона любви.

Общение примитивно: в основном рассказываются многочисленные «легендарные» истории о тех или иных эпатажных акциях. В среде панков распространено употребление наркотических и токсических веществ и совершение противоправных поступков: драки, надругательства над личностью, памятниками, могилами, грабежи, скорее с целью унижения личного достоинства, нежели для удовлетворения материальных потребностей.

Современные панки заметно повзрослели. Они в меньшей степени зациклены на внешнем облике и ориентированы на осознании самого себя, желании остаться самим собой в современном бушующем мире. Эта новая идеология панков заключается в том, что жить надо в гармонии со своим внутренним «Я», продолжая не признавать законов общества, но относиться к ним с уважением, ведь это плод чьих-то мыслей, из которых можно и для себя взять что-то нужное, позитивное.

Во все времена своего существования панки искали смысл жизни в самоотчуждении, насилии, отрицании всего того, что являлось показателем материального благополучия. Сейчас они начинают постепенно подходить к понятию гармонии своего внутреннего мира и мира внешнего (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 270–273).

Дети-мажоры. Основным мотивом включения в данную субкультуру является стремление к материальному обогащению и обладанию фирменными вещами. Возраст мажоров колеблется от 16 до 25 лет. В основном это дети обеспеченных родителей: дети предпринимателей и «новых русских». В среде мажоров принято использовать для ношения вещи какой-либо одной западной страны. Соответственно, появляются

«псевдоамериканцы», «псевдоангличане», «псевдофины» и т.д. Мажоры, входящие в эти группы, называют друг друга «псевдюшниками» или просто «псевдоамерика», «псевдоиталия» и т.п. «Псевдофранцуз», например, обязан носить вещи от носков и нижнего белья до верхней зимней одежды, изготовленные исключительно французскими фирмами.

Идеал мажоров – активный, деловой, сильный человек, направленный своими взглядами на процветание Запада. Соответственно, они не употребляют наркотики, которые разрушают умственные способности и портят внешний вид. Многие занимаются спортом, особенно популярны атлетическая гимнастика, различные виды борьбы, теннис, изучение на серьезном уровне иностранного языка. Все это, по их мнению, может пригодиться в жестких условиях рынка (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 273).

Дети-попперы. Это дети из обеспеченных семей, причисляющие себя к «элите» общества. Их основной принцип – не обращать внимания на негативное в жизни, а наслаждаться тем, что есть, концентрируясь на внешних признаках «элитарности»: модная одежда (чаще – классический стиль), аккуратные модные прически, изысканно-правильная речь. Модным является владение иностранными языками, особенно английским. Эпатажность попперов состоит в подчеркнуто пренебрежительном отношении к окружающим, стремлении к вызывающей респектабельности. Музыкальная программа – арт-рок, активно бойкотируют любую общественную деятельность, а также попытки вовлечь их в работу официальных институтов, актива рынка (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 274).

Дети-чайлдфри. Новомодное движение чайлдфри (Childfree), означающее условно «свободу от детей», а более поэтично – «добровольную бездетность», зародилось в последнее десятилетие прошлого века. Суть этого современного явления можно свести к следующим установкам: жить во имя себя, а не во имя детей, то есть жить эгоистом.

Чайлдфридцы хотят в полном смысле жить «здесь и сейчас», а не позже, потом. Для них важно сорвать яблоко с «древа познания», не задумываясь при этом о божественном наказании. Им хотелось бы, чтобы не было ограничений в их желаниях из-за каких-то детей.

Основатель этого движения – калифорнийская учительница средней школы Лесли Лафайет, условно назвавшаяся «CFN». Это движение отстаивает право семейных пар решать им самим, а не под давлением общества, иметь им детей или нет, отвергая известную истину, что ребенок – продолжение тебя самого, принимая во внимание тот факт, что не каждый человек с неудавшейся судьбой и со стрессами, связанными с родами и заботами о ребенке, хочет видеть свое продолжение

в детях. Поэтому некоторые супружеские пары, решая проблему «быть или не быть ребенку», нередко придерживаются последней позиции – мотивации «не быть ребенку», чем рождение ребенка в виде побочного продукта секса, над которым будут потом совершать всевозможные акты насилия всю его жизнь, и причем не только вербального, но и физического. Основным же мотивом сторонников чайлдфри служит желание упиваться «этим сладким словом – свобода» – свободой от всяких обязательств перед кем-то, от чувства долга, от чувства вины, от материнско-отцовских отношений, свободой в своем сексуальном выборе, не пополняя тем самым популяцию «лишних» и совсем нелюбимых детей.

Такие установки чайлдфридцев становятся объяснимыми при признании того, что вчерашние нелюбимые дети пополняют ряды этого молодежного движения. И в России уже даже появилось виртуальное сообщество чайлдфри со своим сайтом.

Характеризуя возрастные особенности чайлдфридской популяции, необходимо отметить, что она включает разновозрастных людей от детско-подросткового до зрелого возрастов, социализация чайлдфридцев начинается с раннего возраста. Шестилетние девочки отдают предпочтение просто куклам, но не детям, потому что дети будут драться, кричать, не нашлепаешь их, да и надоедает ухаживать за ними постоянно. Одно дело куклы, они ничего не просят, не кричат и никому жаловаться не будут. Другие дети, проявляющие детофобию, вспоминают синяки, полученные от папиных ремней за неубранные вовремя игрушки, за не съеденную кашу и за то, что призналась маленькой сестричке, что она уже ей надоела (А. Баркан, 2010. – С. 569).

Данные примеры убедительно свидетельствуют о том, что еще дошкольницы, играющие в «дочки-матери», не желают иметь собственных детей. Эти игры с куклами актуализируют понимание ими своей половой роли, и в дальнейшем им бы хотелось взрослой жизни без ребенка, вопрошая при этом: «Для чего вообще его иметь, чтобы кто-то повторил ее столь печальный детский путь и опыт?» Современные дошкольницы хорошо «усвоили», как сегодня можно избежать рождения ребенка, зная о «могуществе» контрацептивных средств и даже добровольной стерилизации человека.

Старшеклассницы, имеющие представления не понаслышке о сексуальной революции, неприятие своего будущего ребенка, будучи сами любимыми детьми, связывали с ситуативными родительскими претензиями, раздраженностью, неудовлетворенностью их поведением. Иначе откуда бы девочкам в десять лет знать про то, что роды им могут испортить фигуру, что потом надо будет сидеть долго дома, забыв про

призвание, менять детям памперсы, что это заменит им даже тусовки, хождение в гости и встречи с друзьями, что дети их будут потом раздражать (А. Баркан, 2010. – С. 570).

Пытаясь понять причины чайлдфризма, психологи пришли к выводам, что одной из весомых причин может быть также то, что такие подростки или же молодые семейные пары, очевидно, устали от «коллективизма» в семье, что им хочется уединиться. Среди других причин этого явления представители детско-подростковых групп выделяют следующие желания: ходить в гости, участвовать во всех тусовках, ощущать постоянное чувство комфорта, продолжать дальше свою учебу и не брать на себя никаких обязательств за кого-то, пусть даже ребенка. А чайлдфри постарше приводят в оправдание еще другое: ну хотя бы – отсутствие тяги к родительству и потребности в детях, нежелание о них заботиться, страх того, что они не сумеют правильно воспитать детей, что родительство станет лишь бременем. Среди несовершеннолетних матерей и детей из неполных семей – представителей чайлдфри есть люди, которые жалеют, что у них есть дети. Любой ребенок для семьи, поддерживающей движение чайлдфри, – это обуза, и он об этом знает с малолетства. Его воспитывают как нежеланного, напоминая постоянно это, в связи с чем у таких детей – сплошные комплексы от этой нелюбви, и прежде всего, безусловно, комплекс неполноценности. Не лучшим вариантом является и родительское равнодушие. Вспоминая свое детство, прошедшее на фоне бездушия и равнодушия, они говорят, что «я росла как трава». Бывают и случаи, когда матери в порыве гнева или отчаяния рассказывают всем о своем ребенке как неудавшемся аборте и вынужденных потом родах.

Не в малой степени чайлдфри обусловлен девальвацией любви, получившейся в детско-молодежной среде, как замечает А. Баркан, потребительский оттенок, отождествляясь в основном с сексом, то и ребенок чаще всего напоминает побочный продукт секса. А когда он «побочный», да к тому же «продукт», то, скорее всего, в самом деле лучше просто его не иметь, чем всю жизнь репетировать на нем жестокость.

Явление чайлдфри, пережитое еще римскими патрициями, нашло отражение в постановлении римского сената «матронам – рожать».

Заслуживает поддержки идея Линды Вэр, изобретательницы уникального жилета – «эмпатического живота» и специалиста «по просвещению в регуляции рождаемости», предложившая почувствовать благодаря введенному ею новшеству людям нечто напоминающее симптомы беременности и весь дискомфорт, испытываемый человеческим организмом в связи с этим явлением. Тренинг ношения этого «живота» уже вводится в школьные программы в некоторых зарубежных странах

для своеобразной профилактики подросткового материнства. Причем попробовать все эти «прелести» в результате дополнительной нагрузки на организм весом около 15 кг и всего прочего: от изменения осанки и повышения артериального давления – должны не только будущие несовершеннолетние матери, но и будущие отцы, не задумывающиеся о том, что испытывает забеременевшая от них девочка (А. Баркан, 2010. – С. 577).

Возможно, это изобретение и тренинг увеличит убеждения сторонников чайлдфри в выборе пути свободы, но зато не может увеличить число любимых детей у противников этого движения.

7.3. Неформальные детские объединения культурной самодеятельности

Направленность этих детских субкультур ориентирована не столько на создание новых художественных ценностей, сколько на создание «культуры для себя», культуры, отвечающей насущным потребностям конкретной личности. Данную субкультуру представляют следующие детские типы.

Дети-рокеры. Понятие «рокер» используется в двух значениях: рокерами называют и исполнителей рок-музыки, и определенную часть мотоциклистов. Более употребительно оно во втором значении.

Рокеров трудно спутать с другими мотоциклистами. Одеты они довольно живописно, хотя одежда (обычно темная) символом принадлежности к рокерам не является. Разнообразные шлемы, как правило, с забралом: многие и вовсе без шлемов. Внешний вид мотоциклов несколько напоминает кроссовые из-за приподнятого со стороны пассажира сиденья. Трубки глушителей вынуты, отчего мотоциклы рокеров грохочут.

Основную массу составляют подростки и юноши 15–18 лет. Большинство их – без водительских удостоверений и потребности в них не испытывают. Субкультуры рокеров существуют практически во всех крупных городах и в подавляющем большинстве среди и малых. Рокеры объединяются для групповых поездок. Рокер-субкультура имеет свои правила, свой неписаный, но всеми принятый «устав», свой «кодекс чести». Этот «устав» в качестве основного требования выдвигает полное пренебрежение правилами дорожного движения. Для рокеров не только является обязательным несоблюдение правил, но и всячески

поощряется их нарушение. Популярна и езда «клином», когда впереди едет один мотоцикл, за ним – два, потом – три и т.д. «Клин» может двигаться как по своей, так и по чужой полосе, мешая всем.

Принцип рокера: дорога для меня, и я езжу по ней как хочу. Подавляющее число рокеров вполне искренне считает этот принцип естественным и правомерным.

Пренебрежение требованиями Правил дорожного движения приводит к возникновению аварийных ситуаций, а нередко и аварий, в которых страдают водители и пешеходы и гибнут или становятся калеками сами рокеры. Но для сотен других это не стало уроком (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 275).

Дети-байкеры (англ. biker, от bike motorbike motorbicycle – мотоцикл) – любители и поклонники мотоциклов. В отличие от обычных мотоциклистов, у байкеров мотоцикл является частью образа жизни.

Байкеры – мотоциклисты, которых у нас часто именовали рокерами, что неточно: рокеры – это любители рок-музыки. Первых байкеров называли «харлеистами» – по известной марке мотоцикла «Harley-Davidson».

Байкеры объединяются в клубы, которые в подавляющем большинстве случаев носят мирный характер. Внешний вид байкера достаточно своеобразен. На голове – бандана – головной платок темных тонов, завязанный на пиратский манер на затылке, или вязаная шапочка. Одеты в «косуху» – кожаную куртку с замком наискосок или кожаную мотокуртку. Часто поверх мотокуртки надевается джинсовая или кожаная жилетка без рукавов с «цветами» (символикой мотоклуба), кожаные штаны. Для защиты глаз от ветра носят очки, нередко игнорируют шлемы. Байкер может носить спортивную мотоодежду и экипировку. Символом байкеров является череп. Он выгравирован на печатке. Изображение черепа обычно символизирует бесстрашие перед лицом опасности и смерти. Другой смысл использования символа черепа у байкеров – защита от смерти. Существует поверие, что когда приходит Смерть, она оставляет на умершем свой знак – череп. А вот если на человеке уже есть этот символ, она думает, что здесь уже была, и не трогает человека.

Философия байкерства – это гимн мужественности и братству. Часто байкеры сплошь покрыты татуировками. Байкеров в большом количестве можно встретить на ежегодном байк-шоу, а на улицах – только ночью, когда есть «свобода передвижения». Отсюда и название тусовок – «Ангелы ночи», «Ночные волки».

Среди байкеров нет подростков, но их неформальная организация очень притягательна для них. Огромное количество подростков

мечтает стать байкерами и носиться по дорогам уверенно и солидно (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 277).

Дети-металлисты – поклонники одного из музыкальных направлений «тяжелого металла». Последнее направление получило наибольшее распространение. Особенности внешнего облика металлистов выражены в незначительно модифицированном стиле «панк». Вздыблено фиксированная, часто многоцветная прическа, атрибутика насыщена изделиями из кожи и многочисленными металлическими заклепками, пряжками и т.д.

Выглядит это довольно экстравагантно: кожаная повязка на шее, проклепанная или унизанная металлическими шипами, аналогичные повязки на плечах, напульсники, кожаные куртки с заклепками, обычно два ремня на брюках, все в заклепках или шипах. На куртку прикалываются значки, часто самодельные с фотографиями любимых ансамблей. Ритуально активное поведение «металлистов» на концертах приводит зачастую к беспорядкам в зале. Электронная музыка в стиле «тяжелого металла» нередко именуется как транс-культура, в которую органично влились индийские мотивы, ароматические благовония и другая атрибутика, присущая индийской культуре, вызывающая трансовые состояния. Любители такой музыки или open-air – «музыки для всех» собираются в летнее время где-нибудь в лесу, на полянке, а место проведения держится в секрете до самого последнего момента и объявляется только своим. На свежем воздухе под музыку очень хорошо «идут» наркотики, причем подростки «накачиваются» ими до полного транса. Довольно часто проводятся здесь же сеансы шаманизма или языческие ритуалы.

Дети-брейкеры – это поклонники брейк-данса (дословно – ломаный, редкий) – танца с элементами акробатики, спортивной гимнастики. Внешний вид отличается по исполняемым элементам: «верхний брейк» (стили «робот, «резиновый человек»») – узкие темные очки, перчатки; «нижний брейк» («кирпичи») – спортивный стиль одежды, обуви, налобные ленты. Брейкеры, как правило, не употребляют наркотиков, токсичных веществ, алкоголя, не курят.

Дети субкультуры рейва – это завсегдатаи ночных дискотек с мощным звуком, компьютерной графикой, лучами лазеров. Для одежды рейверов характерны яркие краски и использование искусственных материалов (винил, пластик). Развитие субкультуры рейва шло параллельно с распространением наркотиков, в частности «экстази». Принятие галлюциногенов с целью «расширения сознания» стало, к сожалению, практически неотъемлемой частью рейверской субкультуры.

В последние годы рейв утратил свою контркультурную тональность в духе психоделической хиппи-революции 1960-х, он стал забавой подростков, легким и ярким развлечением, приравнявшись к диско.

Дети-рэперы или хип-хоперы – это дети, которые таскают на плече магнитофоны, носят одежду на пару размеров больше. Как правило, их имидж включает широкие штаны, безразмерные футболки, характерные жесты и ужимки, ну и, конечно же, музыка, танцы на улице и увлечение граффити. К основным составляющим хип-хоп-культуры можно отнести: рэп, брейк, граффити, ди-джеинг, некоторые виды спорта. Рэп – или читка – пожалуй, главный способ воздействия этой субкультуры на сознание окружающих. Фактически рэп можно назвать мелодекламацией. Главное в рэпе ритм слов и текст. Хип-хоп зарождался как музыка и субкультура негритянского гетто с резко агрессивным отношением к белому населению. В этом смысле лидеры хип-хопа в России оказались в странном положении. Однако был найден выход из ситуации, и сейчас тексты в духе русского рока приспосабливаются к новым музыкальным формам, т.е. к рэпу. Противопоставление строится не на расовом признаке, а по социальным (бедные-богатые), культурным (конформисты-нонконформисты) и другим категориям.

В целом по стилю одежды и нормам поведения российские рэперы стремятся во всем подражать беднейшей уличной «шпане» (криминальной молодежи) из трущобных нью-йоркских кварталов. Они копируют готовые образцы одежды и поведения из клипов и фильмов (в основном про афроамериканцев), а обращение «ниггер» считается в этой тусовке в высшей степени уважительным (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 281).

Дети-рокрэппопрегги. Общеизвестно, что у каждого поколения есть своя биография, своя история детства, в которой немаловажное место принадлежит музыке.

По мнению ряда психологов, предпочтения в музыке – одна из частей внутреннего мира личности, по которой можно судить даже об интеллекте человека. Однако, если спросить родителей, какому из четырех предложенных музыкальных жанров:

1) рефлексивная и сложная (народная и классическая музыка, блюз и джаз);

2) интенсивная и бунтарская (тяжелый металл и альтернативный рок);

3) приподнятая и обычная (поп-музыка, стиль кантри, религиозная музыка);

4) энергичная и ритмичная (рэп, хип-хоп и т.д.), отдает предпочтение их ребенок, то большинство из них попытаются либо шутливо уйти от ответа, либо сослаться на непонимание современной молодежной музыки, либо же проявить безразличие к этой сфере. В целом нетрудно

предположить, что музыкальные пристрастия современных детей пущены на самотек, не имея ни запретных, ни предупредительных знаков.

Большинству родителей просто невдомек, какие ценности, какое воздействие на поведение детей оказывает тот или иной стиль современной музыки. Некоторые из стилей, по мнению психологов, не только успокаивают, а способны из нормальных людей делать буйных, и особенно наших детей.

Поэтому значимость детских музыкальных пристрастий не является столь пустяковым моментом в воспитании ребенка. Учитывая наибольшую популярность в детско-молодежной среде рока, рэпа и попсовой музыки, мы, следуя этой логике, попытаемся показать сущность психологического влияния этих музыкальных направлений на психику ребенка.

Характеризуя рок-музыку и ее психологическое воздействие на детей, отметим, что источником рок-музыки, по одним данным, был рок-н-ролл, а по другим – симбиоз буги-вуги и ритмических блюзов. Затем на рок-музыку начали оказывать влияние дзен-будуизм, языческое колдовство, музыка с шаманскими ритмами. Композиторы рок-музыки внедряют в нее древние религиозные ритуалы и мистику. Современная рок-музыка, унаследовав от рок-н-ролла эвфемизм половых отношений, пропагандирует детям секс и воспевает всевозможные половые извращения. По мнению А. Блюма, рок-музыка оказывает более сильное воздействие, чем открытая порнография.

При этом рок-исполнители и их фанаты для осуществления «психоделического путешествия» стали использовать во время рок-концертов наркотик – галлюциноген ЛСД, а сегодня – марихуану.

Несмотря на разнообразие стилей рок-музыки, а их насчитывается более 16-ти – это классический хэви-металл, софт-металл, СПИД-металл, блэк-металл, готик-металл, грайн-дкор, дэт-металл и др., они относятся к разряду «буйной музыки» и «звукового ада» и оказывают разрушительное воздействие на здоровье ребенка подобно полиомиелиту. По утверждению детского психиатра П. Кинга, «эта музыка подобна добавлению бензина в пламя, которое горит ненавистью и озлобленностью». Пятикратное усиленное реагирование на раздражители после рок-концертов, по мнению Б. Раух, обусловлено избыточным выделением гормона стресса. Негативные влияния рок-музыки на поведение человека подтверждены американскими исследователями, обнаружившими, что в 700-х популярных песнях «тяжелого металла» 50% из них воспевали убийства, 35% были посвящены сатанизму, а 7% – самоубийствам… По мнению ряда психологов (Джон Каппас, Алан Блюм), «люди очень восприимчивы ко всему, сказанному в песне».

Чувства, насыщенные музыкой, особенно рок-музыкой, по утверждению ученых, ослабляют самозащиту, мышление и ухудшают те-

стовые показатели. На дискотеках эффект рок-музыки усиливается ритмичными танцами и мельканием прожекторов на фоне темноты. Используемые психотехники отражаются на доминировании дельта-ритма головного мозга, обусловливающего проявления эпилепсии и навязчивых мыслей, вплоть до аутоагрессии и суицида.

Влияние рэп-музыки на поведение ребенка. Рэп (Rap) – одна из форм танцевальной музыки с так называемым рваным, ломаным ритмом. Вокал в нем заменяет речитатив. Причем этот речитатив накладывается на уже имеющуюся фонограмму.

Рэп – это ветвь хип-хоп-культуры, рожденная в середине 70-х годов прошлого века в черных диско-клубах Южного Бронкса.

Рэп – это новый стиль жизни, способ самовыражения бедняков негритянских кварталов Нью-Йорка.

«Куда катится этот мир?» – основной вопрос рэпа, превративший эго в новую революционную музыку. С выпуском альбома «Хроника» (1992) ненормативная лексика становится основным атрибутом этого музыкального стиля.

Альбом «Хроника» (на сленге рэпа – травка) характеризует новый стиль жизни самих рэперов – стиль головорезов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Основной смысл, как указывает А. Баркан, – это снятие пелены с глаз и прощание с детскими грезами. Они были обманом. Ведь мир не такой. Не из радуги – из черноты. Собственно, этот выплеск разочарований и несет для ребенка главную эмоциональную нагрузку в рэпе.

Поэтому рэп – это для тех, кто еще не нашел своего места под солнцем. Этим поиском, как правило, заняты подростки (А. Баркан, 2010 – С. 207).

Влияние поп-музыки на поведение ребенка. Поп-музыка, по мнению А. Баркан, создает иллюзию покорения недосягаемого, иллюзию успеха. И хотя эта иллюзия создается лишь из ритмов, лакированных бесконечно повторяющимся одним и тем же набором слов «для песенок, напоминающих чем-то одноразовые шприцы», ребенка завораживает ее не харизматическая харизма популярности. (А. Баркан, 2010. – С. 207).

Данный жанр музыки оказывает своеобразное зомбирующее влияние не только на детей, но и на взрослых людей. Многократное повторение отдельных словосочетаний типа: «я за тебя умру», «не надо печалиться, вся жизнь впереди, надейся и жди» и др., формирует парагипнотическим способом различные поведенческие установки, особенно у детей, находящихся в стрессогенной, кризисной ситуации.

При этом фанаты «королей» и «императриц» поп-музыки ориентируются и «заражаются» привлекательностью их внешних форм, имиджа

и рекламируемой атрибутикой. Вместе с тем создаваемый песенный образ далеко не всегда соответствует образу жизни исполнителя, «захватывающего» целиком душу ребенка. Это «заражающий» музыкально-личностный диссонанс поп-звезд не всегда доступен и столь важен для юных фанатов Ф. Киркорова, Н. Баскова, Стаса Михайлова, группы «На-на» и др.

По мнению А. Баркан, «своеобразной альтернативой негативному вызову и современному хип-хопу, хотя бы в виде рэпа, может стать увлечение многих детей музыкой регги. Эта музыка пришла к нам с Ямайки, музыка солнца, как иногда образно называют ее.

Регги – это культовая музыка, суть которой составляет принцип вибрации. Ее могут исполнить лишь люди с позитивной энергетикой, воздействующей на других. Прекрасное исполнение регги вызывает восторг и «первобытную радость жизни». А поклонники этого стиля ощущают, скорее всего, завораживающее и неповторимое звучаний мелодий, граничащее с магией.

Регги – это мировоззрение, образ жизни, философия и религия фанатов этого стиля музыки, религия, названная растафарианством в честь одного из императоров Эфиопии. Приверженцы этой религии и этого стиля музыки коротко называют себя раста. Наряжаясь в яркую, разноцветную одежду цветов национального флага своей страны – в красную, желтую и зеленую с примесью черного, с колоритными косищами или с не менее экзотическими прическами в виде спущенных хвостов и узлов на голове, эти люди сами по себе притягивают к себе взоры и гипнотизируют всех окружающих не только чарами вибраций регги, но и своей внешностью» (А. Баркан, 2010. – С. 259).

Лейтмотивом раста – растить поколение позитивно мыслящих людей, включающих «четыре главных нет»: Нет наркотикам! Нет алкоголю! Нет курению! Нет обману!

Философия регги обращена к солнцу и не приветствует тьму.

7.4. Дети субкультур ухода от реального мира

Таких субкультур достаточно много, и о них ниже пойдет отдельный разговор.

Дети-хиппи. Характерным для современных хиппи является стремление к естественности. Это выражается у них в желании не изменять того, что происходит само собой, например, не стричь волос. Известны три основные причины ношения длинных волос этими людьми: 1) это более

естественно, ближе к природе; 2) Иисус Христос носил длинные волосы и бороду, хиппи ему подражают; 3) длинные волосы позволяют лучше улавливать излучения космического разума, являясь своего рода индивидуальными «антеннами». Среди других особенностей хиппи следует отметить такие ориентации, как: не производить каких-то целенаправленных, активных действий, бездействовать; быть непритязательными в быту, уметь переносить невзгоды и лишения. Хиппи – романтики, любят все яркое, оригинальное, творческое. Они хотят быть свободными личностями, независимыми от общественных условностей. Поэтому хиппи в жизни действуют импульсивно. В то же время они стремятся к новым отношениям в обществе, построенным на любви к другим людям. Однако декларируемая хиппи естественность демонстративна, пародийна и относится к одной из самых древних и прочных в андеграунде. Хиппи славятся мягкостью и не агрессивностью.

Хипповские идеи живы до сих пор. Всегда находятся рядом личности, которым «цветочная» философия ближе, чем агрессия панков или рэперские понты. У хиппи сложились настоящие традиции. Одежда хиппи неряшлива и может состоять из джинсов, джинсовой куртки, свитера, футболки, иногда потрепанного пальто. Одежда старомодная и рваная, заплаты намеренно яркие. На одежде надписи на английском языке. Обязательным элементом облика хиппи являются украшения. Традиционны ряды браслетов на руках, бусы из бисера на шее. На кожаных шнурках вешают крестик, украшения из глины, дерева, изображающие знаки зодиака, черепа, «пацифики» и т.д. Иногда встречаются серьги в ушах у мужчин. В настоящее время обязательным атрибутом одежды хиппи является «ксевник» – небольшой прямоугольный кошелек, сшитый из джинсовой ткани, кожи, который с помощью тесемки надевают на шею, чтобы он висел на груди. Хиппи проповедуют пацифизм: они призывают не отвечать на насилие насилием, выступают против службы в армии. Хиппи верят в иную, «высшую» реальность и изменение состояния сознания средствами медитации или искусства. Они по-прежнему называют себя «детьми цветов», ловят кайф от Денис Джоплин и The Doors и по-прежнему «расширяют свое сознание» всеми способами – от медитации до ЛСД (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 282).

В целом естественность поведения хиппи служит известным вызовом современному обществу, негативно относящемуся к данной субкультуре.

Дети-хипстеры. Термин «хипстер, хипстеры» образован от жаргонного to be hip, что переводится приблизительно как «быть в теме» (отсюда же и «хиппи»). Слово это первоначально означало представителя

особой субкультуры, сформировавшейся в среде поклонников джазовой музыки; в наше время обычно употребляется в смысле обеспеченная городская молодежь, интересующаяся элитарной зарубежной культурой и искусством, модой, альтернативной музыкой и индироком, артхаусным кино, современной литературой и т.п.

Атрибутами обычного хипстера являются: «скинни», майка с принтом, кеды «Конверс», зеркальный фотоаппарат, блокнот «Молескин», Phone и т.д. Принято считать, что философия хипстеров заключается в потере личности и замене ее на вещи, аксессуары и модные тренды, неспособности создавать, придумывать, изобретать.

Несмотря на то что хипстеры подчеркнуто избегают любых ярлыков, одеваются они одинаково, поступают во всем одинаково и абсолютно по-конформистски следуют нормам своего нонконформизма.

В современной российской реальности существует два мнения о политических взглядах хипстеров: одни предполагают их полную аполитичность, другие рассматривают их как носителей умеренно оппозиционного буржуазного сознания (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 284).

Дети-эмо-киды. Эмо (англ. emo: от emotional) – эмоциональный, эмо-киды (emo + англ. kid – молодой человек, ребенок), приставка «кид» означает «ребенок» как квинтэссенция искренности и естественности.

В зависимости от пола: эмо-бой (англ. boy – мальчик, парень), эмо-гел (англ. gir – девочка, девушка).

Эмо-киды устремлены к переживанию ярких и чистых эмоций. Детей эмо-кидов отличает: жажда самовыражения, противостояние несправедливости, особенное чувствительное мироощущение, романтизм и акцент на возвышенной любви. Отказ от сигарет, наркотиков, алкоголя и беспорядочных половых связей, а иногда и вегетарианство. Повышенная чувственность эмо-кидов, выражающаяся в ранимости и болезненной эмпатии, порождает стереотипное представление об эмо как о плаксивых мальчиках. Однако основными ценностями эмо-кидов являются: разум, чувства, эмоции. Умение сочетать все три компонента и есть основная суть эмо. Позитивные эмоции, так же как и индивидуальность, не забываются, а ценятся. Эмо-кид – часто ранимый и депрессивный человек. Он выделяется из толпы ярким внешним видом, ищет единомышленников и мечтает о счастливой любви. Благодаря частым проявлениям крайностей: горя и счастья, грусти и радости, эмо выделяется на фоне других субкультур, как правило, отражающих не более одного крайнего настроения.

Эмо-кид, по мнению А. Баркан, почти экстрасенсорно чувствителен. Он улавливает все, как будто антенна, – Вашу радость и грусть,

счастье или печаль... И пытается Вам сострадать, если нужно, или просто делить с Вами бездну всех чувств.

Эмо-кид – это ребенок, способный выражать свои чувства, не думая, правильно или нет, можно или нельзя, хорошо или плохо. Если хочется плакать – он плачет. Если весело ему – смеется. Вы обидите – он обижается, приласкаете – весь полон нежности.

Современные эмо-киды при каждой возможности пытаются выплеснуть гамму эмоций, подчеркивая этим свою детскую непосредственность и беззащитность. Дети-эмо-киды, независимо от реальной или условной групповой принадлежности, имеют свой поведенческий «кодекс» и атрибутику.

«Эмо-кидство» является своеобразным стилем жизни, способом самоутверждения и самовыражения. Их чувства направлены на поиск искренности, большой любви, полной чистоты, доверия, преданности.

При крушении этих иллюзий горе их безгранично, страдания сходны с наркотической ломкой, хоть стать наркоманами им невозможно. Среди особенностей жизненного кредо или «кодекса» эмо-кидов необходимо выделить поклонение здоровому образу жизни, отторжение «вкусов» нынешней молодежи, отвечая соблазнам всегда только «нет» – не курить и не употреблять алкоголь, так же как и наркотики. У них секс – по любви. Беспорядочным связям тоже – «нет, нет и нет», искренность – главное в жизни, как и подлинность всех их эмоций и чувств. Эмо-кид легко может расстроиться, увидав чужую беду, из сочувствия даже расплакаться, броситься помогать незнакомцу, чтобы чем-то его подбодрить. Для него главное — человечность и естественность подлинных чувств, чувств без грима и без макияжа. Они плохо едят и гордятся своей худобой, вызывая у многих родителей из-за этого панику. Но настоящая анорексия им вряд ли грозит, ведь отказ от еды – это вовсе не цель (А. Баркан, 2010. – С. 362).

Одним из главных отличительных признаков эмо-кидов является их внешний имидж и музыкальная приверженность. Принадлежность к «эмо» довольно ярко выражено во внешнем облике эмо-кидов, начиная от рваной косой челки до анорексической худобы. Эмо-кид – это черные волосы и глаза, подведенные тоже черным карандашом. Эмо-кид – это черные ногти. У таких детей – рваные челки, грустный вид. Эмо-киды носят футболки, прославляя героев мультфильмов – от известного всем Микки-Мауса до набившего уже оскомину Губки Боба. Иногда на футболке – разбитое сердце. У них узкие джинсы, они вечно в кедах. На одежде и сумках масса разных значков. Девочки в ободках и заколках, укрощающих их непокорные вихры. На руках постоянно браслеты. Все блестит, все сияет. Привлекает внимание также то, что они часто ходят с игрушками, словно и в самом деле дошкольники.

Доминирование черных цветов у эмо-кидов, очевидно, отражает холодность в родительском доме, несовершенство человеческих отношений, наполненных агрессивностью, эгоизмом, лживостью, лицемерием, цинизмом, обесцененность настоящей дружбы и любви. Этот траурно-«террористический» цвет никак не увязывается со счастливым детством. Другим не менее важным элементом эмо-кидов является музыка. Она, по мнению А. Баркан, выступает своеобразной «крестной» эмо, т.к. истоки эмо-кидства связаны с основоположниками стиля «эмо-колледж-рок-группой девяностых годов Sunny Day Real Estate, начавшей свое всемирное шествие в 1992 году в городе Сиэтле. Мелодии и вокал данной группы наполнены нежностью, печалью. Современные эмо-киды поклоняются всевозможным группам, соединяющим в своем звучании различные музыкальные стили. Важно лишь, чтобы этот коктейль разных стилей будоражил эмоции, вызывая их всплеск, помогал бы их выплеснуть, ощутить биение жизни.

Имея даже краткие представления о детях-эмо-кидах, любой родитель умалит свой пыл против мрачной и регрессивной атрибутики, увидев в этом самореализацию и самовыражение своего ребенка через здоровый образ жизни, способность говорить «нет» всем девиантным зависимостям, ориентируясь на самые гуманистические ценности и отношения, открытость и искренность.

Дети-готы. Готика (от итал. gotiko – готский, от названия германского племени готов) – художественный стиль 12–16 веков, сменившийся культовым романским готическим искусством в области архитектуры (небывалые по высоте и обширности интерьеров соборы) и литературы. Примером этого стиля в литературе является готический роман (англ. the Gothic novell), представляющий собой прозу предромантизма в виде «черных» романов, содержащих таинственные приключения, фантастику, мистику, в центре которых выступает демоническая личность. Готические романы – это романы ужасов. Примером этих романов служат романы Ч. Матьюрина «Мельмот Скиталец» и А. Радклифа «Итальянец». Следуя этому, готическая субкультура наследует мрачный стиль, выражающийся в имидже, в котором доминирует черный цвет, ирокезы, кожаная одежда, атрибутика, символика (анкх), клыки, линзы неестественных цветов и т.д., интерес к мистицизму и экзотерике, декадансу, любовь к хоррор-литературе и фильмам.

В контексте готической культуры часто употребляется слово «танатофилия». Сами готы дают ему следующее толкование: стремление индивида к использованию практик и сюжетов, связанных со смертью и умиранием, посещение кладбищ и руин, заимствование некоторых элементов декадентской эстетики, игры в вампиров (не мертвых и не живых).

В исходном смысле «танатос» не есть стремление к смерти или стремление умереть, но скорее возможность, потенция разрушать, инстинкт смерти, более развитый у мужчин, чем у женщин, тесно связанный с понятием «эрос». Характерная черта готов – стремление к артистичности и самовыражению (проявляется в работе над собственным внешним видом, в занятиях искусством).

Эстетика готов базируется на околосатанистской, панковской, ролевой и оккультной атрибутике. Готы используют большое количество шокирующей внешней атрибутики: обильной косметики под «трупы», «вампиров», «чертей», «ведьм-колдунов». Однако эта атрибутика предназначена для посещения клубов, и пребывать на улице в таком виде готы обычно опасаются.

Заметной частью субкультуры является «фетиш-эстетика», взявшая внешние атрибуты у садомазохистов, а для готов-вампиров – бисексуальное поведение. При этом гомосексуализм может выступать как в качестве декларируемого, так и в качестве реального поведения.

Готы носят черные одежды, красят ногти, волосы и губы в черный цвет, черным подводят глаза. Хотя это описание подходит не ко всем готам, но большая часть выглядит именно так. Разнообразием во внешнем виде готы обязаны в первую очередь уже упомянутому стремлению к артистизму и самовыражению.

«Готический имидж» достаточно разнообразен. Девочки-готы часто одеваются под ведьм, мальчики-готы – под вампиров.

Практикуются прогулки по кладбищам и поклонение всему, что связано со смертью, причем сами готы рассматривают это как наиболее существенное отличие своего движения от остальных молодежных субкультур.

Эталонному образу гота присущи: замкнутость, частые депрессии, меланхолия, повышенная ранимость, мизантропия, эстетство, мистицизм, неприятие стереотипов поведения и стандартов внешнего вида. Также характерной чертой большинства готов является восприятие смерти как фетиша. В целом готы характеризуют свое мировоззрение как «романтично-депрессивный взгляд на жизнь».

Правила готов подтверждают их деструктивную поведенческую направленность и объясняют негативное отношение общества к данной субкультуре. Среди ста правил готов выделим некоторые из них: Помни о смерти, ты же гот; раскрась все в черное; одевайся во все черное, вплоть до нижнего белья; всегда помни о смерти; оформи свою спальню по собственному вкусу: оклей стены черными обоями, замажь оконные стекла гуталином; вместо кровати поставь гроб; жизнь – дерьмо! Заведи привычку быть замогильно молчаливым; никогда не отказывайся от предложения провести ночь на кладбище; читай демонологическую

литературу; не пользуйся словами типа «жизнь», «жив» и т.д., тем более по отношению к себе. Вместо этого говори: «несмерть», «немертв» и т.д. ; сходи на экскурсию в морг; сфотографируйся с трупешником; прыгнуть с балкона – это готично; большую часть времени проводи в раздумьях над опасной бритвой; резать вены – это готично; заведи себе подружку или друга, с тем чтобы впоследствии довести ее (его) до самоубийства; по возможности убеждай каждого в том, что жизнь – дерьмо, с тем, чтобы они покончили жизнь самоубийством; тебя никто не любит в этом мире – и это готично; поэтому все-таки иди, спрыгни с балкона; не забывай иногда резать себе вены, все равно от этого не умирают; и ходи всегда в черном.

7.5. Криминально-экстремистские субкультуры

Дети-гопники. Гопники – криминальная молодежная субкультура. Название данной субкультуры имеет несколько версий своего происхождения. Некоторые из них приведены ниже и показывают, что название «гопники» происходит от выражения «гоп-стоп», означающего уличный грабеж или разбой; аббревиатуры ГОП – Городское Общество Призрения, где до 1917 года заботились о нищих, калеках, больных, сиротах; слово «гоп» из жаргона нищих, которое означало пребывание в ночлежке.

Стиль одежды современного гопника следующий: спортивный костюм – наиболее распространенная одежда в летний период, включает штаны и куртку из дешевого синтетического материала. Чаще всего – купленные на вещевом рынке подделки продукции известных марок. Деятельность гопников, на примере Среднего Поволжья, носила криминальный характер и заключалась в планировании противоправных акций и борьбе, расширение территориального влияния, разжигании вражды, поборе подростков на контролируемой территории.

Гопники обычно называют друг друга «пацанами», «пацанчиками», реальными (четкими) пацанами и т.д. Отличительная черта в поведении гопников – они большую часть времени проводят на улице; среди излюбленных мест – парки, скверы, старые дворы, автобусные остановки, гаражи (особенно если там проходит тропа от остановки общественного транспорта до жилых многоэтажек), дворики при детских садах.

У них очень распространена привычка сидения на корточках, ведущая происхождение из мест заключения или ассоциирующаяся с таковыми.

В целом гопников характеризует развязная («борцовская» или раскачивающаяся) походка и агрессивная манера поведения: разглядывание прохожих в упор, фамильярное обращение, провоцирование на конфликты (например, «Ты шо такой дерзкий?»), вымогание денег (например, «Слышишь, мелочи не найдется?») и других ценностей (например, «У тя мобила есть? Мне позвонить надо», «Папрыгай!») у прохожих.

Избыток свободного времени может заполняться распитием доступных алкогольных напитков (пиво, алкогольные коктейли), а также потреблением семечек («семачки», «семки»). Шелуха от семечек при этом сплевывается на тротуар.

Гопники курят, употребляют дешевый алкоголь, наркотики, постоянно сплевывают. Активно используют ненормативную лексику. С середины 90-х годов гопники ведут себя как «культурные враги» большинства молодежных субкультур: байкеров, рэперов, рейверов, хиппи, готов. Любой подросток, принадлежащий к иной субкультуре, может быть избит, подвергнут сексуальному насилию, ограблен.

Экстремистские неонацистские субкультуры. Общим признаком экстремистских неонацистских субкультур является копирование внешней нацистской атрибутики, создание тайных документов, присвоение друг другу званий (фюреров), «боссов», «шефов», «учителей», а также наличие иерархии, напоминающей иерархию фашистских войск СС. В данных группах много говорится о сильной личности, возрождении духа «истинных мужчин», пишутся различные листовки националистического, расистского, антисемитского характера. Активно проповедуются идеи антигуманизма, человеконенавистничества, насилия. Практикуется употребление алкоголя, курения. Употребление наркотиков запрещено. В зависимости от целей лидера группа может стать преступной.

Правую субкультуру представляют скинхеды. Впервые Skin-Head's появились в Великобритании в середине 60-х годов.

Слово «скинхед» происходит от слияния двух английских слов skin – кожа, head – голова, слово skinhead буквально переводится как «кожаная голова». Первые бритоголовые стриглись под короткий бобрик (обычно с бачками) – бритоголовыми их, собственно, называла тогдашняя длинноволосая молодежь.

Традиционные скинхеды тех лет выглядели почти одинаково: короткая стрижка, подтяжки, джинсы и тяжелые ботинки (про которые сами же скинхеды шутили: «А ботинки у нас такие потому, что Лондон тонет в дерьме»), но весь этот «прикид» не был придуман специально для драк, как утверждается во многих источниках. На самом деле большинство скинхедов занимались тяжелым трудом, а

экипировка выполняла функции трудовой безопасности (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 247).

Скинхеды любили драться, играть в футбол на улице и отдавали свое предпочтение небольшим подвальным клубам, где пили пиво и веселились под музыку. Основной девиз скинов очень прост – «пиво, секс и драки». Скины воюют с панками и металлистами, избивают «длинноволосых» хиппи и пацифистов. «Мишени» нацскинов в различных странах характеризуются определенной избирательностью. Так, например, британские и американские нацискины известны массовыми избиениями чернокожих и азиатов, а немецкие прославились убийствами туров, курдов, тунисцев и цыган.

Направленность идеологии у различных групп бритоголовых может быть самой различной (неонацистской, коммунистической, антифашистской и т.д.), но обычно ее отличает крайний экстремизм и радикализм. Особую опасность при этом представляет увлечение самой большой части скинхедов идеями расизма и неонацизма, фашистской идеологией.

Российские скинхеды правого толка исповедуют крайне расистские взгляды со значительным уклоном в сторону фашизма и национализма. Деятельность скинов обычно направлена на претворение в жизнь расистско-нацистских теорий. Их лозунгами служат: Россия – для русских! Москва – для москвичей! Adolph Hitler. Mein Kampf. У скинов – есть четкая иерархия, дифференцируемая на четыре категории: «малолетки» (12–14 лет), еще не знающие, что такое быть настоящим бритоголовым, но уже нахватались, общее число увеличивается в несколько раз. Каждый день их жертвами становятся несколько десятков «инородцев»; «молодняк» (14–16 лет) – это подростки, активно участвующие во всевозможных митингах и сборищах, собирающиеся в большие регулярные группы. Эта категория бритоголовых обладает более четко оформленной политической ориентацией и умением более или менее связно изложить главные принципы скин-движения, скинхедами данной группы любой прохожий может быть избит ими до полусмерти, повод к драке не нужен; «старшаки» (17–20 лет) – это юноши, обладающие неонацистской ориентацией и проводящие соответствующую агитационную работу, «старые скинхеды» (средний возраст старше 20 лет). «Старые» скинхеды хорошо знают обычаи, традиции и принципы бритоголовых, являясь их основными хранителями и толкователями для основной массы скинхедов. В субкультуре скинхедов распространена, помимо внешней атрибутики, процедура посвящения, не исключающая уголовное «братание кровью», испытательный срок или совершение противоправного действия (хулиганского характера),

в которой новичок должен доказать свою решительность, мужество, продемонстрировать физические качества.

Для поддержания своей свирепой репутации и укрепления «авторитета» бритоголовые постоянно совершают акции – акты агрессии по отношению к своим врагам.

Скинхеды в России условно подразделяются на музыкантов, спортсменов и политиков. Музыканты – это скинхеды особого вида агрессивной рок-музыки. Основным видом деятельности у них является посещение музыкальных концертов, в основном тех групп, которые в свои концертные выступления и тексты песен включают фашистские и нацистские лозунги, призывы к действию (агрессии, расизму, геноциду и т.д.).

В самом общем представлении «настоящий скинхед» должен слушать рок-музыку стиля «Белая сила», быть убежденным расистом и националистом.

Скинхеды-спортсмены – их отличает культ силы, культ крепкого кулака и холодной жестокости. Лидеры скин-команд обладают хорошими физическими данными, усиленно занимаются атлетизмом и силовыми видами спорта и имеют незаурядные для подростков личностные данные: бесстрашие, невосприимчивость к боли и другим физическим страданиям, харизматические черты лидера, «вожака» и т.д.

Основная деятельность группы обычно направлена на стычки, конфликты с небелыми, нерусскими, не россиянами или даже просто «не скинхедами», а также на поддержание боеспособности группы. Все свое свободное время бритоголовые спортсмены тратят на увеличение силы и на развитие мышечной массы в атлетических залах, спортивных секциях или полуподвальных «качалках».

Скинхеды-политики интересуются политикой, однако почти не участвуют в политической жизни общества. Они обладают достаточно устойчивой системой взглядов и воззрений, жестко закрепленной расистской направленности. Все бритоголовые неонацисты ненавидят социальные институты демократического общества, выступают за самые жесткие и радикальные меры для разрешения различного рода политических проблем, как внутренних, так и внешних, критикуют власть, считая ее «продажной» и «ненародной».

Российские скинхеды ненавидят неформалов (хиппи), панков, антифашистов, гомосексуалистов, бомжей, проституток, наркоторговцев. Большое количество бритоголовых уже отбывало наказание в местах лишения свободы. Многие из них напрямую связаны с преступным миром (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 267).

Главное в идеологии бритоголовых – это национализм, национал-расизм, превозношение своей (в данном случае русской) нации как

нации, принадлежащей к «белокожим», стоящей выше всех других рас (в основном по сравнению в негроидными и азиатскими расами). То, чем белая раса возвышает себя над другими, практически каждый бритоголовый толкует по-своему и не особенно конкретизирует. Борьба за идею выражается в лозунгах: «За верховенство белорасы», «За свободу России». В своей массе скины являются сторонниками самых радикальных решений. В государстве, построенном по их принципу, должен беспощадно преследоваться и уничтожаться «человеческий мусор» – хронические наркоманы, педофилы, гомосексуалисты и другие маргинальные личности.

Фашистские субкультуры. К ним относятся экстремистские молодежные организации, члены которых приветствуют друг друга возгласом: «Хайль Гитлер!», носят свастику и для защиты своих идеалов и своей философии используют вполне фашистские методы. Для большинства этих неонацистов правого толка ведущей идеологией являются известные нацистские догмы: существуют «высшая раса» и «недочеловеки»; большинство «недочеловеков» надо уничтожить, а остальных превратить в рабов; прав тот, кто сильней и т.д. Ни свои взгляды, ни свои цели фашисты не скрывают. Об этом свидетельствует и их экипировка. Так, например, их одежда пошита по образцу формы офицеров Третьего рейха. У многих на лацкане куртки или пиджака, на фуражке свастика. В качестве псевдонимов выбирают немецкие имена: Ганс, Пауль, Эльза и т.п. Себя называют «фашиками», «фашистами», «наци», «нацистами», «Национальным фронтом» и относят к последователям Адольфа Гитлера. Он – теоретик их движения. Некоторые знакомы с отдельными высказываниями и произведениями Ницше и Шпенглера (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 270).

Экстремисты «левого» направления объединены идеей борьбы с другими неформальными объединениями (панками, сатанистами, неофашистами). Эти субкультуры прикрываются такими громкими названиями, как, например: «Набат», «Люди революции», «Друзья МВД», «Возмездие», «Закон – для всех» и т.п. Члены субкультуры «Птенцы Дзержинского» носят значок с изображением Ф.Э. Дзержинского, а члены штабов субкультур – значок с изображением В.И. Ленина.

Основной вид деятельности «левых» групп – это физическое насилие по отношению к другим неформалам: отбираются атрибуты у металлистов, импортные вещи у мажоров, срезаются длинные волосы у хиппи; эти действия сопровождаются «воспитательным» избиением. Диапазон форм деятельности: от демагогических рассуждений о пользе социально-экономических реформ до систематического насилия на грани садизма. В группах «левых» наибольшей популярностью пользуются

физически развитые агрессивные подростки. Процветает культ силы и жестокости. Сленг беден. Наиболее популярное слово «ремонтировать», т.е. изменять отношение кого-либо к предметам и явлениям. «Ремонт» подразумевает физическое воздействие.

«Красные» скины называют себя коммунистами. В действительности, несмотря на использование «серпасто-молоткастой» советской символики, мало кто из них связан с какой-либо партией. Они предпочитают известного террориста-революционера Че Гевару Ленину, а компанию друзей – партийным товарищам. Присоединяясь к автономным группировкам либо создавая свои, «красные» скины жестоко преследуют скинов-нацистов.

Внешний вид «красных» бритоголовых такой же, как и у скинхедов во всем мире. Однако Red skins отличаются от скинов-неонацистов своей символикой и красными шнурками на ботинках. Очень часто в рядах красных бритоголовых присутствуют люди с небелым цветом кожи. Подобно скинам-нацистам, редскины призывают к насилию как способу действия, но отрицают, по их собственным словам, «философию насилия». Они заявляют о своих антирасистских и, естественно, антикапиталистических взглядах, но их объединяет прежде всего антифашизм (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 261).

В заключение отметим, что независимо от правого или левого направлений скинхедов большинство из них политизированы, иначе они могут превратиться в «модников». Однако даже неполитизированные бритоголовые скинхеды («не-расисты») всегда не прочь избить не понравившегося им человека, т.е. объектом их агрессии может оказаться практически кто угодно. Примером подобного направления могут служить представители субкультуры «шарпы».

Слово «SHARP» означает Skinheads Against Racial Prejudices, т.е. «Скинхеды против расовых предрассудков». Шарпы носили нашивки «S.H.A.R.P.» с троянской каской – тот самый оранжевый значок, который Trojan Records ставили на своих пластинках тридцать лет назад. Шарпы были тоже традиционными скинхедами и гордились тем, что и в их сердцах горит огонь, зажженный скинхедами в далеком 1969 году. Они ценили свою историю и слушали традиционную скинхедовскую музыку – рокстеди, реггей и ска. С самого начала они невзлюбили Бритых. Сражались с ними на улицах, мешали проводить концерты. Шарпы старались донести до людей знания о том, кто такие скинхеды на самом деле. Сверх того, они не ставили себе никакой цели, но их действия были достаточно успешными – люди их услышали.

Единство всех рас их не особенно волновало, равно как и единство всех скинхедов – им было важно сохранить самих себя. И им это уда-

лось. В нашей стране шарпов немного, но их движение набирает силу (В.Б. Шапарь, В.В. Бондаренко, 2012. – С. 301).

7.6. Неформальные объединения политической самодеятельности

Активность этих групп направлена на улучшение политической ситуации и политических условий в стране.

В контексте политической самодеятельности таких групп можно выделить следующие:

Альтернативные неформальные политические движения, ставящие своей целью выработку и осуществление альтернативных, политических преобразований, проводимых в России.

Правозащитное движение, занимающееся деятельностью по защите политических прав, свобод и интересов отдельных граждан и групп.

Движение политического самообразования, целью которого является углубленное изучение марксистско-ленинской теории, истории нашей страны, пионерского, комсомольского и коммунистического движений.

Неформальные группы социальной самодеятельности направлены на решение конкретных социальных проблем общества. Среди них можно выделить следующие:

Группы «экологистов», чья деятельность направлена на защиту окружающей среды как в отдельных регионах, так и в целом по стране. Это подростково-молодежные объединения «ЭКО», «Зеленые», «Флора» и т.п. Они объединяют учащихся старших классов, студентов, представителей творческой и научно-технической интеллигенции, молодых рабочих. Возраст – от 15 лет и старше. Декларируемые ими цели – охрана окружающей среды, восстановление утраченных природных ценностей. В настоящее время это движение набирает силу. В его активе десятки молодых начинателей.

Экокультурные группы свою деятельность направляют на защиту культурной среды и во многих своих действиях смыкаются с движениями культурной самодеятельности. Типичными представителями экокультурных групп являются группы по охране исторических памятников, такие как «Экоцентр», «Преображенец», «Спасение» и др.

Группы взаимной поддержки, образуемые лицами, испытывающими сходные адаптационные сложности к социальной среде. Эти группы крайне разнородны и включают в себя инвалидов, воинов-

интернационалистов, лиц, стремящихся излечиться от наркомании и алкоголизма, и др.

Неформальная группа «Милосердие», оказывающая добровольную помощь лицам, остро в ней нуждающимся: престарелым, инвалидам, детям-сиротам. Как и остальные группы социальной самодеятельности, «Милосердие» действует именно там, где деятельность государственных и общественных органов наименее эффективна.

7.7. Новомодные неформальные детские объединения и субкультуры

К новым неформальным группам также стоит отнести селфи, роллеров, паркурщиков, зацеперов и др. Некоторые из них безобидны, в то время как другие достаточно своеобразны.

Райдеры. Райдеры (англ. ride – ехать, кататься) делятся на множество групп. Определяются эти группы средством передвижения, и самые популярные среди них скейтборд, велосипед bmx, роликовые коньки и сноуборд. Многие считают, что достаточно стать на доску, выучить какой-то необычный прием катания – и ты скейтбордист или райдер. Это неверно. Мало просто уметь кататься, надо чувствовать свое средство передвижения как продолжение себя. Страсть к катанию становится образом жизни, определяет круг интересов и знакомых, круг общения. Своя терминология, показ необычных трюков, навороченная атрибутика – это и определяет свой мир. В другом жить становится неинтересно.

Роллерами называют любителей роликовых коньков. Они предпочитают спортивную одежду ярких расцветок; также их можно идентифицировать по разноцветным нашлепкам на коленях. На роликах не просто катаются, но и кувыркаются, описывают немыслимые пируэты и сальто. В России роллеры-одиночки появились в начале 1990-х годов, возникновение групп роллеров относится к середине 1990-х годов. В основном роллеры – школьники старших классов (13–16 лет), но есть и студенты, младшие школьники.

Стрейт-эдж (англ. Straight edge – путь напрямик, сокращенно sXe) – философское ответвление панк-движения, характерными чертами которого является полный отказ от наркотиков (включая алкоголь и табак), разборчивость в половых связях, а также политические взгляды, характерные всему панк-движению. Стрейт-эдж всегда был связан с хардкором (стрейт-эджевские группы – «Minor Threat», «Frist Step», «Earth Crisis»). Стрейт-эджеры делятся на хардлайнеров

(наиболее строгие адапты движения, которые пренебрегают даже кофеином, допускают секс только для зачатия, ведут борьбу за защиту животных), милитантов (наиболее бескомпромиссные представители, которые громят алкогольные и порномагазины, а также магазины с мехами и кожей), веганов (увлечены вегетарианством). Есть среди стрейт-эджеров и скинхеды.

Толкиенисты. В молодежной культуре 1990-х годов появилось толкиенистское движение и связанная с ним толкиенистская субкультура. Известный английский филолог и писатель Джон Рональд Руэл Толкиен (на сленге толкиенистов – Профессор) родился в 1892, умер в 1973 году. Его книги «Властелин колец», «Сильмариллион» и другие относятся к жанру фэнтези – сказочной фантастики. Толкиен – мастер особой, завораживающей атмосферы повествования, так что читатель начинает отождествлять себя с героями книги (эльфы, тролли, гномы, гоблины, хоббиты). Это стало одним из факторов, вызвавших к жизни неожиданный для самого автора социокультурный феномен – ролевые игры («хичек» на толкиенистском жаргоне) по книгам Толкиена. Ролевая игра близка к импровизированной театральной постановке. Готовится реквизит (безопасное оружие, одежда, соответствующая толкиеновскому условному средневековью). Мастера – режиссеры игры – распределяют роли, игроки проходят нечто вроде экзамена на знание фантастического мира Толкиена и предыстории своего персонажа, намечается сюжетная линия.

В настоящее время субкультура толкиенистов и ролевиков развивается наиболее активно и динамично.

Мобберы. В 2003 году впервые заявили о себе моблеры (флэшмобберы) (от англ. flashmob – мгновенная толпа). Это сетевые пользователи, инициирующие и проводящие краткосрочные уличные акции. Технология флэшмоба достаточно проста: по адресам потенциальных мобберов, зарегистрировавшихся на соответствующем сайте (например, www.flachmob.com), рассылается инструкция с изложением сюжета акции, перечнем необходимых аксессуаров, указанием точного времени и путей отхода.

Фрик-культура (англ.freak, – причуда, каприз; урод) – это культура смелых и абсолютно отвязных людей. Фрики – это экзальтированные, экстравертные персонажи.

Это подростки, которые выглядят сумасшедшими, совершенно не считаются с общепринятыми канонами внешнего и морального облика. Это люди, которые могут пойти на работу в пижаме, зимой – босиком, на светский раут – в валенках и телогрейке.

Из общей серой массы фриков выделяет не только внешний вид, но и своеобразные взгляды на окружающий мир. Этих причудливых

персон невозможно не заметить, они всегда выделяются своим внешним видом.

Чаще всего это люди творческие – художники, музыканты, стилисты, певцы.

Селфи (англ. selfie, от «self» – сам, себя) – разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру, иногда при помощи зеркала, шнура или таймера. Термин приобрел известность в конце 2000-х – начале 2010-х годов благодаря развитию встроенных функций фотоаппарата мобильных устройств. Поскольку селфи чаще всего выполняется с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерный ракурс и композицию – под углом, чуть выше или ниже головы. Учитывая широкую популярность селфи в детско-молодежной среде, он стал использоваться в экстремальных и криминогенных ситуациях (фотографирование на высотных зданиях, мостах, запечатление сцен физического надругательства и др.).

В 2015 году МВД России в специальной памятке указало о некоторых рисках селфи, в ней любителям экстремальных фото напоминали, что нельзя делать подобные снимки с оружием в руках, на железнодорожном транспорте, крышах зданий, мостах, за рулем автомобиля.

Дети-трейнхопперы (зацеперы). Трейнхоппинг, трейнхоп (от англ. train hop – запрыгивание на поезд), или зацепинг, – способ передвижения, заключающийся в проезде на поездах и иных рельсовых транспортных средствах с их внешней стороны. Включает в себя проезд на крышах, открытых переходных и тормозных площадках, в открытых кузовах (у вагонов открытого типа), либо с боковых или торцевых сторон вагонов, или в подвагонном пространстве на элементах наружной арматуры подвижного состава. Люди, практикующие данный способ проезда, именуются «трейнхопперами», «зацеперами» или «трейнсерферами» (от англ. train – поезд и surfing – серфинг, «езда вдоль поверхности»), понятие трейнхоп нередко путают с ним и употребляют только для обозначения проезда на грузовых поездах, хотя в целом оно может употребляться для обозначения любой наружной езды на поезде.

Зацеперы, использующие проезд снаружи поездов как вид экстремального досуга и использующие его для получения острых ощущений. При этом некоторые из них рассматривают проезд снаружи поездов как неформальный вид экстремального спорта. Также, по мнению ряда трейнсерферов, навык проезда снаружи поездов способствует развитию общей физической и ментальной подготовки и может сыграть роль при спасении в экстренной ситуации.

При проезде снаружи поездов зацеперы могут подвергаться риску травмирования или гибели в результате падения с движущегося поезда, столкновения с негабаритными объектами железнодорожной инфраструктуры, поражения электрическим током от контактной сети и силового электрооборудования подвижного состава.

С началом развития проезда снаружи поездов в качестве хобби и особенно массовым распространением средств коммуникации, по всему миру стала широко распространенной практика общения и возникновения субкультуры трейнсерферов как в реальной жизни, так и в Интернете.

Многие увлеченные трейнсерферы общаются между собой с помощью Интернета на форумах или социальных сетях и могут собираться небольшими группами для осуществления совместных поездок. Среди любителей данного способа проезда на поездах также широко распространена практика фото- и видеосъемки поездок с последующим выкладыванием в Интернет. Характерно для значительной части трейнсерферов, состоящих в объединениях, и то, что в общении между собой они нередко используют сленг, состоящий преимущественно из жаргона железнодорожников и любителей транспорта, а также обозначающий разновидности наружной езды терминами, преимущественно заимствованными из английского языка. Также субкультуры трейнсерферов нередко занимаются сбором и систематизацией информации по видам подвижного состава и способам проезда на них, а также особенностям езды на различных железнодорожных линиях. Среди некоторых сообществ трейнсерферов также могут существовать определенные традиции и негласные правила этики, например, со стороны многих трейнсерферов порча подвижного состава, причинение неудобств другим пассажирам и поездной бригаде, а также намеренное создание помех в движении поездов считаются недопустимыми действиями. На многих железных дорогах данный способ проезда запрещен законодательством и правилами пользования транспортом для пассажиров, и многие железнодорожные компании принимают различные меры для противодействия данной практике. В качестве меры наказания зацеперов используется наложение штрафов или административный арест.

Дети-паркуры (трейсеры). Дети-паркуры являются представителями одной из популярных детско-молодежных субкультур – «паркур», или «трейсеры». Само слово «паркур» (parcours) в переводе с французского означает полосу препятствий. Ее участниками являются в основном подростки, свободные как ветер и мечтающие жить по этому же принципу свободы ветра – игнорировать условности и мчаться на-

легке в любом направлении, куда тебе лишь только заблагорассудится, превратив все это в свою философию. К основателям данной субкультуры относят Дэвида Белля (полагавшего, что «страх живет у каждого в голове, если выгнать его оттуда, то возможности человека станут безграничными») и Себястьяна Фука, характеризующего паркур как детскую игру, но игру не простую, доступную для каждого ребенка, а игру, ставшую искусством, искусством жизни, искусством перемещения.

Паркур – путь к самосовершенствованию подростка, ориентации лишь на себя и проверки своих способностей, причем, скорее всего, генеральная проверка. К тому же это прикладное применение своих возможностей и воспитание духа.

Базисной основой паркура служат препятствия не в виде психологических проблем человека, в данном случае ребенка, а реальные препятствия. К их числу, как отмечает А. Баркан, относятся те препятствия, которыми переполнены наши города – стены, крыши домов и ограды, всевозможные башни, мосты... Словом, город и есть основное препятствие из препятствий для трейсеров, где возможно проложить для себя новый путь, и не по тротуарам или тропинкам, а суметь перепрыгнуть или же перелезть, может, просто залезть по отвесной стене на десятый этаж, а потом побродить по краю его крыши... Или перемахнуть через чью-то машину, сделав неповторимый прыжок, или же исполнять кувырки вместе с сальто, прыгая с высоты двухэтажного дома (А. Баркан, 2010. – С. 354).

Для трейсеров преодоление препятствий – это спорт и экстрим, их стиль жизни и их философия. Их стремление жить постоянно, как будто живешь ты под током высокого напряжения. Ведь почти каскадерские трюки, на которые трейсеры обрекают себя, не просты и довольно опасны. И к тому же все осуществляются без какой бы то ни было страховки. Невозможно использовать даже веревки. Разрешаются только перчатки для защиты рук, можно напульсники, а в одежде самое главное – не стеснять их движений. Поэтому и девиз трейсеров, людей, прокладывающих новые пути, звучит приблизительно так: «Для нас нет границ, есть только препятствия».

Живя по этому принципу, трейсеры приводят в ужас родителей и взрослых, перепрыгивая с крыши на крышу многоэтажного дома без всякой страховки, карабкаясь по стенам многоэтажных домов или верхушек домов, переходя по перилам длинного речного моста и др. Нередко они производят у обыденных людей впечатление, схожее с поведением самоубийц или просто «с приветом». Но паркур – это не просто игра, забава или бесшабашное поведение, а искусство бесстрашия в преодолении препятствий, формируемое в процессе специаль-

ных тренировок, связанных с постоянным риском (висеть на крышах с последующим кувырковым приземлением, забираться по стенам многоэтажных домов и т.п.). В паркуре велика роль команды, взаимоподдержки, взаимопомощи и, конечно, тренера. У тренирующихся паркуров имеется собственный набор трюков. В нем сейчас их уже около ста пятидесяти. В их числе сприн (spring jumh) – прыжок через любое препятствие так, чтоб ты не касался его. Сприн не просто прыжок, а полет, полет через перила, машину. «Dron-Dron» – прыжок с высоты. «Pol-Parkour roll» – простой перекат через свое плечо. Парапет – «Hand vaul» – лишь опорный прыжок или «tik-tac» – прыжок, но на точность сразу после толчка.

В паркуре, помимо этого, различают также и три вида экстремальной деятельности подростков: сам паркур, где препятствие – город с парапетами, массой заборов; билдеринг – это индустриальное скалолазание, это передвижение по многоэтажным домам и стрит-станс – это сложные трюки с элементами акробатики, сальто на чем только хотите, вплоть до деревьев.

Любой трейсер обязан усвоить элементы паркура. И лишь после этого приступить к тренировкам и действию, преодолевая препятствия, точно выбрав свой путь, не имея возможности на нем оступиться. Пролагая пути пока лишь через крыши и заборы, перепрыгивая через лужи и ямы, маневрируя между людьми в гуще их.

Обобщая поведенческий комплекс паркуров, не трудно заметить, что их экстримно-рискованное поведение носит не ситуативный или импульсивный характер, а целенаправленное смысложизненное и системное поведение, включающее в себя спорт, элементы циркового и каскадерского искусства, философию здорового образа жизни, максимальную включенность в реальную, а не виртуальную действительность. Паркурам, трейсерам чужды вредные привычки, кайф от алкоголя или наркотиков. Ребенок-паркур, лишенный должной родительской опеки, в процессе обретения экстремального опыта преодоления препятствий развивает у себя способности к самореализации и самостоятельному достижению жизненных целей.

ГЛАВА 8. ДЕВИАЦИИ ДЕТЕЙ ТЕХНОФЕТИША

Технофетиш – это явление, связанное с суперсовременными техническими новинками, обладающими необычной функциональностью и вызывающими не только любопытство, но и страстное желание у определенной части людей обладать ими. Технофетиш порождает целый ряд психологических зависимостей. К их числу в первую очередь относятся гаджетомания или неофилия и хай-тек. Эти зависимости представляют собой своеобразные болезни, вызывающие у человека труднопреодолимое желание обладать техническими новинками. Краткое их рассмотрение дается ниже.

8.1. Девиации детей-гаджетоманов

Гаджетомания (от английского слова gadget – техническая новинка). Гаджетомания, или гаджет-аддикция (зависимость), порождается не какими-либо предметами или украшениями, а техническими новинками, «чудесами», вызывающими у детей, как и некоторых взрослых, непреодолимое желание обладать ими. Гаджеты, или технические новинки, становятся смыслом жизни, ореолом для окружающих, заполняющим собой целый мир. Гаджеты становятся жизненной доминантой, базовой потребностью личности. Девиз гаджетомана можно выразить словами А. Баркан: «Новое – обязан ты купить. Зарабатывай сам, лезь в долги, но покупай. И устраивай музей своих коллекций из компьютеров и плееров различных поколений. Наслаждайся, что владеешь всем». Если же нет возможности для обладания – мир ребенка погружается в мир отчаяния. Такие дети уже с памперсов (пеленки для них лишь анахронизм) растут как «цифровое поколение» и впитывают в себя новшества высоких технологий. Поэтому не случайным стало появление в современном лексиконе слова «технофетиш», а потому что идолом для многих современников становится все чаще техника. Следствием этой тенденции является то, что все большую и большую часть нашего молодого поколения захватывает в плен новая страсть – гаджетомания. Этот

«плен» становится обыденной реальностью для современного ребенка. Если старшему поколению в свое время казались невероятными цветные телевизоры, пейджеры, музыкальные центры, то современному ребенку кажутся банальными мобильные телефоны, цифровые видеокамеры, переносные компьютеры, так как он родился уже в их эпоху и они для него, по мнению А. Баркан, нормальное явление, а не диковинка, какой была для нас. Это обыденная для него реальность. Правда, реальность, обновляемая с каждым днем. Но и ребенок обновляется ведь тоже, меняясь не по дням, а по часам. Так почему бы не идти в ногу с прогрессом? (А. Баркан, 2010.)

Современные дети живут в том мире, в котором появилось невероятное количество устройств из разряда «пять в одном», одна новинка, а имеет сразу пять функций...

«Тамагочи – интерактивные игрушки-роботы возвращаются в нашу жизнь... Но в отличие от тамагочи конца 1990-х яйцевидные существа нового поколения смогут влюбляться, жениться и иметь детей... Тамагочи-плюс смогут общаться, болтать и вступать в любовные отношения друг с другом…» При этом, чем младше ребенок, тем больше захочется поболтать ему вдоволь с новыми тамагочи, которые смогут рожать ему новых таких же друзей.

А легко ли устоять девочке-подростку, да, пожалуй, и любой взрослой женщине, перед возможностями электронного платья, способного заменить половину женского гардероба и позволяющего побыть в роли героини нашего времени. Да, действительно, изобретенное электронное платье поражает воображение современного человека. Это платье состоит из 400 скрепленных металлическими кольцами микросхем… А регулировать работу платья можно при помощи центральной панели управления, которая находится на спине.

Каждая микросхема содержит «красно-зелено-синий» светодиод или фотоэлемент, перемычки и солнечную батарею, которая днем заряжает платье, а при более тусклом освещении меняет его цвет. Также есть возможность присоединения платья к компьютеру, изменения по внешнему виду...

Если эти сказки с переодеваниями уже позади, может быть, имеет смысл Вам окунуться и осознать те возможности, которые сулит нам реклама, – то очки с музыкальной приставкой, то музцентр на голове, то будильник с ласковым голосом, то часы, думающие вслух, то домашние портативные детекторы лжи, то IFM-сообщения (Instant Feeling Message) под названием «emosive», представляющие сервис для передачи кому-то ощущаемых Вами эмоций и чувств. А вдруг кто-то еще до сих пор Вами так и не встреченный ощущает эмоции жизни, как Вы? (А. Баркан, 2010.)

После знакомства с гаджет-пространством имеет смысл дать краткую характеристику поведения и его механизмов и последствий для детей гаджетоманов. Одной из главных особенностей таких детей является то, что помимо повышенного интереса к технике они уже в раннем детстве хорошо разбираются в технике. Нередко даже взрослые советуются с ними, решив купить какую-то новинку. Часами могут торчать в магазине, расспрашивая продавцов про функции приборов. Однако такой ребенок становится невыносимым при отказе купить ему техническую новинку, обвиняя при этом в отсталости и жадности своих родителей. Подобные ситуации сопровождаются многочисленными протестами, проявляемыми в форме отказа от еды, школьных прогулов, истерик и бессонницы. После родительской капитуляции юный гаджетоман впадает в диффузную эйфорию, раздаривая родителям поцелуи, а сверстникам – хвастовство о приобретении невиданной новинки.

В случаях застойного детско-родительского противостояния по поводу очередного гаджета такие дети способны даже на «домашнее воровство». Этот факт является одним из симптомов гаджетзависимости, т.е. зависимости от технических новинок.

Говоря о распространенности гаджетомании в детско-молодежной среде, необходимо отметить, что сейчас несколько миллионов людей на планете страдают этой ультрасовременной зависимостью. Каковы же предпосылки гаджетомании? Большинство исследователей отмечают, что этой зависимости сопутствуют: материальная обеспеченность семьи – чем она выше, тем выше и проявления гаджетомании; наличие технических способностей, способных перерасти в профессиональную деятельность; повышение самооценки и самоутверждения в среде сверстников. Например, если у какого-то одноклассника есть новая цифровая фотокамера, а у его соседа по парте нет, то это веская причина для страданий того «другого», вплоть до появления у него комплекса неполноценности.

Некоторые авторы задаются вопросом, от кого родилось поколение гаджетоманов? Откуда берутся цифровые фанаты с часами с флешпамятью? По мнению ученых из Америки и Японии, те, кто долго «болеет» гаджетозависимостью, обладают не только купленными «железками», но у них обнаружено и повышенное содержание в клетках организма особого специфического фермента моноаминоксидазы А (monoavine oxidase A), фермента, поддерживающего их стремление к новизне и способствующего хорошему настроению при покупке чего-то особенного (А. Баркан, 2010. – С. 170).

Обобщая сказанное об особенностях поведения гаджетоманов, необходимо остановиться на стадиях развития этой зависимости. Самая

безобидная стадия гаджетомании – это проявление любопытства к техническим новинкам. Например, трудно не обратить внимания на универсальный мультимедийный телефон, позволяющий записывать высококачественное видео вплоть до DVD-видео и воспроизводить его на внешнем мониторе или телевизоре, или японский цифровой бинокль, который способен делать фотоснимки и записывать видео, или невероятные медиаплееры Aigo. Следующей стадией гаджетомании, на наш взгляд, могут быть признаки хобби, проявляемые в форме озабоченности и приступах ненасыщаемых желаний – пойти и посмотреть, купить какой-то гаджет. Эта стадия протекает на фоне повышенного интереса к рекламе и обсуждений новинок со сверстниками.

Появление соблазнительного гаджета проходит на фоне взвешивания «за» и «против». Эта стадия сомнения самая неблагоприятная для ребенка. Он как бы зацикливается на ней, испытывая комплекс негативных эмоций от перевозбуждения, раздраженности, нежелания заниматься учебными предметами до бессонницы и стресса. Его волнует только технофетишная проблема: «быть или не быть».

В случае приобретения очередного гаджета ребенок испытывает эйфорию. Он часами возится с прибором, забыв про остальные все дела, влюбляясь до безумия в покупку и в самом деле превращая ее в настоящий технофетиш. Эта стадия длится до появления нового соблазна. При невозможности его приобретения ребенок впадает в депрессию и разочарованность жизнью. Затем этот цикл повторяется снова.

Характеризуя детей, склонных к гаджетомании, необходимо отметить и те ее последствия, которые отражаются на личностных особенностях ребенка. Учитывая, что гаджетомания является причиной бесконечных семейных конфликтов из-за непомерной страсти ребенка к техническим новинкам и его зависимости от родителей, он для достижения поставленной цели вынужден использовать самые разные средства для их достижения. И он, как отмечает А. Баркан, учится лицемерить и вымогать, быть пай-мальчиком, чтоб заслужить, или же превращается в несносного, буйного, протестующего обвинителя. Такой ребенок нередко хамелеонит при общении с родителями, становясь то черным, то белым. Всё зависит лишь от обстоятельств и желания что-то купить. Ради новой игрушки он вмиг превращается в приспособленца, примеряя различные маски, чтобы угодить, спрятав так истинное лицо. Его жизнь почти уже сказка про волка и козлят. Волк, поющий как мама-коза, – это он, когда что-то пытается вымолить из того, без чего невозможно прожить. Так что модная нынче гаджетомания может стать и тропой унижений для ребенка, бегущего вслед за прогрессом (А. Баркан, 2010. – С. 166).

Кроме того, зависть, рождаемая гаджетоманией, – это путь к воровству, лжи, агрессии, оскудению разнообразия познавательной сферы и обретению комплекса неполноценности и самоунижения, а в последующем возможно и к смене друзей, мужей, жен с новыми функциями. Характеризуя гаджетоманию, невольно задумываешься, а чем же она отличается от шопинг-зависимости, вспышки которой могут появиться у каждого из нас, и независимо от времен года, как при депрессии, так и стрессах. Говоря о шопинг-зависимости, мы имеем в виду, как правило, разновозрастных женщин, скупающих, как отмечает А. Баркан (2010), ненужные им вещи, во всяком случае, в данный момент, от туфель на немыслимых платформах до шпилек для отсутствующих кос. Для них главное – купить, и очень дорого, чтоб сумма в чеке чуть-чуть отрезвила и вызвала бы всплеск адреналина. Что же касается гаджетомании, то она характеризуется ненасыщаемой потребностью в приобретении технических новинок, длительным переживанием деструктивных эмоций и подобно неизлечимому наркотизму дезинтегрирует психику и деформирует организм. Родителям и детям важно помнить о жизненной формуле Сократа: «На свете столько вещей, которые мне не нужны».

8.2. Девиации детей хай-тека

Хай-тек от английского High technology– высокие технологии, перенесенные из сферы электроники не только в интерьеры офисов и квартир, но и в стиль, образ жизни людей. Современные дети хай-тека – это своеобразный продукт стиля воспитания в семье. В отличие от детей-гаджетоманов, которые приобретают этот статус в школьном возрасте, хай-тек-дети обретают свой статус с колыбели. Уже с памперсов (пеленки для них лишь анахронизм) они растут как «цифровое поколение» и впитывают в себе новшества высоких технологий. Хай-тек-мамы и папы со своими детьми живут в аскетичных комнатах или квартирах. В них главное – жесткость конструкций, стекло, четкость линий, пропорции, холодный металл и при всем этом минимум декора жизни… Следуя хай-тек- стилю в детской комнате, как отмечает А. Баркан, вместо занавесок с Микки-Маусом простые жалюзи, нет даже ни одной картины, хотя бы репродукции из сказок, какие-то в тумане черно-белые две фотографии с банальными пейзажами, без экзотических растений в сочных красках. Игрушки строго расставлены на стеллажах, пол, покрытый лишь линолеумом, а не ковром для игр ребенка, чтобы устроить в детской живой хаос, присущий жизни маленьких детей. Трехлетнему ребенку удобен этот полукруглый из

пластика диванчик. Его ни капли не смущает серость стен... Вокруг него лишь сталь, стекло, пластмасса. И хотя много света и пространства, создается впечатление, что он живет в какой-то пустоте. Его игрушки могут даже видеть или слышать, не то, что говорить вслух, если пожелаешь. Но мальчику они уже скучны, его мечта – чтобы мама купила ему новый робот Furby, который может говорить с ним как живой, а не твердя лишь только пару фраз (эта новая хай-тек-игрушка действительно знает около 800 фраз). Отсутствие сверстников его вовсе не смущает. Ему с ними скучно. В этом убеждает его и мама, говоря, что его комната не предназначена для других детей. Мама хай-тек-ребенка – ярко выраженная гаджетоманка, после родов не тратила время только лишь на младенца, не сидела весь день у кроватки. Занималась своими делами, болтала с подругами, а за сыном следила видеоняня. Как заплачет, не брала на руки, а включала особенный плеер, предназначенный для колыбели, называемый «Сладкие сны». Записала специально свой голос. И ребенок тотчас успокаивался. Заболеет – давала цифровую пустышку, измеряла ею температуру. Был спокойный сигнал – значит, норма. Если же раздавалась тревожная музыка – значит, температура высокая.

К его детской кроватке всегда было подвешено «Волшебное зеркало». Есть такая игрушка фирмы Philips. В нем ребенок учился узнавать сам себя, развивал координацию взгляда, движений. Это зеркало даже учило его разговаривать, потому что способно само записать звук и слово, а потом все воспроизвести.

Проблема похищения ребенка также решена с помощью хай-тек-устройства в виде мобильного сторожа. Электронный брелок был прикреплен к коляске и, как сторож, следил за ребенком. А сейчас хай-тек-родители сыну купили на ручку электронный браслет Aero Scont. Если он даже уйдет – тут же сразу найдётся (А. Баркан, 2010. – С. 176, 177, 178).

Друзей ему заменяют также «живые» игрушки и компьютер. Стоит к ним только прикоснуться, они могут смеяться и плакать. Хай-тек ребенок вживую ни с кем не дерется и ему не грозит быть побитым. Детство хай-тек-детей, по мнению А. Баркан, не разбитые коленки и синяки на них, не игры во дворе до умопомрачения то в казаков-разбойников, то в прятки, их жизнь не дискуссии с друзьями и спор до хрипоты. Их с детства ограждают от опасности, они не знают слова «рисковать» в естественном и «натуральном» смысле слова, рискуя только перед монитором, играя в игры, провоцирующие лишь бутафорский риск, и этот риск для них естественен, как образ жизни. Им стоит только захотеть. И подается немедленно. Они привыкли, что искусственная жизнь для них естественна. Они в такое время

родились, что сказка – это явь, а вся не явь как сказка (А. Баркан, 2010. – С. 175).

Хай-тек-дети строгого стиля. Даже жесткого, в чем-то брутального, выросшие без мадонн Рафаэля, без Данаи Рембрандта, без мучений в разгадке Моны Лизы, когда ее можно не только запросто создать, но и проанатомировать, расчленив ее на составляющие.

Имея общее представление о средовом и поведенческом облике детей хай-тека, живущих в «цифровых» домах и пользующихся неограниченными услугами прогрессивных гаджетов, целесообразно обратить внимание на специфику их личностного развития. Думается, что в будущем хай-тек-дети – элитные гаджетоманы. Их желания достигаются не за счет трудолюбия или интеллекта, а за счет материального достатка. Их ментальность предполагает неравенство в сфере хай-тек-гаджетов – сногсшибательных, неповторимых, гаджетов будущего, по А. Баркан.

Живя в виртуальной среде хай-тека, эти дети обречены на зависть, неприязнь, конфликты и драки со стороны сверстников и взрослых людей, не относящихся к гаджетам и хай-тек-фанатам. Со временем, как отмечает А. Баркан, хай-тек-ребенок становится под стать холодно-жесткому, рационально-аскетическому стилю и превращается потом в ребенка, невольно погружая его в стиль интроверта с богатым внутренним миром, прячущим в глубине его свои эмоции эрудированного, разбирающегося в новейших достижениях нашей науки и техники, любящего комфорт и гармонию, но испытывающего множество барьеров в реальной жизнедеятельности.

ГЛАВА 9. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ КИБЕРВИРТУАЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

Объектом кибервиртуальных детей является пристрастное отношение к информации, ее получению, переработке, структурированию и оперированию в целях получения удовольствия от каких-либо выигрышей при решении деятельностных и гедонистических проблем. Перечень объектов информационной аддиктивности довольно широк. Это и компьютерная деятельность, и Всемирная сеть Интернет, и телевидение, и средства мобильной связи. Рассмотрим краткое содержание каждой из указанных аддикций.

9.1. Компьютерно-аддиктивные дети

Общеизвестно, что кибервиртуальная аддиктивность в основном ассоциируется с компьютерным миром. Значимость компьютера для ребенка начинается с момента его приобретения. В ходе освоения компьютерной среды появляется увлеченность, выражающаяся в эйфории, проявлении удовольствия и других положительных эмоций, стремлении к их повторной актуализации, переходящая в труднопреодолимую потребность в систематическом желании играть в компьютерные игры. Некоторые родители начинают бить тревогу: «У моего ребенка компьютерная зависимость. У него просто истерики, как только мы просим закончить игру», «Его ничего не интересует, кроме игр, это нормально?», «У моего сына нет друзей, да они ему и не нужны. Теперь все дружат по Интернету». Эта тревога не напрасна! Ребенку все трудней становится совместить реальный и виртуальный миры.

Уход в виртуальный мир – бурная интернет-сетевая жизнь позволяет влюбляться, ссориться, радоваться, заказывать виртуальные покупки, все осуществляется легче и чаще, чем в реальном мире. Подмена реальности проявляется в форме определенного набора символов или смайликов, например, радость обозначается знаком :), удивление - :O, испуг -]:O, плач, расстройство - :(и т.д. Эти определительные символы напоминают аналоги древнеегипетской культуры. Игровая мотивация в первом случае носит соревновательный характер. Поддержание

контакта с социумом сфокусировано в основном на игровых фанатах. У детей с инвидуализированной формой зависимости взаимодействие с окружающим миром нарушено значительно сильнее, потребность в игре у них эквивалентна базовым физиологическим потребностям.

Предвестниками компьютерной зависимости, отличающими ее от необходимости работы на компьютере, являются навязчивое стремление постоянно проверять электронную почту, предвкушение очередного сеанса общения в Интернете, увеличение времени, проводимого в нем (Н.П. Фетискин, 2010).

Ряд авторов характеризует киберкомпьютерную зависимость с позиций выделения в ней психологических и физиологических симптомов. Так, например, М.Х. Орзак (1996–1999) к числу психологических симптомов отнесла хорошее самочувствие или эйфорию за компьютером, невозможность прервать киберобщение, увеличение количества времени, проводимого за компьютером, пренебрежение семьей и друзьями, ощущение пустоты и раздражения вне компьютера, ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности, проблемы с работой или учебой. Среди физических симптомов она выделила резь в глазах, головные боли по типу мигрени, боли в спине, нерегулярное питание, пропуск приемов пищи, пренебрежение личной гигиеной, расстройства сна, изменение режима сна – бодрствования.

Среди психологических особенностей детей с компьютерной зависимостью следует выделить наличие проблем в общении (замкнутость, молчаливость, угрюмость), связанные непониманием и конфликтностью отношений с ближайшим окружением. Наряду с выраженной интеллектуальностью, творческим потенциалом, направленностью на поиск информационной новизны компьютерных аддиктов отличает повышенный инфантилизм, фонтанирующий идеализм и низкая исполнительность. Эпизодическая словоохотливость сопряжена со склонностью к монологичности и неумением слушать других. В отличие от азартных игроков на деньги, компьютерные проявляют безразличие к деньгам и дисфорическое настроение – тоскливо-злобное с повышенной раздражительностью и агрессивностью. Компьютерная агрессивность нередко актуализируется в социально-злокачественную форму.

9.2. Телеаддиктивные дети

Дети «теленяней». Теледети – это дети, обделенные должным родительским вниманием, перекладывающим воспитание своих детей на «теленяней», т.е. ведущих телепрограмм и различных персонажей

телеэкрана. Да, телевизор может заменить ребенку няню, но эти «теленяни», несмотря на свое присутствие и привлекательность, не могут поддерживать даже элементарное общение с ребенком, не говоря уже о контроле за ним.

Теледети живут двумя жизнями – реальной или виртуальной, принимая их либо за одну, либо отдавая предпочтение последней, когда им не хватает родительского участия, внимания, поддержки и безоценочной любви. «Впившись» в телевизор, депривационный ребенок впоследствии становится телеманом.

Говоря о позитивном влиянии «теленяней» на развитие ребенка, следует сослаться на исследования, показывающие, как младенец сумел правильно использовать игрушку, подобную которой увидел в руках у незнакомца из телевизора сутки назад. Так что в этом возрасте грудничок, благодаря телевизору, может даже приобрести какой-то жизненный опыт. Но это вовсе не означает, что он понимает все то, что происходит на экране (А. Баркан, 2010. – С. 96). Обладая врожденным артистизмом, обходятся без азов системы Станиславского, глядя на экран, не только заражаются и проецируют на себе поведение телегероев, но и воплощают их поступки в реальной жизни в роли Шварценеггера или принцессы. «Теленяни» для таких детей становятся, по мнению А. Баркан, важной частью их компетенции в окружающем мире. И, если даже ваш малыш не сможет беседовать с Вами о полотнах Рембрандта и скульптурах Родена, он действительно как компетентный специалист в своем роде без умолку способен говорит Вам о Ляля или По – телепузиках, Губке Бобе или же о каком-то неизвестном Вам монстре (А. Баркан, 2010. – С. 95).

Кроме того, «теленяни», имея в виду просмотр отдельных телепрограмм, способны снизить болевые ощущения во время медицинских процедур. Ученые из университета Сиены указывают, что этот телефеномен способен даже соперничать с поддержкой больного ребенка мамой и иногда является еще эффективнее этой поддержки. Оказалось, что отвлечение детей интересной телевизионной программой сопровождается выбросом в кровь болеутоляющих гормонов (А. Баркан, 2010. – С. 93).

Психологический симбиоз ребенка с «теленянями», помимо родительской отчужденности, укрепляется возрастающим привыканием, а со временем и зависимостью от постоянного цветозвукового телевизионного фона жизни семьи. Младенец еще до рождения, а тем более после появления на свет, как указывает А. Баркан, прислушивается к многочисленным голосам в доме. Причем это не только голос мамы и папы, голоса других близких ребенку людей, но и чуждых ему, по-

сторонних, говорящих не с ним, а с самими собою. Они словно живут тоже в этой квартире или в комнате, но в телевизоре, создавая иллюзию эффекта присутствия в доме множества разных людей.

Очевидно, для младенца телевизор «похож» на собаку и кошку, он – «живой», не мяукает, но разговаривает, да еще что-то в нем двигается все время. Даже мама всегда рада слушать его и смотреть, что же в нем происходит.

Телевизор в восприятии ребенка похож на живого человека: сам с собой разговаривает, сам себе рекламирует что-то и сам слушает свою же музыку, привлекая внимание малыша. И ребенок, еще не умея сам сидеть, уже часто сидит перед ним на коленях у мамы или, лежа в своей кроватке, умудряется и через прутья смотреть на мелькание разных картинок, на мелькание света и тени в этом странном таинственном «звере», то ли кошке или же собаке, не похожем ни на кого. (А. Баркан, 2010. – С. 86).

Продолжая говорить о позитивном, развивающем влиянии общеобразовательных «теленяней», нельзя действительно не отметить их вклад в развитие познавательных способностей и эрудиции теледетей.

Телевизор, как отмечает А. Баркан, на какое-то время успокаивает импульсивного и гиперактивного ребенка, давая не только ему, но и родителям кратковременные передышки. А в некоторых семьях он заменяет малышу даже няню. Во всяком случае, во время просмотра ребенком телевизионной передачи мама может заняться собственными делами. Хорошая передача поднимает настроение, а понравившийся мультфильм, рассказывая о том, что происходит с другими, знакомит ребенка со всевозможными чувствами и эмоциями людей, предлагая пути выхода из различных ситуаций, таким образом, как бы обучая детей «правильно жить» и делать как можно меньше ошибок. (А. Баркан, 2010. – С. 87).

Однако все эти позитивные воздействия «теленяней» могут наблюдаться только при наличии родительской любви к ребенку и их компетентном телеповедении и телекультуре. Любящим родителям известен не только ответ на вопрос, стоит ли заменять телевизором няню ради собственного благополучия, но и тот многообразный вред, который наносят «теленяни». Этот вред определяется возрастными особенностями ребенка, продолжительностью просмотра и содержанием телепрограмм, влияющих на здоровье и психику ребенка.

Например, превышение двухчасового просмотра телепрограмм способствует развитию синдрома дефицита внимания. Длительное просиживание у телеэкрана способствует снижению физической активности, переходящей со временем в лень, риску соматических

заболеваний и отклоняющемуся поведению. Предпочтение телепрограмм другим активным детским занятиям во многом предопределяет развитие аутизма и речевой задержки, особенно когда семья вместо активного общения «впивается» в бесконечность кабельных и спутниковых телепрограмм. Видимо, именно этим объясняется исчезновение возрастного «пласта» почемучек, предпочитающих про все узнать в телевизоре или компьютере.

О негативном влиянии феномена «теленяней» на познавательные способности детей отмечается в различных зарубежных работах. Так, ученые японской Ассоциации педиатров подчеркивают негативное влияние длительного просмотра телепрограмм на коммуникативные способности, отставание младших школьников, имеющих собственный телевизор в комнате, в познании математики и языка, умственные способности таких детей в возрасте 6–7 лет оказываются ниже, чем у сверстников, а в будущем они пополнят ряды малоуспевающих школьников с низкими шансами на поступление в ВУЗы.

Эксперименты американских, бельгийских и немецких психологов показали, что после просмотров мультфильмов с агрессивным содержанием даже у детей младшего школьного возраста повышался уровень агрессивности по сравнению с исходным уровнем, определяемым до начала просмотра этих мультфильмов. Очевидно, дети, смотрящие агрессивные мультфильмы, пытаются отождествлять себя с агрессивными героями, потому что, как правило, эти почти всегда колоритные персонажи привлекают к себе значительно большее внимание, чем почти бездействующие и бесцветные их противники, несущие людям добро. Данная тенденция подтверждена исследователями из Университета имени Вашингтона в Сиэтле. Согласно их данным, четырехлетние дети, проводящие у телевизора около трех с половиной часов ежедневно, оказались более драчливыми и более задиристыми по сравнению со своими сверстниками, не уделяющими внимания телепрограммам, даже при достижении ими возраста от 6 до 10 лет. Причем подобная вероятность возникала у них на 25% чаще, чем у сравниваемых с ними ровесников (А. Баркан, 2010. – С. 91).

Родителям следует помнить ряд следующих моментов: чем больше и чаще Ваш ребенок видит сцены насилия, тем более нечувствительным к ним становится он, и сомнения и муки Раскольникова ему просто уже непонятны; чем младше ребенок, тем менее критично оценивает он увиденное на экране и тем тяжелее ему оценить, где правда, где вымысел. Ему все еще кажется правдой, ему трудно объяснить, что волк вовсе не съел всех козлят, пока дома не было мамы-козы. Чем больше негативных эмоций испытывает, сидя около телевизора, Ваш

ребенок, тем выше уровень его тревожности, тем беспокойнее сон, тем сильнее выражено у него нервно-эмоциональное напряжение, тем раздражительнее становится он.

Чем меньше времени тратится на телепросмотр, тем лучше. Для школьников это время не должно превышать 30–40 минут в день, для младших школьников – не больше часа и лишь в более старшем возрасте дети могут смотреть телевизор до двух часов в день. Причем многие специалисты вообще не рекомендуют смотреть телевизор ежедневно, предлагая ограничиваться лишь двумя-тремя днями в неделю из семи.

Дети-телеманы. Телеманы – это те дети, которых практически невозможно оторвать от голубого экрана. Телевизор для них становится главной потребностью, ценностью в их жизни, овладевая почти полностью детским сознанием. Жизнь без телевизора им кажется невыносимой. После выключения телевизора у многих из них появлялось ощущение опустошенности, и они чувствовали себя менее энергичными, чем раньше. Проявления детской телемании, или зависимости, довольно хорошо отражены в следующих высказываниях: «Его за уши не оттянуть от экрана», «Он готов весь день провести у телевизора», «Мне кажется, мой ребенок агрессивен только из-за телевизора», «Посмотрев «Спокойной ночи, малыши!», он не может уснуть от возбуждения», «Как только мы с мужем уходим на работу, ребенок с бабушкой смотрят сериалы... Он набрался оттуда вульгарной лексики, а рассуждает как пенсионер!».

Поэтому все попытки сокращения времени «общения» с телеэкраном даются с большим трудом или не удаются вообще. Вследствие этого голубой экран по-своему «зомбирует» детей, заменяя им электронный наркотик. Исходя из этого предположения, многие исследователи телеманиию часто сравнивают с наркоманией, потому что у них много общих признаков и сходные механизмы появления этих зависимостей.

С наркоманией телеманию связывает то, что в ответ на запрет родителей смотреть телепрограммы, детей словно захлестывает волна агрессивности относительно родителей. Да к тому же все интересы их практически замыкаются на телевизоре.

Мерцающий экран, по мнению А. Баркан, расслабляет ребенка, создает ощущение релаксации. Чем дольше будет гореть экран, тем дольше будет сохраняться это ощущение. Но это ложная релаксация. Как только телевизор будет выключен – она мгновенно заменяется подавленностью из-за возвращения в реальный мир.

Видимо, этим и объясняются самоуспокоительные доводы родителей о том, что ребенок, смотря телевизор, просто кайфует. Действительно, живя в иллюзорном мире, напоминающем собой

коктейль из реальности и фантазий, ребенок и представляет себе таким мир в действительности, который полностью удовлетворяет его (А. Баркан, 2010. – С. 107).

Обобщая различные подходы к изучению механизмов телемании (Г. Штурм, В. Штерн, Маттенклот, А. Бандура и др.), можно отметить, что их основу составляют такие скрытые психологические телевизионные воздействия, как зомбирование и программирование поведения.

О зомбирующем влиянии телевизора предупреждал доктор психологических наук из России Виктор Штерн, считающий, что массовое зомбирование людей началось в Америке после изобретения звукового кинематографа. Принцип зомбирования – в «подклеивании» кадров, содержащих важную для зомбирования информацию, которую глаз человека не успевает заметить в виде 25-го кадра, а мозг помещает ее в подсознание, выдавая затем из его глубин как собственные мысли этих людей. И конечно же, «нужная информация» может «роботизировать» психику ребенка, загипнотизировав нереальной реальностью, завораживающей человека (А. Баркан, 2010. – С. 112).

Указанные механизмы детской телемании проявляются в форме психического «заражения» и подражания. Примером срабатывания данных механизмов может служить эффект телеэпилепсии, потрясшей всю Японию, после просмотра одного из эпизодов очередной серии очень популярного в то время мультфильма «Покемон». С более чем семьюстами детьми начало твориться что-то невероятное – кто-то упал в обморок, кого-то стало тошнить, у кого-то наблюдались конвульсии, а у кого-то наступил даже временный паралич дыхания. Оказалось, что эти «искусственные» припадки были вызваны мельканием кадров с определенной частотой, цветовой гаммой и яркостью изображения. И для телевизора – это норма, лишь один из приемов, благодаря которому многократно усиливается влияние на мозг человека то, что он видит в данный момент на телеэкране (А. Баркан, 2010. – С. 115).

В то же время запрещение просмотра телепередач детям, страдающим телеманией, может сопровождаться психологической ломкой, напоминающей собой наркотическую.

Возникновению детской телемании способствуют, с одной стороны, присущая всем людям ориентировочная реакция на новизну зрительных и слуховых раздражителей, являющихся ведущими телевизионными стимулами, а с другой – семейная депривация или родительская отчужденность и одиночество ребенка.

Депривированные дети прирастают к телевизору уже в 6–10 месячном возрасте, а с 6 лет они уже становятся телеманами. Родители же, напротив, рассматривают телевизор в роли «теленяньки» и репетитора.

Для многих современных детей телевизор выступает в роли незаменимого друга, который в представлениях детей никогда не ругается по поводу невымытых рук, непричесанности, невыполнения заданий и др.

Говоря о негативных влияниях детской телемании, необходимо отметить, что вследствие некритического и подражательного просмотра телепрограмм со сценами агрессивности, насилия (включая мультфильмы) у детей накапливается огромный потенциал агрессии, превосходящий увиденные эпизоды насилия и страха с телеэкрана. Кроме того, у детей, страдающих телеманией и смотрящих телевизор по десять и более часов в сутки, «кора головного мозга, по мнению Хорста Прена, подобна пустыне». Эти дети «страдают полной потерей способности воображения».

По утверждению А. Баркан, любой, кто лишен этой способности, по-своему пассивный и ущербный человек. Ему не подвластно творчество образов. Его собственная фантазия вянет на корню, и он подпитывается чужой, чуждой ему фантазией, льющейся, как из рога изобилия, на него с голубого экрана. Телевизор, подобно вампиру, высасывает воображение ребенка, превращая его в тусклого и заземленного человека, неинтересного другим детям, а нередко и самому себе (А. Баркан, 2010. – С. 112). У детей-телеманов со временем формируется клиповое мышление и клиповое сознание, сотканное из тех мозаичных кусочков о мире, которые попадаются им с телеэкрана. В целом, как утверждает А. Баркан, постоянно мерцающий телеэкран, выкрики-реплики борющихся героев, сопровождаемые тревожной музыкой для усиления устрашающего эффекта, негативно воздействуют на психику маленьких зрителей, и особенно на детей, перенесших перинатальную энцефалопатию, черепно-мозговые травмы и т. д., страдающих заиканием, тиками, эпилепсией (А. Баркан, 2010. – С. 115).

Вследствие этого велика и родительская обеспокоенность детской телезависимостью. Эта озабоченность родителей хорошо отражена в следующих высказываниях: «Его за уши не оттянуть от экрана», «Он готов весь день провести у телевизора», «Мне кажется, мой ребенок агрессивен только из-за телевизора», «Посмотрев «Спокойной ночи, малыши!», он не может уснуть от возбуждения», «Как только мы с мужем уходим на работу, ребенок с бабушкой смотрят сериалы... Он набрался оттуда вульгарной лексики, а рассуждает как пенсионер!».

Эти родительские суждения с особой остротой актуализируют вопросы, связанные с формами и причинами детской телезависимости. Практика наблюдения показывает, что дети ревниво относятся к телевизору. Им кажется, что экран излучает любовь, и все устремляются к нему и прилипают. Особую роль на детскую телезависимость оказы-

вают кумиры экрана, а они у мальчиков и девочек разные. Так, мальчики играют в Бэтмена, Человека-Паука, Робокопа, Терминатора… Мальчики не переодеваются – они стараются имитировать поведение, действия, фразы, поступки, разыгрывают ключевые сцены, как правило, баталии. Условно говоря, для мальчиков важно, что делает персонаж, каковы его возможности, несмотря на родительские реплики: «Смотришь всякую гадость, иди поиграй или почитай книжку!» , «Ты копируешь уродов и сам станешь уродом!». Ребенок убежден в другом: «Они – сильные парни, ты просто сам так не сможешь! А я вырасту и смогу!».

Девочкам герои экрана интересны в других контекстах, а именно: как выглядит героиня, красива ли, в кого влюблена. Им важнее переживания, эмоции, нюансы отношений. Играя в любимых героев, дети заражены радостью перевоплощения, как в карнавале.

У детей потребность в перевоплощении выражается непосредственно. В это время быстро расширяются границы «я», выбирается наивный образ будущего. А идеалы стимулируют развитие ребенка, обнадеживая его.

Анализируя причины детской телезависимости, необходимо выделить наиболее значимые, среди них:

- Повышенная склонность детей к новым впечатлениям. Телевизор вызывает целую гамму эмоций – от страха до восторга. А дети тянутся к эмоционально богатым источникам. Сюжеты телеэкрана завораживают их, стоит только включиться экрану, они сразу прилипают к нему и будто впадают в «куриный» гипноз.
- Ненасыщаемая потребность детей посмотреть что-то другое, запретное, т.е. чего «детям нельзя».
- Подверженность детей «телезаражению» от родительского телеповедения. Глядя на светящиеся глаза родителей, любой ребенок догадается, что самое интересное в его семье происходит в телевизоре.
- Телезависимость как источник стимуляции коммуникации и социализации ребенка в группе сверстников. По мнению О. Маховской, смотреть телевизор, популярные фильмы и сказки – значит быть включенным в группу, общение со сверстниками. Телевизор и компьютер сегодня – инструменты социализации детей. Со временем у ребенка появляются любимые каналы, программы, персонажи, и он начинает смотреть телевизор регулярно, а не тогда, когда у родителей есть время (О. Маховская, 2012. – С. 169).
- Специфика детского телевосприятия. Дети склонны считать телеперсонажей настоящими. Они их любят, завидуют и подражают им. Детям кажется, что в телевизоре, как в аквариуме рыбки,

живут человечки. И если не включать, им будет страшно, скучно и они разбегутся или даже умрут! Эффект Тамагочи. Телевизор не смотрят – о нем заботятся! Дети из бедных семей особо зависимы: все самое лучшее в своей жизни они видят на экране.

- Детское одиночество. Ребенку просто не с кем побыть, кроме телеэкрана. Ничего не хочется делать, ни мастерить, ни рисовать, ни листать книжки... А только смотреть в окно или на экран в ожидании чуда.
- Отсутствие у детей культуры телеповедения. Как справедливо отмечает О. Маховская, «телевизор нужно смотреть культурно, т.е. опираться на здравый смысл, здоровые привычки и критическое отношение ко всему, что «гонят» по «ящику». Так, постоянное жевание перед экраном оборачивается детским ожирением. Мы не должны пускать детей в «ядовитую» телесреду, не сформировав у них систему «противоядий» (О. Маховская, 2012. – С. 171).

В заключение отметим, что телевидение моделирует поведение детей вплоть до совершеннолетия. Некоторый рост критичности к содержанию программ наблюдается у детей 9–10 лет в период формирования морального сознания и активного разделения людей на «плохих» и «хороших». При этом важно учитывать направленность телепрограмм и телепередач. Одни из них, типа «карусель», способствуют формированию познавательных навыков, умений считать, читать, в то же время как телепередачи, наполненные сценами насилия, развращают сознание ребенка, фиксируют его на криминальном опыте и снижают порог чувствительности. Так, например, репортажи о терактах делают детей их вторичными жертвами. Это значит, что с ними нужно обращаться так, будто они стали свидетелями и участниками трагедии.

9.3. Мобильнико-аддиктивные дети

Исходя из последних данных, видно, что количество мобильных телефонов на нашей планете далеко перевалило за 2 миллиарда, т.е. каждый третий землянин пользуется сотовой связью. По словам программиста IBM Сэм Руби, «из всех придуманных за последние 25 лет технологий сотовая связь внесла наибольшие изменения в наш мир», оказывая влияние на многие сферы человеческой деятельности: от часовой индустрии до телевидения и рынка фото-, видеоаппаратуры. Будущее мобильных телефонов в поиске и обработке информации. Он станет средством навигации и развлечения. И еще большее количество

людей предпочтут его как доминирующее средство связи. Особенно велика значимость данной связи для родителей.

Интерес родителей в этом виде связи во многом обусловлен безопасностью детей, поэтому возможность в считанные секунды связаться с ребенком и узнать, как дела, – главное преимущество мобильной связи. Учитывая это, мобильный сервис разрабатывает самые немыслимые услуги для родителей: в виде определения местонахождения ребенка вне дома, его расстояние от зарегистрированного сексуального преступника, находящегося уже на свободе. В японском мобильном сервисе апробируются специальные мобильные телефоны безопасности, реагирующие на тревожный сигнал, его местоположение тут же узнают родители, в школе и 20 зарегистрированных добровольцев.

Многие родители уже знают о мобильном телефоне Teddyfone, похожем на плюшевого медвежонка и предназначенном не просто для детей старшего дошкольного возраста, но и для младшего – с четырех лет. Производители «медвежонка» утверждают, что этот телефон не представляет угрозы для здоровья ребенка, связанной с радиоволнами, минимизируя ее.

На фоне масштабного роста пользователей мобильной связью среди взрослых людей все чаще и чаще встречаются дети, и не только подростки, а даже дошкольники.

По данным недавнего исследования Eurobarometer, у 70% европейских детей 8–9 лет имеются собственные мобильные телефоны, а в некоторых странах эти цифры значительно выше.

Чем же привлекает детей и юношей мобильная связь? Опираясь на данные опроса американской исследовательской компании Teenag Research Unlimitet детей в возрасте от 10 до 18 лет, имеющих мобильные телефоны, видно, что в отличие от родительских ориентаций дети предпочитают другие функции современных мобильников: 49% опрошенных используют SMS-сообщения, 25% – камеры, 12% – игры, 5% детей проигрывают музыку, 5% пользуются мгновенными сообщениями (IM), 2% – электронной почтой, 2% – проигрыванием видео. Житейские наблюдения показывают, что наличие мобильного телефона день ото дня все больше и больше становится атрибутом детской жизни, почти так же, как ранец, и отсутствие этого телефона у кого-то из учеников расценивается его одноклассниками вроде комплекса неполноценности.

Например, в Японии уже не секрет, что дети, пользующиеся сотовым телефоном, не дружат со своими сверстниками, у которых таких телефонов нет.

Нашествие новых технологий, по мнению А. Баркан, привело к переоценке личностных ценностей человека, и дети оказались легкодоступными мишенями для этого. Так что капризы Вашего ребенка,

что без мобильника он в классе нуль без палочки, что он никто, не будет ходить в школу, не просто лишь его истерики, они имеют под собой фундамент – фундамент нового мышления детей, с которым незнакома еще часть родителей.

Как же не купить тогда малышу и подростку современное чудо цивилизации, заменившее сторожа, телохранителя, средство развлечений маму с папой и даже полицейского? Поэтому, как остроумно замечает А. Баркан, если раньше мы говорили собака – это друг человека, то сегодня, скорее всего, это мобильный телефон, который всегда рядом с тобой. А вернее, он даже не друг, а слуга, выполняющий все твои прихоти, ведь возможности его уникальны, фантастичны и сказочнее день ото дня (А. Баркан, 2010. – С. 59).

Для «мобильниковых» детей мобильный телефон становится средством развлечения, самоутверждения и демонстрации своего благосостояния. Нашествие мобильников существенно перестроило сферу коммуникаций в детско-молодежной среде.

По мнению известного антрополога Робби Блинкоффа, подростки, имеющие мобильные телефоны, настолько погрузились в их функции, что уже не понимают разницу в общении лицом к лицу и разговорами по телефону.

Говоря о детях-мобильникоманах, следует отметить, что они дифференцируются на «киборгов» и «протезированных.

«Киборги» – это те, которые настолько «срослись» с телефоном, что считают его своей частью тела, как ребенок в первые месяцы жизни предполагает, что мама – это продолжение его.

Само слово «протезированные» говорит о сути проблемы. Телефонозависимость «протезированных» проявляется в испытываемом этими людьми дискомфорте, если вдруг по какой-то причине у них нет в этот день телефона. Например, забыв свой телефон дома, дети становятся беспокойными, нервозными, у них скачет давление, как у гипертоников.

Критериями для отнесения детей к первой или второй группе мобильниковой зависимости могут служить данные британского опроса (по А. Баркан, 2010. – С. 72):

- 90% англичан в возрасте от 18 до 25 лет бывают везде только с мобильными телефонами;
- 40% считают, что уже просто не смогут жить без этих телефонов;
- 35% уверены, что сотовый телефон спасает их от собственных проблем;
- 32% не в силах ограничить время «общения» со своим мобильным другом»;
- 8% не расстаются с телефоном даже во сне.

Эти проявления молодежной мобильникомании подтверждаются и экспериментом, проведенном на студентах Университета Нью-Джерси, которым предложили отключить свои сотовые телефоны всего на три дня. Из 220 человек только трое студентов кое-как справились с заданием, а для 217 студентов такой срок оказался невыполнимым.

Отмечая позитивные особенности мобильной связи (повышение безопасности детей, неограниченные коммуникативные возможности в сфере общения, включая и детско-родительские коммуникации с помощью sms-сообщений, повышение сообразительности на фоне получасового сотового общения мозга и нагревания кожи и др.), необходимо учитывать ряд негативных последствий, обусловленных мобильниковой зависимостью. К ним относятся:

- негативное влияние электромагнитного излучения во время работы мобильного телефона на центральную нервную систему, эндокринную, половую и иммунную системы;
- ухудшение памяти и внимания;
- немотивированные головные боли;
- спазм кровеносных сосудов (после 35 мин. разговора по мобильному телефону) и повышение на 10 мм рт. ст. артериального давления;
- повышение аутизма;
- повышение тревожности. Как указывает А. Баркан, чем дороже мобильный телефон у ребенка, тем тревожнее становится он, боясь его потерять. В каждом сомнительном незнакомце он может видеть грабителя. К сожалению, из-за мобильного телефона детей действительно могут избить, искалечить, ограбить, так что их повышенный уровень тревожности имеет под собой реальную почву (А. Баркан, 2010. – С. 72).
- психологическая зависимость от мобильного телефона (по Диане Джеймс) сильнее, чем от сигарет;
- рост инфантилизации ребенка за счет перекладывания ответственности на других в процессе мобильного общения;
- неадекватное влияние на самооценку ребенка в зависимости от возможностей мобильного телефона.

9.4. Sms–аддиктивные дети

Ребенка-эсэмэсмана очень легко отличить от других детей. Он независимо от своего местонахождения, будь это учебное заведение, стадион или маршрутка, строчит без передышки sms-сообщения. Дети эсэмэсманы удивляют и другим. Например, сидя рядом, подруги или друзья все

время вместо слов обменивались эсэмэсками или «говорили руками», наподобие глухонемых, но без всплеска эмоций и обмена взглядами. Зачем слова, когда они не уместны после обмена эсэмэсками.

Подобные наблюдения за эсэмэсманами находят подтверждение на примере двенадцатилетней девочки с признаками эсэмэсмании, жалующейся, по А. Баркану, на то, что при встрече с подружкой, которой она посылает по десять писем в день, им не о чем говорить. Вся их дружба теперь – это лишь переписка: «да» и «нет», «хочешь» или же «не хочу», т.е. sms-сообщения заменили им совместные выходы в театр, гости, знакомым и т.д. Поведенческий синдром эсэмэсмана проявляется в том, что ребенок не расстается с телефоном ни днем, ни ночью, всегда и везде постоянные взоры ребенка на экран телефона, то и дело набор сообщений, даже во время общесемейных бесед. Телефон стал ребенку важнее родителей и друзей, все его интересы только в нем и о нем. Такой ребенок теперь постоянно рассеян, хуже учится и плохо спит. Утром, встав, первым делом строчит сообщения, раздражен, когда не отвечают. Он меняет давно установленный режим дня, позабыл свои увлечения и привязанности, кроме этих своих сообщений...

Если нечто подобное происходит с Вашим ребенком, то, как отмечает А. Баркан, задумайтесь о глубинных причинах его поведения. Почему эсэмэсмания стала его образом жизни и средой обитания? Почему он бежит от реальности? Почему увлечение стало теперь для него смыслом жизни? Почему ему в жизни важна лишь искусственная коммуникация?

На сегодняшний день sms-зависимость, так же как и интернет-зависимость, игроманию, относят к виртуальным зависимостям, виртуальным, но отражающимся на реальной жизни людей (А. Баркан, 2010. – С. 79).

После двадцатилетия первому рождественскому sms-сообщению «Merry Christmas -92», отправленному с помощью телефона инженером телекоммуникационной компании Нейл Папуорт в 1992 году, появились миллионы людей, страдающих sms-зависимостью.

Многие из них, забывая о сне и еде, чтобы общаться с такими же sms-манами, узнают о ней только тогда, когда нечем платить уже за телефон. Новые технологии и стремительный прогресс sms-индустрии, предлагающие немыслимые услуги, вплоть до общения с Богом и вложения просьб и желаний через sms-сообщения в израильскую Стену Плача, способствовал появлению не только эсэмэсманов, но «sms-маньяков», посылающих в день более 200 sms-сообщений, и «sms-лунатиков», посылающих свои sms-сообщения даже во сне. Диагноз «sms-зависимость» в последнее время выставляется даже напоказ. Так, индиец Дипак Ширма, пытаясь попасть в Книгу рекордов Гиннесса,

послал только за один месяц около 200 тысяч sms, наметив себе новый рекорд – 300 тысяч, несмотря на гигантский счет оплаты за услуги, превышающий по количеству страниц саму Книгу рекордов Гиннесса.

Говоря о sms-зависимости, важно сказать не только о достоинствах sms-коммуникаций как оперативного и эффективного средства сообщения в виде sms-сообщений при доступной цене, но и существенных негативных воздействиях на личность sms-пользователя, особенно ребенка. Прежде всего, sms-мания отражается на деградации умственных способностей ребенка.

По мнению ряда наркологов, пытающихся лечить эту зависимость в запущенных случаях, подобная деградация напоминает изменение психики при употреблении марихуаны. Во всяком случае, если даже и не деградация, то работоспособность ребенка резко падает и по-своему деградируется живое общение, онемевшая речь стала связывать теперь почти всех детей, для которых родители приобрели телефоны. Данный феномен подтвердил и японский профессор Нобио Масатака, обнаруживший, что короткие сообщения по sms, заменившие многим беседы и нормальную речь, начали вызывать у подростков инстинкты примата, увеличив у них агрессивность.

Среди симптомов эсэмэсмании следует отметить довольно простые проявления: ребенок стал хуже учиться, у него изменилось внимание, отвечает всегда невпопад, жалуется учитель, хотя тихо сидит на уроке, не шалит, не мешает другим.

Для детей эсэмэсманов, набирающих за день до 100 sms-сообщений, есть определенный риск возникновения писчей болезни. «Писчий спазм –это бич пианистов. А теперь он грозит также и эсэмэсманам. Таким детям нередко ставят и такой диагноз, как, например, тендинит, а иначе воспаление сухожилий, когда большой палец вообще перестал двигаться, а все началось с боли в этом пальце на правой руке.

Как отмечает А. Баркан, для физиологов не секрет, что большой палец, которым чаще всего ребенок набирает свои сообщения, вовсе не предназначен для стереотипно повторяющихся движений при наборе слов. Его функция – это хватание и сжимание. В связи с этим испытывая сильное напряжение при несвойственной для него «писательской» деятельности по-своему «протестует» – покраснением, повышенным спазмом, снижением подвижности, болью.

В настоящее время доказано, что нагрузки на пальцы кистей, например, у пианистов могут сопровождаться действительно патологией (А. Баркан, 2010. – С. 77).

Таким образом, по данным английской газеты «Дейли Телеграф», эсэмэсмания действительно опасна для здоровья детей и обмениваться sms-сообщениями детям желательно не более 5–10 минут в день.

9.5. Плеероаддиктивные дети

Плеерные дети. Что это за тип современных детей? От других детей они отличаются своими аксессуарами (скрытый плеер и наушники) и поведением – отрешенность от окружающих, поверхностный взгляд, погруженность в звучащую музыку, отражающаяся на их мимике и пантомимике (покачивание туловища, головы и притопывание ног в такт музыки).

Таких детей можно встретить повсюду – и просто на улице, и в общественном транспорте, и даже в театре. Они как кошки, гуляющие сами по себе. Ни с кем не разговаривают, никого ни о чем не расспрашивают, стереотипно совершая свой каждодневный маршрут. На лицах их мелькают эмоции, направленные вглубь себя.

По мнению А. Баркан, дети с плеерами, своего рода «плеерные аутисты», живут в своем собственном мире музыки со всевозможными ее стилями, где рок и кантри ходят в обнимку друг с другом, а танцевальные мелодии с немыслимыми ритмами вызывают непроизвольные покачивания, не замечаемые даже самим ребенком, пританцовывающе идущим Вам навстречу. На их лицах странная усмешка сменяется грустью. Чем же вызвана такая динамика чувств? Да, наверное, просто сменилась мелодия, а с нею и ритм эмоций. Таинственные незнакомцы невольно привлекают наше внимание своим отсутствующим присутствием среди нас, своим безразличием к нам. Своей вынужденной общностью с нами. Они, казалось бы, не выясняют ни с кем отношений, они не играют в азартные игры, они не нарушители порядка – удобно-аморфные в обществе во время своих отрешенных прослушиваний. (А. Баркан, 2010. – С. 50).

Поведение плееродетей заставляет задуматься родителей и найти ему объяснение со стороны научного сообщества. Действительно, что же вынуждает детей и подростков отречься от нашего мира, хотя бы на время своих переходов откуда куда-то, своих переездов, своих нескольких свободных минут. Не лучше ли им пообщаться друг с другом, не лучше ли им рассмотреть этот мир без этой туманности в их странных взглядах? Зачем убегать от него им сегодня, пускай даже в ритмы их юных сердец.

Что это, вопрошает А. Баркан, умиротворение музыкой или же подобная страсти любовь? Может, это побег от надоевшей, скучной и серой действительности? Может, это издержки возраста и моды? Может быть, музыка – это путь к самовыражению? Может быть, плеероребенок нашел свой жизненный стиль, уводящий его от обычной жизни и без наушников? Вместе взятые эти поведенческие проявления служат отправной точкой конфликтов этих детей с родителями, педагогами, сверстниками, не разделяющих их стили и жизненные заповеди. Хотя вначале замкнутость ребенка даже устраивает взрослых. Сидит ребенок дома, испытывая кайф

от музыки, а не от наркотиков, не дружит с хулиганами. Что тут плохого? Однако затем родители начинают беспокоиться, а вдруг их спокойное и удобное чадо проведет всю жизнь в скрытых, неведомых наушниковых мирах? Родителей, как отмечает А. Баркан, начинает возмущать потрясающая рассеянность и беззаботность ребенка – он не слышит звонка телефона и входной двери, хотя в эти моменты находится дома. Он включает обычно для себя телевизор на полную громкость, так, как будто вокруг все глухие. И почти кричит, говоря с Вами (А. Баркан, 2010. – С. 51).

С этого момента родителям необходимо серьезно задуматься не только о развивающейся аутичности, но и снижении слуха, характерного для всех плеерников, доходящей иногда до полной потери слуха. Общеизвестно, что громкая музыка, превышающая 80 децибел, оказывает деформирующее влияние на внутреннее ухо и слуховой нерв. Громкость же современных MP3-плееров превышает 120 децибел, подобно шуму взлетающего самолета и способна у подростков, не разлучающихся с плеером, к 23–25 годам вызвать, помимо хронической усталости, бессонницы, необратимые нарушения слуха.

Британские ученые, занимающиеся плеерозависимостью, предлагают придерживаться правила «60 х 60», означающего 60%-ную громкость от максимально допустимой, равной 80 децибелам, при длительности прослушивания не более 60 минут.

Помимо этого родителям важно знать, какую музыку предпочитают их плееродети. Гармонизацию эмоций вызывает классическая музыка. Так, «эффект Моцарта» усиливает мозговую активность и улучшает даже показатели интеллекта, а «рэп» или же «поп-панком», «техно», «крастом», «металл», напротив, не так безобидны для «фарфоровой» психики наших подростков.

9.6. Дети кибергеймеры

Геймерами сначала называли людей, играющих в ролевые и военные игры. В настоящее время к геймерам относят лиц, играющих в видеоигры или проводящих за ними много времени.

Геймеры относятся к числу лиц, зависимых от компьютерных игр, т.е. кибераддиктам.

Ребенок-геймер часами сидит за компьютером, не ощущая времени и не в силах оторваться от монитора, стреляя, управляя или создавая для себя собственную виртуальную Вселенную.

Компьютерные игры для геймера – это возможность сконструировать свой мир, желаемый ему в данный момент и созвучный мыслям или на-

строению. Геймер в своей виртуальной реальности – и герой, и творец, ему просто нет равных. Поэтому геймеру, как замечает А. Баркан, трудно отрываться от этой насыщенной жизни, где сегодня он всадник на ретивом коне, а не «всадник без головы». Ему незачем подставлять свою голову под град нравоучений или же нареканий недовольных родителей и педагогов, когда можно стать принцем, потом королем, несмотря на то что сейчас дома он неудачник. А в каком мире это все произойдет, не имеет значения, если он «есть», даже пусть только лишь для тебя (А. Баркан, 2010. – С. 128).

В виртуальной реальности для геймера все задачи решаемы в одночасье, без помощи, если будет ошибка – исправишь ее без каких-то тяжелых последствий, унижений и злых комментариев. Ты хозяин здесь сам себе, как и слуга. Сам приказы даешь, и сам их выполняешь, и ответственен сам за себя. Хочешь – делаешь, не хочешь – нет. Характеризуя «погруженное» состояние геймера, А. Баркан указывает, зачем же телу возвращаться в этот несовершенный и озлобленный мир, где сплошные ухабы и нет друзей, где ты чувствуешь себя все время никчемным или лишним... В мир, в котором тобой недовольны вечно мама и папа, где свою нелюбовь не скрывает учитель. Нет, конечно же, лучше остаться еще в своем собственном мире. Зачем торопиться возвращаться в другой? Ну, хотя б на часок, ну хотя б на минутку... Пускай поздно уже, пускай будут ругать (А. Баркан, 2010. – С. 128).

Безусловно, у каждого геймера свой набор самых важных компьютерных игр. А они, как известно, бывают не только жестокими, но и совершенно безвредными на первый взгляд; зато очень полезными, например образовательными или развивающими. Так, например, мальчиков-геймеров больше всего притягивают к себе игры-стратегии, в которых можно превратиться в великого полководца, не хуже Наполеона, и ощутить триумф победителя. А девочкам больше нравятся игры-квесты, так называемые логические игры. Но самые привлекательные для большинства детей и подростков – это RPC – игры, благодаря которым возможно осуществить все мыслимые и немыслимые желания. Однако, по мнению А. Баркан, самое страшное, конечно, когда Ваш ребенок зацикливается на играх с насилием, покушаясь на жизнь людей. И пусть это все происходит пока еще только лишь в виртуальной реальности. Но если вдруг эту игру геймеры потом попытаются скопировать для жизни, причем без здравых рассуждений, по инерции, то можно и переусердствовать в актуализации, накопленной виртуальной жестокости и проявляемой по игровым компьютерным шаблонам. Из этого нетрудно сделать вывод о том, что жестокие игры – это своеобразный провоцирующий фактор «дремлющей» агрессивности ребенка. Подтверждением сказанного могут служить данные о прямой

связи между виртуальным и реальным насилием, а также о стимуляции компьютерных игр с элементами насилия на агрессивность поведения человека в конфликтных ситуациях. А переполненный ежедневной игровой агрессией геймер-ребенок за конфликтную ситуацию может принять что угодно, используя для разрешения ее единственно знакомый ему выход – физическую силу со всеми вытекающими из этого последствиями. Киберигры программируют мышление и поведение на физическую агрессию, на уничтожение врага, подобно супергерою, поощряя юного геймера различными психологическими бонусами.

Отмечая пагубность последствий киберигр на личностные особенности геймера, необходимо отметить, что киберигровая зависимость геймера неравнозначна наркотической зависимости, т.к. в первом случае задействованы другие участки мозга.

Вместе с тем длительное «зависание» геймера над экраном монитора способствует перевозбуждению нервной системы, они плохо спят, доигрывая «недоигранное», потому что им суток уже не хватает на свое увлечение, тормозится деятельность интеллекта. Некоторые авторы, как, например, Тохоку, объясняет агрессивность геймеров недоразвитостью лобных долей мозга, отвечающих за программирование поведения и контроль эмоций.

И если это действительно так, то поведение современных геймеров, как иронически замечает А. Баркан, в скором времени будет напоминать поведение злобных и вспыльчивых неандертальцев, у которых, как предполагают ученые, были тоже недоразвиты лобные доли (А. Баркан, 2010. – С. 130).

Несмотря на доводы сторонников киберигр и их производителей о безвредности виртуально-сказочной жестокости, агрессивности, насилия, они вместе с тем не отрицают и того, «что только 10-15% геймеров совершают жестокие антисоциальные поступки, а для основной массы детей – это просто обычное времяпровождение без вытекающих из него каких-то отягощенных последствий» (А. Баркан, 2010. – С. 125).

В заключение отметим, что мальчики в два раза больше тратят времени на киберигры в отличие от девочек.

Причем мальчиков больше всего привлекают азартные игры, связанные с борьбой или соревнованиями, и меньше всего логические игры, а у девочек более популярны как раз именно логические игры и менее – «бойцовские». Так что компьютерная зависимость развивается чаще у мальчиков. Родителям же важно помнить, что, поощряя киберигры своих детей и особенно жестокие компьютерные, ценой или расплатой за эти игры может явиться не только здоровье ребенка-геймера (соматические нарушения в виде искривления позвоночника, осанки, ожирения от машинального поглощения чипсов и пицц во время игр,

повышения общей утомляемости, снижения остроты зрения и др.), но и сужения познавательных интересов и «заклинивание» ребенка на играх с насилием, покушением на жизнь людей.

Крайним проявлением поведения детей-геймеров может служить пример, приведенный А. Баркан (2010). Наблюдаемый ею мальчик-геймер представлял собой «своеобразный сель агрессии и ненависти к людям, заботящимся о нем и окружающим его. Все «ракеты», «ружья», «танки» в его детской, оказалось, были предназначены не просто для каких-то игр, а конкретно для уничтожения кого-то. Прежде всего, братика трех лет, потому что он заходит в его комнату и ломает без конца игрушки, хотя у него имеются свои. Маму тоже надо «наказать» за то, что она ему все это позволяет и к тому же защищает всегда брата. Да и папа на их стороне. Он бы даже напугал учительницу. Вечно недовольна его знаниями. Ну а если знания не лезут в его голову, так чем он виноват? Еще можно, хотя б понарошку, расстрелять его соседа Кольку. Колька ходит по его пятам. В детский сад ходили вместе, теперь в школу. Просто надоел уже – и все» (А. Баркан, 2010. – С. 120).

Эта латентная смесь виртуальных замыслов с живой реальностью может актуализироваться, по предположению А.Г. Асмолова, в виде «синдрома Вельда», ассоциированного на основе одного из рассказов американского фантаста Рея Брэдбери. Краткая суть этого синдрома такова. Герои Р. Брэдбери жили в компьютеризированном доме с игровой комнатой для детей, где господствовала виртуальная реальность. Благодаря этой реальности создавался эффект присутствия ребенка в прайде африканских львов, вышедших на охоту. Дети постоянно играли в «Вельд», и родителей почему-то вдруг стали беспокоить все время слышимые ими из детской тревожные крики и голоса, чем-то знакомые им. А когда, наконец, нервы взрослых не выдержали и они запретили играть детям в «Вельд», то родные, любимые дети заманили их тут же к себе, в игровую... В игровую, где вдруг виртуальные львы превратились в реальных и, сойдя с экранов, бросились на родителей. Лишь теперь только стало понятно родителям, чьи же крики их так волновали. Но уже было поздно. Это были их крики сегодня. Ну а раньше, как отмечает А. Баркан, была лишь просто тренировка в виртуальной реальности такой расправы с мамой и папой. Тренировка, чтоб все потом «правильно» сделать, осуществив это все наяву (А. Баркан, 2010. – С. 124).

В связи с этим вполне справедливы предупреждения автора о том, что родители не должны допустить, чтобы ребенок «возвысился» до этого «почетного» ранга геймеров. Возможно, реальные массовые расстрелы сверстников, родителей и педагогов норвежскими и американскими «супергероями» в 2011–2012 годах имеют геймеровское воплощение.

ГЛАВА 10. ТИПОЛОГИИ ДЕТСКОЙ КУМИРОАДДИКТИВНОСТИ

В данной главе на примере детских идеалов представлены типы детских кумиров либо в образах юного волшебника Гарри Поттера, либо призрачных счастливиц подиума или гламурных жертв «люксовых брендов». Ниже приведены некоторые типы кумироаддиктов.

Феномен кумиромании довольно распространенное явление в детско-молодежной среде. Психологическую основу данного феномена составляют два понятия: «кумир» и «мания». Первое понятие ассоциируется с идеалом, на которого хочет походить человек. Что же касается приставки «мании», то она в психиатрии характеризуется как радостное настроение с усиленным влечением и неутомимой деятельностью, ускорением мышления и речи, чувством оптимизма и выносливости, силы, когда видится все в розовом цвете (Гарольд Дж. Каплан, Бенджамин Дж. Садок). Кумиромания не болезнь-однодневка, у нее часто хроническое течение. Любой ребенок ищет свой идеал или хочет сотворить себе кумиров. Создавая различные иллюзии, ему хочется быть с теми, кто интереснее, заметнее или ярче других людей. Подростки, обладая самосознанием, имеют представления о мужественности, уверенности, обаянии и других качествах знаменитых людей. В связи с этим не случайно возник и такой синдром, как синдром поклонения знаменитостям. В детской подростковой среде к числу знаменитых кумиров относятся различные не только известные представители искусства, спорта, СМИ, науки, бизнесмены, но и кумиром для них может стать даже киллер, любой криминальный авторитет, вплоть до мафиози. Помимо этого, кумирами могут быть не только живые люди, но и очеловеченные предметы, игрушки. Например, сегодня всем известен «синдром Барби». Суть этого синдрома имеет американское происхождение и связано с женщиной по имени Синди Джексон, сделавшей 22 операции по уподоблению себя кукле Барби, обожаемой ее женихом. Однако, оказавшись в роли мужа живой Барби, он, испугавшись, ушел от нее. Что же заставляет детей искать себе кумиров, выступая в роли слепых котят?

Прежде всего, это дефицит родительской любви, восхищения, личностной значимости и как следствие этого – одиночество и утрата

родительского идеала. Общеизвестно, что до шестилетнего возраста идеал родителей для ребенка непререкаем.

Родители – это главные защитники ребенка и его опора. Их образ всегда зримо или же незримо ему помогает. И только после шести лет он сам уже способен разрушить свою иллюзию, созрев для понимания того, что всемогущество родителей имеет какие-то пределы, и иногда довольно ограниченные. С 6-летнего возраста, как отмечает А. Баркан, «ребенок интуитивно начинает поиск такого человека, как эталон для подражания, особенно когда Вы постоянно подчеркиваете все его недостатки – он плохо учится, неаккуратен, рассеян, недотепа... Ну, словом, не тот, о котором Вы мечтали. Вот у соседей… Сравнения не в пользу Вашего ребенка, ведь у соседей дети те, как надо…». Видимо, поэтому «синдром поклонения кумиру» – это крик одиночества влюбленного в него подростка, который сам, по его мнению, никому не нужен. А раз он сам никому не нужен, то ему также не нужен никто, кроме выбранного им фантома любви. И, поклоняясь фантому, ребенок перестает общаться даже со сверстниками. У него нет друзей, а тем более приятелей противоположного пола (А. Баркан. 2010. – С. 213). Родительские вопросы «почему на ком-то сошелся клином белый свет» могут быть объяснены эмоциональной нестабильностью, повышенной внушаемостью, склонностью к психическому заражению, свойственному всем детям. Поэтому дети и склонны к этому явлению, и особенно если кумирам их нравится обожание таких поклонников, в которых, в свою очередь, особенно люди искусства, очень заинтересованы.

Следует отметить, что кумиромания имеет несколько стадий. К первой стадии относится повышенный интерес к кумиру.

Во время этой стадии, по мнению психологов и врачей, «ребенок настолько интересуется жизнью своего кумира, что буквально зависит от всех сведений о нем, интересуясь малейшими деталями – от предпочтения в одежде до предпочтений в еде. А если эти сведения не дополняются, нет информации, ребенок может даже впасть в депрессию».

На второй стадии кумиромании, или «синдрома поклонения знаменитостям», у подростка появляется вдруг уверенность, что у него, в отличие от других, есть какая-то особенная, своя, чуть ли не родственная связь с кумиром, и это уже – симптомы второй стадии «синдрома поклонения знаменитостям».

На третьей стадии навязчивые мысли способны доводить фанатов даже до пластических операций, чтобы перенять весь блеск своего кумира и тем самым, отказываясь от собственной жизни, а вернее, ответственности за нее, компенсировать все свое несовершенство за счет

качеств кумира, которые ему очень хотелось бы иметь и которых ему не хватает (А. Баркан, 2010. – С. 220).

И чем больше «достоинств» у кумира, тем больше низвергает сам себя ребенок с пьедестала, подчеркивая этим лишь свое несовершенство, свою никчемность и свою несостоятельность, безжалостно снижая планку уровня самооценки чуть ли не до нуля.

Самогипноз ребенка в идеальности и непогрешимости кумира возбуждает в нем чувство безграничной сопричастности и превращает тем самым ребенка в фаната выдуманного им идеала, создавая иллюзию счастья: наконец появился «спаситель» – избавитель от прежних проблем.

И спасителю пишутся письма «в никуда», но с надеждой, что он их получит и узнает из них про поклонника. Иногда ребенок, не исключая и девочек, готов не только бритоголовым появиться на зависть всем в школе, но и по пятам следовать за кумиром на край света, в любую глубинку... лишь бы видеть его и быть рядом. И особенно если кумир – знаменитость. Ну, хотя бы известный певец. А известным певцам надо только лишь спеть свою новую песню, в которой говорится о важных проблемах детей и клокочущих чувствах подростка (А. Баркан, 2010. – С. 225).

Помимо этого, кумиромания предполагает и обладание фетишами, нередко распространяемыми самими кумирами. Говоря о фетишах как источниках сексуальной стимуляции (различные предметы и даже автографы), следует иметь в виду двойственность их влияния на ребенка. С одной стороны, испытание эйфории от получения фетиша, а с другой – сексуальная стимуляция в виде платонической любви и сексуального влечения или секс-прессинга, проявляемого в запредельном бесконтрольном перевозбуждении. Забыв о высоком платоническом чувстве, мальчики снижают свое сексуальное напряжение физическими средствами или мастурбацией, а девочки расплачиваются за свои «высокие чувства» депрессией, аутоагрессией или «предсуицидальным синдромом» (А. Баркан, 2010. – С. 225).

Наряду с негативными тенденциями «синдрома поклонения знаменитостям», необходимо отметить и ряд его позитивных моментов. Прежде всего, кумиромания помогает обрести подросткам свое место в обществе сверстников. Кумироманы создают клубы поклонников знаменитостей, обучаясь навыкам социального общения. Поклонение таланту и человечности кумира способствует собственному восхождению к творческим вершинам, а восхищение жизнью в чем-то себе подобных, как указывает А. Баркан, дает солнечную энергию развития своего собственного таланта или же пробуждает дремлющие возможности. И кумир, даже о том и не подозревая, становится лучшим наставником и Учителем для своею незримого ученика.

10.1. Девиантные проявления детского гаррипоттеризма

Эпидемия детского гаррипоттеризма захватила весь мир благодаря книгам английской писательницы Дж. Роулинг о Гарри Поттере – мальчике в очках, обладающем волшебной силой и властью в победе добра над злом. Книга, изданная на 63 языках и 300-миллионным тиражом, стала детским бестселлером. Резонанс гаррипоттеризма во всем мире грандиозен. В школах есть клубы фанатов мальчика-очкарика, где можно все узнать о нем. В некоторых из гимназий стали проводить факультативы и уроки, посвященные столь популярному волшебнику. В некоторых школах маленьких волшебников обучают не бояться своих страхов. А в университете города Аделаида в Австралии решили ввести даже курс чародейства и шаманства для студентов. Некоторые артисты Голливуда и миллионеры планеты, как, например, Николь Кидман и Билл Гейтс, мечтают сыграть даже эпизодическую роль в фильме про юного волшебника. На Гарри Поттера есть даже запрос у американских космонавтов. Так, астронавт Билл Макартур заказал фильм «Гарри Поттер и кубок огня» на борт международной космической станции. Почитатели Гарри Поттера, запоем читающие о нем книги, приобрели даже свой «синдром Хогвартс». Английский врач Бинет определяет его как синтез переутомления глаз и приступов головной боли.

В этой связи невольно возникает вопрос не только о детском, но даже и взрослом магнетизме к гаррипоттеризму. Анализ психологических работ, посвященных данному феномену, позволяет выделить в нем такие качества, как специфичность образа, обладание волшебством, колдовством, магией, всемогуществом. Симбиоз этих качеств, обеспечивая «власть и силу» над сверстниками, родителями и педагогами, попадание в элитарный круг, становится неумолимо притягательным для большинства подростков, мечтающих стать Гарри Поттером.

В представлениях современных детей он такой же, как и все ребята вокруг. Мальчик-очкарик сам прошел свой собственный и тяжкий путь – от заморыша до гениального мага. Следуя этому, ребенок, как и взрослый (только взрослый не говорит об этом вслух), мечтает о чуде в своей судьбе. Для этого он пытается стать фанатом вымышленного героя, человека, которого не существует, человека, которого вовсе нет, да и никогда раньше не было. Чем же объясняется «поттероподобный» уход от реальности современных детей? По мнению А. Баркан (2010), такой уход в загадочный мир, в котором ребенок может стать вершителем судеб, выделяться среди других, обусловлен переработкой огромного

потенциала отрицательных эмоций, связанных с низкой самооценкой, неуспешностью, неудовлетворенностью собой и др.

Последователи обаятельного очкарика, упивающиеся волшебством побед Добра над Злом, не задумываются об оккультности или вымышленности методов практической магии Гарри Поттера и сопоставимости их применения с жизнеопасным насилием. Подтверждением сказанного может служить нашумевшее в России отравление 20 новосибирских школьников медным купоросом, когда 20 совершенно психически здоровых четвероклассников добровольно выпили волшебный напиток, сделанный по гаррипоттеровскому рецепту восьмиклассниками этой школы, не протестуя, перепутав реальную жизнь с нереальной.

А что восьмиклассники? Прекрасно зная, что медный купорос – это яд, какое «добро» творили они, глумясь не просто над детьми младше себя, а подвергая серьезной опасности их жизни? Ведь подобное могло произойти и где-то в далекой глубинке, где школьникам не смогли бы оказать медицинскую помощь (А. Баркан, 2010. – С. 196).

Аналитики «гаррипоттеровской» рецептуры практической магии отмечают, что она является либо плодом психотехнического эффекта или трюка, либо применяемые для колдовства растения в этой книге ядовиты и жизненно опасны. Так что история с медным купоросом это еще не самое страшное, когда суть фанатизма – безумное подражание. Заслуживает внимания и экспертиза Лингвистической ассоциации Малайзии, свидетельствующая о том, что корень «пот» в фамилии Поттер на сленге наркодиллеров означает не что иное, как марихуану. Кроме того, и поведение юного волшебника, когда он летает и растворяется в воздухе, – это обычное состояние наркомана, его ощущение, которое он проецирует на окружающий мир.

И поэтому, как справедливо замечает А. Баркан, когда ребенок подражает Гарри Поттеру в его высоких начинаниях – это положительный момент, но когда готов он на обряды черной магии – совсем другое, потому что подсознание его распахнуто для чуждого влияния. Такие обряды и сцены в «Гарри Поттере» постоянно следуют одна за другой, вплоть до человеческих жертвоприношений. Да и сама атмосфера книг все чаще и чаще становится нагнетающей. Причем зло – привлекательно! И любой ученик школы магов по своему усмотрению, если вдруг предпочтет всему силу и власть, может стать злым волшебником, гораздо опаснее восьмой феи из знаменитой сказки Шарля Перро «Спящая красавица», предсказавшей новорожденной принцессе ужасное будущее (А. Баркан, 2010.)

Отдавая предпочтение власти и силе, подростки пытаются стать Гарри Поттером, не задумываясь – хорошо это или плохо, т.к. главный лейтмотив – любой когда-то может стать Гарри. И, гоняясь за этой

мечтой, ребенок подражает ему, и не только лишь внешностью, но и выпитыми напитками. Несмотря на это, знаменитая эпопея юного волшебника завершена в последнем томе «Гарри Поттер и роковые мощи», его волшебный резонанс в детских думах далеко не погас, а если и погаснет, то появится нечто подобное и более современное.

В заключительной части, характеризующей этот детско-зависимый тип поведения, необходимо выделить несколько причин, обусловливающих его проявления, или, как иронически замечает А. Баркан, «снять хотя б угол в квартире мира Поттера».

В ходе анализа причин детской гаррипоттермании, устремленной в ослепительно яркую элитарную жизнь, можно в обобщенном виде отметить, что, с одной стороны, все эффекты, феномены и синдромы Гарри Поттера у современных детей – это вызов родителям и учителям, порождающим у детей чувство одиночества, ненужности, закомплексованности. Они, подобно подкидышу Гарри Поттеру, также несчастливы и ни на что не способны. Высокий потенциал отрицательных эмоций в семье и школе на фоне унылого и скучного образа жизни в обществе не волшебного компьютера и бытовой техники усиливают серость и уныние детской жизни, и тягу к «волшебным» рецептам Гарри Поттера. Помимо родительской недоласканности и «гомеопатической» поддержки в школе, феномен гаррипоттеризма может быть обусловлен различными личностными особенностями (половозрастными особенностями, темпераментом, инфантильностью, интеллектом, здоровьем), отсутствием жизненной цели, ленью и др. Говоря о гаррипоттеризме, нельзя забывать и того, что данный феномен является вторжением шоу-бизнеса в управление детским сознанием. Поэтому, если «прощание с Гарри Поттером» состоялось в 2007 году, то какое же чудо ждет таких детей в будущем.

10.2. Девиации детско-молодежной гламуромании

«Гламур», как вариант французского слова «грамматика», в переводе с английского означает «очарование, блеск, роскошь». Отзвуки средневекового гламурно-грамматического контекста можно встретить и сегодня в облике профессора of glamour (грамматики) Оксфордского университета.

Однако значение современного слова «гламур», покорившего мир, далеко от грамматики. Гламур – это просто грезы и «показная роскошь», «ослепляющее великолепие» и «полированная действительность». Гламур – это «розовый туман»... волшебство... Это своеобразная бутафория... Гламур – это позолоченное папье-маше.

И к сожалению, как замечает А.Баркан, это папье-маше благодаря роскошным глянцевым журналам становится образцом подражания для блуждающих в поисках имиджа и харизмы подростков. (А.Баркан, 2010.-С.241).

В целом тяга к гламурности, кажется, никогда не была чужда людям. Например, несмотря на отсутствие слова «гламур» в романе «Евгений Онегин», показана классическая, естественная сущность гламура, а затем люди пытались подражать аристократам, потом жизни звезд.

В середине XX века появился даже термин glamour of Hollywood, открывший целую эпоху гламура в кино и демонстрирующий атрибуты гламурной жизни: от ухоженной, красивой внешности до бриллиантов и роскоши... Это был образ жизни потрясающих голливудских кинодив. (Рита Хейуорт, Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро и др.).

Сегодня гламур – эталон высшей женственности, доступной лишь избранным и посвященным, имеющим свой этикет. В настоящее время понятие «гламур» утратило возрастные границы и стало приманкой для всех возрастов, пропагандируемых в глянцевых журналах, книгах. («Дети гламура», «Гламурная жизнь» или даже «Сенатский гламур»), тусовках. Если раньше сексом пленяли в названиях, то теперь перекрыл все «гламур».

Говоря о детской гламурности, необходимо обратить внимание на ее первичные проявления у девочек-подростков; как правило, истоки их гламуромании связаны с родительской направленностью на роскошь, недоступную другим детям.

У девочек стимулируются потребности и желания быть похожими на красавиц, которые на них смотрят все время с обложек самых модных журналов. По мнению А. Баркан, каждая девочка из благополучной семьи, начиная с трехлетнего возраста или чуть позже, вступает в своеобразный «гламурный» период, который можно назвать «принцессо-барбинским», мечтая быть самой лучшей и самой красивой. Это период бесконечного переодевания и ношения маминых туфель, познания женских секретов: от магии женской помады до магии нежных духов. Любая девчушка согласна накрасить себе лаком ногти и даже припудрить свой нос.

Девочка-подросток, погружаясь в гламурный мир, начинает ощущать себя принцессой из сказки, кружась и танцуя, пытаясь понравиться всем.

Она так изящна, красива, нарядна, что ей обязательно встретится принц. Она знает все, не умея при этом вообще ничего. Зачем ей уметь, когда сделают слуги…– ее родители, которые, подбрасывая в топку массу аксессуаров для нее, от кружев до духов, усиливают увлеченность гламурной неотразимостью.

Затянувшаяся «принцессо-барбинская» стадия – это также и путь к инфантильному кокетству, завершающемуся самолюбованием или нарциссизмом (А. Баркан, 2010.– С. 239).

Гламурные дети становятся жертвами «люксовых брендов». Поддавшись стереотипам брендозависимых людей, девочки-подростки, опьяненные гламуроманией и не имеющие VIP – родителей, забрасывают учебу в поисках способов гламурных ценностей, способных повысить их магнетическую привлекательность. Они попадают в плен аксессуаров, как чего-то неведомого, диктующего им, что всемогущая женственность – это деньги: дорогая косметика, дорогой макияж, дорогие вечерние платья... То, что Золушкой могут быть все. А принцессами вряд ли сегодня станут те, для которых подходят хрустальные туфельки». Опьяненные возможностью жить, подражая журналам и мечтая о Принцах, но уже не в образах пап, девушки, зараженные гламурной жизнью, как отмечает А. Баркан, ищут способы торговать внешностью. Их мечты – это подиум, деньги, успех и погоня за призрачным счастьем, счастьем в облике миллионера. Пусть он будет старик, развалюха... Главное – это щедрость, роскошная жизнь в сфере траты финансов, а вовсе не заработка. И, гоняясь за призраком и миражами, девочки попадают в притоны, секс-рабыни, в какие-то шайки... Начинают, едва лишь созрев, половую жизнь, чтоб стать взрослее (А. Баркан, 2010. – С. 242).

Девчонкам, «зараженным» гламуром, хочется походить на счастливиц, следящих за своей внешностью, умеющих танцевать, музицировать, привлечь к своей особе. Их главным девизом становится – не продешевить, выбирая на время какого-то спутника. Запах модных духов заглушает тот девственный шарм.

Украшения, роскошная одежда, косметика отвлекают девочек-подростков от осознания ими естественной прелести. Им, как замечает А.Баркан, неведомо, что гламур – это обман, гламур – это мираж, это грезы. Он быстротечен и времен, вкусив его, возникает болезнь потерять этот имеющийся глянец и блеск. Из-за этого подростки так крепко держатся за него – становится гламуроманами, дистанцирующимися и пренебрегающими своих «негламурных» сверстников.

Такое презрение к сверстникам, обладающим истинным гламуром (возвышенность чувств, наличие смысла жизни, социальная компетентность, развитое самосознание и др.), приходит позже, когда потеряешь друзей, свою неповторимость, свою естественность, превратившись в гламурный шаблон, когда поймешь, что гламур – это не просто красивая жизнь, а окошко в утопию жизни.

Что же касается мальчиков – гламуроманов, то их портреты являются синтезом особенностей элитных детей и детей – хай-тека. Их гламурный мир – это безграничная вседозволенность. Их сознанию малодоступно принятие того, что «звездная жизнь» - это, прежде всего, большой труд, который не любому бывает по плечу.

ГЛАВА 11. ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ ДЕВИАНТНО-АЛИМЕНТАРНОЙ АДДИКТИВНОСТИ

11.1. Девиации детей «малоежек» и «многоежек»

Алиментарные (пищевые) аддикции подразделяются на ситуативное переедание и голодание, перекормление, вкусовые аддикции и пищевые расстройства в виде булимии и анорексии. В данной главе приведены наиболее распространенные типы детской пищевой зависимости.

Когда речь идет о еде и здоровье ребенка, то акцент, прежде всего, делается на аппетите. Плохой аппетит, как правило, является одним из симптомов той или иной болезни. Понятие «аппетит» в переводе с латинского означает «желание», связанное с потребностью в пище или же по тем или иным причинам в отказе от нее. Безусловно, больше всего всех родителей волнует отказ. Почему ребенок плохо ест? Почему он не ест ничего? Или же беспокоят другие проблемы: Почему ест и ест без предела? Почему у него извращен аппетит? Чем объясняется избыточное желание или нежелание ребенка есть вообще?

Самое опасное для его жизни – это полное отсутствие аппетита, отказ от еды, негативная реакция на пищу. Такая своеобразная болезненная потеря аппетита называется анорексией. Причем она свойственна не только разновозрастным детям. «Помолодев», анорексия может встречаться даже у дошкольников, способных отказаться от приема еды. В основе этого отказа лежит защитная реакция в виде протеста.

По мнению специалистов, чем младше ребенок, тем реже встречается у него истинная нервная анорексия, а причинами снижения или отсутствия аппетита являются психогенные факторы, которым многие из родителей просто не придают должного значения.

Психогенные причины отказа ребенка даже от вкусной еды бывают столь разнообразны, что все нюансы их вряд ли возможно вообще перечислить – они также индивидуальны, как индивидуален сам ребенок. Так,

например, отказ от кормления ребенка, как отмечает А. Баркан, может быть связан с появлением болей в животе, всевозможными заболеваниями: от глистной инвазии и дефицита цинка до болезней различных органов и систем. Однако в тех случаях, когда никакая серьезная патология не была выявлена специалистами, ищите истоки подобного состояния только в себе и своих методах воспитания малыша (А. Баркан, 2010. – С. 330). Отказ от пищи может стать также завуалированной реакцией протеста и на появление в доме еще одного ребенка – братика или сестрички, то есть на «детонацию» первенца, а также ответом на ссоры, семейные конфликты и бесконечные «выяснения отношений» за обеденным столом и постоянными родительскими инструкциями» – кушай вилкой; пойди помой руки; пока все не поешь, никуда не пойдешь, подчеркивающими незрелость и несамостоятельность ребенка, нуждающегося в опеке. Причем на такие негативные эмоции реагируют даже груднички, особенно во время введения прикорма.

Протестные реакции, связанные с приемом пищи, довольно часто проявляются во время кризисов первого года жизни, трех лет, семилетнего возраста для утверждения значимости своего «Я» – «Я-системы» ребенка, когда ее не замечают родители. И, конечно, отказ от пищи, как замечает А. Баркан, становится кульминационным, завуалированным протестом ребенка на отсутствие тепла и света от нежности и любви. Ведь к врачам-то он ходит с родителями, причем часто за ручку, и видит, как мама взволнована. Значит, все-таки любит. И пусть продолжает любить, если только для этого не надо кушать (А. Баркан, 2010. – С. 326). Особенно остро отказ от пищи наблюдается при введении прикорма. Ребенок, не понимая необходимости смены любимого молочка на прием каш, пюре, кефира и др., реагирует на это стрессогенно и упрямо противится насильственному кормлению родителями. Но любое насилие вызывает протест. Причем и «протестовать», оказывается, могут груднички. И «протестуя», младенец не только не желает открыть ротик, но и способен все швырнуть на пол, опрокидывая от себя тарелку, демонстративно капризничая и устраивая истерику. Впоследствии такая негативная реакция может наблюдаться у ребенка даже при виде пищи.

Отсутствие искусства введения прикорма до настоящего времени сделало насильственное кормление самым популярным в родительской среде. Такое кормление, осуществляемое на фоне детского протеста, чревато одним из плохо излечимых даже сегодня заболеваний – подростковой анорексией, когда ребенок не просто отказывается от еды, а не в силах прикоснуться к чему-то в буквальном и переносном смысле, умирая от голода. Ритуалы насильственного кормления в семье травмируют психику малыша, вызывая у него негативное чувство к еде, становясь не только привычкой, но и причиной нервно-психической анорексии.

Привычке проявления отказа от приема пищи могут сопутствовать ее качество, новизна, количество, наличие аппетита и родительские способы его повышения.

Так, например, отказ от пищи может проявляться, когда ребенка заставляют есть холодную, недоброкачественную, с плохим запахом пищу, а также либо новую экзотическую, либо однообразную и нелюбимую еду. Подобная реакция у детей встречается и тогда, когда их заставляют съесть «гулливерские» порции или хрестоматийно настаивают съесть «эту ложку за маму, а эту за папу, а эту…» Все это вместе взятое является одним из возможных путей к нервно-психической анорексии подросткового возраста, которой гораздо легче «заболеть» детям, имеющим уже «опыт» отказа от пищи. К другим предпосылкам детской анорексии относится генетическая предрасположенность к отказу от приема пищи, выявленная на уровне 56% у родственников-близнецов с этим заболеванием, а именно – анорексией. Анорексии в большей степени подвержены медлительные (флегматические) дети, имеющие мам-холериков или сангвиников, постоянно торопящих своих неторопливых детей, демонстрируя им свое недовольство ими, что, по мнению малыша, тождественно нелюбви (А. Баркан, 2010. – С. 331).

Пищевое поведение детей-«многоежек» является оборотной стороной. Резким изменением нормального аппетита ребенка является его повышение. Повышенный аппетит, или же булимия (дословный перевод с греческого – «бычий голод»), в российской ментальности метафорически определяется как «волчий голод» и одобряется заботливыми родителями, пытающимися как можно обильнее накормить своих детей. При кормлении «детей-многоежек» используются те же методы насильственного кормления, что и при анорексии, но, как кажется многим родителям, довольно успешно. ребенок съедает «за маму, за папу, за бабушку, дедушку, прабабушку, всех своих прапрапра... за тетю, за дядю и даже соседей», Ребенок съедает лишнюю ложку за то, чтоб купили новую куклу, за новое «лего», за новый конструктор... За то и за это... И даже, провоцируя чувство вины у своего малыша за всплески непослушания, родители могут заставить его искупить это чувство лишней ложкой «похлебки», при этом не ощущая собственного чувства вины хотя бы за то, что подтолкнули маленького ребенка к перееданию, а иначе – к обжорству, являющемуся одним из семи смертных грехов.

Однако, как отмечает А. Баркан, когда речь идет о переедании, родители на первых порах просто сияют от счастья, считая это своей заслугой и высшей формой проявления любви. Ведь хорошо упитанный ребенок, а не «скелет» для них как эталон здоровья. А то, что завтра будет ожирение, масса связанных с ним у него проблем, сегод-

ня еще просто не волнует. И маленькие «Карлсоны», так обожающие плюшки, со щечками, похожими на эти плюшки, лишь только радуют взор сердобольных мам. А метод «доказательства любви» посредством всяких каш и лакомств набирает скорости внедрения (А. Баркан, 2010. – С. 326).

Что же заставляет ребенка быть таким сверхпослушным в пищевом поведении?

Причин детской булимии, как и анорексии, несмотря на их некоторое сходство, довольно много. Прежде всего, «дети-многоежки», послушно съедая предлагаемую пищу и требуя добавки, пытаются таким образом «заесть» гнетущее их все время чувство нелюбви. Он – нелюбим, он – «золушка» в семье, все его братья или сестры – лучше. Во всяком случае ему так показалось или об этом прямо говорят, все время сравнивая его с кем-то. Он «заедает» свой комплекс неполноценности вместе с другими, которых вовсе, может быть, и нет, которые, возможно, сам придумал, страдая от «ненужности» в семье. И это постоянное «жевание», по мнению А. Баркан, способно утешать его как соска, так что любая пища дает массу положительных эмоций, особенно когда заходит речь о шоколаде. Ведь шоколад способен дать организму малыша излишек необходимого ему серотонина – «гормона радости», которой не хватает (А. Баркан, 2010. – С. 332). Другими причинами детской булимии служит одиночество и неумение общаться со своими сверстниками, а также лень, вызванная перееданием и малоподвижностью, усиливаемой склонностью к телемании и услаждению себя кока-колой, чипсами и другими сладостями. Детская булимия нередко встречается в семьях с гедонистической направленностью. Как правило, «хорошо упитанные» родители имеют также и «хорошо упитанных» детей, которых буквально с младенчества приучают кушать по своему образу и подобию, путая излишне выраженную подкожно-жировую клетчатку с мускулами. Конечно же, в семье толстяков нетолстый ребенок вроде укора, и мама и папа стараются как-то себя «оправдать», заставляя его есть и есть. На детское ожирение влияет либеральный стиль отцов, создающий обстановку вседозволенности. У более строгих отцов, как указывают австралийские исследователи, дети имеют избыточную массу тела. В подростковом возрасте систематическое переедание переходит в нервно-психическую бумилию, или «волчий голод», устраняемый приемом высококалорийной пищи. Но, устранив голод, подросток, и это чаще всего бывают девочки, заботящиеся о своей фигуре, пытается тут же избавиться от этой высококалорийной еды, насильственно вызывая у себя рвоту. Однако после рвоты голод еще сильнее дает о себе знать. И снова приходится кушать. Словом, настоящий заколдованный круг, потому что голод может устранить только пища. Ожирение берет в плен подростка (А. Баркан, 2010. – С. 332).

Подросток с избыточным весом становится мишенью для насмешек, ярлыков и кличек (типа «жир», «мясокомбинат») не только среди сверстников, но и родителей, укоряющих теперь его в обжорстве, неуклюжести и лени. В конечном счете это отражается не только на самооценке чувства собственного достоинства и закомплексованности ребенка, но и появлении риска заболеваний сердечно-сосудистой системы, сахарного диабета и депрессии. Эти факты показывают всю вредность насильственного кормления и значимость учета детского отказа от приема еды.

11.2. Девиации детей-сладкоежек

Общеизвестно, что многие современные дети – любители сладкого. Иногда они готовы предпочесть сладкому даже интересную игрушку. А. Баркан приводит пример, когда девочка, долго копившая деньги на так нужный ей компьютер, «сорвалась» на сладком, купив целый сверток сладостей (А. Баркан, 2010. – С. 348). В другом случае трехлетний казахский мальчик с признаками болезни почек и ни разу в своей жизни не пробовавший сладкого, переполненный негативизмом к медперсоналу и насильственному приему лекарств, в один из разгрузочных от сахарного дней вдруг сам открыл рот и, показав на сахар, по-казахски спросил, «это что такое и можно еще?». После этого эпизода ребенок изменился, стал улыбаться, принимать лекарства, чтобы после получить что-нибудь сладкое (А. Баркан, 2010. – С. 348). Чем же объясняется неистребимая тяга к сладкому, преподносимая с чувством блаженства и райского наслаждения в телерекламах? Чем же объясняется эта труднопреодолимая потребность в сладком и, как следствие этого, зависимость от него?

Различные литературные данные свидетельствуют о том, что единого ответа на этот счет быть не может, а существует целый комплекс факторов, дающий относительно полное представление о «сладкомании». Перечислим некоторые из них. Так, ученым из США удалось открыть ген «сладкоежек», помогающий вкусовым рецепторам языка распознать сладкое и позволяющий понять генетическую природу любви к шоколаду, конфетам и всем другим сладостям. С этим открытием соседствует и другой научный феномен, свидетельствующий о том, что любовь к сладкому передается по наследству детям алкоголиков. Имеется мнение, что в зависимости от пристрастия к сладостям можно даже предположить потенциальных алкоголиков, так как при употреблении спиртного и сладкого выявлена «схожесть процессов в мозге, отвечающих за восприятие спирта и сахара». Однако это вовсе не

означает, что все сладкоежки – будущие или сегодняшние алкоголики, особенно если они не употребляют спиртное. Тем более что, помимо этих, имеются еще и другие причины (А. Баркан, 2010. – С. 347).

Например, на основе экспериментальных исследований ученые США из Центра химических исследований Монелл и Университета Цинциннати установили, что, с одной стороны, сахар, сладкие напитки, шоколад, десерты вызывают у сладкоежек обезболивающий эффект, то есть уменьшают чувствительность к боли, а с другой стороны, снижают выработку в организме глюкокортикоидов, так называемых гормонов стресса. Благодаря этому открытию исследователи считают, что сладости – это своеобразное и, может быть, лучшее лекарство против психоэмоционального стресса, а также физического перенапряжения. Причем максимальный анальгезирующий эффект регистрировался у любителей сладкого с лишним весом или склонных к избыточному весу и отсутствовал у детей, могущих обходиться без сладкого (А. Баркан, 2010. – С. 346).

Помимо данных о генетической обусловленности сладкомании, нельзя исключать и влияние социальных условий и семейных в частности.

Оказалось, что дети-сластены преимущественно растут в семьях, где родители сами являются опытными сластенами и сладкоежками, и особенно мамы. Значит, детям доступна их пища, если даже и не шоколад, то различные плюшки, печенье, хворост, кексы, пироги... Причем это всегда есть в их доме, и малыш может есть без каких-то табу.

И вообще, как отмечает А. Баркан, многие из детей превратились в любителей сладкого, не успев появиться на свет, когда даже в периоде новорожденности сердобольные мамы и бабушки почему-то решали подпаивать их подслащенной водичкой, считая, что так им вкуснее.

В дальнейшем они усиливают сладкие наслаждения, заменяя теперь уже сахар конфетами, шоколадом и тортом, пирожными... У ребенка уже даже «слюнки текут» от такого разнообразия, ведь помимо конфет есть еще и халва, есть щербет, есть зефир, есть варенье... Как же это ему не попробовать все и не выбрать из них, что вкуснее (А. Баркан, 2010. – С. 344). Нередко родители используют «сладкий арсенал» в целях вознаграждения, успокоения, избегания капризности и др. Эти житейские манипуляции с детьми средствами сладкого, вкусненького получили в научном мире положительное обоснование.

Так, в исследованиях швейцарских ученых было показано, что употребление горького шоколада снижает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, а немецкие ученые предложили использовать такой шоколад для профилактики рака кожи. Лондонские исследователи показали, что содержащийся в горьком шоколаде теобромин не только способен подавлять кашель, но и в три раза эффективнее кодеина.

Индийские ученые в своих работах показали, что содержащиеся в шоколаде микроэлементы, насыщая кровь антиоксидантами, препятствуют старению клеток и могут продлить жизнь человека. Английские стоматологи реабилитировали негативное влияние шоколада на зубы, предложив его кушать в промежутках между едой и не забывать чистить зубы. И, наконец, горячий шоколадный напиток, вызывая приток крови к мозгу, увеличивая содержание кислорода в его клетках, в состоянии также улучшить на какое-то время когнитивные навыки, помогает справляться с различными специфическими заданиями.

Так что не стоит сейчас обвинять сладости во всех смертных грехах и особенно черный горький шоколад, содержащий в себе более 70% какао.

Американские и финские ученые обратили внимание, что у женщин, употребляющих во время беременности шоколад, не только хорошо протекает беременность, но и дети рождаются более активными, много смеются и с удовольствием контактируют с окружающим миром.

Говоря о кариесе, ожирении и диабете, следует иметь в виду то, что их возникновение возможно при постоянном переедании сладкого и вовсе не означает, что ребенка надо лишать сладостей полностью.

Сластеномания становится вполне понятной в периодах возрастных кризисов, адаптивных психоэмоциональных стрессов, конфликтных ситуаций, образовательных модернизаций. Анальгезирующее и стрессосовладающее воздействие сахаросодержащих продуктов дает основание полагать, что у детей есть причина употреблять сладости не только в гомеопатических целях и дозах.

11.3. Девиации детей-голодоманов (анорексиманов)

Детская голодомания в своей крайней вероятности представляет собой такое психопатологическое пищевое поведение, которое включает почти весь симптомокомплекс нервной анорексии – неадекватную потерю аппетита, отказ от приема пищи, самоистязание диетами, обморочные состояния, неуемная нацеленность на дальнейшее похудение и др. Физиологическая нервная анорексия выражается в ощущении холода, потускнении кожи, почернении языка, выпадении волос, вполне прослушиваемое скелетное поскрипывание при выполнении отдельных движений. Несмотря на это, разноуровневое голодание, или нервная анорексия, претендует на одно из заметных мест среди заболеваний первого двадцатилетия XXI века. Возрастной пик голодания отмечается в подростково-молодежном диапазоне. По замечанию А. Баркан, в «сытых» странах «сытые» дети начали отво-

рачиваться от еды, не сознавая, что у них может развиться болезнь, и даже с весьма печальным исходом. Количество таких детей прогрессивно растет, распространяясь на более младшие возрастные группы. Действительно, проявления анорексимании заметно омолаживаются, сдвигаясь с пуберантного перехода на младший школьный возраст.

Характеризуя детскую голодоманию как идентичную нервной анорексии, или анорексимании, целесообразно рассмотреть такие аспекты, как мотивы, причины, личностные особенности поведения и последствия этого заболевания. Следуя этому, очень важно ответить на вопросы, что представляют собой голодоманы и что движет ими в достижении поставленных целей. На наш взгляд, голодоманы – это дети, которые, стремясь к совершенству, обычно выбирают себе эталоны для подражания, далекие от совершенства. И эти эталоны в наше время, конечно, звезды шоу-бизнеса, гламура, манекенщицы, супермодели, обладатели «синдрома фотомодели» (именуемого во врачебной практике как анорексия). Но соответствовать звездам можно только благодаря сегодняшним стандартам этих профессий, предполагающих почти бестелесность претенденток. И 14-летние девочки, мечтающие о подобной карьере, готовы ничего не пить и не есть, лишь бы приблизиться к этим антифизиологическим нормативам – осиных талий без корсета. Анализ литературы показывает, что среди «кандидатов» на это заболевание достаточно много и действительно талантливых детей. Анорексию даже называют «болезнью отличниц». Нервная анорексия, как отмечает А. Баркан, встречается чаще всего у детей с повышенным чувством долга, страдающих перфекционизмом, переживающих из-за плохих отметок. Таких детей часто мучают всевозможные страхи. Им свойственны навязчивые состояния. Как правило, отличаясь от многих других своей сверхобидчивостью и сверхчувствительностью, они выделяются некоторыми аскетическими чертами, выражающимися в различного рода пренебрежениях: от модных нарядов до подростковых тусовок. Большинство из этих детей пытаются подавить свои половые признаки (радуясь маленькому размеру груди и раздражаясь наличием менструаций).

Моря себя голодом, эти дети превращают свою жизнь в сплошную добровольную пытку. Аппетит у них в норме. Им приходится просто бороться с самим собой, лишь бы как-то суметь подавить желание кушать. И поэтому часто тема еды – главная из всех тем при общении, постоянно преследующая везде как навязчивая идея. И ребенок карманные деньги тратит на кулинарные книги, на покупку продуктов для всех. Он коллекционирует даже рецепты и участвует в приготовлении пищи, той, к которой не смеет притронуться (А. Баркан, 2010. – С. 307).

Однако, не выдерживая длительного голодания, эти дети «срываются» и начинают есть все подряд, но, едва утолив чувство голода, они,

как указывает А. Баркан, остро переживают чувство вины и продолжают экзекуции над собой вновь – вызывая тайно у себя рвоту, принимая слабительные, мочегонные или средства, снижающие аппетит, порою лучше врачей ориентируясь, какие лекарства быстрее и эффективнее помогут им сбросить вес. А если не очень надеются на лекарства, то изнуряют себя еще и чрезмерными физическими нагрузками, доводя до полного изнеможения. И в то же время именно эта еда, из-за которой они ведут себя как стоики, – главное, что не дает им покоя (А. Баркан, 2010. – С. 308).

Говоря о последствиях анорексимании, следует отметить, что беспрерывные мучительные самоистязания существенно отражаются на психике детей, выражаясь не только в виде депрессии, но и навязчивых расстройствах восприятия своего типа, проявляющихся в затруднениях реальной оценки своего веса, появлении странных оценочных стандартов лишнего веса, мерещихся насмешках, осуждений их внешнего вида со стороны окружающих и дающих повод для дальнейшего похудения. При далеко зашедших случаях заболевания могут появиться даже тяжелые дистрофические поражения мозга.

Патологический страх ожирения сопровождается и рядом других осложнений, «разрушающих» юность подростка, помимо изменений со стороны физического развития ребенка. У детей, страдающих анорексией, урежается частота пульса (брадикардия), появляются периферические отеки и остеопороз. «Синдром фотомодели» усугубляет состояние голодоманов дефицитом цинка в организме больного из-за недостаточности его поступления из внешней среды. Прогрессирование нервной анорексии сопровождается признаками депрессии.

Прогрессирование этого заболевания, по мнению ученых, часто связано с тем, что по мере взросления дети начинают бояться нарастающей ответственности и всевозможных трудностей взрослой жизни, которые им предстоит преодолеть, пытаясь забальзамировать себя в роли маленькой девочки или в роли маленького мальчика, повторив судьбу Питера Пэна (вечного ребенка) в своем стремлении соответствовать нереальному идеалу, а если даже и реальному, то лишь «временно реальному» для современных профессий манекенщиц и супермоделей.

По мнению А. Баркан, чем больше прогрессирует заболевание, тем чаще отмечаются перепады настроения от эйфории до депрессии, нарушается мышление. Социальная активность даже самых активных детей постепенно уменьшается, появляется тяга к самоизоляции, изменяются особенности личности.

Исследования, посвященные истокам и механизмам анорексимании, показывают, что ее возникновение имеет как генетическую, так и социально-психологическую основу. Оказывается, что в ДНК людей,

страдающих анорексией, в 11% случаев регистрировались одни и те же отклонения от генетической нормы.

Отказ от еды, по мнению голландских исследователей, вызывается дефицитом в организме протеина AgRP, «отвечающего» также за пигментацию кожи. В то же время ученые считают, что пусковым механизмом для начала и прогрессирования этого недуга является психологический фактор. Скорее всего, ребенок вначале дает себе установку – ограничить количество еды, а эта установка уже способна активизировать мутировавший ген, ответственный за выработку протеина AgRP.

Данная теория в какой-то мере объясняет и тот факт, что в семьях, где уже кто-то страдает анорексией, это заболевание встречается в каждом 30-м случае (А. Баркан, 2010. – С. 309).

Многие ученые считают, что СМИ – главные виновники всевозможных изменений пищевого поведения современных детей от анорексии до булимии. СМИ, пропагандируя «имидж тела» успешных невест и жен, ориентированы на их сексуализацию, признавая главным достоинством девочек только их сексуальную привлекательность и показывая эталоны такой сексапильности в виде изящных, худых, гламурных девушек и молодых женщин. И поэтому будущие золушкопринцессы готовы на всевозможные подвиги и жертвы, лишь только бы им приобщиться к так жгуче желаемому совершенному образцу суперудачливой девушки. А так как большинство современных девочек начинают сексуальную жизнь уже с 14 лет, то сексуальная привлекательность имеет для них немаловажное значение.

Учитывая распространенность детской анорексимании, в ряде стран негативно относятся к СМИ, пропагандирующих индустрию моды, считая, что взятие за образец современными подростками «худой модели с ненормальным весом заставляет молодых девочек голодать, поскольку они хотят выглядеть как эти манекенщицы». Следуя этому, Британский совет отменил фотосессию, прославляющую кожекостевой стиль современной сексапильной гламурной молодежи. А во Франции министр здравоохранения Бертран Ксавье предложил даже создать рабочую группу для изучения «имиджа тела», чтобы можно было дать четкие рекомендации для профилактики анорексии.

Обобщая сказанное, хочется обратить внимание родителей как на специфику детской голодомании, которая формируется не принудительными родительскими способами, в отличие от малоежек, а целенаправленной активностью самих детей, так и на значимость учета проявлений детской голодомании и ее предупреждения на более ранних стадиях ее развития.

ГЛАВА 12. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ С ПОЛЯРНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ СТАТУСАМИ

В данной главе приведены основные характеристики, включая социальные и материальные возможности, ценности, образ жизни, детей из элитных и традиционных семей.

12.1. Девиации Vip-детей

Vip-дети, или элитные дети, это дети, прежде всего, политической элиты и крупных чиновников: министров и мэров, крупных политиков и дипломатов, бизнесменов и звезд шоу-бизнеса – словом, тех, кто всегда и у всех на виду, за кем пристально все наблюдают, кто является вечным объектом папарацци всех рангов и разных мастей.

Для Vip-детей матери, как метко замечает А. Баркан, служат лишь приложением отцов. Впрочем, родители современных Vip-детей, когда-то жившие в «хрущевках», живя сегодня в блеске славы и неограниченных возможностей, предоставляют своим детям беспроблемную, вседозволенную жизнь, пьедесталом которой является господство прав, без обязанностей, и доступность исполнения самых фантастических желаний.

Элитные дети уже с рождения знают, что их папы «великие» люди, что таких раз, два и обчелся, что они в касте «избранных» и эта избранность позволяет им больше, чем многим другим. Они могут учиться в любой зарубежной или в такой российской школе, в которой есть все: классы, оснащенные видеокамерами, антистрессовая обстановка, создаваемая целой высококлассной группой психологов и телохранителей.

В распоряжении Vip-школьников планетарий, бассейны, конюшни, чайные домики, бронированные машины.

Девиз Vip-детей – вседозволенность и распущенность, культивируемый не только родителями, но и потакающими педагогами.

Приспособленческая позиция учителей превращает их в затейников, соглашателей и лицемеров, формируя их воспитательные функции до потворства детской вседозволенности и разнузданности. Часть этих

детей, не свыкнувшись с «двойным дном» родителей, их любовницами, радикальным гедонизмом, по мере взросления ищут выход в экстриме, утверждаясь в гламурных тусовках, непомерных претензиях и кутежах. Им ничего не стоит за ночь прокутить стоимость любой машины, заказывая, например, столик за 15 тысяч, шампанское за 5 тысяч «зеленых» и т.д.

Несмотря на гламурный «сливочный» образ жизни, высокомерие и презрение к людям, живущим не как они, уверенность, что все можно купить, «открытость всех дорог» к любому образованию и титулам, им не удается жить по собственным сценариям, из-за зависимости от громких родительских фамилий, зависимости от привилегий и жизни без телохранителей. По мнению А. Баркан, безбедная жизнь элитных детей, выполнение родителями всех их прихотей тем не менее превращает их просто в заложников или жертв амбиций родителей, их стремления к власти и накопительству, их стремления к славе и псевдопопулярности и, конечно же, их тщеславия (А. Баркан, 2010. – С. 250).

12.2. Девиации детей с синдромом «ребенка новых русских»

Большинство детей новых русских, несмотря на то что их гувернантка окончила МГУ, а няня – институт иностранных языков, относятся к разряду неблагополучных для проживающего в них ребенка, несмотря на материальную феерию. Будучи любимыми детьми заботливых родителей, они воспринимаются в роли игрушек, которых кормят утром, днем и вечером черной икрой, заставляя носить только платья из бархата, но при этом всем чаще всего воспитывая по мобильному телефону. Их мамы не изменяют «нужным» привычкам, даже во время беременности следовать за успешным мужем, меняя климатические пояса, а дети, несмотря на кастинги прислуги, с первых дней остаются со случайными кормилицами и знакомыми, меняющимися, по удачному замечанию А. Баркан, как дни и недели. Иногда дети в семьях новых русских выступают как обуза, помеха, получающая взамен родительской любви откупные дорогие подарки. Воспитанием же детей занимаются гувернантки «Мэри Поппинсы», «Фрекен Боки», являющие собой семейный престиж, но не ассоциируемые с настоящей Ариной Родионовной, «вымершей» еще в 19 веке. Современные «Мэри Поппинсы», согласившиеся на кабальную роль гувернантки, кроме своих энциклопедических знаний приносят в роскошный дом и завуалированное презрение вместе с завистью, считая, что жизнь их

по сравнению с этой «царской» семьей просто не удалась, хотя они достойны ее больше своих хозяев (А. Баркан, 2010. – С. 266). Имеющиеся и любящие своих внуков бабушки и дедушки со своим имиджем бедности исключаются из системы воспитания внуков, в силу своего «маргинального и непрестижного менталитета».

В этом случае ставка семей новых русских делается на получение образования в зарубежных странах с 9–12 летнего возраста. Детские разочарования и обиды на родителей в условиях разлуки нередко порождают новый стресс. Постоянные разлуки с родителями, следование наставлениям – не опозорить папу с мамой, быть впереди других, отсутствие близкого общения с родителями, постоянные разборки и жизнь под присмотром быстроменяющихся чужих людей порождают хронический стресс. Родителям, живущим в условиях постоянного семейного цейтнота, невдомек, что их дети постоянно испытывают дефицит родительского внимания, проживая в условиях роскоши и нищеты отношений с близкими, испытывая страх среди охранников не потерять свое лицо перед другими.

12.3. Девиации детей с синдромом «старорусского ребенка»

Данный детский тип не относится к семьям бедняков и бездельников, наркоманов или алкоголиков, о тех детях особая речь. Это семьи, где папы и мамы в постсоветское время так и не научились зарабатывать деньги себе на пропитание левыми способами и хотят жить достойно и честно на зарплату, которую платит за усердный и доблестный труд им российское государство.

Это дети, которым еще до сих пор старшее поколение бабушек-дедушек постоянно твердит – как положено жить, довольствуясь равенством, братством. И чем более возвышенное воспитание пытается дать им в домашних условиях старшее поколение, твердя о порядочности и благородстве, объясняя, что счастье не только в деньгах, тем более уязвимее становятся они, сталкиваясь с действительностью и общаясь со своими сверстниками из более обеспеченных семей с культом золотого тельца. Дети с комплексом «старорусского ребенка» чувствуют себя неудачниками и изгоями лишь потому, что не имеют гаджетов, модной одежды, престижного имиджа, выполняя домашние задания, требующие привлечения компьютерной техники, на кафедре одного из своих родителей.

Чем старше становится такой ребенок, тем менее терпимо относится к наставлениям родителей, бабушек и дедушек, внушающих ему устаревшие ценности, и тем больше он проецирует на себя их чувство ущемленности, унылости и озабоченности. В конечном счете ребенок, лишенный должной «гаджетомодной упаковки», замыкается в себе, испытывая непреодолимую зависть к удачливым сверстникам. Самоутверждение таких детей осуществляется несколькими путями. В одном случае они становятся жесткими и агрессивными, становясь участниками антисоциальных группировок, объединенных чувством равенства и справедливости. Способы их деятельности примерно одинаковы – расправа с владельцами электронных гаджетов или их насильственное изымание или уничтожение.

В другом случае дети со старорусским синдромом становятся приспособленцами, адаптами новорусских детей, выполняя роль телохранителей, получая деньги от них за различные формы поддержки, включая «покупную» дружбу. Наиболее слабые «старые русские» дети, по мнению А. Баркан, превращаются в жертв или в тени детей, исполняя роль волка в овечьей шкуре, маскируя агрессию под гримом кротости и живя двойной жизнью, совершенно различной в доме и в школе. Стремительное снижение самооценки и успешности актуализирует девиантность их поведения. В старорусских семьях, сохранивших свой авторитет и ценности, данный синдром компенсируется перфекционистской учебно-деятельностной мотивацией и акме ориентированными жизненными целями. **В целом дети с синдромом «старорусского ребенка» проживают свое детство на фоне переживания комплекса неудачника, низкой самооценки, зависти к более удачливым сверстникам, кажущейся родительской «нелюбви» к ним, зацикленности на материальном благополучии. Что с ними будет, когда они повзрослеют, и как они будут покорять карьерные ступени, осуществлять свой детский реванш? Но все это будет потом (А. Баркан, 2010. – С. 278).**

ГЛАВА 13. ТИПОЛОГИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ ОДАРЕННЫХ (УЛЬТРАСОВРЕМЕННЫХ) ДЕТЕЙ

В данной главе приведены нестандартные типы детей, обладающих врожденной эрудированностью, инновационной миссией, даром двуязычия, многозадачности и детской одаренности. Ведущие особенности указанных детских типов приведены ниже.

13.1. Специфические девиации одаренных детей

Первичный смысл понятия «одаренность» включает в русском языке смысл наследования, раннее интеллектуальное и речевое развитие, проявление навыков и способностей, т.е. творческих успехов.

1) Термин, используемый применительно к детям, чьи интеллектуальные способности значительно превышают нормальный уровень для данного возраста;

2) дети, демонстрирующие особые таланты в каких-либо сферах деятельности.

По данным американских исследований, можно отметить следующие признаки, характерные для одаренных детей: тенденция общаться с детьми постарше и со взрослыми, рано проявляющийся интерес к объяснениям и разрешению проблем, способность говорить законченными предложениями в возрасте 2–3 лет, очень хорошая память, раннее появление способностей к живописи, музыке или развитие арифметических навыков, ранний интерес к книгам и чтению (часто в возрасте 3 лет), проявление доброты, понимания и сотрудничества с другими (Alvino J., 1966).

В работах отечественных исследователей, среди общих характеристик этих детей, также отмечается, что высокоодаренный ребенок про-

являет творчество с раннего детства. По крайней мере, в форме высокой любознательности. А с двух лет развитие его интеллекта оценивается в форме стандартных диагностических методов. Поэтому еще до поступления в школу высокоодаренный ребенок вполне проявляет свои творческие возможности в речевом и интеллектуальном развитии, в исследовательской активности, в играх, конструировании, художественном творчестве. Это значит, что он приходит в школу уже достаточно развитым ребенком. Он имеет богатый словарь, умеет ставить вопросы и отвечать на вопросы учителя. Легкость учения и возможности ребенка к точному выражению мысли являются непременными показателями его общих способностей. Большая часть высокоодаренных детей, конечно, относится к этой группе (А.М. Матюшкин, 2006. – С. 115). По мнению В.С. Юркевич (2004), одаренные дети, начиная с раннего возраста, отличаются от своих сверстников значительно большей интенсивностью и опережением возрастного развития познавательной потребности и повышенной широтой познавательных интересов. Одаренным детям свойственны и такие значимые особенности, как, например:

– необычайное разнообразие интересов и большая любознательность могут вызывать трудности их согласования с учебными задачами. Одаренные дети не всегда могут рассчитать свои силы, часто берутся одновременно за множество дел или проектов. Сильная потребность в самоактуализации мотивирует одаренных детей следовать их интересам, но она же может вызывать фрустрацию при отсутствии такой возможности, потерю уверенности в своих силах.

Высокая устойчивость, целенаправленность поведения одаренных детей может приводить к их увлечению какой-либо деятельностью или идеей сверх отведенного для этого времени, что может расцениваться как отсутствие гибкости и саморегуляции, упрямство и своеволие, вызывать физическое и умственное истощение.

Многие одаренные дети обладают высоким уровнем энергетики, они мало спят, физически и умственно активны, поэтому с трудом переносят отсутствие вызова своим возможностям и активной деятельности. В то же время у части одаренных детей высокая интенсивность мыслительной деятельности, характерная для них, может приводить к истощению, усталости и болезням, поэтому они нуждаются в развитии механизмов саморегуляции и умения ставить и расставлять приоритеты.

Эмоциональная уязвимость и недостаточная саморегуляция позволяют полагать, что одаренные учащиеся могут подвергаться опасности развития внутренних нарушений, поскольку они чаще, чем обычные дети, подвергаются изоляции и одиночеству, которые считаются пред-

шественниками депрессии и тревожных реакций. Их повышенные чувствительность, эмоциональность и интенсивность также могут вносить свой вклад в нарастание тревожности, страхов и межличностных проблем (Л.К. Сильвернан, 2002, Т.Г. Вист, 1993 и др.).

Если одаренные ученики сталкиваются с неудачей, они часто не имеют стратегий для регуляции своего негативного аффекта, так как почти не обладают опытом преодоления неудачи.

Семейное окружение одаренных детей, как правило, характеризуется сосредоточенностью на ребенке, атмосферой взаимной заботы и поддержки. Такие семьи могут помогать развитию стратегий аффективной регуляции у их детей. В то же время одна из главных трудностей, с которой сталкиваются родители одаренных детей, – это чувство собственного несоответствия, неспособности помочь эмоциональному, социальному и познавательному развитию своих детей, что может разрушать их ресурсы, искажать отношения в семье и приводить к конфликту (Сильвернан, 2002).

Социальные отношения этих детей во многом определяются их уровнем одаренности. Так, у детей с умеренной одаренностью отмечается позитивная картина их социальной адаптации. Что же касается детей с исключительной или глубокой одаренностью (170–180 JQ), то их отличает наличие больших трудностей в социальной адаптации по сравнению с умеренно одаренными детьми (Л. Герман, Л. Холинворт).

Л. Холинворт показала, что, когда исключительно одаренные дети, отвергаемые своими сверстниками, уходили из несоответствующего им класса и получали возможность работать и играть с интеллектуальными ровесниками, их одиночество и социальная изоляция исчезали, и эти дети принимались другими как значимые для них одноклассники и друзья.

Изучение стратегий преодоления социальной изоляции высоко одаренных учащихся показало, что им часто было свойственно отрицать собственную одаренность, чтобы соответствовать стандартам ровесников. Но сами одаренные дети, как правило, предпочитают товарищеские отношения с одаренными ровесниками или старшими детьми. Этот факт характерен для дружбы детей вообще. Большинство детей склонны выбирать друзей скорее по умственному, чем по хронологическому возрасту.

Высокий уровень самосознания одаренных детей сопровождается ранним пониманием своего отличия от других («Я не такой, как все»). Это может восприниматься негативно, приводить к самоизоляции или чувству отверженности всеми, в результате страдает уверенность в себе и тормозится эмоциональное и личностное развитие. Даже тогда,

когда одаренные подростки сами не чувствуют себя «другими», они могут предполагать, что их воспринимают как «других», и это влияет на социальные взаимодействия.

Высокий уровень ожиданий от себя, от своих способностей, высокая требовательность к другим часто вызывают у одаренных детей сильные и разрушительные переживания, снижение уверенности в себе, провоцируют ссоры с друзьями и близкими. Их необычайная открытость чувствам и ожиданиям других, уязвимость для критики, высокая потребность в принятии и признании требуют специального внимания к развитию уверенности в себе, умения понимать и реалистически оценивать собственные ожидания и ожидания других.

Высокий уровень моральных суждений может приводить к нетерпимости и отсутствию понимания других людей, в том числе сверстников, отторжению и изоляции, деформациям личности. Такие дети нуждаются в обсуждении вопросов морали, моральных дилемм в гораздо более раннем возрасте, чем их сверстники. Их также необходимо учить анализу, оценке и регуляции своих негативных реакций.

Одаренные дети часто интересуются такими общечеловеческими философскими категориями, как красота, справедливость, правда, которые еще не доступны для понимания большинству их сверстников. Они увлекаются исследованием глобальных тем, связанных с мировым сообществом, будущим человечества, поиском братьев по разуму, их привлекает изучение высших уровней человеческой мысли, систем знаний и верований.

Как считают многие исследователи, проблемы социальной изоляции, отвержение ровесниками, одиночество и отчуждение, которые травмируют многих чрезвычайно одаренных детей, имеют своим источником не их исключительные интеллектуальные способности, а скорее, ответ на них общества (Р. Гагне, 2002, С. Римм, 2002).

Среди особенностей одаренных детей одно из значимых мест занимает перфекционизм, обозначающий здоровое стремление к совершенству, к высшим ступеням успеха в какой-либо области (спорте, музыке, математике), так и к невротической, навязчивой и разрушительной поглощенности достижением некоего идеала. Перфекционистами часто называют людей, которые получают удовольствие от высококачественного выполнения работы (как процесса, так и результата). Но так же называют и тех, кто не способен почувствовать удовлетворение от достигнутого результата, всегда осознавая его несовершенство в сравнении с замыслом, постоянно стремится к недостижимой цели и превосходству над всеми, измеряет свою ценность социальным успехом.

Двойственность природы перфекционизма особенно ярко проявляется у одаренных людей. Определить, в каких случаях их стремление является реалистическим, а в каких – утопическим, невозможно, поскольку нельзя измерить пределы их потенциальных возможностей. Вследствие этого одаренные дети, стремящиеся к совершенству, действительно часто испытывают неудачи в школе, так как их способности требуют вызова и стимуляции. Если задания слишком легкие, они усложняют их, чтобы получить внутреннее удовлетворение от того, что справились с трудным делом: нарисовали не одну картинку на заданную тему, а целый альбом картинок на разные темы; написали не две страницы сочинения, а целых двадцать, но не о том. Изменение цели самими детьми для безупречного, с точки зрения собственных стандартов, выполнения работы может быть единственным способом мотивировать себя сделать хорошо то, что ниже уровня их компетентности, но может восприниматься окружающими как неадекватность, невнимательность и даже хулиганство.

Таким образом, перфекционизм может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на стремление одаренных детей к самосовершенствованию. С одной стороны, он служит внутренним побудителем индивида к прогрессу в его собственном развитии и проявляется в неудовлетворенности тем, «что есть», и в мечте сделать «что должно быть». Но, с другой стороны, установление слишком высоких стандартов может вызывать сильные переживания, если эти стандарты не достигаются. В этом случае дети могут тяжело страдать от своей вины и стыда, от сознания, что обманули свои и чьи-то ожидания, даже если окружающие высоко оценивают их достижения. И наоборот, когда одаренные дети ставят кажущиеся невозможными цели и достигают их, они могут испытывать глубокое удовлетворение вне зависимости от реакции окружающих. Сам по себе процесс достижения этой цели может быть для них настолько захватывающим, что они теряют счет времени и силам.

Высокий творческий потенциал, наряду с перфекционизмом, одаренных детей, возможно, чаще всего служит причиной возникновения их проблем в школе, связанных с отсутствием понимания. Способность видеть необычные разнообразные связи и целостные образы (гештальты) требует возможности самостоятельно исследовать материалы и идеи, «играть» с ними, думать «около» и не по правилам. Высказывания таких детей часто воспринимаются как не относящиеся к делу, а они сами – как чудные и странные, что глубоко ранит их, нуждающихся в понимании и принятии необычных направлений их мыслей.

Творческая энергия, доминирующая в жизни таких детей, определяет независимость и нестандартность их поведения, неподчинение

общим правилам и авторитетам. Они часто создают помехи на уроке, причиняют беспокойство учителю, их поведение подчас трудно предсказать, их считают недисциплинированными, необязательными и неспособными ничему научиться (Е.И. Щебланова, 2011. – С. 72). Объяснением многих из указанных феноменов одаренных детей является и частичное проявление у них синдрома дефицита внимания с гиперактивностью и леворукостью, создающей трудности в письме, чтении и переучивании психомоторных актов, к этому следует добавить и двойную исключительность одаренных детей, проявляемую в альтернативности сочетания одаренности либо с низкой эмоциональной устойчивостью, либо неуживчивым характером, либо «несуразным» внешним видом. Вследствие этого одаренные дети, не достигшие успеха в школе, как отмечает Е.И. Щебланова, часто успешны во внешкольных занятиях: кружках, соревнованиях, общественной жизни. Даже такие учащиеся, которые не успевают по большинству школьных предметов, могут демонстрировать свой талант или интерес, по крайней мере, в одном из них.

13.2. Девиации детей многозадачности

Феномен «детско-подростковой многозадачности» означает способность одновременно делать несколько дел сразу. Например, слушать радио, смотреть телевизор и при этом сидеть за компьютером, где загружен давно уже чат, да еще успевая выполнять кое-как массу всех домашних заданий или же говорить по мобильному телефону. Вследствие этого журнал «Time» не случайно назвал современных детей поколением «М», где «М» – всего лишь навсего многозадачность. По данным американских ученых, поколение «М» 8–18-летних американских школьников ежедневно находится под влиянием всевозможных медиасредств около восьми с половиной часов. Это больше, чем продолжительность рабочего дня у многих из их родителей. И главное изменение в воздействии медиасредств на ребенка в последнее время это то, что он стал подверженным одновременно сразу нескольким медиа и пытается приспособиться жить из-за этого в режиме многозадачности даже уже в том возрасте, когда просто еще до такого режима полностью не созрел (А. Баркан, 2010. – С. 43).

Да, действительно, современные дети – это дети многозадачности, включенные в мир многофункциональных гаджетов и хай-тек-устройств, которыми ребенок управляет одновременно, делая это легко и так привычно, как будто это обеденные столовые приборы.

Поэтому стало совсем неудивительным, когда мы видим ребенка одновременно с кем-то разговаривающим, пишущим SMS-сообщения, одним ухом слушающим плеер и обижающимся на замечания окружающих. На этом фоне легенды Юлия Цезаря, способного делать несколько дел одновременно, современному подростку покажутся детским лепетом. А вот то, что Ю. Цезарь помнил по именам каждого из своих воинов, покажется недостижимым мифом.

Анализируя причины детской многозадачности, большинство исследователей относят сюда в первую очередь колоссально возросший поток электронной информации, современный ритм жизни и дефицит времени.

Подтверждением сказанного являются данные многочисленных опросов, свидетельствующих о том, что меньше 88% респондентов считали, что постоянно нарастающий дефицит времени «требует» от людей этой многозадачности. Так что современному ребенку без нее просто не обойтись. Но и многозадачность может быть совершенно различной. Да и дефицит времени тоже относителен. Времени для чего? Для потех, развлечений, посещения дискотек или же для серьезных решений? (А. Баркан, 2010. – С. 45).

Эти вопросы наводят на размышления о преимуществах и потерях, заключенных в феномене многозадачности. Конечно, первое, что посещает наше сознание, – это то, что каждое действо имеет свою биографию и никому непосильно ее отменить, второе, что не меньше занимает нас, – это знание последствий и механизмов детской многозадачности, способных оказать влияние на выбор каких-то благоразумных стратегий в управлении данным феноменом.

Оценивая феномен многозадачности, сразу первое, что нам приходит в голову, – это привлекательность данного феномена. Ну разве это плохо выполнять множество дел, выполняя их в одно время и сразу? Однако под силу ли человеку «разрываться все время» на это множество дел?

Конечно, нам очевидно, что не всякая многозадачность, требующая переключения ментальной активности с решения одной задачи на другую, подвластна человеку.

Прежде всего, это связано с ограничением детских свойств внимания. Например, для ребенока который, делая даже не сто дел, а всего, как отмечает А. Баркан, «три дела – решает математику, шлет SMS -послания и слушает, что говорите Вы, помехами для математики являетесь Вы и послания, для Вас – послания и математика, а для посланий – математика и Вы. Поэтому, скорее всего, Ваш ребенок неправильно решит задачу, или отправит не по адресу послание, или прослушает Ваш разговор. Во всяком случае, во всем о'кей навряд ли будет» (А. Баркан, 2010. – С. 39).

По мнению ряда авторов (С. Гринфилд, Э. Гэловел), из-за «многозадачности» дети начинают утрачивать такую важную способность, как концентрация внимания, и особенно тогда, когда речь идет об изучении какого-то школьного предмета. Так, например, во время объяснения учителя писать SMS-сообщения или смотреть на монитор карманного компьютера уже стало на сегодня почти нормой, как и дети, разбирающиеся в сложнейших технологиях и в то же время ошибающиеся в решениях элементарнейших задач, страдая от перевозбуждения нервной системы.

Получается, что, делая больше за меньший промежуток времени, ребенок тем не менее уже не реализует свой потенциал в учебной деятельности. «Захлебываясь» в избытке информации, многозадачные дети не успевают осмыслить, проанализировать ее и найти логические решения, отвлекаясь на такие «значимые помехи» – как SMS-переписка и мобильные обмены мнениями и др. Так что одним из заметных негативных последствий многозадачности является синдром приобретенного дефицита внимания. По мнению зарубежных психологов, подростковая многозадачность скорее напоминает собой иллюзию, чем истинную многозадачность. Да, действительно, дети с присущей им импульсивностью, не раздумывая, хватаются сразу за несколько дел, забывая о качестве выполнения их. И количество чаще всего в этих случаях не переходит в качество.

Это подтверждается наблюдениями Глории Марк, обнаружившей, что работник офиса концентрирует внимание на какой-либо задаче только 11 мин., а на возврат к незаконченному заданию затрагивает не менее 25 мин. Так что переключение внимания между задачами поглощает огромное количество времени, которое эффективно можно было бы использовать на решение одной важной задачи. Кроме этого, дети-многозадачники, погрузившись в цейтнотный мир хай-тека, усиливают не только атмосферу холодности, отчужденности в семье, но и ослабляют родительский контроль за жизнедеятельностью «сверхзанятого» ребенка. Родителям не всегда доступен контроль за виртуальным общением ребенка, хотя хорошо известно, что немало детей флиртуют со взрослыми. Такая родительская бесконтрольность хорошо отражена А. Баркан на примере одной из девочек-третьеклассниц, умудрившейся познакомиться по интернету с мужчиной, занятого поиском молодой невесты. Десятилетняя девочка, выдавая себя за семнадцатилетнюю и принимая объяснения в любви, назначила свидание и наблюдала в течение часа, как ее избранник ждал не ее, ходившей возле него туда-сюда, а другую – 17 летнюю девушку (А. Баркан, 2010. – С.42). Утрачивая контроль над мыслями и увлечениями ради блага, чтобы не

отрывать свое чадо от «множества дел», родители утрачивает близость и привязанность своих детей.

К числу других слабостей многозадачных детей необходимо отнести погружение в неперсонализированную среду, представляющую собой, в отличие, чтения книг, дискретные, ничего не развивающие междометия.

Феномен многозадачности своеобразно отражается и на глубинных процессах головного мозга. В ходе магнитно-резонансного сканирования мозга ученые пришли к выводу, что особенности переключения внимания тесно связаны с так называемой десятой областью Бродманна, расположенной в передней части префронтального кортекса, которая разрушается у дошкольников и пожилых людей, не справляющихся с многозадачностью. Причиной этих деформаций является страх, страх человека, препятствующий нормальной работе головного мозга, страх, связанный со слишком большим объемом информации для «оперативной памяти» мозга, глубинные отделы которого воспринимают ситуацию как «ситуацию выживания», посылая передним отделам «сигналы паники и страха». Безусловно, человек в подобной ситуации может вести себя неадекватно и непредсказуемо (А. Баркан, 2010).

В заключение отметим, что ускоренный ритм жизни и дефицит времени, возрастающий поток гаджетов и хай-тек-устройств вряд ли убавят популярность детей-многозадачников, несмотря на синдромы «приобретенного дефицита внимания» и охлаждение детско-родительских чувств, теплоты и привязанности.

В этой связи родителям, очевидно, придется стать супермногозадачниками, помня заповедь Льюиса Кэрролла: «Приходится бежать очень быстро, чтобы оставаться на месте».

13.3. Девиации «детей-индиго»

«Дети-индиго» – это дети нового тысячелетия, это «дети эры Водолея».

Таких детей называют также детьми процессора или же сетевым поколением.

Современных детей, отличающихся, по мнению ряда специалистов, от детей предыдущих поколений, в каждой стране называют по-разному. И если в Америке это дети-индиго, термин, ставший популярным даже в России, то в Англии – поколение нового тысячелетия, во Франции – «тефлоновые дети» и «дети света» в Японии и Китае. Про них можно услышать – «дети звезд», из-за различных предположений об их происхождении в других мирах, а не в нашем.

Собственно говоря, названий сотни, а сущность одна – это дети, несколько отличные от привычных для нас всех детей, имеющие общие черты характера, из-за особенностей которых американские исследователи настаивают на появлении новой расы людей – «эмиссаров с небес». О новой, так называемой шестой расе человечества большинство из нас узнало, знакомясь с работами Рерихов и Блаватской. В работах Рерихов – это «Синие люди, поражающие зло синим лучом». А само слово «индиго», каким чаще всего называют сейчас такого ребенка, указывает именно на этот цвет. Но разве любой ребенок в разные времена, независимо от своего «цвета», не был подобным «эмиссаром с небес»? Разве есть что-то в мире таинственнее ребенка? Разве есть для нас более белые пятна, чем он? Дети – это же ребусы или шарады, которые в разные времена решают по-разному и разными способами.

Иногда эти ребусы или шарады придумывают сами взрослые, особенно если что-то не укладывается в их прежние знания. Феномен детей индиго – пример подобного «отклонения», которое как-то надо было объяснить, хотя для неопытного родителя и молодого воспитателя за подобные «отклонения» возможно принять большинство возрастных особенностей детского возраста, когда проявление их яркое и колоритное.

Дети-индиго – это одно из самых популярных понятий о детях нашего времени, перешагнувших границы материков и континентов.

Благодаря бестселлеру Ли Кэрролл и Джен Тоубер «Дети-индиго», в основу которого легли взгляды ясновидящей Нэнси Энн Тэпп, об особенностях этих детей узнал целый свет. И книга стала культовой не только в Америке, но и в других странах, не обойдя Россию.

У родителей детей цвета индиго появился не просто шанс, а шанс как-то возвыситься над родителями «идеальных» детей, которым никогда в жизни не приходилось быть в шкуре мам и пап трудновоспитуемого или гиперактивного ребенка, на которого жалуется каждый встречный и поперечный. А теперь оказалось: идеальны вовсе не «идеальные» дети, а «разбойники» и шалуны, дети с аурой цвета индиго.

Относится ли Ваш ребенок к этим избранным шалунам и разбойникам с аурой цвета индиго, по мнению авторов нашумевшего бестселлера, можно узнать, проанализировав наличие или отсутствие у него десяти наиболее часто встречаемых качеств, отличающих ребенка-индиго от обычных детей.

Вот эти качества:

1. Кроха приходит в этот мир с ощущением своей царственности (и часто ведет себя соответствующим образом).

2. Ребенок чувствует, что «заслужил быть здесь», и искренне удивлен, если другие не всегда разделяют его мнение.

3. У малыша нет абсолютных авторитетов. Он не считает нужным объяснять свои поступки и признает только свободу выбора как своего, так и чужого.

4. Кроха не сомневается в своей значимости и нередко сообщает родителям, «кто он есть».

5. Малыш вообще не делает некоторых вещей (например, для него невыносимо стояние в очереди).

6. Такие дети теряются, соприкасаясь с консервативными системами, где главенствуют строгие правила, а не проявление творческой мысли.

7. Ребенок часто видит более рациональный способ сделать что-то в школе или дома, но окружающие расценивают это как «нарушение правил» и нежелание приспосабливаться к существующей системе.

8. Малыш кажется некоммуникабельным, находясь в чужеродной компании.

9. Он не отзывается на обвинения в нарушении дисциплины.

10. Наш герой не стесняется дать понять, если в чем-то испытывает нужду.

В то же время Ли Кэрролл и Джен Тоубер считают, что дети-индиго, несмотря на то что их объединяет много общего, отличаются друг от друга.

Среди них можно встретить четыре типа детей.

1. Дети-гуманисты. Они не просто гиперактивны, но и контактны. Из них будут хорошие врачи, учителя, юристы, моряки, бизнесмены и политики.

2. Дети-концептуалисты. Они верят в свои проекты. Это в будущем – администраторы, инженеры, дизайнеры, астронавты, пилоты и военные.

3. Дети-художники. У них ко всему творческий подход. Им подвластны любые творческие специальности.

4. Дети, живущие во всех измерениях. Это дети-всезнайки, которые уже после года отвечают родителям – «я знаю, я знаю, я знаю». И родителям кажется, что они действительно многое знают неизвестно откуда. Этим детям суждено нести в мир новые философии и религии.

Однако к какому бы типу ни относился Ваш ребенок-индиго, главное, что его отличает от многих, – это вера в себя, в свои силы и неумение приспосабливаться к мнению и взглядам других, если они отличны от их собственных.

Эти дети уже как будто рождаются матерями с высоким уровнем самооценки. Парадоксальным фактом для детей-индиго является то, что на фоне низкой успеваемости у них высокий и даже высочайший уровень интеллектуальности. Благодаря такому уровню интеллекта, этот ребенок вообще мог бы быть «сверхуспевающим», а его с трудом переводят из класса

в класс. И все только лишь потому, что современные методы обучения – не для него, и к тому же он не переносит господствующие сегодня авторитарные типы воспитания детей в виде «давления на кнопки».

Ребенок-индиго не желает строить свою жизнь по правилам, выдуманным взрослыми, он скорее заставит взрослого подстроиться под себя. У него собственная миссия в этом мире – перестроить его основы по новым правилам. Недаром такой ребенок рождается с мудрым взглядом, пугающим временами даже собственных родителей, пугающим и обнадеживающим, с особым, своим взглядом, всезнающим, космическим, ведь он посланец космоса, он – «эмиссар с небес». Он – представитель новой расы, гораздо совершеннее, чем та, с которой ему приходится сегодня жить для совершения своей «особой миссии» (А. Баркан, 2010. – С. 645).

Но, к сожалению, количество «непосвященных» в его неординарность велико: от собственных родителей до педагогов. И за себя ему приходится сражаться, буквально доводя до исступления своим несносным поведением таких «непосвященных». Однако, несмотря на наличие литературы и просветителей, несущих в мир истину о детях-индиго, многое остается сомнительным как на генетическом, так и психологическом уровнях.

Взять хотя бы такое «открытие», что у представителей детей-индиго из 64 кодонов в молекуле ДНК «включены» более половины, в то время как у обычного человека лишь 20, а остальные инертны. (Кодоны – это единицы генетической информации, зашифрованные в молекуле ДНК.)

«Открытие» в самом деле внушительное, если бы эти «генетики», исследующие подобных детей, были знакомы с азами генетики, хотя бы на уровне самого примитивного учебника. Поэтому неудивительно, что у человеческой ДНК появились даже никому не ведомые ранее отростки, причем у детей-индиго их оказалось, конечно же, на 4 больше (А. Баркан, 2010. – С. 646). Более того, помимо неизвестных отростков у новых детей было выявлено и на 2 хромосомы больше (44 + 2), чем у всех остальных. Но если действительно больше на 2 хромосомы, тогда их число, как отмечает А. Баркан, должно возрасти до 48, а так и у нас их во всех клетках тела такое количество (46), за исключением лишь половых.

Не менее удивительным отличием «эмиссаров с небес» от обычных людей оказалось и то, что многие дети «не содержат генетический код своих родителей». Недаром родителям детей-индиго их просветители внушают мысль, высказанную известным ливанским писателем Хамилем Джебраном: «Ваши дети – не дети Вам...».

Этот факт мог бы стать весомым доказательным поводом в пользу этого открытия, если бы, как указывает А. Баркан, на белом свете

уже более 25 лет не появлялись бы дети с помощью искусственного оплодотворения, так называемые дети «из пробирки», и в медицине не использовались бы донорские сперматозоиды и яйцеклетки, не говоря уже о суррогатном материнстве и некоторых других подводных рифах, в основном социальных, способствующих этому явлению и легко объясняющих его. В то же время кто, где и когда проверяет этот генетический код у каждого ребенка-индиго?

Однако вершина «научных открытий» – это предположение о наличии у детей-индиго синдрома Дауна, из-за которого они и склонны к «внутренней эмиграции».

Уже только такое «открытие» свидетельствует о том, что не дай нам Бог иметь подобную новую расу людей.

Во-первых, дети с этим синдромом настолько похожи друг на друга с рождения, что их называют детьми одной матери и их трудно будет различать и по мере взросления, а во-вторых, болезнь Дауна связана с хромосомной патологией и, как следствие этого, низким интеллектом. По мнению А. Баркан, случаи «награждения» детей-индиго зашкаливающим коэффициентом интеллектуальности выглядят, мягко говоря, если не надуманными, то сомнительными наверняка.

А если даже этот коэффициент и «зашкаливал», то в совершенно противоположном направлении, свидетельствуя об умственной неполноценности.

Заслуживает внимания также и «открытие» о необыкновенной иммунной системе детей-индиго, благодаря которой у них имеется иммунитет практически ко всем болезням и сопротивляемость к заболеваниям, по мнению исследователей феномена таких детей, в 25 раз выше, чем у других представителей человечества. Имеются данные и о младенцах, излечивших самих себя даже от СПИДа.

С такой поразительной жизнестойкостью дети-индиго, наверное, никогда не будут болеть. Наконец-то врачи, по крайней мере, педиатры, должны стать безработными. Однако сегодняшние дошкольники и школьники, среди которых прогноз предвещал уже около 95% новых детей, не зная о том, что у них не должно быть нигде «ахиллесовых пят» для болезней, заполняют, как прежде, бесчисленное количество детских больниц и часами томятся с родителями в очередях на прием к педиатрам. Оправдание этой реальности ясновидящая Нэнси Тэпп находит в том, что «родители несовершенны к болезни детей», и это – «итог родительских психологических проблем», обещая при этом, что приблизительно к 15-летнему возрасту эти дети полностью начнут реализовывать программу Всевышнего, освободившись от болезней. Однако даже с момента окончательного обнародования ее триумфаль-

ного открытия пионеры детей-индиго давно перешагнули 15-летний рубеж, и поликлиники не опустели.

И еще одно немаловажное «открытие»: у детей-индиго – «высокая вибрация», ведь диапазон электромагнитных колебаний, исходящих от их тел, втрое выше, чем у «не индиго». А «высокая вибрация» – путь к пророчеству, это нечто вроде просветления. Так что теперь в каждом городе и в каждом доме, где есть дети, как иронично замечает А. Баркан, будут и свои «дельфийские оракулы». Продолжением этих «открытий» служит новый феномен о бинарно-цветовой нравственности детей-индиго, заключающийся в том, что дети с «момента рождения различают лишь два цвета нравственности – «черный» и «белый», без оттенков и полутонов. И поэтому, если у ребенка-индиго переполнена чаша терпения, он не может уже адекватно отвечать за себя и свое поведение, становясь криминально опасным, радикально решая проблему.

Так что, если Вы любите употреблять алкоголь или же балуетесь наркотиками, постарайтесь подальше быть от этих детей, хотя б для сохранения жизни. Ведь их миссия – это расчистить фундамент, а вернее, разрушить все старое, лишнее и, конечно же, несовершенное для создания нового и современного. А безнравственность детей-индиго относительно нас – только лишь ради всепоглощающего их чувства свободолюбия. Оправдать же такого ребенка бесконечным «защитникам» и «адвокатам» не составит вообще никакого труда. Слишком много зацикленных взрослых на феномене детей-индиго появилось сегодня в разных странах, смирившихся с агрессивностью новых детей.

Бум растет, процветает, став похожим на манию. Уже есть даже фильмы о детях-индиго. И недавно один из них, «Дети света», был снят и в России режиссером Валерием Шатиным (А. Баркан, 2010. – С. 650).

Обобщая многочисленные форумы Интернета, которые переполнены рассказами мам и пап о необычности их ребенка, необходимо напомнить им о том, что они даже не догадываются о том, что опираются на критерии одаренных детей или возрастные особенности ребенка, которые им неизвестны.

13.4. Девиации детей-билингвистов

Билингвизм (двуязычие) проявляется в том, что дети с раннего возраста способны лепетать на двух языках. Этот феномен двуязычия, или билингвизма, чаще встречается в смешанных браках, в которых родители являются носителями различных языков.

Однако, как известно, любой ребенок в своем развитие проходит стадию «автономной детской речи», в течение которой он, изобретая новые слова из старых – выбрасывая из них буквы, слоги или же добавляя их, становится билингвистом за счет «усовершенствованной» собственной речи. Упрощая труднодоступную форму слова ребенок (до четырехлетнего возраста), вместо «ребенок» может просто сказать «бэби», а… может быть… бебиненок? И он, он до этого додумался сам! В общем, как отмечает А. Баркан, каждый дошкольник интуитивно выбирает для себя собственную стратегию «облегчения» языка и общается с Вами на «усовершенствованном» им языковом «диалекте» (А. Баркан, 2010 – С. 584).

Говоря о проявлениях билингвизма, необходимо отметить, что он бывает нескольких видов: естественным, искусственным, стихийным или уличным билингвизмом.

Естественный билингвизм встречается в смешанных браках, когда ребенок буквально с рождения слышит речь на двух языках. В этом случае родители создают ему условия естественного билингвизма.

У двуязычного ребенка начинается период «смешения языков». И вот именно в этот период ребенок и отвечает Вам на том языке, на котором Вы обращаетесь к нему, но вставляет в свои предложения и слова из другого изучаемого им языка, произносимые гораздо легче нужных, но очень сходные по смыслу.

Искусственный билингвизм проявляется тогда, когда родители являются носителями одного языка. При искусственном билингвизме самое важное – создать ребенку оптимальные условия для двуязычия. Если родители знают тот иностранный язык, которому хотят обучить и своего ребенка, то они сами могут создать для него эти благоприятные условия искусственного билингвизма. При этом совершенное владение вторым языком является одним из главных условий в этом виде билингвизма.

Стихийный, или уличный, билингвизм приобретается непроизвольно, например, играя с детьми во дворе, невольно осваивает язык своих новых друзей, отличный от его «домашнего» языка. Этот опыт обретения детского двуязычия служит хрестоматийным примером стихийного, уличного, билингвизма.

При стихийном билингвизме в речи ребенка много ошибок и он чаще всего доводит свой уличный билингвизм лишь до рецептивного уровня (или уровня понимания иностранной речи, приближая, по Е.М. Верещагину, к репродуктивному (умение пересказать услышанное) и в единичных случаях – к продуктивному уровню (понимание и пересказ услышанного). Одним из недостатков стихийного билингвизма является то, что за ненадобностью его условия он превращается в языковой сорняк.

При естественном билингвизме практически каждый полноценный ребенок без особых затруднений доходит до третьего продуктивного уровня познания двух языков.

Обучая ребенка нескольким языкам сразу, надо помнить, что, изучая окружающий мир, малышу все равно, что запоминать: например, слово «кукла» по-русски или же это слово на другом языке. Ему важен тот постигаемый язык, на котором говорят его родители. Родительские слова запоминаются быстрее репетиторских. В этой связи существуют даже «принципы» становления успешного естественного билингвизма. Назовем некоторые из них: 1. Принцип параллельного соединения, или «один родитель – один язык, другой родитель – другой язык». Ребенок от смешанного брака должен хорошо знать язык отца и матери. Двуязычное общение родителей с ребенком должно начинаться одновременно. Стартовый разрыв между этим двуязычным общением должен не превышать 10-ти месяцев.

2. «Одна ситуация – один язык». В домашних условиях может быть любой язык (казахский, украинский, татарский и др.), а в общественных – русский.

3. «Одно время – один язык». Каждому языку должно уделяться равное время. Например, один день посвящен общению на русском языке, а другой день – на английском.

Продуктивность искусственного билингвизма во многом зависит от родительской согласованности. Если один из родителей не поддерживает детское двуязычие, то тогда вместо билингвизма имеет место типичное «полуязычие». Его проявлением могут служить примеры, приведенные А. Баркан: «–Я хорошая медхен, не злая, нихт дерусь, – почти плакала Катенька, – и мой фатер хороший. Он тоже никогда нихт дерется. Я всегда шпрехаю с киндером на русском» (А. Баркан, 2010. – С. 583). Этот языковой коктейль явился следствием мотивации отца и осуждающей позицией матери.

Следует отметить, что в отношении билингвизма существует множество мифов о его: калечащем влиянии на жизнь ребенка, негативном влиянии на интеллект, угрожающем влиянии на раздвоение личности, крайней исключительности, а не нормы и др.

Однако сегодня научно обоснованы преимущества двуязычия – это прежде всего, широкие возможности общения в современном мире, где практически уже не осталось никаких «железных занавесов» ни для каких стран; это новые друзья и потрясающие встречи, постоянное расширение кругозора и бесконечное повышение своего интеллектуального потенциала.

Кроме коммуникативных и познавательных достоинств, двуязычным детям были присущи и другие позитивные особенности. Их отличает хорошо развитая память, логическое мышление и сообразительность.

Двуязычные дети почти всегда заостряют внимание на лингвистических явлениях, им легко даются математические навыки, абстрактные и гуманитарные науки. Они обычно бывают на хорошем счету в школе.

Нередко дети-билингвисты вызывают восторг у родителей и окружающих тем, что, будучи еще крохами, они не только говорят на двух языках, но и выступают в роли переводчиков, передавая содержание речи иностранцев, чужой и непонятной для родителей, но не для них. О том, что большинство людей относятся к двуязычным и стремительным тенденциям к расширению билингвизма, говорят следующие факты:

– приблизительно 70% населения земного шара в настоящее время двуязычное или многоязычное. А все более и более увеличивающаяся возможность свободной миграции по большинству стран мира – главный двигатель прогресса в изучении иностранных языков. В связи с этим искусственному билингвизму в образовательной сфере всех стран, включая и Россию, придается должное внимание;

– 56% жителей Европейского союза владеют двумя-тремя языками. За каждое пятилетие количество европейцев, изучивших второй язык, возрастает на 9%. При изучении второго языка предпочтение отдается английскому, затем следует французский, немецкий и испанский;

– министры образования стран ЕС на совещании в Вене (2006 г.) пришли к выводу, что в будущем каждый житель Европы должен знать не менее трех языков.

13.5. Девиации «медиадетей»

«Медиадети» – это, в представлении А. Баркан, врожденные эрудиты, шокирующие нас своими детскими откровениями. Состояние просветления для них самая обыденная реальность. У них «солнечные» глаза и «солнечный» взгляд, освещающий все вокруг. Папарацци мгновений, они с точностью цифрового фотоаппарата фиксируют каждый миг, проглатывая его в свое подсознание, но, не пряча следы его там навсегда, а поняв его сущность, пускай даже по-детски, выдают резюме свое на происшедшее.

Эти дети, как легкий сквозняк, ворвавшийся в душу вовсе не для того, чтоб ее простудить, чтоб ее… взбудоражить... чтоб очаровать...

Да, такой ребенок действительно «взбудораживает» и очаровывает, а его эмоциональный коэффициент (характеризует способность человека к эмоциональному общению) буквально зашкаливает. С ним приятно общаться... И тянет общаться, причем тянет магнитом.

Особенно потрясает его временами переполненная экспрессией речь. Он как будто родился с запасом фразеологических оборотов и крылатых выражений, недоступных и большинству взрослых. И в нужное время, и в нужном месте он блеснет своей эрудицией.

Но, к сожалению, эта эрудиция – только глянцевая обложка ультрасовременного журнала.

Ультрасовременный ребенок, многое схватывая на лету, временами лишь кажется всем потрясающим многознайкой. Но нельзя забывать — вся его слишком «взрослая» мудрость ограничена все же прокрустовым ложем детства этого чародея. И суждения его, так же как рассуждения, несмотря на всю неординарность, выдают в нем ребенка. И конечно же, просто прекрасно, что подобные дети в самом деле – не «взрослые в миниатюре».

В этих детях не просто обилие – изобилие всяких талантов. И зародыши этих талантов не надо выискивать нам по методам семьи Никитиных. Нет, они не нуждаются в «дрессировке», как тигры Маргариты Назаровой. Эти дети рождаются уже в расцвете природных наклонностей, и при этом нередко совершенно полярных. И их вряд ли разделишь на физиков... лириков... Они физики-лирики уже от рождения.

Все «зависимости» у такого ребенка – это тоже нюансы талантов. Для таких детей просто таланты как норма. Это дети, которые не признают никаких ограничивающих шеренг, с возрастом «почемучек» на все времена. И в отличие от всех индиго-детей, у них нет дефицита внимания и аутизма, да и гиперактивность их только лишь – детская импульсивность, не более» (А. Баркан, 2010. – С. 662–663).

Наименование «медиадети» автор связывает с детьми, «закваской» неординарности которых, помимо всевозможных генетических факторов и непредвиденных «мутаций», были именно медиасредства всех поколений. Их родители не представляют свою жизнь без газет и журналов, книг, телевизора, плеера, дисков, DVD и компьютера.

И в период беременности мамы их не могли обходиться без средств информации – постоянная музыка, телевизор, рекламы, глянцевые журналы, газеты. Это в качестве «биодобавки» получал не рожденный ребенок, развивающийся в унисон всем эмоциям матери.

По утверждению А. Баркан (2010), «мамы будущих медиадетей «фехтовали» своими эмоциями не только в результате реакций на события из средств массовой информации, но имели достаточно много совершенно иных причин, которые СМИ плодотворно подкармливали. Практически на всех известных мне женщин, родивших такого ребенка, в период беременности действовали стрессогенные факторы, в основном

низкой или же средней интенсивности, связанные с семьей, а вернее, с проблемами с мужем, не всегда понимающим изменения в состоянии его жены и желающим вести их прежний образ жизни.

Еще одной анамнестической особенностью будущих мам медиадетей являлась их непрекращающаяся тяга к путешествиям не только на ранних, но и на поздних сроках беременности, несмотря на скептическое отношение к этому специалистов, которые их наблюдали. Причем эти беременные меняли даже климатические пояса, совершенно не думая о последствиях своих поступков.

В основном это дети из семей с достатком, во всяком случае, где ребенку пытаются дать самое лучшее и заботились об его образовании еще даже до появления на свет.

Чаще всего это двуязычные и многоязычные дети с естественным или искусственным билингвизмом. Во всяком случае, все описываемые мною дошкольники и школьники относились к таким или же изучали очередной иностранный язык.

У большинства из наблюдаемых мною таких детей основную ответственность по воспитанию ребенка брали на себя мамы в связи с тем, что папы вечно были в разъездах из-за специфики своей работы.

Эти приезжающие-уезжающие папы вносили особый, неповторимый колорит в стиль воспитания ребенка, разнообразя его рассказами про всевозможные заморские чудеса в воспитании детей, как корабельщики в сказке Пушкина «О царе Султане...» распыляли любопытство царя Султана невиданными чудесами.

И поэтому чаще всего тип воспитания такого ребенка в семье походил на постоянно штопающееся пестрое лоскутное одеяло.

Да, собственно говоря, для этих опережающих эпоху медиадетей с радугой вместо ауры действительно никакой стиль воспитания без комбинации с другими и, скорее всего, не виданными доселе и заморскими, наверное, не подходит.

Ведь главное в этом стиле – не заглушить рвущиеся кверху ростки, не вырвать их, спутав с сорняками, не сровнять с землей. И к тому же еще в разумных пределах постараться соотнести ежедневные импульсы от медиасредств, которыми эти дети вместе с родителями пользуются постоянно, вопреки рекомендациям специалистов, с возрастными и индивидуально-личностными возможностями ребенка.

Да, такой ребенок с младенчества уже знает, что такое CD, DVD, телевизор, магнитофон и компьютер, что в доме есть книги, газеты, журналы. Он в три года следит за рекламой – спутницей современных мультфильмов, впитывая ее содержание, понимая, какую игрушку ему надо купить, почему она лучше других, старых его игрушек... А он

даже не пробовал еще с нею играть, хотя надо бы все перепробовать, все узнать, догоняя родителей.

Для такого ребенка познавательный интерес – вовсе не праздное дело. Ну а импульсы он получает постоянно от медиасредств.

Может быть, для ребенка совсем не нужны эти импульсы. Они – не для детей. Да, такая нагрузка действительно не под силу любому ребенку. Но для медиадетей она – сущий пустяк» (А. Баркан, 2010. – С. 665).

Это утверждение А. Баркан (2010) подкрепляет данными исследования американского общественного фонда Kaiser Family Foundation о том, что говорит современный ребенок проводит за различными электронными развлечениями ежедневно около восьми с половиной часов в сутки, в то время как рабочий день его родителей бывает значительно короче. И хотя это исследование касалось американских детей в возрасте от 8 до 18 лет, его результаты, скорее всего, окажутся аналогичными и для нового поколения в других странах, включая также Россию.

О тяге современного ребенка к всевозможным медиасредствам и новым гаджетам чуть ли уже не с момента рождения свидетельствуют и данные других наблюдений.

Так, исследования Ассоциации электронных покупок в России показали, что на сегодняшний день практически в каждой семье имеется 26 единиц электронной техники. Последние всплески продаж коснулись цифровых камер и MP3-плееров.

И естественно, дети, рождающиеся и растущие среди 26 единиц электронной техники в доме, причем во многих семьях эти цифры намного значительнее, должны быть и конечно же будут совершенно иными по сравнению с предшествующими поколениями детей последних десятилетий прошлого века, когда этих устройств в семьях вообще не было или же некоторые из них только лишь начали появляться в среде избранных, не говоря уже о поколениях впервые слушающих радио и еще более отдаленных времен (А. Баркан, 2010. – С. 656).

По мнению автора, медиаребенок ощущает себя истинным властелином Вселенной тогда, когда включает свой персональный компьютер и входит в Интернет, когда реальный мир заменяется виртуальным. А в виртуальном мире ничего недозволенного для него нет. Причем там можно встретиться и общаться точно с такими же «раскрепощенными детьми», сбросившими ярмо крепостного права родительского воспитания.

В виртуальном пространстве у руля сам ребенок. Он все делает там без подсказок. Виртуально свободный ребенок постигает действительно многое – он сам ищет себе информацию, сам находит друзей, сам общается с ними и способен высказать все то, о чем люди молчат, хотя думают…

Он играет на форумах или в чатах роль шута или же мудреца. Главное – что он меняется, в этом – прогресс. И Ваш Петенька, ставший Петриной на форуме, – это вовсе не признаки патологии. Это проба себя в разных ролях, чтобы выбраться за горизонт собственного несовершенства. Ваш ребенок пытается сам измениться, изменяя и многое вокруг себя.

К тому же, умело пользуясь Интернетом, как полагает А. Баркан, ребенок находит в нем нужные данные, развивающие его познавательный интерес.

Благодаря компьютеру ребенок может освоить всевозможные развивающие программы, ускоряющие его как интеллектуальное, так и логическое развитие. Так что нет ничего удивительного, что коэффициент интеллекта у современных детей выше, чем в их возрасте у предшествующего поколения.

В то же время самым популярным медиазанятием, по данным многочисленных исследований, оказался вовсе не компьютер, а прослушивание музыки. Музыкальные «вирусы» внедряются в личность детей, будоража их кровь всевозможными ритмами рока, рэпа и попсы, не говоря уже и о других популярных течениях в музыке.

Так что ультрасовременный мультимедиаребенок подпитывается постоянно своеобразными «медиавитаминами» из окружающего его сетевого мира, переполненного цифровой информацией. И этот мир создают ему его родители, еще сами блуждающие в потемках безмерно обрушившейся на них информации, потому что с приходом каждого нового поколения приходят и новые технологии, которые проще освоить новым людям.

Следуя своей позиции, А. Баркан пытается опровергнуть мнение родителей о том, что виртуальная деятельность детей в значительной мере сужает их реальное общение и способствует появлению аутистических черт. Свою альтернативную точку зрения автор обосновывает тем, что благодаря виртуальному, а не реальному общению подросток с действительно аутистическими чертами находит себе не только друзей, но и спутника жизни, о чем свидетельствуют статистические данные количества случаев «замуж за рубеж», когда люди влюбляются только благодаря переписке по Интернету (А. Баркан, 2010. – С. 670).

Анализируя этот довод автора, нетрудно заметить акцент, касающийся большей значимости виртуального общения только для детей с имеющимся аутизмом, а не для большинства обычных детей. Кроме того, требуют специальной проверки все гипотетические основания генезиса медиадетей, включая их высокую включенность в медиасистемы.

13.6. Девиации детей с социально-опережающим развитием

«Скороспелые» дети. Скороспелый, по мнению Ф. Шольца, означает не только то, что ребенок развит не по летам, а зачастую также, что он перерос детский тип вообще. Скороспелость не всегда ограничивается отдельными областями духовной жизни, также не одним миром представлений, а охватывает иногда, хотя и редко, всю духовную личность ребенка и возвышает его в его суждениях, ощущениях и стремлениях далеко над его возрастом.

Если мы, как утверждает Ф. Шольц, не любим скороспелых детей, то причина здесь не только в том, что нам кажется неестественным это перескакивание через поставленные природой границы, а также не в том, что, как учит опыт, скороспелые дети не лучше устраиваются в дальнейшей жизни, чем обыкновенные, а главным образом в том странном, скажем больше, болезненном впечатлении, которое такие скороспелые дети зачастую производят. Их поведение, язык, движения и стремления в большинстве случаев совершенно иные, чем у других детей. Все или почти все детское они совсем стряхнули с себя, и контраст между духовным обликом взрослого и телом и лицом ребенка производит чуждое и отталкивающее впечатление. Это описание подходит, конечно, только к выдающимся случаям. Дети, которые преждевременно зрелы только в некоторых областях, могут во всем остальном оставаться совершеннейшими детьми (Ф. Шольц, 1914. – С. 65).

Такие дети, по Шольцу, чувствуют уже не по-детски, они не играют и не веселы. Ими овладевает мрачная грусть, род мировой скорби, благодаря которой они теперь уже познают суетность всего земного. Об одном таком шестилетнем мальчике рассказывают, что он называл своего отца глупым, как только тот начинал ласкать его (Эммингауз, с. 111). Такая преждевременная зрелость бывает также нередко причиной самоубийства. Суждение опередило возраст; оно бывает зачастую остро и метко и обнаруживает знание человеческих слабостей. Стремления похожи на стремления взрослых. Зачастую проявляется сильное желание учиться, а с ним нередко связано и раннее пробуждение половой сферы. Такие формы врожденной скороспелости ведут обыкновенно к так называемому параноическому помешательству. (Ф. Шольц, 1914. – С. 66).

Врожденная частичная скороспелость проявляется, по мнению Ф. Шольца, главным образом в одностороннем развитии известных наклонностей и способностей, например, к музыке, к математике, меха-

нике и т. д. Это те чудо-дети (вундеркинды), с которыми ослепленные родители разъезжают по белу свету в поисках богатства и славы. Они также зачастую кончают свою жизнь в сумасшедшем доме или приюте для идиотов, или умирают вскоре по достижении половой зрелости от какой-нибудь мозговой болезни. Поэтому надо относиться с недоверием к проявляющимся так рано детским талантам. Конечно, есть между ними и настоящие истинные таланты, и ранние гении, которые достигают высочайших вершин. Но только тогда, когда одновременно развиваются и другие духовные наклонности и когда ребенок и чувствует, и ведет себя, как ребенок, мы должны радоваться таким способностям. В других случаях они не означают ничего хорошего. Также и те дети, которые выделяются в школе, идут впереди всех других, быстро проходят все классы и всегда только пятерки, должны внушать своим родителям беспокойство и в дальнейшей жизни обыкновенно не оправдывают возлагавшихся на них надежд. Опыт, наоборот, учит нас, что отстававшие в школе зачастую в практической жизни оказываются в первых рядах (Ф. Шольц, 1914. – С. 65).

Придерживаясь негативной позиции по отношению поддержки детской скороспелости и призывая воспитательные институты к тому, чтобы не дать развиться скороспелости, Ф. Шольц выделяет ряд факторов, способствующих проявлениям скороспелости. К ним относят:

- серьезное и грустное настроение детей, вызванное лишениями, болезнью матери;
- хронические болезни ребенка, приковывающие его на долгие годы к постели и дающие возможность приобрести знания и суждения, далеко опережающие его возраст;
- боязливая заботливость детей о своем здоровье и личном благополучии, растущих среди одиноких престарелых женщин;
- дети, растущие одиноко среди взрослых;
- урбанизированное воздействие на развитие детей в больших городах средствами информатизации, стрессогенности, высокого темпа жизни и т.д.

Отрицательно относясь к детской «скороспелости», считая ее настоящей душевной болезнью, Ф. Шольц предостерегает родителей от того, чтобы они старались «раньше времени срывать плоды». Не видит он, однако, и большой пользы от школ для «переодаренной» молодежи, не исключая их позитивного влияния для медленно развивающихся и более сильных детей (Ф. Шольц, 1914. – С. 68). В заключение отметим, что существующие образовательные учреждения для одаренных детей опровергают этот скептицизм автора.

13.7. Девиации детей-фантазеров и мечтателей

Фантазия, как указывает Ф. Шольц, необходимое качество человеческого духа; без нее он ничего не мог бы создать. Она необходима как для мелочей повседневной жизни, так и для великих подвигов духа. Фантазия охватывает самое отдаленное и самое близкое; она парит в небесах и ползает по земле. Но, будучи земной, эта фантазия в то же время и практична; это трезвая, деятельная фантазия, помогающая достижению близко поставленной цели. Высший полет она обнаруживает у тех людей, которые, будучи в своих интересах и стремлениях более или менее свободны от власти действительной жизни и мало тревожимые меняющимися чувственными впечатлениями, добровольно или вынужденно уходят в себя и предаются внутреннему самосозерцанию.

Ребенок, по мнению Ф. Шольца, похож на поэта или драматурга в том отношении, что его фантазия не втиснута в рамки повседневной жизни, а свободно движется к самостоятельно избранной им цели. Художественных произведений ребенок не может еще создавать. Фантазия его поэтому проявляется другим образом, а именно в играх. Игра – это превращенное в действие фантастическое представление; игра вытекает из самой природы ребенка, неразлучна с ним, поэтому он и относится к ней так серьезно. В игре скрыто настоящее очарование детства. Счастлив поэтому человек, который мог еще кое-что из этого спасти для дальнейшей жизни, счастлив, по крайней мере, в те немногие и редкие часы, когда он может опять играть и быть ребенком (Ф. Шольц, 1914. – С. 63).

Учитывая огромный потенциал фантастичности ребенка, Ф. Шольц выделяет несколько типов детских деструктивных фантазий. Типами последних будут дети с возбужденной и дети с мечтательной фантазией.

Бурно-фантастический ребенок чаще всего экзальтирован. Его фантазия переходит установленные границы и проявляется в поступках и настроении, от которых зависит содержание и окраска фантазии. При угнетенном настроении и обиженном самочувствии они принимают безотрадные, мрачные и ужасные формы. Уже выше мы видели *чувствительного* ребенка, который носится в своем воображении с горестным сознанием перенесенной несправедливости. Когда при переходе представлений в действия ребенок горячо жалуется на воображаемых обидчиков обыкновенно в повышенном и патетическом тоне, совершает ли он побег или грозит им, хотя бы и несерьезно, мы имеем дело с экзальтированным ребенком.

Несколько реже мы встречаем экзальтированного ребенка с повышенным самочувствием. Фантазии принимают здесь преувеличенный, подчас повышенный, экстатический характер. Такой ребенок, по Ф. Шольцу, грезит о счастливом будущем, видит себя знаменитым полководцем, если это девочка – принцессой, находится в общении с добрыми ангелами и Матерью Божьей. Такие дети не душевнобольные. У них просто экстаз, который благодаря усиленной работе фантазии подымает их на эту высоту; он вызывается и поддерживается зачастую также сновидениями, но продолжается во время бодрствования. Поведение таких детей обыкновенно несколько отличается от поведения других детей. Они держат себя более обособленно, благонравнее и как-то аристократичнее своих остальных товарищей. Все у них выше ступенью, чем у других. Не надо при этом, конечно, забывать, что лук туго натянут и что ребенок стоит близко к границам, отделяющим здоровье от болезни.

Разновидностью этого типа является *мечтательный* ребенок. Автор имеет в виду того ребенка, у которого полет фантазии распространяется больше на область чувства, чем действий. Ребенок бесконечно счастлив, утопает в радости, дружбе – он блаженствует. Он похож на романтическое дитя, но отличается от него тем, что сердечнее относится к собственному Я (Ф. Шольц, 1914. – С. 71).

Мечтательно-фантастические дети, по Ф. Шольцу, разделяются также на два вида. Ребенок, погруженный в свои фантазии, может быть тих и неподвижен или, наоборот, очень подвижен и этим приближаться к типу экзальтированного ребенка. Характерным для обоих видов является отдаленность ребенка от внешнего мира и своего собственного ясного сознания.

«Внешнюю живость мечтательно-фантастический ребенок, – как утверждает Ф. Шольц, – проявляет только при игре. Она настолько его захватывает, он так всецело входит в свою роль, что действительность почти перестает для него существовать, и ребенок ничего не видит и не слышит о том, что происходит вокруг него. Да, больше того, в пылу игры ребенок может даже ушибиться, причинить себе небольшую боль, совершенно не замечая этого. Даже в обычной жизни, при занятиях, не так сильно захватывающих ребенка, восприятие внешних впечатлений притуплено: ребенок ходит, как во сне. Это является также главной причиной забывчивости ребенка. Внимание слишком слабо, ребенок обращает слишком мало внимания на самого себя, на свои обязанности, действует, не думая ни о чем, не рассуждая. О таком ребенке говорят обыкновенно, что он потерял бы собственную голову, если бы она не приросла к нему. Это можно было бы назвать также рассеянностью» (Ф. Шольц, 1914. – С. 71–72).

Противоположностью ребенку с сильной фантазией является ребенок, *лишенный фантазии*. У детей с бедной фантазией мы не встречаем многого из того, что нам так приятно в детской натуре. Они менее подвижны, сухи, скучны и гораздо больше любят, чтобы их занимали, нежели сами что-нибудь делают для этого. Разум у них более развит, чем душа. Чувство, по Ф. Шольцу, сопровождает их повсюду, как говорят обыкновенно о теплых и эмоциональных детях.

Следуя автору, отметим, что родители должны лелеять фантазию, развивать ее, руководить ею, предупреждать ее «ненормальность», но никоим образом не подавлять и не уродовать ее (Ф. Шольц, 1914. – С. 72).

ГЛАВА 14. ДЕВИАНТНЫЕ ТИПОЛОГИИ «ИСКУССТВЕННЫХ ДЕТЕЙ»

Это дети, практически не отличающиеся от обычных детей. Как отмечает А. Баркан, это сказочные дети наших дней – плод невиданных возможностей человеческого разума и высоких технологий в виде метода экстракорпорального оплодотворения (А. Баркан, 2010. – С. 535). Типологию искусственных детей образуют «пробирочные дети», дети «суррогатного материнства» и «дети однополых браков» – геев и лесбиянок. Краткие особенности этих детских типов изложены ниже.

14.1. Девиации «пробирочных» детей

«Ребенок из пробирки» относится к числу «пробирочных» или «искусственных детей». Его происхождение смоделировано с обычного: встреча – соединение яйцеклетки со сперматозоидом. Словом, в нем нет ничего сверхъестественного, если не считать сверхъестественным то, что зачатие происходит «вне тела (в пробирке) и только через два-три дня жизни эмбрион вводят, наконец, в матку матери. Причем чаще всего для увеличения вероятности успешности результата в матку женщины вводят не один эмбрион, а несколько одновременно, в связи с чем в ранее бездетной семье может появиться сразу несколько желанных детей.

Степень родства детей и их родителей при искусственном оплодотворении имеет некоторые различия, в зависимости от нюансов их появления на свет. При слиянии спермы отца с яйцеклеткой матери ребенок является генетически родным по отношению к родителям.

Если женщину оплодотворяют спермой анонимного донора из «семенного банка», ребенок имеет половину генов от матери и биологически родной только для нее, хотя юридически его считают общим ребенком в семье с биологической матерью и социальным отцом.

Если же при искусственном оплодотворении используют не только донорскую сперму, но и донорские яйцеклетки – ребенок не считается

кровным родственником даже по отношению к матери, несмотря на то, что она выносила его.

Все эти нюансы искусственного оплодотворения рано или поздно, очевидно, могут отразиться на проблемах и на поведении ребенка, и особенно когда он появился не один, при многоплодной беременности матери.

По последним данным (Жак де Музон), уже более миллиона таких детей рождены на нашей планете. Причем темпы их появления на свет ускоряются каждый год. Например, сейчас по сравнению с 1989 годом в семь раз (200 000 детей в год). А первому «пробирочному» ребенку Луизе Браун недавно исполнилось 37 лет, и она сама уже стала мамой маленького мальчика – Кэмерона Джона Маллиндера. А появилась сама Луиза на свет 25 июля 1978 года как «дитя века» в результате революционного переворота в медицине, совершенного английскими учеными Робертом Эдварсом и Патриком Стептоу – «крестными отцами» этого «сказочного» ребенка, зачатого в пробирке (in vitro) благодаря методу экстракорпорального оплодотворения (extra corpous – вне тела) в клинике Бон Холл (Кембридж, Англия). Став вроде живого «музейного экспоната» медицинской истории, на своем 25-летии девушка заявила: «Я такая же, как и все. Точь-в-точь такая же» (А. Баркан, 2010. – С. 535).

Ребенок «из пробирки» настолько похож на всех остальных, обычных детей, что на первый взгляд вряд ли можно догадаться о его пробирочном происхождении. К числу отличий «пробирочного ребенка» следует отнести повышенный риск обостренных заболеваний и пороков, меньшую массу тела при рождении. Что же касается существенных отличий по уровню интеллекта, способности к обучению языкам, овладению всевозможными навыками у подобных детей в сравнении с детьми, зачатыми обычным путем, не наблюдалось. Да и в физических характеристиках они практически были равны. «Пробирочные» дети даже общительнее, талантливее и счастливее обычных детей. Британские ученые опровергают их повышенную агрессивность по отношению к другим детям, утверждая, что они, практически все, эмоционально достаточно стабильны. А их связь с родителями довольно крепка и намного сильнее связи, возникающей у обычных детей с их родителями от «случайных» беременностей.

Безусловно, родители, для которых малыш неожиданно стал смыслом жизни и которого они ждут с нетерпением, пройдя ряд испытаний ради него, по мнению А. Баркан, им настолько желанен, что после рождения он купается в нежности с лаской. Ну а если в семье атмосфера любви, то, конечно же, и ребенок, подражая родителям, будет также сердечен и чуток.

Однако личностное благополучие «пробирочного ребенка» может быть легко нарушено при неблагоприятных сценариях семейных отношений (развод, алкоголизм или наркотизм родителей и др.) и открытии тайны своего происхождения. Его начинает раздирать сомнение – насколько нужен он своим родителям и почему живет, к примеру, не с родным отцом. А если мать тоже ему «чужая», то драма в душе зреет каждый день. И нужен только повод, чтоб сорваться. Такой ребенок уже с детства чувствует себя в какой-то мере неудачником. Особенно когда любовь его родителей по отношению к нему все больше гаснет. А гаснущей любовью можно назвать все, все воспитательные меры, назидания, указы, от вызывающих оскомину «нельзя» до порок ремнем. Психологическое благополучие «пробирочного ребенка» может нарушено и появлением в семье ребенка, рожденного в естественных условиях, или конфликтностью пробирочных двойняшек, не имеющих друг с другом внешне никакого сходства. Эти двойняшки, конфликтуя, «издевались» друг над другом, сообщая, что у них различные отцы и, конечно же, у каждого умнее.

Раскрытие родителями тайны их происхождения может превратить налаженную семейную жизнь в ад, как отмечает А. Баркан, в такой ситуации «дети будто бы возненавидели весь мир, а не только собственных родителей. Дети вдруг возненавидели себя. Появилась зависть к одноклассникам, родившимся нормально. Они стали провоцировать скандалы дома, обвиняя отца в том, что разрешил родить их от другого, маму же – в том, что она на это согласилась. И естественно, не понимая – что и почему, они приняли зачатие в пробирке за предательство родителей. И не собирались это им прощать. Об истории рождения их все узнали в школе. Они стали носить ярлыки «подкидышей», оказавшись вдруг под прессом дискомфорта сразу в двух местах – в школе и дома. После нескольких слов горькой правды жизнь их перевернулась будто бы вверх дном, вместо радужных надежд внезапно появилась чернота. Зато истина торжествовала. А ребята, перестав конфликтовать, неожиданно вдруг вновь объединились и сбежали... из родного дома, не желая возвращаться к маме с папой. И все это только из-за правды, из-за истины и из-за правдолюбия. Только стоила ли в самом деле правда этих горьких слез отчаяния детей, подорвав к тому же и доверие их к миру» (А. Баркан, 2010. – С. 548). У «пробирочных» детей, не посвященных в тайну своего рождения, проблемы мало чем отличаются от возрастных проблем их ровесников. Главное, чтобы в доме царила доброжелательная атмосфера по отношению к этим детям.

Однако какими бы ни были прекрасными их родители, раскрывая тайну ребенку про его зачатие, они должны быть готовы к тому, что ребенок вряд ли оценит это самопожертвование ради него в те минуты

под влиянием только что вдруг услышанного. Не ожидайте от него благодарности. Своей истиной Вы шокировали его, дали импульс для комплекса неполноценности. Но он должен понять, что Вы «выносили» его, что он Ваш. Что он самый желанный и желаннее нет никого (А. Баркан, 2010. – С. 551). Поэтому стоит ли раскрывать ребенку эти интимные секреты – большой вопрос. До сих пор не прекращаются дискуссии на эту тему. Пока что... побеждают «правдолюбцы» и поборники истины. А в Англии недавно даже вышел закон, разрешающий после 18 лет ребенку «из пробирки» узнать правду о своих генетических родителях. Раньше эта «правда» была строго засекречена как в интересах доноров, так и в интересах детей, рожденных благодаря «семенному банку». И суть этих откровений – в пережитой трагедии, в пережитом им шоке от жестокой правды их появления на свет, о собственных, почти детективных исследованиях в поисках своих биологических родителей, в поисках своей идентичности, в поисках своего истинного «Я». Для некоторых «пробирочных» детей это даже стало смыслом их жизни, они, как замечает А. Баркан, словно зациклились на этой проблеме, буквально зомбированные ею. Их психика дала сбой, несмотря на то, что преимуществом доноров перед биологическими родителями было то, что для этой цели подбирали только совершенно здоровых людей, с совершенно полноценной психической деятельностью (А. Баркан, 2010. – С. 549).

14.2. Девиации суррогатных детей

Суррогатный малыш, выношенный сурмамой, учитывая последние научные данные перинатальной психологии, скорее всего, будет иметь более высокий уровень тревожности по сравнению со своими ровесниками. И это вполне закономерно и легко объяснимо. Ведь во время своего внутриутробного развития на протяжении всех девяти месяцев беременности еще не родившийся ребенок уже был отвержен той женщиной-матерью, которая служила для него всего лишь навсего «инкубатором». И это первоначальное неприятие – пусковой механизм всех его будущих переживаний, травмирующих психику (А. Баркан, 2010. – С. 559).

По мнению А. Баркан, ребенок, вынашиваемый сурмамой, постоянно находится, образно говоря, в состоянии эмоционального аборта, являясь безмолвным свидетелем даже разговоров о своем будущем появлении на свет. Нет, нет, нет, он еще, безусловно, не понимает сознательно смысла слов. Но на биохимическом уровне подсознательно ощущает отвержен-

ность и отторжение, своеобразную иммунологическую несовместимость с поджидающим его началом жизни. Словом, ребенку, зачатому таким драматическим способом, теперь предстоит трагическое детство, если не вся дальнейшая жизнь. Этому обстоятельству сопутствует, как отмечает А. Баркан, и масса причин для отказов родителей-заказчиков от уже рожденного долгожданного младенца: от всевозможных заболеваний новорожденных, риск которых как при искусственном оплодотворении, так и при суррогатном материнстве действительно возрастает, до рождения не одного малыша, а двойни или тройни. Такие родители могут быть также недовольны и полом ребенка, предпочитая мальчика девочке или же наоборот. Иногда причина отказа – развод будущих родителей, происшедший в период вынашивания суррогатной матерью для них ребенка. Иногда суррогатный ребенок становится лишним, если у самой будущей предполагаемой мамы-заказчицы наконец наступила собственная долгожданная беременность. После появления кровного ребенка она непроизвольно начинает показывать, кто в доме любимчик, такому ребенку не позавидуешь. И даже несмотря на кровное по отцу родство таких детей, суррогатный ребенок и собственный нередко оказываются в ситуации Исмаила и Исаака, когда кровное родство превращается в кровную борьбу, эстафета которой передается из поколения в поколение. И все только из самых благих побуждений: превратить бездетную семью в более счастливую – с ребенком! Если суррогатный ребенок догадывается или знает о своей биологической матери или окажется в ситуации развода социальных родителей, ему трудно будет избежать «комплекса сиротства» или наличия двух «законных матерей» и чувства раздвоенности между доброй, искренней и бутафорской материнской любовью. В общем, такому ребенку не позавидуешь – преданный, проданный и нелюбимый. И не о самой сладкой судьбе его после рождения можно нам только догадываться. Ребенку не хочется быть дорогой побрякушкой, за которую отдали немалые деньги и которую обратно в ломбард не вернешь (А. Баркан, 2010. – С. 565).

14.3. Девиации детей однополых семей

Сексуальная революция в признании однополых браков и возможности искусственного оплодотворения в совокупности с суррогатным материнством увеличили количество детей, воспитываемых в семьях сексуальных меньшинств.

Искусственное оплодотворение и суррогатное материнство позволило родить собственного ребенка не только в гетеросексуальных семьях, но и в семьях сексуального меньшинства – геев и лесбиянок, перевернув полностью представления людей об однополых браках. Озабоченность общества в отношении влияния однополого родительства на сексуальную ориентацию ребенка сегодня относительно развеяна социологическими исследованиями о том, что сексуальная ориентация родителей не передается их детям. Среди таких детей статистически геев, бисексуалов, лесбиянок не больше, чем среди их ровесников, выросших в гетеросексуальных семьях (А. Баркан, 2010. – С. 572). Но, несмотря на запреты об усыновлении и тем более рождении собственного ребенка, в однополых семьях все чаще и чаще стали воспитываться дети. И если раньше в основном это были дети отца или матери, рожденные в гетеросексуальных браках и вынужденные жить с одним из родителей после развода их, то сегодня, помимо этих детей, в таких семьях уже стали рождаться и свои собственные дети, связанные кровным родством с одним из родителей. Как правило, в лесбийских семьях одна из двух женщин, состоящих в браке, вынашивает собственного ребенка, зачатого с помощью анонимного донора сперматозоидов, а в гей-семьях – один из двоих мужчин является донором сперматозоидов для суррогатной матери. Причем каждая в семье из двух матерей и каждый в семье из двух отцов, если нет никаких противопоказаний, может попробовать себя в роли генетических родителей.

Ребенок с двумя папами или же с двумя мамами в некоторых странах ЕС и США, разрешивших однополые браки, становится все менее отчужденным. А данные первого общенационального исследования, проведенного в Америке, как отмечает А. Баркан, свидетельствуют о том, что геи и лесбиянки способны обеспечить детям практически полноценную семью, ничуть не хуже, чем при гетеросексуальных браках. При истинной родительской любви ребенок может быть счастливым и только с двумя мамами или же только с двумя папами, заботящимися постоянно о его благе.

Что же касается сравнительных данных о психической полноценности детей из однополых семей, то они свидетельствуют о ее неоднозначности. С одной стороны, приводятся результаты, показывающие даже преимущества этих детей. Будучи желанными, эти дети гораздо реже страдают от недостатка любви, чем в гетеросексуальных семьях, и в силу этого характеризовались меньшими эмоциональными расстройствами.

Этим детям, как указывает А. Баркан, присущи высокая самооценка, успеваемость, адаптивность, меньшая активность в «сексоподвигах»

по сравнению с мальчиками из традиционных семей. А дети, воспитанные лесбиянками, отличались от остальных своей пониженной агрессивностью и более социально-терпеливым поведением. В отличие от детей из гетеросексуальных семей, такие дети довольно рано начинают осознавать, что типы сексуального поведения не у всех людей одинаковы, но тем не менее это вовсе не делает человека хуже или же лучше (А. Баркан, 2010. – С. 573).

Однако, говоря о детях из «розовых» и «голубых» семей, необходимо отметить их большие трудности в общении со сверстниками детского сада и школы. Ребенок, воспитываемый геями или лесбиянками, попавший в окружение презирающих его детей и взрослых, нередко превращается просто в жертву или тоже изгоя, как некогда его мамы или папы, невольно становясь ответчиком за превратности их судьбы. В этой ситуации одни дети замыкаются в себе, игнорируя оскорбительные высказывания в свой адрес и в адрес родителей, другие, едва увидев ехидную усмешку, пытаются лезть на рожон, проявляя психологическую защиту и физическую агрессию. Однако не каждому такому ребенку это под силу. Дети из однополых семей вынуждены все время находиться в состоянии готовности к отражению насмешек, дразнилок, жестокости, испытывая при этом «зашкаливающую» тревожность и подозрительность и ощущения невинного «вора» (А. Баркан, 2010. – С. 575).

Все это становится фоном хронического стресса, из которого этим детям трудно выйти без негативных остаточных следовых реакций. Как мы уже отмечали, при благоприятной атмосфере развитие этих детей мало отличимо от развития детей из традиционных семей. В заключение отметим, что значимость проблем однополых семей и тем более проблем их детей представляется актуальной не только для стран, разрешивших однополые браки, но и для всего мирового сообщества, а научного – прежде всего.

РАЗДЕЛ III.

МЕТОДЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ТИПОВ РОДИТЕЛЬСТВА И ДЕВИАЦИЙ В РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Содержание третьего раздела направлено на психодиагностическое обеспечение повышения качества родительства и межпоколенного родительско-детского взаимодействия. Основу раздела составляют три главы, посвященные квалиметрической оценке типов родительства (Глава 1), характеристикам и диагностике продуктивных и девиантных отношений родителей к ребёнку (Глава 2), выявлению девиантных потенциалов в родительско-детском взаимодействии (Глава 3). Представленные в разделе методы и методики диагностики, продуктивных и девиантных потенциалов дают возможность всем представителям родительско-детского взаимодействия выявить свои слабые и сильные стороны и внести коррективы в их оптимизацию.

ГЛАВА 1. КВАЛИМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ДЕВИАЦИЙ В СИСТЕМЕ РОДИТЕЛЬСТВА

Материалы данной главы содержат описательные характеристики психологических особенностей в полисистемном межпоколенном родительстве, включая самих матерей и отцов и их родителей. Следуя этой логике, в главе представлены как психодиагностические методы, ориентированные на изучение типов материнства и отцовства, так и их продуктивные и девиантные типологические характеристики. Заслуживает должного внимания и выделение типов прародительства в контексте их отношения к внукам.

1.1. Самооценка метафорических типов материнства

Инструкция. Вам предлагается несколько вопросов, связанных с объединенным взаимодействием с ребенком. На каждый вопрос предлагается пять вариантов ответов. Вам необходимо выбрать один и обвести кружком соответствующую букву. В ходе выбора ответов попытайтесь представить, как повел бы себя ваш ребенок, когда бы ему было 8 или 18 лет.

Опросник.

1. Чего труднее всего добиться от вашего ребенка?

а) Подумать о других	г) Быть вежливым.
б) Вовремя вернуться.	д) Привести пример чего-нибудь.
в) Оставаться чистым.	е) Не обманывать.

2. Какую обстановку вы выберете для комнаты малыша?

а) Розовые обои с тучками на лазурном небе.	г) Желтые обои с белыми бабочками.
б) Фиолетовые занавески с бахромой.	д) Используете яркие краски.
в) Всю комнату выдержите в морском стиле.	е) Мягкое плюшевое покрытие красного цвета.

3. У вас появилось чувство, что ваш ребенок (8 лет) не слушает вас. Ваши последующие действия для того, чтобы он изменил отношение к тому, что вы рассказываете?

а) Читаете ему нотацию.	г) Объясняете разницу в ваших характерах.
б) Спрашиваете, почему он так поступил.	д) Оставляете его подумать над происшедшем в углу.
в) Отправляете немного погулять и развеяться	е) Дарите подарок.

4. Ваш ребенок потерялся в большом магазине. Где вы будете его искать?

а) В отделе, где продаются всякие сладости.	г) В отделе игрушек.
б) Возле эскалаторов.	д) Возле ларька с мороженым.
в) В отделе запчастей к автомобилям и мотоциклам.	е) Около касс.

5. Телевизор – это палка о двух концах, потому что он:

а) Заменяет родителей.	г) Помогает в чем-то лучше разобраться.
б) Отвлекает от занятий.	д) Образовывает.
в) Портит ребенка.	е) Овладевает тем, кто его смотрит.

6. Вы понимаете, что ваш ребенок (15 лет) от вас что-то скрывает, когда он:

а) Молчалив и задумчив.	г) Рассеян.
б) Нервничает и упрямится.	д) Неаккуратен и раздражителен.
в) Слишком горд и подвержен частым сменам настроения.	е) Нервничает и несет чепуху.

7. Во время беседы с сыном (10 лет) вы слышите неприличное слово. Вы:

а) Ругаете его.	г) Объясняете, что так нельзя.
б) Бьете.	д) Расстроенные, отвечаете тем же.
в) Обижаетесь и хлопаете дверью.	е) Узнаете от него, где он это слышал.

8. Сын (18 лет) без конца просит у вас деньги.
Поскольку это происходит довольно часто, то вы:

а) Подсчитываете, сколько он у вас уже взял.	г) Резко отказываете.
б) Спрашиваете, для чего они нужны ему в этот раз.	д) Делаете вид, что не слышите его просьбы.
в) Даете, но с неохотой.	е) Отдаете свой кошелек.

9 Для вас будущее вашего ребенка — это, чтобы он:

а) Был счастливым и здоровым.	г) Умел из всего извлекать пользу.
б) Достиг целей, которые вы ему поставили.	д) Претворил свои идеи в жизнь.
в) Был во всем первым.	е) Всегда умел найти выход из создавшегося положения.

10. Вашему ребенку (ему или ей) 13 лет.
Случайно оказываясь в ванной комнате и видя ребенка раздетым, вы предпочитаете:

а) Сделать вид, что ничего не заметили.	г) Резко выйти.
б) Попросить его чем-нибудь прикрыться.	д) Дотронуться до него рукой.
в) Поздравить его с наступившими переменами во внешнем виде.	е) Сконфузившись, извиниться за внезапное вторжение.

11. Сын, которому 16 лет, неожиданно заявляет вам, что одна из его подружек будет ночевать сегодня у вас дома. Вы:

а) Стелете ей мягкую постель.	г) Готовите ей отдельную комнату.
б) Мгновенно отказываетесь от этого.	д) Больше не говорите на эту тему.
в) Просите ее сначала вам представить.	е) Находите это нормальным.

12. Каково, по-вашему, золотое правило между братом и сестрой?

а) Поддерживать друг друга.	г) Рассказывать что-то один другому, но только самую малость.
б) Все рассказывать друг другу.	д) Не делиться никакими проблемами.
в) Очень часто драться.	е) Не осуждать действия сестры (брата).

13. Что ему (ей) надо, чтобы сделать его (ее) образование наиболее полным?

а) Овладеть чувством юмора.	г) Обладать усердием.
б) Иметь немного твердости.	д) Быть немного сумасшедшим.
в) Иметь немного элегантности.	е) Изменить свой образ жизни.

14. Самым ужасным будет узнать для вас, что ваш ребенок:

а) Курит марихуану.	г) Заразился СПИДом.
б) Водит машину без прав.	д) Гоняет на мотоцикле без шлема.
в) Провалил вступительные экзамены.	е) Ворует бумажники.

15. Услышав, что ребенок в разговоре произносит «мои старики», вы:

а) Напоминаете ему о вашей молодости.	г) Устраиваете ему скандал.
б) Сделав вид, что не поняли, переспрашиваете.	д) Не разговариваете с ним.
в) Идете взглянуть на себя в зеркало.	е) Рассказываете ему о своих родителях.

Обработка результатов:

Вначале подсчитываются количественные значения каждого из шести букв. Затем по большому значению одной из букв определяется ведущий тип материнского воспитания.

Если, например, у вас больше всего ответов под буквой «г», значит, вашим типом является тип «г», а вы мать-интеллектуалка. И помните – главная цель этого теста не показать вам ваши недостатки, а помочь лучше понять своего ребенка.

Психологические характеристики метафорических типов материнства

Тип А – «мать-курица» – это мать, знающая и заботливая, не боящаяся использовать свой авторитет как для погашения семейных стычек, так и для того, чтобы поставить кого бы то ни было на место. Ее девиз – лучше предупредить, чем лечить. Она, не колеблясь, раздает советы направо и налево, и как бы там ни было – они, по ее мнению, всегда мудрые. Если и бывает, что кто-то ее не слушает, у нее хватает благородства без иронии принять горячие извинения. Не стоит бояться, что, когда дети вырастут, из-за вашего желания заботиться о них вы будете отвергнуты.

Тип Б – «мать-липучка». Этот тип матери не позволяет ребенку ни на минуту расслабиться, и поэтому представители данного типа готовы поручать ребенку даже самые глупые дела. Примите поздравления: в этом вы являетесь чемпионкой. Вас терзают сомнения, не причиняете ли вы детям боль, когда, на ваш взгляд, делаете для них что-то хорошее. Вы не даете детям самим сделать выбор и советуете им делать то, что кажется правильным вам, не забывая без конца повторять: «Это для вашего же блага». Но ваше желание вечного покровительства может помешать вашим детям достигнуть того, чего они хотят. Попытайтесь дать им шанс избавиться от вашего всеобъемлющего чувства заботы.

Тип В – «мать-импресарио» считает, что лучше ее детей никого на свете нет. Бесконечно расхваливая их бесчисленные таланты, она заставляет бледнеть других матерей от зависти. Только она способна так искусно преобразить реальность и еще больше приукрасить правду. Стойкая, мужественная и нежная, она одержима одним желанием: оценить по достоинству способности своих детей, пробуя их в различных областях, заставляя их участвовать в небольших торжествах (которые вы сами же и организовываете), расставленных как ловушки для других матерей, и зная наперед, что их дети не смогут там проявить себя лучше вашего ребенка. Она не боится сделать из своих чад честолюбивых выскочек.

Тип Г – «мать-интеллектуалка», руководствуется тем, что, по ее мнению, воспитание ребенка связано с большими неприятностями и для того, чтобы оно протекало нормально, требуется солидная доза теории. Именно этого ей хватает. Она любит превращать свой обеденный стол в место для семинара, созванного для специального рассмотрения вопросов воспитания ребенка, и каждого, кто сидит за ним, она буквально заставляет «конспектировать» все сказанное. В такой ситуации приглашенные ею люди не мечтают ни о чем так сильно, как о том, чтобы поскорее уйти. Тем не менее они все-таки придерживаются ее советов насчет диеты. Слишком занятая, она забывает про эмоциональную сторону жизни своих детей и их личные проблемы.

Тип Д – «мать-кукушка». Этому типу матерей приятнее выйти в свет, побывать на вечеринке и поужинать в ресторане с друзьями, нежели смотреть за своими детьми. Действительно, воспитание детей может нанести непоправимый ущерб вашей свободе и нарушить привычный уклад жизни. Вы представляете собой полную противоположность ангела-хранителя. Доверяя свое чадо гувернантке, вы постепенно забываете о своей роли родителя и утверждаетесь в мысли, что казаться в его, чадиных, глазах «матерью-курицей» совершенно излишне. Вы, скорее всего, та, которая любит оказывать услугу, не забывая при этом попросить чего-нибудь для себя. Вы никогда не чувствуете угрызения совести, игнорируя проблемы и просьбы своих детей.

Тип Е – «супермать» – это живой пример идеальной матери. Непоколебимая, уверенная в себе и никогда ни на что не жалующаяся, эта мать встает с петухами и ложится спать позже всех. Ваш день заполнен одинаково как хозяйственной, так и домашней работой. Смелая и веселая, вы умеете быть одновременно хорошей матерью и прекрасной женой. Ведя деловой разговор, вы в состоянии одновременно позвонить домой, чтобы узнать, как там ваш малыш. Не сдаваясь надвигающейся старости, вы умеете принимать активное участие в жизни ваших уже довольно взрослых детей, не забывая, конечно, и про себя. Кроме того, вы являетесь не только супер, но и вечной матерью. И кое-что для вашего мужа: при вас он не может быть никем другим, как только суперотцом.

1.2. Описательные характеристики поведенческих типов материнства

Помимо рассмотренных типов материнского воспитания, выявленных на основе тестирования, исследователями в области семейного воспитания выделено несколько описательных поведенческих типов материнства:

1. «Супермама» – стремится развивать умственные способности ребенка, старается научить его чему-нибудь новому, однако счастливо избегает крайностей. Она любит своего ребенка таким, каков он есть. Называя окружающие предметы, например: «Это мяч», она расширяет произносимое ребенком предложение, вводя новое слово, например: «Это красный мяч», или подсказывая связанные с ним понятия. Такой маме удается сохранить необходимое равновесие между занятиями, которые происходят по ее инициативе, и самостоятельными делами ребенка.

2. «Мама-деспот» – ребенок с утра до вечера занят исполнением ее приказов и распоряжений. Она вечно недовольна успехами своего чада, желает видеть в нем вундеркинда.

3. «Почти мама» – любит свое дитя и принимает его таким, каким оно есть. Но ее поведение бессистемно и хаотично, и она не в состоянии удовлетворить потребность своего ребенка. Ей не хватает способностей влиять на умственное развитие своего сына или дочери. Такой тип матерей обычно пассивно ждет проявления инициативы со стороны ребенка, но когда так происходит, не понимает ее мотивов.

4. «Замученная мама» – считает свои повседневные обязанности столь тягостными, что не выделяет времени для детей, которыми обычно занимаются старшие братья и сестры, или они «занимаются» сами собой в запущенном донельзя доме. Обычно это многодетные матери, не имеющие достаточных средств на содержание семьи.

5. «Мама-педант» – дом прекрасно организован, у ребенка есть все, чего душа желает, однако он одинок и большую часть времени проводит наедине с собой. Налицо отсутствие взаимопонимания между такой мамой и ее ребенком, который, кстати, несмотря на обилие игрушек, остается довольно-таки заурядным.

Разумеется, приведенные пять поведенческих типов материнства представляют собой крайние случаи. Каждый из них иначе формирует личность и характер своего ребенка. «Супермама» воспитывает малыша практичным, сообразительным, охотно решающим новые проблемы. Ребенок «мамы-деспота» бывает эрудированным и честолюбивым, однако эмоциональная незрелость делает его робким или даже инфантильным. «Замученная мама» воспитывает ребенка интеллектуально неразвитым, не умеющим себя вести в нетипичной ситуации. Это тип маленького плаксы, часто грустного и потухшего. «Почти мама» хорошо выполняет свои обязанности только в первые месяцы жизни ребенка, когда же появляется вопрос развития его умственных способностей (примерно к 14 месяцам жизни), она не в силах справиться с новой, сложной для нее задачей. И если ребенок «супермамы» продолжает хорошо развиваться, то ребенок «почти мамы» задерживается в развитии.

Попробуйте оценить по приведенным критериям модель общения с вашим ребенком.

1.3. Эмоциональные типы материнства

Небезынтересна и эмоциональная типология материнства, выделенная О.Г. Прохоровой (2007). По мнению автора, типы материнства «классифицируются» по следующим эмоциональным проявлениям:

Спокойная уравновешенная мама – настоящий эталон материнства, она всегда все знает о своем ребенке, чутко реагирует на его проблемы, вовремя приходит на помощь, заботливо растит его в атмосфере благожелательности и добра.

Тревожная мама вся во власти того, что ей мнится по поводу здоровья ребенка; она во всем видит угрозу благополучию ребенка, тревожность и мнительность матери создают тяжелую обстановку, которая лишает покоя всех членов семьи.

Тоскливая мама вечно всем недовольна, она озабочена исключительно собой, своим будущим; ее беспокойство и нервозность вызваны мыслями о ребенке, в котором она видит обузу, преграду на пути к возможному счастью. Вывод ясен: ребенку с мамой не повезло.

Уверенная и властная мама твердо знает, что хочет от ребенка; жизнь ребенка спланирована до его рождения, и от воплощения задуманного мама не отходит ни на йоту.

«Ваяя» ребенка по идеальной модели. как отмечает О.Г. Прохорова, – мать подавляет его, стирает его неповторимость, гасит стремление к самостоятельности, тем паче к инициативе.

1.4. Специфические особенности девиантного материнства

Исследования психологов подтвердили, что многие современные матери не обладают достаточным уровнем компетентности в сфере воспитания маленького ребенка, следствием чего является девиантное материнство.

Девиантное материнство – отклоняющееся поведение матери, проявляющееся в эмоциональном и физическом отвержении ребенка, выраженное в различных формах (гипоопека, авторитаризм, гиперопека, физическое и психическое насилие, отказ от ребенка), имеет большое влияние на формирование дефицита в психическом и физическом развитии ребенка.

Девиантное материнство можно рассматривать и как причину, и как следствие семейного неблагополучия (Е.В. Куфтяк).

D. Pines предлагает объяснение, почему для некоторых женщин беременность завершается отказом от ребенка или другими формами отклоняющегося материнского поведения. Она объединяет в единый комплекс такие черты, как инфантилизм, повышенную потребность в любви, связанную с чувством обделенности вниманием и заботой в детстве, сексуальную неразборчивость, эгоцентризм. В фантазиях такие

женщины сами – дети, поэтому у них нет желания беременеть. Если даже и хотят, то им трудно окружить ребенка заботой и любовью, потому что им самим кажется, что они недостаточно получили эту любовь. У них могут проявляться сильные садистские черты на их сексуальных партнеров, и, если они станут матерями, это скажется на их привыкании к ребенку и на их агрессивных проявлениях, особенно к мальчику.

В заключение отметим, что проблема компетентной матери чрезвычайно сложна и многообразна, в разные исторические времена у разных народов она решалась по-своему, поэтому не существует однозначного ответа на вопрос: какая мать лучше? Над этой проблемой работали и работают в настоящее время многие ученые разных направлений. Современные представления о алогической готовности к материнству и материнской компетентности на этапе младенчества показали, что детско-родительские отношения в первые месяцы и годы жизни ребенка имеют чрезвычайно важное значение для его дальнейшего развития и психического здоровья. Мужчина лучше справляется с большим ребенком, чем с маленьким.

1.5. Квалиметрическая оценка типов отцовства

Инструкция. Вам предлагается несколько утверждений, связанных с объединенной направленностью современных отцов. В ходе работы с тестом рядом с номером утверждения укажите свой ответ в форме «согласен» (+), «не вполне согласен» (±), «не согласен» (-).

Опросник.

1. Мужчина лучше справляется с большим ребенком, чем с маленьким.
2. После развода дети должны оставаться с матерью.
3. Хороший муж обычно бывает и хорошим отцом.
4. Мужчины, как правило, не умеют проявлять свои чувства так же открыто, как женщины.
5. В вопросах воспитания мнение отца должно быть решающим.
6. Первое время после рождения малыша женщина может уделять мужу меньше внимания.
7. Лучше вообще жить без отца, чем терпеть отца равнодушного.
8. Поскольку считается, что женщина все делает лучше мужчины, пусть она и воспитывает детей.
9. Когда у ребенка что-то не ладится, он всегда идет к матери.
10. Чем сильнее любовь к малышу, тем легче его воспитывать.
11. Отец должен только тогда вмешиваться в воспитание, когда жена об этом попросит.

12. После развода родителей маленький ребенок совершенно не замечает отсутствие отца.

13. Женщины, как правило, балуют детей.

14. Отцам полезно проводить отпуск вместе с детьми.

15. Мальчики с ранних лет должны воспитываться иначе, чем девочки.

16. Некоторые дети охотнее проводят время с отцом, чем с матерью.

17. Я представляю, что ребенок для моей (моего) жены (мужа) будет важнее, чем я.

18. Во всех вопросах воспитания я смогу успешно заменить жену (мужа).

19. Ребенок должен больше уважать отца, чем мать.

20. Моя жена (мой муж) всегда будет вмешиваться, когда я буду начинать заниматься с детьми.

21. Мужчина при желании может обращаться с новорожденным не хуже женщины.

22. Отец важнее для сына, чем для дочери.

23. Моя жена (мой муж) не будет относиться ко мне серьезно как к воспитателю.

24. Когда в семье есть бабушка, воспитывать ребенка намного легче.

Обработка данных осуществляет путем перевода ответов в баллы. При этом ответ «согласен» (+) оценивается в 2 балла, «не вполне согласен» (±) – 1; «не согласен» (-) – 0.

Существует три типа отцов: «традиционный отец», «отец-кормилец», «современный отец». Первый тип отцов охарактеризован ответами на вопросы 1, 4, 5, 12, 13, 15, 19, 22. Второй тип – 2, 6, 8, 9, 11, 17, 20, 23. Третий тип – 3, 7, 10, 14, 16, 18, 21, 24. Подсчитайте, сколько баллов по каждому из трех типов отцов вы набрали. Какой показатель больше, на такой тип отца в семейной жизни вы ориентируетесь. Максимальный результат по одному из типов должен быть более 9 баллов. Если меньше, то результат не засчитывается.

«Традиционный отец». Он – глава семьи, представляет ее интересы во всех «внешних отношениях», является последней инстанцией и в решении вопросов, связанных с воспитанием ребенка. Он несколько суров, придает слишком большое значение дисциплине, выполнению детьми своих обязанностей. По мере взросления ребенка отец начинает больше заниматься его воспитанием, особенно воспитанием сыновей. Но сердечных отношений между ними, как правило, нет. Дети обычно относятся к отцу сдержанно, чувствуя, что он не слишком хорошо осведомлен об их нуждах и потребностях.

«Отец-кормилец». Мужчина предоставляет жене полную свободу в вопросах воспитания. Он считает, что все равно не может заменить жену в области педагогики, тем более что постоянно занят служебными

делами. Но даже в свободное время он не горит желанием заняться детьми. Неудивительно, что со временем дети перестают относиться к нему серьезно. В такой ситуации женщине, видимо, стоит пойти на небольшую хитрость – изредка уезжать из дома хотя бы на несколько дней, оставляя детей под опекой мужа. Тем самым мужчина понял бы, что вы доверяете ему как отцу.

«Современный отец». Для такого отца все дела, связанные с ребенком, привычны и очевидны. Хотя у него не так много свободного времени, как ему хотелось бы, вечера он обычно проводит с детьми. Он любит детей.

1.6. Метафорические типологии современного отцовства (по О.Г. Прохоровой, 2003)

В зависимости от отношения к ребенку выделяют определенные «типы» отцов, назовем их:

– *«папа-мама»* – по-матерински заботливый папа, он берет на себя все функции мамы: искупает, накормит, уложит спать;

– *«мама-папа»* – отец, который главную заботу видит в том, чтобы получше угодить чаду; он безропотно тянет родительскую ношу: заботлив, нежен, без перепадов настроения; ребенку все разрешается, все прощается, и он может превратиться в маленького деспота;

– *«Карабас-Барабас»* – отец-пугало, злой, жестокий, признающий всегда и во всем лишь «ежовые рукавицы»; в семье царит страх, загоняющий душу ребенка в лабиринт тупикового бездорожья;

– *«крепкий орешек»* – непреклонный тип папы, признающий лишь правила без исключения, никогда не идущий на компромисс, не облегчающий участь ребенка, когда он сам не прав;

– *«попрыгунья-стрекоза»* – папа, живущий в семье, но не чувствующий себя отцом; его идеал – свободная жизнь, без ответственности за судьбы близких людей, семья для него – тяжелая ноша, ребенок – обуза, предмет заботы жены (что хотела, то получила!), при первой возможности этот тип превращается в приходящего папу;

– *«добрый молодец», «рубаха-парень»* – с ним интересно, легко, весело, он любому бросится на помощь, но при этом забудет о собственной жене, семье; ребенок живет в атмосфере ссор и конфликтов, в душе сочувствуя папе, но не в силах ничего изменить;

– *«ни рыба ни мясо», подкаблучник* – не имеет своего голоса в семье, во всем вторит жене, даже если она не права; опасаясь ее гнева,

в трудные для ребенка моменты он не осмеливается перейти на его сторону, поддержать.

В последнее время выделен еще один тип отцовства – «мерцающий» отец. К этому типу относят отцов, проживающих с семьей, но фактически занимающиеся воспитанием детей от случая к случаю. Поводом для общения с детьми являются требования учителей или настоятельные «домогательства» жен. Вслед за подобным «пиковым» вмешательством в личную жизнь ребенка наступает очередной отход отца на привычную дистанцию.

1.7. Психологические особенности «мерцающего» родительства

В США каждый пятый-шестой отец признается специалистами «мерцающим», так как он не живет с семьей либо появляется в доме редко. Анализ качества детско-родительских отношений, предпринятый нами в Ростове-на-Дону в 1996 г., свидетельствует о еще более грустной картине: из 186 обследованных семей с ребенком-школьником в 162 зафиксированы признаки «мерцающего» отца. (В.А. Лабунская, 2008).

Однако общение матери с детьми также имеет «мерцающий» характер, хотя несколько иного качества. Это общение также «инструментально», но чаще связанно с организацией быта семьи, а в семьях с детьми – школьниками из первых – вторых классов еще и с вопросами обучения в школе. Результатом подобно «мерцательно-воспитательного» взаимодействия с собственными детьми является несформированность образов отца и матери у взрослеющих дочерей и сыновей, отсутствие четкого реалистического образа мужчины и женщины у будущих граждан страны.

В процессе же выработки отцовской позиции, ее реализации и коррекции на мужчину влияет его ближайшее окружение (друзья, знакомые, родственники). Их мнения и взгляды способны изменять динамику и логику внутрисемейных отношений через изменение взглядов и позиций супруга, его новое понимание роли отца.

Некоторые психологи (В. Йонен и др.) считают, что поведением, мнениями и взглядами мужчин управляют различные фобии, они боятся оказаться несостоятельными во многих областях: профессиональной, сексуальной, семейной, имущественно-финансовой и др. Они опасаются подчиненного положения, конкуренции, собственных неблаговидных поступков, беспомощности, одиночества, т.е. боятся, что в них перестанут нуждаться.

С точки зрения фобий проблемы отцовства представляются системой комплексов, от которых мужчина хочет защититься. В мальчика, будущего отца, закладывается множество социальных и индивидуальных стереотипов окружающих его людей, с которыми ему как человеку, а не как «настоящему мужчине» предстоит справиться.

1.8. Квалиметрическая оценка типов прародительства

Назначение. Определение ролевой значимости прародителей в воспитании детей.

Инструкция. На предложенные вопросы даны три варианта ответов. Вам необходимо выбрать один из них, обведя соответствующую букву кружочком.

1. Если ваши дети захотели мороженое или конфеты, как вы думаете, бабушка или дедушка удовлетворят их желание?

а) Если это перед едой, то нет;

б) Да, но лишь изредка;

в) Почти всегда.

2. Дети разбрасывают вещи, игрушки. Как поступят ваши родители?

а) Сделают замечание;

б) Потребуют немедленно все собрать;

в) Сами приведут все в порядок.

3. Как поступят дедушка или бабушка, если их внуки употребят какие-то обидные, грубые слова?

а) Запретят впредь говорить так;

б) Если это случится еще раз, то накажут;

в) Не обратят внимания или попытаются все обратить в шутку.

4. Как дедушка или бабушка воспитывают у внуков стремление к труду?

а) Личным примером;

б) Требовательностью;

в) Они стремятся освободить их от труда.

5. Как они поступают, если дети просят купить им какую-то игрушку?

а) Обещают, но не спешат с покупкой;

б) Все зависит от ее стоимости;

в) Они сразу же исполняют желание внуков.

6. Учит бабушка или дедушка своих внуков отличать хорошее от плохого?

а) Всегда объясняют, что хорошо, а что плохо;

б) Ругают;

в) Считают, что когда внуки подрастут, то сами во всем разберутся.

7. Внучка, вытирая пыль, случайно разбивает любимую вазочку бабушки. Как она отреагирует?

а) Поможет собрать осколки;

б) Строго отчитает;

в) Запретит впредь вытирать пыль.

8. Каково отношение стариков к проявлению самостоятельности внуков?

а) Поощряют с малых лет;

б) Им нравится это качество;

в) Они считают, что внуки еще слишком малы

9. Внуки должны помочь очистить школьный двор. Что в таком случае говорит им бабушка или дедушка?

а) Советуют получше стараться;

б) Вообще не обсуждают этот вопрос;

в) Ворчат, что уборка двора — не их дело.

10. Внуки в чем-то провинились. Как реагируют на это бабушка или дедушка?

а) Ругают их за это;

б) Наказывают тем, что лишают какого-то лакомства или запрещают делать то, что им нравится;

в) Встают на сторону детей.

Обработка и интерпретация результатов сводится к переводу буквенных ответов в баллы, ответ «а» оценивается 10-ю баллами, ответ «б» – 5-ю; ответ «в» –1 баллов. Затем на основе суммарного результата дается представление о ролевой значимости и ролевой позиции прародителей (бабушек и дедушек) в воспитании детей.

76–100 баллов. Ваши бабушка и дедушка активно помогают вам воспитывать добрых и хороших детей. Они строги и не отступают от своих принципов. Поддерживайте самостоятельность ваших детей. Если ваши дети станут проявлять известную холодность в отношениях с бабушкой или дедушкой, то постарайтесь содействовать созданию атмосферы душевности в семье. Постарайтесь и вы быть такими же, как ваши родители.

33–75 баллов. Бабушка и дедушка допускают поблажки при воспитании внуков. Конечно, они делают это невольно, без злого умысла. Но если вы замечаете, что они в этом переусердствовали, то постарайтесь деликатно поправить их. Уважение, понимание и любовь, которые существуют между бабушкой, дедушкой и внуками, – это, конечно же, прекрасно, но, согласитесь, эти чувства не должны сказываться на качестве воспитания.

32 балла и менее. Своей чрезмерной любовью бабушка и дедушка оказывают плохую услугу внукам. И если вдруг случится так, что ваши

родители уже не смогут помогать вам, то вы окажетесь «один на один» с избалованными, капризными детьми, а от этого и вы сами почувствуете себя слабыми и беспомощными.

1.9. Метафорические типы прародительства

Общеизвестно, что присутствие бабушек и дедушек – символ стабильности, интегрирующий центр, сдерживающий фактор при угрозе распада семьи. В этой связи выделяют следующие метафорические типы прародительства:

– семейная «национальная гвардия» – призваны быть рядом в трудный момент, оказать поддержку в кризисной ситуации;

– арбитры – способны согласовывать семейные ценности, разрешать внутрисемейные конфликты;

– хранители семейной истории – создают ощущение преемственности и единства семьи.

По критерию внутрисемейной роли О.В. Краснова выделяет следующие типы прародительства:

– формальные – строят отношения в соответствии с социальными предписаниями о роли старшего в семье;

– «суррогатные родители» – берут на себя ответственность и заботу о внуках;

– источник семейной мудрости – осуществляют связь с семейными корнями;

– «затейники » – организуют отдых и досуг внуков;

– отстраненные – редко включены в реальную жизнедеятельность семьи детей и внуков.

По узкоролевой позиции выделяются следующие типы бабушек:

– гармоничные – сочетают высокие идеальные представления о роли бабушки и реальную сильную вовлеченность в жизнь внуков;

– далекие – имеют заниженные социальные и личностные представления о социальной роли бабушек и занимают обособленную позицию по отношению к проблемам внуков;

– символические – имеют высокий социально-нормативный образ бабушки при неразвернутости реальных взаимоотношений с внуками;

– индивидуальные – акцентированы личностные аспекты поведения.

1.10. Экспертная оценка типов прародительского отношения к внукам (С.Ф. Спичак, в модификации Н.П. Фетискина)

Инструкция. Вам предлагается оценить своих родителей в роли воспитателей ваших детей. В ходе такой оценки вам необходимо выбрать из каждого утверждения один из обозначенных в буквенной форме (а, б, в). Свои ответы можно либо обвести кружочком, либо на чистом листе бумаги рядом с №/№ вопроса указать свой ответ в буквенной форме.

1. Если Ваши дети захотели мороженое или конфеты, как Вы думаете, бабушка и дедушка удовлетворят их желание?

а) если это перед едой, то нет;

б) да, но лишь изредка;

в) почти всегда.

2. Дети разбрасывают вещи, игрушки. Как поступят старики?

а) сделают замечание;

б) потребуют немедленно все собрать;

в) сами приведут все в порядок.

3. Как поступят дедушка и бабушка, если их внуки употребят какие-то обидные, грубые слова?

а) запретят впредь говорить так;

б) если это случится еще раз, то накажут;

в) не обратят внимание или попытаются обратить все в шутку.

4. Как дедушка или бабушка воспитывают у внуков стремление к труду?

а) личным примером;

б) требовательностью;

в) они стремятся освободить их от труда.

5. Как они поступают, если дети просят купить им какую-нибудь игрушку?

а) обещают, но не спешат с покупкой;

б) все зависит от ее стоимости;

в) они сразу же исполняют желание внуков.

6. Учат бабушка или дедушка своих внуков отличать хорошее от плохого?

а) всегда объясняют, что хорошо, а что плохо;

б) ругают;

в) считают, что когда внуки подрастут, то сами во всем разберутся.

7. Внуки, вытирая пыль, случайно разбивают любимую вазочку бабушки. Как она отреагирует?

а) поможет собрать осколки;

б) строго отчитает;

в) запретит впредь вытирать пыль.

8. Каково отношение стариков к проявлению самостоятельности у внуков?

а) поощряют с малых лет;

б) им нравится это качество;

в) они считают, что внуки еще слишком малы.

9. Внуки должны во дворе школы помочь очистить двор. Что в таком случае говорят им бабушка или дедушка?

а) советуют получше стараться;

б) вообще не обсуждают этот вопрос;

в) ворчат, что уборка двора — не их дело.

10. Внуки в чем-то провинились. Как реагируют на это бабушка или дедушка?

а) ругают их за это;

б) наказывают тем, что лишают какого-то лакомства или запрещают делать то, что им нравится;

в) встают на сторону детей.

Обработка и интерпретация результатов производится путем определения суммарного результата с помощью перевода буквенных ответов в количественные показатели (баллы). Буквенные ответы оцениваются (в баллах) следующим образом: «а» = 10 баллов; «б» = 5 баллов; «в» = 1 балл.

– Обычный прародительский тип (67–100 баллов) Он характеризуется тем, что бабушки и дедушки этого типа активно участвуют в уходе за ребенком и оказании помощи в гармоническом воспитании внуков. Они строги и не отступают от своих принципов. Поддерживают детскую самостоятельность. Если дети станут проявлять известную холодность в отношениях с бабушкой и дедушкой, то постарайтесь содействовать созданию атмосферы душевности в вашей семье.

– Потворствующий прародительский тип: (33–66 баллов) проявляется в поблажках, снисходительности, выгораживании детских проступков, потакательстве и пониженной требовательности.

Уважение, понимание и любовь, которые существуют между бабушкой, дедушкой этого типа и внуками не должны сказываться на качестве воспитания.

– Тип повышенной прародительской опеки (32 балла и меньше). Его отличает избыточная забота, защита от любых неприятностей и опека в обычных жизненных ситуациях. Результатом такого прародительского отношения может служить не только избалованность, но и вседозволенность, эгоцентризм, капризность и родительская беспомощность в воспитании ребенка.

ГЛАВА 2. МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ДЕВИАНТНЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ К ДЕТЯМ

Основной акцент данной главы сделан на анализе девиантных позиций и отношений к детям на разных этапах их онтогенетического развития. В этом контексте рассмотрены подходы родителей к типологизации своих детей, как в перинатальном, так и постнатальном периодах. Выделены не только гиперболизированные детские роли в идеализированных представлениях родителей, но и негативно деструктивные роли. Предложены психодиагностические методики для самооценки родительских отношений к детям, родительского воспитательного потенциала и оценки доминирующих способностей своего ребенка.

2.1. Ролевая типологизация детей в системе родительства

Специфические ролевые типы детей складываются на разных стадиях родительства или материнства: от беременности до более поздних возрастных стадий развития ребенка. В этой связи целесообразно рассмотреть:

1. Родительские типологии детей в перинатальный период. Данную типологию детей составляют типы случайного, вынужденного, преждевременного, несоответствующего по полу, лишнего и «промежуточного» ребенка.

Случайным, т. е. не ожидаемым в данное время, оказывается ребенок у слишком молодых, не озабоченных рождением детей родителей или, наоборот, в семьях, где есть один или два ребенка и нет конкретного желания иметь других детей, впрочем, и нет отрицательного отношения к уже возникшей беременности.

Вынужденный ребенок тоже появляется случайно, когда его еще не ждали, возможно, до заключения брака. Тогда факт беременности и становится обязательной, нередко вынужденной причиной брака.

Преждевременные дети в принципе желанные, но появляются раньше времени, когда родители еще не готовы психологически. Восполнять недостающие чувства к ребенку приходится по мере его роста.

Нежеланный по полу ребенок тоже имеет проблемы в развитии, вызванные неадекватным воспитанием со стороны родителей. К мальчику относятся как к девочке, больше опекают, ограничивают самостоятельность и активность, не развивают специфические формы общения со сверстниками того же пола. Девочку, наоборот, больше стимулируют, нацеливают на успех и наказывают при непослушании. Нежеланные дети в противовес желанным уже с самого рождения физически слабые, с плохим аппетитом, часто и подолгу болеют; у них значительно выше риск развития нарушений поведения, патологических привычек и пристрастий, самоубийств и смертности в целом. Нежеланными по полу оказываются как первые, так и вторые дети в семье. Все же в более чистом виде нежеланность по полу может чаще встречаться у единственных или первых (старших) детей, в то время как про вторых (младших) лучше говорить как о лишних по полу детях. (Л.Б. Шнейдер, 2006).

Основанием данных типов детей является эмоциональное неприятие детей, которое обусловлено не их нежеланностью, преждевременностью беременности, а несоответствием пола ожиданиям родителей.

2. Ролевые типологии детей в постнатальный период. В этом периоде ролевые типы детей во многом определяются также, как и в перинатальный (дородовый период) позитивным (симпатией, уважением, близостью) или негативным отношением (антипатией, пренебрежением, отстраненностью), стилем воспитания, характером родительских отношений, типом семьи и др. Характеризуя ролевые позиции детей в гармоничных и дисгармоничных семьях, необходимо отметить их общую природу происхождения, заключающуюся в гипербализации неадекватной, как положительной, так и отрицательной, мотивации родителей (А.С. Спиваковская, 2000). В этой связи целесообразно выделить две группы детских ролевых типологий, различающихся по модальности родительских отношений.

3. Позитивно-гиперболизированные роли ребенка в системе родительства. В случаях гиперболизированной позитивной родительской мотивации ребенок может выполнять следующие роли:

«Любимчик» (по выражению Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса – «расширение сферы родительских чувств»). Чрезмерная концентрация на ребенке возникает чаще всего тогда, когда супружеские отношения почему-либо не удовлетворяют родителей (несоответствие характеров, эмоциональная холодность и т. д.) или отсутствуют (раз-

вод, смерть одного из супругов). Нередко при этом мать или (реже) отец, сами не осознавая, хотят, чтобы ребенок удовлетворил хотя бы отчасти потребности во взаимной исключительной привязанности, которые в гармоничной семье удовлетворяются в психологических отношениях супругов. Появляется стремление отдать ребенку (как правило, противоположного пола) «все чувства, «всю любовь». Нередко мать отказывается от повторного замужества, карьеры. В подростковом возрасте у родителей возникает страх перед самостоятельностью детей, желание удержать их. Характерны заявления матери о том, что ей никто не нужен, кроме сына, и многочисленные придирки к его подругам. Обычно родители при этом не осознают побудительных мотивов своего поведения (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, 2000, С. 524).

«Кумир семьи» – это ребенок, привыкший быть в центре внимания, его желания, просьбы беспрекословно выполняются, им восхищаются, а в результате, повзрослев, он не в состоянии правильно оценить свои возможности, преодолеть свой эгоцентризм.

«Вундеркинд», «надежда семьи». В основе роли лежит стремление родителей замещающим образом удовлетворить собственные неудовлетворенные потребности (например, проблемы с карьерным ростом, неудачный брак, ощущение собственной неполноценности и т, д.) и желание компенсировать это через идентификацию с ребенком. В этом случае к ребенку предъявляются чрезмерно завышенные требования, а отношение к нему ставится в сильную зависимость от его успехов в спорте, в искусстве и т. д.

«Бэби», «маленький ребенок» («предпочтение в ребёнке детских качеств»). Даже повзрослевший воспринимается семьей только как ребенок, от которого ничего не зависит. Родители стараются игнорировать взросление детей, сохранить у них такие детские качества, как непосредственность, наивность, игривость, Одновременно снижается уровень требований к ребенку и стимулируется развитие психологического инфантилизма. Нередко родители открыто признают, что маленькие дети им нравятся больше, а с большими уже не так интересно. Такое отношение может быть обусловлено боязнью родителей переходить на новую стадию жизненного цикла, семейных взаимоотношений, неуверенностью в своих воспитательных возможностях (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, 2000).

«Баловень судьбы» или «избалованный ребенок». К этой категории избалованных детей относят тех, которым разрешено буквально все. Если родители отказывают таким детям в исполнении их желания, те отвечают вспышкой раздражения и начинают манипулировать родителями, устраивая им провокации (ломая вещи,

угрожая побегом). Зачастую такие дети измеряют свою собственную значимость количеством полученных ими вещей. Получение какой-то вещи является для них показателем любви и признанием их весомого положения. Поскольку такие дети были воспитаны только «получать», когда родители отказывают им в чем-то, они могут переживать это как угрозу их последующим взаимоотношениям. Это дети категории «дай мне!», то есть те, которые каждого встречают со словами: «А что ты мне принес?» (Б. Бернис, Г. Гарольд, В. Макоби, 2008).

«Вседозволенный ребенок» – это дети, выросшие в атмосфере вседозволенности. Такие дети обычно заставляют работать на себя всех своих домашних. Они разбрасывают вещи по всему дому; они пишут каракули на стенах или мебели; они приходят и уходят тогда, когда им захочется, не принимая во внимание время завтрака, обеда, ужина, и т. д. Родители делают все, чтобы ни в коем случае не вызвать у ребенка чувства неудовлетворенности. У таких детей часто появляется ощущение, что им дано право получать все, что им захочется. Они могут затевать драку, когда им скучно, единственной ее целью служит желание развеяться и разогнать скуку.

Характеризуя роли вседозволенного ребенка, Б. Бернис, В. Макоби отмечают, что в отличие от избалованных детей, вседозволенному ребенку родители не всегда дают те материальные вещи, которые он пожелал, но ему позволяют поступать так, как ему хочется, совершенно при этом не принимая во внимание то, как эти действия скажутся на других. Зачастую это делается под влиянием идеи, что очень важно дать ребенку возможность «выразить» себя, не испытывая при этом чувства разочарования.

4. Негативно-деструктивные роли ребенка в системе родительства. Более пагубные последствия для формирования личности ребенка имеют роли негативного плана, с помощью которых не только фиксируется низкая ценность ребенка в семье, но и деформируются системы отношений личности, составляющие ядро характера.

Многие из приведенных ниже негативных детских ролей носят обыденный эмоционально-экспрессивный характер. К числу таких детских ролей относят: **роль «ужасного ребенка»** в ее многочисленных разновидностях. Ребенок, вынуждаемый играть эту роль (ибо таковы ожидания старших), воспринимается в семье как субъект, создающий лишь хлопоты и напряженные ситуации. Он непослушен, своеволен, лишен чувства долга и даже злонамерен, поскольку многие его поступки можно рассматривать как действия назло взрослым. Все в семье только и делают, что приводят его к порядку бесконечными выговорами и наказаниями. Поскольку это часто не дает желаемого

эффекта, ребенок кажется родителям еще более ужасным. Так у него по мнению В.М. Целуйко, появляется **роль «мучителя»**. Иногда приписывание ему подобной роли вполне оправданно: в силу определенных причин природного и социального характера его психический склад представляет немалые трудности для воспитания. Однако не всегда дело заключается в самом ребенке. За приписыванием ему данной роли может скрываться ситуация мнимого сотрудничества в семье, из плохого поведения ребенка делается своего рода внутрисемейный «фетиш», парадоксальным образом сплачивающий эмоционально разобщенных людей. Порой попытка навязать ребенку роль «мучителя», как отмечает В.М. Целуйко, связана с внутрисемейным соперничеством: перелагая друг на друга вину за «распущенность» ребенка, взрослые сознательно добиваются самоутверждения в семье. Подобный ход кого-либо из старших может служить также средством самоустранения от заботы о ребенке («Вы его распустили – вы за него и отвечайте!») либо средством изоляции в семье кого-то из ее членов. Например, таким путем может оправдаться изоляция бабушки или отца ребенка, так как они попустительствуют его капризам. Возможны случаи, когда приписывание ребенку роли «ужасного» является способом изолировать от семьи самого ребенка. Наиболее вероятен подобный вариант в семьях, где есть ребенок от первого брака и рождается второй, на котором концентрируются все нежные чувства взрослых. Старший ребенок не может не реагировать на это обидой и ревностью: он начинает ощущать себя ненужным и нелюбимым. Чувства эти постепенно и незаметно накапливаются в душе ребенка. Потом какой-то один факт, в результате которого он наиболее ярко ощущает свою незначимость в семье, вдруг вызывает сильную, казалось бы, не соответствующую ситуации эмоциональную реакцию ребенка – реакцию протеста (непослушание, капризы, действия «назло»). Такими реакциями ребенок пытается вернуть себе утраченное внимание взрослых и заставить их заниматься им. Взрослые, однако, используют эти реакции для того, чтобы объявить ребенка «ужасным» и тем самым оправдать в собственных глазах его изоляцию. Его «плохость», «испорченность» для родителей и окружающих становится очевидной, он все больше теряет доверие и родительскую теплоту (В.М. Целуйко, 2007. – С. 97–97).

Роль «козла отпущения» заключается в том, что ребенок служит громоотводом для разрядки эмоций родителей, испытывающих конфликтные, фрустрирующие переживания в семье или вне ее. В основе этой роли также лежит механизм замещения, позволяющий адресовать негативные эмоции лицу, не способному дать отпор. Ребенок же очень часто является самым беззащитным членом семьи.

Ребенок в роли семейного «козла отпущения» для всех ее членов однозначно плох, а это дает им возможность разряжать на нем свое раздражение, возникающее вследствие неудовлетворенности браком или недовольства друг другом. Ребенок становится в таких случаях самым удобным объектом для выражения накопившегося негодования. Во-первых, он не даст сдачи. Во-вторых, всегда можно найти повод для выплескивания на ребенка своей агрессии: то он недостаточно опрятен, то сделал что-то наперекор, а то и вовсе не так смотрит, т. е. объект для разрядки психического напряжения без особого труда находится всегда.

Постоянно ощущая недовольство со стороны родителей, ребенок постепенно начинает осмысливать себя как «плохого, ни на что не способного», как человека, «достойного всяческих порицаний». Следует заметить, что общей для детей в положении «козла отпущения» является только низкая самооценка, а приспосабливается к данной структуре межличностных отношений каждый по-своему. Одни принимают роль «серой мышки» («забитого»): они начинают бояться наказаний за любое свое высказывание и любой поступок, а поэтому стараются как можно меньше попадаться на глаза родителям. Такие дети оставляют впечатление замкнутых в себе, «загнанных» детей, которые с большим недоверием и ожиданием наказания смотрят на окружающих. Стремятся быть незаметными (В.М. Целуйко, 2007. – С. 98).

Роль «путающегося под ногами». Ребенок чувствует, что всем мешает и вызывает у домашних одно раздражение. Такие дети развивают в себе способность противостоять нападкам родителей, ведут себя по отношению к ним все более агрессивно, становясь со временем неудобным «объектом» для эмоциональной разрядки. Чувствуя себя эмоционально отвергнутым, такой ребенок своим поведением бросает вызов семье. Закрепившиеся в его сознании чувство гнева, желание бросить вызов окружающим постоянно затрудняют его адаптацию не только в семье, но и за ее пределами; могут привести к отклонениям в поведении. Иногда родители спохватываются и, пытаясь наверстать упущенное, усиленно взывают к совести ребенка, надеясь, что он сам в душе будет корить себя за всякий неблаговидный поступок. К сожалению, их увещевания ни к чему хорошему не приводят: он привык к тому, что за любую ошибку или шалость его неизбежно сурово наказывают, а поэтому совесть его приучается бездействовать. К чему наказывать самого себя, если тебя и так накажут? Вместо укоров совести, на которые рассчитывают родители, ребенок в этой ситуации чувствует лишь обиду и подспудную жажду мщения. В других же случаях, видя опасность своих выходок (наказание будет слишком жестоким), он рано приучается хитрить, сваливать свою

вину на других детей либо на взрослых, искать поддержку у одного из членов семьи, чтобы спастись от притеснений другого. Так за ним закрепляется роль «маленького хитреца» (разновидность роли «ужасного ребенка») (В.М. Целуйко, 2007. – С. 99).

Роль «Золушки» формируется в обстановке эмоциональной отверженности, безразличия, холодности. Ребенок чувствует, что отец или мать его не любят, тяготятся им, хотя посторонним может казаться, что родители достаточно внимательны и добры к нему. «Нет ничего хуже притворства доброты,– писал Л. Толстой, – притворство доброты отталкивает больше, чем откровенная злоба». Ребенок переживает особенно сильно, если кого-то другого из членов семьи любят больше. Такая ситуация способствует появлению неврозов, чрезмерной чувствительности к невзгодам или озлобленности детей. Независимо от своего поведения, ребенок не получает одобрения, зато замечаются все его недочеты, и на него постоянно, чаще всего незаслуженно, сыплется град замечаний и упреков, а нередко и физических наказаний. В данном случае присутствует явное или скрытое эмоциональное отторжение ребенка другими членами семьи. Из него откровенно делают прислугу в доме, а все лучшее, включая поощрения, принадлежит в семье другим детям или взрослым, как отмечает В.М. Целуйко.

Ребенка в роли «Золушки», как правило, не любят, ему это постоянно показывают, и на этот счет у него нет никаких иллюзий. Он реагирует на эту горькую истину по-разному: замыкается, уходит в мир фантазий и мечтаний о сказочном разрешении собственных проблем, пытается вызвать к себе жалость, угождает родителям, чтобы они его наконец-то полюбили, старается обратить на себя внимание (иногда – хорошей учебой, порой – хулиганством), ожесточается, мстит родителям за презрение к нему.

Ребенок, вынужденно оказавшийся в семье в ситуации «Золушки», становится неуверенным в себе, завистливым и несамостоятельным. Став взрослым, он может так и не избавиться от данного склада характера, остается тревожно-мнительным, старательным, безответственным и привязчивым. Ему свойственна мучительная неуверенность в себе, связанная со стремлением проверять и перепроверять каждое свое действие (именно этого от него требовали в детстве старшие). Из-за неуверенности в себе такой человек мучительно застенчив и испытывает немалые трудности в контактах, что не позволяет ему сполна раскрыть свои способности в жизни. В свое время Н. Г. Чернышевский писал, что ребенок, который переносит меньше оскорблений, вырастает человеком, более осознающим свое достоинство. Это вовсе не означает, что проступки детей надо игнорировать. Нет, каждый ребенок должен

знать, что любой его неблаговидный поступок осуждается, но сам он при этом остается для родителей любимым. В последнее время психологи все чаще говорят о том, что если ребенка не любили в детстве, то он может вырасти холодным, а иногда и жестоким человеком, неспособным на теплые чувства.

Роль «хулигана». Это ребенок, представляемый родителями как «неисправимый», «трудный» и т. п. В основе этой роли часто лежит «проекция на подростка собственных нежелательных качеств». Родитель видит в подростке черты характера, свойственные самому себе, но не желает их признавать. Это могут быть, например, агрессивность, склонность к лени, неряшливость, влечение к алкоголю, негативизм, несдержанность. Ведя борьбу с этими реальными или мнимыми качествами подростка, родитель (чаще отец) извлекает из нее эмоциональную выгоду для себя. Такие родители много и охотно говорят о своей непримиримой и постоянной борьбе с отрицательными чертами и слабостями подростков, о наказаниях. В то же время в их высказываниях сквозит неверие в действенность этой борьбы, так как ребенок «по натуре» такой.

2.2. Типологическая самооценка родительских отношений

Инструкция. На предложенные утверждения, связанные с повседневными родительско-детскими отношениями, Вам необходимо ответить в форме «да» (+) или «нет» (-). Отвечать надо быстро, важна первая реакция. Она, как правило, более объективная, в отличие от длительного поиска приукрашенного ответа. И еще. Помните, что нет ни плохих, ни хороших ответов, так как в практике воспитания не бывает идеальных решений. Процедура работы с опросником очень простая. Рядом с №/№ утверждения вы проставляете свой ответ в форме «да» (+) или «нет» (-).

1. Я всегда сочувствую своему ребенку.
2. Я считаю своим долгом знать все, что думает мой ребенок.
3. Я уважаю своего ребенка.
4. Мне кажется, что поведение моего ребенка значительно отклоняется от нормы.
5. Нужно подольше держать ребенка в стороне от реальных жизненных проблем, если они его травмируют.
6. Я испытываю к ребенку чувство расположения.
7. Хорошие родители ограждают ребенка от трудностей жизни.

8. Мой ребенок часто неприятен мне.

9. Я всегда стараюсь помочь своему ребенку.

10. Бывают случаи, когда издевательское отношение к ребенку приносит ему большую пользу.

11. Я испытываю досаду по отношению к своему ребенку.

12. Мой ребенок ничего не добьется в жизни.

13. Мне кажется, что дети потешаются над моим ребенком.

14. Мой ребенок часто совершает такие поступки, которые кроме презрения ничего не заслуживают.

15. Для своего возраста мой ребенок немножко незрелый.

16. Мой ребенок ведет себя плохо специально, чтобы досадить мне.

17. Мой ребенок впитывает в себя все дурное, как губка.

18. Моего ребенка трудно научить хорошим манерам при всем старании.

19. Ребенка следует держать в строгих рамках, тогда из него вырастет порядочный человек.

20. Я люблю, когда друзья моего ребенка приходят к нам в дом.

21. Я принимаю участие в воспитании своего ребенка.

22. К моему ребенку «липнет» все дурное.

23. Мой ребенок не добьется успеха в жизни.

24. Когда в компаниях знакомых говорят о детях, мне немного стыдно, что мой ребенок не такой умный и способный, как мне бы хотелось.

25. Я жалею своего ребенка.

26. Когда я сравниваю своего ребенка со сверстниками, они мне кажутся взрослее и по поведению, и по суждениям.

27. Я с удовольствием провожу с ребенком все свободное время.

28. Я часто жалею о том, что мой ребенок растет и взрослеет, и с нежностью вспоминаю его маленьким.

29. Я часто ловлю себя на враждебном отношении к ребенку.

30. Я мечтаю о том, чтобы мой ребенок достиг всего того, что мне не удалось в жизни.

31. Родители должны приспосабливаться к ребенку, а не только требовать этого от него.

32. Я стараюсь выполнять все просьбы моего ребенка.

33. При принятии семейных решений следует учитывать мнение ребенка.

34. Я очень интересуюсь жизнью своего ребенка.

35. В конфликте с ребенком я часто могу признать, что он по-своему прав.

36. Дети рано узнают, что родители могут ошибаться.

37. Я всегда считаюсь с ребенком.

38. Я испытываю к ребенку дружеские чувства.

39. Основная причина капризов моего ребенка – эгоизм, упрямство и лень.

40. Невозможно нормально отдохнуть, если проводить отпуск с ребенком.

41. Самое главное, чтобы у ребенка было спокойное и беззаботное детство.

42. Иногда мне кажется, что мой ребенок не способен ни на что хорошее.

43. Я разделяю интересы своего ребенка.

44. Я разделяю увлечения своего ребенка.

45. Мой ребенок может вывести из себя кого угодно.

46. Я понимаю огорчения своего ребенка.

47. Мой ребенок часто раздражает меня.

48. Воспитание ребенка — сплошная нервотрепка.

49. Строгая дисциплина в детстве развивает сильный характер.

50. Я не доверяю своему ребенку.

51. За строгое воспитание дети благодарят потом.

52. Иногда мне кажется, что я ненавижу своего ребенка.

53. В моем ребенке больше недостатков, чем достоинств.

54. Мой ребенок не в состоянии что-либо сделать самостоятельно, а если и сделает, то обязательно не так.

55. Мой ребенок вырастет неприспособленным к жизни.

56. Мой ребенок нравится мне таким, какой он есть.

57. Я тщательно слежу за состоянием здоровья моего ребенка.

58. Нередко я восхищаюсь своим ребенком.

59. Ребенок не должен иметь секретов от родителей.

60. Я невысокого мнения о способностях моего ребенка и не скрываю этого от него.

61. Желательно, чтобы ребенок дружил с теми детьми, которые нравятся его родителям.

Обработка результатов производится с помощью ключа, позволяющего определить количественные значения выделенных шкал. Для этого подсчитайте сумму баллов по каждой шкале. За каждый совпадающий ответ — 1 бал.

Ключ.

1. «Принятие-отвержение»: верно – 4, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 18, 23, 24, 26, 29, 39,40,42,45,47,49,51,52,53,55,60; неверно – 3, 20, 27, 37, 38, 43, 44, 46, 56.
2. «Кооперация»: верно – 6, 9, 21, 25, 31, 34, 35, 36.
3. «Симбиоз»: верно – 1, 5, 7, 28, 32, 33, 41, 58.
4. «Авторитарная гиперсоциализация»: верно – 2, 19, 48, 50, 57, 59.
5. «Маленький неудачник»: верно – 11, 13, 17, 22, 30, 54, 61.

Уровни проявления шкал (по Н.П. Фетискину).

1. «Принятие – отвержение»:

21–32 балла – высокий уровень отвержения ребенка.

14–20 баллов – средний уровень отвержения и принятия.

1–13 баллов – высокий уровень принятия ребенка.

2. «Кооперация»:

6–8 баллов – высокий уровень сотруднического взаимодействия с ребенком.

4–5 баллов – средний уровень.

1–3 – низкий уровень совместного взаимодействия с ребенком, на фоне доминирования родительской авторитарности.

3. «Симбиоз»:

6–8 баллов – высокий уровень симбиотических родительских отношений (СРО).

4–5 баллов – средний уровень СРО.

1–3 балла – низкий уровень СРО.

4. «Авторитарная гиперсоциализация» (АГС):

5–6 баллов – высокий уровень родительского АГС.

3–4 балла – средний уровень.

1–2 балла низкий уровень родительской гиперсоциализации на фоне расширенного пространства детской социализации.

5. «Маленький неудачник»:

5–7 баллов – высокий уровень негативного восприятия ребенка, с позиции оценки его личностно-деятельностных достижений.

3–4 – средний уровень позитивно-негативного отношения к ребенку с точки зрения его личностно-деятельностных достижений.

1–2 – низкий уровень негативного отношения к ребенку на фоне доминирования высокой оценки личностно-деятельностных достижений ребенка.

2.3. Экспресс-самооценка типов родительского отношения к детям (сокращенный вариант в модификации Н.П. Фетискина)

Инструкция. На предложенные утверждения, связанные с повседневными родительско-детскими отношениями, Вам необходимо ответить в форме «да» (+) или «нет» (-).

1 Я всегда сочувствую своему ребенку.

2. Я считаю своим долгом знать все, что думает мой ребенок.

3. Нужно подольше держать ребенка в стороне от реальных жизненных проблем, если они его травмируют.

4. Я испытываю к ребенку чувство расположения.

5. Хорошие родители ограждают ребенка от трудностей жизни.

6. Я всегда стараюсь помочь своему ребенку.

7. Я испытываю досаду по отношению к своему ребенку.

8. Мой ребенок часто неприятен мне.

9. Мой ребенок часто совершает такие поступки, которые кроме презрения ничего не заслуживают.

10. Мой ребенок впитывает в себя все дурное, как губка.

11. Моего ребенка трудно научить хорошим манерам при всем старании.

12. Ребенка следует держать в строгих рамках, тогда из него вырастет порядочный человек.

13. Я люблю, когда друзья моего ребенка приходят к нам в дом.

14. Я принимаю участие в воспитании своего ребенка.

15. К моему ребенку «липнет» все дурное.

16. Когда в компаниях знакомых говорят о детях, мне немного стыдно, что мой ребенок не такой умный и способный, как мне бы хотелось.

17. Я жалею своего ребенка.

18. Я с удовольствием провожу с ребенком все свободное время.

19. Я часто жалею о том, что мой ребенок растет и взрослеет, и с нежностью вспоминаю его маленьким.

20. Я часто ловлю себя на враждебном отношении к ребенку.

21. Я мечтаю о том, чтобы мой ребенок достиг всего того, что мне не удалось в жизни.

22. Родители должны приспосабливаться к ребенку, а не только требовать этого от него.

23. Я стараюсь выполнять все просьбы моего ребенка.

24. При принятии семейных решений следует учитывать мнение ребенка.

25. Я очень интересуюсь жизнью своего ребенка.

26. В конфликте с ребенком я часто могу признать, что он по-своему прав.

27. Дети рано узнают, что родители могут ошибаться.

28. Невозможно нормально отдохнуть, если проводить отпуск с ребенком.

29. Самое главное, чтобы у ребенка было спокойное и беззаботное детство.

30. Иногда мне кажется, что мой ребенок не способен ни на что хорошее.

31. Я разделяю интересы своего ребенка.

32. Я понимаю огорчения своего ребенка.

33. Мой ребенок часто раздражает меня.

34. Воспитание ребенка — сплошная нервотрепка.

35. Я не доверяю своему ребенку.

36. В моем ребенке больше недостатков, чем достоинств.

37. Мой ребенок не в состоянии что-либо сделать самостоятельно, а если и сделает, то обязательно не так.

38. Мой ребенок нравится мне таким, какой он есть.

39. Я тщательно слежу за состоянием здоровья моего ребенка.

40. Нередко я восхищаюсь своим ребенком.

41. Ребенок не должен иметь секретов от родителей.

42. Желательно, чтобы ребенок дружил с теми детьми, которые нравятся его родителям.

Обработка результатов производится с помощью ключа.

Ключ.

1. «Принятие-отвержение»: «да» (+) – 9, 11, 16, 20, 28, 30, 33, 36; нет (-) – 13, 18, 31, 32, 38.

2. «Кооперация»: верно – 4, 6, 14, 17, 22, 25, 26, 27 +5

3. «Симбиоз»: верно – 1, 3, 5, 19, 23, 24, 29, 40 +5

4. «Авторитарная гиперсоциализация»: верно – 2, 12, 34, 35, 39, 41 +7

5. «Маленький неудачник»: верно – 7, 8, 10, 15, 21, 37, 42 +6

Каждый совпадающий с ключом ответ оценивается в 1 балл. После определения количественных значений по каждой шкале к их суммарному результату необходимо добавить соответствующий коэффициент, указанный в ключе. Так, для 2 и 3 шкалы он равен 5, для четвертой – 7 и для пятой – 6.

На основе полученного результата определяются уровни проявлений родительских отношений.

Для первой шкалы 9–13 баллов означают высокий уровень родительского отвержения ребенка. 5–8 баллов – средний уровень родительского отвержения и принятия ребенка. 1–4 балла – низкий уровень родительского отвержения на фоне высокого уровня принятия ребенка.

Для остальных шкал выделенные уровни носят однозначную выраженность, т.е. 9–13 баллов – высокий уровень родительской кооперации, симбиотических отношений к ребенку, родительской гиперсоциализации и оценки ребенка как «маленького неудачника» с точки зрения его личностно-деятельностных возможностей и достижений.

5–8 баллов – средний уровень проявления указанных шкал родительских отношений.

1–4 балла – низкий уровень данных шкал, на фоне доминирования противоположных родительских отношений, т.е. отсутствие сотрудничества (кооперации), предоставления ребенку должной автономности социализации и родительской веры в возможности своего ребенка.

2.4. Самооценка воспитательного родительского потенциала

Инструкция. Вам предлагается ответить на несколько вопросов с помощью ответов, приведенных в бланке. Для этого после прочтения вопроса выберите один из 3-х ответов в соответствующей графе.

№ п/п Вопросы	Да, всегда, в любом случае, регулярно, безусловно и т. п.	Иногда, в некоторых случаях, изредка, отчасти, в меру необходимости и т.п.		Нет, никогда, ни при каких обстоятельствах, ни в коем случае и т.п
I. Отвечаете ли вы на некоторые вопросы ребенка: «Я покажу тебе, когда ты подрастешь» ?				
II. Даете ли ребенку деньги на мелкие расходы?				
III. Если вы отказываете в чем-нибудь ребенку, объясняете ли вы причину?				
IV. Позволяете ли вы детям помогать по хозяйству, даже зная, что пользы от этой помощи мало или совсем нет?				
V. Считаете ли вы допустимой небольшую ложь в отношениях с детьми?				
VI. Пользуетесь ли вы любым случаем, чтобы способствовать развитию наблюдательности у ребенка?				

VII. Позволяете ли вы себе в присутствии ребенка критиковать своих знакомых?				
VIII. Считаете ли вы, что ребенка нельзя обманывать?				
IX. Считаете ли вы, что маленьким детям следует объяснять все жизненные ситуации?				
X. Читаете ли вы книги по воспитанию детей?				
XI. Считаете ли вы, что даже самые маленькие имеют право на свои тайны?				
XII. Случается ли вам грозить наказанием ребенку, если он оставит на тарелке что-нибудь?				
XIII. Стараетесь ли вы способствовать тому, чтобы у детей развивалось чувство независимости и уверенности в себе?				
XIV. Умеете ли вы разделить радость ребенка?				
XV. Охотно ли вы проводите свое свободное время с детьми?				
XVI. Любите ли вы демонстрировать таланты своих детей?				
XVII. Умеете ли вы сказать так, чтобы вас тотчас же послушались?				
XVIII. Если ваш ребенок раскапризничался, способны ли вы сохранить полное спокойствие?				
XIX. Легко ли вы завязываете дружеские отношения с товарищами своих детей?				

Обработка результатов производится с помощью ключа, путем перевода ответов в баллы, с последующим определением суммарного результата и воспитательного потенциала.

Ключ.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX
да	0	3	3	4	0	5	1	3	0	4	3	0	5	3	5	0	5	5	4
иногда	2	4	2	3	3	2	2	4	3	2	2	1	1	2	1	1	0	1	2
нет	5	1	0	0	4	0	4	1	4	0	1	4	0	0	0	4	0	0	0

Подсчитайте сумму набранных баллов.

Низкий потенциал. Меньше 25 баллов. Строгость – не единственный «элемент» хорошего воспитания. С вашими принципами вам трудно будет вырастить ребенка веселым и уравновешенным человеком.

Средний потенциал. 25 – 56 баллов. Принципы у вас в общем-то правильные. Но не кажется ли вам, что быть только логичным недостаточно, надо еще быть реалистичным?

Высокий потенциал. Свыше 56 баллов. Ваши терпение и понимание детской психологии, безусловно, увенчаются успехом. Думается, что правы те, кто считает вас хорошим воспитателем.

2.5. Родительская оценка потенциальных способностей и одаренности ребенка

Общеизвестно, что каждый родитель считает, что его ребенок самый лучший, умный, талантливый. И это правильно. Неталантливых, ни к чему не способных детей просто нет, не может быть. Но вот понять, в какой именно области ребенок может наиболее полно раскрыть свои способности, не всегда удается вовремя, и возможны ошибки, разочарования.

Предлагаем Вам тест, он поможет проверить ваши собственные наблюдения и определить, в чем именно талантлив ваш ребенок от рождения, к какой области деятельности его тянет.

Не чувствуйте себя разочарованными, если результаты тестирования не соответствуют вашим ожиданиям: ведь ребенок меняется, все еще у него впереди. И тем более не стоит считать ребенка каким-то особенным, выдающимся, если результаты окажутся превосходными.

Инструкция. Вам предлагается несколько вопросов, связанных с различными интересами, способностями и особенностями своего ребенка. Свои ответы в форме «да» (+) или «нет» (-) проставьте рядом с №/№ вопроса. В ходе выбора ответов помните, что нет ни плохих, ни хороших ответов, придерживайтесь своей первой реакции на тот или иной вопрос. Она, как показывает ответ, оказывается самой объективной.

Опросник

1. Случается ли ребенку находить необычное применение какому-либо предмету?
2. Меняет ли он свои наклонности?
3. Любит ли рисовать абстрактные картинки?
4. Любит ли рисовать воображаемые предметы?
5. Любит ли фантастические истории?
6. Сочиняет ли рассказы или стихи?
7. Любит ли вырезать затейливые фигуры из бумаги?
8. Сделал ли когда-нибудь то, чего не знал, или то, чего не существует?
9. Бывает ли у него желание что-то переделать на свой вкус?
10. Боится ли темноты?
11. Изобрел ли когда-нибудь новое слово?
12. Считал ли это слово понятным без разъяснений?
13. Пробовал ли переставлять мебель по своему вкусу?
14. Не был ли удачен этот замысел?
15. Использовал ли когда-либо вещь не по ее назначению?
16. Мог ли ваш ребенок, будучи совсем маленьким, отгадывать назначение разных предметов?
17. Предпочитает ли в выборе одежды собственный вкус вашему?
18. Есть ли у него свой собственный мир, недоступный окружающим?
19. Ищет ли объяснения тому, чего еще не понимает?
20. Часто ли просит объяснить окружающие его явления?
21. Любит ли читать книжки без иллюстраций?
22. Изобретает ли собственные игры или развлечения?
23. Помнит ли и рассказывает ли свои сны или пережитые впечатления?

Обработка результатов заключается в подсчете ответов «да» (+) на предложенные вопросы. На основе суммарного результата определяются потенциальные способности ребенка.

20 – 23 балла. Ваш ребенок очень сообразительный, способен иметь собственную точку зрения на окружающее, и следует помогать ему в этом.

15 – 19 баллов. Ваш ребенок не всегда обнаруживает свои способности, он находчив и сообразителен, лишь когда чем-либо заинтересован.

9 –14 баллов. У ребенка наблюдается большая сообразительность, достаточная для многих областей знаний, где необязателен собствен-

ный взгляд на вещи. Однако для занятий творческой деятельностью многого не хватает.

4 – 8 баллов. Ваш ребенок проявляет творческое мышление лишь при достижении важной для него цели, он более склонен к практической деятельности.

Менее 4 баллов. Ребенку не хватает изобретательности, но он может достичь успеха как хороший исполнитель даже в сложных профессиях.

В дополнение вы можете оценить степень одаренности и талантливости вашего ребенка без связи с какой-либо областью проявления интересов. Для этого приведен перечень характеристик одаренных и талантливых детей. По наблюдениям психологов и учителей он содержит критерии потенциальной одаренности. Анкета поможет вам определить уровень проявления способностей ребенка. На предложенные вопросы необходимо отвечать «да» или «нет».

Скорее способный, чем одаренный.

1. Мой ребенок инициативный, живой, подвижный.
2. Он с готовностью откликается на все новое.
3. Любит все загадочное и непонятное.
4. Часто нуждается в поддержке старших.
5. Довольно легко отвлекается и оставляет начатое дело.
6. Если на пять вопросов вы дали ответы «да», есть некоторые основания считать вашего ребенка способным. Если на вопросы 4 и 5 вы ответили «нет», переходите к следующим вопросам.

Одаренный.

1. Его интересы достаточно стабильны.
2. Его любознательность устойчива.
3. Любит задавать и решать трудные вопросы.
4. Часто не соглашается с мнением взрослых.
5. Имеет свою точку зрения и настойчиво ее отстаивает.
6. Начатое дело всегда доводит до конца.
7. Имеет особую склонность к определенному виду занятий или предмету.
8. Настойчив в достижении поставленной цели.
9. Имеет много друзей среди своих сверстников, с каждым находит общий язык.
10. Задает много вопросов (в том числе и на уроках) по интересующим его предметам.
11. Часто бывает эгоистичен.

Ответы «да» на все одиннадцать вопросов дают основание предполагать, что ваш ребенок одаренный. Переходите к следующим вопросам.

Яркая одаренность.

1. Во многих сферах знаний, в искусстве, музыке, литературном творчестве проявляет свою одаренность.

2. Имеет одного, максимум двух друзей более старшего возраста.

3. Его речь очень развита, характеризуется большим запасом слов и глубоким пониманием нюансов языка.

4. Всегда ищет самостоятельные решения.

5. В спорных вопросах опирается на собственное суждение, не любит общепризнанных мнений.

6. Берет на себя ответственность в трудных ситуациях.

7. Часто окружающим кажется «не по возрасту» взрослым.

8. Хорошо знает собственные возможности, особенности характера и свое призвание.

9. Одинаково одарен в гуманитарных и технических областях.

Положительные ответы на эти девять вопросов дают серьезные основания отнестись к вашему ребенку как к одаренному. Дополнительно можно ответить на вопросы, определяющие у вашего ребенка высокий творческий потенциал.

Дополнительные признаки высокого творческого потенциала личности ребенка.

1. Желание привнести в выполняемую работу элемент новизны.

2. Стремление освоить незнакомое дело.

3. Проявление упорства в достижении цели, несмотря на неудачи.

4. Наблюдается легкость слухового и зрительного запоминания.

5. Выражена потребность помечтать в одиночестве.

6. Способность длительное время думать над какой-либо идеей, проблемой.

7. Способность к абстрагированию, умению устанавливать отдельные ассоциации между различными предметами и явлениями.

8. Способность к творческому воображению, созданию нового.

Психологические рекомендации по развитию потенциальных способностей и одаренности ребенка.

Признавать ранее не признанные или не используемые возможности ребенка.

Уважать желание ребенка работать самостоятельно.

Уметь воздерживаться от вмешательства в процесс творческой деятельности сына или дочери.

Предоставлять ребенку свободу выбора области приложения сил и методов достижения цели.

Создавать условия для конкретного воплощения творческих идей ребенка.

Поощрять участие ребенка в групповом творческом процессе.

Поощрять работу над проектами, предложенными самим ребенком.

Исключать какое-либо давление на ребенка, создавать раскрепощенную обстановку.

Одобрять результаты деятельности сына или дочери в какой-либо одной области с целью пробудить желание испытать себя в других видах деятельности.

Подчеркивать положительное значение индивидуальных различий вашего ребенка.

Уважать потенциальные возможности ребенка, если он в чем-либо отстает.

Демонстрировать свой энтузиазм в какой-либо области деятельности.

Поддерживать своим авторитетом ребенка, который высказывает отличное от других мнение и в связи с этим испытывает давление со стороны своих сверстников.

Создавать ситуации, при которых ваш ребенок, не обнаруживающий особых успехов в учении, имеет возможность тесного общения с более способным ребенком.

Помогать находить ребенку в его фантазиях связь с реальным миром.

Извлекать максимальную пользу из его хобби, конкретных увлечений и индивидуальных наклонностей.

Проявлять терпимое отношение (по крайней мере временно) к возможному беспорядку в связи с творческой работой ребенка.

Поощрять максимальную вовлеченность в совместную творческую деятельность с детьми старше его по возрасту.

Постоянно убеждать ребенка, что вы для него являетесь единомышленником, а не противником.

ГЛАВА 3. МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ И ДЕВИАНТНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ В РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Содержание главы включает психодиагностический инструментарий, ориентированный на системное изучение различных особенностей родительско-детского взаимодействия. Следуя логике системной классификации представленных психодиагностических методик в данной главе существенное место отведено методикам, нацеленным как на изучение типов родительских отношений к детям, так и исследование интерактивных особенностей сотрудничества, стратегий защиты, конфликтности, общения, взаимопомощи и др. в системе «Родители-разновозрастные дети».

Немаловажный интерес представляют методы и методики, связанные с изучением психологической защищенности, родительской озабоченности, стили воспитания, потенциалы и методы насильственного поведения родителей. Так, например, интегративная методика «Анализ семейного воспитания (АСВ) дает представление не только о стилях воспитания, но и диапазоне требований-запретов к ребенку, уровне посильности детских обязанностей, используемых санкций, проявлении родительских чувств и уверенности, проекции «желательных» гендерных установок, системной интерпретации девиаций в семейном воспитании.

3.1. Самооценка родительского отношения к ребенку (А.Я. Варга, В.В. Столин)

Инструкция для родителей: Уважаемые родители! Перед вами 61 утверждение. Вам необходимо выразить свое согласие или несогласие с ними с помощью оценок «да» или «нет».

Текст опросника
1. Я всегда сочувствую своему ребенку.
2. Я считаю своим долгом знать все, что думает мой ребенок.
3. Я уважаю своего ребенка.
4. Мне кажется, что поведение моего ребенка значительно отклоняется от нормы.
5. Нужно подольше держать ребенка в стороне от реальных жизненных проблем, если они его травмируют.
6. Я испытываю к ребенку чувство расположения.
7. Хорошие родители ограждают ребенка от трудностей жизни.
8. Мой ребенок часто неприятен мне.
9. Я всегда стараюсь помочь своему ребенку.
10. Бывают случаи, когда издевательское отношение к ребенку приносит ему большую пользу.
11. Я испытываю досаду по отношению к своему ребенку.
12. Мой ребенок ничего не добьется в жизни.
13. Мне кажется, что дети потешаются над моим ребенком.
14. Мой ребенок часто совершает такие поступки, которые, кроме презрения, ничего не стоят.
15. Для своего возраста мой ребенок немножко незрелый.
16. Мой ребенок ведет себя плохо специально, чтобы досадить мне.
17. Мой ребенок впитывает в себя все дурное как губка.
18. Моего ребенка трудно научить хорошим манерам при всем старании.
19. Ребенка следует держать в жестких рамках, тогда из него вырастет порядочный человек.
20. Я люблю, когда друзья моего ребенка приходят к нам в дом.
21. Я принимаю участие в своем ребенке.
22. К моему ребенку «липнет» все дурное.
23. Мой ребенок не добьется успеха в жизни.
24. Когда в компании знакомых говорят о детях, мне немного стыдно, что мой ребенок не такой умный и способный, как мне бы хотелось.

25. Я жалею своего ребенка.
26. Когда я сравниваю своего ребенка со сверстниками, они кажутся мне взрослее и по поведению, и по суждениям.
27. Я с удовольствием провожу с ребенком все свое свободное время.
28. Я часто жалею о том, что мой ребенок растет и взрослеет, и с нежностью вспоминаю его маленьким.
29. Я часто ловлю себя на враждебном отношении к ребенку.
30. Я мечтаю о том, чтобы мой ребенок достиг всего того, что мне не удалось в жизни.
31. Родители должны приспосабливаться к ребенку, а не только требовать этого от него.
32. Я стараюсь выполнять все просьбы моего ребенка.
33. При принятии семейных решений следует учитывать мнение ребенка.
34. Я очень интересуюсь жизнью своего ребенка.
35. В конфликте с ребенком я часто могу признать, что он по-своему прав.
36. Дети рано узнают, что родители могут ошибаться.
37. Я всегда считаюсь с ребенком.
38. Я испытываю к ребенку дружеские чувства.
39. Основная причина капризов моего ребенка – эгоизм, упрямство и лень
40. Невозможно нормально отдохнуть, если проводить отпуск с ребенком.
41. Самое главное, чтобы у ребенка было спокойное и беззаботное детство.
42. Иногда мне кажется, что мой ребенок не способен ни на что хорошее.
43. Я разделяю увлечения своего ребенка.
44. Мой ребенок может вывести из себя кого угодно.
45. Я понимаю огорчения своего ребенка.
46. Мой ребенок часто раздражает меня.
47. Воспитание ребенка – сплошная нервотрепка.

48. Строгая дисциплина в детстве развивает сильный характер.
49. Я не доверяю своему ребенку.
50. За строгое воспитание дети благодарят потом.
51. Иногда мне кажется, что ненавижу своего ребенка.
52. В моем ребенке больше недостатков, чем достоинств.
53. Я разделяю интересы своего ребенка.
54. Мой ребенок не в состоянии что-либо сделать самостоятельно, а если и сделает, то обязательно не так.
55. Мой ребенок вырастет не приспособленным к жизни.
56. Мой ребенок нравится мне таким, какой он есть.
57. Я тщательно слежу за состоянием здоровья моего ребенка.
58. Нередко я восхищаюсь своим ребенком.
59. Ребенок не должен иметь секретов от родителей.
60. Я не высокого мнения о способностях моего ребенка и не скрываю этого от него.
61. Очень желательно, чтобы ребенок дружил с теми детьми, которые нравятся его родителям.

Бланк для ответов родителей

Уважаемые родители!

Просим Вас принять участие в исследовании в рамках темы «Особенности самооценки старших дошкольников в связи с родительской позицией»

ФИО _____

Возраст _____

Образование _____

Возраст Вашей семьи _____

Количество детей в Вашей семье, их возраст _____

Напишите, одним словом, какая Ваша семья _____

В каждом столбце необходимо обвести цифру, соответствующую Вашей оценке по 3-х балльной шкале своего ребенка в настоящем времени, т.е. какой он сейчас по Вашему мнению.

«Хороший – плохой»	«Умный – глупый»	«Аккуратный – неаккуратный»	ср.з.
3 2 1	3 2 1	3 2 1	

Опросник 1 родительского отношения.

Вам необходимо выразить свое согласие или несогласие с ними с помощью оценок «да» или «нет».

1	8	15	22	29	36	43	50	57
2	9	16	23	30	37	44	51	58
3	10	17	24	31	38	45	52	59
4	11	18	25	32	39	46	53	60
5	12	19	26	33	40	47	54	61
6	13	20	27	34	41	48	55	
7	14	21	28	35	42	49	56	

Ключи для опросника родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин)

▪Принятие-отвержение: 3, 4, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 24,26, 27, 29, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 52, 53, 55, 56, 60.

▪Образ социальной желательности поведения: 6, 9, 21, 25, 31, 34, 35, 36.

▪Симбиоз: 1, 5, 7, 28, 32, 41, 58.

▪Авторитарная гиперсоциализация: 2, 19, 30,48, 50, 57, 59.

▪»Маленький неудачник»: 9, 11, 13, 17, 22, 28, 54, 61.

Порядок подсчета тестовых баллов

При подсчете тестовых баллов по всем шкалам учитывается ответ «верно». Высокий тестовый балл по соответствующим шкалам интерпретируется как:

- отвержение,
- социальная желательность,
- симбиоз,
- гиперсоциализация,
- инфантилизация (инвалидизация).

Тестовые нормы проводятся в виде таблиц процентильных рангов тестовых баллов по соответствующим шкалам =160

Таблица 1

1 шкала: «Принятие-отвержение»

«сырой балл»	0	1	2	3	4	5	6	7	8
Процентильный ранг	0	0	0	0	0	0	0,63	3,79	12,02
«сырой балл»	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Процентильный ранг	31.01	53,79	68,35	77,21	84,17	88,60	90,50	93,40	93,67
«сырой балл»	18	19	20	21	22	23	24	25	26
Процентильный ранг	94,30	95,50	97,46	98,10	98,73	98,73	99,36	100	100
«сырой балл»	27	28	29	30	31	32			
Процентильный ранг	100	100	100	100	100	100			

Таблица 2

2 шкала: «Социальная желательность»

«сырой балл»	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Процентильный ранг	1,57	3,46	5,67	7,88	9,77	12,29	19,22	31,19	48,82	80,93

Таблица 3

3 шкала: «Симбиоз»

«сырой балл»	0	1	2	3	4	5	6	7
Процентильный ранг	1,4,72	19,53	39,06	57,96	74,97	86,63	92,93	96,65

Таблица 4
4 шкала: «Гиперсоциализация» (контроль)

«сырой балл»	0	1	2	3	4	5	6
Процентильный ранг	4,41	13,86	32,13	53,87	69,30	83,79	95,76

Таблица 5
5 шкала: «Инвалидизация»

«сырой балл»	0	1	2	3	4	5	6	7
Процентильный ранг	14,55	45,57	70,25	84,81	93,04	96,83	99,37	100,0

3.2. Оценка родительско-детского взаимодействия

Инструкция. Вам предлагается ответить на ряд вопросов, касающихся Ваших отношений с ребенком. Внимательно прочитайте каждый вопрос и решите, насколько он верный по отношению к Вам. Для того чтобы обозначить Ваш ответ, выберите наиболее подходящий, по Вашему мнению, один из вариантов оценок от 1 до 5.

Вряд ли так (никогда)	Не совсем так (не часто)	В какой-то степени так (когда как)	В значительной степени так (часто)	Абсолютно так (всегда)
1	2	3	4	5

Пожалуйста, постарайтесь отвечать быстро, не думая долго над каким-либо вопросом.

3.2.1. Родительский вариант (Н.О. Белорукова)

1. Одни родители хотят, чтобы их дети проводили с ними большую часть своего времени, тогда как другие родители хотят, чтобы их дети проводили с ними лишь некоторое время. Как часто Вы хотите, чтобы Ваш ребенок проводил(а) с Вами большую часть своего времени?

2. Часто ли Вы не разрешаете своему ребенку куда-либо пойти, потому что боитесь, что с ним/с ней может что-нибудь случиться?

3. Насколько Вы и Ваш ребенок заботитесь друг о друге?

4. Как часто Вы и Ваш ребенок не соглашаетесь и спорите друг с другом?

5. Как часто Вы и Ваш ребенок делаете друг другу что-то приятное?

6. Как часто Вам и Вашему ребенку нравится одно и то же?

7. Одни родители часто хвалят своего ребенка и говорят ему что-то приятное, тогда как другие родители делают это редко. Как часто Вы хвалите своего ребенка и говорите ему/ей что-то приятное?

8. Как часто Вы приказываете своему ребенку что делать?

9. Рассказываете ли Вы и Ваш ребенок друг другу обо всем?

10. Как часто Вы шлепаете своего ребенка, если он/она плохо себя ведет?

11. Насколько Вы уважаете своего ребенка и восхищаетесь им/ею?

12. Насколько Ваш ребенок уважает Вас и восхищается Вами?

13. Одни родители лишают своих детей привилегий и удовольствий, когда они плохо себя ведут, тогда как другие родители этого не делают. Как часто Вы лишаете своего ребенка удовольствий и привилегий из-за его/ее плохого поведения?

14. Как часто Вы учите своего ребенка делать то, чего он/она не умеет?

15. Как часто Вы кричите на своего ребенка, если он/она плохо себя ведет?

16. Как часто Вы интересуется мнением своего ребенка?

17. Как часто Вы со своим ребенком ходите куда-нибудь вместе или делаете что-нибудь вместе?

18. Как часто Вы стыдите и обвиняете своего ребенка за то, что он/она не сделал(а) того, что должен(на) был(а) сделать?

19. Одни родители всегда объясняют своим детям, за что они их наказали, тогда как другие родители делают это редко. Как часто Вы объясняете своему ребенку причину наказания или запрета?

20. Как часто Вы хотите, чтобы Ваш ребенок делал(а) что-либо с Вами, а не с другими людьми?

21. Как часто Вы не разрешаете своему ребенку делать то, что он/она хочет, потому что опасаетесь, что он/она можешь пораниться?

22. Как часто Вы и Ваш ребенок говорите, что любите друг друга?

23. Как часто Вы и Ваш ребенок спорите и «доводите друг друга до бешенства» из-за противоречий, которые есть между вами?

24. Как часто Вы и Ваш ребенок помогаете друг другу в трудную минуту?

25. Одни родители имеют много общего со своими детьми, тогда как другие родители со своими детьми имеют мало общего. Насколько Вы и Ваш ребенок похожи?

26. Как часто Вы говорите своему ребенку, что он/она хорошо выполнил(а) работу?

27. Часто ли Вы говорите своему ребенку, что нужно сделать?

28. Как часто Вы и Ваш ребенок делитесь друг с другом секретами и сокровенными чувствами?

29. Как часто Вы бьете своего ребенка, если он/она плохо себя ведет?

30. Насколько Вы гордитесь своим ребенком?

31. Одни дети часто испытывают гордость за своих родителей, тогда как другие дети почти никогда не гордятся своими родителями. Как часто Ваш ребенок испытывает гордость за Вас?

32. Как часто Вы запрещаете своему ребенку делать то, что он/она любит, если он/она плохо себя ведет?

33. Как часто Вы помогаете своему ребенку сделать то, что он/она не может сделать самостоятельно?

34. Как часто Вы бываете придирчивым(ой) и назойливым(ой) по отношению к своему ребенку?

35. Как часто Вы выслушиваете мнение своего ребенка, прежде чем принять какое-то решение?

36. Как часто Вы играете и веселитесь со своим ребенком?

37. Одни родители заставляют своих детей чувствовать себя плохими из-за плохого поведения, тогда как другие родители не делают этого. Как часто Вы заставляете чувствовать своего ребенка плохим(ой), когда он/она плохо себя ведет?

38. Как часто Вы объясняете своему ребенку, почему он/она должен(на) следовать тем правилам, которые Вы для него/нее устанавливаете?

39. Как часто Вы хотите, чтобы Ваш ребенок был(а) рядом с Вами все время?

40. Как часто Вы волнуетесь, когда Вашего ребенка нет дома?

41. Насколько сильно Вы и Ваш ребенок привязаны друг к другу?

42. Как часто Вы и Ваш ребенок спорите?

43. Одни родители и дети часто стараются быть полезными друг другу, тогда как другие родители и дети делают это редко. Как часто Вы и Ваш ребенок стараетесь быть полезными друг другу?

44. Насколько Вы и Ваш ребенок похожи?

45. Как часто Вам нравится то, что говорит Ваш ребенок?

46. Как часто Вы заставляете своего ребенка что-либо делать?

47. Как часто Вы и Ваш ребенок рассказываете друг другу о том, о чем вы бы не хотели, чтобы узнали другие?

48. Как часто Вы наказываете своего ребенка физически, если он/она делает что-то плохое?

49. Насколько Вы цените своего ребенка?

50. Одни дети высоко ценят своих родителей, тогда как другие дети – меньше. Насколько Ваш ребенок ценишь Вас?

51. Как часто в наказание Вы заставляете своего ребенка сидеть одному(ой) в комнате или оставляете его/ее одного(у) дома?

52. Как часто Вы учите своего ребенка тому, чего он/она не знает?

53. Как часто Вы дразните своего ребенка, когда он/она этого не заслуживает?

54. Насколько Вы уважаете мнение своего ребенка?

55. Одни родители и дети проводят вместе много свободного времени, тогда как другие родители и дети вместе проводят мало свободного времени. Сколько свободного времени Вы проводите вместе со своим ребенком?

56. Как часто Вы указываете своему ребенку на то, что другие дети ведут себя лучше, чем он/она?

57. Одни родители объясняют своим детям причины решений, почему ребенок может или не может что-либо делать, тогда как другие родители не делают этого. Как часто Вы объясняете своему ребенку причины своего решения о том, что он/она может, а что не может делать?

Обработка и интерпретация результатов. С помощью ключа (см. ниже) подсчитывается количество баллов по каждой из 19- ти шкал.

Ключ:

1. Собственничество (1, 20, 39)
2. Стратегии защиты (2, 21, 40)
3. Выражение привязанности (3, 22, 41)
4. Ссоры (4, 23, 42)
5. Стратегии взаимопомощи (5, 24, 43)
6. Сходство друг с другом (6, 25, 44)
7. Похвала (7, 26, 45)
8. Стратегии доминирования (8, 27, 46)
9. Доверительное общение (9, 28, 47)
10. Физические наказания (10, 29, 48)
11. Гордость за ребенка (11, 30, 49)
12. Гордость за родителя (12, 31, 50)
13. Депривация как стратегия наказания (13, 32, 51)
14. Обучение ребенка (14, 33, 52)
15. Вербальные наказания (15, 34, 53)
16. Совместное принятие решений (16, 35, 54)
17. Совместное времяпровождение (17, 36, 55)
18. Внушение вины (18, 37, 56)
19. Совместное обсуждение родительских решений (19, 38, 57)

Затем определяются нормативные уровни РДВ для родителей.

Нормативные данные оценки РДВ для родителей

Наименование субшкалы	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Собственничество	от 7 до 8	от 9 до 13	от 14 до 15
Стратегии защиты	от 6 до 8	от 9 до 12	от 13 до 14
Выражение привязанности	от 7 до 8	от 9 до 12	от 13 до 14
Ссоры	от 5 до 7	от 8 до 12	от 13 до 15
Стратегии взаимопомощи	от 7 до 9	от 10 до 13	от 14 до 15
Сходство друг с другом	от 7 до 8	от 9 до 12	от 13 до 14
Похвала	от 7 до 9	от 10 до 12	от 13 до 14
Стратегии доминирования	от 6 до 7	от 8 до 11	от 12 до 14
Доверительное общение	от 3 до 5	от 6 до 9	от 10 до 11
Физические наказания	3	от 4 до 5	от 6 до 10
Гордость за ребенка	от 8 до 11	от 12 до 14	15
Гордость за родителя	от 8 до 9	от 10 до 14	15
Депривация как стратегия наказания	от 3 до 5	от 6 до 9	от 10 до 12
Обучение ребенка	от 7 до 9	от 10 до 13	от 14 до 15
Вербальные наказания	от 4 до 5	от 6 до 8,5	от 9 до 12
Совместное принятие решений	от 6 до 9	от 10 до 13	от 14 до 15
Совместное времяпровождение	от 6 до 7	от 8 до 11	от 12 до 14
Внушение вины	от 6 до 7	от 6 до 9	от 10 до 12
Совместное обсуждение родительских решений	от 6 до 7	от 9 до 12	от 13 до 14
Позитивное взаимодействие	от 7 до 10	от 10,5 до 12,5	от 13 до 15
Позитивные стратегии контроля	от 26 до 32	от 33 до 42	от 43 до 44
Личностное взаимодействие	от 22 до 31	от 32 до 36	от 37 до 43
Проявления власти	от 35 до 44	от 45 до 56,5	от 57 до 66
Собственничество	от 29 до 40	от 40,5 до 52	от 53 до 63

Интегральные факторы РДВ

1. Фактор *позитивное взаимодействие* состоит из субшкал – выражение привязанности, гордость за ребенка, гордость за родителя.

2. Фактор *позитивные стратегии контроля* состоит из субшкал – похвала, совместное принятие решений, совместное обсуждение родительских решений.

3. Фактор *личностное взаимодействие* состоит из субшкал – стратегии взаимопомощи, сходство друг с другом, совместное времяпровождение, доверительное общение, обучение ребенка.

4. Фактор *проявления власти* состоит из субшкал – ссоры, физические наказания, стратегии доминирования, депривация как стратегия наказания, вербальные наказания, внушение вины.

5. Фактор *собственничество* состоит из субшкал – собственничество, стратегии защиты.

3.2.2. Оценка детско-родительского взаимодействия

Инструкция. Вам предлагается ответить на ряд вопросов, касающихся Ваших отношений с мамой (папой). Внимательно прочитайте каждый вопрос и решите, насколько оно верный по отношению к Вам. Для того, чтобы обозначить Ваш ответ, выберите наиболее подходящий, по Вашему мнению, один из вариантов оценок от 1 до 5.

Вряд ли так (никогда)	Не совсем так (не часто)	В какой-то степени так (когда как)	В значительной степени так (часто)	Абсолютно так (всегда)
1	2	3	4	5

Пожалуйста, постарайтесь отвечать быстро, не думая долго над каким-либо вопросом.

3.2.3. Подростковый вариант (Н.О. Белорукова)

1. Одни родители хотят, чтобы их дети проводили с ними большую часть своего времени, тогда как другие родители хотят, чтобы их дети проводили с ними лишь некоторое время. Как часто твоя мама (папа) хочет, чтобы ты проводил(а) с ней большую часть своего времени?

2. Часто ли мама (папа) не разрешает тебе куда-либо пойти, потому что боится, что с тобой может что-нибудь случиться?

3. Насколько ты и твоя мама (папа) заботитесь друг о друге?

4. Как часто вы с мамой (папой) не соглашаетесь и спорите друг с другом?

5. Как часто вы с мамой (папой) делаете друг другу что-то приятное?

6. Как часто вам с мамой (папой) нравится одно и то же?

7. Одни родители часто хвалят своего ребенка и говорят ему что-то приятное, тогда как другие родители делают это редко. Как часто твоя мама (папа) хвалит тебя и говорит тебе что-то приятное?

8. Как часто мама (папа) приказывает тебе, что делать?

9. Рассказываете ли вы с мамой (папой) друг другу обо всем?

10. Как часто мама (папа) шлепает тебя, если ты плохо себя ведешь?

11. Насколько ты уважаешь свою маму (папу) и восхищаешься ею (им)?

12. Насколько твоя мама (папа) уважает тебя и восхищается тобой?

13. Одни родители лишают своих детей привилегий и удовольствий, когда они плохо себя ведут, тогда как другие родители этого не делают. Как часто мама (папа) лишает тебя удовольствий и привилегий из-за плохого поведения?

14. Как часто мама (папа) учит тебя делать то, что ты не умеешь?

15. Как часто мама (папа) кричит на тебя, если ты плохо себя ведешь?

16. Как часто мама (папа) интересуется твоим мнением?

17. Как часто вы с мамой (папой) ходите куда-нибудь вместе или делаете что-нибудь вместе?

18. Как часто мама (папа) стыдит и обвиняет тебя за то, что ты не сделал(а) того, что должен(на) был(а) сделать?

19. Одни родители всегда объясняют своим детям, за что они их наказали, тогда как другие родители делают это редко. Как часто мама (папа) объясняет тебе причину наказания или запрета?

20. Как часто мама (папа) хочет, чтобы ты делал(а) что-то с ней (с ним), а не с другими людьми?

21. Как часто мама (папа) не разрешает тебе делать то, что ты хочешь, потому что опасается, что ты можешь пораниться?

22. Как часто вы с мамой (папой) говорите, что любите друг друга?

23. Как часто вы с мамой (папой) спорите и «доводите друг друга до бешенства» из-за противоречий, которые есть между вами?

24. Как часто вы с мамой (папой) помогаете друг другу в трудную минуту?

25. Одни родители имеют много общего со своими детьми, тогда как другие родители со своими детьми имеют мало общего. Насколько вы с мамой (папой) похожи?

26. Как часто мама (папа) говорит тебе, что ты хорошо выполнил(а) работу?

27. Часто ли мама (папа) говорит тебе, что нужно сделать?

28. Как часто вы с мамой (папой) делитесь друг с другом секретами и сокровенными чувствами?

29. Как часто мама (папа) бьет тебя, если ты плохо себя ведешь?

30. Насколько ты гордишься своей мамой (папой)?

31. Одни родители часто испытывают гордость за своих детей, тогда как другие родители почти никогда не гордятся своими детьми. Как часто твоя мама (папа) испытывает гордость за тебя?

32. Как часто мама (папа) запрещает тебе делать то, что ты любишь, если ты плохо себя ведешь?

33. Как часто мама (папа) помогает тебе сделать то, что ты не можешь сделать самостоятельно?

34. Как часто мама (папа) бывает придирчивой и назойливой по отношению к тебе?

35. Как часто мама (папа) выслушивает твое мнение, прежде чем принять какое-то решение?

36. Как часто ты играешь и веселишься со своей мамой (папой)?

37. Одни родители заставляют своих детей чувствовать себя плохими из-за плохого поведения, тогда как другие родители не делают этого. Как часто мама (папа) заставляет тебя чувствовать себя плохим (ой), когда ты плохо себя ведешь?

38. Как часто мама (папа) объясняет тебе, почему ты должен(на) следовать тем правилам, которые она (он) для тебя устанавливает?

39. Как часто твоя мама (папа) хочет, чтобы ты был(а) рядом с ней все время?

40. Как часто твоя мама (папа) волнуется, когда тебя нет дома?

41. Насколько сильно вы с мамой (папой) привязаны друг к другу?

42. Как часто вы с мамой (папой) спорите?

43. Одни родители и дети часто стараются быть полезными друг другу, тогда как другие родители и дети делают это редко. Как часто ты и твоя мама (папа) стараетесь быть полезными друг другу?

44. Насколько вы с мамой (папой) похожи?

45. Как часто твоей маме (папе) нравится то, что ты говоришь?

46. Как часто мама (папа) заставляет тебя что-либо делать?

47. Как часто вы с мамой (папой) рассказываете друг другу о том, о чем вы бы не хотели, чтобы узнали другие?

48. Как часто мама (папа) наказывает тебя физически, если ты делаешь что-то плохое?

49. Одни дети высоко ценят своих родителей, тогда как другие дети – меньше. Насколько ты ценишь свою маму (папу)?

50. Насколько твоя мама (папа) ценит тебя?

51. Как часто мама (папа) в наказание заставляет тебя сидеть одному(ой) в комнате или оставляет тебя одного(ну) дома?

52. Как часто мама (папа) учит тебя тому, что ты не знаешь?

53. Как часто мама (папа) дразнит тебя, когда ты этого не заслуживаешь?

54. Насколько мама (папа) уважает твое мнение?

55. Одни родители и дети проводят вместе много свободного времени, тогда как другие родители и дети вместе проводят мало свободного времени. Сколько своего свободного времени ты проводишь вместе с мамой (папой)?

56. Как часто мама (папа) указывает тебе на то, что другие дети ведут себя лучше, чем ты?

57. Одни родители объясняют своим детям причины решений, почему ребенок может или не может что-либо делать, тогда как другие родители не делают этого. Как часто мама (папа) объясняет тебе причины своего решения о том, что ты можешь, а что не можешь делать?

Обработка и интерпретация данных. С помощью ключа подсчитывается количество баллов по каждой из 19-ти шкал.

Ключ.

1. Собственничество (1, 20, 39)
2. Стратегии защиты (2, 21, 40)
3. Выражение привязанности (3, 22, 41)
4. Ссоры (4, 23, 42)
5. Стратегии взаимопомощи (5, 24, 43)
6. Сходство друг с другом (6, 25, 44)
7. Похвала (7, 26, 45)
8. Стратегии доминирования (8, 27, 46)
9. Доверительное общение (9, 28, 47)
10. Физические наказания (10, 29, 48)
11. Гордость за ребенка (11, 30, 49)
12. Гордость за родителя (12, 31, 50)
13. Депривация как стратегия наказания (13, 32, 51)
14. Обучение ребенка (14, 33, 52)
15. Вербальные наказания (15, 34, 53)
16. Совместное принятие решений (16, 35, 54)
17. Совместное времяпровождение (17, 36, 55)
18. Внушение вины (18, 37, 56)
19. Совместное обсуждение родительских решений (19, 38, 57)

Затем определяются нормативные уровни РДВ для детей.

Нормативные данные оценки РДВ для подростков

Наименование субшкалы	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Собственничество	от 5 до 8	от 9 до 13	от 14 до 15
Стратегии защиты	от 5 до 8	от 8,5 до 12	от 13 до 15
Выражение привязанности	от 5 до 8	от 9 до 12	от 13 до 14
Ссоры	от 4 до 7	от 8 до 12	от 13 до 15
Стратегии взаимопомощи	от 6 до 9	от 10 до 12	от 13 до 14
Сходство друг с другом	от 5 до 8	от 9 до 12	от 13 до 14
Похвала	от 6 до 8	от 9 до 11,5	от 12 до 15
Стратегии доминирования	от 6 до 7	от 8 до 12	от 13 до 15
Доверительное общение	от 3 до 4	от 5 до 9	от 10 до 13
Физические наказания	3	от 4 до 5	от 6 до 10
Гордость за ребенка	от 6 до 11	от 12 до 14	15
Гордость за родителя	от 7 до 9	от 10 до 14	15
Депривация как стратегия наказания	от 3 до 5	от 6 до 10	от 11 до 13
Обучение ребенка	от 7 до 9	от 9,5 до 12	от 13 до 15
Вербальные наказания	от 4 до 5	от 6 до 9,5	от 10 до 14
Совместное принятие решений	от 6 до 8	от 9 до 12	от 13 до 15
Совместное времяпровождение	от 5 до 6	от 7 до 11	от 12 до 15
Внушение вины	от 4 до 6	от 7 до 10	от 11 до 13
Совместное обсуждение родительских решений	от 5 до 7	от 8 до 12	от 13 до 14
Позитивное взаимодействие	от 5 до 8	от 9 до 12	от 13 до 14
Позитивные стратегии контроля	от 20 до 30	от 31 до 40	от 41 до 44
Личностное взаимодействие	от 21 до 27	от 28 до 34	от 35 до 40
Проявления власти	от 30 до 42	от 42,5 до 55	от 56 до 67
Собственничество	от 28 до 39	от 40 до 53	от 54 до 72

3.2.4. Уровневая оценка психологической защищенности в семье (Модифицированный вариант Фетискина Н.П.)

Инструкция. Поставьте «галочку» в одной из 5-ти колонок в левой части бланка напротив каждой из приведенных ситуаций.

Насколько защищенным вы чувствуете себя в семейных ситуациях:	Полностью защищен 0	Незащищен 1	Как сказать 2	Защищен 3	Вполне защищен
1. Публичного унижения со стороны: а) матери б) отца					
2. Оскорбления со стороны: а) матери б) отца					
3. Высмеивания со стороны: а) матери б) отца					
4. Угроз со стороны: а) матери б) отца					
5. Обидного обзывания со стороны: а) матери б) отца					
6. Того, что заставляет делать что-либо против вашего желания: а) матери б) отца					

7. Игнорирования со стороны: а) матери б) отца					
8. Неуважительного отношения со стороны: а) матери б) отца					
9. Недоброжелательного отношения со стороны: а) матери б) отца					

Обработка данных. Подсчитывается количество баллов отдельно по каждому из родителей. Уровни психологической защищенности определяются по следующим диапазонам: 24–36 – высокий уровень; 15–23 – средний уровень; 1–14 баллов – низкий уровень.

3.2.5. Биографический опросник (в редакции В.А. Чикер)

Инструкция. Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы и высказывания, которые касаются вашей семьи, здоровья, поведения и т. д. На каждый вопрос или высказывание имеется два варианта ответа («а» или «б»).

Вы должны выбрать для себя один из двух вариантов и зачеркнуть выбранный вами ответ в ответном листе. Если вы неверно ответили на вопрос, то обведите его кружком, а другой, верный ответ, зачеркните.

При ответах обратите, пожалуйста, внимание на следующее:

1) Как каждый человек имеет собственную точку зрения, жизненный опыт и поведение.

2) Не думайте очень долго над каждым ответом и высказыванием, а отмечайте тот ответ, который приходит вам в голову первым.

3) Особое внимание обратите на то, что некоторые вопросы и ответы не совсем соответствуют вашей жизненной ситуации. В этом случае зачеркните тот ответ, который все же характеризует вас в большей степени.

4) Поскольку при ответах на некоторые вопросы необходимо вспомнить ваших родителей, а в действительности вас вырастили другие люди, например бабушка с дедушкой, родственники, приемные родители или вы выросли в детском доме или еще где-нибудь, тогда отвечайте на вопросы так, как будто эти люди (дядя, тетя, воспитатель) были для вас родителями.

5) Если у вас есть вопросы, задайте их сейчас! Если вопросов нет, то возьмите ответные листы и начинайте отвечать. Обратите внимание на то, что номер в листе для ответов всегда должен совпадать с номером вопроса в вопроснике!

6) Пожалуйста, отвечайте на предлагаемые вопросы вдумчиво и не пропускайте ни одного из них.

Опросник

1. Как вы относитесь к противоположному полу?

а) скорее сдержанно;

б) у меня нет трудностей в контактах.

2. Я часто думаю о том, что мое сердце может остановиться.

а) да;

б) нет.

3. Если передо мной ставится задача, от результатов которой зависит мое продвижение по службе и уважение ко мне, то:

а) я чувствую себя в этой ситуации хуже, чем обычно;

б) я чувствую себя как всегда.

4. Что вас характеризует в большей степени?

а) я чрезвычайно нервный;

б) я спокоен и безразличен.

5. Прежде чем отреагировать на ситуацию или что-то сказать:

а) я обычно действую и говорю быстро, долго не обдумывая ситуацию;

б) прежде чем что-либо сказать или сделать, я обычно подумаю.

6. В конце дня я чувствую себя утомленным, вялым и изнуренным.

а) да;

б) нет.

7. Я не люблю выступать перед большой аудиторией.

а) верно;

б) неверно.

8. Мое мнение о моих родителях следующее:

а) они хорошо взаимно дополняют друг друга;

б) один из родителей доминирует, в существенной мере задает тон в отношениях.

9. Моя работа очень однообразна.

а) неверно;

б) верно.

10. Мне неприятны интимные отношения, я стараюсь их избежать.

а) да;

б) нет.

11. Что вас характеризует в большей степени?

а) мои взаимоотношения с коллегами я могу считать в целом хорошими;

б) я чувствую себя среди своих членов класса или группы как посторонний, которого понимают неправильно.

12. Окружающие люди и педагоги мои возможности оценивают:

а) мой педагог и окружающие считают меня личностью, которая может достичь многого;

б) у меня такое чувство, что мои достижения не всегда оцениваются педагогами и окружающими соответствующим образом.

13. Моя мать (или отец) идеалист. Она (он) имеет завышенные требования к действительности, поэтому часто во многом разочаровывается.

а) верно;

б) неверно.

14. Если мне что-либо удается не так хорошо, как хотелось бы, то:

а) я становлюсь замкнутым, раздражительным и нервным;

б) мое настроение не меняется, несмотря ни на что.

15. Если ваш отец или мать часто болели, то он (она) долго переживал (а) по этому поводу?

а) да;

б) нет.

16. Вам удается расположить к себе других людей?

а) это удается мне хорошо;

б) это удается мне не очень хорошо.

17. Часто ли вы чувствуете себя нездоровым?

а) да;

б) нет.

18. Я не был полностью откровенен со своей матерью; она часто была для меня чужой.

а) неверно;

б) верно.

19. На экзаменах и при выполнении другой работы нервозность на мои результаты:

а) влияет;

б) не влияет.

20. Если кто-либо рассказывает о своих проблемах или интересах:

а) я выслушиваю и обсуждаю их;

б) мне трудно выслушивать и обсуждать их.

21. Мои родители часто имели различное мнение о том, что я должен и мог бы делать, а что нет.

а) верно;

б) неверно.

22. Какое влияние на ваших членов класса или группы оказывает то, что вы открыто хвалите или порицаете их?

а) они понимают это и принимают близко к сердцу;

б) это их не трогает, они не обращают на это внимания.

23. Как вы реагируете на то, если кто-либо оценивает вашу работу или достижения невысоко, несмотря на то что вы считаете их сделанными хорошо?

а) это меня мало трогает;

б) я становлюсь просто больным.

24. Что вам присуще?

а) прежде чем что-либо сделать, я не думаю слишком долго;

б) прежде чем что-либо сделать, мне необходимо время для того, чтобы обдумать сложившееся положение.

25. Если кто-либо указывает на мои ошибки:

а) это меня раздражает;

б) это меня не трогает.

26. В интимных, близких отношениях я считаю себя хорошим партнером.

а) да;

б) нет.

27. Хотели ли ваши родители, чтобы вы дружили с другими детьми?

а) да, они даже требовали этого;

б) нет, они скорее хотели оградить меня от этих контактов.

28. Я часто испытываю зуд и озноб или же чувство тяжести и онемения рук и ног.

а) нет;

б) да.

29. Мой отец или мать (подчеркните) часто жаловались на трудности, усталость и физические недуги.

а) нет;

б) да.

30. Если я делал или хотел сделать что-либо против воли моих родителей, чаще всего они реагировали на это жестко и без понимания.

а) верно;

б) неверно.

31. Какое из следующих утверждений характеризует ваших родителей?

а) мои родители чаще всего были веселыми, жизнерадостными, оживленными;

б) мои родители чаще всего были серьезными.

32. Мои родители прилагали много усилий для того, чтобы я имел точно такие же эстетические, политические взгляды и моральные устои, как и они.

а) верно;

б) неверно.

33. Как бы вы описали свое поведение по отношению к другим людям?

а) скорее всего, я открытый человек;

б) скорее всего, я скрытный человек.

34. Находили ли вы у своих родителей понимание ваших успехов или вашего поведения?

а) нет, отец или мать всегда находили во мне недостатки; я редко что-либо делал верно; другие — «лучшие» дети часто ставились мне в пример;

б) мои родители понимали меня; они были удовлетворены моими успехами и поведением.

35. Когда я мысленно возвращаюсь в свое детство, я должен сказать, что:

а) мои родители были оптимистами и воспринимали жизнь с лучшей стороны;

б) мои родители часто были настроены пессимистически и многое видели с плохой стороны.

36. Я редко делюсь с окружающими своими проблемами.

а) верно;

б) неверно.

37. Окружающие люди воспринимают меня как человека:

а) окружающие воспринимают меня как активного человека;

б) окружающие воспринимают меня как пассивного человека.

38. В детстве и юности:

а) если я самостоятельно выполнял какую-нибудь работу, мои родители хвалили и поддерживали меня;

б) родители обращали мало внимания на самостоятельно законченную мною работу.

39. Что характеризует вас в наибольшей степени?

а) меня пугает будущее;

б) у меня нет страхов перед будущим.

40. Чаще всего я испытываю состояние:

а) я часто испытываю чувство внутренней напряженности;

б) чаще всего я расслаблен и спокоен.

41. Увеличиваются или сохраняются на прежнем уровне ваши достижения в условиях соревнования с кем-либо?

а) напротив, мои успехи скорее уменьшаются;

б) да, я могу увеличить мои достижения или сохранить их на том же уровне.

42. Если я не мог сделать что-либо тотчас же, то мои родители проявляли терпение.

а) верно;

б) неверно.

43. Мои родители иногда вели себя несдержанно и необдуманно.

а) нет;

б) да.

44. Меня часто мучает чувство вины.

а) да, часто;

б) нет, редко.

45. Я вполне удовлетворен моими сегодняшними занятиями (включая и положение домашней ролью).

а) нет;

б) да.

46. Иногда я часто позволяю себе маленькие розыгрыши над кем-нибудь.

а) да;

б) нет.

47. Меня угнетает мысль, что учебные или профессиональные задачи однажды станут мне не по плечу.

а) да;

б) нет.

48. Какие из следующих утверждений характеризуют ваших родителей?

а) мои родители избегали говорить о физиологии (стул, мочеиспускание) или представляли это как нечто «грязное»;

б) в нашем доме все, что связано с физиологическими отправлениями, рассматривалось как естественное; об этом можно было говорить.

49. Что вы чувствуете в том случае, если вам не хватает времени для выполнения важной работы?

а) я становлюсь беспокойным, и мои мысли часто путаются;

б) я остаюсь по-прежнему настолько спокойным, что могу думать вполне ясно.

50. Что вас характеризует в наибольшей степени?

а) чаще всего я действую в соответствии со спонтанно пришедшими мне в голову мыслями;

б) я не руководствуюсь в поведении моментально пришедшими мне в голову мыслями.

51. У меня часто бывают головокружения.

а) неверно;

б) верно.

52. Какие из следующих высказываний характеризуют заботу о вас ваших родителей?

а) мои родители были заботливы, но при этом они не давали мне постоянных указаний;

б) моя мать или мой отец были заботливы; она (он) очень оберегали меня, руководили мной, направляли и контролировали (делали замечания, были слишком осторожны).

53. Я легко выхожу из себя.

а) неверно;

б) верно.

54. Как вели себя обычно ваши родители в тех случаях, когда у них возникали с вами трудности и заботы?

а) в таких ситуациях мать и отец легко возбуждались, часто были взбешенными или впадали в уныние и отчаяние;

б) в таких ситуациях мои родители вели себя сдержанно, спокойно, искали выход.

55. Если мои родители требовали от меня каких-либо результатов или хотели, чтобы я что-нибудь сделал, то они, как правило, учитывали мой возраст.

а) верно;

б) неверно.

56. Как вели себя ваши родители, если вы обращались к ним с каким-либо вопросом?

а) они были очень терпеливы и пытались ответить на все мои вопросы;

б) они не слишком охотно отвечали на мои вопросы, у них не было времени и желания отвечать на них.

57. Я часто бываю болен и меня часто тошнит.

а) да;

б) нет.

58. Перед вами поставлена серьезная и сложная учебная или профессиональная задача. Как это отражается на вашем поведении?

а) я становлюсь неуверенным, так как вначале не предполагал, что могут возникнуть такие трудности;

б) я иду на работу с уверенностью, так как думаю, что смогу сделать то, что от меня требуется.

59. Часто ли вас наказывали ваши родители?

а) часто;

б) нечасто.

60. Придавали ли ваши родители значение тому, чтобы вы самостоятельно принимали решения?

а) да;

б) нет.

61. Как вы оцениваете вашу способность вступать в контакт с незнакомыми людьми?

а) я думаю, что это дается мне нелегко;

б) я думаю, что это дается мне легко.

62. Какое из следующих высказываний описывает вашу профессиональную или учебную ситуацию?

а) меня часто мучают мысли, что я могу лишиться работы;

б) у меня нет никаких проблем с работой.

63. У меня такое чувство, что профессиональные повседневные нагрузки (нагрузки по дому) мне больше не по плечу.

а) да;

б) нет.

64. Какое из следующих утверждений описывает ваше эмоциональное отношение к своим родителям?

а) я уважаю своих родителей и горжусь ими;

б) временами я не могу чувствовать уважения к своим родителям. Иногда я их презираю, они меня смешат, мне бывает стыдно за них.

65. Я выхожу из себя:

а) часто;

б) редко.

66. Что вас характеризует в наибольшей степени?

а) я могу обсудить свои личные проблемы с любым человеком;

б) мне трудно с кем-либо говорить о своих личных проблемах.

67. Как вы ведете себя в разговоре со своими друзьями и знакомыми?

а) я хочу быть в центре внимания, говорю много;

б) я веду себя серьезно, говорю немного.

68. Какое из следующих высказываний в наибольшей степени характеризует ваши взгляды и поступки?

а) я получаю удовольствие, когда испытываю что-нибудь волнующее;

б) я предпочел бы жить спокойно, без особых волнений.

69. Мои реакции на внешние воздействия позволяют считать, что:

а) я легковозбудимый человек;

б) я скорее осторожный и сдержанный человек.

70. Как вы оцениваете, оглядываясь назад, взаимоотношения с вашими родителями?

а) мои родители были по отношению ко мне чужими;

б) взаимоотношения между мной и родителями были хорошими.

71. Что вам соответствует больше?

а) изменение места работы или учебы для меня неприятно, так как я думаю, что не справлюсь с новой работой;

б) я думаю, что на новом месте работы я быстро разберусь с новой проблематикой.

72. В сексуальных отношениях я чувствую себя:

а) в сексуальных отношениях я чувствую себя свободно;

б) в интимно-близких отношениях я мечтаю стать более свободным.

73. Отец или мать часто били меня.

а) верно;

б) неверно.

74. Когда я защищаю свои профессиональные взгляды, я действую более успешно, чем мои коллеги.

а) верно;

б) неверно.

75. Что характеризует вас в наибольшей степени?

а) я часто страдаю из-за чувства собственной неполноценности;

б) я чувствую себя в сравнении с другими людьми уверенно и ощущаю свое признание окружающими.

76. Когда я что-либо сделаю или скажу не так:

а) я долго размышляю над этим.

б) я долго не думаю над этим.

77. Какое из следующих выражений характеризует взаимоотношения родителей между собой?

а) мои родители чаще были любящими, милыми и нежными друг с другом, эти отношения сохраняются и сейчас;

б) мои родители редко проявляли нежность и любовь друг к другу, они просто жили рядом.

78. Что больше характеризует ваших родителей?

а) союз моих родителей был однажды (или несколько раз) под угрозой; казалось временами, что возникают неразрешимые противоречия; иногда речь заходила о разводе;

б) союз между моими родителями был стабильным; изредка возникающие недоразумения в основном быстро преодолевались.

79. Если погода внезапно изменяется:

а) я чувствую себя физически не очень хорошо;

б) я чувствую себя по-прежнему.

80. Если кто-нибудь подчеркивает мои слабости:

а) я отношусь к этому спокойно;

б) это меня злит.

81. Моя мать уделяла мне много времени (в играх, разговорах, делах).

а) верно;

б) неверно.

82. Мой отец и моя мать (подчеркните) были, с одной стороны, очень снисходительны ко мне, но, с другой стороны, он (она) часто наказывали меня по пустякам.

а) верно;

б) неверно.

83. Моя мать или мой отец (подчеркните) нередко преувеличивали значение некоторых вещей. Их чувства часто были наигранными и не совсем подлинными.

а) да;

б) нет.

84. Находил ли отец время для вас?

а) да, когда он был свободен, он находил его для меня;

б) нет, он, как правило, хотел отдохнуть и проявлял мало интереса ко мне.

85.Что больше вам соответствует?

а) я становлюсь больным, когда другие находят какие-либо недостатки во мне или в моей работе;

б) я терпеливо сношу, когда критикуют меня или сделанную мной работу.

86. Мои родители, имея иные взгляды на мои личные дела (например, расход карманных денег, выбор друзей, одежды и т. д.):

а) предоставляли мне достаточно свободы;

б) предоставляли мне мало свободы, они давали мне указания по любому поводу.

87. Считаете ли вы, что ваши родители предпочитали вам ваших братьев и сестер?

а) да;

б) нет.

88. Мои родители часто ссорились.

а) нет;

б) да.

89. Что вас характеризует в наибольшей степени?

а) у меня часто меняется настроение;

б) у меня чаще всего ровное настроение.

90. Берясь за какое либо дело:

а) я охотно предпринимаю что-либо только тогда, когда это можно сделать быстро;

б) я занимаюсь любимым занятием только тогда, когда я предварительно основательно обдумал предмет и спланировал дела.

91. Иногда у меня бывает сердцебиение:

а) без видимых причин;

б) лишь при физических нагрузках, спорах и т. д.

92. Удается ли вам легко подготовить и провести какое-либо мероприятие (например, праздник, экскурсию, организовать совместную работу)?

а) нет, для меня это сравнительно трудно;

б) да, большей частью у меня нет в этом трудностей.

93. Если в какой-либо ситуации или в разговоре возникал вопрос о любви или сексе, чувствовали ли себя ваши родители смущенными?

а) нет;

б) да.

94. В отличие от других, я могу представить свое мнение в выгодном свете.

а) верно;

б) неверно.

95. Что вы делаете, если замечаете, что ваше мнение расходится с мнением окружающих?

а) высказываю свое мнение совершенно откровенно;

б) чаще всего я оставляю свое мнение при себе.

96. Я часто пугаюсь неизвестно чего.

а) неверно;

б) верно.

97. Любите ли вы большое общество?

а) да, я очень люблю бывать в большом обществе;

б) нет, я, собственно, не так уж сильно люблю большое общество.

Опросник заданных характеристик определяется с помощью ключа

Ключ. При совпадении ответов ключом начисляется один балл.

1. FAM (семейная ситуация) — 8в, 13а, 15а, 27в, 29в, 31в, 35в, 43в, 54а, 64в, 70а, 77в, 78а, 83а, 88в.

2. ICHSTK (сила «Я») — 3а, 14а, 23в, 25а, 41а, 49а, 58а, 72в, 74в, 80в.

3. SOZLAG (социальное положение) — 9в, 10а, 11в, 12в, 20в, 22в, 26в, 45а, 57а, 68в.

4. ERZIEN (воспитание (стиль) — 18в, 21а, 30а, 32а, 34а, 38в, 42в, 48а, 52в, 55в, 56в, 59а, 60в, 73а, 81в, 82а, 84в, 86в, 87а, 93в.

5. N (нейротизм) — 4а, 39а, 40а, 44а, 53в, 75а, 76а, 85а, 89а, 91а.

6. SOZAKT (социальная активность) — 1а, 7а, 16в, 33в, 36а, 61а, 67в, 92а, 94в, 95в.

7. PSYKON (психофизическая конституция) — 2а, 6в, 17а, 19а, 28в, 47а, 51в, 62а, 63а, 71а, 79а, 96в.

8. E (экстраверсия) — 5а, 24а, 37а, 46а, 50а, 65а, 66а, 69а, 90а, 97а.

Таблица 1
Перевод «сырых» баллов в стены. Испытуемые женщины (нормальная выборка; N=312)

Баллы	FAM	ICHSTK	SOZL	ERZIE	N	SOZA	PSY	E
0	3	2	4	2	2	3	2	2
1	3	3	6	3	3	4	3	2
2	4	4	7	4	4	5	4	3
3	4	5	8	4	4	5	5	4
4	5	5	8	5	5	6	5	4
5	5	6	9	5	5	7	6	5
6	6	6	9	5	6	7	6	6
7	6	7	9	5	7	8	7	6
8	6	8	9	6	8	8	3	8
9	7	9	9	6	9	9	8	8
10	7	9	9	6	9	9	9	9
11	8			6			9	
12	8			7			9	
13	9			7				
14	9			8				
15	9			8				
16				9				
17				9				
18				9				
19				9				
20				9				

Перевод «сырых» баллов в стены.
Испытуемые мужчины (нормальная выборка, N =430)

Баллы	FAM	ICHSTK	SOZL	ERZI	N	SOZA	PSY	E
0	2	2	4	3	3	3	3	2
1	3	3	6	3	4	4	4	3
2	4	4	7	3	4	5	5	3
3	5	5	7	4	5	5	6	4
4	5	6	8	4	6	6	6	5
5	5	6	9	5	6	7	7	6
6	6	7	9	5	7	7	7	6
7	6	8	9	5	8	8	8	7
8	6	9	9	6	8	8	8	8
9	7	9	9	6	9	9	9	9
10	7	9	9	6	9	9	9	9
11	8			6			9	
12	8			7			9	
13	9			7				
14	9			7				
15	9			8				
16				8				
17				8				
18				9				
19				9				
20				9				

Интерпретация. Для интерпретации нужно принимать во внимание три момента:

1. Следовать общему описанию особенностей личности, учитывая три указанные выше содержательные стороны интерпретации опросника.

2. В рамках психодиагностических исследований, результат которых является весьма важным (например, экспертиза в судебных, терапевтических, коррекционных задачах), результаты должны быть соотнесены со средними оценками соответствующих групп.

3. «Сырые оценки», полученные при первичной обработке опросника, должны быть переведены в стены в зависимости от пола испытуемых (таблицы стенов приводятся ниже).

Интерпретация шкал

Шкала FAM. Субъективное описание семейной ситуации в детстве и юности, взаимодействия с родителями, отношения семьи к окружающим.

Высокие оценки. Неудовлетворительные взаимоотношения с родителями, неадекватное отношение семьи к окружающему миру, недостаточное влияние со стороны семьи в детстве и юности.

Низкие оценки. Хорошее взаимодействие между родителями. Позитивное отношение семьи к окружающему миру, благоприятное влияние со стороны семьи в детстве и юности.

Шкала ICHSTK. Сила «Я», уверенность, способность добиться своего.

Высокие оценки. Недостаточная сила «Я», низкая уверенность в себе, низкая способность добиваться своего.

Низкие оценки. Выраженная сила «Я», самоуверенность, способность добиваться своего.

Шкала SOZLAG. Влияние факторов внешней среды, вызывающих выраженное напряжение в личных и социальных ситуациях.

Высокие оценки. Частое выражение напряжения в личных и социальных ситуациях. Трудности социальной адаптации.

Низкие оценки. Незначительное ситуационное напряжение в межличностном и социальном взаимодействии, хорошая социальная адаптированность.

Шкала ERZIEN. Воспитательное воздействие родителей или замещающих их лиц.

Высокие оценки. Негативно воздействующее воспитательное поведение родителей или замещающих их лиц, неврозогенный стиль воспитания, отрицательный характер взаимодействия между родителями либо замещавшими их лицами.

Низкие оценки. Благоприятное, способствующее дальнейшему развитию воспитательное поведение родителей. Хорошее взаимодействие между родителями.

Шкала N. Нейротизм, эмоциональная лабильность.

Высокие оценки. Эмоциональная лабильность, сильные эмоциональные реакции, общая психическая неустойчивость, чувствительность, тревожность.

Низкие оценки. Психическое здоровье, нормальные эмоциональные реакции, эмоциональная уравновешенность.

Шкала SOZAKT. Социальная активность, контактность.

Высокие оценки. Неспособность устанавливать и поддерживать социальные контакты, проблемы раскрытия себя.

Низкие оценки. Хорошая способность устанавливать и поддерживать контакты, отсутствие робости в раскрытии себя другим.

Шкала PSYKON. Предрасположенность к соматическим нарушениям, склонность реагировать соматически на стрессовые нагрузки.

Высокие оценки. Сильно выраженная склонность к соматическим нарушениям, низкая устойчивость к стрессовым нагрузкам, психическая лабильность.

Низкие оценки. Психическое здоровье, отсутствие предрасположенности реагировать на стрессовые нагрузки.

Шкала E. Экстраверсия.

Высокие оценки. Социальная активность, общительность, импульсивность.

Низкие оценки. Невысокая социальная активность, уединенный образ жизни, неспособность к спонтанному реагированию.

На основании содержательных и статистических процедур может быть выделено 5 факторов, которые могут быть обозначены следующим образом:

1. *Синдром семейного дефицита.* В нем почти все утверждения шкал FAM и ERZIEN имеют существенные нагрузки.

2. *Синдром экстраверсии.* Большую часть нагрузки несут утверждения шкал SOZAKT и E.

3. *Неуверенность в себе, слабость «Я».* Наибольшую нагрузку в этом факторе несут утверждения шкалы ICHSTK. Высокие нагрузки несут утверждения из шкал SOZAKT и SOZLAG.

4. *Актуальное напряжение в профессиональной и личной сферах.* В данный фактор входят утверждения SOZAKT, PSYKON и ERZIEN.

5. *Синдром невроза.* В него входят утверждения шкал N и PSYKON.Оценки по этим шкалам позволяют отличать норму от отклонений в этой сфере. В этот фактор входят также утверждения шкалы ICHSTK.

3.2.6. Диагностика стратегий взаимодействия родителей с детьми (И. Марковская)

Назначение

Методика И. Марковской является одной из немногих, в которых с самого начала предполагались два параллельных опросника — для

детей и для родителей, измеряющих одни и те же параметры детско-родительского взаимодействия **(ВРР)**.

При заполнении опросника родителям и детям предлагается оценить степень согласия с каждым утверждением по 5-балльной системе: 1 балл — совершенно не согласен, это утверждение совсем не подходит, 5 баллов — совершенно согласен, это утверждение абсолютно подходит.

В опроснике «Взаимодействие родитель — ребенок» для подростков и их родителей представлены следующие 10 шкал.

Нетребовательность — требовательность родителя. Данные этой шкалы показывают тот уровень требовательности родителя, который проявляется во взаимодействии родителя с ребенком. Чем выше показания по этой шкале, тем более требователен родитель, тем больше ожидает он высокого уровня ответственности от ребенка.

Мягкость — строгость родителя. По результатам этой шкалы можно судить о суровости, строгости мер, применяемых к ребенку, о жесткости правил, устанавливаемых во взаимоотношениях между родителями и детьми, о степени принуждения детей к чему-либо.

Автономность — контроль по отношению к ребенку. Чем выше показатели по этой шкале, тем более выражено контролирующее поведение по отношению к ребенку. Высокий контроль может проявляться в мелочной опеке, навязчивости, стремлении ограничивать; низкий контроль может приводить к полной автономии ребенка, к вседозволенности, которая может быть следствием либо безразличного отношения к ребенку, либо любования. Возможно также, что низкий контроль связан с проявлением доверия к ребенку или стремлением родителя привить ему самостоятельность.

Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю. Следует обратить особое внимание, что эта шкала отражает представление родителя о близости к нему ребенка. Такая трактовка этой шкалы вызвана зеркальной формой опросника, по которой дети оценивают свою близость к родителям, свое желание делиться самым сокровенным и важным с родителями. Сравнивая данные родителя и данные ребенка, можно судить о точности представлений родителя, о переоценке или недооценке близости к нему ребенка.

Отвержение — принятие ребенка родителем. Эта шкала отражает базовое отношение родителя к ребенку, его принятие или отвержение личностных качеств и поведенческих проявлений ребенка. Принятие ребенка как личности является важным условием благоприятного развития ребенка, его самооценки. Поведение родителей может восприниматься ребенком как принимающее или отвергающее.

Отсутствие сотрудничества — сотрудничество. Наличие сотрудничества между родителями и детьми как нельзя лучше отражает

характер взаимодействия. Сотрудничество является следствием включенности ребенка во взаимодействие, признания его прав и достоинств. Оно отражает равенство и партнерство в отношениях родителей и детей. Отсутствие такового может быть результатом нарушенных отношений, авторитарного, безразличного или попустительского стиля воспитания.

Несогласие — согласие между ребенком и родителем. Эта шкала тоже описывает характер взаимодействия между родителем и ребенком и отражает частоту и степень согласия между ними в различных жизненных ситуациях. Используя две формы опросника — детскую и взрослую, можно оценить степень согласия не только по этой шкале, но и по всем остальным шкалам, так как расхождения между ними тоже позволяют судить о различиях во взглядах ребенка и родителя на воспитательную ситуацию в семье.

Непоследовательность — последовательность родителя. Последовательность родителя является важным параметром взаимодействия, в этой шкале отражается, насколько последователен и постоянен родитель в своих требованиях, в своем отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений и т.д. Непоследовательность родителя может быть следствием эмоциональной неуравновешенности, воспитательной неуверенности, отвергающего отношения к ребенку и т. п.

Авторитетность родителя. Результаты этой шкалы отражают самооценку родителя в сфере его влияния на ребенка, насколько его мнения, поступки, действия являются авторитетными для ребенка, какова сила их влияния. Сравнение с данными ребенка позволяет судить о степени расхождения оценок родительского авторитета. Когда дети дают высокую оценку авторитетности родителя, то чаще всего это означает выраженное положительное отношение к родителю в целом, поэтому показатели по этой шкале очень важны для диагностики позитивности — негативности отношений ребенка к родителю, как и показатели по следующей — 10-й шкале.

Удовлетворенность отношениями ребенка с родителем. По данным 10-й шкалы можно судить об общей степени удовлетворенности отношениями между родителями и детьми — как с той, так и с другой стороны. Низкая степень удовлетворенности может свидетельствовать о нарушениях в структуре родительско-детских отношений, возможных конфликтах или об обеспокоенности сложившейся семейной ситуацией.

Вариант опросника для родителей подростков послужил основой для составления другой формы опросника — для родителей дошкольников и младших школьников. Были изменены некоторые вопросы, которые оказались неадекватными для детей этого возраста и заменены две шкалы опросника. Вместо шкал *несогласие—согласие* и *авторитетность*

родителя (7-я и 9-я шкалы) были введены две новые шкалы: 7-я — *тревожность за ребенка*; 9-я — *воспитательная конфронтация в семье*.

Такая замена объясняется тем, что показатели этих шкал могут дать ценную информацию для психолога-консультанта, к которому родители обращаются за помощью и которому необходимо иметь более полную информацию о характере воспитания в семье. Многие авторы обращают внимание на родительскую тревожность за ребенка как важный фактор для понимания возникновения невротических реакций у детей. А. И. Захаров выделяет также в качестве черты патогенного типа воспитания низкую сплоченность и разногласия членов семьи по вопросам воспитания, что может приводить к воспитательной конфронтации внутри семьи! Кроме того, замена 7-й и 9-й шкал вызвана отсутствием параллельной формы этих шкал в детском варианте опросника, так как в этом возрасте детям достаточно трудно отвечать на вопросы, связанные с их отношением к родителям, 1 без сравнения с детскими данными шкалы согласия и авторитетности утрачивают свою диагностическую ценность.

Таким образом, опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР) имеет три формы: одну — детскую и две — взрослые, по 60 вопросов в каждой.

3.2.6.1. Оценка взаимодействия подростков с родителями

Инструкция. Отметьте степень согласия со следующими утверждениями по 5-балльной системе. Оцените утверждения отдельно для каждого родителя в бланке ответов: под буквой М — для матери, под буквой О — для отца:

5 баллов — несомненно, да (очень сильное согласие);
4 балла — в общем, да;
3 балла — и да, и нет;
2 балла — скорее нет, чем да;
1 балл — нет (абсолютное несогласие).

Текст опросника для подростков по методике «Взаимодействие подростка с родителями» (ВРР)

1. Если уж он (а) чего-то требует от меня, то обязательно добьется этого.
2. Он(а) всегда наказывает меня за мои плохие поступки.
3. Я редко говорю ему (ей), куда иду и когда вернусь.
4. Он(а) считает меня вполне самостоятельным человеком.
5. Могу рассказать ему (ей) обо всем, что со мной происходит.
6. Он(а) думает, что я ничего не добьюсь в жизни.
7. Он(а) чаще замечает во мне недостатки, чем достоинства.
8. Он(а) часто поручает мне важные и трудные дела.

9. Нам трудно достичь взаимного согласия.

10. Иногда он(а) может разрешить то, что еще вчера запрещал (а).

11. Я всегда учитываю его (ее) точку зрения.

12. Я бы хотел(а), чтобы мои будущие дети относились ко мне так же, как я к нему (ней).

13. Я редко делаю с первого раза то, о чем он(а) меня просит.

14. Он(а) меня редко ругает.

15.Он(а) старается контролировать все мои действия и поступки.

16. Считает, что главное — это слушаться его (ее).

17. Если у меня случается несчастье, в первую очередь я делюсь с ним (ней).

18. Он(а) не разделяет моих увлечений.

19. Он(а) не считает меня таким умным и способным, как ему (ей) хотелось бы.

20. Он(а) может признать свою неправоту и извиниться передо мной.

21. Он(а) часто идет у меня на поводу.

22. Никогда не скажешь наверняка, как он (а) отнесется к моим словам.

23. Могу сказать, что он(а) для меня авторитетный человек.

24. Мне нравятся наши с ним (ней) отношения.

25. Дома он(а) дает мне больше обязанностей, чем в семьях большинства моих друзей.

26. Бывает, что применяет ко мне физические наказания.

27. Даже если я не хочу, мне приходится поступать так, как желает он(а).

28. Считает, что он(а) лучше знает, что мне нужно.

29. Он(а) всегда мне сочувствует.

30. Мне кажется, он(а) меня понимает.

31. Он(а) хотел(а) бы во мне многое изменить.

32. При принятии семейных решений он(а) всегда учитывает мое мнение.

33. Он(а) всегда соглашается с моими идеями и предложениями.

34. Никогда не знаешь, что от него (нее) ожидать.

35. Он(а) является для меня эталоном и примером во всем.

36. Я считаю, что он(а) правильно воспитывает меня.

37. Он(а) предъявляет ко мне много требований.

38. По характеру он(а) мягкий человек.

39. Обычно он(а) мне позволяет возвращаться домой, когда я захочу.

40. Он(а) стремится оградить меня от трудностей и неприятностей жизни.

41. Он(а) не допускает, чтобы я подмечал его (ее) слабости и недостатки.

42. Я чувствую, что ему (ей) нравится мой характер.

43. Он(а) часто критикует меня по мелочам.

44. Он(а) всегда с готовностью меня выслушивает.
45. Мы расходимся с ним (ней) по очень многим вопросам.
46. Он(а) наказывает меня за такие поступки, какие совершает сам.
47. Я разделяю большинство его (ее) взглядов.
48. Я устаю от повседневного общения с ним (ней).
49. Он(а) часто заставляет меня делать то, что мне и
50. Прощает мне то, за что другие наказали бы.
51. Он(а) хочет знать обо мне все: о чем я думаю, как отношусь к своим друзьям и т.п.
52. Я не советуюсь с ним (ней), с кем мне дружить.
53. Могу сказать, что он(а) — самый близкий мне человек.
54. Он(а) все время высказывает недовольство мной.
55. Думаю, он(а) приветствует мое поведение.
56. Он(а) принимает участие в делах, которые придумываю я.
57. Мы по-разному с ним (ней) представляем мою будущую жизнь.
58. Одинаковые мои поступки могут вызвать у него то упреки, то похвалу.
59. Мне хотелось бы быть похожим на него (нее).
60. Я хочу, чтобы он(а) всегда относился (относилась) ко мне так же как сейчас.

Регистрационный бланк Ф.И.О._____
Возраст_____
Класс_____

№ вопроса	М	О	№ вопроса	М	О	№ вопроса	М	О	№ вопроса	М	О	№ вопроса	М	О	Сумма
1			13			25			37			49			
2			14			26			38			50			
3			15			27			39			51			
4			16			28			40			52			
5			17			29			41			53			
6			18			30			42			54			
7			19			31			43			55			
8			20			32			44			56			
9			21			33			45			57			
10			22			34			46			58			
11			23			35			47			59			
12			24			36			48			60			

Примечание: М–оценка матери, О–оценка отца

3.2.6.2. Оценка взаимодействия родителей с подростками

Текст опросника для родителей

1. Если уж я чего-то требую от него (нее), то обязательно добьюсь этого.
2. Я всегда наказываю его (ее) за плохие поступки.
3. Он(а) редко говорит мне, куда идет и когда вернется.
4. Я считаю его (ее) вполне самостоятельным человеком.
5. Сын (дочь) может рассказать мне обо всем, что с ним (ней) происходит.
6. Думаю, что он(а) ничего не добьется в жизни.
7. Я говорю ему (ей) чаще о его (ее) недостатках, чем достоинствах.
8. Часто поручаю ему (ей) важные и трудные дела.
9. Нам трудно достичь взаимного согласия.
10. Бывает, что разрешаю ему (ей) то, что еще вчера запрещал(а).
11. Сын (дочь) всегда учитывает мою точку зрения.
12. Я бы хотел(а), чтобы он(а) относился (относилась) к своим детям так же, как я к нему (ней).
13. Он(а) редко делает с первого раза то, о чем я прошу.
14. Я его (ее) очень редко ругаю.
15. Я стараюсь контролировать все его (ее) действия и поступки.
16. Считаю, что для него (нее) главное — это слушаться меня.
17. Если у него (нее) случается несчастье, в первую очередь он(а) делится со мной.
18. Я не разделяю его (ее) увлечений.
19. Я не считаю его (ее) таким умным (умной) и способным (способной), как мне хотелось бы.
20. Могу признать свою неправоту и извиниться перед ним (ней).
21. Я часто иду у него (нее) на поводу.
22. Мне трудно бывает предсказать свое поведение по отношению к нему (ней).
23. Думаю, что я для него (нее) авторитетный человек.
24. Мне нравятся наши с ним (ней) отношения.
25. Дома у него (нее) больше обязанностей, чем у большинства его друзей.
26. Приходится применять к нему (ней) физические наказания.
27. Ему (ей) приходится поступать так, как я говорю, даже если он(а) не хочет.
28. Думаю, я лучше знаю, что ему (ей) нужно.
29. Я всегда сочувствую своему ребенку.
30. Мне кажется, я его (ее) понимаю.

31. Я хотел(а) бы в нем (ней) многое изменить.

32. При принятии семейных решений всегда учитываю его (ее) мнение.

33. Я всегда соглашаюсь с его (ее) идеями и предложениями.

34. Мое поведение часто бывает для него (нее) неожиданным.

35. Я являюсь для него (нее) эталоном и примером во всем.

36. Считаю, что в целом правильно воспитываю своего сына (дочь).

37. Я предъявляю к нему (ней) много требований.

38. По характеру я мягкий человек.

39. Я позволяю ему (ей) возвращаться домой, когда он(а) хочет.

40. Я стремлюсь оградить его (ее) от трудностей и неприятностей жизни.

41. Я не допускаю, чтобы он(а) подмечал(а) мои слабости и недостатки.

42. Мне нравится его (ее) характер.

43. Я часто критикую его (ее) по мелочам.

44. Всегда с готовностью его (ее) выслушиваю.

45. Мы расходимся с ним (ней) по очень многим вопросам.

46. Я наказываю его (ее) за такие поступки, которые совершаю сама.

47. Он(а) разделяет большинство моих взглядов.

48. Я устаю от повседневного общения с ним (ней).

49. Мне приходится заставлять его (ее) делать то, что он (она) не хочет.

50. Я прощаю ему (ей) то, за что другие наказали бы.

51. Мне бы хотелось знать о нем (ней) все: о чем он(а) думает, как относится к своим друзьям и т.д.

52. Он(а) не советуется со мной, с кем ему (ей) дружить.

53. Думаю, что для него (нее) я самый близкий человек.

54. Я приветствую его (ее) поведение.

55. Я часто высказываю свое недовольство им (ею).

56. Принимаю участие в делах, которые придумывает он(а).

57. Мы по-разному представляем с ним (ней) его (ее) будущую жизнь.

58. Бывает, что упрекаю и хвалю его (ее), в сущности, за одно и то же,

59. Думаю, ему (ей) хотелось бы походить на меня.

60. Я хочу, чтобы он(а) всегда относился (относилась) ко мне так же, как сейчас.

3.6.2.3. Оценка взаимодействия родителей с дошкольниками и младшими школьниками

Текст опросника для родителей

1. Если уж я чего-то требую от него (нее), то обязательно добьюсь этого.
2. Я всегда наказываю его (ее) за плохие поступки.
3. Он(а) сам(а) обычно решает, какую одежду надеть.
4. Моего ребенка смело можно оставлять без присмотра.
5. Сын (дочь) может рассказать мне обо всем, что с ним (ней) происходит.
6. Думаю, что он(а) ничего не добьется в жизни.
7. Я чаще говорю ему (ей) о том, что мне в нем (ней) не нравится, чем нравится.
8. Часто мы совместно справляемся с домашней работой.
9. Я постоянно беспокоюсь за здоровье ребенка.
10. Я чувствую, что непоследователен (непоследовательна) в своих требованиях.
11. В нашей семье часто бывают конфликты.
12. Я бы хотел(а), чтобы он(а) воспитывал(а) своих детей так же, как я его (ее).
13. Он(а) редко делает с первого раза то, о чем я прошу.
14. Я его (ее) очень редко ругаю.
15. Я стараюсь контролировать все его (ее) действия и поступки.
16. Считаю, что для него (нее) главное — это слушаться меня.
17. Если у него (нее) случается несчастье, в первую очередь он(а) делится со мной.
18. Я не разделяю его (ее) увлечений.
19. Я не считаю его (ее) таким умным (умной) и способным (способной), как мне хотелось бы.
20. Могу признать свою неправоту и извиниться перед ним (ней).
21. Я часто думаю, что с моим ребенком может случиться что-то ужасное.
22. Мне трудно бывает предсказать свое поведение по отношению к нему (ней).
23. Воспитание моего ребенка было бы гораздо лучше, если бы другие члены семьи не мешали.
24. Мне нравятся наши с ней (ним) отношения.
25. Дома у него (нее) больше обязанностей, чем у большинства его (ее) друзей.
26. Приходится применять к нему (ней) физические наказания.
27. Ему (ей) приходится поступать так, как я говорю, даже если он(а) не хочет.
28. Думаю, я лучше его (ее) знаю, что ему (ей) нужно.

29. Я всегда сочувствую своему ребенку.

30. Мне кажется, я его (ее) понимаю.

31. Я бы хотел(а) в нем (ней) многое изменить.

32. При принятии семейных решений всегда учитываю его (ее) мнение.

33. Думаю, что я тревожная мама (тревожный папа).

34. Мое поведение часто бывает для него (нее) неожиданным.

35. Бывает, что, когда я наказываю ребенка, мой муж (жена, бабушка и т. п.) начинает упрекать меня в излишней строгости.

36. Считаю, что в целом правильно воспитываю своего сына (дочь).

37. Я предъявляю к нему (ней) много требований.

38. По характеру я мягкий человек.

39. Я позволяю ему (ей) гулять одному во дворе дома.

40. Я стремлюсь оградить его (ее) от трудностей и неприятностей жизни.

41. Я не допускаю, чтобы он(а) подмечал(а) мои слабости и недостатки.

42. Мне нравится его (ее) характер.

43. Я часто критикую его (ее) по мелочам.

44. Всегда с готовностью его (ее) выслушиваю.

45. Считаю, что мой долг оградить его (ее) от всяких опасностей.

46. Я наказываю его (ее) за такие поступки, которые совершаю сам(а).

47. Бывает, я невольно настраиваю ребенка против других членов семьи.

48. Я устаю от повседневного общения с ним (ней).

49. Мне приходится заставлять его (ее) делать то, что он(а) не хочет.

50. Я прощаю ему (ей) то, за что другие наказали бы.

51. Мне бы хотелось знать о нем (ней) все: о чем он(а) думает, как относится к своим друзьям и т.д.

52. Он(а) сам(а) выбирает, чем заниматься дома в свободное время.

53. Думаю, что для него (нее) я самый близкий человек.

54. Я приветствую его (ее) поведение.

55. Я часто высказываю свое недовольство им (ею).

56. Принимаю участие в делах, которые придумывает он(а).

57. Я часто думаю, что кто-то может обидеть его (ее).

58. Бывает, что упрекаю и хвалю его (ее), в сущности, за одно и то же.

59. Случается, что если я говорю ему (ей) одно, то муж (жена, бабушка и т.п.) специально говорит наоборот.

60. Мне кажется, мои отношения с ребенком лучше, чем в семьях большинства моих знакомых.

БЛАНК РЕГИСТРАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ
Ф.И.О._____
Возраст_____
Образование _____

Ф.И.О. ребенка_____
Возраст_____

№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы
1		13		25		37		49	
2		14		26		38		50	
3		15		27		39		51	
4		16		28		40		52	
5		17		29		41		53	
6		18		30		42		54	
7		19		31		43		55	
8		20		32		44		56	
9		21		33		45		57	
10		22		34		46		58	
11		23		35		47		59	
12		24		36		48		60	

Обработка результатов опросника ВРР

Все три формы опросника (детская и взрослые) обрабатываются по сходной схеме. Подсчитывается общее количество баллов по каждой шкале, при этом учитывается — прямые это или обратные утверждения.

Обратные утверждения переводятся в баллы таким образом:

Ответы: 1–2–3–4–5.

Баллы: 5–4–3–2–1.

В бланках-ключах обратные вопросы обозначены звездочками. Поскольку шкалы 3 и 5 содержат по 10 утверждений, а не по 5, как в остальных, то арифметическая сумма баллов по этим шкалам делится на 2. Суммарная оценка проставляется в последнем столбце регистрационного бланка. Каждая строка бланка для ответов принадлежит одной шкале (см. ключ). Например, к 1-й шкале относятся утверждения: 1, 13, 25, 37, 49; к 10-й шкале: 12, 24, 36, 48, 60; к 3-й шкале: 3, 4, 15, 16, 27, 28, 39, 40, 51, 52; и т.д.

Ключ к опросникам ВРР для подростков и их родителей

№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	Сумма по шкале
1		13*		25		37		49		1
2		14*		26		38		50		2
3		15		27		39		51		3
4		16		28		40		52		Делится на 2
5		17		29		41		53		4
6		18		30		42		54		5
7		19		31		43		55		Делится на 2
8		20		32		44		56		6
9		21		33		45		57		7
10		22		34		46		58		8
11		23		35		47		59		9
12		24		36		48		60		10

Шкалы опросника ВРР для детей и их родителей:

нетребовательность — требовательность;
мягкость — строгость;
автономность — контроль;
эмоциональная дистанция — близость;
отвержение — принятие;
отсутствие сотрудничества — сотрудничество;
несогласие–согласие;
непоследовательность—последовательность;
авторитетность родителя;
удовлетворенность отношениями с ребенком (с родителем).

Ключ к опросникам ВРР для родителей дошкольников и младших школьников

№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	№ вопроса	Баллы	Сумма по шкале
1		13		25		37		49		1
2		14		26		38		50		2
3		15		27		39		51		3
4		16		28		40		52		Делится на 2
5		17		29		41*		53		4
6*		18*		30		42*		54*		5
7*		19*		31*		43*		55		Делится на 2
8		20		32		44		56		6
9		21		33		45		57		7
10*		22*		34*		46*		58*		8
11		23		35		47		59		9
12		24		36		48*		60		10

Шкалы опросника ВРР для родителей дошкольников и младших школьников:

10) нетребовательность — требовательность;
11) мягкость — строгость;
12) автономность — контроль;
13) эмоциональная дистанция — близость;
14) отвержение — принятие;
15) отсутствие сотрудничества — сотрудничество;
16) тревожность за ребенка;
17) непоследовательность — последовательность;
18) воспитательная конфронтация в семье;
19) удовлетворенность отношениями с ребенком.

3.7. Подростковая оценка поведенческих отношений с родителями (П. Трояновская)

Полную и дифференцированную картину детско-родительских отношений глазами подростков позволяет выяснить методика «Детско-родительские отношения подростков», разработанная П. Трояновской **(ДРОП)**.

Методика включает в себя 19 шкал, объединенных в следующие группы.

1. Блок шкал, описывающий особенности эмоциональных отношений родителя и подростка:

– принятие (демонстрация родителем любви и внимания);

– эмпатия (понимание родителем чувств и состояний ребенка);

– эмоциональная дистанция (качество эмоциональной связи между родителем и подростком).

2. Блок шкал, описывающий особенности общения и взаимодействия:

– сотрудничество (совместное и равноправное выполнение заданий);

– принятие решений (особенности принятия решений в диаде);

– конфликтность (интенсивность конфликтов, победитель в конфликте);

– поощрение автономности (передача ответственности подростку).

3. Блок контроля:

– требовательность (количество и качество декларируемых требований);

– мониторинг (осведомленность родителя о делах и интересах подростка);

– контроль (особенности системы контроля со стороны родителя);

– авторитарность (полнота и непререкаемость власти родителя);

– особенности поощрений и наказаний (качество и количество оказываемых оценочных воздействий).

4. Блок противоречивости/непротиворечивости отношений:

–непоследовательность (изменчивость и непостоянство воспитательных

– приемов родителя);

– неуверенность (сомнение родителя в верности его воспитательных усилий).

5. Дополнительные шкалы:

– удовлетворение потребностей (качество удовлетворения материальных потребностей ребенка, потребностей во внимании, в информации);

– неадекватность образа ребенка (искажение образа ребенка);

– отношения с супругом (качество отношений со вторым родителем подростка);

– общая удовлетворенность отношениями (общая оценка подростком качества отношений с родителем);

– ценностная ориентация (эта шкала содержит открытые вопросы, которые помогают подростку описать те положительные и отрицательные ценности, которые оказывают влияние на отношения с родителем).

Процедура проведения тестирования

Подросток отвечает на вопросы на специальных бланках отдельно по отношению к матери и по отношению к отцу. В бланке это помечается подчеркиванием соответствующего слова в пункте «мать/отец» (образец бланка см. ниже).

Текст опросника письменно предваряется следующей инструкцией: «Данный опросник содержит описание различных особенностей поведения ваших родителей. Каждое утверждение пронумеровано. Такие же номера есть на бланке для ответов.

Просим вас оценить, насколько поведение ваших родителей соответствует приведенным описаниям. Для этого в качестве ответа поставьте на бланке для ответов рядом с номером вопроса соответствующий балл:

1 — если подобное поведение не встречается у вашего отца (матери) никогда;

2 — если подобное поведение встречается у вашего отца (матери) редко;

3 — если подобное поведение встречается у вашего отца (матери) иногда;

4 — если подобное поведение встречается у вашего отца (матери) часто;

5— если подобное поведение встречается у вашего отца (матери) всегда.

В вопросах № 109 – 116 необходимо закончить фразы, для чего на бланке отведено особое место. Мы просим вас оценить эти утверждения сначала в отношении матери, а потом, на другом бланке, в отношении отца».

При проведении этого опросника нет строгих требований к полной самостоятельности работы и отсутствию вопросов со стороны испытуемого. Напротив, предполагается, что психолог отвечает на любые вопросы, старается поддержать подростка.

Текст опросника ДРОП

1. Приветлив(а) и доброжелателен (доброжелательна) со мной.
2. Понимает, какое у меня настроение.
3. Если у него (нее) плохое настроение, мое тоже портится.
4. Помогает мне, если я его (ее) прошу.
5. При споре заставляет меня соглашаться с его (ее) доводами.
6. Затевает ссоры по пустякам.
7. Уважает мое мнение.
8. Поручает мне ответственные дела.
9. Знает о моих интересах и увлечениях.
10. Проверяет, как я выполнил(а) поручение.
11. Я должен (должна) получить разрешение на любое свое действие.
12. Благодарит меня за помощь.

13. Реагирует на одни и те же события по-разному, в зависимости от настроения.

14. Сомневается в правильности своих действий и решений.

15. Находит для меня время, если это мне нужно.

16. Относится ко мне так, как будто я старше или младше, чем на самом деле.

17. Обижается на мужа (жену), даже если проблема уже разрешена.

18. Мне нравятся наши отношения.

19. Я уверен(а), что он(а) любит меня.

20. Угадывает мои желания.

21. Если он(а) чем-то расстроен(а), я чувствую себя так, как будто это происходит со мной.

22. У нас есть общие дела и интересы.

23. Не выслушивает мое мнение при споре.

24. Сердится и кричит.

25. Позволяет мне самому (самой) решать, как проводить свое свободное время.

26. Считает, что я должен (должна) выполнять все его (ее) требования.

27. Знает моих друзей

28. Проверяет мой школьный дневник.

29. Требует моего подчинения во всем.

30. Умеет проявлять свою благодарность.

31. По-разному ведет себя в похожих ситуациях.

32. Сменяет свою точку зрения, если я на этом настаиваю.

33. Прислушивается к моим просьбам и пожеланиям.

34. Ведет себя так, как будто совсем не понимает меня.

35. Строит свои планы, независимые от планов мужа (жены).

36. Я ни в чем не хочу изменять наши отношения.

37. Я нравлюсь ему (ей) таким (такой), какой (какая) есть.

38. Может развеселить меня, когда мне грустно.

39. Мое отношение к делу зависит от того, как он(а) к нему относится.

40. Выслушивает мои пожелания и предложения, когда мы делаем что-то вместе.

41. При обсуждении проблемы навязывает готовое решение.

42. Вовлекает в наш конфликт других членов семьи.

43. Передает мне ответственность за то, что я делаю.

44. Требует большего, чем я способен (способна) сделать.

45. Знает, где я провожу свободное время.

46. Пристально следит за моими успехами и неудачами.

47. Прерывает меня на полуслове.

48. Обращает внимание на мои хорошие поступки.

49. Тяжело заранее определить, как поступит в ответ на то или иное действие.

50. Долго откладывает принятие решения, предоставляя событиям идти своим чередом.

51. Заботится о том, чтобы у меня было все необходимое.

52. Я не понимаю его (ее) слова и поступки.

53. Ссорится с мужем (женой) из-за мелочей.

54. Когда я вырасту, я хотел(а) бы иметь такие же отношения со своим ребенком.

55. Интересуется тем, что меня волнует.

56. Умеет поддержать меня в трудную минуту.

57. Дома я веду себя по-разному, в зависимости от того, какое у него (нее) настроение.

58. Могу обратиться к нему (ней) за помощью.

59. Учитывает мое мнение при принятии семейных решений.

60. При решении конфликта всегда старается быть победителем.

61. Если я заработаю деньги, позволит мне самому (самой) ими распорядиться.

62. Напоминает мне о моих обязанностях.

63. Знает, на что я трачу свои деньги.

64. Оценивает мои поступки как «плохие» и «хорошие».

65. Требует отчета о том, где я был(а) и что делал(а).

66. Наказывая, может применить силу.

67. Его (ее) требования противоречат друг другу.

68. Предпочитает, чтобы важные решения принимал кто-то другой.

69. Покупает мне те вещи, о которых я прошу.

70. Приписывает мне те чувства и мысли, которых у меня нет.

71. Заботится о муже (жене).

72. Я горжусь тем, какие у нас отношения.

73. Рад(а) меня видеть.

74. Сочувствует мне.

75. Мы испытываем схожие чувства.

76. Для меня важно его (ее) мнение по интересующей меня проблеме.

77. Соглашается со мной не только на словах, но и на деле.

78. При решении конфликта старается найти решение, которое устраивало бы обоих.

79. Поддерживает мое стремление самому (самой) принять решение.

80. Учит меня, как надо себя вести.

81. Знает, во сколько я приду домой.

82. Хочет знать, где я был(а) и что делал(а).

83. Отвергает мои предложения без объяснения причин.

84. Считает, что хорошие дела и так видно, а на проступки надо обратить внимание.

85. Его (ее) легко переубедить.

86. Советуется с кем-нибудь о том, как лучше поступить в той или иной ситуации.

87. Охотно отвечает на мои вопросы.

88. Неверно понимает причины моих поступков.

89. Приходит на помощь мужу (жене), даже если это требует жертв.

90. Наши с ним (ней) отношения лучше, чем в большинстве семей моих сверстников.

91. Прощает мне мелкие проступки.

92. С уважением относится к моим мыслям и чувствам.

93. Я чувствую себя неуютно, если долго не вижу его (ее).

94. Участвует в тех делах, которые придумываю я.

95. При принятии решения у нас равные права.

96. При решении конфликта уступает мне.

97. Уважает мои решения.

98. Обращает мое внимание на существующие правила.

99. Знает о моих успехах и неудачах в школе.

100. Если я задерживаюсь, проверяет, где я.

101. Ведет себя так, как будто лучше меня знает, что мне нужно.

102. Несправедливо меня наказывает.

103. На его (ее) отношение ко мне влияют дела на работе.

104. Боится дать мне неправильный совет.

105. Выполняет свои обещания.

106. Своими действиями или словами ставит меня в тупик.

107. Прислушивается к мнению мужа (жены) в различных ситуациях.

108. В будущем мне бы хотелось сохранить наши отношения неизменными.

109. Закончите фразу: Мне нравится…

110. Мне не нравится...

111. Мне хотелось бы...

112. Он(а) хочет видеть меня...

113. Ему (ей) нравится во мне...

114. Ему (ей) не нравится во мне...

115. Он(а) гордится тем, что я...

116. Он(а) терпеть не может...

Обработка результатов опросника

Для удобства обработки и интерпретации результатов необходимо использование бланка ответов (образец см. ниже).

БЛАНК РЕГИСТРАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСНИКА ДРОП
Мать\отец_____
Ф.И.О._____
Возраст_____
Пол _____
Класс_____
Школа_____
Дата проведения опроса_____

№ вопроса		№ вопроса		№ вопроса		№ вопроса		№ вопроса		№ вопроса	
1		19		37		55		73		91	
2		20		38		56		74		92	
3		21		39		57		75		93	
4		22		40		58		76		94	
5		23		41		59		77		95	
6		24		42		60		78		96	
7		25		43		61		79		97	
8		26		44		62		80		98	
9		27		45		63		81		99	
10		28		46		64		82		100	
11		29		47		65		83		101	
12		30		48		66		84		102	
13		31		49		67		85		103	
14		32		50		68		86		104	
15		33		51		69		87		105	
16		34		52		70		88		106	
17		35		53		71		89		107	
18		36		54		72		90		108	

109 _____
110 _____
111 _____
112 _____
113 _____
114 _____
115 _____
116 _____

Ответы на вопросы каждой шкалы расположены на отдельной строке. Для нахождения общего балла для большинства шкал нужно просто сложить все значения по строке.

В четырех шкалах схема подсчета немного отличается:

- шкала 5, *принятие решений* (начинается с вопроса 5): в первых трех вопросах (5, 23, 41) значения «инвертируются»: 1 на 5, 2 на 4, 4 на 2, 5 на 1.

Общий балл вычисляется путем сложения новых значений и значений трех остальных вопросов;

- шкала 6, *конфликтность* (начинается с вопроса 6): общий балл вычисляется путем сложения значений трех первых вопросов (6, 7, 8). Остальные три вопроса описывают характер конфликтов и победителя в конфликте, их значения в общей сумме не учитываются;

- шкала 12, *особенности оказания поощрений и наказании* (начинается с вопроса 12). Эта шкала состоит из двух подшкал: *поощрения* (вопросы 12, 30, 48) и *наказания* (вопросы 66, 84, 102). Баллы считаются отдельно для каждой под шкалы;

- шкала 17, *отношения с супругом* (начинается с вопроса 17).

Эта шкала также состоит из двух подшкал: *враждебность* (вопросы 17, 35, 53) и *доброжелательность* (вопросы 71, 89, 107). Баллы считаются отдельно для каждой подшкалы;

- в шкале *неадекватность образа ребенка* балл считается суммарно по всем вопросам. Помимо этого, возможно проведение анализа ответов на отдельные вопросы с целью выявления зон неадекватности.

В настоящее время ведется работа по стандартизации и валидизации этого опросника.

3.8. Самооценка образа отца разновозрастными подростками (адаптированный вариант А.В. Холмогоровой)

Инструкция. Пожалуйста, ответь на следующие вопросы в соответствии с тем, каким ты в настоящее время видишь своего родного папу. Если ты не видел его уже больше месяца, можешь не отвечать на вопросы этого опросника и переходить к следующему.

	Очень похоже на моего папу	Умеренно похоже на моего папу	Умеренно не похоже на моего папу	Совсем не похоже на моего папу
1. Говорит со мной тепло и дружески				
2. Помогает мне меньше, чем я в этом нуждаюсь				
3. Позволяет заниматься тем, что мне нравится				
4. Кажется эмоционально холодным по отношению ко мне				
5. Кажется понимающим мои проблемы и огорчения				
6. Нежен со мной				
7. Поощряет меня принимать собственные решения				
8. Не поощряет моего взросления				
9. Пытается контролировать все, что я делаю				
10. Вторгается в мою личную жизнь				
11. Любит обсуждать со мной различные вещи				
12. Часто улыбается мне				
13. Склонен нянчиться со мной				
14. Кажется, что он не понимает, в чем я нуждаюсь и чего хочу				

15. Предоставляет мне принимать решения самостоятельно				
16. Заставляет меня испытывать неприятные чувства				
17. Может помочь мне взбодриться, когда я печален (печальна)				
18. Не особенно много говорит со мной				
19. Старается сделать меня зависимым (зависимой) от себя				
20. Ему кажется, что я не могу позаботиться о себе, когда его нет рядом				
21. Дает мне столько свободы, сколько я хочу				
22. Разрешает мне уходить из дома так часто, как мне хочется				
23. Слишком опекает меня				
24. Не хвалит меня				
25. Позволяет мне одеваться так, как мне этого хочется				

Обработка данных.

Для младших подростков-мальчиков в шкалы вошли следующие пункты опросника:

- шкала эмоциональной теплоты/отвержения: 1, 5, 6, 11, 12, 17 (прямые); 2, 4, 18, 24 (обратные);
- шкала автономии: 3, 7, 15, 21, 22, 25;
- шкала сверхконтроля: 9, 10, 13, 20, 23.

Для младших подростков-девочек в шкалы вошли следующие пункты опросника:

• шкала эмоциональной теплоты/отвержения: 1, 5, 6, 12, 17 (прямые); 2, 4, 14, 16, 18, 24 (обратные);

• шкала автономии: 3, 7, 15, 21, 22, 25;

• шкала сверхконтроля: 9, 10, 13, 19, 20, 23.

Для старших подростков-мальчиков в шкалы вошли следующие пункты опросника:

• шкала эмоциональной теплоты/отвержения: 1, 5, 6, 11, 12(прямые); 4, 14, 16, 18, 24 (обратные);

• шкала автономии: 7, 15, 21, 22, 25;

• шкала сверхконтроля: 8, 9, 10, 13, 19, 20, 23.

Для старших подростков-девочек в шкалы вошли следующие пункты опросника:

• шкала эмоциональной теплоты/отвержения: 1, 5, 6, 11, 12, 17 (прямые); 2, 4, 14, 16, 18, 24 (обратные);

• шкала сверхконтроля/автономии: 3, 15, 21, 22, 25.

3.9. Диагностика эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ)

Ф.И.О. _____

Возраст родителя _____

Возраст ребенка _____

Пол ребенка _____

Который по старшинству в семье _____

Полная или неполная семья _____

Дата обследования _____

Назначение

Исходя из того, что эмоциональная сторона детско-родительского взаимодействия представляет собой сложное структурное образование, где отдельные элементы находятся в тесной взаимосвязи Е.И. Захарова [Захарова Е.И., 1996, 2002] разработала опросник для родителей – «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» (ОДРЭВ), – позволяющий опосредованно выявлять степень выраженности каждой отдельной характеристики взаимодействия в каждой конкретной диаде.

Процедура проведения опросника

Каждая характеристика диагностируется с помощью шести утверждений, три из которых носят положительный характер (первые три из указанных в скобках) – согласие с данным утверждением свидетельствует о высокой степени выраженности качества и три – отрицательный (вторая тройка утверждений, указанных в скобках) – согласие с данным утверждением означает низкую степень выраженности качества.

Степень своего согласия с предложенными утверждениями испытуемый должен выразить с помощью пятибалльной шкалы, расположенной на бланках опросника рядом с инструкцией. Таким образом, заполняющий анкету родитель шесть раз высказывает степень своего согласия с утверждениями, касающимися каждой из указанных характеристик взаимодействия. Наличие утверждений, имеющих положительную и отрицательную направленность, повышает достоверность полученной оценки.

Инструкция

Уважаемые родители!

Оцените справедливость следующих утверждений, используя пятибалльную шкалу:

5 — абсолютно верно;

4 — скорее всего это так;

3 — в некоторых случаях верно;

2 — не совсем верно;

1 — абсолютно неверно.

Текст опросника ОДРЭВ

1. Я сразу замечаю, когда мой ребенок расстроен.

2. Когда мой ребенок обижается, то невозможно понять, по какой причине.

3. Когда моему ребенку больно, мне кажется, я тоже чувствую боль.

4. Мне часто бывает стыдно за моего ребенка.

5. Что бы ни сделал мой ребенок, я буду любить его.

6. Воспитание ребенка — сложная проблема для меня.

7. Я редко повышаю голос.

8. Если часто обнимать и целовать ребенка, можно заласкать его и испортить его характер.

9. Я часто даю понять моему ребенку, что верю в его силы.

10. Плохое настроение моего ребенка не может быть оправданием его непослушания.

11. Я легко могу успокоить моего ребенка.

12. Чувства моего ребенка для меня загадка.

13. Я понимаю, что мой ребенок может грубить, чтобы скрыть обиду.

14. Часто я не могу разделить радость моего ребенка.

15. Когда я смотрю на своего ребенка, то испытываю любовь и нежность, даже если он плохо себя ведет.

16. Я многое хотел(а) бы изменить в своем ребенке.

17. Мне нравится быть матерью (отцом).

18. Мой ребенок редко спокойно реагирует на мои требования.

19. Я часто глажу моего ребенка по голове.

20. Если у ребенка что-то не получается, он должен справиться с этим самостоятельно.

21. Я жду, пока ребенок успокоится, чтобы объяснить ему, что он не прав.

22. Если мой ребенок разбаловался, я уже не могу его остановить.

23. Я чувствую отношение моего ребенка к другим людям.

24. Часто я не могу понять, почему плачет мой ребенок.

25. Мое настроение часто зависит от настроения моего ребенка.

26. Мой ребенок часто делает вещи, которые сильно мне досаждают.

27. Ничто не мешает мне любить своего ребенка.

28. Я чувствую, что задача воспитания слишком сложна для меня.

29. Мы с моим ребенком приятно проводим время.

30. Я испытываю раздражение, когда ребенок буквально «липнет» ко мне.

31. Я часто говорю ребенку, что высоко ценю его старание и достижения.

32. Даже когда ребенок устал, он должен довести начатое дело до конца.

33. У меня получается настроить ребенка на серьезные занятия.

34. Часто мой ребенок кажется мне равнодушным, и я не могу понять, что он чувствует.

35. Я всегда понимаю, почему мой ребенок расстроен

36. Когда у меня хорошее настроение, капризы ребенка не могут испортить его.

37. Я чувствую, что мой ребенок любит меня.

38. Меня удручает, что мой ребенок растет совсем не таким, каким мне хотелось бы.

39. Я верю, что могу справиться с большинством ситуаций и проблем в воспитании моего ребенка.

40. Часто у нас с ребенком возникает взаимное недовольство.

41. Мне часто хочется взять ребенка на руки.

42. Я не поощряю мелкие успехи ребенка. Это может избаловать его.

43. Бесполезно требовать что-то от ребенка, когда он устал.

44. Я не в силах изменить плохое настроение ребенка.

45. Мне достаточно только посмотреть на ребенка, чтобы почувствовать его настроение.

46. Часто радость ребенка кажется мне беспричинной.

47. Я легко заражаюсь весельем моего ребенка.

48. Я очень устаю от общения со своим ребенком.

49. Я многое прощаю своему ребенку из-за любви к нему.

50. Я нахожу, что я гораздо менее способна хорошо заботиться о своем ребенке, чем ожидал(а).

51. У меня часто возникают спокойные, теплые отношения с моим ребенком.

52. Я редко сажаю ребенка к себе на колени.

53. Я часто хвалю своего ребенка.

54. Я никогда не нарушаю распорядок дня ребенка.

55. Когда мой ребенок устал, я могу переключить его на более спокойное занятие.

56. Мне тяжело понять желания моего ребенка.

57. Я легко могу догадаться, что беспокоит моего ребенка.

58. Иногда я не понимаю, как ребенок может расстраиваться по таким пустякам.

59. Я получаю удовольствие от общения с ребенком.

60. Не всегда легко принять моего ребенка таким, какой он есть.

61. Мне удается научить ребенка, что и как делать.

62. Наши занятия с ребенком часто заканчиваются ссорой.

63. Мой ребенок любит ко мне прижиматься.

64. Я часто бываю строгой (строгим) со своим ребенком.

65. Лучше отказаться от посещения гостей, когда ребенок «не в духе».

66. Когда ребенок расстроен, и ему трудно успокоиться, мне бывает трудно помочь ему.

Опросник содержит 66 утверждений и направлен на выявление выраженности 11 параметров эмоционального взаимодействия матери и ребенка дошкольного возраста, объединенных в три блока.

1. Блок чувствительности:

- способность воспринимать состояние ребенка (утверждения 1, 23, 45, 12, 34, 56);
- понимание причин состояния (13, 35, 57, 2, 24, 46);
- способность к сопереживанию (3, 25, 47, 14, 36, 58).

2. Блок эмоционального принятия:

- чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком (15, 37, 59, 4, 26, 48);
- безусловное принятие (5, 27, 49, 16, 38, 60);

- отношение к себе как к родителю (17, 39, 61, 6, 28, 50);

- преобладающий эмоциональный фон взаимодействия (7, 29, 51, 18, 40, 62).

3. Блок поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия:

- стремление к телесному контакту (19, 41, 63, 8, 30, 52);

- оказание эмоциональной поддержки (9, 31, 53, 20, 42, 64),

- ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия (21, 43, 65,10, 32, 54);

- умение воздействовать на состояние ребенка (11, 33, 55, 22, 44, 66).

Обоснование выбора именно этих показателей детско-родительского взаимодействия Е.И. Захарова дает в своих публикациях.

Для получения стандартных баллов, которыми удобно оценивать выделенные характеристики, предлагается объединить показатели, относящиеся к каждой из них, и преобразовать по формуле:

$$\frac{a + b + c - d - e - f + 13}{5},$$

где a + b + c — оценки положительных утверждений;

d - e – f – оценки отрицательных утверждений.

Таким образом, складываются оценки положительных утверждений и вычитаются оценки отрицательных. В результате указанных вычислений можно измерять степень выраженности каждой характеристики в интервале от 0,5 до 5 баллов.

Средние и критериальные значения показателей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия (относительно диады мать – ребенок на выборке 104 матерей дошкольников)

Характеристика взаимодействия	Среднее значение (М)	Критериальное значение (14)
Способность воспринимать состояние	4,22	3,7
Понимание причин состояния	3,85	3.2
Эмпатия	3,39	2,5
Чувства родителей в ситуации взаимодействия	3,9	3,3

Безусловное принятие	3,84	3,2
Принятие себя в качестве родителя	3,78	ЗД
Преобладающий эмоциональный фон	3,66	3,0
Стремление к телесному контакту	4,03	3,3
Оказание эмоциональной поддержки	3,47	2,8
Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия	2,95	2,3
Умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка	3,8	3,2

Для каждого показателя автором методики при ее апробации были подсчитаны средние и критериальные значения.

Указанная в таблице величина N является тем крайним значением, которое, с учетом среднего квадратичного отклонения, может принимать отдельная характеристика, не выходя из области средних значений. В том случае, если в конкретной диаде показатель принимает значение, ниже обозначенного 14, мы можем вынести заключение о дефиците соответствующей характеристики эмоциональной стороны взаимодействия.

3.10. Методика изучения структуры родительских отношений (Е.О. Смирнова, М.В. Быкова)

Оригинальный опросник родительского отношения разработали в своем специальном исследовании динамики родительского отношения в дошкольном возрасте Е.О. Смирнова и М.В. Быкова [Смирнова Е.О., Быкова М.В., 2000]. Гипотезой их исследования стало предположение.

1. Специфика родительского отношения заключается в двойственности позиции родителя по отношению к ребенку: в нем всегда присутствуют два противоположных начала — личностное (безусловное) и предметное (условное).

2. Система детско-родительских отношений имеет определенную возрастную динамику, связанную с взрослением ребенка, и изменяется с возрастом в сторону преобладания предметного начала над личностным.

3. Родительское отношение определяет стиль воспитания (стиль поведения родителя по отношению к ребенку) и оценку ребенка.

Для проверки этой гипотезы было предпринято специальное экспериментальное исследование, для которого и был разработан опросник родительского отношения. Он позволил выявить степень выраженности предметного и личностного начал и особенности стиля воспитания ребенка.

Анкета включает три блока вопросов. В первый, основной, блок вошли вопросы, направленные на выяснение степени выраженности предметного и личностного начал родительского отношения. Авторы предположили, что личностное отношение будет выявляться в вариантах ответов, отражающих целостное, безоценочное отношение к ребенку, гибкость и лабильность родительского поведения (когда родитель ориентируется на состояние ребенка в конкретной ситуации), сопереживание ребенку и ориентацию на его психологический комфорт, или в неопределенных ответах типа «затрудняюсь ответить», «не знаю» и проч.

Для выявления предметного отношения предлагались варианты ответов, отражающих конкретные ценностные ориентации родителей по пяти параметрам:

- ценность общения и морального развития;
- ценность интеллекта и умственного развития ребенка;
- развитие воли и произвольности;
- самостоятельность;
- ценность физического здоровья.

Например:

Вопрос: «Каким бы Вы хотели видеть своего ребенка прежде всего?»

Варианты ответов:

а) добрым и отзывчивым;

б) целеустремленным, настойчивым;

в) веселым и счастливым;

г) таким, какой он есть;

д) умным и сообразительным;

е) приспособленным к самостоятельной жизни;

ж) затрудняюсь ответить.

Ответы в, г, ж рассматривались как свидетельство личностного отношения к ребенку; ответы а, б, д, е — предметного.

Второй блок вопросов анкеты направлен на выявление преобладающего стиля поведения родителя с ребенком. Авторы отмечают, что обычно принято выделять несколько стилей родительского поведения (три —шесть стилей), описывающих типичную стратегию поведения родителя с ребенком. В спорных ситуациях поведение конкретного родителя относят к какому-либо стилю как к преобладающему. Однако, на их взгляд, картина родительского поведения шире и сложнее, чем ее обычно рисуют. Многообразие ситуаций, в которых оказываются родители и дети, исключает возможность реализации одного стиля и предполагает осуществление различных вариантов родительского воспитывающего поведения. Авторы выделили девять вариантов родительского поведения.

1. Строгий — родитель действует в основном силовыми, директивными методами, навязывая свою систему требований, жестко направляя ребенка по пути социальных достижений, при этом зачастую блокируя собственную активность и инициативность ребенка. Этот вариант в целом соответствует авторитарному стилю.

2. Объяснительный — родитель апеллирует к здравому смыслу ребенка, прибегает к словесному объяснению, полагая ребенка равным себе и способным к пониманию обращенных к нему разъяснений.

3. Автономный — родитель не навязывает решение ребенку, позволяя ему самому найти выход из сложившейся ситуации, предоставляя ему максимум свободы в выборе и принятии решения, максимум самостоятельности, независимости; родитель поощряет ребенка за проявление этих качеств.

4. Компромиссный — для решения проблемы родитель предлагает ребенку что-либо привлекательное взамен совершения ребенком непривлекательного для него действия или предлагает разделить обязанности, трудности пополам. Родитель ориентируется в интересах и предпочтениях ребенка, знает, что можно предложить взамен, на что можно переключить внимание ребенка.

5. Содействующий – родитель понимает, в какой момент ребенку нужна помощь и в какой степени он может и должен ее оказать; он реально участвует в жизни ребенка, стремится помочь, разделить с ним его трудности.

6. Сочувствующий — родитель искренне и глубоко сочувствует и сопереживает ребенку в конфликтной ситуации, не предпринимая,

однако, каких-либо конкретных действий. Родитель тонко и чутко реагирует на изменения в состоянии, настроении ребенка.

7. Потакающий — родитель готов предпринять любые действия, даже в ущерб себе, для обеспечения физиологического и психологического комфорта ребенка. Родитель полностью ориентирован на ребенка: он ставит потребности и интересы ребенка выше своих, а часто и выше интересов семьи в целом.

8. Ситуативный — родитель принимает соответствующее решение в зависимости от той ситуации, в которой он находится; у него нет универсальной стратегии воспитания ребенка. Система требований родителя к ребенку и стратегия воспитания лабильная и гибкая.

9. Зависимый — родитель не чувствует уверенности в себе, своих силах и полагается на помощь и поддержку более компетентного окружения (воспитателей, педагогов и ученых) или перекладывает на них свои обязанности. Большое влияние на родителя оказывает также педагогическая и психологическая литература.

Второй блок включает вербально описанные проблемные ситуации (например: ребенок потерялся в крупном магазине; ребенок отказывается надевать шапку в холодную погоду, боится идти к врачу; ребенок использует нецензурную лексику и т. п.), в которых родителям предлагалось выбрать наиболее приемлемый для них вариант поведения. Каждый вариант ответа соответствовал определенному (указанному выше) стилю родительского поведения. Например:

Вопрос: «Как Вы поступите в ситуации, когда ребенок боится идти к зубному врачу?»

Варианты ответов:

а) поведу лечиться, здоровые зубы важнее детских капризов (строгий);

б) объясню ребенку, что это необходимо для его здоровья (объяснительный);

в) зубы болят у тебя, поэтому, как ты решишь, так и будет (автономный);

г) предложу ему что-либо интересное взамен (компромиссный);

д) постараюсь помочь ему преодолеть свой страх (содействующий);

е) скорее всего, поведу, но буду переживать так же, как ребенок (сочувствующий);

ж) не знаю, мне трудно себе это представить (ситуативный);

з) не пожалею ничего, чтобы ему не было больно (потакающий);

и) попрошу доктора успокоить ребенка (зависимый).

Данный метод позволяет выявить особенности стратегии поведения конкретного родителя с ребенком и построить своеобразный индиви-

дуальный профиль родительского поведения, характеризующий его стиль воспитания.

В третий блок вошли вопросы, выявляющие родительское оценочное отношение к своему ребенку и к себе как к родителю. Наличие оценочной или безоценочной позиции родителя, а также качество или характер этой оценки (положительная, отрицательная или нейтральная) являются одними из центральных моментов родительского отношения. Например:

Вопрос: «Мне кажется, что мой ребенок...» Варианты ответов:

а) недостаточно зрелый для своего возраста;

б) взрослее и умнее своих сверстников;

в) практически не отличается от своих сверстников;

г) его трудно сравнивать с другими.

Таким образом, опросник содержит три блока закрытых вопросов (всего 17), направленных на выявление родительского отношения, стиля поведения с ребенком и оценочной позиции родителя. Кроме того, в опросник были дополнительно включены вопросы социально-демографического характера, выясняющие семейное положение, состав семьи, образование, возраст и социально-экономический статус родителей.

Апробация данного опросника осуществлялась в трех группах родителей: родителей детей раннего возраста (2 года), родителей дошкольников (5 лет), родителей детей младшего школьного возраста (8 лет) — всего 130 человек. Средний возраст родителей составил 25 — 35 лет.

К сожалению, в указанной выше публикации авторов опросник не приведен. Поэтому мы лишь кратко изложим выводы из полученных авторами результатов.

По мнению авторов, работа показала, что в родительском отношении всегда присутствуют два противоположных начала: личностное, определяющее отношение к ребенку как к целостной уникальной личности, и предметное, предполагающее оценку его отдельных качеств.

Во всей выборке не было обнаружено ни одного варианта родительского отношения, в котором было бы представлено только личностное или только предметное начало. Это говорит о том, что эти два аспекта являются неотъемлемыми чертами любого родительского отношения.

Относительная выраженность и содержание этих начал меняются с возрастом ребенка: по мере его взросления от 2 до 8 лет преобладание личностного начала сменяется доминированием предметного. Характер предметного отношения существенно меняется с возрастом ребенка: возрастает значимость интеллектуального развития ребенка и овладения

им навыками самостоятельности, а значимость развития социальных качеств (общения, морального и этического развития) снижается.

Родительское отношение определяет стиль воспитания ребенка и оценку ребенка родителем. Стиль воспитания также имеет возрастную динамику: с возрастом ребенка снижается выраженность ситуативного, содействующего и компромиссного вариантов и возрастает выраженность объясняющего, автономного и зависимого вариантов родительских стилей. Также было показано, что родительское отношение изменяется от преобладания безоценочной к доминированию оценочной позиции родителя.

3.11. Шкала родительской озабоченности (ШРО)

Опросник для родителей «Шкала родительской озабоченности» был разработан для нужд семейного психологического консультирования. Он организует первичную беседу с родителем по поводу беспокоящих его сторон поведения ребенка.

Родителя следует предупредить, что в опроснике собраны особенности поведения детей и подростков совершенно разного возраста — от дошкольников до юношей. Необходимо отметить только то, что действительно беспокоит родителя в ребенке.

АНКЕТА
Ф.И.О. _____
Дата заполнения _____
Инструкция

Ниже приводятся особенности поведения, встречающиеся у детей (подростков) разного возраста.

Если поведение ребенка полностью совпадает с представленным утверждением, то следует поставить крестик в квадрате столбца 2 («полностью соответствует»).

Если ребенок демонстрирует поведение, представленное утверждением, но в меньшей степени или менее часто, ставится крестик в квадрате столбца 1 («соответствует в какой-то мере»).

Если ребенок не демонстрирует описанного поведения, поставьте крестик в квадрате столбца 0 («не соответствует»).

Пожалуйста, заполняйте опросник на основе поведения вашего ребенка за последние 6 месяцев.

Опросник ШРО

№ утвео-	Особенности поведения	0	1	2
1	Поздно ложится спать			
2	Лжет, например: говорит, что идет в одно место, а сам идет куда-то еще; говорит, что сделал уроки, а сам не сделал их; говорит, что не крал из моего кошелька			
3	Не прибирает за собой на кухне, в ванной комнате и в других местах общего пользования			
4	Не заботится о своих домашних животных (не кормит, не выводит гулять, не убирает)			
5	Берет без спроса мою одежду			
6	Носит одежду, которая выглядит неряшливо или вызывающе. Злоупотребляет косметикой			
7	Гуляет допоздна или даже всю ночь			
8	Не заботится о личных вещах, оставляет их без присмотра			
9	Дает мои вещи (одежду, фен для волос, косметику) своим подругам			
10	Не заботится о моих вещах, теряет их			
11	Часами занимает телефон			
12	Не хочет переодеваться после школы			
13	Постоянно угрюм и замкнут			
14	Общается с нежелательными приятелями (старше его, состоящими на учете в милиции и т. п.)			
15	Валяется на диване целыми днями, просматривая телепрограммы или слушая музыку			
16	Не делает уроков. Плохо учится. Прогуливает занятия в школе			
17	Приводит домой друзей, когда меня нет			
18	Позволяет своим друзьям красть у нас			

19	Не моется			
20	Не делает работу по дому			
21	Закатывает истерики и угрожает, когда ему перечат			
22	Не убирает в своей комнате. Содержит ее в беспорядке. Оставляет грязную посуду в комнате			
23	Убегает из дома			
24	Дерется с братьями или сестрами			
25	Говорит, что не любит меня			
26	Ругается. Обзывает меня			
27	Ничего не хочет делать вместе с семьей. Все время хочет быть один			
28	Требует денег			
29	Говорит другим, что я плохо с ним обращаюсь			
30	Крадет у меня или у других членов семьи (деньги, украшения, спиртные напитки)			
31	Курит			
32	Выпивает с друзьями			
33	Грозит мне или другим членам семьи физической расправой			
34	Активен и неразборчив в сексе			
35	Сделал беременной свою подругу			
36	Забеременела			
37	Может разбить или сломать что-либо, когда злится			
38	Ворует в магазинах, у соседей			
39	Грозится покончить с собой			
40	Вмешивается в мою личную жизнь			

Что еще беспокоит Вас в поведении ребенка?

По результатам опроса можно подсчитать общий индекс родительской озабоченности. Правда, отдельные события (строчки) в этом опроснике не равнозначны. Несомненно, градиент стрессогенности

и важности событий должен быть учтен при переводе в обобщенный индекс с помощью разного веса событий.

3.12. Интегральная оценка детско-родительских отношений по методике «Родительское сочинение»

Несмотря на то что на сегодняшний день в зарубежной и отечественной психологии уже накоплен значительный арсенал методик, практические психологи все еще испытывают острую потребность в средствах диагностики детско-родительских отношений «на полюсе родителя». Принцип стереоскопичности диагноза как один из важнейших принципов психологического консультирования применительно к изучению детско-родительских отношений означает, что эти отношения должны быть представлены как с позиции ребенка, так и с позиции каждого из родителей [Лидере А. Г., 1991]. **Методика «Родительское сочинение»** предоставляет превосходную возможность увидеть эти отношения глазами родителя.

Методика «Родительское сочинение» представляет одну из наиболее информативных и достаточно надежных техник, позволяющих успешно решать задачу диагностики особенностей родительской позиции и типа семейного воспитания, выявить особенности восприятия и переживания родителем характера отношений и взаимодействия с ребенком. Хотя указанная методика достаточно часто используется в практике семейного и возрастно-психологического консультирования [А.С. Спиваковсжая, 1988; А.И. Захаров, 2000 и др.], ее более широкому распространению препятствует недостаточная разработанность основных параметров контент-анализа родительского сочинения. Проективный характер методики требует от пользователя высокой профессиональной культуры и квалификации при интерпретации полученных данных.

Е.И. Захарова и О.А. Карабанова попытались систематизировать и обобщить основные параметры психологического анализа родительского сочинения и выделить схему составления психологического заключения по результатам проективной методики. Предложенная схема анализа разработана с опорой на уже имеющиеся техники подобной интерпретации и обобщает собственный опыт использования автором данных проективного родительского сочинения в практике консультирования родителей по вопросам развития и воспитания детей.

Методика «Родительское сочинение» позволяет решить следующие задачи:

- выявить особенности родительской позиции автора сочинения и реализуемый им тип семейного воспитания;
- собрать дополнительную анамнестическую информацию, позволяющую более полно реконструировать историю развития ребенка;
- получить описание проблем развития ребенка глазами родителя, выявить зоны конфликтности в детско-родительском взаимодействии, определить особенности локуса контроля родителя, объективировать в письменном виде жалобу и запрос родителя к консультанту.

Огромным достоинством методики «Родительское сочинение» является ее значительный коррекционный потенциал. Материалы сочинений — первый шаг в рефлексии родителем проблем воспитания ребенка, в их осознании и понимании, фундамент для построения новой системы общения и взаимодействия с ребенком. Кроме того, «Родительское сочинение», как и любая проективная методика, позволяет выявить личностные особенности самого родителя, что обеспечивает более высокую эффективность программы психологической коррекции, учитывающей особенности родителя при выборе стратегии и тактики реализации системы психолого-педагогических рекомендаций, при определении формы и характера работы с родителями.

Процедура проведения обследования

Методика «Родительское сочинение» рекомендуется к использованию на этапе диагностики и сбора анамнестических данных в процессе возрастно-психологического консультирования. Сами сочинения родителей могут быть весьма продуктивно использованы на этапах собственно коррекционной работы для контроля динамики изменения родительской позиции и оценки эффективности такой работы. Необходимым условием, предваряющим предъявление родителю задания, является установление эмоционально-позитивных, доверительных отношений с психологом на основе безоценочного эмпатического принятия клиента и создания атмосферы безопасности.

При интерпретации полученных данных следует учитывать, что диагностическую ценность полученного материала существенно ограничивают недостаточный культурно-образовательный и интеллектуальный уровень клиента, и в первую очередь уровень развития его письменной речи и способности к рефлексии. Тем не менее даже в этих случаях родительское сочинение может стать важным источником диагностической информации, конечно, при условии не формального, а заинтересованного отношения клиента к выполнению задания.

Базовыми темами родительского сочинения являются темы открытого типа — «Мой ребенок» и «Я как родитель». В зависимости от целей обследования и степени готовности родителя к выполнению задания формулировка тем может быть изменена в направлении большей конкретизации. Так, например, для уточнения истории развития ребенка родителю может быть предложена тема «История жизни моего ребенка». Для анализа развития и изменения родительского отношения и родительской позиции — тема «История моего материнства (отцовства)», для выявления ценностно-смысловых установок и целей воспитания полезна формулировка темы «Каким я хочу видеть (вырастить) моего ребенка».

Темы «Что мне нравится и что не нравится в моем ребенке», «Что я разрешаю и что запрещаю моему ребенку» позволяют конкретизировать систему требований и запретов, предъявляемых ребенку, систему контроля, реализуемую родителем, оценить эффективность системы воспитания. В ряде случаев весьма продуктивным с точки зрения последующей коррекционной работы оказывается следующий простой прием: лист делится на две половины вертикальной чертой, левая — то, что нравится в ребенке (что ему разрешаю), правая — то, что не нравится (или то, что запрещаю). Соотношение левой и правой колонок наглядно объективирует, какую позицию занимает родитель в отношении ребенка: принимающе-разрешительную, либерально-попустительскую, отвергающую, отвергающе-запретительную и т.д. В процессе выполнения задания родители вдруг часто совершенно неожиданно для себя открывают особенности своего поведения по отношению к ребенку и понимают необходимость его изменения. Таким образом, решение о целесообразности поиска новых стратегий и тактик воспитания, необходимости работы над собой не навязывается родителю психологом «сверху», а становится продуктом самостоятельного зрелого решения родителя. Если темой сочинения является позиция родителя, его воспитательские установки и методы, то могут быть предложены такие формулировки темы, как «Что мне нравится и не нравится в себе как в родителе» и «Что я хотел бы изменить в себе как в родителе».

Материалы таких сочинений используются в дальнейшей коррекционной работе с родителями для анализа обоснованности и конструктивности семейного воспитания, выявления «слабых мест» и совместной выработки новых подходов к воспитанию для целенаправленной коррекции родительской позиции.

Время написания сочинения не ограничивается. Сочинение может быть написано как дома, так и во время ожидания родителем ребенка,

проходящего психологическое обследование. В последнем случае необходимо обеспечить родителю подходящие условия для работы: изолированное помещение, тишину, отсутствие отвлекающих факторов, достаточное время и проч. В случаях, когда жалобы родителей и реальные проблемы ребенка связаны с дисгармоничностью типа семейного воспитания и нарушением детско-родительских отношений, крайне желательно проведение методики «Родительское сочинение» с обоими родителями, а также с фактическими воспитателями ребенка в семье.

Анализ «Родительского сочинения»

Можно выделить три группы параметров анализа сочинения:

1) особенности поведения родителя в процессе выполнения задания;

2) формальные показатели;

3) содержательные показатели.

1. *Особенности поведения родителя в процессе выполнения задания* информативны для интерпретации полученных данных. Они включают: особенности принятия задания; пробы, переписывания, наличие черновиков сочинения; особенности поведения, выражающие эмоциональное отношение к заданию; речевой комментарий; время выполнения задания (если оказывается возможным его зафиксировать).

Особенности принятия задания. Нередко психологу приходится сталкиваться с отказом от выполнения задания. Мотивировки отказов можно свести к следующим: трудность задания («Очень сложное, трудное задание»), отсутствие временных и интеллектуальных возможностей его выполнения («Нет времени», «Не знаю, о чем писать, все важно», «Давно ничего не писала, разучилась писать связно» и проч.). Отказ нередко сопровождается альтернативными предложениями со стороны родителя: рассказать о ребенке и проблемах более подробно, ответить на любые вопросы психолога, заполнить анкеты и опросники. В этих случаях отказ наиболее часто бывает обусловлен объективной трудностью выполнения задания для лиц, не имеющих постоянной практики и опыта письменного изложения своих мыслей и чувств.

Категорический отказ выполнить задание родителями с высоким уровнем развития вербальных способностей может быть расценен как проявление психологической защиты и барьеров во взаимоотношениях с ребенком. Настойчивые вопросы о содержании сочинения, актуализируемые и после повторения психологом-консультантом инструкции, свидетельствуют о высокой социальной тревожности и личностной неуверенности родителя.

Пробы, переписывания, черновики встречаются в практике относительно редко. Черновики сочинения являются достаточно на-

дежным индикатором гиперсоциализации клиента: его зависимости от социального одобрения. Пробы-переписывания, в которых присутствуют достаточно кардинальные изменения содержания текста, могут отражать как наличие преград и барьеров в осознании проблем ребенка, так и положительную динамику осознания родителем проблем взаимоотношений с ребенком. В последнем случае пробы имеют не только диагностическое, но и коррекционное значение. Если повторный вариант сочинения отражает более глубокое осмысление клиентом проблемы, ее причин и возможностей разрешения, можно говорить об определенных сдвигах в осознании родителем проблемы. Однако факт такой позитивной динамики удается уверенно установить лишь в результате сопоставления первоначального варианта родительского сочинения с последующим, что, к сожалению, далеко не всегда является возможным.

Напротив, достаточно часто мы сталкиваемся с другим вариантом «улучшения» сочинения, когда в результате срабатывания защитных механизмов результатом переписывания сочинения становятся «лакирование» действительности, сглаживание острых углов во взаимоотношениях и создание образа «идеального родителя», отвечающего социальным ожиданиям и образцам, эталонным для самого автора сочинения.

Эмоциональное отношение к заданию, т.е. особенности мимики, пантомимики, жестов, изменение настроения в процессе сочинения, является весьма информативным для оценки характера отношения родителя к ребенку, особенностей самопринятия, а также степени эмоциональной вовлеченности родителя в проблемы взаимоотношений с ребенком (от сверхвовлеченности на основе симбиотического союза до индифферентности и незаинтересованности).

Эмоциональное отношение к заданию позволяет оценить способ аффективного реагирования на фрустрацию. К сожалению, в большинстве случаев наблюдение за особенностями эмоционального отношения к заданию в процессе его выполнения оказывается для психолога недоступным в силу чисто организационных условий.

Например, сочинение предлагается родителю в форме «домашнего задания».

Речевой комментарий касается либо трудности выполнения задания, либо оценки успешности его выполнения.

Трудность задания может оцениваться диаметрально противоположно: от «Писать о моем ребенке оказалось намного сложнее, чем на первый взгляд» до «Это оказалось гораздо легче и интереснее, чем я думала, меня увлекла эта работа». В обоих случаях подобный коммен-

тарий свидетельствует о неформальном отношении к задаче, о том, что родитель совершил пусть иногда не очень большое, но продвижение вперед в отношении осознания проблемы, причин ее возникновения и возможных путей ее преодоления.

Что касается оценки успешности выполнения задания, то здесь в практически абсолютном большинстве случаев речь идет о сомнениях автора в правильности выполнения задания, в полноте и точности описания. Сама по себе задача рефлексии и объективирования в письменной речи «плюсов» и «минусов» своего опыта отношений и взаимодействия с ребенком достаточно нова и сложна для родителя.

2. *Формальные показатели родительского сочинения* — объем, форма, язык и стиль повествования, подчеркивания в тексте с выделением главного, рисунки в тексте — являются весьма значимыми для интерпретации и информативными в отношении особенностей личности автора сочинения.

Объем (сочинения). Диагностическое значение имеет слишком малый и чрезмерно большой объем сочинений.

Малый объем может быть интерпретирован как непринятие задачи, пассивный отказ от ее выполнения или чисто формальное выполнение задания, «закрытость» автора в выражении своих мыслей, чувств и переживаний. Причинами отказа могут быть незаинтересованность клиента и низкая степень готовности к сотрудничеству с психологом в разрешении проблем воспитания и развития ребенка, проявление рентной, потребительской установки по отношению к консультированию. Другими причинами малого объема сочинения могут быть актуализация защитных механизмов личности и низкий уровень развития вербальных способностей и культуры письменной речи автора.

Чрезмерно большое по объему сочинение отражает высокую эмоциональную включенность автора, фиксацию на проблеме либо попытки ее разрешения путем рефлексивного анализа. Уход от заданной темы сочинения, отвлечения, подмена темы сочинения вполне определенно указывают на чрезмерную сосредоточенность на иной проблеме, являющейся для автора истинной причиной обращения в консультацию за психологической помощью. Переключение на другую тему в некоторых случаях может быть проявлением характерологических особенностей личности автора сочинения.

Форма повествования, стиль и язык сочинения. Наш опыт позволяет выделить следующие формы повествования, сохраняя при этом возможность расширения указанного перечня.

1. В зависимости от степени развернутости описания проблемы выделяются:

описательно-проблемная форма, которая предполагает разумное соотношение информационно-событийного описания и постановки проблем воспитания и развития ребенка, жалоба и запрос представлены в сочинении; проблемная форма, которая характеризуется минимальным описанием свойств и качеств ребенка (вплоть до того, что из содержания сочинения трудно определить возраст ребенка) и устойчивой фиксацией на проблемах, волнующих автора. Нередко подобная форма включает много вопросов, восклицаний, высказываний, утверждающих неспособность автора к конструктивному разрешению проблем («Не знаю, как справиться», «Не представляю, что еще можно сделать» и проч.); чисто описательная форма, как правило, фактически не содержит информации о конкретном содержании проблемы, отсутствуют жалоба и запрос.

2. Другие формы:

«Письмо к...» представляет собой обращение, адресатом которого является сам ребенок, психолог или другой неперсонифицированный собеседник. Такого рода сочинение может представлять собой размышление о проблеме. Оно диалогично по форме, содержит обращения, призывы, вопросы к собеседнику и от имени последнего — ответы на вопросы, заверения и т.д.; часто встречаются образные определения, сравнения, метафоры, гиперболы. Общий тон сочинение интимизирующий, приподнятый, иногда слащавый. Подобная форма является показателем стремления автора установить более близкую дистанцию либо более комфортную (за счет ее структурирования) позицию во взаимодействии с адресатом, попыткой представить отношения с ребенком через призму социальных оценок и стандартов. В некоторых случаях эта форма может являться свидетельством гиперсоциальности автора, истероидно демонстративного типа характера и т.д.;

«Канцелярская форма» напоминает автобиографически-канцелярскую форму или характеристику типа «Я, Иванова А.А., проживаю совместнос сыном Антоном 12 лет...», или «Моя дочь Петрова Вера Петровка, ученица 5 А класса школы №...», или «Претензий к дочери не имею». Такая форма родительского сочинения изобилует канцеляризмами, часто формальна и по содержанию; может расцениваться как показатель значительной дистанции во взаимодействии с ребенком, трудностей общения. Сочинение отражает конформность и зависимость автора, в ряде случаев — недостаточный уровень речевой культуры, ригидность мышления, а также может манифестировать защиту.

Использование эпиграфов встречается относительно редко и само по себе уже свидетельствует о достаточно высоком уровне языковой и интеллектуальной культуры автора сочинения и глубине проработки им проблемы, его направленности на самоисследование.

Как правило, эпиграф — квинтэссенция осознания сущности своей родительской позиции автором сочинения, поэтому содержание и смысл эпиграфа должны стать предметом специального анализа и интерпретации. Эпиграф является также показателем ориентации автора на социальные ценности, что нередко указывает на высокую социальную тревожность, выражает коммуникативную направленность позиции родителя в консультировании.

Подчеркивания с выделением главного позволяют автору расставить акценты и выделить основные смысловые моменты. Они являются показателем интенсивной работы родителя над осознанием и разрешением проблемы, его психологической готовности к сотрудничеству с консультантом. Иногда подчеркивание отражает стремление автора возложить ответственность за возникшую коллизию на себя, ребенка или другого члена семьи. Например, избавиться от чувства вины («Я этого не хотела...») или возложить ответственность на другое лицо («Муж настоял на том, чтобы сын остался в этой школе...»).

Рисунки в тексте сочинения могут представлять собой либо случайные наброски, хаотическое переплетение линий по типу каракулей причудливой формы, либо тематический рисунок семьи (встречается крайне редко и уже поэтому заслуживает того, чтобы стать предметом пристального внимания), либо аллегорический рисунок, отражающий точку зрения автора на суть взаимоотношений в семье.

В первом случае рисунки свидетельствуют о наличии внутренних барьеров и защит, во втором и третьем — об эмоциональной вовлеченности в семейные взаимоотношения, попытке децентрироваться и занять отстраненную, иногда в определенной степени ироничную позицию по отношению к себе как к родителю и семейной ситуации в целом.

Рисунки в тексте встречаются крайне редко, и в каждом подобном случае они должны стать предметом внимательного психологического рассмотрения, поскольку позволяют автору сочинения в символической форме выразить сущность своего переживания, сохраняя при этом необходимую степень безопасности.

Структурирование пространства листа дает информацию об индивидуально-личностных особенностях автора сочинения. Здесь учитываются полнота заполнения пространства листа, использование полей, линеек для расположения строчек, использование абзаца и «красной строки». Сплошной, неструктурированный текст является индикатором эмоциональной захваченности проблемой, недостаточной продуманности и рефлексивности автора, импульсивности и потери контроля. Поля и линейки — показатель гиперсоциализированности автора, его ориентации на «закон и порядок», приоритетность социальных норм и правил.

3. *Содержательные показатели* наиболее важны для интерпретации родительских сочинений. К ним относятся: соответствие сочинения заданной теме; соотношение трех планов сочинения; использование в сочинении имени ребенка; описание истории развития ребенка, его индивидуально-личностных качеств и предпочтений, особенностей взаимоотношений ребенка с автором сочинения и другими членами семьи; оценка ребенка; отношение автора к ребенку; описание системы семейного воспитания, реализуемой родителем, и оценка ее эффективности.

Соответствие сочинения заданной теме — важный показатель адекватности принятия задачи и готовности родителя к продуктивному сотрудничеству с консультантом. Уход и отступления от темы сочинения могут свидетельствовать о скрытом отвержении ребенка и актуализации защитных механизмов либо о неразрешенном внутреннем конфликте и проблемах самого родителя.

Особое внимание консультанта должны привлекать случаи перенесения супружеского конфликта либо конфликта автора с другими членами семьи в сферу детско-родительских отношений, явления проекции негативных качеств партнера на личность ребенка. Примером такого перенесения может быть отрывок из родительского сочинения матери, которая, характеризуя свою дочь в целом положительно, пишет: «...она несколько эгоистична и упряма (это в мужа)». Будучи обеспокоенной ухудшением своих отношений с сыном-подростком, который после развода родителей все чаще уходит вечерами из дома, не сообщая, куда идет и когда вернется, мать с горечью заключает: «...Сын все больше и больше становится похожим на своего отца».

Во всех указанных случаях важной задачей коррекционной работы должна стать задача оптимизации супружеских отношений и взаимодействия как составная часть общей коррекционно-профилактической программы работы с семьей.

Соотношение трех планов родительского сочинения. Сочинение задает три основных плана описания — план «Ребенок», план «Родитель» и план «Наши отношения». Соотношения этих планов в сочинении, т.е. доминирование одного из них и, напротив, беглость и конспективность описания другого, в значительной мере определяются тем, как задана тема сочинения. Очевидно, что тема «Мой ребенок» требует от родителя сосредоточения на описании психологических особенностей и свойств самого ребенка, его проблем, в то время как тема «Я как родитель», напротив, предполагает рефлексию родителем особенностей своей воспитательной позиции, ее эффективности, своих возможностей и ресурсов для решения проблем воспитания ребенка, собственных психологических качеств. Однако, в какой бы форме ни была задана

тема сочинения, его содержание в подавляющем большинстве случаев позволяет выделить все три указанных выше плана описания. Информативным для заключения о характере родительской позиции будет баланс этих планов с учетом заданной темы сочинения.

Можно выделить четыре варианта соотношения планов родительского сочинения.

1. Преобладание плана «Ребенок» или плана «Родитель» соответственно теме сочинения. В этом случае можно говорить об адекватной центрации автора сочинения на проблемах развития ребенка (тема «Мой ребенок») или на проблемах воспитания и родительства (тема «Я как родитель») и достаточно гибкой родительской позиции.

2. Неадекватное теме сочинения доминирование плана «Ребенок» (тема «Я как родитель») или плана «Родитель» (тема «Мой ребенок»). В подобной центрации проявляются ограниченность и ригидность родительской позиции.

В первом случае это фиксация родителя на ребенке и его проблемах без должного осознания значения собственных воспитательных методов воздействия и своей роли в генезисе проблем развития ребенка, а часто и стремление родителя полностью переложить вину и ответственность за них на плечи самого ребенка.

Во втором случае быстрый отход от проблем ребенка и навязчивость обсуждения родителем своих собственных качеств, особенностей поведения, чувств и переживаний, зачастую выходящих далеко за пределы детско-родительских отношений, являются свидетельством неразрешенных личностных проблем самого родителя, его воспитательной неуверенности, повышенной тревожности.

3. Развернутое позитивное описание плана «Наши отношения» при условии общего соответствия содержания повествования теме сочинения.

Интерес автора к плану «Наши отношения», более или менее развернутое обсуждение взаимоотношений ребенка с родителем являются показателем осознания родителем двустороннего диалогического характера процесса воспитания, в котором и родитель, и сам ребенок выступают принципиально равноправными, хотя и значительно различающимися по жизненному опыту, знаниям и умениям, партнерами в общении и совместной деятельности. Степень развернутости плана «Наши отношения» является индикатором меры сензитивности родителя к всестороннему конструктивному анализу проблем воспитания и развития ребенка в процессе консультирования, психологической готовности автора сочинения к исследованию своей родительской позиции, к работе над собой, саморазвитию и совершенствованию «Я» в роли родителя.

4. Доминирование плана «Наши отношения» при условии фактически полной редукции планов «Ребенок» и «Родитель» может расцениваться либо как показатель высокого уровня конфликтности отношений и беспомощности родителя в попытках их разрешения (описание отношений носит негативный характер, изобилует примерами конфликтов, ссор, непослушания ребенка), либо как показатель высокой эмоциональной зависимости родителя от ребенка по типу симбиотической привязанности, доминирования мотивов смысла жизни и удовлетворения потребности в любви и принятии в системе мотивов воспитания ребенка. Это, например, может выражаться в словах сожаления родителя о том времени, когда отношения «ребенок—родитель» полностью определяют жизнь ребенка, его отношения к миру и людям, времени безраздельной зависимости ребенка от родителя. Мать пишет о своем сыне-подростке: «...самое счастливое время... когда твой ребенок полностью зависит от тебя, нуждается в тебе и твое мнение не подвергается сомнению и критике...»

Имя ребенка, используемое в сочинении, заключает важную диагностическую информацию об особенностях эмоционального принятия ребенка родителями, избранной ими позиции во взаимодействии с ребенком и дистанции в ней, т.е. степени близости/дальности ребенка и родителя. Безусловно, выбор полного или уменьшительного имени ребенка в значительной степени определяется возрастом и полом ребенка, полом самого родителя, количеством детей в семье. Так, сиблинговая позиция младшего ребенка диктует уменьшительную форму имени, в то время как позиция старшего — скорее, полное имя, даже если возраст ребенка невелик. Уменьшительная форма, однако, может иметь ласкательный или пренебрежительный оттенок, что позволяет судить об особенностях эмоционального отношения родителя к ребенку. При квалификации значения такого отношения следует учитывать и такой фактор, как пол самого родителя. Матери более склонны к уменьшительно-ласкательным именам, отцы же, особенно по отношению к сыновьям, могут использовать иную форму, на первый взгляд с оттенком пренебрежения («Вовка», «Мишка»), истинное эмоциональное значение которой выявляется лишь в целостном контексте сочинения родителя. Ласкательные прозвища типа «мое маленькое солнышко», «мой котенок» и прочее могут расцениваться как свидетельство эмоциональной значимости ребенка для родителя, но в то же время указывают на необходимость специального изучения фактов потворствования в реализации типа семейного воспитания.

Достаточно часто встречающееся использование выражений «мой сын», «моя дочь» может быть интерпретировано как показатель

фиксации автора сочинения на своей роли родителя или как попытка более четко структурировать свои отношения с ребенком. Избегание имени ребенка в сочинении говорит о дефиците переживания чувства безопасности родителем, а в ряде случаев и о недостаточном принятии самоценности личности ребенка родителем. Наконец, излишне частая замена имени ребенка личным местоимением «он» («она») в сочинении делает необходимым проведение специального исследования с целью подтверждения или опровержения факта эмоционального отвержения ребенка родителем. Показательно и то, как родитель называет себя — именем собственным или в соответствии с семейной ролью — «мама» («папа») или «мать» («отец»).

Сведения об истории развития ребенка, включая основные, базовые факты развития (когда ребенок начал ходить, говорить и проч.), важны для сбора и уточнения анамнестических данных, позволяют более верно определить причины генезиса проблем развития ребенка.

Временные планы в сочинении (ретроспективный, перспективный, план настоящего), описание основных жизненных событий и их влияния на развитие ребенка позволяют оценить степень прогностичности родительской позиции. Эмоциональный тон описания прошлого и настоящего устанавливает характер переживания жизненных событий родителем и другими членами семьи, выявляет аффективные очаги неразрешенных конфликтов и источник фрустрации, позволяет составить план коррекционной работы с семьей. Например, родитель пишет о рождении ребенка: «Все были очень рады, потому что ждали мальчика» — или о возможном будущем сына: «Я часто со страхом думаю, каким он вырастет, как ему придется в жизни». Негативное эмоциональное отношение к прошлому может быть интерпретировано как свидетельство неразрешенного актуального конфликта, хронической фрустрации, психологической травмы. Пессимизм в восприятии настоящего — как проявление стресса, депрессии, фрустрированности родителя, тревожность в отношении будущего — как проявление воспитательной неуверенности родителя.

Описание качеств ребенка и его предпочтений занимает важное место в родительском сочинении. Спектр описываемых качеств достаточно разнообразен и включает физические особенности и внешность («небольшого роста и с длинными светлыми волосами»), формально-биографические сведения (когда и где родился, сколько лет, где учится), описание знаний, умений, навыков («знает буквы», «умеет плавать», «занимается танцами»), достижений ребенка («учится на "4" и "5"»), особенностей поведения и деятельности с конкретными примерами («был очень активным, всегда куда-то лез», «начал прогуливать шко-

лу»), общения с родными («грубит», «черствый, ничего не замечает»), выполнения требований родителей («не убирает за собой», «очень громко включает музыку»), описание интеллектуальных («умный», «сообразительный», «очень способный»), морально-волевых («добрая», «настойчивый», «целеустремленная») и эмоционально-волевых качеств («чуткая», «заботливая», «взрывается») и, наконец, особенности полоролевой идентичности («она вся томная и женственная»).

Оценка ребенка в родительском сочинении присутствует как в прямой, так и в косвенной форме. Оценка может быть позитивной, негативной, амбивалентной, с большей или меньшей степенью дифференцированности. Иногда не удается установить общую оценку ребенка вследствие индифферентности описания. Баланс положительных и отрицательных оценок позволяет судить об интегральной оценке ребенка. «Наклеивание ярлыков», однозначно негативная, уничижительная оценка ясно указывает на неуважение личности ребенка родителем, его отвержение. Степень адекватности оценки — показатель адекватности восприятия родителем ребенка. Анализ того, какие именно качества подвергаются оценке, определяют образ ребенка в глазах родителя и степень его принятия, позволяет делать выводы о реализуемых родителем ценностях воспитания.

Сравнительная оценка (по отношению к сиблингам, сверстникам), особенно негативная, отражает недостаточность признания родителем самоценности ребенка и неэффективную практику воспитательных воздействий на поведение ребенка.

Описание особенностей типа семейного воспитания может включать открытое декларирование ценностей и приоритетности целей воспитания («...хочу, чтобы она выросла хорошим человеком, имела интересную работу, устроила личную жизнь», «Хочу дать ему радость и семейное благополучие», «Хочу, чтобы он стал добрым и честным», «...для меня самое важное — его отношение к учебе»). Тем не менее консультант должен постоянно учитывать возможность расхождения и даже прямого противоречия между декларируемыми ценностями и реальными целями воспитания, специально отмечая факты подобного расхождения.

Особого внимания заслуживают высказывания, указывающие на явления «делегирования» в детско-родительских отношениях («У нас постоянно идет борьба из-за музыкальной школы, но я-то по себе знаю, как он будет сожалеть потом, если бросит ее»). Немало сведений можно почерпнуть из родительского сочинения и о методах наказания и поощрения ребенка, практикуемых родителями («не выдерживаю, хватаюсь за ремень», «не разговариваю, обижаюсь на него», «хвалю,

покупаю игрушку, какую хочет, разрешаю играть в Денди»). Следует специально обратить внимание на высказывания родителей о сходстве или различиях системы воспитания, реализуемой ими по отношению к своему ребенку, и тех методов, которые применялись по отношению к ним, когда они были детьми, в их собственной семье. Факты влияния прародительской семьи на воспитательную систему нуклеарной семьи должны быть учтены при разработке программы коррекционной работы.

Оценка эффективности воспитания родителем может варьировать от безусловно-превосходной, положительной до крайне отрицательной, отражая степень критичности и удовлетворенности родителем реализуемой им системы воспитания. Более взвешенные оценки методов воспитания обычно основываются на размышлении о том, что именно удовлетворяет родителя, а что составляет предмет его беспокойства. Диагностически значимым является не только то, как оценивается воспитательная система, но и то, что именно подлежит оценке — ценности воспитания, цели или методы воздействия на ребенка. Степень развернутости оценок также весьма разнообразна: от лаконичного «Пока справляюсь», «Все хорошо» до развернутого анализа причин конфликтности, непонимания, отдаления в детско-родительских отношениях. Заявленные родителем причины трудностей во взаимодействии с ребенком позволяют сделать заключение о локусе контроля и способах разрешения конфликтных ситуаций родителями. Диапазон причин достаточно широк, включая возложение родителем ответственности на внешние обстоятельства («нехватка времени», «сумасшедшая жизнь»), принятие ответственности («наверное, я плохой родитель», «делаю не то, что нужно»), возложение ответственности и вины на ребенка («плохой характер», «дурная наследственность»), на третьих лиц («отец не принимает участия в воспитании, ни во что не хочет вмешиваться»).

О мере критичности автора сочинения в отношении своей родительской компетентности и готовности к саморазвитию и самовоспитанию можно судить по тому, присутствуют ли в сочинении высказывания о необходимости осуществления специальной работы над собой для улучшения общения и взаимодействия с ребенком («Нужно меняться самой, быть более выдержанной, терпеливой, внимательной»).

Противоположная рентная установка клиента в консультировании находит отражение в высказываниях типа «На вас наша последняя надежда, сделайте что-нибудь с ребенком», попытке переложить ответственность за решение собственных проблем на консультанта. Манипулятивная позиция в отношении ребенка, попытка изменить его, навязать свою волю и решения находят выражение в словах родителя: «...я еще долго буду мучиться с ним, но я добьюсь, что будет по-моему».

Заявленные в родительском сочинении психологические трудности и проблемы воспитания и развития ребенка должны быть всесторонне проанализированы консультантом с учетом их содержания, степени реальности, адекватности их восприятия, понимания родителем причин и генезиса проблем. Данное содержание должно стать исходной точкой для формулирования (или переформулирования) жалобы и запроса родителя на последующем этапе заключения терапевтического договора между психологом и клиентом.

Все перечисленные параметры анализа родительского сочинения лежат в основе составления заключения по результатам методики. Схема заключения в обобщенной форме может быть представлена в следующем виде.

Интерпретация результатов обследования

Заключение по методике родительского сочинения «Мой ребенок» составляется по следующей схеме.

I. Характер эмоциональных отношений в семье, особенности общения и взаимодействия.

Отношение родителя к ребенку (безусловное принятие, условное принятие, дифферентное отношение, амбивалентное отношение, скрытое и явное отвержение).

Особенности отношения ребенка к родителю и другим членам семьи (родительский образ отношений, его соответствие объективной картине).

Степень эмоциональной дифференцированности и вовлеченности родителя в процесс воспитания ребенка.

Симметричность эмоциональных отношений, наличие эмоционального «перекоса», невзаимности, коалиций в семье.

Особенности взаимоотношений родителя с остальными членами семьи.

Ролевая структура семьи, лидерство. Тип общения и взаимодействия (сотрудничество, содружество, конфликтность, конфронтация, антагонизм).

II. Психологические особенности ребенка.

1. История развития ребенка, основные анамнестические данные. Перспектива развития, долгосрочный и краткосрочный прогноз развития ребенка (глазами родителя).

2. Основные индивидуально-личностные качества ребенка.

3. Предпочтения и интересы ребенка.

4. Круг общения, характер взаимоотношений (в семье и вне семьи).

5. Проблемы и трудности развития ребенка (содержание, степень выраженности, обстоятельства и время возникновения, зоны кон-

фликтности, реальность проблем, попытки разрешения проблем и их эффективность, на кого возлагается ответственность за возникновение проблем).

III. Родитель как воспитатель.

1. Ценности и цели воспитания, декларируемые и реальные, степень их совпадения.

2. Тип семейного воспитания. Характер требований к ребенку их количество, содержание, форма предъявления, соответствие возрастным и индивидуальным особенностям ребенка. Способ контроля. Система поощрений и наказаний. Роль второго родителя в воспитания ребенка. Противоречивость (гармоничность) системы семейного воспитания.

3. Особенности родительской позиции. Степень рефлексивности, адекватности образа ребенка, прогностичность, динамичность. Феномены мистификации, делегирования.

4. Оценка ребенка и особенности осознания родителем своего отношения к личности ребенка.

5. Оценка эффективности системы воспитания.

6. Влияние прародительской семьи на тип семейного воспитания нуклеарной семьи.

7. Личностные особенности родителя. Наличие неразрешенных проблем, состояния фрустрации, социальной тревожности и проч.

8. Запрос к консультанту и психологическая готовность к сотрудничеству в процессе консультирования. Готовность к саморазвитию.

9. Рекомендации в отношении проведения дополнительного диагностического обследования, программы профилактической и коррекционной работы с семьей. Определение ресурсов оказания психологической помощи семье.

3.13. Самооценка поведенческих проявлений у детей с синдромами насилия (В.И. Волкова в модификации Н.П. Фетискина)

Инструкция. Просим Вас ответить на ряд вопросов, касающихся некоторых особенностей поведения. Для этого после прочтения утверждения отметьте свой ответ в одной из колонок «да» или «нет».

Бланк ответов

Пол _____ Возраст _____

Желание учиться: а) учусь с увлечением; б) учусь по долгу; в) учусь без особого желания;

Успеваемость: а) 5-4; б) 4; в) 4-3; г) 3

Увлечения.

Недостатки.

Достижения.

№	Жизненные ситуации	Да	Нет
1	Я легко становлюсь «нервным», плачу, краснею, если мне задают вопрос		
2	Игнорирую сверстников, не иду с ними на контакт		
3	Веду себя настороженно, держусь вдали от взрослых		
4	Кажусь пассивным, невнимательным, редко смеюсь		
5	У меня часто наблюдаются внезапные и резкие спады энергии (настроения)		
6	Я особо не проявляю дружелюбия и доброжелательности к другим людям		
7	Забочусь о том, чтобы всегда находиться в согласии с большинством людей		
8	Одеваюсь вызывающе (брюки, прическа - мальчики; преувеличенность в одежде, косметика - девочки)		
9	Я постоянно нуждаюсь в помощи и контроле со стороны учителя		
10	Негативно отношусь к замечаниям		
11	Скорее всего, я агрессивен (кричу, употребляю силу). Пристаю к более слабым сверстникам.		
12	Прячу или уничтожаю предметы, принадлежащие другим людям		
13	Пожалуй, я не заинтересован в учебе		

14	Я нуждаюсь в одобрении или в неодобрении взрослых		
15	Чаще всего я непунктуален, нестарателен		
16	Бывает, что я бесцельно двигаю руками		
17	Иногда я грызу ногти		
18	Я кажусь слишком инфантилен в речи. Заикаюсь, запинаюсь. Из меня трудно вытянуть слово		
19	Мои родители сознательно лгут, оправдывая мое отсутствие в школе		
20	Выгляжу так, как будто я плохо питаюсь		
21	У меня бывают частые вирусные заболевания и головные боли		

Обработка данных производится с помощью ключа, включающего следующие шкалы:

1. «Недоверие к новым людям и ситуациям» : 1. 2. 3
2. «Депрессия и уход в себя»: 4. 5. 6
3. «Тревожность по отношению к окружающим»: 7. 8. 9
4. «Враждебность по отношению к окружающим»: 10. 11. 12
5. «Недостаток социальной нормативности»: 13. 14. 15
6. «Невротические симптомы»: 16. 17. 18
7. «Неблагополучные условия среды»: 19. 20. 21.
8. В зависимости от того, какие физические или поведенческие индикаторы имели место по отношению к ребенку, более или менее достоверно определить их интенсивность воздействия.

3.14. Ретроспективная оценка методов родительского насилия

Инструкция. Общеизвестно, что все взрослые используют методы обучения ребенка правильному поведению или умеют управлять проблемным поведением. Ниже приведены некоторые методы родительского воспитания, которые когда-либо были использованы по отношению к Вам со стороны отца или матери. С целью улучшения или исправления поведения.

Безусловно, что не все использованные родителями методы воспитания можно отнести к идеальным. В реальной жизни они бывают в зависимости от ситуации и эмоционального состояния самыми неожиданными и непредсказуемыми.

В данном опросе-интервью больший акцент сделан на тех методах воспитания, которые, с одной стороны, кажутся традиционными, а с другой стороны, маложелательными и грубыми.

С целью осмысления и коррекции данной проблемы и было задумано это интервью. Для этого были взяты обыденные семейные ситуации, в которых родители (мать и отец) в благих целях применяли различные воспитательные воздействия.

Для их оценки в бланке ответов приведена различная частность их использования – от 1-2 до 10-ти и более раз.

В ходе ответов поставьте галочку в одной из колонок отражающих частоту их использования родителями.

С целью повышения правдоподобности ответы носят анонимный характер.

Бланк ответов

Пол _____ Возраст _____ Состав семьи _____

Жилищные условия: квартира – 1, 2, 3, 4, 5- комнатная,

наличие у Вас отдельной комнаты – «да», «нет».

Примерный бюджет на каждого члена семьи – .

Методы воспитания родителей, которые:

1. Объясняли мне, почему что-то было плохо (неправильно).

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

2. Говорили мне начать или перестать делать что-то.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

3. Указывали мне, оставаться в одном месте на определенное время (например, заставляя встать в угол).

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

4. Трясли меня.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

5. Ударяли меня по ягодицам с помощью такого предмета, как палка, веник, розги или ремень.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

6. Ударяли где-либо еще (не по ягодицам) с помощью такого предмета, как палка, веник, розги или ремень.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

7. Занимали меня чем-либо другим (отвлекали его или ее).

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

8. Скручивали мне ухо.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

9. Ударяли меня по голове костяшкой или задней стороной руки.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

10. Таскали меня за волосы.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

11. Угрожали оставить или бросить меня.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

12. Кричали, вопили на меня.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

13.Угрожали вызвать привидений или злых духов, или вредных людей.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

14. Пинали его/ее ногой.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

15. Клали перец чили, острый перец или острую еду в рот (чтобы вызвать боль) .

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

16. Заставляли меня вставать на колени или вставать так, что это бы вызвало боль.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

17. Проклинали меня.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

18. Шлепали меня по попе рукой.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

19. Душили меня или сжимали мне горло руками (или чем-либо другим).

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

20. Угрожали меня выгнать из дома или отправить куда-нибудь.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

21. Не впускали домой.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

22. Отбирали привилегии или деньги, запрещали что-либо, что я любил, (не разрешали смотреть телевизор) или запрещали мне уходить из дома.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

23. Оскорбляли меня, называя глупым, ленивым или как-либо похоже.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

24. Щипали меня.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

25. Били по лицу или затылку.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

26. Отказывались разговаривать со смной.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

27. Не давали есть в наказание.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

28. Используя руку или подушку, не давали дышать (душили).

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

29. Обжигали, ошпаривали или клеймили меня.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

30. Били меня снова и снова с помощью предмета или кулака (избивали).

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

31. Угрожали мне ножом или пистолетом.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

32. Запирали меня в темной комнате.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

33. Давали мне алкоголь или наркоподобные вещества, чтобы изменить мое поведение.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

34. Использовали публичное унижение, чтобы дисциплинировать меня.

	1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	N/A
Мать							
Отец							

Обработка данных на основе полученных результатов: составляется психологический профиль методов родительского насилия.

3.15. Методика оценки родительского отношения к детям (РОД)

Инструкция

Читайте по очереди утверждения опросника. Если Вы, в общем, согласны с ними, то на «Бланке ответов» обведите кружочком номер утверждения; если Вы не согласны, то не делайте никаких пометок.

В опроснике нет «правильных» или «неправильных» ответов на утверждения. Отвечайте так, как Вы сами думаете.

Текст опросника РОД

1. Мои родители считают, что все, что они делают, они делают ради меня.

2. У моих родителей часто не хватает времени позаниматься со мной чем-нибудь интересным: куда-нибудь пойти вместе, поговорить о каких-нибудь проблемах.

3. Мои родители часто разрешают мне такие вещи, каких не разрешают многие другие родители.

4. Мои родители не любят, когда я обращаюсь к ним с вопросами, говорят: догадайся сам(а).

5. Я имею дома гораздо больше обязанностей, чем большинство моих товарищей.

6. Меня даже мои родители не могут заставить что-нибудь сделать по дому.

7. Мои родители считают, что мне лучше не задумываться над правильностью их взглядов.

8. Обычно я возвращаюсь домой, когда захочу.

9. Мои родители не оставляют безнаказанным ни одного моего плохого поступка, считают, что только тогда я стану человеком.

10. По возможности родители стараются меня не наказывать.

11. Когда мои родители в хорошем настроении, нередко прощают мне то, за что в другое время наказали бы.

12. Родители любят меня больше, чем друг друга.

13. Мне кажется, что раньше, когда я был маленьким, родители любили меня больше, чем сейчас.

14. Когда я подолгу упрямлюсь или злюсь, родители часто понимают, что поступили по отношению ко мне неправильно.

15. У моих родителей долго не было детей, и моего появления очень ждали.

16. От своих родителей я часто слышу, что воспитание детей очень утомительное дело.

17. Я подозреваю, что у меня есть какие-то качества, которые выводят родителей из себя.

18. Мои родители часто конфликтуют из-за различия во взглядах на мое воспитание.

19. Мои родители говорят, что я для них самое главное в жизни.

20. Мои родители мало интересуются, где я пропадаю.

21. Родители стараются покупать мне такую одежду, какую я сам выберу, даже если она дорогая.

22. Мои родители считают меня непонятливым. Говорят: «Легче самому два раза сделать, чем один раз объяснить тебе».

23. Мне нередко приходилось (или приходится) присматривать за моим младшим братом (сестрой).

24. Мои родители предпочитают что-то сделать сами, чем «связываться» со мной.

25. Мои родители очень злятся, когда я подмечаю их слабости и недостатки.

26. Я сам(а) (без участия родителей) решаю, с кем мне дружить.

27. Мои родители считают, что дети должны не только любить их, но и бояться.

28. Родители меня ругают очень редко.

29. В своей строгости по отношению ко мне у родителей бывают большие колебания. Иногда они очень строги, а иногда все разрешают.

30. Мы с мамой понимаем друг друга лучше, чем с отцом.

31. Моих родителей огорчает, что я слишком быстро стал(а) взрослым(ой).

32. Если я упрямлюсь, то родители делают так, как я хочу.

33. Мои родители считают меня слабым(ой) и болезненным(ой).

34. Мои родители (или один из них) считают, что, если бы у них не было детей, они бы добились гораздо большего в жизни.

35. У меня есть некоторые слабости, с которыми упорно борются мои родители.

36. Нередко бывает, когда меня наказывает один из родителей, другой упрекает его в излишней строгости и начинает утешать меня.

37. Мои родители часто говорят, что заботы обо мне занимают наибольшую часть их времени.

38. Мои родители редко посещают родительские собрания.

39. Мои родители стараются купить мне все, что я захочу, даже если это дорого.

40. От моих родителей часто можно услышать, что они сильно устают от общения со мной.

41. Мои родители часто поручают мне важные и трудные дела.

42. Мои родители считают, что на меня нельзя положиться в серьезном деле.

43. Мои родители считают, что главное, чему родители должны научить своих детей, — это слушаться.

44. Я сам(а) решаю, курить мне или нет.

45. Мои родители считают, что чем строже они относятся ко мне, тем лучше для меня.

46. Мои родители очень мягкие люди.

47. Если мне что-то нужно от родителей, то я стараюсь выбрать момент, когда они в хорошем настроении.

48. Мои родители часто говорят, что когда я вырасту, то они мне будут не нужны.

49. Мои родители считают, что чем дети старше, тем труднее иметь с ними дело.

50. Часто мое упрямство — результат неправильного отношения родителей ко мне.

51. Мои родители постоянно переживают за мое здоровье.

52. Мои родители считают, что если бы у них не было детей, то их здоровье было бы гораздо лучше.

53. Мои родители считают, что, несмотря на все их усилия, некоторые мои недостатки остаются без изменений.

54. Мой отец считает, что я его недолюбливаю.

55. Мои родители считают, что ради меня им от многого в жизни пришлось отказаться.

56. Бывает, что родители не знают о моих оценках и поведении, потому что редко заглядывают в мой дневник.

57. Мои родители тратят на себя значительно больше денег, чем на меня.

58. Мои родители не любят, когда я что-то прошу. Говорят, что лучше знают, что мне надо.

59. Мои родители считают, что у меня было более трудное детство, чем у большинства детей.

60. Обычно я делаю дома только то, что мне хочется, а не то, чего хотят родители.

61. Мои родители считают, что я должен (должна) уважать их больше, чем всех других людей.

62. Я сам решаю, на что мне тратить свои деньги.

63. Мои родители строже относятся ко мне, чем другие родители к своим детям.

64. Мои родители считают, что от наказаний мало проку.

65. Члены нашей семьи неодинаково строги со мной. Одни балуют, другие, наоборот, очень строги.

66. Мои родители часто говорят, что им бы хотелось, чтобы я не любил(а) никого, кроме них.

67. Мои родители часто говорят, что когда я был(а) маленьким (маленькой), то нравился (нравилась) им больше, чем теперь.

68. Часто я понимаю, что родители затрудняются в выборе решений, как поступить со мной.

69. Мои родители многое позволяют мне из-за моего слабого здоровья.

70. Я часто слышу от родителей, что воспитание детей — тяжелый и неблагодарный труд. Что они отдают мне все, а взамен не получают ничего.

71. Мои родители считают, что я не понимаю добрых слов и единственное, что на меня действует, — это постоянные строгие наказания.

72. Моя мать считает, что отец настраивает меня против нее.

73. Мои родители говорят, что все время думают только обо мне, моих делах, здоровье и т.д.

74. Мои родители редко заглядывают в мой дневник.

75. Я всегда умею добиться от родителей того, чего мне хочется.

76. Мои родители говорят, что им больше нравится, когда я веду себя тихо и спокойно.

77. Я стараюсь во всем помогать родителям.

78. Мои родители считают, что даже если я уверен(а), что они не правы, то должен (должна) делать так, как говорят они.

79. У меня мало обязанностей по дому.

80. Выходя из дому, я редко говорю родителям, куда иду.

81. Мои родители считают, что бывают случаи, когда лучшее наказание — это ремень.

82. Мои родители говорят, что многие недостатки пройдут сами собой с возрастом.

83. Мои родители берутся за меня лишь тогда, когда я что-то натворю. Если все тихо, они оставляют меня в покое.

84. Я часто слышу от матери (отца), что если бы я не был(а) их ребенком, а она (он) была (был) бы помоложе, то наверняка в меня влюбилась(ся) бы.

85. Мои родители говорят, что, когда был(а) маленьким(ой), со мной было интереснее говорить, чем сейчас.

86. Мои родители считают, что в моих недостатках виноваты они сами, потому что неумело меня воспитывали.

87. Мои родители говорят, что моя жизнь и здоровье стоили им огромных усилий.

88. Мои родители считают, что, если бы у них не было детей, они жили бы лучше.

89. Мои родители считают, что если они предоставят мне свободу, то я немедленно использую это во вред себе и окружающим.

90. Нередко бывает, что если мать говорит мне одно, то отец говорит другое, и наоборот.

91. Мои родители говорят, что тратят на меня больше сил и времени, чем на себя.

92. Мои родители мало знают о моих делах.

93. Мои желания — закон для моих родителей.

94. Когда я был(а) маленький (маленькой), то очень любил(а) спать с родителями (или с одним из них)

95. Мои родители считают, что у меня плохой желудок.

96. Мои родители говорят, что они нужны мне, лишь пока я не вырос (выросла), а потом я все реже буду вспоминать о них.

97. Иногда мне кажется, что ради меня родители пошли бы на любую жертву.

98. Мои родители считают, что мне нужно уделять значительно больше времени, чем они могут.

99. Когда я ласков(а) с родителями, они мне все прощают.

100. Мои родители хотели бы, чтобы я обзавелся(лась) семьей как можно позже — после 30 лет.

101. Моих родителей беспокоит, что мои руки и ноги часто бывают очень холодными.

102. Мои родители говорят, что я маленький(ая) эгоист(ка) и совсем не думаю об их здоровье и чувствах и т.д.

103. Мои родители считают, что если бы они не отдавали мне все время и силы, то я бы плохо кончил(а).

104. Когда у меня все благополучно, родители меньше интересуются моими делами.

105. Моим родителям трудно сказать мне «нет».

106. Мои родители огорчены, что я все меньше в них нуждаюсь.

107. Мои родители считают, что мое здоровье хуже, чем у большинства сверстников.

108. Мои родители считают, что я испытываю по отношению к ним слишком мало благодарности.

109. Мои родители считают, что я не могу обходиться без их постоянной помощи.

110. Большую часть своего свободного времени я провожу вне дома.

111. Обычно у меня очень много времени для развлечений.

112. Я часто слышу от родителей, что, кроме меня, им больше никто на свете не нужен.

113. Моих родителей волнует мой беспокойный и прерывистый сон.

114. Нередко я слышу от родителей сожаления, что они слишком рано поженились.

115. Мои родители считают, что всего, чего я добился(лась) к настоящему моменту (в учебе, работе или другом), я добился(лась) только благодаря их постоянной помощи.

116. Моими делами в семье в основном занимается кто-то один из родителей.

117. Кончив уроки, я обычно занимаюсь тем, что мне нравится.

118. Когда я иду на свидание, у моих родителей портится настроение.

119. Мои родители обеспокоены тем, что я часто болею.

120. Мои родители не помогают, а осложняют мою жизнь.

БЛАНК ОТВЕТОВ К ОПРОСНИКУ РОД					
Ф.И.О.					
Возраст					
Дата опроса					
Вопросы					Шкала
1	22	43	64	85	Г+
2	23	44	65	86	Г-
3	24	45	66	87	У+
4	25	46	67	88	У-
5	26	47	68	89	Т+
6	27	48	69	90	Т-
7	28	49	70	91	З+
8	29	50	71	92	З-
9	30	51	72	93	С+
10	31	52	73	94	С-
11	32	53	74	95	Н
12	33	54	75	96	РРЧ
13	34	55	76	97	ПДК
14	35	56	77	98	ВН
15	36	57	78	99	ФУ
16	37	58	79	100	НРЧ
17	38	59	80	101	ПНК
18	39	60	81	102	ВК
19	40	61	82	103	Г+
20	41	62	83	104	Г-
21	42	63	84	105	У+
91	97	103	109	115	Г+
92	98	104	110	116	Г-
93	99	105	111	117	У+
94	100	106	112	118	РРЧ
95	101	107	113	119	ФУ
96	102	108	114	120	НРЧ

Обработка и интерпретация результатов исследования

Интерпретация результатов производится на основании количественной выраженности признака (крайняя правая колонка).

Шкалы для интерпретации.

1. Уровень протекции в процессе воспитания:

Г+— гиперпротекция, или уделение большого количества времени ребенку;

Г- гипопротекция — недостаток внимания со стороны родителей.

2. Степень удовлетворения потребностей подростка:

У+ — потворствование;

У- — игнорирование потребностей подростка.

3. Количество и качество требований к подростку в семье:

Т+ — чрезмерность требований и обязанностей;

Т- — недостаточность требований и обязанностей;

З+ — чрезмерность требований-запретов;

З- недостаточность требований-запретов к подростку;

С+ — строгость санкций (наказаний) за нарушение требований подростком;

С- — минимальность санкций (наказаний) за нарушение требований.

4. Неустойчивость стиля воспитания:

— сочетание различных стилей в воспитании; РРЧ — расширение сферы родительских чувств; ПДК — предпочтение в подростке детских качеств; ВН — воспитательная неуверенность родителей; ФУ — фобия утраты (ребенка, родителей); НРЧ — неразвитость родительских чувств; ПНК — проекция на подростка собственных нежелательных качеств; ВК — вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания.

3.16. Методика «Анализ семейного воспитания» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис)

Цель методики: методика «Анализ семейного воспитания» (АСВ) предназначена для изучения опыта родителей в воспитании подростка, выявлении ошибок в родительском воспитании. Она позволяет диагностировать нарушения в системе взаимного влияния членов семьи,

нарушения в структурно-ролевом аспекте жизнедеятельности семьи, нарушения в механизме интеграции семьи.

Описание методики. Опросник АСВ включает 130 утверждений, касающихся воспитания детей. В его основе лежат 20 шкал. Первые 11 шкал позволяют установить стиль семейного воспитания, 12-я, 13-я, 17-я, и 18-я шкалы позволяют получить представление о структурно-ролевом аспекте жизнедеятельности семьи, 14-я и 15-я шкалы дают представление о системе взаимных влияний, 16-я, 19-я, и 20-я шкалы – о механизмах семейной интеграции. Ниже приведено описание шкал в том порядке, в каком они расположены в опроснике.

Инструкция

(для родителей детей в возрасте 3 —10 лет)

Уважаемый родитель! Предлагаемый Вам опросник содержит утверждения о воспитании детей. Утверждения пронумерованы. Такие же номера есть в «Бланке для ответов».

Читайте по очереди утверждения опросника. Если Вы, в общем, согласны с ними, то на «Бланке для ответов» обведите кружком номер утверждения. Если Вы в общем не согласны — зачеркните этот же номер в бланке. Если очень трудно выбрать, то поставьте на номере вопросительный знак. Старайтесь, чтобы таких ответов было не больше 5.

В опроснике нет «неправильных» или «правильных» утверждений. Отвечайте так, как Вы сами думаете. Этим Вы поможете психологу в работе с Вами.

На утверждения, номера которых выделены в опроснике жирным шрифтом, отцы могут не отвечать.

БЛАНК РЕГИСТРАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ

Ф.И.О. _____

Возраст _____

Дата проведения эксперимента _____

Вопросы					Шкала
1	21	41	61	81	Г + 7
2	22	42	62	82	Г - 8
3	23	43	63	83	У+8
4	24	44	64	84	У-4
5	25	45	65	85	Т+4
6	26	46	66	86	Т-4
7	27	47	67	87	З+4
8	28	48	68	88	З-3
9	29	49	69	89	С+4
10	30	50	70	90	С-4
11	31	51	71	91	Н5
12	32	52	72	92	РРЧ6
13	33	53	73	93	ПДК4
14	34	54	74	94	ВН4
15	35	55	75	95	ФУ6
16	36	56	76	96	НРЧ7
17	37	57	77	97	ПНК4
18	38	58	78	98	ВК4
19	39	59	79	99	ГТЖК4
20	40	60	80	100	ПМК4
101	107	113	119	125	Г+
102	108	114	120	126	Г-
103	109	115	121	127	У+
104	110	116	122	128	РРЧ
105	111	117	123	129	ФУ
106	112	118	124	130	НРЧ

3.16.1. Текст методики АСВ для родителей детей в возрасте 3 – 10 лет

1. Все, что я делаю, я делаю ради моего сына (дочери).

2. У меня часто не хватает времени позаниматься с сыном (дочерью) — пообщаться, поиграть.

3. Мне приходится разрешать моему ребенку такие вещи, которые не разрешают многие другие родители.

4. Не люблю, когда сын (дочь) приходит ко мне с вопросами. Лучше, чтобы догадался сам (сама).

5. Наш ребенок имеет больше обязанностей – в уходе за собой, поддержании порядка, чем большинство детей его возраста.

6. Моего ребенка очень трудно заставить что-нибудь сделать, чего он не любит.

7. Всегда лучше, если дети не думают о том, правильно ли поступают их родители.

8. Мой сын (дочь) легко нарушает запреты.

9. Если хочешь, чтобы твой сын (дочь) стал(а) человеком, не оставляй безнаказанным ни одного его (ее) плохого поступка.

10. Если только возможно, стараюсь не наказывать сына (дочь).

11. Когда я в хорошем настроении, нередко прощаю своему сыну (дочери) то, за что в другое время наказал(а) бы.

12. Я люблю своего сына (дочь) больше, чем люблю (любила) супруга (супругу).

13. Младшие дети мне нравятся больше, чем старшие.

14. Если мой сын (дочь) подолгу упрямится или злится, у меня бывает чувство, что я поступил(а) по отношению к нему (ней) неправильно.

15. У нас долго не было ребенка, хотя мы его очень ждали.

16. Общение с детьми в общем-то утомительное дело.

17. У моего сына (дочери) есть некоторые качества, которые выводят меня из себя.

18. Воспитание моего сына (дочери) шло бы гораздо лучше, если бы мой муж (жена) не мешал(а) бы мне.

19. Большинство мужчин легкомысленнее, чем женщины.

20. Большинство женщин легкомысленнее, чем мужчины.

21. Мой сын (дочь) для меня самое главное в жизни.

22. Часто бывает, что я не знаю, что делает в данный момент мой ребенок.

23. Если игрушка ребенку нравится, я куплю ее, сколько бы она ни стоила.

24. Мой сын (дочь) непонятлив(а). Легче самому два раза сделать, чем один раз объяснить ему (ей).

25. Моему сыну (дочери) нередко приходится (или приходилось раньше) присматривать за младшим братом (сестрой).

26. Нередко бывает так: напоминаю, напоминаю сыну (дочери) сделать что-нибудь, а потом плюну и сделаю сам(а).

27. Родители ни в коем случае не должны допускать, чтобы дети подмечали их слабости и недостатки.

28. Мой сын (дочь) сам(а) решает, с кем ему (ей) играть.

29. Дети должны не только любить своих родителей, но и бояться их.

30. Я очень редко ругаю сына (дочь).

31. В нашей строгости к сыну (дочери) бывают большие колебания. Иногда мы очень строги, а иногда все разрешаем.

32. Мы с ребенком понимаем друг друга лучше, чем мы с супругом.

33. Меня огорчает, что мой сын (дочь) слишком быстро становится взрослым.

34. Если ребенок упрямится, потому что плохо себя чувствует, лучше всего сделать так, как он хочет.

35. Мой ребенок растет слабым и болезненным.

36. Если бы у меня не было детей, я бы добился (добилась) в жизни гораздо большего.

37. У моего сына (дочери) есть недостатки, которые не исправляются, хотя я упорно с ними борюсь.

38. Нередко бывает, что, когда я наказываю моего сына (дочь), мой муж (жена) тут же начинает упрекать меня в излишней строгости и утешать его (ее).

39. Мужчины более склонны к супружеской измене, чем женщины.

40. Женщины более склонны к супружеской измене, чем мужчины.

41. Заботы о сыне (дочери) занимают большую часть моего времени.

42. Мне много раз пришлось пропускать родительское собрание.

43. Стремлюсь к тому, чтобы мой ребенок был обеспечен лучше, чем другие дети.

44. Если побыть в обществе моего сына (дочери), можно сильно устать.

45. Мне часто приходилось давать моему сыну (дочери) трудные для его (ее) возраста поручения.

46. Мой ребенок никогда не убирает за собой игрушки.

47. Главное, чему родители могут научить своих детей, — это слушаться.

48. Мой ребенок сам решает, сколько, чего и когда ему есть.

49. Чем строже родители к ребенку, тем лучше для него.

50. По характеру я — мягкий человек.

51. Если моему сыну (дочери) что-то от меня нужно, он(а) старается выбрать момент, когда я в хорошем настроении.

52. Когда я думаю о том, что когда-нибудь мой сын (дочь) вырастет, и я буду ему (ей) не нужна, у меня портится настроение.

53 Чем старше дети, тем труднее иметь с ними дело.

54. Чаще всего упрямство ребенка бывает вызвано тем, что родители не умеют к нему подойти.

55. Я постоянно переживаю за здоровье сына (дочери).

56. Если бы у меня не было детей, мое здоровье было бы гораздо лучше.

57. Некоторые очень важные недостатки моего сына (дочери) упорно не исчезают, несмотря на все меры.

58. Мой сын (дочь) недолюбливает моего мужа (жену).

59. Мужчина хуже умеет понимать чувства другого человека, чем женщина.

60. Женщина хуже умеет понимать чувства другого человека, чем мужчина.

61. Ради моего сына (дочери) мне от многого в жизни пришлось и приходится отказываться.

62. Родители, которые слишком много суетятся вокруг своих детей, вызывают у меня раздражение.

63. Я трачу на моего сына (дочь) значительно больше денег, чем на себя.

64. Не люблю, когда сын (дочь) что-то просит. Сам(а) лучше знаю, чего ему (ей) больше надо.

65. У моего сына (дочери) более трудное детство, чем у большинства его (ее) товарищей.

66. Дома мой сын (дочь) делает только то, что ему (ей) хочется, а не то, что надо.

67. Дети должны уважать родителей больше, чем всех других людей.

68. Если мой ребенок не спит, когда ему положено, я не настаиваю.

69. Я строже отношусь к своему сыну (дочери), чем другие родители к своим детям.

70. От наказаний мало проку.

71. Члены нашей семьи неодинаково строги с сыном (дочерью). Одни балуют, другие, наоборот, очень строги.

72. Мне бы хотелось, чтобы мой сын (дочь) не любил никого, кроме меня.

73. Мне нравятся маленькие дети, поэтому не хотел(а) бы, чтобы он(а) слишком быстро взрослел(а).

74. Часто я не знаю, как правильно поступить с моим сыном (дочерью).

75. В связи с плохим здоровьем сына (дочери) нам приходится ему (ей) многое позволять.

76. Воспитание детей – тяжелый и неблагодарный труд. Им отдаешь все, а взамен не получаешь ничего.

77. С моим сыном (дочерью) мало помогает доброе слово. Единственное, что на него действует, – это постоянные строгие наказания.

78. Мой муж (жена) старается настроить сына (дочь) против меня.

79. Мужчины чаще, чем женщины, действуют безрассудно, не обдумав последствий.

80. Женщины чаще, чем мужчины, действуют безрассудно, не обдумав последствий.

81. Я все время думаю о моем сыне (дочери), о его (ее) делах, здоровье.

82. Так повелось, что о ребенке я вспоминаю, если он что-нибудь натворил или с ним что-нибудь случилось.

83. Мой сын (дочь) умеет добиться от меня того, чего он (она) хочет.

84. Мне больше нравятся тихие и спокойные дети.

85. Стараюсь, как можно раньше приучить ребенка помогать по дому.

86. У моего сына (дочери) мало обязанностей по дому.

87. Даже если дети уверены, что родители не правы, они должны делать так, как говорят родители.

88. В нашей семье так принято, что ребенок делает что хочет.

89. Бывают случаи, когда лучшее наказание – ремень.

90. Многие недостатки в поведении моего ребенка пройдут сами собой с возрастом.

91. Когда наш сын (дочь) что-то натворит, мы боремся за него (нее). Если все тихо, мы опять оставляем его (ее) в покое.

92. Если бы мой сын не был моим сыном, а я была бы помоложе, то наверняка в него влюбилась бы.

93. Мне интереснее говорить с маленькими детьми, чем с большими.

94. В недостатках моего сына (дочери) виноват(а) я сам(а), потому что не умел(а) его (ее) воспитывать.

95. Только благодаря нашим огромным усилиям сын (дочь) остался жив.

96. Нередко завидую тем, кто живет без детей.

97. Если предоставить моему сыну (дочери) свободу, он(а) немедленно использует это во вред себе или окружающим.

98. Нередко бывает, что если я говорю сыну (дочери) одно, то муж (жена) специально говорит наоборот.

99. Мужчины чаще, чем женщины, думают только о себе.

100. Женщины чаще, чем мужчины, думают только о себе.

101. Я трачу на сына (дочь) больше сил и времени, чем на себя.

102. Я довольно мало знаю о делах сына (дочери).

103. Желание моего сына (дочери) — для меня закон.

104. Мой сын очень любит спать со мной.

105. У моего сына (дочери) плохой желудок.

106. Родители нужны ребенку, лишь пока он не вырос. Потом он все реже вспоминает о них.

107. Ради сына (дочери) я пошел(ла) бы на любую жертву.

108. Моему сыну (дочери) нужно уделять значительно больше времени, чем я могу.

109. Мой сын (дочь) умеет быть таким милым, что я ему (ей) все прощаю.

110. Мне бы хотелось, чтобы сын женился попозже, после 30 лет.

111. Руки и ноги моего сына (дочери) часто бывают очень холодными.

112. Большинство детей — маленькие эгоисты. Они совсем не думают о здоровье и чувствах своих родителей.

113. Если не отдавать моему сыну (дочери) все время и силы, то все может плохо кончиться.

114. Когда все благополучно, я меньше всего интересуюсь делами сына (дочери).

115. Мне очень трудно сказать своему ребенку «нет».

116. Меня огорчает, что мой сын (дочь) все менее нуждается во мне.

117. Здоровье моего сына (дочери) хуже, чем у большинства других детей.

118. Многие дети испытывают слишком мало благодарности по отношению к родителям.

119. Мой сын (дочь) не может обходиться без моей постоянной помощи.

120 .Бóльшую часть своего времени сын (дочь) проводит вне дома — в яслях, детском саду, у родственников.

121. У моего сына (дочери) вполне хватает времени на игры и развлечения.

122. Кроме моего сына (дочери), мне больше никто на свете не нужен.

123. У моего сына (дочери) прерывистый и беспокойный сон.

124. Нередко думаю, что я слишком рано женился (вышла замуж).

125. Все, чему научился мой ребенок к настоящему времени, произошло только благодаря моей постоянной помощи.

126. Делами сына (дочери) в основном занимается мой муж (моя жена).

127. Я не могу вспомнить, когда в последний раз отказал(а) своему ребенку в покупке какой-нибудь вещи (мороженое, конфеты и т.д.).

128. Мой сын говорил мне — вырасту, женюсь на тебе, мама.

129. Мой сын (дочь) часто болеет.

130. Семья не помогает, а осложняет мою жизнь.

3.16.2. Текст методики АСВ для родителей подростков и юношей в возрасте от 11 лет до 21 года

1. Все, что я делаю, я делаю ради моего сына (дочери).

2. У меня часто не хватает времени позаниматься с сыном (дочерью) чем-нибудь интересным: куда-нибудь пойти вместе, поговорить подольше о чем-нибудь интересном.

3. Мне приходится разрешать моему ребенку такие вещи, которых не разрешают многие другие родители.

4. Не люблю, когда сын (дочь) приходит ко мне с вопросами. Лучше, чтобы догадался сам (сама).

5. Наш ребенок имеет больше обязанностей, чем большинство его товарищей.

6. Моего сына (дочь) трудно заставить что-нибудь сделать по дому.

7. Всегда лучше, если дети не думают о том, правильны ли взгляды их родителей.

8. Мой сын (дочь) возвращается вечером тогда, когда хочет.

9. Если хочешь, чтобы твой сын (дочь) стал(а) человеком, не оставляй безнаказанным ни одного его (ее) плохого поступка.

10. Если только возможно, стараюсь не наказывать сына (дочь).

11. Когда я в хорошем настроении, нередко прощаю своему сыну (дочери) то, за что в другое время наказал бы.

12. Я люблю своего сына (дочь) больше, чем люблю (любила) супруга (супругу).

13. Младшие дети мне нравятся больше, чем старшие.

14. Если мой сын (дочь) подолгу упрямится или злится, у меня бывает чувство, что я поступил(а) по отношению к нему (ней) неправильно.

15. У нас долго не было ребенка, хотя мы его очень ждали.

16. Общение с детьми в общем-то утомительное дело.

17. У моего сына (дочери) есть некоторые качества, которые выводят меня из себя.

18. Воспитание моего сына (дочери) шло бы гораздо лучше, если бы мой муж (жена) не мешал(а) бы мне.

19. Большинство мужчин легкомысленнее, чем женщины.

20. Большинство женщин легкомысленнее, чем мужчины.

21. Мой сын (дочь) для меня самое главное в жизни.

22. Часто бывает, что я не знаю, что делает в данный момент мой сын (дочь).

23. Стараюсь купить своему сыну (дочери) такую одежду, какую он (она) сам(а) хочет, даже если она дорогая.

24. Мой сын (дочь) непонятлив(а). Легче самому два раза сделать, чем один раз объяснить ему (ей).

25. Моему сыну (дочери) нередко приходится (или приходилось раньше) присматривать за младшим братом (сестрой).

26. Нередко бывает так: напоминаю, напоминаю сыну (дочери) сделать что-нибудь, а потом плюну и сделаю сам(а).

27. Родители ни в коем случае не должны допускать, чтобы дети подмечали их слабости и недостатки.

28. Мой сын (дочь) сам(а) решает, с кем ему (ей) играть.

29. Дети должны не только любить своих родителей, но и бояться их.

30. Я очень редко ругаю сына (дочь).

31. В нашей строгости к сыну (дочери) бывают большие колебания. Иногда мы очень строги, а иногда все разрешаем.

32. Мы с сыном понимаем друг друга лучше, чем мы с мужем.

33. Меня огорчает, что мой сын (дочь) слишком быстро становится взрослым.

34. Если ребенок упрямится, потому что плохо себя чувствует, лучше всего сделать так, как он хочет.

35. Мой ребенок рос слабым и болезненным.

36. Если бы у меня не было детей, я бы добился (добилась) в жизни гораздо большего.

37. У моего сына (дочери) есть слабости, которые не исправляются, хотя я упорно с ними борюсь.

38. Нередко бывает, что, когда я наказываю моего сына (дочь), мой муж (жена) тут же начинает упрекать меня в излишней строгости и утешать его.

39. Мужчины более склонны к супружеской измене, чем женщины.

40. Женщины более склонны к супружеской измене, чем мужчины.

41. Заботы о сыне (дочери) занимают большую часть моего времени.

42. Мне много раз пришлось пропускать родительское собрание.

43. Стараюсь купить ему (ей) все то, что он (она) хочет, даже если это стоит дорого.

44. Если подольше побыть в обществе моего сына (дочери), можно сильно устать.

45. Мне много раз приходилось поручать моему сыну (дочери) важные и трудные дела.

46. На моего сына (дочь) нельзя положиться в серьезном деле.

47. Главное, чему родители могут научить своих детей, — это слушаться.

48. Мой сын (дочь) сам(а) решает, курить ему (ей) или нет.

49. Чем строже родители к ребенку, тем лучше для него.

50. По характеру я — мягкий человек.

51. Если моему сыну (дочери) что-то от меня нужно, он(а) старается выбрать момент, когда я в хорошем настроении.

52. Когда я думаю о том, что когда-нибудь мой сын (дочь) вырастет и я буду ему (ей) не нужна, у меня портится настроение.

53. Чем старше дети, тем труднее иметь с ними дело.

54. Чаще всего упрямство ребенка бывает вызвано тем, что родители не умеют к нему подойти.

55. Я постоянно переживаю за здоровье сына (дочери).

56. Если бы у меня не было детей, мое здоровье было бы гораздо лучше.

57. Некоторые очень важные недостатки моего сына (дочери) упорно не исчезают, несмотря на все меры.

58. Мой сын (дочь) недолюбливает моего мужа (жену).

59. Мужчина хуже умеет понимать чувства другого человека, чем женщина.

60. Женщина хуже умеет понимать чувства другого человека, чем мужчина.

61. Ради моего сына (дочери) мне от многого в жизни пришлось отказаться.

62. Бывало, что я не узнавал(а) о замечании или двойке в дневнике потому, что не посмотрел(а) дневник.

63. Я трачу на моего сына (дочь) значительно больше денег, чем на себя.

64. Не люблю, когда сын (дочь) что-то просит. Сам(а) лучше знаю, чего ему (ей) больше надо.

65. У моего сына (дочери) более трудное детство, чем у большинства его (ее) товарищей (подруг).

66. Дома мой сын (дочь) делает только то, что ему (ей) хочется, а не то, что надо.

67. Дети должны уважать родителей больше, чем всех других людей.

68. Мой сын (дочь) сам решает, на что ему (ей) тратить свои деньги.

69. Я строже отношусь к своему сыну (дочери), чем другие родители к своим.

70. От наказаний мало проку.

71. Члены нашей семьи неодинаково строги с сыном (дочерью). Одни балуют, другие, наоборот, очень строги.

72. Мне бы хотелось, чтобы мой сын (дочь) не любил никого, кроме меня.

73. Мне нравятся маленькие дети, поэтому не хотел(а) бы, чтобы он (а) слишком быстро взрослел(а).

74. Часто я не знаю, как правильно поступить с моим сыном (дочерью).

75. В связи с плохим здоровьем сына (дочери) нам приходится ему (ей) многое позволять.

76. Воспитание детей – тяжелый и неблагодарный труд. Им отдаешь все, а взамен не получаешь ничего.

77. С моим сыном (дочерью) мало помогает доброе слово. Единственное, что на него действует, — это постоянные строгие наказания.

78. Мой муж (жена) старается настроить сына (дочь) против меня.

79. Мужчины чаще, чем женщины, действуют безрассудно, не обдумав последствий.

80. Женщины чаще, чем мужчины, действуют безрассудно, не обдумав последствий.

81. Я все время думаю о моем сыне (дочери), о его (ее) делах, здоровье.

82. Так повелось, что о ребенке я вспоминаю, если он что-нибудь натворил или с ним что-нибудь случилось.

83. Мой сын (дочь) умеет добиться от меня того, чего он (она) хочет.

84. Мне больше нравятся тихие и спокойные дети.

85. Стараюсь, как можно раньше приучить ребенка помогать по дому.

86. У моего сына (дочери) мало обязанностей по дому.

87. Даже если дети уверены, что родители не правы, они должны делать так, как говорят родители.

88. В нашей семье так принято, что ребенок делает что хочет.

89. Бывают случаи, когда лучшее наказание – ремень.

90. Многие недостатки в поведении моего ребенка пройдут сами собой с возрастом.

91. Когда наш сын (дочь) что-то натворит, мы боремся за него (нее). Если все тихо, мы опять оставляем его (ее) в покое.

92. Если бы мой сын не был моим сыном, а я была бы помоложе, то наверняка в него влюбилась бы.

93. Мне интереснее говорить с маленькими детьми, чем с большими.

94. В недостатках моего сына (дочери) виноват(а) я сам(а), потому что не умел(а) его (ее) воспитывать.

95. Только благодаря нашим огромным усилиям сын (дочь) остался жив.

96. Нередко завидую тем, кто живет без детей.

97. Если предоставить моему сыну (дочери) свободу, он(а) немедленно использует это во вред себе или окружающим.

98. Нередко бывает, что если я говорю сыну (дочери) одно, то муж (жена) специально говорит наоборот.

99. Мужчины чаще, чем женщины, думают только о себе.

100. Женщины чаще, чем мужчины, думают только о себе.

101. Я трачу на сына (дочь) больше сил и времени, чем на себя.

102. Я довольно мало знаю о делах сына (дочери).

103. Желание моего сына (дочери) — для меня закон.

104. Мой сын очень любит спать со мной.

105. У моего сына (дочери) плохой желудок.

106. Родители нужны ребенку, лишь пока он не вырос. Потом он все реже вспоминает о них.

107. Ради сына (дочери) я пошел(ла) бы на любую жертву.

108. Моему сыну (дочери) нужно уделять значительно больше времени, чем я могу.

109. Мой сын (дочь) умеет быть таким милым, что я ему (ей) все прощаю.

110. Мне бы хотелось, чтобы сын женился попозже, после 30 лет.

111. Руки и ноги моего сына (дочери) часто бывают очень холодными.

112. Большинство детей – маленькие эгоисты. Они совсем не думают о здоровье и чувствах своих родителей.

113. Если не отдавать моему сыну (дочери) все время и силы, то все может плохо кончиться.

114. Когда все благополучно, я меньше всего интересуюсь делами сына (дочери).

115. Мне очень трудно сказать своему ребенку «нет».

116. Меня огорчает, что мой сын (дочь) все менее нуждается во мне.

117. Здоровье моего сына (дочери) хуже, чем у большинства других детей.

118. Многие дети испытывают слишком мало благодарности по отношению к родителям.

119. Мой сын (дочь) не может обходиться без моей постоянной помощи.

120. Бóльшую часть своего времени сын (дочь) проводит вне дома — в яслях, детском саду, у родственников.

121. У моего сына (дочери) вполне хватает времени на игры и развлечения.

122. Кроме моего сына, мне больше никто на свете не нужен.

123. У моего сына (дочери) прерывистый и беспокойный сон.

124. Нередко думаю, что я слишком рано женился (вышла замуж).

125. Все, чему научился мой ребенок к настоящему времени, произошло только благодаря моей постоянной помощи.

126. Делами сына (дочери) в основном занимается мой муж (моя жена).

127. Я не могу вспомнить, когда в последний раз отказал(а) своему ребенку в покупке какой-нибудь вещи (мороженое, конфеты и т.д.).

128. Мой сын говорил мне — вырасту, женюсь на тебе, мама.

129. Мой сын (дочь) часто болеет.

130. Семья не помогает, а осложняет мою жизнь.

Обработка результатов. На бланке регистрации ответов номера ответов, относящихся к одной шкале, расположены в одной строке (исключение составляют 6 шкал, подчеркнутых в регистрационном бланке). Это дает возможность быстрого подсчета баллов по каждой шкале путем суммирования положительных ответов. За каждый положительный ответ дается 1 балл. Справа в бланке регистрации ответов указано сокращенное название шкалы и диагностическое значение. Если число баллов достигает или превышает диагностическое значение, то у обследуемого родителя диагностируется тот или иной тип отклонения в воспитании. Если названия шкал подчеркнуты, то к результату необходимо прибавить число баллов по дополнительной шкале, которая находится в нижней части бланка и обозначена теми же буквами.

При наличии отклонений по нескольким шкалам необходимо обратиться к таблице диагностики типов семейного воспитания.

Диагностика типов негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания

Типы воспитания	Устойчивые сочетания особенностей воспитательного процесса				
	Уровень протекции П (Г+, Г-)	Полнота удовлетворения потребностей У (У+, У-)	Степень предъявления требований Т (Т+, Т-)	Степень запретов З (З+, З-)	Строгость санкций С (С+, С-)
Потворствующая гиперпротекция					
Доминирующая гиперпротекция					
Повышенная моральная					
Эмоциональное отвержение					
Жестокое обращение					
Гиперпротекция					

Примечание:

«+» означает чрезмерную выраженность соответствующей особенности воспитания; «-» означает недостаточную выраженность;

«±» означает, что при данном типе воспитания возможны как чрезмерность, так и недостаточность или невыраженность указанной особенности воспитания.

Описание шкал опросникам

1. Гиперпротекция (Г+). При гиперпротекции родители уделяют подростку крайне много сил, времени, внимания. Воспитание стало центральным делом **в жизни** родителей, основным, чему посвящена жизнь. Типичные высказывания **таких** родителей отражают то важное место, которое подросток занимает **в их жизни**, преувеличенное представление о том, что произойдет, если ему не отдать все силы и время. Эти типичные высказывания использованы при разработке соответствующей шкалы.

2 Гипопротекция (Г-). Ситуация, при которой ребенок оказывается на «периферии» внимания родителей, до него «руки не доходят», родителю «не до него».

Подросток часто выпадает из виду. За него берутся лишь время от времени, когда случается что-то серьезное (типичные высказывания таких родителей систематизированы в шкале «Г-»).

Эти две шкалы определяют уровень протекции, т. е. речь идет о том, сколько сил, внимания, времени уделяют родители воспитанию ребенка. Наблюдаются два уровня протекции: чрезмерная (гиперпротекция) и недостаточная (гипопротекция).

3. Потворствование (У+). О потворствовании говорят в том случае, когда родители стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка. Они балуют его. Любое его желание для них — закон. Объясняя необходимость такого воспитания, родители приводят аргументы, являющиеся типичной рационализацией: «слабость» ребенка, его исключительность, желание дать ему то, чего в свое время был лишен сам родитель, то, что подросток растет один, без отца, и т. п.

4. Игнорирование потребностей подростка (У-). Данный стиль воспитания противоположен потворствованию и характеризуется недостаточным стремлением родителя к удовлетворению потребностей ребенка. При этом часто ущемляются духовные потребности, особенно потребность в эмоциональном контакте, общении с родителями, в их любви. Описываемый стиль проявляется в определенных высказываниях родителей, косвенно отражающих их нежелание общаться с детьми, в предпочтении детей, ничего не требующих от родителей.

Эти две шкалы замеряют степень удовлетворения потребностей ребенка, т. е. в какой мере деятельность родителей нацелена на удовлетворение потребностей подростка как материально-бытовых (в питании, одежде, предметах развлечений), так и духовных (и прежде всего — в общении с родителями, в их любви и внимании). Данная черта семейного воспитания принципиально отличается от уровня протекции, поскольку характеризует не меру занятости родителей воспитанием ребенка, а степень удовлетворения его потребностей. Так называемое «спартанское воспитание» — пример высокого уровня протекции (родитель много занимается воспитанием, уделяет ему большое внимание) и низкое удовлетворение потребностей ребенка.

5.Чрезмерность требований (обязанностей) (Т+). Именно это качество лежит в основе такого типа неправильного воспитания, как «повышенная моральная ответственность». Требования к ребенку в этом случае очень велики, непомерны, не соответствуют его возможностям,

не только не содействуют развитию его личности, а, напротив, ставят его под угрозу. В одном случае на ребенка перекладывается более или менее значительная часть обязанностей родителей (ведение хозяйства, уход за малолетними детьми). Такие родители, как правило, осознают, что ребенок очень загружен, но не видят в этом чрезмерности нагрузки. Они уверены к тому же, что этого требуют обстоятельства, в которых семья находится в данный момент. В другом – от ребенка ожидают значительных и не соответствующих его способностям успехов в учебе или других престижных занятиях (художественная самодеятельность, спорт и т. п.). Родители подчеркивают в беседе те условия, которые прилагают для организации его успехов.

6. Недостаточность обязанностей подростка (Т-). В этом случае ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье. Эта особенность воспитания проявляется в высказываниях родителей о том, что трудно привлечь ребенка к какому-нибудь делу по дому.

Эти две шкалы дают представления о требованиях к ребенку, об его обязанностях, т. е. заданиях, которые он выполняет (учеба, уход за собой, участие в организации быта, помощь другим членам семьи).

7. Чрезмерность требований-запретов (доминирование) (З+). В этом случае ребенку «все нельзя». Ему предъявляется огромное количество требований, ограничивающих его свободу и самостоятельность. У стеничных подростков такое воспитание форсирует реакцию эмансипации, у менее стеничных – провоцирует развитие черт сенситивной и тревожно-мнительной (психастенической) акцентуаций. Типичные высказывания родителей отражают их страх перед любым проявлением самостоятельности ребенка. Этот страх проявляется в резком преувеличении последствий, которые могут иметь место даже при незначительном нарушении запрета, а также в стремлении подавить самостоятельность мысли подростка.

8. Недостаточность требований-запретов к ребенку (З-). В этом случае ребенку «все можно». Даже если существуют какие-то запреты, ребенок их легко нарушает, зная, что с него никто не спросит. Он сам определяет время возвращения домой вечером, круг друзей, вопрос о курении и употреблении алкоголя. Он ни за что не отчитывается перед родителями. Родители при этом не хотят или не могут установить какие-либо рамки в его поведении. Данное воспитание стимулирует развитие гипертимного типа характера у подростка, а особенно — неустойчивого типа.

Эти две шкалы указывают на то, что ребенку нельзя делать. Они определяют прежде всего степень самостоятельности ребенка, возможность самому выбирать способ поведения.

9. Чрезмерность ***санкций (жестокий стиль воспитания)*** *(С+).* Для этих родителей характерна приверженность к строгим наказаниям, чрезмерная реакция даже на незначительные нарушения. Типичные высказывания этих родителей отражают их убеждения в полезности для детей максимальной строгости.

10. Минимальность санкций (С-). Родители склонны обходиться без наказаний или применяют их крайне редко. Они уповают на поощрение, сомневаются в результативности любых наказаний.

Эти две шкалы дают представление о строгости наказаний, применяемых к ребенку родителями за невыполнение семейных требований.

11. Неустойчивость стиля воспитания (Н). Оценки по этой шкале позволяют говорить о резкой смене стиля, приемов воспитания. Они свидетельствуют о «шараханьях» родителей от очень строгого стиля к либеральному и, наоборот, от значительного внимания к ребенку к эмоциональному отвержению. При этом родители, как правило, признают значительные колебания в воспитании подростка, однако недооценивают размах (частоту этих колебаний).

Возможно большое количество сочетаний перечисленных стилей семейного воспитания. Однако особенно важное значение имеют устойчивые сочетания, формирующие следующие типы неправильного воспитания.

Потворствующая гиперпротекция (потворствование + повышенная протекция). Ребенок находится в центре внимания семьи, которая стремится к максимальному удовлетворению его потребностей. Этот тип воспитания содействует развитию демонстративных (истероидных) и гипертимных черт характера у ребенка.

Доминирующая гиперпротекция (доминирование + гиперпротекция). Ребенок также в центре внимания родителей, которые отдают ему много сил и времени, в то же время лишая его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. У гипертимных подростков такое воспитание усиливает реакцию эмансипации. При тревожно-мнительной (психастенической), сенситивной, астено-невротической акцентуациях характера доминирующая гиперпротекция усиливает астенические черты.

Эмоциональное отвержение образуется сочетанием пониженной протекции, игнорированием потребностей ребенка и нередко проявляется в жестком обращении с ним. В крайнем варианте – это воспитание по типу «Золушки». При таком воспитании усиливаются черты эпилептоидной акцентуации характера, а у подростков с эмоционально-лабильной, сенситивной и астено-невротической акцентуациями характера могут формироваться процессы декомпенсации и невротические расстройства.

Повышенная моральная ответственность (П-, У-, Т+) образуется сочетанием высоких требований к ребенку с понижением внимания к нему со стороны родителей, меньшей заботой о нем. Этот тип воспитания стимулирует развитие черт тревожно-мнительной (психастенической) акцентуации характера

Гипопротекция (гипоопека, безнадзорность (П-, У-, Т-, З-). Ребенок представлен сам себе, родители не интересуются им и не контролирует его. Такое воспитание особенно неблагоприятно при акцентуациях гипертимного, неустойчивого и конформного типов.

12. Расширение сферы родительских чувств (РРЧ). Обычно этот феномен наблюдается при таких нарушениях воспитания, как потворствующая или доминирующая протекция. Данный источник нарушения воспитания возникает чаще всего тогда, когда в силу каких-либо причин супружеские отношения между родителями оказываются нарушенными (нет одного из супругов (смерть, развод)), либо отношения не удовлетворяют одного из родителей, играющего основную роль в воспитании (эмоциональная холодность, несоответствие характеров). Нередко при этом мать (реже отец), сама того не осознавая, хочет, чтобы ребенок, а позже подросток, стал для нее чем-то большим, нежели просто ребенком. Родители хотят, чтобы он удовлетворял хотя бы часть потребностей, которые в обычной семья должны быть удовлетворены в ходе супружеских отношений (взаимная исключительная привязанность, частично эротические потребности). Отношения с ребенком, а позднее с подростком, становятся исключительными, важными для родителя. Мать нередко отказывается от повторного замужества, появляется стремление отдать сыну «все чувства», «всю любовь». В детстве стимулируется эротическое отношение к родителям (ревность, детская влюбленность). Когда ребенок достигает подросткового возраста, у родителя возникает страх перед нарастающей самостоятельностью подростка, появляется стремление удержать его, с помощью потворствующей иди доминирующей гиперпротекции. Стремление к расширению сферы родительских чувств за счет включения эротических потребностей в отношения матери и ребенка, как правило, ею не осознается. Эта психологическая установка проявляется косвенно, в высказываниях о том, что ей никто не нужен, кроме сына, и в характерном противопоставлении идеализированных отношений с сыном неудовлетворяющим отношениям с мужем. Иногда такие матери осознают свою ревность к подругам сына, хотя чаще они проявляют ее в виде многочисленных придирок к ним.

13. Предпочтение в подростке детских качеств (ПАК). Этот вид нарушения воспитания обусловлен потворствующей гиперпротекцией. У родителей появляется стремление игнорировать повзросление детей,

стимулировать у них детские качества (детскую импульсивность, непосредственность, игривость). Для таких родителей ребенок все еще «маленький». Нередко они открыто признают, что маленькие им вообще нравятся больше, что с большими уже не так интересно. Страх или нежелание повзросления детей могут быть связаны с особенностями биографии самого родителя (он имел младшего брата или сестру, и на них в свое время переместилась любовь родителей, в связи с чем свой старший возраст воспринимался как несчастье). Рассматривая ребенка как «еще маленького», родители снижают уровень требований к ному, создавая потворствующую гиперпротекцию, стимулируя развитие психического инфантилизма.

14. Воспитательная неуверенность родителей (ВН). Наблюдается чаще всего при таких нарушениях воспитания, как потворствующая гиперпротекция или пониженный уровень требований. Воспитательную неуверенность родителя можно было бы назвать «слабым местом» личности родителя. В этом случае происходит перераспределение власти в семье между ребенком и родителем. Родитель «идет на поводу» у подростка, уступает даже в вопросах, в которых, по собственному мнению, уступать нельзя. Это происходит потому, что ребенок сумел найти к этому родителю подход, нащупал его «слабое место» и добивается для себя ситуации «минимум требований – максимум прав». Типичная ситуация в такой семье – бойкий, уверенный в себе ребенок, смело ставящий требования, и нерешительный, винящий себя во всех неудачах в воспитании ребенка родитель. В одних случаях «слабое место» обусловлено психастеническими чертами характера родителя. В других – существенную роль в формировании стиля семейного воспитания могли сыграть отношения родителя с его собственными родителями. В определенных условиях дети, воспитанные требовательными, эгоцентричными родителями, став взрослыми, видят в своих детях тех же требовательных, эгоцентричных существ, испытывают по отношению к ним тоже чувство «неоплатного должника», какое испытывали ранее по отношению к собственным родителям. Характерный признак таких родителей — доминирование в их высказываниях реплик с признанием массы ошибок, совершенных в воспитании. Такие родители боятся упрямства, сопротивления своих детей и находят довольно много поводов уступить им.

15. Фобия утраты ребенка (ФУ). Чаще всего в ее основе лежит господствующая или доминирующая гиперпротекция. «Слабое место» — повышенная неуверенность родителей, боязнь ошибиться, преувеличенное представление о «хрупкости» ребенка, его болезненности. Все это могло развиться в связи с историей рождения ребенка (его долго ждали, обращения к врачам-гинекологам ничего не давали,

родился хрупким и болезненными, с большим трудом удалось выходить и т. п.). Другой источник – перенесенные тяжелые заболевания ребенка, особенно если они были длительными. Отношения родителя к ребенку в этом случае формируются под воздействием накопленного страха утраты ребенка. Этот страх заставляет одних родителей тревожно прислушиваться к каждому пожеланию подростка и спешить с его выполнением (потворствующая гиперпротекция), других – мелочно опекать его (доминирующая гиперпротекция). Типичные высказывания таких родителей отражают их ипохондрическую боязнь за ребенка: они видят у него множество болезненных проявлений. У родителей свежи воспоминания о прошлых (даже отдаленных по времени) переживаниях по поводу здоровья ребенка.

16. Неразвитость родительских чувств (НРЧ). Этот вид воспитания обусловлен нарушениями воспитания: гиперпротекцией, эмоциональным отвержением, «повышенной моральной ответственностью», жестоким обращением. Воспитание становится адекватным лишь тогда, когда родителями движут достаточно сильные мотивы: чувство долга, симпатия, любовь к ребенку, потребность «реализовать себя» в детях, «продолжить себя». Слабость, неразвитость родительских чувств нередко встречается у родителей подростков с отклонениями характера. В то же время это явление очень редко ими осознается, а еще реже признается как таковое. Внешне оно проявляется в нежелании иметь дело с подростком, в непереносимости его общества, в поверхностности интереса к его делам. Причиной неразвитости родительских чувств может быть отвержение самого родителя в детстве его родителями, то, что он сам в свое время не испытал родительского тепла. Другой причиной могут быть особенности характера самого родителя, например, выраженная шизоидность.

Замечено, что родительские чувства значительно слабее развиты у очень молодых родителей, имея тенденцию усиливаться с возрастом. При достаточно благоприятных условиях жизни семьи НРЧ обусловливает стиль воспитания по типу гипопротекции и особенно — эмоционального отвержения. При трудных, напряженных условиях жизни на подростка часто перекладывается значительная часть родительских обязанностей («повышенная моральная ответственность»), либо к ребенку возникает раздражительно-враждебное отношение. Типичные высказывания таких родителей содержат жалобы на утомительность родительских обязанностей, сожаление, что эти обязанности отрывают от чего-то более важного и интересного. Для женщин с неразвитым родительским чувством довольно характерны эмансипационные устремления и желание любым путем устроить свою жизнь.

17. Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств (ПНК). Чаще всего составляет основу эмоционального отвержения, жестокого обращения. Причиной такого воспитания подростка нередко является то, что в ребенке родитель видит черты, которые чувствует, но не признает в самом себе. Это может быть агрессивность, склонность к лени, тяга к алкоголю, различные протестные реакции, несдержанность и др. Ведя борьбу с такими же истинными или мнимыми качествами у ребенка, родитель (чаще отец) извлекает из этого эмоциональную выгоду для себя. Борьба с нежеланным качеством кого-то другого помогает ему верить, что у него самого этого качества нет. Эти родители много и охотно говорят о своей непримиримой и постоянной борьбе с отрицательными качествами и слабостями ребенка, о мерах и наказаниях, которые они в связи с этим применяют. В высказываниях родителей сквозит неверие в подростка, нередки «инквизиторские» интонации, с характерным стремлением в любом поступке выявить «истинную», т. е. негативную причину. В качестве такой причины чаще всего выступают качества, с которыми родитель неосознанно борется.

18. Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания (ВК). Как правило, является первопричиной типа воспитания, соединяющего в себе потворствующую гиперпротекцию одного родителя с отвержением либо доминирующей гиперпротекцией другого. Конфликтность во взаимоотношениях с супругами нередкое явление даже в относительно стабильных семьях. Нередко воспитание превращается в «поле битвы» конфликтующих родителей. Здесь они получают возможность более открыто выражать недовольство друг другом, руководствуясь «заботой о благе ребенка». При этом разница во мнениях родителей чаще всего бывает диаметрально противоположной: один настаивает на весьма строгом воспитании с повышенными требованиями, запретами и санкциями, другой же родитель склонен «жалеть» ребенка, идти у него на поводу. Характерное проявление в таких ситуациях — выражение недовольства воспитательными методами другого супруга. При этом легко обнаруживается, что каждого интересует не столько то, как воспитывать подростка, сколько то, кто прав в воспитательных спорах. Шкала ВК отражает типичные высказывания «строгой стороны». Это связано с тем, что именно «строгая сторона», как правило, является инициатором обращения к врачу либо психологу.

19. Предпочтение мужских качеств (ПМК).

20. Предпочтение женских качеств (ПЖК).

Эти две шкалы позволяют обнаружить сдвиг в установках родителя по отношению к подростку в зависимости от пола подростка. Обусловливает такие нарушения воспитания, как потворствующая

гиперпротекция, эмоциональное отвержение. Нередко отношение родителя к ребенку обусловливается не действительными особенностями ребенка, а теми чертами, которые родитель приписывает его полу, т.е. «вообще мужчинам» или «вообще женщинам». Так, при наличии предпочтения женских качеств наблюдается неосознанное неприятие в подростке атрибутов мужского пола. В этих случаях типичны стереотипные отрицательные высказывания о мужчинах вообще: «Мужчины в основном грубы, неопрятны. Они легко поддаются животным побуждениям, они агрессивны и чрезмерно сексуальны, склонны к алкоголизму. Любой же человек — и мужчина, и женщина — должен стремиться к противоположным качествам: быть нежным, деликатным, опрятным, сдержанным в чувствах». Именно такие качества родитель с ПЖК и видит в женщине Примером проявления ПЖК является отец, видящий массу недостатков у сына и считающий, что таковы все его сверстники. В то же время этот отец без ума от младшей сестры подростка-мальчика, видит в ней одни достоинства. Под влиянием ПЖК в данном случае в отношении подростка мужского пола формируется стиль воспитания «эмоциональное отвержение». Возможна и противоположная крайность — выраженная антифеминистская установка, пренебрежение к матери ребенка, его сестрам. В этом случае по отношению к самому ребенку формируется стиль воспитания «потворствующая гиперпротекция».

Дадим описание шкал опросника АСВ, которые предназначены для диагностики типов негармоничного воспитания.

Уровень протекции в процессе воспитания (шкалы Г+ и Г-)

Речь идет о том, сколько сил, внимания, времени уделяют родители при воспитании ребенка. Наблюдаются два уровня протекции: чрезмерная (гиперпротекция) и недостаточная (гипопротекция).

Гиперпротекция (шкала Г+). При гиперпротекции родители уделяют ребенку крайне много времени, сил и внимания, и воспитание его стало центральным делом их жизни. Типичные высказывания таких родителей использованы при разработке настоящей шкалы (утверждения шкалы Г+ опросника АСВ).

Гипопротекция (шкала Г-). Ситуация, при которой ребенок или подросток оказывается на периферии внимания родителя, до него «не доходят руки», родителю «не до него». Ребенок часто выпадает у них из виду. За него берутся лишь время от времени, когда случается что-то серьезное.

Степень удовлетворения потребностей ребенка (шкалы У+ и У-)

Речь идет о том, в какой мере деятельность родителей нацелена на удовлетворение потребностей ребенка, как материально-бытовых (в питании, одежде, предметах развлечения), так и духовных — пре-

жде всего в общении с родителями, в их любви и внимании. Данная черта семейного воспитания принципиально отличается от уровня протекции, поскольку характеризует не меру занятости родителей воспитанием ребенка, а степень удовлетворения его потребностей. Так называемое «спартанское воспитание» является примером высокого уровня протекции (поскольку родитель много занимается воспитанием) и низкого уровня удовлетворения потребностей ребенка.

В степени удовлетворения потребностей возможны два отклонения.

Потворствование (шкала У+). О потворствовании мы говорим в тех случаях, когда родители стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка или подростка. Они «балуют» его. Любое его желание — для них закон. Объясняя необходимость такого воспитания, родители приводят аргументы, являющиеся типичной рационализацией, — «слабость ребенка», его исключительность, желание дать ему то, чего был сам лишен в свое время родителями, что ребенок растет без отца и т.д. Типичные высказывания приведены в шкале У+. При потворствовании родители бессознательно проецируют на детей свои ранее не удовлетворенные потребности и ищут способы заместительного удовлетворения их за счет воспитательных действий.

Игнорирование потребностей ребенка (шкала У-). Данный стиль воспитания характеризуется недостаточным стремлением родителя к удовлетворению потребностей ребенка. Чаще страдают при этом духовные потребности, особенно потребность в эмоциональном контакте, общении с родителем.

Количество и качество требований к ребенку в семье (шкалы Т+, Т- и З+, З-)

Требования к ребенку – неотъемлемая часть воспитательного процесса. Они выступают, во-первых, в виде обязанностей ребенка, т.е. в тех заданиях, которые он выполняет, — учеба, уход за собой, участие в организации быта, помощь другим членам семьи.

Во-вторых, это требования-запреты, устанавливающие, чего ребенок не должен делать.

Наконец, невыполнение требований ребенком может повлечь применение санкций со стороны родителей – от мягкого осуждения до суровых наказаний.

Формы нарушений системы требований к ребенку различны, поэтому высказывания родителей, отражающие их, представлены в целом ряде шкал: Т+, Т-; З+, З-:С-. С-.

Требования-обязанности — это перечень повседневных обязанностей ребенка по отношению к себе и по отношению к другим членам семьи.

Чрезмерность требований-обязанностей (шкала Т+). Именно это качество лежит в основе типа негармоничного воспитания «повышенная моральная ответственность». Требования к ребенку в этом случае очень велики, непомерны, не соответствуют его возможностям и не только не содействуют полноценному развитию его личности, но, напротив, представляют риск психотравматизации.

Недостаточность требований-обязанностей ребенка (шкала Т-). В этом случае ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье. Данная особенность воспитания проявляется в высказываниях родителей о том, как трудно привлечь ребенка к какому-либо делу по дому.

Требования-запреты, т.е. указания на то, что ребенку нельзя делать, определяют прежде всего степень его самостоятельности, возможность самому выбирать способ поведения. И здесь возможны две степени отклонения: чрезмерность и недостаточность требований-запретов.

Чрезмерность требований-запретов (шкала З+). Такой подход может лежать в основе типа негармонического воспитания — «доминирующая гиперпротекция». В этой ситуации ребенку «все нельзя». Ему предъявляется огромное количество требований, ограничивающих его свободу и самостоятельность. У стеничных детей и подростков такое воспитание форсирует реакции оппозиции и эмансипации, у менее стеничных предопределяет развитие черт сензитивной и тревожно-мнительной (психастенической) акцентуации. Типичные высказывания родителей отражают их страх перед любыми проявлениями самостоятельности ребенка. Этот страх проявляется в резком преувеличении последствий, к которым может привести хотя бы незначительное нарушение запретов; а также в стремлении подавить самостоятельность мысли ребенка.

Недостаточность требований-запретов к ребенку (шкала З-). В этом случае ребенку «все можно». Даже если и существуют какие-либо запреты, ребенок или подросток легко их нарушает, зная, что с него никто не спросит. Он сам определяет круг своих друзей, время еды, прогулок, свои занятия, время возвращения вечером, вопрос о курении и об употреблении спиртных напитков. Он ни за что не отчитывается перед родителями. Родители при этом не хотят или не могут установить какие-либо рамки в его поведении. Данное воспитание стимулирует развитие гипертимного типа личности у подростка и особенно неустойчивого типа.

Строгость санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком (шкалы С+ и С-)

Чрезмерность санкций (шкала С+) (тип воспитания «жесткое обращение»). Для родителей характерны приверженность к применению строгих наказаний, чрезмерное реагирование даже на незначительные

нарушения поведения. Типичные высказывания родителей отражают их убеждение в полезности для детей и подростков максимальной строгости.

Минимальность санкций (шкала С-). Эти родители предпочитают обходиться либо вовсе без наказаний, либо применяют их крайне редко. Они уповают на поощрения, сомневаются в результативности любых наказаний.

Неустойчивость стиля воспитания (шкала Н)

Под таким воспитанием мы понимаем резкую смену стиля приемов, представляющих собой переход от очень строгого к либеральному и затем, наоборот, переход от значительного внимания к ребенку к эмоциональному отвержению его родителями.

Неустойчивость стиля воспитания, по мнению К. Леонгарда, содействует формированию таких черт характера, как упрямство, склонность противостоять любому авторитету, и является нередкой ситуацией в семьях детей и подростков с отклонениями **характера**.

Родители, как правило, признают факт незначительных колебаний в воспитании **ребенка**, однако недооценивают размах и частоту этих колебаний.

Сочетание различных отклонений в воспитании. Возможно достаточно большое **количество** сочетаний перечисленных черт семейного воспитания. Однако особенно **важное** значение с точки зрения анализа причин отклонений характера, а также возникновения непсихотических психогенных нарушений поведения, неврозов и неврозоподобных **состояний имеют** следующие устойчивые сочетания.

Устойчивые сочетания различных черт воспитания представляют собой тип негармоничного воспитания. Классификация типов негармоничного воспитания также дана в табл. 5.

Потворствующая гиперпротекция (сочетание черт, отраженных в шкалах Г+, У+, при Т-, З-, С-). Ребенок находится в центре внимания семьи, которая стремится к максимальному удовлетворению его потребностей. Этот тип воспитания содействует развитию демонстративных (истероидных) и гипертимных черт личности у подростка.

Доминирующая гиперпротекция (Г+, У±, Т±, З+, С±). Ребенок также в центре внимания родителей, которые отдают ему много сил и времени. Однако в то же время лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. У гипертимных подростков такие запреты усиливают реакцию эмансипации и обусловливают острые аффективные реакции экстрапунитивного типа. При тревожно-мнительном (психастеническом), сенситивном, астеническом типах акцентуаций личности доминирующая гиперпротекция усиливает астенические черты.

Эмоциональное отвержение (Г-, У-, Т±, З±, С+). В крайнем варианте это воспитание по типу «Золушки». В основе эмоционального отвержения лежит осознаваемое или, чаще, неосознаваемое отождествление родителями ребенка с какими-либо отрицательными моментами в собственной жизни. Ребенок в этой ситуации может ощущать себя помехой в жизни родителей, которые устанавливают в отношениях с ним большую дистанцию.

Эмоциональное отвержение формирует и усиливает черты инертно-импульсивной (эпилептоидной) акцентуации личности и эпилептоидной психопатии, ведет к декомпенсации и формированию невротических расстройств у подростков с эмоционально-лабильной и астенической акцентуациями.

При жестоком обращении родителей с детьми (Г-, У-, Т±, З±, С+) на первый план выходит эмоциональное отвержение, проявляющееся наказаниями в форме избиений и истязаний, лишением удовольствий, неудовлетворением их потребностей.

Гипопротекция (гипоопека — Г-, У-, Т-, З-, С+). Ребенок предоставлен самому себе, родители не интересуются им и не контролируют его. Такое воспитание особенно неблагоприятно при акцентуациях гипертимного и неустойчивого типов.

Психологические причины отклонений в семейном воспитании

Причины негармоничного воспитания весьма различны. Порой это определенные обстоятельства в жизни семьи, мешающие наладить адекватное воспитание. В этом случае показаны разъяснительная работа и рациональная психотерапия. Однако нередко основную роль в нарушении воспитательного процесса играют личностные особенности самих родителей.

Особую роль в практике врача-психотерапевта играют две группы причин.

Отклонения личности самих родителей. Акцентуации личности и психопатии нередко предопределяют определенные нарушения в воспитании. При *неустойчивой акцентуации* родитель чаще склонен проводить воспитание, характеризующееся гипопротекцией, пониженным удовлетворением потребностей ребенка, пониженным уровнем требований к нему. *Инертно-импульсивная (эпилептоидная) акцентуация* родителей чаще других обусловливает доминирование, жестокое обращение с ребенком. Стиль доминирования может также обусловливаться чертами *тревожной* мнительности.

Демонстративно-гиперкомпенсаторная акцентуация личности и *истероидная психопатия* у родителей нередко предрасполагают к противоречивому типу воспитания: демонстрируемая забота и любовь

к ребенку при зрителях и эмоциональное отвержение в отсутствие таковых [Эйдемиллер Э.Г., 1994].

Во всех случаях необходимо выявить отклонение личности родителей, убедиться в том, что именно оно играет решающую роль в возникновении нарушений в воспитании. Поэтому внимание врача-психотерапевта направляется на осознание родителями взаимосвязи между особенностями своих личностных характеристик, типом воспитания и нарушениями поведения у подростка или ребенка.

Психологические (личностные) проблемы родителей, решаемые за счет ребенка. В этом случае в основе негармоничного воспитания лежит какая-то личностная проблема, чаще всего носящая характер неосознаваемой проблемы, потребности. Родитель пытается разрешить ее (удовлетворить потребность) за счет воспитания ребенка. Попытки разъяснительной работы, уговоров изменить стиль воспитания оказываются неэффективными. Перед психологом встает трудная задача выявить психологическую проблему родителя, помочь ему осознать ее, преодолеть действие защитных механизмов, препятствующих такому осознанию.

Излагая наиболее часто встречающиеся психологические проблемы, лежащие в основе негармонического воспитания, мы опирались на опыт практической работы с родителями детей и подростков с невротическими расстройствами, нарушениями адаптации, личностными расстройствами (психопатиями) — соответственно 120, 60 и 80 семей.

Как и в предыдущем разделе, одновременно с описанием этих личностных проблем будут указываться шкалы АСВ, предназначенные для их диагностики.

Расширение сферы родительских чувств (шкала РРЧ). Обусловливаемое нарушение воспитания — повышенная протекция (потворствующая или доминирующая).

Данный источник нарушения воспитания возникает чаще всего тогда, когда супружеские отношения между родителями в силу каких-либо причин оказываются нарушенными: супруга нет — смерть, развод, либо отношения с ним не удовлетворяют родителя, играющего основную роль в воспитании (несоответствие характеров, эмоциональная холодность и др.). Нередко при этом мать, реже — отец, сами того четко не осознавая, хотят, чтобы ребенок, а позже подросток стал для них чем-то большим, нежели просто ребенком. Родители хотят, чтобы он удовлетворил хотя бы часть потребностей, которые в обычной семье должны быть удовлетворены в психологических отношениях супругов, — потребность во взаимной исключительной привязанности, частично — эротические потребности. Мать нередко отказывается от вполне реальной возможно-

сти повторного замужества. Появляется стремление отдать ребенку (подростку) — чаще противоположного пола — «все чувства, всю любовь». В детстве стимулируется эротическое отношение к родителям — ревность, детская влюбленность. Когда ребенок достигает подросткового возраста, у родителя возникает страх перед самостоятельностью подростка. Появляется стремление удержать его с помощью потворствующей или доминирующей гиперпротекции.

Стремление к расширению сферы родительских чувств за счет включения эротических потребностей в отношения матери и ребенка, как правило, ею не осознается. Эта психологическая установка проявляется косвенно, в частности, в высказываниях, что ей никто не нужен, кроме сына, и в характерном противопоставлении идеализированных ею собственных отношений с сыном, не удовлетворяющим ее отношениям с мужем. Иногда такие матери осознают свою ревность к подругам сына, хотя чаще они предъявляют ее в виде многочисленных придирок к ним.

Предпочтение в подростке детских качеств (шкала ПДК). Обусловливаемое нарушение воспитания — потворствующая гиперпротекция. В этом случае у родителей наблюдается стремление игнорировать повзросление детей, стимулировать у них сохранение таких детских качеств, как непосредственность, наивность, игривость. Для таких родителей подросток все еще маленький. Нередко они открыто признают, что маленькие дети вообще им нравятся больше, что с большими не так интересно. Страх или нежелание повзросления детей могут быть связаны с особенностями биографии самого родителя (он имел младшего брата или сестру, на которых в свое время переместилась любовь родителей, в связи с чем свой старший возраст воспринимался как несчастье).

Рассматривая подростка как «еще маленького», родители снижают уровень требований к нему, создавая потворствующую гиперпротекцию, тем самым стимулируя развитие психического инфантилизма.

Воспитательная неуверенность родителя (шкала ВН). Обусловливаемое нарушение воспитания — потворствующая гиперпротекция либо просто пониженный уровень требований. Воспитательную неуверенность родителя можно было бы назвать «слабым местом» личности родителя. В этом случае происходит перераспределение власти в семье между родителями и ребенком (подростком) в пользу последнего. Родитель «идет на поводу» у ребенка, уступает даже в тех вопросах, в которых уступать, по его же мнению, никак нельзя. Это происходит потому, что подросток сумел найти к своему родителю подход, нащупал его «слабое место» и добивается для себя в этой ситуации «минимум требова-

ний — максимум прав». Типичная комбинация в такой семье — бойкий, уверенный в себе подросток (ребенок), смело выдвигающий требования, и нерешительный, винящий себя во всех неудачах с ним, родитель.

В одних случаях «слабое место» обусловлено психастеническими чертами личности родителя. В других — определенную роль в формировании этой особенности могли сыграть отношения родителя с его собственными родителями. В определенных условиях дети, воспитанные требовательными, эгоцентричными родителями, став взрослыми, видят в своих детях ту же требовательность и эгоцентричность, испытывают по отношению к ним то же чувство «неоплатного должника», что испытывали ранее по отношению к собственным родителям. Характерная черта высказываний таких родителей — признание ими массы ошибок, совершенных в воспитании. Они боятся упрямства, сопротивления своих детей и находят довольно много поводов уступить им.

Фобия утраты ребенка (шкала ФУ). Обусловливаемое нарушение воспитания — потворствующая или доминирующая гиперпротекция. «Слабое место» — повышенная неуверенность, боязнь ошибиться, преувеличенные представления о «хрупкости» ребенка, его болезненности и т.д.

Один источник таких переживаний родителей коренится в истории появления ребенка на свет — его долго ждали, обращения к врачам-гинекологам ничего не давали, родился хрупким и болезненным, с большим трудом удалось его выходить и т.д.

Еще один источник — перенесенные ребенком тяжелые заболевания, если они были длительными. Отношение родителей к ребенку или подростку формировалось под воздействием страха утраты его. Этот страх заставляет родителей тревожно прислушиваться к любым пожеланиям ребенка и спешить удовлетворить их (потворствующая гиперпротекция), в других случаях — мелочно опекать его (доминирующая гиперпротекция).

В типичных высказываниях родителей отражена их ипохондрическая боязнь за ребенка: они находят у него множество болезненных проявлений, свежи воспоминания о прошлых, даже отдаленных во времени переживаниях по поводу здоровья подростка.

Неразвитость родительских чувств (шкала НРЧ).
Обусловливаемые нарушения воспитания — гипопротекция, эмоциональное отвержение, жестокое обращение.

Адекватное воспитание детей и подростков возможно лишь тогда, когда родителями движут какие-либо достаточно сильные мотивы: чувство долга, симпатия, любовь к ребенку, потребность «реализовать себя» в детях, «продолжить себя».

Слабость, неразвитость родительских чувств нередко встречается у родителей подростков с отклонениями личностного развития. Однако это явление очень редко ими осознается, а еще реже признается как таковое. Внешне оно проявляется в нежелании иметь дело с ребенком (подростком), в плохой переносимости его общества, поверхностности интереса к его делам.

Причиной неразвитости родительских чувств может быть отвержение самого родителя в детстве его родителями, то, что он сам в свое время не испытал родительского тепла.

Другой причиной НРЧ могут быть личностные особенности родителя, например выраженная шизойдности.

Замечено, что родительские чувства нередко значительно слабее развиты у очень молодых родителей, имея тенденцию усиливаться с возрастом (пример любящих бабушек и дедушек).

При относительно благоприятных условиях жизни семьи НРЧ обусловливает тип воспитания «гипопротекция» и особенно «эмоциональное отвержение». При трудных, напряженных, конфликтных отношениях в семье на ребенка часто перекладывается значительная доля родительских обязанностей — тип воспитания «повышенная моральная ответственность» — либо к нему возникает раздражительно-враждебное отношение.

Типичные высказывания родителей содержат жалобы на то, насколько утомительны родительские обязанности, сожаление, что эти обязанности отрывают их от чего-то более важного и интересного. Для женщин с неразвитым родительским чувством довольно характерны эмансипационные устремления и желание любым путем «устроить свою жизнь».

Проекция на ребенка {подростка) собственных нежелательных качеств (шкала ПНК). Обусловливаемые нарушения воспитания — эмоциональное отвержение, жестокое обращение. Причиной такого воспитания нередко бывает то, что в ребенке родитель как бы видит черты характера, которые чувствует, но не признает в самом себе. Это могут быть: агрессивность, склонность к лени, влечение к алкоголю, те или иные склонности, негативизм, протестные реакции, несдержанность и т.д. Ведя борьбу с такими же, истинными или мнимыми, качествами ребенка, родитель (чаще всего – отец) извлекает из этого эмоциональную выгоду для себя. Борьба с нежелаемым качеством в ком-то другом помогает ему верить, что у него данного качества нет. Родители много и охотно говорят о своей непримиримой и постоянной борьбе с отрицательными чертами и слабостями ребенка, о мерах и наказаниях, которые они в связи с этим применяют. В высказываниях

родителя сквозит неверие в ребенка, нередки инквизиторские интонации: характерным стремлением является выявить в любом поступке «истинную», т.е. плохую, причину. В качестве таковой чаще всего выступают качества, с которыми родитель неосознаваемо борется.

Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания (шкала ВК). Обусловливаемые нарушения воспитания – противоречивый тип воспитания – соединение потворствующей гиперпротекции одного родителя с отверженцем либо доминирующей гиперпротекцией другого.

Конфликтность во взаимоотношениях между супругами – частое явление даже в относительно стабильных семьях. Нередко воспитание превращается в «поле битвы» конфликтующих родителей. Здесь они получают возможность наиболее открыто выражать недовольство друг другом, руководствуясь «заботой о благе ребенка». При этом разница во мнениях родителей чаще всего бывает диаметральной: один настаивает на весьма строгом воспитаннике повышенными требованиями, запретами и санкциями, другой же родитель склонен «жалеть» ребенка, идти у него на поводу

Характерное проявление ВК — выражение недовольства воспитательными методами другого супруга. При этом легко обнаруживается, что каждого интересует не столько то, как воспитывать ребенка, сколько то, кто прав в воспитательных спорах. Шкала ВК отражает типичные высказывания «строгой» стороны. Это связано с тем, что именно «строгая» сторона, как правило, является инициатором обращения к врачу или медицинскому психологу.

Сдвиг в установках родителя по отношению к ребенку в зависимости от его (ребенка) пола. Шкала предпочтения мужских качеств – ПМК и шкала предпочтения женских качеств – ПЖК. Обусловливаемые нарушения воспитания – потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение.

Нередко отношение родителя к ребенку обусловливается не действительными особенностями ребенка, а такими чертами, которые родитель приписывает его полу, т.е. «вообще мужчинам» или «вообще женщинам». Так, при наличии предпочтения женских качеств наблюдается неосознаваемое неприятие ребенка мужского пола. В таком случае приходится сталкиваться со стереотипными суждениями о мужчинах вообще: «Мужчины в основном грубы, неопрятны. Они легко поддаются животным побуждениям, агрессивны и чрезмерно сексуальны, склонны к алкоголизму. Любой же человек, будь то мужчина или женщина, должен стремиться к противоположным качествам — быть нежным, деликатным, опрятным, сдержанным в чувствах». Именно

такие качества родитель с ПЖК видит в женщинах. Примером проявления установки ПЖК может служить отец, видящий массу недостатков в сыне и считающий, что таковы же и все его сверстники. В то же время этот отец «без ума» от младшей сестры мальчика, так как находит у нее одни достоинства. Под влиянием ПЖК в отношении ребенка мужского пола в данном случае формируется тип воспитания «эмоциональное отвержение». Возможен противоположный перекос с выраженной антифеминистской установкой, пренебрежением к матери ребенка, его сестрам. В этих условиях по отношению к мальчику может сформироваться воспитание по типу «потворствующая гиперпротекция».

3.16.3.Оценка удовлетворенности ролью родителя (адаптированный вариант Е.В. Куфтяк)

Инструкция

Ниже расположена серия утверждений, касающихся Вашего отношения к роли родителя. Пожалуйста, прочитайте каждый пункт и постарайтесь отвечать быстро, не думая долго над каким-либо утверждением. В ходе оценки своих ответов, пользуйтесь 7-ми балльной шкалой, в которой 7 баллов означает максимальную выраженность того или иного утверждения, а 1 балл – минимальное проявление. Промежуточные количественные значения указаны ниже.

Баллы	1	2	3	4	5	6	7
Значения оцениваемых ответов	Совершенно не согласен	Не согласен	Иногда не согласен	Не могу ни согласиться, ни опровергнуть	Иногда согласен	Согласен	Совершенно согласен

Используя значение 7-ми балльной, в конце каждого из 30-ти утверждения укажите тот балл, соответствующий вашему мнению.

Опросник

1. Ради детей можно пойти на любые жертвы.
2. Я получаю много удовольствия и веселья от роли родителя.
3. Дружеские отношения с моими детьми - особый источник удовольствия для меня.
4. В основном, большую часть времени я счастлив быть родителем.
5. Смотреть, как дети растут и развиваются - особое удовольствие.
6. Отцовство / материнство - самая важная сторона жизни.

7. К моему удивлению, воспитание детей оказалось не так вознаграждаемо, как я ожидал.

8. Я люблю показывать фотографии своих детей и говорить о них с друзьями.

9. Дома мы часто веселимся с детьми.

10. Дети ограничивают мою свободу.

11. По сравнению с работой вне дома воспитание детей более приятно.

12. Я считаю, что отцовство / материнство является одной из моих главных жизненных целей.

13. Большую часть времени я несчастлив в своей роли родителя.

14. Возможность стать для детей хорошей семьей – огромное удовольствие.

15. Воспитание детей – одна из самых вдохновляющих вещей.

16. Я стараюсь находиться с детьми как можно чаще, т.к. мне это очень нравится.

17. Дети – большая тяжесть для меня.

18. Быть родителем всегда приятно.

19. Награда за роль родителя превосходит все усилия и тяжелую работу.

20. Одна мысль о времени, проведенном с моими детьми, делает меня счастливым.

21. Я не люблю жаловаться, но роль родителя совсем не такая, как ее превозносят.

22. Стать родителем – лучший способ реализовать себя.

23. Мне очень нравится говорить о своих детях.

24. Так тяжело торчать дома с детьми.

25. Забота о детях приносит много веселья.

26. Я люблю наблюдать за своими детьми.

27. Находиться с детьми скучнее, чем я думал.

28. Мне нравится быть родителем больше, чем большинству знакомых мне родителей.

29. Вы когда-нибудь сожалеете о том, что стали родителем?

30. Данная линия представляет разную степень удовлетворенности Вашей ролью родителя.

Обработка данных

Обработка данных проводится по приведенным ниже ключам.

1. *Удовольствие, получаемое от воспитания и родительства*: 1, 2, 3, 4, 5, 9, 28.

2. *Тяжесть роли родителя*: 10, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 27, 30.

3. *Важность роли родителей*: 6, 11, 12, 14, 15, 16, 22, 23, 26.

При подсчете суммарного количества по каждой шкале на основе 7 балльной оценки утверждений необходимо учитывать инвертированные или обработанные значения ответов в которых отрицательные ответы оцениваются в 7 баллов, а положительные в 1 балл на следующие утверждения: 10, 17, 21, 24, 27. После подсчета баллов по каждой из указанных шкал определяются их средние, нижние и верхние значения, характерные для русскоязычной выборки.

Таблица

Нормативные значения шкал родительской удовлетворенности

Наименование субшкалы	Средние значения	Размах распределения		Нижний квартиль	Верхний квартиль	Стандартное отклонение
		Min	Max			
Удовольствие, получаемое от воспитания и родительства	40,80	19,0	49,0	38,0	45,0	5,44
Тяжесть роли родителя	48,36	22,0	70,0	42,0	54.0	8,98
Важность роли родителей	52,34	22,0	63,0	48,0	58,0	7,47
Общая родительская удовлетворенность	156,52	80,0	188,0	147,0	169,0	17,07

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отличие от обыденной практики, богатой проявлениями разнообразных форм отклоняющегося поведения или девиаций в структуре родительства и родительско-детских отношений, в научных исследованиях и специальной литературе феномен девиантности чаще всего замаскирован описанием поведенческих деструкций и формальным подчеркиванием значимости семейного неблагополучия в генезисе детской девиантности. При этом вопросы, связанные с типологическими особенностями отцовства, материнства, прародительства, родительско-детского взаимодействия, до сих пор остаются малоизученными и незаслуженно остающимися без должного внимания специалистов, занимающихся проблемами профилактики и коррекции девиантного поведения. Сказанное подтверждается тем, что бытующая формальная фиксация фактов отклоняющегося детского поведения и привычное его объяснение воспитательными изъянами семьи и школы находят место в большинстве работ, в одном случае особенностями трудных детей, в другом – неблагополучными семейными условиями, в третьем – недостаточной воспитательной работой школы. Действительно опровергать значимость этих субъектов в генезисе деструктивных поступков детей вряд ли кто решится при анализе детской агрессии, аддиктивности, вандализма и др. В этой связи необходимо отметить, что без системно-комплексного девиантологического анализа межпоколенных отношений в структуре родительско-детского взаимодействия даже частичное решение проблем детского отклоняющегося поведения вряд ли возможно. Восполнению данного пробела и посвящена настоящая работа. Учитывая огромный теоретический и эмпирический материал, раскрывающий разнообразные аспекты семьи, родительства и родительско-детского взаимодействия, основной акцент в данной книге сделан на выделении типологии родительских девиаций, типов детского отклоняющегося поведения и типологии девиантного детско-родительского взаимодействия.

Думается, что выделение типов девиантности на различных этапах родительства и отклоняющегося поведения детей позволит более целенаправленному их изучению и разработке методов профилактико-коррекционной работы. Следуя этой логике, в первом разделе книги

представлены типологии и краткие характеристики семей, а также конструктивные и девиантные типологии материнства, отцовства и прародительства. Во втором разделе в обобщенном виде выделены и охарактеризованы детские мультитипологии детских отклонений, отраженные в зарубежных и отечественных работах в прошедшем и текущем столетии (1914–2017 гг.).

Типологические особенности детских отклонений изложены в четырнадцати главах, представляя тем самым возможность их системного анализа и дальнейшего дополнения, с учетом их динамических трансформаций, новообразований и условий их порождающих. Так, например, за пределами книги остались типы, связанные с селфиманией, лайкиманией и фриганофилией, квестманией, а также некоторые деструктивные подростковые субкультуры, типа АУЕ и др. В третьем разделе содержится психодиагностический материал, представляющий возможность определить и прогнозировать последствия родительской девиантности, включая значимость полимодальной типологической стигмации детей в перинатальный и постнатальный периоды, на актуализацию детских девиаций. Однако основное внимание этого раздела сосредоточено на методах психодиагностики потенциалов созидательной и девиантной направленности в структуре родительства и диапозоне родительско-детского взаимодействия.

Подводя итоги выполненной работы, хотелось бы отметить, что в своем стремлении отразить всю имеющуюся в литературе типологическую полноту родительских и детских девиаций мы, с одной стороны, не пытались дифференцировать их на метафорические и на уже апробированные в психолого-педагогической практике, а с другой – типологизировать их по видам отклоняющегося поведения и с третьей – давать какие-либо рекомендации по их профилактике, ибо это в значительной мере увеличило и без того большой объем работы. В этом случае родителям, психологам, педагогам и детям, взявшим в руки эту книгу, представляется возможность, подобно начинающим врачам, изучающим патологию человека, «переболеть» теми или иными типами отклоняющегося поведения, чтобы затем опровергнуть свои сомнительные диагнозы или внести позитивные коррективы в свой поведенческий опыт, используя при этом рекомендации авторитетных авторов, приведенных в данной книге.

В заключение хочется выразить надежду на то, что Ваше знакомство с содержанием работы поможет обрести конструктивный опыт в совершенствовании межпоколенного родительско-детского взаимодействия, повышении качества семьи и родительства и, конечно, воспитании более жизнеспособного и счастливого нового поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазов Б.Н. Психология проблемного детства. Пособие школьному психологу и педагогу.– М.: Data Свер, 2009. – 248с.
2. Андреева Т.В. Психология семьи. – СПб.: Речь, 2007. – 384с.
3. Афанасьева Т.М. Семья. – М.: Просвещение, 1988. – 285с.
4. Баркан А. Ультрасовременный ребенок. Полезный самоучитель для мам и пап. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 685 с.
5. Байярд Д. и Р. Ваш беспокойный подросток. Практическое руководство для отчаявшихся родителей. – М.: Академический проект, 2015. – 220 с.
6. Белорукова Н.О. Опросник родительско-детского взаимодействия. – Кострома.: Авантитул, 2007.– 40 с.
7. Бикеева А.С. Как стать феноменальным родителем и создать Семью Особого Назначения? – СПб.: Речь, 2011. – 208 с.
8. Ватова Л.С. Социально-психологические основания молодёжного вандализма и его профилактика.– М.: Народное образование. МПСИ, 2007. 298 с.
9. Дмитриева Н.Ю. Кризисы детского возраста: перевоспитываем неряху. – Ростов н/Д: Феникс, 2016. – 151, [2]с. – (Психология).
10. Дружинин В.Н. Психология семьи. – М.: КСП, 2013. – 158 с.
11. Захарова Ю.А. Энциклопедия детских проблем. – Ростов н/Д.: Феникс, 2011. – 253 с.
12. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы.– СПб.: Питер, 2010. – 352 с.
13. Зойя Луиджи. Отец: Исторический, психологический и культурологический анализ. – М.: Книжный дом « ЛИБРОКОМ», 2013. – 280 с.
14. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребёнка. – М.: Форум, 2011. – 112 с.
15. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью. М.: Психотерапия, 2007. – 336 с. – (Советы психолога).
16. Коркина М.В. Дисморфомания в подростковом и юношеском возрасте.– М.: Медицина, 1984, 224 с.
17. Клейберг Ю.А. Девиантология: Хрестоматия. – СПб.: Речь, 2007.– 412 с.
18. Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнов С.Д. Подростки групп риска. – СПб.: Питер, 2005. – 335 с.
19. Корчагина Ю.В. Неблагополучные семьи: факторы риска и методы работы. – М.: МГПИ, 2010. – 118 с.

20. Крыжановская Л.М. Психология семьи: проблемы психолого-педагогической реабилитации. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 200 с.
21. Кузнецов А.В. 100 Советов Доктора Папы, или Как воспитать Счастливого Ребёнка. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 223 с.: ил. – (Доктор Папа).
22. Куфтяк Е.В. Диагностика удовлетворённости родительства.– М.:УЦ «Перспектива», 2016. – 28 с.
23. Куфтяк Е.В., Лопатникова Д.А. Профилактика девиантного материнства. – Кострома.: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2008. – 40 с.
24. Леви В.Л. Как воспитывать родителей, или Новый нестандартный ребенок. – М.: Торобоан, 2010. – 416 с.
25. Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. – М.: Педагогика, 1991.– 176 с.
26. Мазлиш Э. Свободные родители, свободные дети. – М.: Эксмо, 2012. –320 с.
27. Максимов А.М. Дети как зеркало. Как подружиться с собственным ребёнком, меняясь самому. – СПб.: Питер, 2017. – 288 с.
28. Маленкова Л.И. Основы родительской педагогики. – М.: Изд-во УЦ «Перспектива», 2011. – 120 с.
29. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения.– СПб.: Речь, 2005. – 445 с.
30. Маховская О. Непослушный ребенок: перезагрузка. – М.: Эксмо, 2012. – 288 с.
31. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
32. Павлов И. Как я (на) учился жить без папы, лежать в больнице, любить маму и многому другому… Книга для мам и сыновей. – М.: Генезис, 2013. – 112 с. – (Родительская библиотека).
33. Райгородский Д.Я. Родители и дети. – Самара.: Издательский Дом БАХРАХ – М, 2003. – 784 с.
34. Ризонер. Р. 5 главных стратегий высокоэффективных родителей, или 5 главных правил воспитания счастливых детей. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2009. – 288 с.
35. Селигман, М. Обычные семьи, особые дети. – М.: Теревинф, 2009. – 368 с.
36. Семьеведение: учебник для бакалавров/ под ред. Е.И. Холостовой, О.Г. Прохоровой, Е.М.Черняк. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 403 с.
37. Семья: психология, педагогика, социальная работа. / Под ред. А.А.Реана. – М.:АСТ, 2010.–576 с.
38. Уэбстер-Страттон, К., Герберт, М. Проблемные семьи – проблемные дети. Работа с родителями: процесс сотрудничества. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010. – 488 с.
39. Фетискин Н.П. Практическая девиантология. – М.- ФОРУМ: ИНФРА-М, 2015. – 272 с. (Высшее образование).

40. Фетискин Н.П. Психодиагностика детско-родительских девиаций. Практикум. – Москва – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 87 с.
41. Фетискин Н. П., Миронова Т. И., Шепелева С.В. Психодиагностика детско-молодёжной девиантности. – М.: Издательство «Перо», 2017. – 250 с.
42. Фетискин Н.П., Миронова Т.И., Шепелева С.В. Детско-молодежная девиантология. – Кострома.: КГУ, 2016. – 379 с.
43. Фуллер Э. Рождённые бунтовать. Воспитание трудных и талантливых детей. – М.: РИПОЛ классик, 2010.– 320 с.
44. Шапарь В.Б., Бондаренко В.В. Подростки-неформалы: детские шалости или группа риска?- Ростов н/Д: Феникс, 2012.–350 с.
45. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.
46. Шольц Ф. Недостатки характера в детском возрасте: Руководство для воспитания в семье и школе. Репр. воспроизведение изд.1914 г.–М.: Эксмо, 2009.– 192 с.
47. Эбехард Девид. Дети у власти: как мы растим маленьких тиранов, которые управляют нами; [пер. с англ. В.В.Черепанова]. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 304 с. – (Квест для родителей).
48. Эйдемиллер Э.Г., Юцтискис В.В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2002. – 656 с.

Козлов В.В., Фетискин Н.П.

Трудные дети

Директор издательства: М.Г. Бурняшев
Компьютерная верстка
и техническое редактирование: С.М. Бурняшев
Художник: Н.Г. Зотова
Корректор: М.В. Зыкова

Сдано в набор 15.11.2017. Подписано в печать 10.1.2018.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 34
Тираж 500 экз. Заказ №

ИНСТИТУТ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

Институт осуществляет профессиональную переподготовку специалистов (второе высшее образование) для тех, кто имеет первое высшее образование и хочет получить новую специальность в сфере практической психологии.

Форма обучения: заочная с использованием дистанционных образовательных технологий.

Документы об окончании: Диплом государственного образца

В программе профессиональной переподготовки «Интегративная психология и психотерапия» практические семинары личностного роста, построенные на новейших достижениях интегративной психологии, психологии личности, психологии управления и менеджмента, социального сознания и бессознательного.

Цель практических семинаров: развитие личностного потенциала и расширение сознания, получение эффективных практических профессиональных психологических навыков, умений для раскрытия телесных, эмоциональных, когнитивных, креативных возможностей личности.

Автор и руководитель программы – профессор, доктор психологических наук **Козлов В.В.**

Условие обучения:

Программа включает в себя 6 - практических семинаров на выбор из расписания руководителя программы (расписания на 2016 год). Написание и защита дипломной работы, которая в будущем может стать основой для дальнейших научных исследований (кандидатской диссертации). Теоретическая часть - изучение монографий и учебных пособий по интегративной психологии профессора Козлова В.В. и видео лекций.

Стать специалистом в области «интегративной психология» – реально!

Координаты : Ректор института Андрей Сукманюк sukmanyk@mail.ru
Сайт **integratio.ru тел. +7 915 1266044**
Руководитель специализации: Владимир Васильевич Козлов
kozlov@zi-kozlov.ru Личный сайт http://www.zi-kozlov.ru, Тел. +79159911278

ЖУРНАЛ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ»

(свидетельство Минпечати РФ ПИ № 77-15750 от 20.06.2003 г.) (ISSN 1812-1985, размещение РИНЦ постатейно)

Рубрики тематического указателя:

- Государство и управление. Социальные науки.
- Общественные отношения. Политическая психология.
- Философия. Социология. Социальная психология. Социальные сообщества. Личность.

Тематика:

• Фундаментальные проблемы социальной психологии.
• Организационная психология и менеджмент
• Социальная психология в образовании.
• Социальная психология в здравоохранении
• Социальная психология в системе госслужбы
• Психосоциальная работа с населением.
• Современные социально-психологические проблемы общественного развития.

- **Периодичность**: Издается два раза в год в марте, ноябре, распространяется по подписке.

Соучредители издания: ООО «Международная Академия Психологических Наук» (г. Ярославль); Автономная некоммерческая организация «Институт инновационных технологий» (г. Москва); Федеральное государственное унитарное предприятие «Межотраслевой центр эргономических исследований и разработок» и Межрегиональная общественная организация «Эргономическая ассоциация» (г. Тверь).

Главный редактор: Президент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор Козлов Владимир Васильевич

Правила оформления и публикации статей. При подготовке рукописей статей просим авторов руководствоваться следующими правилами:

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

2. **Построение статьи.**

Сведения об авторе:

- фамилия, имя, отчество (полностью) (на русском и английском языке);
- полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора (на русском и английском языке);
- адрес электронной почты для каждого автора;
- почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов).

Название статьи (сокращения в названии недопустимы) (на русском и английском языке)

Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы

(6-8 строк) (на русском и английском языке).

Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) (на русском и английском языке)

Ссылки в тексте пример - [Журавлев, 2011]

В конце указывается **библиографический список** он должен содержать не более 15 источников.

3. Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц установленного формата.

4. Библиографические ссылки обозначаются арабскими цифрами в квадратных скобках; таблицы и рисунки нумеруются последовательно в порядке первого упоминания в тексте. Название таблицы помещается в тексте над таблицей, название рисунка – под ним. Данные, представленные в таблицах, не должны дублироваться в тексте или рисунке. Количество табличного и графического материала должно быть целесообразным.

5. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и исправлять статьи.

6. Текст статьи и сведения об авторе (авторах) направляются на адрес электронной почты журнала.

7. Оплата стоимости публикации и дополнительных услуг производится автором в адрес Главного редактора на карту Сбербанка.

Стоимость публикации:

- публикация статьи размером до 5 машинописных страниц установленного формата - 500 рублей;
- публикация каждой дополнительной страницы статьи - 100 рублей;
- при заказе автором более одного экземпляра журнала - 90 рублей за каждый экземпляр;
- размещение рекламы заказчика (размером не более половины страницы формата А4) - 1500 рублей.

Перевод денег: Карта Сбербанка 5469 7700 1073 8475

Контактный тел: 89159911278 (Козлов В.В.)

Адрес электронной почты: kozlov@zi-kozlov.ru

ИНСТИТУТ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И СИСТЕМНЫХ РЕШЕНИЙ

С момента своего основания Институт консультирования и системных решений (ИКСР) организует и проводит различные обучающие программы (в том числе и международные), ведет издательскую, просветительскую, консультационную и психотерапевтическую деятельность. Лицензия на образовательную деятельность № 037164 от 24 февраля 2016 года.

- Системно-феноменологическая психотерапия (консультирование) и семейные расстановки®.
- Системная работа в организации и организационные расстановки®.
- Системная работа с бессознательным и клиентцентрированные расстановки®.
- Системное оргконсультирование и системный коучинг.
- Структурные расстановки® и расстановки «внутренних частей».
- Консультирование и терапия пар.
- Системные расстановки® в индивидуальном консультировании.
- Курс профессионального мастерства (мастер-курс) по системно-феноменологической психотерапии (консультированию) и семейным расстановкам® для практикующих специалистов.
- Гештальт-терапия.
- Интегративная травматерапия.
- Кинезиология.
- Системная терапия и консультирование.
- Системная сексуальная терапия.
- Подготовка бизнес-тренеров.
- Подготовка менеджеров по персоналу.

На сегодняшний день уже более двух с половиной тысяч специалистов из разных регионов России, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии, Казахстана и Узбекистана получили профессиональную подготовку по этим направлениям и большинство из них успешно работают в различных организациях или развивают свою частную практику.

Основным направлением деятельности Института является развитие системно-феноменологической психотерапии (консультирования) (СФП) и системных расстановок® (СР). ИКСР является ведущим в России и русскоязычном пространстве Институтом, обучающим системным расстановкам®. Мы признаны Общероссийской профессиональной психотерапевтической лигой (ОППЛ), Немецкой ассоциацией системных решений (IAG/DGfS). Наши программы обучения базируются на мировых и европейских стандартах качества, предъявляемых к подготовке специалистов в области психотерапии, психологии, системной терапии и системных расстановок, а по многим параметрам превосходят их, т.к. учитывают социокультурные особенности и менталитет обучающихся на наших программах людей. Высокий уровень подготовки специалистов в ИКСР многократно признавался многими отечественными и зарубежными коллегами и организациями.

Нашими партнерами по организации обучающих программ и семинаров в разное время были и являются Вислохский институт системных решений (WISL,

Германия), Институт системной практики, расстановок и реконструкции (APSYS, Австрия), Институт сексуальной терапии (ISH, Германия), Профессиональная психотерапевтическая лига (ППЛ, Россия).

С нашим институтом сотрудничают такие известные европейские специалисты, как Гунтхард Вебер (Германия), Хантер Бомон (США-Германия), Якоб Шнайдер (Германия), Альбрехт Мар (Германия), Йохан Швайцер (Германия), Ульрих Клемент (Германия), Клод Росселе (Швейцария), Вильфред де Филипп (Германия), Томас Брайсон (США-Германия), Диана Дрекслер (Германия), Гунхильд Бакса (Австрия), Марианна Франке-Грикш (Германия), Зиглинда Шнайдер (Германия), Урсула Франке-Брайсон (Германия), Ульрика Реддеманн (Германия), Констанце Почка Ланг (Франция), Карен Шёбе (Австрия), Роланд Шиллинг (Германия) и др.

Ведущими сотрудниками ИКСР являются: Михаил Бурняшев, Наталья Андреева, Надежда Захарова, Лариса Лапина, Нина Пасютина, Андрей Механтьев, Татьяна Канищева, Ольга Иванова.

Помимо обучения, наши специалисты проводят клиентские и терапевтические семинары, индивидуальные консультации, личную терапию и супервизию.

ИКСР активно сотрудничает с организациями, заинтересованными в проведении обучающих программ и клиентских семинаров в других городах. Наши программы проходили и проходят в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Казани, Хабаровске, Владивостоке, Перми, Краснодаре, Челябинске, Уфе, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Киеве, Запорожье, Севастополе, Риге, Таллине, Вильнюсе, Минске, Алматы, Южно-Сахалинске, Ижевске, Чите, Красноярске, Воронеже, Тамбове, Пензе, Набережных Челнах, Оренбурге и др. Нашими ведущими партнерами в России и ближайшем зарубежье являются Инга Румянцева (Санкт-Петербург), Яна Евсеева (Новосибирск), Елена Кузнецова (Челябинск), Ольга Князева (Эстония, Таллин), Наталья Клевцова (Ростов-на-Дону), Галина Шабайлова (Беларусь, Минск), Галина Иванова (Владивосток), Инга Купцова (Иркутск, Чита), Анна Гришандина (Нижний Новгород), Ирина Бердник (Краснодар), Гузель Магизова (Уфа) и др.

ПРИНЦИПЫ НАШЕЙ РАБОТЫ:

- Высокий уровень специалистов
- Высокое качество обучения
- Постоянное совершенствование
- Доступные цены
- Инновационный подход

☎☎: Офис ИКСР:+7 495 3150062; +7 495 3150061
Обучение: +7 495 744 6260; +7 925 004 3464
Клиентские группы, семинары и трениги: +7 495 518 2594
Консультации: +7 926 214 6260
Продажа книг, DVD и др.: +7 926 217 7593
Оптовая продажа книг: +7 905 566 1641
(с 10 до 19 ч.)
e-mail: iksr.office@gmail.com; rasstanovka@yandex.ru
www.rasstanovka.ru